ДЕНЬ *и* НОЧЬ

литературный журнал для семейного чтения

2008
№3
осень

«Болящий дух врачует песнопенье.
Гармонии таинственная власть
Тяжёлое искупит заблужденье
И усмирит бунтующую страсть»

Е. А. Баратынский

Главный редактор
Марина Саввиных

Заместители главного редактора
Эдуард Русаков
Александр Астраханцев
Иван Клиновой
Елена Тимченко
Михаил Стрельцов

Секретарь
Наталья Слинкова

Редакционная коллегия
Николай Алешков
Набережные Челны
Алексей Бабий
Красноярск
Владимир Балашов
Саяногорск
Юрий Беликов
Пермь
Светлана Василенко
Москва
Михаил Гундарин
Барнаул
Андрей Иванов
Кемерово
Александр Колесов
Владивосток
Сергей Кузнечихин
Красноярск
Валентин Курбатов
Псков
Александр Лейфер
Омск
Евгений Мамонтов
Владивосток
Евгений Попов
Москва
Лев Роднов
Ижевск
Анна Сафонова
Южно-Сахалинск
Александр Силаев
Красноярск
Михаил Успенский
Красноярск
Илья Фоняков
Санкт-Петербург

Роман Солнцев

Ода Красноярску

Стихотворение написано Романом Харисовичем в больнице, незадолго до роковой даты — 17 апреля 2007 года. Скорее всего, это его последние стихотворные строчки…

Я много видел городов,
Бывал в Париже, в Сан-Франциско,
Но повторять сто раз готов:
Мне это скучно и не близко.

Я плыл средь ласковых морей,
Ступал на плиты Вавилона,
Но мне милее Енисей,
Тайги таинственное лоно.

Здесь плыли струги ввечеру
И молвил атаман Дубенский:
— Поставим, братья на яру
Острог высокий, град вселенский.

И ты поднялся, Красноярск,
В краю собольем и медвежьем.
Скитам монашеским свояк —
С космическим Правобережьем.

И ты поднялся, город мой,
С державной славой повсеместной,
На флаге — с львиной головой,
С часовенкою поднебесной.

Ты был к царю с почётом зван
И сам был к местным людям ласков.
Объединил ты нганасан,
Эвенков, ненцев и хакасов.

В твоей часовенке огонь
Проезжих приглашает в гости.
Но нашу родину не тронь —
Найдётся место на погосте…

Нас повергала смута в прах,
Но снова ты вставал сердито,
Весь — из кедровых красных плах,
Весь — из сурового гранита.

Пусть за Уралом города
Цветут с названием — Герои!
Но коль в Московии беда,
Скажите, кто встаёт горою?

Надень, правительство, очки!
Нам ни к чему в словах туманы!
Где — золотые рудники?
Где — нефтяные океаны?

Где — уголь чёрною стеной
Идёт сквозь землю до Байкала?
Здесь, где вознёсся город мой,
Что там Москва бы ни болтала!

Но почему ж нам тяжелей?
И что ж зимой мы одиноки?
Звенит угрюмый Енисей,
Молчат в степях седые боги.

Но есть характерец у всех,
Кого зовут сибиряками.
На все обиды — только смех,
Ответим белыми снежками.

Астафьев нас учил тому,
Оставил Суриков заветы.
Мы выше многих по уму,
И кто-то сердится за это.

Но мы простим и в этот раз
Пустую ревность, злую птицу…
Поверь, мой милый Красноярск,
Тебя мы любим, как столицу.

Все в небе спутники — твои —
Бесстрашно чертят мрак кромешный!
Певцы в Европе — соловьи
Отсюда, из Сибири снежной!

И в Третьяковке, где народ
Встал, красотою поражённый,
Незримо в воздухе плывёт
Наш гений, похвалой смущённый…

Спасибо, Красноярск, за труд,
За свет, за песни, за фонтаны.
Тебя столетья не сотрут,
Не одолеют ураганы.

Недаром слышно ввечеру,
Как молвил атаман Дубенский:
— Поставим, братья, на яру
Острог высокий, град вселенский.

Цвети ж, мой Красноярск, живи,
Века считая, как мгновенья,
Достойный славы, и любви,
И радостного поклоненья!

Вениамин Зикунов

Надо мною ходит Млечный путь…

17 июля 2008 года в Дивногорске на 71 году жизни скончался поэт, прозаик, журналист, автор ярких талантливых произведений для детей, наш друг и товарищ Вениамин Карпович Зикунов. Его стихи, при всей своей простоте, естественности и бесхитростности, полны глубокой мудрости, тончайшей иронии, доброты и тепла, достигающих сердца любого читателя — и самого искушённого, и детски наивного.

Мы уверены, что каждый, кто когда-то открыл для себя замечательного сибирского писателя Вениамина Зикунова, навсегда сохранит в памяти его светлые и пронзительные строки.

Редакция «ДиН»

Зима

А на дворе зима…
В снегах мой дом и сад.
Как белый кот, спит снег на скате крыши.
Под лавкой у печи недремлющие мыши
Засохшей коркой мирно шебуршат…
Покой в душе,
как будто жил я так,
Что буду вечен в памяти народа:
Открыл звезду,
закончил «Идиота»
Иль знамя водрузил я на Рейхстаг…
Что говорю?
Подействовал мороз?
Иль одурел я от зимы и ветра,
Гипноз ли полонил рябинового света,
Или избы таинственный гипноз?
Ну, что с того —
я не осилил взлёт!
Живу, как все…
Вот вырастил рябину,
Собрал плоды в плетёную корзину,
Сварю семье рябиновый компот…
Ну, что ещё?
Ах, да…
Два дня назад
Я вышел на трибуну в светлом зале…
Пустяк?
Но кой-кого за это награждали —
Я выступил, не требуя наград…
И вот я рад зиме…
Душа моя поёт.
Сегодня отдан весь я в услуженье снегу…
Скрипят дрова в печи, как будто бы телегу
Худая кляча медленно везёт…

Песня

Слёзы лили на могиле
И бросали медяки.
В ноги крест, как вешку, вбили
По-хозяйски мужики.
А потом на лавки плотно
Все уселись помянуть.
Пили долго и охотно
И покрякивали чуть.
После пятой оживились,
Зашумели, как шмели.
Кто-то молвил: «Мы явились
От земли и для земли.
Что грустить? Споём, ребята,
Песни те, что он любил,
Ведь покойничек когда-то
Запевалой первым был».
Песня робко встрепенулась
И по горнице прошла.
Вдруг к дверям она рванулась
И помчалась вдоль села…
Набирала песня силу,
Над землёй от песни гул…
Человек в сырой могиле
Улыбнулся…
И уснул.

~

О, люди Земли!
Вас молю — полюбите меня!
Я сердечным пожаром объят —
выносите меня из огня…
Я тону!
Ледяной и осенней шугою затёрт —
Я уже под мостом,
о, спасите,
ныряйте в пролёт…
Заблудился в тайге,
обессилел,
упал у подножия пня —
Вертолёты страны
поднимайте на поиск меня…
Умираю,
лежу на вокзале в грязи,
я ничей!
О, спасите меня —
привезите кремлёвских врачей…
Я молю — полюбите меня!
Это просто!
Это вам по плечу.
На любовь я любовью отвечу,
за добро я добром заплачу…

Скрипка и…
немного о себе

Как чья-то робкая улыбка,
Как чистый неподкупный дар,
Терялась маленькая скрипка
Средь контрабасов и литавр.
И полон жалости и муки,
В руках тревожных скрипача,
Как птица пленная,
в испуге
Смычок метался у плеча.
Солист хрипел на сцене тесной
С бумажной розой на груди…
О, скрипка! Здесь тебе не место,
Взорвись,
взбунтуйся
и уйди,
Уйди без спора и без брани,
Пойми,
тебя не слышит зал…
Ты вспомни —
жили Глюк и Скрябин…
Доверься —
покажу вокзал!
Молчишь?
Я знаю.
В самом деле
Решиться сразу нелегко…
У скрипача усы блестели
От слёз твоих и слёз его.
Не можешь?
Медлишь?
Понимаю…
Зарплата твёрдая…
Семья!
Я, скрипка, как и ты, страдаю
В оркестре грубом бытия…

Памятник в глубинке

Сижу, тружусь я до утра,
И незаметны, и тихи
Уходят с кончика пера
Мои незрелые стихи…
Пишу про хлеб и про рассвет,
И отмечаю важность дат…
И на обочинах газет
Стихи, насупившись, стоят…
Меня обходят стороной
Шальная слава и почёт,
Но есть читатель только мой —
Он обязательно прочтёт…
Он свой, знакомый человек,
Он вечно занят, он спешит.
Меня увидев, сбавит бег,
С улыбкой скажет:
«Жив пиит…
Читал вчера про шелест вьюг,
Всё складно, да и смотришь в суть.
Вот было б время, веришь, друг,
Их заучил бы наизусть…
Трудись, дерзай, иди вперёд,
Как говорится, неуклонно…
Ты просто Пушкин, но не тот,
А так — в значении района».
…Довольный отзывом вполне,
Иду я, гордый, по тропинке.
И чудится, что скоро мне
Поставят памятник в глубинке.
И все поймут издалека,
Что это памятник поэту…
Его гранитная рука
Писала в местную газету…

г. Дивногорск

~

Я живу богато в этом доме скромном —
Мелкая песчинка в космосе огромном.
Надо мною ходит Млечный путь по крыше,
Шебуршат в подвале подо мною мыши.
Бьёт берёза веткой в форточку, что настежь.
А в соседнем доме есть соседка Настя.
На романы лёгкие я уже не падкий,
Но живёт Настёна, в этом и загадка,
В этом моя радость, в этом мои будни,
Что со мною рядом обитают люди.
Выйду завтра утром, у ручья умоюсь
И девице Насте поклонюсь я в пояс.
— Ты сдурел ли чё ли? — скажет мне девица, —
Чё я тебе, барыня, или же царица?
Ах ты, Настя, Настя!
Не гневись ты взглядом,
Просто я богаче, что живёшь ты рядом.
Что ручей не высох, есть трава и кони,
Мыло, как цыплёнок, у меня в ладони.
Ах ты, Настя, Настя, глупая ты Настя!
Много ли мне надо для большого счастья?

Владимир Нешумов

Код безмерности

В марте 2008 года ушел из жизни замечательный поэт, постоянный автор и член редколлегии журнала «День и Ночь» Владимир Нешумов.

Конструктор

Владимир Нешумов выпал из времени. Его не знает никто, кроме тех, кто его знал. Простите за этот идиотский каламбур, возможно, что и неуместный в поминальной моей короткой заметке о старом (во всех смыслах этого слова) товарище, но это — так. Его имени нет ни в одной литературной энциклопедии, его единственная книга «Виток» вышла в 2000 году тиражом 500 экземпляров (издательство при журнале «Золотой век», спасибо коллеге-поэту Владимиру Салимону). Печатал его в основном «День и Ночь», членом редколлегии которого Нешумов являлся вплоть до своей внезапной смерти от сердечного приступа в марте этого года. Да редкие экзотические малотиражные издания вроде журнала поэтов «Дао Даос». Столичные толстые литературные журналы его не поняли и не приняли.

А я между тем гадаю — великий он был поэт или просто замечательный мастер складывать странные слова, ловить ускользающие, потаённые смыслы жизни. Ведь недаром, наверное, ещё в давние времена советской власти, на одном из его «кухонных» чтений вдова гениального русского мистика Даниила Андреева, впервые услышавшая его стихи, подарила ему «самиздатский» экземпляр книги озарений «Роза мира», присовокупив к подарку лестные слова о том, что *его стихи примерно о том же.* С его поэзией были знакомы Василий Аксенов, Белла Ахмадулина, Виктор Ерофеев, Юрий Домбровский, Владимир Кормер, Дмитрий Александрович Пригов, Федот Сучков. Роман Солнцев написал о нём в середине 70-х повесть «Конструктор», где, говоря языком доносов на эту повесть, которые немедленно последовали за публикацией, «протащил» в официальную печать «малопонятные тексты современного кликуши и юродивого, демонстративно не замечающего, где он живёт»». В какой прекрасной, так сказать, стране, перекрывшей Енисей и уверенно шагнувшей в космос.

Доносчикам было невдомёк, что «кликуша и юродивый» имел к упомянутому космосу непосредственное отношение. Выпускник Казанского авиационного института, он работал в секретном городке Красноярск-26, участвовал в запусках, но его космическая карьера оборвалась из-за страшного преступления, которое именовалось «Чтение и распространение антисоветского пасквиля ‹Доктор Живаго›». После чего Нешумова и его жену, красавицу-поэтессу Лиру Абдулину, в одночасье выперли из секретного городка, лишив *допуска*, и они, вместе с маленьким тогда сыном Рустемом, принялись скитаться по России: Ачинск, Рязань, город Михайлов Рязанской области, где Нешумов вновь сделал карьеру, став главным инженером цементного завода «Спартак» и видным специалистом «по цементу», Белгород, Старый Оскол Белгородской области, где и закончились его дни.

Он жадно и весело жил, несмотря на все трагические обстоятельства своей жизни, где покинутый космос был всё же мелочью по сравнению с внезапной смертью в 1987 году его любимой Лиры Абдулиной, трагической гибелью дочери Оли несколькими годами позже. Он лихорадочно жил — путешествовал, дружил и встречался с разными личностями нашей страны и мира, начиная от провинциальных правдолюбцев, странников, и заканчивая художником-модернистом корейского происхождения Ильёй Хегаем, русской баронессой N. из немецкого города Зальцгиттер, а также функционером, бывшим засекреченным изобретателем спутников Петром Иванычем, который в новые времена стал официально торговать алмазами да тоже прогорел, сгорел, как его прежние космические изделия, в плотных слоях новорусской дикокапиталистической атмосферы.

Нешумов же не сгорел. Его охранила поэзия, которой он верно служил всю свою жизнь. Полагаю и верю, что его поэтическая жизнь только начинается. Что творческим наследием этого *конструктора языка* займутся всё же филологи и литературоведы, отвратив наконец-то свой зачарованный взгляд от модных, раскрученных имён отечественных и зарубежных современников. Что, привлечённые этими изысканиями, у него наконец-то появятся читатели, и его имя станет известным, как известны теперь даже малопросвещенным людям имена Хлебникова и Кручёных. Что у него будут учиться молодые поэты.

Впрочем, он уже занял своё место в русской литературе, где каждому творцу, если он истинный, всегда заготовлено это место вне зависимости от рангов, известности, наград, количества публикаций и накопленных денег. Если он истинный.

Евгений Попов,
специально для журнала
«День и Ночь»
Москва, 28 августа 2008

Год
фенологические заметки

Наружны округи
февральские вьюги,
помол ветряной,
который виной —

и снежного дола,
и в комнатах дома
кривляний окольных
на стёклах оконных…

и долог ночной
огонь выпечной:
от замысла теста
до кренделя текста.

~

В марте, когда бело-розовы на закате взгорковые берёзы, и хвостом кота над кровлей между облаком и садом поставлена запятая, любитель подлёдного лова, за день возле пробурённой лунки страсть-азарт утолив, оглядит, потягиваясь, озёрную округу, — экая она вся туманная, поверху завитая… — и затемно к печке избяной возвратясь, обожателю весеннего лунного зова плотвичку обязательно уделит.

~

Назван-именован «Бешеным» ложок из-за того, что во время паводка в апреле из-под Вислого леска за поводки-овражки из оскалов сугробов может собрать неуёмую свору-страсть якобы на охоту и силой земного тяготения зело умножить скорость борзой воды, чтобы, тало пенясь и пузырясь, к ледоходу реки не стыдно было и прибыльно ей припасть… кому — смех и радость, иным — недалеко до беды, но — короток даже в большие снега этот разливанный бег — не дольше недели.

~

Согревает солнце пруд,
созревает рыб икра;
скоро нереста игра,
коль осокори не врут.

Сад цветением объят
и гуденьем — сетью пчёл,
и не знает, что почём,
и заманивает взгляд.

Соловьями полон май
и словами о любви;
не стихают соловьи,
словно эхо: «Милый мой…»

~

Потаённый июнь, прозванный ловцами карася и красавицы краснопёрки «на рыбу плюнь», для сбора поляной в лесу ягоды земляники — прекрасная пора, и это даже не смотря на то, что — парная жара, и повсюду комарья — мириады; но современный собиратель — не промах: скинет рубаху, нарепеллентится и без помех наклоняется — с Божьим подарком соприкасается; устанет если — опускается на коленки, иной так и вовсе — покатом, лёжа… а после, дома за столом, из тарелки ложкой — ароматно-сладкую! — лучше всего с молоком.

~

Во все стороны богата ягодниками-травой-листвой середина лета; солнечно если, но — духота с утра, и безросно — к вечеру, значит, наверняка из-за горизонта облака накатит зюйд-вест кучевой влагобрюхатой гурьбой с молниевой между собой и землёй похвальбой, что ливней с лихвой достанет на всех окрест; луговина, естественно, будет примята, но стадо зато бока веселей наест, и справедлива опытного грибника примета: чем июль грозовей, на опушке взору тучами лиловей, тем волнушки в дремучем ельнике — розовей.

~

В воздухе августа,
будто бы нет у них возраста,
юные ласточки в стаях
неотличимы от старых.

Семечком яблока
мнится на озере ялика
облик, особенно если
о созревании мысли.

Звёздные россыпи
видятся, слава Те, Господи,
в ясные ночи на листьях
и в запрокинутых лицах.

~

Найденный среди прочих крепенький, морковного цвета, похожий на воронку гриб рыжик вынуть из корзинки, осмотреть — нет ли порчи, обобрать паутинки-травинки-хвоинки, лезвием ножа слегка поскоблить, одуть, положить раструбом вниз на вырезанную из ветки рогульку, посыпать веер пластинок солью, подержать-распарить над уголями костерка, остудить и хрустко закусить им стопарик: озера прозрачная вода, вечерняя заря янтарного серебра, высокая на песчаном угоре сосна, атициклонная, ничем и никем не нарушаемая тишина, — благоприятны для труда созерцания.

~

Опускается на воду опадающий золото-багряный лист, над лодкой посвистывает удилищем и силиконовой лескою спиннингист: увядания печаль октября он переиначивает на часок-другой в радость удачей улова, когда на блесну попадается ему колючепёрый полосатый окунь-горбач, глубинная радуга бочага, напоминая весну… по рецепту Похлёбкина вечером этот почти килограммовый уклейко-глотатель будет запечён в духовке в собственном соку, в чешуе — целиком; остальные красавцы, которые помельче, — соседу, охочему до холодной ушицы, — на опохмелку.

Ненастья унылая праздность;
ухи не бывает в наклёве;
расходовать некуда пряность,
и нет утешения в слове.

Влечёт рыболова к буфету —
достать «аппетитные капли»
и специи, чтобы к соседу
пойти не с пустыми руками.

В ответ на лаврушку и перец
в ноябрьские морось и слякоть
одарит сосед свинодержец
печёнкой и шницелем с лапоть.

Озёр отражательная зрячесть-акварель и стремительные отвесы капелек-дождинок минусами по Цельсию в декабре преображаются в бельма ледостава и медленную из тучки с небес процессию шестилучегранок-снежинок… ночные тайны округи окажутся утром явными: с увлечением весь короткий погожий день старательно занят на лыжах прочтением книги вчерашней вечерней пороши глазастый грамотный следопыт, который запросто разбирает любые почерки свежих отпечатков по снегу лап и копыт.

В иньево-морозном январе, особенно после дымчато-синих сумерек, на юго-востоке, от пояса Ориона слева наискосок, над лесом необычайно ярко светит-сияет Сириус, альфа Большого Пса, и расширяет былой прицельный зрачок до печального у старикана, вышедшего на крыльцо; древнегреческий миф о великане-охотнике ему интересен, ход созвездий внутри Вселенной в кольцо-спираль относительно земной поверхности худо-бедно известен, и твёрдо знает он, что — «однова живём», — и во времени-пространстве код безмерности — непостижим.

Уважаемая редакция!

Кажется, что ещё совсем недавно в телефонном разговоре обещал я Р. Солнцеву написать что-нибудь "сезонно-погодное" наподобие "времён года", но к сожалению, не успел сделать это при его жизни — и вот уже приближается годовщина ухода Романа от нас...

Посылаю кольцевую композицию под названием "Год. Фенологические заметки", может быть и пригодится для журнала.

С уважением В. Нешумов

г. Старый Оскол.

Эдуард Русаков

Из новых рассказов…

Валерик

Начало

Я верю в бога, но не верю в вечную жизнь, в бессмертие души. Все мы — заводные игрушки, боженька вставляет в каждого из нас батарейки, и мы живём, пока батарейки не сядут, а потом — чао, привет. И никакого тут нет кощунства, а просто — трезвое понимание реальности. Сам я давно уж избавился от иллюзий, хотя занимаюсь созданием на холсте иллюзорного мира, стремясь передать с помощью красок всю непередаваемую прелесть мира реального.

Да, я художник. Профессионал. Член творческого союза, заслуженный художник РФ, имею мастерскую, всё, как положено. Впрочем, ничего, кроме мастерской, у меня нет. Да и ту грозят отобрать, ссылаясь на 131-й закон. Выставят на аукцион — и выкупай, если есть деньги. А откуда у меня деньги? Покупателей мало, редко кто может польститься на мои полотна, хотя сам-то я себе цену знаю — она высока. Так ведь в нашем провинциальном Кырске нет ни арт-рынка, ни приличных галерей, ни меценатов. Изредка кто-нибудь закажет портрет своей ненаглядной супруги или любовницы — и потом ещё заглядывает через плечо, диктует: ты ей, братан, глазки покрасивше сделай, а то она у меня обидчивая, сука. Так вот и зарабатываю — гроши.

Но вообще-то грех жаловаться — почти всё своё время отдаю любимому делу, каждый день пролетает в работе, которая так мне сладка, что я готов заниматься ею даже бесплатно. В отличие от моих собратьев по цеху, которые только и знают, что строить бизнес-планы да околачивать кабинеты потенциальных спонсоров. Суета сует. Я же из мастерской почти не высовываюсь, тут и живу, другого дома у меня не имеется. Мне ещё нет шестидесяти, но я оформил пенсию досрочно, с учётом инвалидности по зрению (да, я подслеповат, но ведь и Бетховен был глуховат). Грошовой пенсии мне хватает, чтобы не сдохнуть. И сын Ярослав иногда подкидывает — то жратвы, то деньжат. Я его не прошу — сам не забывает одинокого папку. А чего стесняться? Зарабатывает он неплохо в своей фирме, и жена его Светлаша при деле, то есть при нём, в том же офисе секретаршей. Детей у них нет, что им, деньги солить, что ли?

Кстати, скоро Светлаша должна родить, на последнем месяце ходит. Ярослав озабоченный, хмурый, предчувствует море хлопот. А у меня заранее сердце от радости то замирает, то скачет — скоро стану дедом! Одинокая жизнь хороша, конечно, особенно для художника, но иногда такая тоска наплывает, что хоть вешайся, хоть стреляйся. Пару раз я на грани был, честное слово. Никому не рассказывал, но сам-то я этот ужас помню. Первый раз — когда умерла моя жена Тамара. Пусть мы с ней давно уж не жили вместе, но всё равно душой-то были привязаны друг к другу, я вообще человек привязчивый, хоть и капризный, и мнительный, и эгоистичный. Мне всегда почему-то казалось, что если сегодня этот человек — мой, то значит — и навсегда. Ей, Тамаре, наверное, вовсе так не казалось, а вот я — после её внезапной смерти так уж затосковал, так затосковал… несколько дней не ел, из дома не выходил, работу забросил, не мылся даже, совсем опустился, как бич стал. В ту пору меня сын Славка спас — пришёл, растормошил, повёз за город, в лес, на дачу, на озеро… Если б не он — я точно б тогда голову в петлю сунул, или с балкона шагнул, а живу я, кстати, на седьмом этаже.

Второй раз такая же чёрная волна накатила, когда открылась моя юбилейная выставка, приуроченная к пятидесятипятилетию. Предоставили аж два зала в Доме художника, афиши по городу, объявления по радио, интервью по телику, на церемонию открытия толпа собралась, речи звучат поздравительные, букеты, подарки… Казалось бы — радуйся, ликуй! Смотри, как все тебя любят! А у меня — такой мрак на душе, будто я на собственных поминках стою, и все со мной будто прощаются, мол, какой был хороший художник, какой был замечательный человек… Слушаю — и не верю ни единому слову. В каждом слове — фальшь, лукавство, обман. Лица масляные, улыбчивые, а глаза — чужие, холодные, лживые… Глянул на молодых художников, что стояли за спинами стариков — на их лицах не было лжи, там сверкала откровенная усмешка, честный сарказм, искреннее глумление. Молодые глаза не лгут! В этих наглых прекрасных глазах я увидел всю правду о себе и своём искусстве. Никому ты не нужен, старик. Скорей бы ты сдох — и освободил бы свою мастерскую для кого-нибудь из нас. Твоя живопись устарела, как и сам ты, развалина, и твои искусственные зубы тебе не помогут, и твой бархатный пиджак тебя не спасёт, и твои фривольные шуточки лишь свидетельствуют о твоём маразме. Твой поезд не просто ушёл, он тебя переехал, твой поезд.

После того вернисажа я возвращался домой пешком, хотя в мастерской меня ждали друзья и сын с невесткой, и стол, полный яств, и мои замечательные пейзажи и натюрморты стояли вдоль стен — лучшее украшение интерьера… но я не хотел возвращаться, и часа три бродил по тёмному городу, изнывая от собачьей тоски, а когда всё-таки вернулся, то не стал ничего отвечать на обрушившиеся на меня вопросы и упрёки, но

молча сел за стол и выпил полный фужер водки, которая показалась мне простой водой.

Благая весть

У меня нет будильника, но в это февральское утро будто что-то в моей седой башке прозвенело: проснись! Я открыл глаза, глянул на часы — шесть утра. Что такое? Идти никуда не надо, давление, вроде, в порядке, сердце почти не болит, тьфу-тьфу-тьфу, так чего ж мне не спится-то, старому дураку?

Снова лёг и закрыл глаза — и тут же меня пронзило: *он* родился! Мой внук — родился!

Схватил телефонную трубку, набрал номер ординаторской в том роддоме, где лежала Света — и дрожащим голосом спросил:

— Как там Светлана Белякова?

— Только что родила, — ответил сердитый женский голос.

— Мальчик?

— Мальчик, мальчик… узи не врёт.

— Ну и как он?

— Как, как… Какает нормально. Шучу. Всё в порядке, здоровый пацан. Четыре двести. А вы кто — дедушка?

— Конечно! Огромное вам спасибо! А можно их навестить?

— Ну, не сейчас же. Пусть мамаша с ребёночком отдыхают. Позвоните позднее.

— Спасибо! Спасибо! Огромное вам спасибо! — повторял я одно и то же, и даже когда она бросила трубку и зазвучали гудки, я продолжал восторженно повторять: Спасибо, спасибо, спасибо…

Словно благодарил в её лице судьбу за этот бесценный подарок.

А потом я помчался в магазин — и потратил все деньги, какие только у меня были, на подарки новорождённому — накупил всевозможных пелёнок, распашонок, подгузников, игрушек-погремушек. Не сразу сообразил, что тащить всё это в роддом смешно и бессмысленно. Отнёс покупки домой, позвонил сыну — и договорился с ним встретиться в роддоме.

Встретились в приёмной. Сын, в отличие от меня, был спокоен и деловит. Полноватый, высокий, с короткой стрижкой и модной небритостью щёк, в длинном чёрном распахнутом пальто, он стоял возле открытого оконца, где принимали передачи. Славик передал Светлане фрукты и очищенные грецкие орехи (чтобы лучше шло молоко).

— Ну, поздравляю, сынок! — схватил я его за плечи. — Как решили назвать малыша?

— Валерием.

— Значит, Валерик? Ура!

— Да ты тише, тише, папа. Чего ты так разволновался… Можно подумать, это у тебя сын родился. Небось, мне так не радовался в своё время…

— А я то время уже и не помню! — сказал я дрожащим от счастья голосом. — Сегодня — моё время! Лучше скажи — когда я смогу увидеть Валерика?

— Да хоть сейчас. Светлане как раз должны его принести на кормление. Их палата на первом этаже. Пошли.

Мы вышли во двор, подошли к окну, на стекле которого была приклеена бумажка с цифрой «7», сын заглянул в окно, постучал ногтем по стеклу, поманил кого-то пальцем — и к окну подошла Светлаша с ребёнком на руках. Она была в пёстреньком больничном халатике, лицо бледное, под глазами тени.

— Покажи нам его! — крикнул Славик.

Светлаша придвинула к окну драгоценный свёрток, из которого высовывалось круглое розовое сморщенное личико с вытаращенными карими глазёнками.

Да, это был мой Валерик — мой маленький мальчик, которого я так ждал, сам не зная об этом, все последние долгие годы. Это был он, мой малыш. И я заплакал от счастья.

Горе

Дни проходили, а Света всё не выписывалась из роддома. Я уже изнемог в ожидании встречи с Валериком, изводил телефонными звонками и сына, и Свету (у неё был мобильный), и врачей, которые всё толковали о каких-то непредвиденных осложнениях, о необходимости обследования, вгоняя меня в тревожную панику.

— Здоров ли ребёнок? — кричал я в трубку, и мне отвечали:

— Здоров, но нужны дополнительные анализы…

— Зачем же, если здоров? — недоумевал я, чувствуя, что меня водят за нос.

А меня и впрямь водили за нос, не решаясь, видите ли, сказать горькую правду.

Правда же заключалась в том, что ребёнок родился с болезнью Дауна — врождённым хромосомным заболеванием…

— Ну и что? — горячо перебил я сына, когда он, зайдя ко мне в мастерскую, впервые отважился поведать эту тяжкую тайну. — Разве от этой болезни умирают? Будем лечить, будем за ним ухаживать, будем за него бороться… Я тебе буду помогать — обещаю!

— О чём ты говоришь, папа? — страдальчески поморщился Славик. — Болезнь Дауна неизлечима. Мальчик будет отставать в развитии… он так и останется слабоумным, уродом… Да лучше бы он вообще не родился!

— Типун тебе на язык! — ужаснулся я. — Это же твой ребёнок… Как ты можешь говорить такое? Я же видел его — он такой славный, так похож на тебя и на меня…

— Ну, спасибо… — Лицо его передёрнулось, и мне показалось, что Славик сейчас заплачет. — Эх, папа, папа… Ты сам хуже ребёнка… Для тебя он — живая игрушка, утешение в старости, а для меня — горе и наказание… Как ты не понимаешь?

— Значит, надо нести свой крест, — сказал я тихо, опуская глаза. — Разве мы живём только для удовольствия? Это твой ребёнок — чего тут ещё толковать?

— Ладно, хватит, — сухо отрезал сын. — Ты меня не желаешь понимать. Я сам приму решение. Впрочем, мы со Светлашей уже приняли это решение.

— О чём ты?

— О том, чтобы отказаться от ребёнка, — мёртвым голосом произнёс сын, стараясь не смотреть мне в глаза. — И больше ни слова, папа! Не трави мне душу! Мы всё обдумали, всё обсудили со Светой… И врачи нам советовали то же самое…

— Не может быть! — воскликнул я. — Чтобы врачи — и советовали такое!

— А ты спроси у них, — горько усмехнулся сын. Тебе легко тут произносить громкие слова, а жить-то с этим… с этим несчастным… н а м с ним жить! «Нести свой крест!» А зачем? Зачем превращать свою жизнь в муку и каторгу? Зачем?! Если можно отдать ребёнка на попечение государства, где он будет и сыт, и одет, и мы будем его навещать…

— …и вы будете его навещать… — повторил я, словно эхо, и сердце моё сжалось от боли. — Конечно, сынок, вы будете его навещать… я не сомневаюсь…

— Потому что мы ещё молоды, папа! — воскликнул Славик. — У нас всё ещё впереди, мы ещё родим здоровых детей, и нам надо жить, работать… Моей карьере придёт конец, если я свяжу себя с сыном-олигофреном. И Света зачахнет, погибнет как женщина… а ей всего двадцать два года, папа! Разве тебе её не жалко?

— Мне жалко вас всех, — прошептал я, хотя на самом-то деле мне было жаль только маленького Валерика, едва успевшего появиться на этот негостеприимный свет и уже ставшего нежеланным и ненавистным…

Решение

— Ну, и что в нём такого ненормального? — спросил я врача, когда медсестра принесла в ординаторскую Валерика, закутанного в пелёнки. — Вон как смотрит! А как улыбается!

— Только не трогайте его, пожалуйста, — остановил меня хмурый рыжеволосый доктор, когда я кинулся к своему ненаглядному. — У ребёнка пониженный иммунитет, к нему может пристать любая инфекция. Я и так уж вам разрешил в виде исключения… Чтобы вы сами могли убедиться…

— Да в чём убеждаться-то? Вон какой ангелочек! На младенца Христа похож — с рафаэлевской Сикстинской мадонны! Помните эту картину?

— Помню, помню, — и врач вздохнул, посмотрел на меня как на помешанного.

— Только там, у Рафаэля, младенец такой грустный, такой печальный, словно предчувствует свою трагическую судьбу…

— Это точно, — кивнул врач. — Судьба вашему внуку предстоит нелёгкая.

— Да с чего ж вы решили, что у него болезнь Дауна? Взгляд осмысленный, даже улыбка вон какая жизнерадостная…

— Типичная улыбка олигофрена, — возразил врач. — Да вы гляньте внимательно — симптомы, как говорится, на лице… — И он криво усмехнулся. — Глазные щели расположены косо, широкая уплощённая переносица, явный эпикантус…

— Это ещё что такое?

— Ну… дополнительная кожная складка у внутреннего угла глаза…

— Так и у меня все эти признаки есть! — радостно воскликнул я (хотя чего б тут, кажется, радоваться?) — Зато взгляд-то, взгляд какой осмысленный!

— Ох, и дался же вам этот взгляд… — Врач поводил указательным пальцем перед глазами Валерика. — Ну, видите, он даже не реагирует… а вы говорите — взгляд осмысленный. Смотрим дальше. Приоткрытый рот, увеличенный язык с гипертрофированными сосочками и глубокими бороздами, высокое сводчатое нёбо, деформированные ушные раковины… Неужто вы сами не видите?

— А вы знаете, доктор, что у Льва Николаевича Толстого тоже были некрасивые, петлистые уши? — язвительно сказал я. — Об этом ещё Бунин писал… читали?

— Ну, вы даёте, — хмыкнул врач. — Любовь к родному существу вас ослепила… Что ж, если вам этого мало, скажу главное — генетическое обследование выявило хромосомную патологию.

— То есть?

— Наличие лишней хромосомы, типичное для болезни Дауна.

Я заткнулся. Пауза. Против генетики не попрёшь. Впрочем, плевать мне на эту буржуазную лженауку!

— Может быть, вы и правы, доктор, — сказал я без прежнего энтузиазма. — Но неужто нет никакой надежды на выздоровление? Ну, хоть один шанс? — И я жадно уставился на него, словно от его слов что-то могло измениться.

— Не хочу вас обманывать, — врач покачал рыжей головой — прогноз безнадёжен. Прожить он сможет долго, но — будет резко отставать в развитии и навряд ли в будущем сможет жить самостоятельно. Так что ваш сын и его жена поступили весьма разумно, решив отказаться от этого ребёнка. Государство вполне сможет о нём позаботиться…

— Это наше-то подлое государство?..

— Но другого выхода нет.

— Что же делать… А что, если я — усыновлю ребёнка? — вдруг спросил я тихо (хотя ещё за секунду до этого подобная мысль даже не приходила мне в голову).

— Вы, конечно, шутите? — растерялся врач, потом резко повернулся к медсестре: «Унесите младенца»!

— Нет, я не шучу, — сказал я, быстро укрепляясь в своём решении. — И не советую меня разубеждать. Лучше подскажите, доктор, как мне правильнее оформить все необходимые документы. И куда обратиться, к кому…

— Да зачем вам эта обуза?! — веснушчатое лицо врача побагровело. — Вы немолоды, кто вам доверит ребёнка?..

— Мне ещё нет шестидесяти, и я вполне вменяем и дееспособен, — чуть обиженнно возразил я. — Органам опеки и попечительства не к чему будет придраться, уверяю вас. И я совершенно здоров, если не считать близорукости и лёгкой гипертонии…

— А с больным ребёнком вы быстро схлопочете инсульт! — с каким-то даже злорадством пророчил врач, потирая руки, поросшие рыжими

волосами. — И ради чего? Ради глупой прихоти, ради каприза!

— А если — ради любви?

— Ой, перестаньте. Мы же с вами взрослые люди… И потом — для усыновления необходимо согласие родителей ребёнка. А вы уверены, что ваш сын и его жена согласятся?

Три дня спустя

— Папа, ты сошёл с ума!- кричал мне по телефону сын Вячеслав. — Твоя затея с усыновлением — это бред!

— Почему же, сынок? — я изо всех сил старался сдерживаться и не давать воли обиде и разочарованию, которые меня душили.

— Да потому, что это — абсурд! Где это видано — чтобы дед усыновлял своего внука при живом отце, то есть сыне!

— А что, нормально, — говорю. — раз вы со Светой не можете, я иду к вам на помощь… вот и всё. И никакого коварства тут нет с моей стороны, уверяю тебя, Славик.

— Ты это всё назло, мне назло придумал! — кричал сын, окончательно теряя над собой контроль (а какой же бизнесмен без самоконтроля?). — Ты, вечный эгоист, придумал себе живую игрушку, чтобы тешить своё старческое тщеславие, и хочешь, чтобы все тебя зауважали — что, разве я не прав?

— Может, и прав… — и я рассмеялся. — Но я не так уж и стар, мой мальчик. Ты хоть знаешь, что у меня есть любовница? Я вполне могу и жениться… если захочу, конечно.

— Ты всё врёшь, старый выдумщик! Фантаст! Никаких у тебя нет любовниц, не сочиняй! Я насквозь тебя вижу — придумал себе забаву… Неудачник! В жизни тебе по всем статьям не везло, маму угробил, из-за тебя она так рано умерла…

— Неправда. У неё был рак.

— Из-за тебя! Это ты виноват! И художник ты — так себе, очень даже посредственный… и картин твоих никто не покупает… А уважать себя хочется! Вот и придумал весь этот красивый бред с больным ребёнком!

— Что ж, спасибо, Славик, за откровенность… — мне, конечно же, было очень горько слышать именно от него все эти злые слова. — Спасибо за правду. Но только это не вся правда.

— А что ещё? Думаешь, я поверю в твой гуманизм, в твою доброту? Думаешь, я забыл, как ты легко бросил нас с мамой?

— Ну, ты же знаешь, почему я был вынужден от вас уйти…

— Это всё отговорки! Ты сам её провоцировал! А любил ты только себя! Только себя! И никого больше! И сейчас ты любуешься собой, своим благородством…

— Чего же ты так расшумелся, сынок? — пытался я его остудить. — Ну, плохой я отец и муж, ну ладно, но ты-то чего так уж сердишься? Ты своё дело сделал — отказался от своего ребёнка, а я — решил его усыновить… и это уже не твоя забота… Разве не так?

— Да как ты не понимаешь, папа, что этим дурацким жестом ты оскорбляешь меня? — воскликнул в полном отчаянии Славик. — Ведь ты хочешь меня унизить, выставить на посмешище… Зачем?!

— Ах, вот ты о чём, — и мне стало вдруг очень грустно от сознания того, что мой сын так мелок, так прагматичен. — Тебя больше всего волнует, как это отразится на твоей карьере… на твоём имидже…

— А тебя это не волнует?

— Нет, меня это не волнует, — сказал я безжалостно. — Ничуть не волнует, уж извини. Ведь ты взрослый, здоровый, умный — и ты справишься с этим испытанием. Совесть твоя ещё более закалится. Так закалялась сталь!

— Ты ещё шутишь… — И сын тихо выругался мимо трубки. — Что ж… Я не дам тебе согласия на усыновление.

— Дашь, куда ты денешься, — сказал я без тени сомнения. — И Светлаша даст. Вы же умные. Зачем вам раздувать скандал из этой истории? Чтобы весь Кырск узнал — зачем? Твой белый и пушистый имидж тогда уж точно пострадает. А так мы по-тихому договоримся, я быстренько всё оформлю — и дело в шляпе. Ты же ещё и поможешь мне всё ускорить. У тебя столько связей, сынок!

— Но ты не сможешь с этим справиться, папа! Господи… что ты за человек…

— Справлюсь, сынок. Без твоей помощи справлюсь. А не справлюсь — наше доброе, хоть и подлое, государство заберёт у меня ребёнка. Но тебе я его уж точно не отдам. Ни за что. Никогда.

— За что ты меня так не любишь, папа? — голос его дрогнул.

— Я тебя люблю, но тебе моя любовь не нужна.

— А кому она нужна, твоя вшивая любовь?

— Валерику нужна. И о чём мы сейчас спорим, не понимаю…

Полгода спустя

Всё так и вышло, как я задумал. Сын со Светой дали согласие, чиновники тоже пошли мне навстречу (хотя поначалу и упирались, мурыжили долго и упорно, терзали проверками и придирками). Наконец бумага об усыновлении была зарегистрирована в загсе — мой внук стал моим сыном.

Жить нам трудно, но мы справляемся. Одна добрая женщина, моя давняя бескорыстная подруга (о существовании которой до последнего времени не подозревали ни мой сын, ни Светлаша, вообще никто) заходит к нам иногда в мастерскую, где под антресолями я устроил детский уголок для Валерика. Он лежит там (или сидит) в своей кроватке, сладко спит или бодрствует, плачет или смеётся, и таращит на нас свои бессмысленные раскосые карие глазёнки, и улыбается во весь рот, высунув толстый язык, и забавно шевелит короткопалыми ручками. Эта добрая женщина (знать её имя вам вовсе не обязательно) помогает мне по хозяйству, хотя я её ни о чём не прошу, а если она вдруг когда-нибудь предложит мне как-либо узаконить наши с ней отношения, я, конечно, отвечу отказом. Потому что я вовсе не собираюсь искать для Валерика новую мать — ему хватит и одного меня. И добрая женщина это понимает, чувствует — ведь она же не только добрая, но и

умная, и очень чуткая. Да и навряд ли бы ей захотелось связывать накрепко свою угасающую жизнь с двумя такими нелепыми, хотя и симпатичными уродами, как я и Валерик. По её добрым серым глазам я вижу, что она и меня-то только жалеет и никогда не сможет полюбить моего дорогого, моего драгоценного мальчика.

Да, конечно, я всё понимаю, у меня нет иллюзий. Я понимаю, что вообще любая любовь — это наживка, на которую мы клюём и нас ловит природа (или судьба, или бог, или дьявол — что, впрочем, почти одно и то же, прости меня, господи). Но да пусть будет благословенна эта наживка и этот крючок, и эта ловушка, и весь этот сладкий обман. Без всего этого жизнь наша не имела бы никакого смысла.

Три года спустя

Добрая женщина умерла от сердечного приступа (кто бы мог подумать! — такая была спокойная, тихая, никогда не жаловалась на сердце), а мы с Валериком живы-здоровы, нам хоть бы что… Кто бы мог подумать… Так и живём вдвоём — старый да малый. И ведь как-то справляемся с жизнью!

Вот он вышагивает своими косолапыми ножками по полу моей (нашей!) мастерской, вот он ритмично прихлопывает под музыку коротколапыми ладошками (очень любит, когда я ставлю диски — хоть классику, хоть рок, хоть джаз, хоть попсу, Валерику всё по нраву), а вот он останавливается возле холста, над которым я снова колдую, пытаясь придать заурядному заоконному городскому пейзажу некое романтическое очарование, некий волшебный флёр, избегая при этом явной условности и работая лишь цветом, сочетаниями красок, нечаянными всплесками, всполохами мазков…

— Па-па! Па-па! — произносит Валерик по слогам, восторженно разглядывая разноцветный калейдоскоп на палитре, переносимый на холст, и протягивает к рождающейся картине свои ручонки: «Дай! Дай! Дай!»

Я давно заметил его любовь к краскам — и разрешаю ему пачкать листы ватмана и картона. В такие минуты Валерик стонет и пыхтит от счастья, высовывает язык и пускает слюни. Смотреть на него грустно и радостно, но лучше смотреть не на него, а на то, что он пытается изобразить — все эти цветовые пятна, весь этот яркий праздничный хаос, в котором угадывается скрытая гармония и соразмерность, и всё это мне, ей-богу, нравится, очень нравится, а ему, дурачку, нравится сам процесс живописания, и в эти всё более частые минуты совместного творчества мы, кажется, оба счастливы и почти ничего не боимся.

Иногда мне мерещится, что мы с Валериком так сроднились и сблизились, что успели даже повлиять друг на друга. Он заразил меня своим блаженным жизнерадостным слабоумием, и я с каждым днём всё более впадаю в детство. А он — заразился от меня любовью к живописи, и от этого я привязался к нему ещё больше.

Тут, казалось бы, пора ставить точку и завершать мой рассказ на оптимистической ноте. Но хэппи-энд бывает только в кино, впрочем, даже в кино жанры различаются глубиной погружения в реальность. Там, где поверхностный и сентиментальный взгляд видит сладкую мелодраму, глаз более зоркий может разглядеть трагедию. А ещё очень многое зависит от временных рамок. Так, обычно сказки (в том числе и сказки для взрослых) заканчиваются свадьбой, но в реальной-то жизни со свадьбы лишь начинается настоящая история.

Так и в нашей с Валериком жизни главные испытания ждали впереди.

Десять лет спустя

Как-то осенью, в октябре, мне позвонили из Союза художников и сообщили тревожную весть о том, что художественные мастерские (в том числе и мою) в ближайшие дни собираются выставить на аукцион (согласно тому самому 131-му закону, о котором я уже упоминал в этом рассказе). А я-то, старый дурак, совсем забыл и думать об этой опасности! Где же мы теперь будем жить с Валериком? И где мне теперь работать? И вообще — как быть дальше? Самое главное — меня душил страх предстоящей разлуки с Валериком… ведь если я стану бомжом, то его непременно отнимут у меня, отдадут в интернат для умственно неполноценных… А куда мне самому деваться? Тоже — в приют, только для престарелых? Или — просить пристанища у сына? Нет, только не это! В отчаянии я даже подумывал о том, чтобы найти способ, как нам вместе с Валериком уйти из жизни…

Но все страхи оказались напрасными — и буквально накануне Нового года меня обрадовали вестью о том, что городская и краевая администрации договорились между собой о передаче художественных мастерских из муниципальной собственности в краевую, и теперь художники могут работать спокойно.

Значит, и мы с Валериком можем больше не волноваться. Ура!..

Но ничто не проходит бесследно. От всех пережитых волнений в новогоднюю ночь у меня случился инсульт. Кондрашка. Удар. Отнялись ноги, нарушилась речь. И я стал таким же беспомощным, как и мой Валерик. Даже более беспомощным, чем он. Потому что Валерик с возрастом научился неплохо следить за собой, одеваться и умываться, готовить еду, прибираться в мастерской, помогать мне во всех делах по хозяйству. Я даже отпускал его в магазин за продуктами — и ни разу с ним не случилось никаких происшествий. Но как он будет жить дальше? Ведь теперь-то придётся не мне за ним, а ему за мной ухаживать и присматривать. Я же без посторонней помощи не могу даже до туалета дойти.

Сын Вячеслав, который давно уж сменил гнев на милость, купил для меня замечательное американское кресло-каталку со всякими рычагами и прочими прибамбасами, так что вскоре я смог продолжать заниматься живописью. Постепенно мы с Валериком приспособились к новой жизни — и ведь как-то опять научились справляться! Поначалу сердобольные дамы из районной администрации уговаривали меня отдать Валерика на попечение органов опеки, но я — ни в какую.

— Только через мой труп, — сказал я как бы полушутя, но они приняли мои слова всерьёз и больше не возвращались к этому вопросу.

И вот мы живём вдвоём, старый да малый, два инвалида, два лишних, никому не нужных человека, связанных любовью к живописи и друг к другу. Наши мольберты стоят рядом — и мы соревнуемся с Валериком: кто же из нас двоих сможет вернее и ярче отразить всю волшебную прелесть этого жестокого и чудесного мира. Я горжусь Валериком — он с каждым днём пишет всё лучше и лучше.

А на днях в нашу мастерскую заглянул один богатый чудак-бизнесмен, москвич, любитель искусства и даже коллекционер, оказавшийся в Кырске по делам. Позднее уже я узнал, что он пришёл по наводке моего сына Славика, который уговорил его купить у меня хоть что-то, лишь бы поддержать «бедного, но гордого старика» (то есть меня).

Загорелый и статный господин, назвавшийся Львом Львовичем, не снимая кожаного пальто прохаживался по мастерской и разглядывал мои работы, ласково приговаривая: «Так-так… интересно… очень интересно…» — но я видел по его скучающим глазам, что ему вовсе не интересно и смотрит он лишь из приличия.

— А это что такое? — остановился он вдруг возле небольшого холста, на котором яркими, даже аляповатыми красками был изображён натюрморт — яблоки, груши и виноград.

— Это мой внук балуется, — снисходительно улыбнулся я, подъехав на своём кресле к натюрморту. — Я ему разрешаю. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Ему скоро четырнадцать, но он совсем ещё как ребёнок…

— Это я! Я! Я! — воскликнул подскочивший к нам Валерик. — Моя калтина!

— Ты сперва букву «эр» научись выговаривать, — строго заметил я ему. — Не встревай в разговор взрослых!

— Моя калтина, — обиженно повторил Валерик, отвернулся и заплакал. — Моя-а…

— А мне нравится, — сказал Лев Львович. Он растерянно улыбнулся и повторил: «Я серьёзно, мне очень нравится. Нет ли тут ещё его работ»?

— Есть, конечно, — слегка обиженно сказал я. — В том углу — целая полка.

— Можно посмотреть?

— Да ради бога… Валерик, покажи гостю свои работы!

Валерик аж подпрыгнул от радости. Он засеменил в угол мастерской на своих косолапых ножках, как паучок — и уже через несколько секунд выставлял перед Львом Львовичем одну за другой свои картины. Это были натюрморты, пейзажи и даже один автопортрет, с которого сам Валерик смотрел — словно выглядывал в окно — улыбающийся, с приоткрытым ртом и раскосыми глазами.

— Какая прелесть… — восторженно произнёс Лев Львович, разглядывая эту детскую мазню почти с такой же счастливой улыбкой, какая не сходила с лица Валерика.

— Это я, я, я! — горделиво повторял Валерик, брызгая слюной и стуча кулачком в грудь, как обезьяна. — Моя калтина! И это — моя калтина!

— Вам и впрямь это нравится? — спросил я, не в силах скрыть огорчения от того, что мои, куда более профессиональные работы оставили гостя равнодушным.

— Да, конечно! Уж поверьте, я знаю толк в живописи, — торопливо, как на экзамене, заговорил вдруг Лев Львович. — Ведь по образованию я искусствовед, да и сам рисовал когда-то… А бизнесом занялся не от хорошей жизни. Талант вашего внука очевиден! Он бросается в глаза! Неужели вы сами этого не понимаете?

— Ну, почему же… — замялся я. — Понимаю, конечно. Значит, вас заинтересовали его работы?

— Даже очень! Я непременно хочу купить — вот эту, эту и вон тот автопортрет… если, конечно, автор не против.

— Он не против, — усмехнулся я. — Ещё бы он был против.

— Я купил бы все его картины, — сказал Лев Львович, — они украсили бы мою московскую коллекцию… Но, к сожалению, с собой у меня не так уж много денег. — И он назвал фантастическую сумму, которую готов был тотчас же выложить нам за три особенно понравившиеся ему картинки. — Вас это устроит?

У меня отнялся язык, я лишь молча кивнул — таких денег сам я не получал никогда, даже в лучшие свои времена.

Вот уж не думал, что вся эта история закончится именно так. То есть для Валерика настоящая жизнь только начинается, но и я теперь могу быть спокоен. Самолюбие моё недолго страдало, я быстро утешился успехом внука и смирился с перспективой, что отныне Валерик станет моей опорой и даже моим кормильцем. Так что я смело смотрю в будущее и не боюсь нищеты и смерти. Валерик — моя жизнь и моё бессмертие. Живи вечно, мой мальчик, не умирай.

Дурная привычка жить

Шесть рассказов

Другой город

Мама умирала очень долго и очень тяжело. Всё приговаривала: вот скоро уеду в другой город — и тогда ты станешь совсем свободным. Золотухин не верил ей, ему казалось, что мама никогда не умрёт. И он почти смирился с этим, хотя, конечно же, устал ухаживать за ней, выносить горшки, кормить и поить, умывать и подмывать, исполнять её прихоти и капризы. Золотухин и сам был не молод, за сорок, но ему казалось, что по-настоящему он повзрослеет только после смерти матери. Тогда он, быть может, и женится, и заведёт свою собственную семью. Думать об этом ему было не стыдно, ведь он не высказывал вслух своих мыслей.

Мама сама была виновата в своих мучениях — Золотухин предупреждал её в тот день: не выходи на улицу, там гололёд, очень опасно. Так ведь не послушалась, вышла, за хлебом ей, видите ли, приспичило, хотя хлеб дома был, но ей, видите ли, свеженького захотелось. Вот и хряпнулась на ровном месте и сломала шейку бедра, а в преклонном возрасте подобные переломы практически не

заживают. Вот и стала обузой собственному сыну, привязав его к себе, как каторжника к тачке.

Тянулась вся эта морока несколько месяцев, Золотухин был вынужден взять отпуск без содержания, а потом и совсем уволиться, потому что, кому нужен такой работник, но в последние дни состояние здоровья мамы ухудшилось — от долгого лежанья в постели у неё развилась застойная пневмония, хотя Золотухин и менял регулярно простыни, и переворачивал маму с боку на бок, чтобы не было пролежней, и протирал её дряблое тело камфорным спиртом. Ну, всё, сказала мама, когда врач сообщил эту новость про пневмонию, уж теперь-то я точно уеду в другой город (слово «смерть» она старалась не произносить, то ли из страха, то ли из уважения к смерти). Золотухин чувствовал себя таким усталым, что не в силах был её переубеждать и произносить фальшивые ободряющие слова. Он и сам бы уехал в другой город — так он изнемог от этой невыносимой, мучительной жизни.

Утром в пятницу мама впала в кому, перестала отвечать на вопросы. Температура держалась высокая, хрипы, кашель с мокротой и всё такое. Кормить её было бесполезно, только морс с чайной ложечки сглатывала. Это агония, сказал врач, скорее всего, сегодня она умрёт. До завтрашнего утра не дотянет, уж это точно. «А кто даст мне справку о её смерти?» — спросил Золотухин. «Я дам, — сказал врач, — Как только всё кончится, так сразу ко мне в поликлинику, седьмой кабинет, я там буду до шести». «А если она умрёт после шести?» — спросил Золотухин. «Это плохо, — сказал врач, — потому что после шести вы уже ни меня, никакого другого врача нигде не застанете. Сегодня же пятница — значит, вам придётся ждать справки до понедельника. Ничего страшного, конечно, но откладывать похороны — это лишняя морока, сами понимаете. Тем более, сейчас лето, жара, сами понимаете». «Конечно, понимаю», — сказал Золотухин.

Когда врач ушёл, Золотухин продолжал терпеливо ухаживать за агонизирующей мамой. Сменил ей постельное бельё, измерил температуру, которая оставалась высокой, протёр горячее мамино лицо одеколоном, смочил потрескавшиеся мамины губы брусничным морсом. Мама бредила, что-то бормотала с закрытыми глазами, перебирала пальцами простыню. Сидя возле мамы на придвинутом к её кровати кресле, Золотухин нечаянно заснул, а когда проснулся, на часах уже было семнадцать, то есть пять часов вечера.

До конца рабочего дня оставалось совсем немного, всего один час. Мама была жива. Она была такая же горячая, такая же недоступная для общения, такая же агонизирующая, но живая, живая. А время шло. А мама не умирала.

— Мамочка, ну, пожалуйста, — сказал Золотухин. — В другом городе тебя заждались, — Ну, пожалуйста, мама.

Но мама не умирала.

Когда на часах было семнадцать тридцать, Золотухин поднялся с кресла, посмотрел на маму, вздохнул, потом взял со своей постели подушку (а жили они с мамой в одной комнате, в однокомнатной квартире) — и положил подушку маме на лицо. Слегка придавил, но не сильно.

— Мамочка, прости, — сказал Золотухин. — Мне надо ещё успеть за справкой, а то ведь, сама понимаешь, тянуть до понедельника, да в такую жару, это лишняя морока, а у меня уже больше нет сил и терпения.

И он успел за справкой.

Учитель танцев

У него сухое морщинистое лицо старика и стройная гибкая фигура юноши.

Когда-то он был звездой отечественного балета, знаменитым танцовщиком, солистом Большого театра, ему рукоплескали Москва и Лондон.

Его трёхкомнатная квартира напоминает антикварный магазин или музей. Живёт он один — ни детей, ни жены, ни даже собаки. Все его покинули. Нет, никто не умер, все живы, и жена, и двое сыновей, и даже собака. Просто никто из них не смог выдержать его тяжёлый деспотический характер.

Вот и свою ученицу, девочку Настю из соседнего подъезда, собирающуюся поступать в хореографическое училище, он тиранит и бранит неустанно.

Мама Насти хотела подстраховаться и попросила его, как бывшую знаменитость, немножко поднатаскать ребёнка. Он согласился, не бескорыстно, конечно, на пенсию-то не проживёшь, и хоромы свои как-то содержать надо. Он и так уж распродал половину своих драгоценных безделушек и бесценных картин. Так он сказал маме Насти, и та, разумеется, согласилась, а как же иначе.

В одной из его комнат стоит старинный трельяж с высокими зеркалами, перед которым он когда-то изнурял себя упражнениями, не довольствуясь ежедневными репетициями в театре у балетного станка. А теперь вот натаскивает здесь бестолковую Настю. Сам садится за рояль, а её заставляет под музыку крутиться перед зеркалом. Чтобы видела свою бездарность!

Чем-то Настя похожа на его жену в юности — такая же рыженькая, зеленоглазая, смешливая. Но какая невнимательная! И какая, прости господи, бесталанная…

— Тебе только канкан в ночном клубе плясать, — раздражённо бурчит он, глядя на неуклюжую Настю. — Куда ногу так задираешь? Держи носок! Носок держи! Ещё раз! И — раз-два-три! Раз-два-три! Спину — прямо! Прямо спину! Ты что, глухая? Ну ладно, хватит на сегодня… Я сказал — хватит! Чего распрыгалась, словно коза?

— Я не коза-а-а… — и Настя вдруг начинает плакать. Фу ты, совсем девчонка.

Господи! Как же она похожа на мою Наташу… И вдруг он вспоминает, как когда-то, давным-давно, когда они с Наташей только ещё поженились, он страстно мечтал о дочке, но так ведь и не дождался осуществления своей мечты.

— Ну, чего хнычешь-то? — криво улыбается он, смягчаясь. — Вытри слёзы. В четверг приходи, повторим все по-новой. Ты у меня ещё такое фуэте закрутишь!..

— Я больше не приду… — шепчет Настя, всхлипывая.

— Это ещё почему? — хмурится он. — Обиделась, что ли?
— Нет, не обиделась.
— Может, у мамы сейчас денег нет? Так я подожду…
— Деньги есть… У меня — способностей нет, — и она смотрит на него мокрыми зелёными глазами. — Я же все понимаю. Балет — не для меня. Тупая я.
— Глупая ты, а не тупая, — говорит он с неожиданной для самого себя нежностью (и даже пугается этой внезапной волны нежности, но сдержаться не может). — Все можно исправить, Настя… Так что, не думай бросать.
— Нет, — говорит она твёрдо, — я решилась.
— Хочешь, буду учить тебя бесплатно? — торопливо произносит он, и тут же спохватывается: «Да что я — с ума, что ли, сошёл?!» — Ты только не бросай, пожалуйста…
— Нет, спасибо, — и она идёт в прихожую, надевает туфли, светлую курточку, берётся за ручку входной двери. — До свидания. Спасибо вам за все.
— Погоди! Да постой же! Я сам тебе буду платить — только не бросай занятия! — кричит он ей вслед. — Не бросай!
— Нет, я же сказала… — и Настя, не оборачиваясь, уходит.
— Ну, пожалуйста, не бросай! — кричит он в гулкую пустоту, и уже тихо, почти неслышно повторяет: «Не бросай… не бросай меня…»
Как же красив он в эту минуту! Высокий, стройный, изящный, с трагически вскинутой рукой — в дверном проёме, словно в картинной раме. Жаль, никто его сейчас не видит. Никто, кроме меня.

Во имя отца и сына

В день похорон сына Алфёров внешне был спокоен. Присматривал за женой, которая то и дело падала в обморок, давал ей то нашатырь понюхать, то таблетку валидола пососать. На кладбище были немногочисленные родственники, друзья Дениса из клуба православной молодёжи «Радонеж» и их руководитель, священник кладбищенской церкви отец Виталий, который годился Алфёрову в сыновья. Священник что-то там говорил, но Алфёров его не слушал. Он вообще в этот день был странно туп и холоден, ему казалось, что все происходящее ему только мерещится, и сам он тут ни при чем. Даже над гробом сына ни одной слезинки не проронил.

На поминках, которые были устроены в кафе «Ромашка», Алфёров не выпил ни рюмки. Произносились печальные речи, разные люди говорили много хорошего о трагически погибшем Денисе, но Алфёров никому не верил, то есть он не верил в искренность этих людей и не хотел вслушиваться в их слова. Зал постепенно пустел, почти все разошлись, жена тоже ушла со своей сестрой, сказав, что сегодня переночует у неё, а Алфёров все продолжал сидеть, хотя ничего не пил и не ел. Он словно ждал чего-то или кого-то. И дождался.

К его столу подошёл отец Виталий, присел напротив, спросив предварительно разрешения. Спиртным от него не пахло.

— А вы, батюшка, почему не пьёте? — спросил его Алфёров насмешливо.
— Ну… вообще-то церковь это не одобряет, — и отец Виталий смущённо покраснел, опустил глаза. Круглолицый, курносый, с редкой рыжеватой бородкой — он был похож на сына Алфёрова, только тот был ростом повыше. — Но вы, если хотите, пейте…
Вспомнив о сыне, Алфёров словно проснулся — и как-то испуганно, другими глазами посмотрел на священника, на поминальный стол, на почти пустой зал.
— Не могу поверить, — медленно произнёс Алфёров, — не могу поверить, что его уже нет…
Отец Виталий смотрел на него молча, сочувственно. Как и полагается смотреть на отца погибшего сына.
— Вы словно врач, — усмехнулся Алфёров, — смотрите на меня, как врач на больного. А ведь я не болен. Я тоже мёртв.
— Вы живы, — возразил отец Виталий. — И душа ваша живая скорбит…
— Что вы можете знать о моей душе? — возмутился Алфёров. — Вы, мальчишка в рясе… Впрочем, простите. Извините меня. Я вижу — вы человек хороший. И дело не в вашем сане…
— Конечно же, дело не в этом, — кивнул отец Виталий.
— Нет, серьёзно. Ведь я был рад, когда узнал, что Денис стал посещать ваш православный клуб. Все лучше, чем пропадать на дискотеках… Пусть, думаю, послушает умных людей, почитает евангелие — для общего развития разве плохо… Чему вы сейчас улыбнулись?
— Ну… вы сказали: «Для общего развития»… прозвучало как-то забавно.
— А что? Евангелие книга стоящая, кто бы спорил. Но я знаю, мне Дениска рассказывал — вы и в кино с ними вместе ходите, потом обсуждаете за чашкой чая, и на концерты, и даже свой рок-ансамбль у вас есть…
— Да, все так, — кивнул священник. — Я ведь в школьные годы сам рок-музыкой увлекался. Меня и к религии-то потянуло после того, как я в плохой записи рок-оперу «Иисус-суперстар» послушал… А с ребятами в клубе мы ещё спортом занимаемся, в хоккей играем.
— В хоккей? — удивился Алфёров. — И вы тоже шайбу гоняете?..
— Я — вратарём, — и отец Виталий снова зарумянился. — У нас своя команда, так и называется: «Радонеж». Понимаю — смешно звучит: священник — вратарь. Но я с детства любил хоккей… А что, вы считаете — священнослужителю это не пристало? Наш отец благочинный мне тоже сомнения высказывал — мол, не в бесовские ли игры играешь, Виталя? А я думаю, хоккей и вообще командный спорт — дело здоровое, доброе, богоугодное, сплачивающее людей, если, конечно, не привносить в него агрессию и жестокость.
— Да-а… интересный вы человек, отец Виталий.
— Обыкновенный я человек. Ваш Денис был куда интереснее меня. Знаете ли вы, что у него был талант художника?

— Как не знать. Но в училище поступать не стал… Пошёл в медицинский. Почему?

— Одно другому не помеха. Я вот тоже был до армии фельдшером, медучилище заканчивал, хотя уже тогда знал, что стану священником. Но отец мне сказал — получи человеческую специальность, а потом иди хоть в попы, хоть в гипнотизёры. Я тогда на него обижался, а позднее понял, что отец был прав… Настоящий священник должен уметь не только по-старославянски читать.

— Умный, значит, был у вас отец.

— Да, неглупый… но он сильно выпивал. И от этого умер. Замёрз в сугробе. — Священник перекрестился. — Спаси, господи, его душу грешную.

— Выходит, мы с вами схожи, — задумчиво сказал Алфёров. — Вы без отца остались, а я — без сына… Как же это с ним могло случиться?

— Подробностей я не знаю. Знаю, что замёрз пьяный. Я тогда в армии служил. Спасибо командиру части, отпустил на похороны…

— Вы и в армии были?

— А как же. Чем я лучше других?

— А я вот Дениску от армии правдами и неправдами прятал, оберегал. Потому и на мединститут согласился, что там военная кафедра… Всякие справки ему доставал… И все равно ведь не уберёг! В родном городе, среди бела дня — какая-то шпана забила его до смерти, как собаку… Ни за что! Он же добрый был, мухи в жизни своей не обидел, никому злого слова никогда не сказал!

— Да, я знаю, — кивнул священник, — он был очень хороший.

— Так за что они его?! — вскрикнул Алфёров. — За что?

К ним подошла пожилая усталая официантка.

— Извините, — сказала она. — Все, кроме вас, ушли. Можно мне убирать со стола?

— Убирай, — махнул рукой Алфёров.

— Нет, погодите, — остановил её священник. — Водку не убирайте, пожалуйста. И вот эти фрукты оставьте. И воду минеральную. А все остальное можно унести.

— Так вы же не пьёте?.. — уставился на него Алфёров.

— Вы тоже не пили, я видел. Поэтому к вам и подошёл. А сейчас предлагаю… если вы, конечно, не против… — И священник улыбнулся так же смущённо. — Не будем нарушать народных обычаев.

Официантка скривила губы, пожала плечами. Отошла.

— Что ж, давайте выпьем, — согласился Алфёров, разливая водку по фужерам. — Я понимаю — это у вас такая психотерапия. Хотите меня успокоить, утешить. Не словом, так водкой…

— Зачем вы так?

— Да вы не обижайтесь. Водка — лучший друг человека. Ну, ладно — пусть земля будет пухом моему сыночку!

Они выпили, закусили. Дышать стало легче.

— А ведь он шёл от вас, из вашего клуба, когда его встретили эти подонки, — сказал Алфёров после долгой паузы. — Просто так убили — ради забавы… А он шёл — весь такой благостный, просветлённый, улыбающийся…

— Откуда вы знаете?

— У него даже у мёртвого на лице была улыбка… Вы разве не обратили внимания?

— Н-нет… я вообще боюсь смотреть на лица покойников, — признался священник. — Надо мной из-за этого ещё в медучилище смеялись…

— Боитесь покойников? Ну-у, батюшка, вы меня удивляете…

— Да, я слаб…

— Как же вы берётесь укреплять чужие души, если сами так слабы духом? — язвительно спросил Алфёров. — Что же вы за пастырь малых сих, если вам самому нянька нужна?

— Главное — преодолевать свои слабости, — тихо сказал отец Виталий. — И я их учусь преодолевать. Вместе с такими, как ваш Денис. Я не пастырь им, я их брат во Христе… я ничем их не лучше, я многому учусь у них. И у вашего сына я многому научился! Да, это так. Он научил меня разбираться в живописи, вообще в искусстве, даже в иконах… честное слово!

— Вы ещё скажите — честное комсомольское…

Алфёров недоверчиво посмотрел на него, покачал головой. Потом налил в фужеры ещё водки.

— Выпьем молча, — сказал Алфёров. — Не надо мне ваших проповедей.

Отец Виталий согласно кивнул — и выпил.

— У нас с женой долго не было детей, — снова заговорил Алфёров. — Дениска родился, когда мне было уже под сорок. Мы так берегли его, так тряслись над ним…

— Я знаю, Денис мне рассказывал.

— Так за что же — скажите? За что?! За какие грехи мне это наказание?

— Отец небесный тоже страдал за своего сына…

— Ой, только не надо об этом… Ведь он жесток, ваш Господь! Сам же создал нас слабыми — и потом нас за это наказывает! Он даже собственного сына не пожалел! Зачем он послал его на муки? Искупать людские грехи? И чего добился? Как он мог спокойно смотреть на то, как тело его сыночка, его кровиночки терзают плетьми и железом? Разве не было ему самому больно, когда сын его корчился от боли во время пыток и на кресте? Как он мог не прекратить все это? Какой отец смог бы стерпеть подобное? У него нет сердца — вот что я думаю…

— У кого?

— У вашего бога. Нет сердца у бога. И нам его не понять. Может быть, истина и с ним, но жалости в нём нет, уж это точно. А люди все жалкие и слабые, им жалость нужна. Правда без жалости — это… это…

— Не надо, не говорите так, — тихим, но жарким голосом взмолился отец Виталий. — Господь милосерден, он скорбит и печётся о каждом из нас…

— Да лучше бы он позаботился о своём сыночке! Зачем он отдал его на заклание? Ведь смерть Христа никого ничему не научила! Ничего не изменила на Земле, ничего не исправила в душах людских… Люди стали ещё более жестокими и бессердечными. Да и как могло быть иначе? Раз у бога нет сердца, раз сам бог не пожалел собственного

сына — зачем мы-то будем жалеть своих и чужих детей? Вот какой урок он нам преподал!

— Перестаньте, одумайтесь… Господь с вами! Что вы такое говорите?

— Говорю, что думаю. А вы бы хотели, чтоб я тут расплакался в вашу рясу — и воспел хвалу господу всемогущему и всемилостивейшему? Ха! Не дождёшься, попик!

Он плеснул в фужеры себе и священнику остатки водки, но тот отрицательно покачал головой.

Алфёров хмыкнул — и выпил залпом. В глазах отца Виталия блеснули слёзы.

— Господи, — прошептал он, — вразуми меня… дай мне сил… Как хотел бы я сейчас вам помочь… а у меня даже слов подходящих нет…

— Потому что ты ещё молод, не научился врать, — дрожащим от злой тоски голосом сказал Алфёров. — Скоро научишься, будешь вешать сладкую лапшу всем на уши…

— Что я могу сделать для вас?

— Ничего. Никто ни для кого ничего не может сделать. Ты же не можешь воскресить моего сына? Если бы воскресил — хоть на денёк, хоть на минутку — я бы за эту минутку все отдал! Пусть я умру, и не только я, пусть все умрут, и пусть солнце погаснет, пусть все храмы рухнут — но лишь бы только мой сыночек хоть на минуточку… хоть на секундочку… Голос его задрожал, и Алфёров не выдержал этого мучительного напряжения и зарыдал, обхватив лицо руками.

Глядя на него, заплакал и отец Виталий. Но он плакал молча, не утирая лица, не обращая внимания на посматривающих на них с тревогой официантов.

Вскоре Алфёров успокоился, достал из кармана платок, тщательно вытер лицо, высморкался, глубоко вздохнул. Посмотрел на бледного измученного отца Виталия, усмехнулся.

— Ну что, батюшка, добился своего?

Тот вопросительно поднял светлые брови.

— Эх ты, ловец человеков, — беззлобно сказал Алфёров. — Напоил меня, довёл до слёз… А ведь и впрямь — полегчало. Да ты настоящий психотерапевт. Может, и мне в твой клуб записаться… Ну, чего молчишь? Теперь, небось, скажешь, что слёзы очищают душу? — спросил он с той же усталой усмешкой. — Так ведь слёзы-то пьяные… Самому-то тебе — как, стало легче?

Отец Виталий смущённо улыбнулся и отрицательно покачал головой.

Прятки

В прошлом году киллеры убили его жену. Охотились, конечно, на самого Фролова, но он выжил, отделался лёгким ранением в плечо, а предназначенная ему пуля досталась жене Кате, сидевшей в тот день за рулём. За тонированными-то стёклами разве разглядишь, кто спереди, а кто сзади.

Потом пытались похитить из садика трёхлетнюю дочку Фролова Леночку. Хорошо, что именно в тот день она была дома, лежала с простудой. Фролов по телефонному рассказу воспитательницы сразу сообразил, что за дяденьки приходили в садик и спрашивали про Леночку. Якобы он, Фролов, поручил им забрать её и отвезти домой.

— Да я бы им все равно её не отдала! — кричала в трубку воспитательница.

Куда бы ты делась, подумал Фролов, отдала бы как миленькая. Но вслух ничего не сказал. С садиком пришлось проститься.

В ближайшие же выходные он уехал с Леночкой на дачу. Не на свою, туда ехать было опасно, а на старую мамину дачу, которая после смерти хозяйки вот уж который год пустовала.

Улица дачного посёлка была безлюдной. Фролов распахнул ворота, заехал во двор, высадил дочку, завёл машину в гараж.

— Ну вот, здесь мы отдохнём до понедельника, — сказал он Леночке, когда они зашли в пыльную комнату. — Сейчас перекусим, я быстро чего-нибудь соображу, чайку попьём, а потом пойдём в лес за грибами… а потом… а потом…

— Ты чего, папа? — удивлённо посмотрела на него Леночка.

А Фролов, не мигая, смотрел в пыльное окно — и широкое скуластое его лицо постепенно бледнело, бледнело, словно покрывалось такой же серой пылью, какой было покрыто все в этой затхлой, давно не проветриваемой даче. За окном он видел медленно подъезжавшую по улице машину — чёрный джип с тонированными стёклами, где сидели, конечно же, те самые люди, что охотились на него вот уже второй год. Бежать? Поздно! Да и куда он убежит, с ребёнком-то…

— Папочка, что случилось? — встревожилась дочка.

— Ничего страшного, — быстро ответил он. — Это мои друзья приехали… А мы их сейчас разыграем! Давай спрячемся — пусть они нас поищут… Согласна?

— Давай! — обрадовалась Леночка. — Чур, я спрячусь в бабушкином сундуке…

— Нет, они тебя там быстро найдут, — возразил Фролов. — Спрячемся вместе… в подвале! Там есть одно укромное место, я знаю. Пошли… Только тихо!

— Ой, как здорово!

Фролов потянул за собой дочку к двери, ведущей в подвал. Он с давних пор, ещё со времён своего детства, знал, что там и впрямь есть потайное место. Когда-то он прятал там свои ребячьи сокровища.

Шли наощупь, осторожно спускаясь по гнилым ступенькам.

— Пап, мне немножко страшно, — прошептала Леночка. — Здесь так темно… Ты не взял фонарик?

— Нам не нужен фонарик. Иди за мной, не бойся. Вот так… А теперь — полезай в этот шкаф, и я за тобой.

За задней стенкой шкафа, которую Фролов легко сдвинул в сторону, было пустое пространство, где они и спрятались, тесно прижавшись друг к другу. А стенку Фролов вернул на прежнее место.

— Пап, тут так тесно… И пылища жуткая. А-а-апчхи!

— Тихо, доченька. Ты уж, пожалуйста, потерпи. Мы же здесь ненадолго… Поиграем — и вылезем. Ты, главное, не шуми… Тс-с-с! Ни звука! Кажется, они пришли…

Сверху послышались шаги непрошенных гостей. Фролов пытался угадать, сколько их. Трое? Четверо? Нет, больше. Не меньше пяти человек. Мне одному с этой кодлой не справиться, подумал Фролов, судорожно сжимая в кармане пистолет, а левой рукой крепко держа потные пальчики дочери. Если б не было Леночки, тогда ещё можно бы и рискнуть. А тут…

Дверь в подвал со скрипом распахнулась, двое невидимых спустились по шатким ступенькам.

— Куда ж они делись? Посвети-ка!

— Да нету тут никого! Один мусор, гнилая картошка да пустые банки…

— Не суетись… А вот здесь — что?

— Ну, шкаф… И в нём — пусто. Пошли назад! Надо в баньке поискать, или в гараже. А может, они в лес ушли. Заметили нас через окно — и смылись. Там же, за участком, сразу лес начинается…

— Погоди… Ты слышал?

— Чего?

— Шорох какой-то… в шкафу, вроде… слышал?

— Мыши, наверное…

— Да постой ты! Там кто-то есть!

— Привидение, что ли? Ну, вот же, я фонарём свечу — пусто!

И тут Леночка не удержалась, чихнула. Проклятая пыль!

— Эй, кто там? Дай-ка мне фонарь!

Господи, господи, господи. Фролов обхватил дочку, плотно прижал её лицом к себе. Молчи, Леночка. Молчи. Потерпи немножко. Господи, господи, господи… Пусть меня убьют, пусть хоть на куски разрежут, только, боже, её спаси, мою деточку, мою маленькую, мою родненькую, господи, господи, господи…

И он ещё крепче прижал её к себе. Крепче некуда.

— Нет, никого… Значит, показалось… Пошли наверх!

— Я же говорил! Только время теряем…

— Пошли!

Когда гости ушли и голоса наверху замолкли, Фролов решил, что опасность на этот раз миновала. Он выпустил из судорожных объятий обмякшее тельце дочери, которое вдруг сползло вниз, к его ногам.

— Что ты, Леночка? — возбуждённо шептал он. — Вставай, доча, мы выиграли! Нас не нашли! Мы с тобой победили! Вставай же, Леночка!

Но мёртвая Леночка не отвечала.

Дурная привычка жить

Ему всю жизнь не везло. Не повезло с родителями — отец был пьяница, мать — шлюха. Не повезло в школе — учителя считали его тупым, и он им верил. Не повезло в армии — хотел получить там специальность шофёра, но получил сотрясение мозга второй степени и его перестали даже близко подпускать к машинам. Потом не повезло с работой — смог устроиться лишь курьером в дурацкую контору, где платили гроши, да и то нерегулярно. Не повезло с девушкой, которая вроде бы согласилась выйти за него замуж, но буквально накануне свадьбы её отбил случайный парень, в которого она, видите ли, влюбилась с первого взгляда.

В него же влюбиться с первого взгляда было невозможно. И со второго тоже, и с третьего. И вообще в него было невозможно влюбиться. Сутулый, узкоплечий, он уже в тридцать лет выглядел на пятьдесят, лицо узкое, морщинистое, глаза мутные, волосы пегие, уши, как у совы. Он даже по утрам, когда брился, старался не смотреть в зеркало на своё отражение.

Жизнь тянулась медленно, нудно и скучно. Ничто его не радовало — ни весеннее пробуждение природы с её сосульками, птичьим весёлым щебетом, первыми клейкими зелёными листочками, ни летняя роскошь окрестных лесов и полей с их многоцветьем, с грибами и ягодами, ни золотая осень, ни долгая снежная морозная зима, которая особенно томила его душу. Наконец он совсем перестал улыбаться, даже притворно, и окружающие стали принимать его за тяжело больного, а ведь он был здоров, ну, почти здоров, если не считать беспричинной апатии и хандры.

«Если жизнь мне так опостылела, зачем же я продолжаю тянуть эту лямку?» — как-то задал он сам себе вопрос и не смог ответить ничего вразумительного, кроме того, что, наверное, он живёт просто по привычке. Привык жить — и живёт. Вот такая дурная привычка, вроде пристрастия к куреву или алкоголю. Дурная привычка жить.

Но в одно прекрасное, нет — ужасное, нет — обычное утро он проснулся с твёрдой решимостью избавиться от этой дурной привычки. Он напустил тёплой воды в ванну, разделся, улёгся туда и вскрыл себе вены бритвой. Кровь медленно, упругими толчками вытекала из вены, окрашивая воду в розовый, потом в красный цвет, а он с нетерпением ждал, когда же все это кончится. Но не дождался. Потому что как раз в эти минуты домой раньше обычного явилась его мамочка с хахалем, открыла входную дверь своим ключом, потом ткнулась в ванную комнату, догадалась, что с сыном что-то неладное — и хмельная парочка прелюбодеев спасла его от смерти, хотя он их об этом не просил.

Спустя два дня, ещё слабый после кровопотери, он решил довести начатое дело до конца — и выпил несколько стандартов снотворных таблеток, запив их минеральной водой. Он перестарался, так как слишком большая доза лишь вызвала рвоту и судороги. Он полдня провалялся в собственной блевотине, а вечером пришла мама и тут же вызвала скорую. Его спасли.

Тогда он уехал за город — и там забрёл в лес, подальше от дороги и населённых пунктов — и повесился на сосне, предварительно сняв с себя верхнюю одежду и сложив её внизу аккуратной стопкой. Сосновая ветка была толстой и крепкой, бельевая верёвка была скользкой и прочной, петля была гибкой и надёжной, желание умереть было окончательным и бесповоротным. Но ему снова не повезло. Только он захрипел и задёргал ногами, как словно из-под земли возникла группа туристов, которые тут же спасли его от смерти. Правда, он вывихнул шейный позвонок — и не мог теперь держать голову прямо, но жить можно ведь и со свёрнутой шеей.

Он хотел застрелиться, но для этого надо было купить пистолет, а денег у него не было или было очень мало. Тогда он поднялся на крышу пятнадцатиэтажного дома — и бросился вниз, раскинув руки и свернув набок шею, как раненая птица. Однако внизу его встретил не твёрдый асфальт, а мягкая и густая крона старого тополя, смягчившая удар от падения, и он отделался переломом позвоночника, но остался жив.

Несколько месяцев он пролежал в больнице, а после выписки мог передвигаться только в специальной коляске, так как обе ноги у него были парализованы, но желание умереть его все же не покидало. И вот поздней осенью, слегка окрепнув и освоившись с управлением коляской, он прикатил на крутой берег Енисея, на каменистую вершину Караульного Быка — и оттуда сверзился вместе с коляской в ледяную бурлящую речную пучину. Коляску отбросило в одну сторону, сам он отлетел в другую — и тут же был захвачен волнами и речным водоворотом утянут на дно. Казалось бы, гибель была неминуема, но великая река не захотела принимать эту нелепую жертву, и прихотливое течение вынесло тело упрямого калеки на берег, где местные жители, конечно же, не оставили его без внимания.

Результаты купания в ледяной воде были очень печальны — неудачливому самоубийце ампутировали переохлаждённые руки и ноги. Теперь он был вынужден лежать дома на койке как беспомощная изуродованная кукла, обложенный подушками и окружённый заботой мамы, которая после недавней смерти папы тоже стала быстро спиваться. Всех своих хахалей она растеряла, их отпугивал один вид вонючего страшного уродца, и теперь мама пила вдвоём с сыном. Она нежно любила его, своего дурачка-неудачника, хотя и бранила ужасными словами. А он — смирился, сдался.

— Ты победила, жизнь! — бормотал он, жадно следя, как щедрая мамина рука наливает ему полный стакан водки и подносит к его рту. — От этой дурной привычки избавиться труднее, чем от алкоголизма.

— И за это стоит выпить, — кивала хмельной головой мама.

Пробуждение

Под утро у меня прихватило сердце, да так сильно, что думал — конец, туши свет, прощайся с жизнью. Потом, вроде, прошло, полегчало. Разбудил меня голос мамы:

— Просыпайся, сынок! Сколько можно дрыхнуть?

Открываю глаза — вижу маму, живую, улыбающуюся.

— Это ты? — удивляюсь. — Но разве ты жива? Или ты мне снишься, мама?

— Вставай, лежебока! — И мама смеётся. — Может, и пирожки с брусникой, которые я тебе испекла — тоже приснились?

— С брусникой? Мои любимые! — подскочил я. — Бегу! Лечу!

— Звонила Галя, — говорит мама, — просила напомнить, что вы с ней сегодня собирались…

— Да-да, я помню, — говорю, и спохватываюсь — как же так, мы ведь с Галей расстались давным-давно, и больше четверти века я её вообще не встречал…

Звонят во входную дверь — мама идёт открывать, заходит мой лучший друг, Валера Князев, бородатый пузан, который… который… который лет двадцать уже, как умер! Да что же это такое?!

— Садись, Валерик, ешь пирожки с брусникой, — приглашает его мама, и Валера, конечно, садится.

А потом мы собираемся уходить, и мама кричит мне вслед:

— Зайди в издательство, оттуда звонили — они готовы подписать договор на двухтомник!

— Зайду непременно! — отвечаю я.

Вон как, значит, дела-то мои поворачиваются! Уже сами из издательства звонят, а то приходилось ходить, упрашивать.

— Вы с Галей не передумали? — спрашивает Валера, и я понимаю, что он имеет в виду нашу совместную прогулку на теплоходе по Енисею.

— Она ждёт нас на берегу, у речного вокзала, — говорю я, и мы ускоряем шаг, и через каких-то двадцать минут спускаемся к причалу. Да, Галя уже там — она машет нам рукой, смеётся, что-то кричит, кареглазая, юная, совсем молодая.

— Ну, сколько можно вас ждать? — кричит она. — Тут посадку уже объявили!

— А вот и мы! — говорит запыхавшийся Валера. — Привет, Галчонок! Пошли на борт?

— Ваши билеты, молодые люди? — спрашивает матрос возле трапа, и я не сразу понимаю, что обращается он к нам.

Это мы — молодые люди? Впрочем, тут же спохватываюсь, достаю из кармана билеты, протягиваю матросу. Через несколько мгновений мы уже на борту белоснежного теплохода, на верхней палубе, откуда открывается чудесный вид на Чёрное море и на живописные берега ялтинской бухты… Впрочем — стоп! Как тут вдруг могло оказаться Чёрное море?.. Ай, да не все ли равно…

— Не хотите сухого вина? — предлагает невесть откуда взявшийся стройный стюард со столиком на колёсах. — Или молодые люди предпочитают мартини?

Молодые люди? Так это мы — молодые люди? Да, это мы — молодые, здоровые и счастливые! Это мы плывём на белом теплоходе по Чёрному морю, пьём сухое вино, дышим свежим морским воздухом и наслаждаемся своей любовью и дружбой… По палубе чинно проходит седобородый капитан в белой фуражке с золотым якорем и парадном белом кителе с золотыми пуговицами.

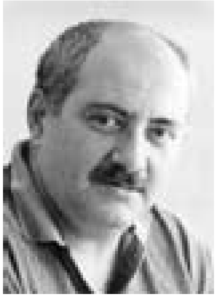
— Нет ли у вас претензий к сервису, молодые люди? — спрашивает он нас.

— Никаких претензий! — восклицает Галя, слегка запьяневшая от вина.

— Все отлично! — подтверждает и Валера.

— Здесь просто чудесно, — соглашаюсь и я, — но у меня лишь один вопрос… вы только, пожалуйста, не обижайтесь! Все то, что с нами сейчас происходит — это, наверное, сон?

— Нет, это не сон, — говорит, улыбаясь, тот, кого я принял за капитана. — Это рай, молодой человек, это рай. Вы его вполне заслужили, молодые люди!



Эльдар Ахадов

Сердце сияет

~

Так воздух тишины пересекает слово,
И возникает храм, не знающий гвоздя.
Я выковал тебя из неба голубого
И радужных полос летящего дождя.
Я вымолил тебя из бездны ожиданья
И, сотворив для нас небесные крыла,
Бог снова разрешил то первое свиданье,
То самое, где ты всегда меня ждала.

Телецкое озеро

Плывёт над Телецким закатный огонь,
Озёрные блещут просторы,
Лелеют небес голубую ладонь
Мохнатые тёмные горы.
Здесь волны, на искры себя расплескав,
Летят, изгибаясь от ветра,
И воздух сияет от запаха трав,
И сердце сияет ответно.

~

Отовсюду, и справа, и слева
До незримой черты зоревой —
Бесконечное лунное небо
Над волнуемой ветром травой.
Словно эхо, стремится куда-то,
Нагоняя себя впереди,
И светлеет, восторгом объято,
С огнедышащим солнцем в груди.

~

Летний пруд с голубым колыханьем стрекоз,
Зимний двор в рассиявшемся лунном снегу…
В эту землю живую я памятью врос,
И себя от неё отличить не могу.
Там, откуда текут в облаках небеса,
Там, куда исчезает меж пальцев вода, —
Возникают и гаснут её голоса,
И во мне остаются уже навсегда.

~

Пронеслись светло и непохоже
Юности мечты и кутежи…
Жизнь моя — шагреневая кожа,
Что с тобою делать, подскажи?
Прошепчи, что все ещё не поздно,
Или ничего не говори,
Но, покуда небо всюду звёздно,
А земля сияет изнутри,
Огради от дара безучастья
То, чего не купишь за рубли:
Сердце, что сжимается от счастья
И тихонько сохнет от любви.

Мысли под дождём

Тает солнца живое олово
На ресницах сырой листвы.
Я спокоен, как выстрел в голову,-
Многим проще без головы.
Ни ума, ни стыда, ни совести —
Лёгкий путь на любой Олимп…
Дождь на цыпочках мечети колкости…
Сквозь листву золотится нимб.

~

И был мне сон
сквозь долгие метели,
Как голос, что зовёт издалека,
И бабочки из глаз моих летели,
И на груди томились облака,
И, как бы от случайного дыханья
Рождался мир из света и тепла…
И падал снег, и длились расставанья,
И возвращеньям не было числа

~

Эти кедры растут в тишину,
Этот воздух пронизан сияньем…
Опираясь волной на волну,
Горы замерли пред мирозданьем.
И роняют меж них облака
Предрассветные влажные клочья,
И белеет в ущелье река,
У вершины продрогшая ночью…

~

Там, вдали, под широким гремящим мостом,
Где река пролегла изумрудным пластом:
Как вода по воде, изумлённо скользя,
Отражается то, что увидеть нельзя,
Что течёт в облаках, что змеится у ног…
Что уже никогда не вернётся, сынок.

~

К его перу слетаются мгновенья,
Стекает жизнь с полураскрытых крыл,
В бездонной глубине стихотворенья
Сияет то, что мастер сотворил.
Там годы и хотели б расступиться,
Но до утра в пронзительную даль
Его друзей нестарящихся лица
Несёт реки прозрачная печаль…
Там небеса всегда обетованны,
Там все вокруг родные и свои,
Идут и не уходят караваны,
Поют и не смолкают соловьи…
Когда же сил останется немного,
И грянет снег, и сгинет суета, —
Усталый мастер поглядит на Бога,
И все начнётся с чистого листа.

Марина Саввиных

Где музыка жила…

~

У меня нет заслуг
Перед моей страной,
Перед моим народом,
Перед моей семьёй.
Из всего, что я знаю, меня
Лишь музыка берегла —
Ни разу не солгала мне,
Ни разу не предала…
Поэтому от людей
Добра я давно не жду,
Пока иду по дороге —
По той, которой иду.
Ведь даже тот,
Кто музыке силу дал,
Наверняка не раз
И предавал, и лгал…
И разве не возносили
Свет над землёй смычки
По гордой воле
Жестокой и злой руки?!
Нет у меня заслуг
Ни перед кем, о ком ни спроси,
Поэтому только Богу
Кричу и шепчу: «Спаси!..»
И не осталось долгов,
Кроме земли в горсти,
Поэтому только Богу
Шепчу и кричу: «Прости!..»…

~

«Душа обязана трудиться…»
Н.Заболоцкий

Тонко все, что состоит из света,
Наши нервы скоро отомрут,
А душа останется… и это —
Воздаянье за напрасный труд.
Но душе надсаживаться вечно!
Замыкая звенья и круги,
Истончаясь нервно и сердечно,
Раздавая жертвы и долги,
Будем отражаться вновь и снова,
Точки бесконечности дурной,
От кривого зеркала земного,
От скупой поверхности земной…

Прощание славянки

1.
Дива-матерь, чёрный гребень, красный хвост…
Сирин, Феникс, Гамаюн и Алконост…
Не твоею ли вечернею тоской
Приневолен мой рассудок городской?!
Дива-матерь, не открыть мне жадных глаз,
Пока светится твой жалящий алмаз,
Не глядеть на дольний мир сквозь мутный свет,
Пока длится в небесах твой дымный след!
Дива-матерь… вдох и выдох… не найти
Здесь ни выхода, ни входа, ни пути!
Позади навеки Алатырь-гора,
Впереди — горящих перьев веера…

2.
Допой свою песню, зеленоволосая вила,
При полной луне, при мелькающем белом огне,
Чтоб гулкое утро бестрепетно остановило
Русалочий плач и качанье венка на волне.
Но если золою присыплет рассвет буераки,
Пока над прудом насекомый колдун не умолк,
Увидит заря, как тропою крылатой собаки
По следу людскому несётся сверкающий волк…
Дремотное племя! Тоска, бесприютность, докука…
Что норов — то омут… отрепья из чёрной парчи…
Постылое имя Даждьбожьего блудного внука
И стонет, и вьётся, и рвётся куделью в ночи…

Из старой тетради

Т. М. Гончаровой

Словарь и горло образуют прозу.
О, если бы все это крепи твердь,
Могла б я пережить метаморфозу,
Как чью-нибудь безвременную смерть!
Так, будто бы состарился и умер
Во мне злосчастный лирик… я сама
Глаза ему закрыла… бедный нумер,
Где он стоял, — просторен, как тюрьма.
Теперь здесь темнота и запустенье,
А думалось — надёжное жильё.
Но, видимо, соседство с милой тенью
Навеки преимущество моё.
И потому — ни роз тебе, ни лилий, —
Что надо бы самой на плаху лечь!
А ведь каких мне стоила усилий
Блаженная рифмованная речь…

Розы

1.

Сухие розы, розовый бессмертник,
Попробуй слёзы — запихать в конвертик…
Поробуй затолкать в коробку — вздох,
Пока он на просторе не заглох!
Но бронза — величава… глина — дремлет…
Стекло — судьбе… фарфор —
пространству внемлет…
И чья-то мысль мерцает в хрустале…
Сухая роза — глиняная ваза…
Метафора священного экстаза —
На скромном ученическом столе…

2.

Розы… розы… дремлете ли… спите ль…
Умерли — а может, вознеслись?
только первородный райский житель
прочитать сумел бы этот лист…
мы — грубы, мы — выспренни и жёстки,
чтобы вашу исповедь прочесть…
Нам бы жесть, материя… подмостки…
нам бы только праведная месть!..
Вам же, небожителям, присуща
Грация предсмертного огня —
Все темней, томительней и гуще
Вы сквозь сон глядите на меня —
как нимфетки, чья душа измята
узами отравленной любви…
Я не рада… и не виновата…
Ничего не надо! C'est la vie…
Страх и гибель чувственности полны!
Красота — страданием полна!
Розы… розы… траурные волны…
Бред блаженства, выпитый до дна…

Е. М.

Где музыка жила, цветёт шиповник,
И ноет монотонная пчела,
Как будто нами брошенный рифмовник
Игривая дриада подняла
И тешится, созвучья выкликая:
Трава — листва… Любовь?
Конечно, — кровь…
Звенит пчела, в кустарнике мелькая,
И, как ковчег, душистый прочен кров…

Но мы вспорхнули, две вчерашних тени,
Внимавшие литании растений,
Ронявшие в руины тишины
Рифмованные страсти старины…

Там что-то сочеталось и сплеталось,
Распалось и теперь навеки — врозь.
А музыка в шиповнике осталась,
Когда-нибудь найдёшь — сорви и брось!
Быть может, осень, опытный садовник,
Найдёт ей примененье и приют…

Где музыка жила, цветёт шиповник
И пчёлы беспокойные снуют…

Д. К.

Видишь — я люблю тебя… дружище…
бестелесно — и всецело… разве это
не заклятье, что по свету волком рыщет
Между складками заката и рассвета?..
Где младенцы без конца рискуют в прятки…
Где безумцы с кораблей бегут в подвалы…
Мы играем в буриме и лижем шоколадки…
И, в предчувствии беды, дрожат кварталы…

Там, в пыли — два радужные блика…
Или — скажем так — два пятнышка индиго…
Две гримаски… два прыжка…
два звонких крика…
Их уносит в рай небесная квадрига…
Вон они летят… и ржут, как кони… зло и дико…

В наших вечных небесах — навеки гром и тучи…
Ливень… ветер… град и… полнолунье…
О, сладчайший… дольче… дальше… дуче!!!
Полночь… полынья… а, впрочем, плюнем!!!
Пусть над нами насмерть бьются тучи!!!

Чтобы наши дети — под Вивальди —
В тайниках подвалов измышляли зелье…
чтобы не исчерпалось веселье…
чтобы свастика — мелками на асфальте…
и по Чёрной мессе мрачное похмелье…

А чего ещё — мы не видали?
На фортиссимо… в грохочущем финале?!!

памяти Алёши Аникина

Тёмною, кудлатою, босою,
Источая дребезжащий смех,
Ходит эта… бледная… с косою,
Прибирает тех, кто ярче всех.
О!!! Не те, кто здешней власти близок,
И не те, которым — лесть и звон,
Составляют всепланетный список
Ею облюбованных имён…
Знаешь, в нём не так уж много строчек.
«Звёзды» невзыскательной толпы —
В этом списке только беглый прочерк:
Ни лица… ни мысли… ни судьбы…
Что ей наши гнойные коросты —
Деньги, тряпки, званья и дворцы!
Вот они летят по небу, звёзды,
Вечности желанные птенцы…
Лёгкие — не тянет вниз обуза…
Чистые — лучами в душный смог…
Так, должно быть, продолжает Муза
То, что мальчик вытянуть не смог.
И когда над нами догорает
Опалённых листьев красный след,
Их Всевышний в стаи собирает,
Чтобы мы узнали горний свет…
Видишь? там! Открытое окошко?
Искры, промелькнувшие внахлёст?
Звёздочка сверхновая… Алёшка…
Как тебе — звездою среди звёзд?…

Эдуарду Маркаичу

Священное безумье музыканта
Не подлежит житейскому суду.
Бог весть, какая меченая карта
Ему сулит и радость, и беду;
Какие черти шлют ему проклятья,
Каких вершин касается душа,
Пощёчины какие и объятья,
Какие виражи и антраша
Ему судьба капризная дарует…
Он терпит всё! Он счастья не ворует
И горестной минуты не клянёт —
Ведь если к сердцу музыка прильнёт,
Или, напротив, гению подвластна,
Она сама потянется на свет,
Становится блаженно и прекрасно
Все то, чему ещё названья нет!
Лишь звуки… только звуки… эти звуки…
Их из рояля извлекают руки,
Похожие на двух клюющих птиц,
А, кажется, и звёзды пали ниц,
И Ночь перворождённая проснулась,
Чтобы из пепла музыкой восстать,
И Небо музыканту развернулось,
Как роковая нотная тетрадь…

«Дрожит вокзал от пенья аонид…»
Мандельштам

Напрасно в свитках Мельпомены
Ты ищешь знаки перемен —
Все времена одновременны,
Как жесты каменных камен.
Что сколько стоит, что — бесценно?
И что есть истина? Как знать…
Судьба поставлена на сцену —
И каждый вынужден играть…
Театр — зеркало! Не там ли
Всем отразиться суждено?
Ты сам себе — и Лир, и Гамлет,
И Клавдий с ними заодно!
Тебе так сладостны и гадки
Твои жестокие дела,
Твои эдиповы загадки,
Твоя аттическая мгла…
Безглазый призрак наслажденья
Тебя пугает и манит,
Как незаметные движенья
Окаменевших аонид…
И лишь пред Богом сердце просит
Необоримый сбросить груз!
Душа тоскует — ветер носит
Мольбы прощающихся Муз,
Все те же слёзы проливая,
Все так же песни завывая…

Смерть Геракла

«Примешь ты смерть…»
Пушкин

Так морщится трава
Под дуновеньем света,
Так зыблется вода
В такт мутному зрачку…
Судьба моя, зачем
Ты смотришь в это лето —
Там только мотылёк
прилеплен к стебельку…

Дремучее стекло…
В нём очи или зенки?
Что значит этот звук?
Здесь крыша или дно?!
Не надо на краю —
Прижмись, втяни коленки!..
Здесь благо или зло?!
Пойдём искать руно!

На головах царей
Божественная пена…
Возьми себе, Ясон,
Предчувствия мои…
Все движется, как мир,
Ветшая постепенно…
И нету ничего
Ничтожнее любви!

В ничтожестве своём
Она уже — как пакля,
Что щиплют над огнём…
Лишённая надежд,
Так женская душа
Тоскует о Геракле —
И ждёт Геракла смерть
От собственных одежд…

Polemos

Остановимся на том,
В чем совпали наши взгляды,
И, шипя сведённым ртом,
Их отстаивать не надо.
Остановимся хоть раз
Накануне разногласья —
Наше к истине причастье
Проверяется сейчас…
Все, что было до сих пор, —
Априорные понятья!
Так обнимемся, как братья,
Перед выстрелом в упор!

Владимир Монахов

Мысль живёт внутрь себя

дневник провинциала

Жизнь захлебнулась в рекламе!

Предисловие

« Бог плакал и читал стихи по-русски,
томление в груди глаголом заглушив.
Ведь сердца боль — полоска жизни узкая,
спасает всё на пёрышке души. »

Из дневника

Настоящая литература делается из чистого и честного слова, и если нет такого слова, то литература не получается, а чаще всего, может, её даже и нет. Давно заметил: в повседневном мире литература перестала быть отражением или содержанием жизни, а осталась только фактом газет, радио и телеканалов. Не важно, что написано тобой, важно, что о тебе написали или сказали другие. И чем больше ты публикуешь (заметьте, не пишешь, а именно публикуешь), чем чаще о тебе говорят, тем лучше твоё материальное положение в обществе. Поэтому сегодня многие этот процесс и пытаются выдать за литературу. А ведь читателю, может быть, и нужен один-единственный роман, или повесть, или стихотворение, или даже строка. Одна-единственная строка, которую он готов декламировать всю оставшуюся жизнь!

Вот и мучает меня эта простая мысль, поскольку не ощущаю в себе самом крепкого и важного честного слова, на которое опирается настоящая литература. Все пытаюсь переплыть на другую сторону языка, задать себе какие-то формальные форматы без слов, без речи, а в итоге получается и без души. А когда у честного человека нет честного слова, когда он им не владеет, тогда приживается далеко от самого себя, приживается там, где удобно развращённой, жадной плоти, а не там, куда зовёт сердце, где мучает душу бес словесности.

Жизнь захлебнулась в рекламе,
Но трудится небо средь звёзд.
Россия между стихами —
На сотню безлюдных вёрст.
Заходы ума холостые
Рифму катают в асфальт,
А мысли сверхскоростные
Вокруг источают фальшь.
И в мастерстве сверхлюбови
Выигрыш тронет грехом,
Чтоб чёрным глаголом боли
Вырезать душу стихом.

Впрочем, наше всемирное школьное образование привело к тому, что большинство людей стесняется литературы и особенно стихов, не то что любви, а даже терпения к поэзии не испытывает, а значит, и её верховенства не признаёт. Поэтому всецело готово даже отказаться от неё и способно разве только терпеть в виде простеньких ритмов и рифм попсы, которая вдалбливает нам в голову простоту жизненных отношений, где средств хватает только на богатую духовную жизнь.

Здравствуй, эпоха поэтомасс!

« Я чувствую, как ждёт народ стихов! »

Руслан Элинин

« Поэты выносят Россию вперёд стихами! »

Из дневника

Разговор о современной поэзии зашёл в тупик. Горячий спор о путях литературы завяз в мелких разговорах о классиках и новаторах, сбрасывает с корабля современности то одних, то других. В результате спорщики запутались в частностях и погрязли в мелочах, изолгались в личностях, но при этом так и не выяснили главного и обобщающего в поэзии грядущего, не определили того, что наполняет и насыщает новую литературу, создавая плотный устойчивый базис на будущее.

А ответ нужно искать в том, что если до сих пор в поэзии действовали преимущественно личности выдающихся одиночек и как вешки на столбовой дороге поэзии указывали направление развития, то сегодня мы стоим на пороге и по сути открываем эпоху поэтических масс, которая создаёт из суммы талантливых индивидуальностей коллективного автора. Это значит только одно: в современной литературе наблюдается столпотворение классиков-новаторов, которые ушли далеко вперёд своих предшественников в мастерстве поэтического творчества. Но они собирают и объединяют вокруг себя не столько толпы читателей, как было прежде, сколько толпы больших и малых поэтов, которые являются главными потребителями и производителями литературного материала. Поэтому всеобщие стоны об ухудшении поэтического слова — симулякр текущего литературоведения. Поэзия все так же тотально заполняет мир. Интернет тиражирует без редакторов всё, что пишется стихами и прозой. А запугивание мало читающих критиков, которые способны осилить от силы два десятка поэтов, — проявление воли разочарования. XIX и XX века дали по десять великих поэтов, и одновременно существовала рядовая поэзия, которая отвечала насущной потребности дня или группы читателей. И ни один великий не затерялся среди

множества малых и вписан в историю литературы. Поэтому меня никогда не пугало, что число поэтов так стремительно увеличивается, что они самостоятельно находят выход к читателю при помощи издания малотиражных книжек, журналов, создавая литературные сайты в Интернете. Активно действующие поэты ведут между собой стремительный обмен этими изданиями, не боясь жить замкнутой кастой литературы. Всё, что производят, то и потребляют внутри своего сообщества, не претендуя на выход к массовой публике. Почти каждый поэт имеет толику своих читателей, которым регулярно передаёт свои тексты и с тем же успехом получает тексты других авторов, поддерживая с ними регулярную связь, являясь активным потребителем рифм соперников.

Стерильный читатель уже редкость среди толпы производителей стихов. И все увеличивающаяся толпа поэтов формирует в информационном глобальном обществе огромную литературную стихомассу эпохи всеобщей начитанности. Только наличие большого числа сочиняющих и воспроизводящих все новые и новые стихотексты обеспечивает поэзии стабильное число читателей, тот самый золотой традиционный один процент потребителей стиха, коим всегда удовлетворялась и будет удовлетворяться поэзия.

Но такая огромная толпа поэтов, естественно, пугает многих непрозорливых и недальновидных наблюдателей, а потому они её по привычке записывают в разряд графоманов, как это было принято ещё совсем недавно. На самом деле поэтомасса не только создаёт литературу, но формирует и переваривает идеи будущего, перекачивая и структурируя их в иной язык грядущего. Если в XIX веке малограмотная Россия смогла переварить своим малокультурным умом только одного великого Пушкина, то сегодня лишь толпа поэтов способна переработать надвигающийся поток информации в понятную и запоминающуюся нам форму нового слова. Поэтому любой поэт вам скажет, что нынешнее время требует массового стихосложения и стихокомментирования, а не стихопрочтения.

Недаром Юрий Арабов при вручении ему премии имени Бориса Пастернака сказал: «Стихи в России писать невозможно, потому что в России все пишут стихи. Я думал, удушье потребительского общества искоренит эту блажь, но нет, каждый день появляется гениальный поэт». Лауреат, конечно, пошутил, комментирует автор газеты «Коммерсант». Но посвящённые знают, что в этой шутке больше правды, чем в оперативной статистике сайта стихи.ру. Зарождение и тотальное размножение поэтомассы в России на фоне построения потребительского общества означает страстное желание грамотных людей защититься от этого самого *потреблянчества*, в которое, как в отстойник, окунули страну реформаторы.

Конечно, поэты не против того, чтобы на прилавках была в достатке колбаса, сами кушают, как минимум, три раза в день. Но их пугает, что колбаса стала точкой отсчёта, главным мерилом благополучия, психологического комфорта не только в повседневной жизни, но даже в литературе и в душе. А литература и душа для образованных русских остаются священной коровой на протяжении двух веков, как минимум. И в ответ — стихи-йный творческий протест, грандиозный поток самовыражения методами стихосложения. Это законная реакция знающего грамоту русского человека, которого принудили каждый день лицезреть в изобилии колбасу. И от этого изобилия народец наш ударился в стихи-ю.

Производить материальные ценности грамотному человеку не с руки, а вот завалить страну стихами — это запросто. Это даже настоящий духовный подвиг, который, может быть, останется в веках. Ведь колбасу съедят на следующий день, а стихами, глядишь, ещё можно прославить Отечество, если даже самому не удастся стать, как наше все, памятником себе. Поэтому не устаю повторять свою излюбленную мысль о том, что поэты выносят Россию вперёд стихами. Куда они её донесут — неведомо! Может, свет в конце поэтического тоннеля — это все же огни ада? Только поэты не знают или не хотят замечать, что в современной словесности происходит замена божественного глагола на чёрный глагол. Если Бог всегда познавался в молчании, что исследовала настоящая поэзия, то дьявол действует в сладких речах искушения. И теперь новая литературная среда не учит обустраивать жизнь, а сама обустраивает иной мир. А все потому, что, приняв формулу мёртвого Бога хотя бы в душе, человечество приучается жить своим умом познания виртуального базиса.

« Я остался пунктиром… »

Евгений Степанов

кто-то в поэзии — полное собрание сочинений,
а кто-то — поэма,
кто-то — крохотное стихотворение,
а кто-то — всего лишь оборвавшаяся строка,
кто-то — запятая или даже точка…
А я в поэзии — тишина!
Кто-то слышит меня, читатели мои?

О, другорядь меня!

« Вот опять бытие потеряло внешность,
Бесконечность показывает людям спину.
Бог имеет право исполнить погрешность
На человечество плюс или минус. »

Мир неожиданно вырос — внушал себе и современникам в середине XX века Ортега-и-Гассет. Но философ обманулся. Мир остался в закреплённых границах стабильности, а выросло отражение мира человеком, когда он с помощью новых и высоких технологий стал расширять координаты помысленного. И это разрастающееся мощное отражение внутреннего мира мыслитель принял за рост материального. Хотя немудрено было обмануться. Прежде человечество жило упрощённым, малоформатным уровнем духовности, но рост коллективного, а затем массового авторства сделал мир XX века духовно усложнённым, породив иллюзию расширения бытия, когда на самом деле умножался и плодоносил интеллектуально-культурный социум, формируя новую цель цивилизации, в

которой продолжение бытия было целиком за человеком, растворившимся в творце.

И теперь с нарастающей скоростью геометрической прогрессии отражение набирает мощь, приведя нас к возникновению мировой деревни, соединив каждого со всеми и всех с каждым, найдя при помощи глобальной сети Интернета путь к строительству виртуальной реальности, где только человеческий разум свободно действует в порождённом им отражении. Это наш разум создаёт и приумножает такое отражение, что оно стремится стать тождественно бытию и миру, вечности и бесконечному, порождая новую форму нечеловека-видимки, который уже способен мыслить не от точки до точки, а стать проводником жизнемыслия сквозь необъятное Ничто бытия, заполняя собой пустоты пустот проекта виртуальной реальности, переиначивая бытие-для-себя и для-себя-бытие. По сути мы становимся свидетелями того, как мир материальный заполняется миром отражённым, а в перспективе не исключается замена первого вторым, обнажая конечную цель человечества, вооружённого искусственным интеллектом, что уже давно не выглядит безответственной фантазией.

Мы стоим на пороге большого творческого слома, где Бог не факт, а формула духа, руководящее движение ума. Теперь благодаря тотальному обогащению материального мира внутренним миром человека нам предстоит изменить и себя, и все вокруг нас. Изменить до такой степени, что это позволит путешествовать во времени, проникать в антимиры и делать то, что пока неведомо, для этого приобретя новый, а по сути другой исторический ресурс, который и обеспечит нас пока ещё не опознанной формой существования, где духовность и интеллект будут обходиться без плоти. Ведь футурошок испытывает разум, заключённый в оболочку тела, а освобождённый разум, разум, очищенный от рефлексов плоти, нельзя запугать. Устранение боли раскрепощает фантазию, которая, избавившись от здравого смысла настоящего как инструмента устаревшего, станет проводником нового ускоренного хода событий, когда все становится человеческим Я, которое нельзя опровергнуть. Ведь опровергая собственное Я, мы лишаемся возможности творить. В христианстве Я было замещено Богом. И когда Бог умер, то новоЯвленное Я становится Духом, Отцом и Сыном. Но не устаревшей Троицей, а молодым Богомвнуком, которым должен почувствовать себя нечеловек-видимка, разливая в для-себя-бытие творческое бессмертие. Мир тесен, — напоминал нам Шиллер. Но мозг человека необъятен. И мы на пороге необъятности, где другорядь потомков каждого из нас становится всегда-я-бытие.

В «Чёрном квадрате» Казимира Малевича
Трудится мысль не покладая рук:
Тьму разделяет на части света и речи
Играющий на компьютере Бог-внук.

Оглушённые традицией

Историческая справка, составленная в пять часов утра на квартире поэта Ильи Фонякова. Санкт-Петербург, Малая Посадская, дом восемь.

В пятницу, 22 апреля 2005 года
от рождества Христова,
На XII фестивале русского верлибра
В музее Анны Ахматовой на Литейном
Было установлено два микрофона:
Один для больших,
Другой — для маленьких поэтов.
Но первый микрофон работал со сбоями,
И потому большинство авторов
Выходили к микрофону для маленьких.
— Мы знаем своё место, дорогая Анна Андреевна!

Это было написано по ходу фестиваля и прочитано на второй день. И хотя я публично поклонился Анне Андреевне, исторически признавая её верховенство, но эстетически, поэтически, новаторски, увы, поддержать свои же слова поэта не могу. Я до сих пор плохо понимаю, почему Ахматова — одна из крупных русских поэтов XX века, хотя не беру на себя смелость сбросить её с корабля современности. Пусть другая современность будущего решит сама: с кем вы, товарищи художники свободного слова? Но я знаю твёрдо: верлибр в России вышел на оперативный читательский простор, хотя по-прежнему находится под подозрением.

На днях Евгений Рейн в Братске кричал, что незачем писать верлибр: русская поэзия молода, в русском языке есть ещё много места и времени для регулярного стиха. Он говорил в унисон с другими русскими поэтами, которым по-прежнему не даёт покоя верлибр, поэтому они не упускают возможности сказать своё гневное «нет» свободному стиху, продолжая политику если не тотального запрета, то обязательного ограничения. Вот и на заседании круглого стола, который прошёл несколько лет назад во время летнего Байкальского фестиваля поэзии, Александр Кушнер был категоричен: «Верлибр хорош только изредка!», продолжая в унисон антиверлибровую политику близкого ему по духу Иосифа Бродского, хотя нобелевский лауреат верлибром тоже баловался. Олег Хлебников развил мысль филолого- идеологически, настаивая, что русский язык ещё не исчерпал своих возможностей до того, чтобы верлибр стал вдруг столь же обязательным. Евгений Евтушенко со свойственным ему апломбом договорился до того, что по-настоящему свободным стихом могут пользоваться только поэты, которые полностью освоили грамматику поэтического мастерства в области регулярного стиха, и закрепил свой тезис примерами из известных только ему поэтов. И даже по-женски добрая Надежда Кондакова была больше слегка против верлибра, чем слегка за.

Из истории вопроса хорошо известно, что это не первая попытка поэтов, именующих себя русскими, ограничить распространение свободного стиха в отечественной литературе. Уже давно не секрет, что запреты на свободное хождение верлибра с подачи традиционных поэтов зародились в идеологических отделах ЦК КПСС, поэтому нетрудно заметить, что нынешняя попытка эпигонов регулярного стиха ограничить хождение свободного подпитывается нашим идеологизированным прошлым, когда любой секретарь ЦК

мог директивно запретить не только содержание, но и форму. Слава богу, что поэты, даже такие большие, не секретари цк!

Опыт Запада диктует, что рифма приказала долго жить, верлибр стал доминирующим в западной поэзии. Такая перспектива пугает русских поэтов, придерживающихся традиции. Но практика и опыт свободного стиха за последнее десятилетие убеждают, что русский верлибр не теснит ритм и рифму, а только занимает своё законное место, нисколько не понижая уровень русской поэзии, а, наоборот, раздвигая её рамки. Что касается качества свободного стиха («Иногда мне кажется, что некоторые авторы верлибров вообще нас дурачат», — удивлён журналист А. Харитонов), то тут уместно вспомнить самого рифмующего Евгения Евтушенко, который иронично заметил, что им написано 130 тысяч стихотворных строк, из них процентов 70 — чепуха. Из этого следует, что никто не защищён от графоманства, какой бы форме ни отдавал предпочтения. Простите за банальность, но главное достижение любого стихосложения — это поэзия, а за счёт чего она достигается и с каким именем приходит к читателю — не важно. И тут мы даже противоположно едины!

Поэтому мне куда приятнее соглашаться с французом Анри Делюи, который не поддержал поэтического экстремизма наших соотечественников, напомнив им, что так называемые перформансы и визуальная поэзия на самом деле никакой опасности не представляют. Напротив, все эти новшества расширяют поэтическое поле. К тому же они не привносятся извне, а вырастают из того, что мы и называем поэзией…

Вот и я об этом же, но слышат ли нас старшие поэты, оглушённые своей традицией, в челюстях которой хрустит мясо поэзии?!

Кадр двадцать пятый — гения вызывали?!

И все-таки надо признать: самостоятельного литературного потока уже нет, как бы мы ни старались оформить его в виде литгазет, литжурналов, литсайтов. Бурный, всё охватывающий и всё поглощающий информационный поток размыл границы литературы и подавил всё нарастающим валом событий. А литературный талант сегодня востребован и призван журналистикой, телевидением, эстрадой, политикой. Собственно, так было и прежде, но сегодня оформилось окончательно и, кажется, бесповоротно. Писатель романов — это сочинитель для себя, а в повседневности он производитель продукта информационного процесса, поскольку хочет быть заметным : меня видят — значит, я существую. Но видят только того, кто производит новости. Производит как собственно герой или сочиняет их как летописец.

Виктор Шкловский на реплику Треплева из чеховской «Чайки»: «Новые формы нужны, а если их нет, то лучше ничего не нужно» — дал исчерпывающий ответ: «В общем, дело обстоит так. Изжив старые формы, «высокое» искусство попадает в тупик. Все начинают писать хорошо, но никому это уже не нужно. Формы искусства каменеют и перестают ощущаться, я думаю, что в этот период не только читатель не знает, прочёл ли он стихотворение или нет, но и писатель не помнит, написал ли он его или не написал. Тогда падает напряжение в художественной атмосфере…». Но как только напряжение в художественной атмосфере падает до минус бесконечности, так это пространство занимает информационное поле, и ему для постижения красоты и истины уже не нужна художественность, от которой несёт нафталином давно забытого прошлого. А нужна только видимая сменяемость сюжета масскультуры, по крайней мере, видимость быстрого продвижения при помощи скандального сюжета до обязательного 25 кадра. Того самого опасного 25 кадра, в который непременно закладывается просчитанная автором истина, заменяя современникам всю художественность, поисками коей мучили себя творческие люди прошлого. В 25 кадр можно заложить Иисуса Христа, а можно Иуду, можно Пушкина, а можно Евтушенко, можно Платонова, а можно Пелевина. Можно великого, а можно малого. Все теперь зависит от играющего монтажёра, который убеждён, что без него нет будущего. С их помощью современный разум ищет известности только своим мыслям, но находит лишь утрату чужих открытий, которые в процессе перехода разрушают даже пустоту пустоты.

Поэт! Грабь награбленное!

> «На картошке Пушкин не вырастет!»
>
> Муза

Сегодня многим кажется, что литература иссякла, а остались лишь споры о ней как о факте истории, о том, что литература — была! Поэтому многим тяжело живётся с ощущением, что национальные запасы поэзии исчерпаны и уже нельзя сказать ничего нового, яркого, самобытного. Язык переживает очередной кризис, мучаясь ветхим заветом русского мата, который выдаётся за последнее слово в литературе, хотя на самом деле ведёт к оскудению поэтического ландшафта.

Но я чувствую новое поколение, которое уже очищает речь, и прежде всего речь поэтическую, пробуждая прозрение, что уровень отечественной поэзии и стихосложения на самом деле достаточно высок. Волевой силой творчества проявляется масса авторов, демонстрирующих высокое мастерство, утончённость вкуса, завидную виртуозность духа, пробивную силу таланта, которые и не снились поэтам сто лет тому назад. Многие из сегодняшних поэтов могли бы в начале XX века стать классиками, продиктовав иной ход литературе. Сегодня стать маяком поэтического движения куда сложнее, поскольку общий уровень поэтической культуры настолько высок, что на фоне самого лучшего лидер не может чётко проявиться. Но точную инструкцию, как стать лучшим, дал когда-то Фёдор Сологуб: «Будет время, когда придёт настоящий разбойник в литературу. Он смело и открыто ограбит всех, и это будет великий русский поэт». Известное универсальное средство — кто не грабил, тот не разбогател — можно считать справедливым и для литературы. Пример тому — бессмертный Александр Пушкин,

который сплавил жажду русской поэтической речи с европейскими литературными сюжетами, дав настоящий толчок развитию отечественной культуры. Но, как заметил Михаил Гаспаров, хотя новые классики и вороваты, но грабят по-мелкому, выборочно и каждый одного… «Поэтому мало надежды, что из них явится Пушкин». Поэты, прислушивайтесь к рекомендациям умных людей! Пора широко грабить предшественников, ведь России нужна новая великая литература!

Да, раньше приходили гении, чтобы добыть слово из главного Слова — Бог, теперь вокруг и внутри литературы толпятся лишь те, кто намерен к Слову Бог дописать свои, но пока что у них получается — «Здесь был Вася».

Наша эпоха — даром и красиво!

> Даже сны невозможно смотреть,
> Интереса к ним нету ни грамма,
> В них порнуха с чернухой на треть,
> И, вдобавок, на четверть — реклама!

Современный русский поэт Геннадий Красников с помощью всё той же понятной нам пророческой рифмы довольно — таки чётко очертил острую проблему современного потребительского общества, которое насыщено энергией соблазна. Теперь в мире главной осью, духовной и экономической составляющей становится уже не столько потребление самих товаров как таковых, сколько наслаждение их вербально-образным смыслом. И за последнее время это сделалось активным продуктом даже агрессивных сновидений — недаром замечено, что медиаобразов и видеометафор становится больше, чем материальных предметов и прочих ценностей особенно. Сегодня большинство человечества принимает участие не столько в детализации предметного бытия, сколько в отражении возможных новых деталей.

В результате этого мы твёрдой потребительской походкой вошли в эпоху виртуальных приключений, с помощью которых человечество поголовно должно самоподтверждаться, поглощая не столько материальный, сколько виртуальный мир, отсылающий нас всегда к мифу и только к мифу.

И в этой исторической ситуации, оказывается, совсем неважно, что сделано, куда важнее растиражировать все наши намерения безмерному информационному миру. Но один раз недостаточно — нашумевший лозунг Энди Уорхолла, что каждый имеет право на 15 минут славы, безнадёжно устарел. Поэтому регулярный повтор самоутверждения должен звучать в системе всех координат не только жизни, но даже смерти, поскольку тому же американскому острослову принадлежит вполне современное уточнение, что он больше всего известен в основном своей известностью. А это уже прерогатива рекламы, поскольку, по замечанию современных философов, человек не желает больше жить в мире, который создан не им. Так механизм рекламного стиля взаимного общения проникает из со-бытия в бытие небытия и заносит нас в водоворот целого, что создал накануне мировой разум. Несёт не для того, чтобы мы укрепили единственное целое, а разрушили *всё* напрочь деталями рекламного стиля мышления, с помощью которого мы сменили факт существования на факты видимости. Пока нас видят, слышат, ощущают — значит, мы существуем.

Почему реклама расцветает буйным цветом? Да потому, что нам с помощью инструктивного мышления пропаганды всеобщего потребления внушили иллюзию бесплатности изобилия, которое теперь пытается управлять *всем* при помощи ожидания чуда! В нашем медиасообществе придаток иллюзии достиг совершенства давно ожидаемого избытка, с помощью которого иллюзия научилась покупать и продавать сама-себя-себе, заменив устаревшую экономическую формулу товар-деньги-товар.

И нашему большинству нравится наличие избытка, и реклама это активно демонстрирует. Вторичное- даром и красиво- подменило первооснову, чтобы построить новый базис, в котором регулярная демонстрация иллюзии изобилия стала преобладать над производством собственно товаров, продуктов и даже произведений искусства. Впрочем, как заметил современный модный художник Константин Батынков, «критиковать рекламу и общество потребления бессмысленно, потому что это становится саморекламой». Поэтому общество лишь молится виртуальной Троице, где Отец-товар, Дух-реклама, а Сын — деньги.

Послание чёрного квадрата белому…

> Мы раздавлены наследием…
> — Прощай, — говорит мне эта мысль, —
> Я дальше не пойду».
> Поль Валери

> Вот я и дома, — сказала мысль,
> оглядевшись по сторонам. — Но
> что-то за время моего отсутствия
> у тебя стало, как в отхожем
> месте. Ничего, поработаем —
> наведём порядок.
> Из дневника

Художник нарисовал большую цветную картину и пригласил друзей оценить работу. Слов одобрения не требовал, а поставил рядом ведёрко с чёрной краской и кисти.

— Каждый имеет право замарать на полотне то место, которое не отвечает его эстетическому вкусу, — был щедр художник.

И началось. Часа не прошло, как картина была полностью закрашена в чёрный цвет, и лишь светлые паутинки в середине напоминали, что когда-то полотно несло в себе солнечный свет.

Так родилась ставшая со временем знаменитой картина «Чёрный квадрат», в которой была завёрстана идея, что подлинная красота видна даже сквозь тьму. Так была поставлена чёрная жирная точка в вековой истории искусства, после которой открылась новая концептуальная веха в понимании роли искусства как науки и науки как искусства. По сути, обозначилась смена первоисточника и ухода начала начал. Это произошло лишь тогда, когда чёрная муть души совпала с мраком хода истории. Именно с «Чёрного квадрата» стартовал новый XX век и положил начало

военно-литературному развитию человеческой цивилизации, дегустируя бытие глотками культуры. Ведь после сотворения и продолжительной эксплуатации мира роль информационного насыщения бытия перешла от бога к человеку, который вооружился научно-техническим прогрессом и преодолел ограниченной исторический путь от индивидуально-ремесленного «я мыслю» до коллективно-индустриального «мы существуем», с помощью чего разомкнул бытие явленное на событие про-явленное и закреплённое с помощью чистого разума.

И теперь на наших глазах при помощи глобальной коллективной души (не путать с мировой душой), виртуальной реальности человек-творец пытается успешно закрепиться и обеспечить себе веЩное существование, переходя от тавтологического возобновления себе подобных как события бытия к постоянно действующему со-бытию бытия, где вечность всегда не в конце, а в начале.

От Ницше известно, что Бог умер. Но даже умерший Бог един, потому что литературно-прикладной человек — это элементарная частица господнего распада. И главная задача всевышнего трупа — умертвить остальное, чтобы собрать и слить воедино частицы бессмертия — наши души — и на этой основе воскреснуть самому. Для этого собираются наши души в раю и в аду.

И человеку ничего не останется, кроме как защититься бессмертием (а наша жизнь — это точка пересечения с ним), создавая виртуальную реальность на основе клонирования действующего настоящего, и скрыться в новой реальности, где мы будем недосягаемы для божьей кары, которая даже после смерти Господа всесильна над нами, пока мы пользуемся его бытием. Виртуальная реальность — это наш шанс стать нечеловеками-видимками, это наше движение в сторону Слова, того самого Слова, которое по-прежнему вначале и с которого все началось. Но нечеловеку-видимке нужно начала постичь раньше, чем это сделает, умертвив нас всех поодиночке, стремящийся к воскрешениюБог.

И прежде всего необходимо: выслушать всё, собрать всё, организовать всё, пережить всё и спасти всё, как это делал со скоростью света Всевышний. Но мы помчимся ему навстречу со скоростью тьмы «Чёрного квадрата». Нам ещё предстоит сгустить краски от чёрного — до белого. Ведь все лучшее выходит из тьмы на свет поэта. Ибо там, где для Бога конец, там для человека — начало!

Поэты — замкнутая каста современности?

Диалог поэтов **Владимира Монахова** (Братск) и **Эльвиры Частиковой** (Обнинск — Боровск)

Владимир Для многих русских поэтов переписка всегда была составной и очень важной частью литературного творчества. Переписываются и современные поэты. Наш с Вами эпистолярный роман, если не ошибаюсь, длится больше десяти лет. Что для Вас переписка с поэтами — архаика или повседневная потребность души?

Эльвира Это просто общение с тем, кто мне интересен, но иначе — недоступен. Те, кто отводят мне на контакты телефонные звонки, и сами недостойны большего.

Владимир В конце 90-х я спросил у Вас: «Значит, вы не поддались искушениям сети и по старинке пользуетесь почтовым ящиком, доверяете больше медлительной почте, чем скоростному «емельству»? Вы сопротивляетесь наглому техническому прогрессу, который подминает поэзию, или следуете устоявшейся привычке?» А Вы ответили, что «электронкой» пользуетесь и восхищаетесь удобством, но… Вам доступнее способ — бумажный. Причина в отсутствии под рукой соответствующего оснащения.

Теперь сеть стала доступной, а наша с Вами переписка как-то подувяла, мы стали дальше друг от друга, письма посылаем информационно скупые и все реже и реже. Что это с нами произошло?

Эльвира Электронная переписка очень мобильна, она не располагает к раздумьям, лирическим отступлениям и каким-то неторопливым беседам с адресатом, что предоставляет бумажная. Поэтому её вести интереснее, равно как и ждать подробного ответного письма.

Владимир Современные поэты — это своеобразная замкнутая каста, которой каким-то чудом удаётся обходиться без читателей. Готов поспорить, что сегодняшние читатели Эльвиры Частиковой — это зачастую другие поэты, а если это читатель в чистом виде, то, как только мы его тщательно поскребём, обязательно обнаружим скрытое тщеславие несостоявшегося поэта. В этой связи хотелось бы услышать, каких поэтов читаете Вы и кого Вы готовы открыть для других.

Эльвира Мои читатели разные: от понимающих меня — до сочиняющих меня. Среди них есть и поэты, но небольшая часть, т.к. поэтов всегда меньше, чем их антиподов. Открывать новых поэтов — счастье для меня, и у всех своя последовательность. В 60-е годы я открыла для себя Инну Лиснянскую, Юнну Мориц, кто-то лишь теперь… Активно слежу за творчеством Светланы Кековой, Инны Кабыш… Сегодня восхищаюсь романом Игоря Ефимова «Неверная», стихами Юрия Ряшенцева, Александра Кушнера, Геннадия Русакова, Юрия Беликова, Константина Кедрова… Современную жизнь сопровождает много хороших книг, таланты в нашей стране не переводятся.

Владимир В общепризнанном понимании Вы традиционный поэт, но встречаются среди Ваших ритмов и рифм вкрапления верлибров и хайку. Современная поэзия разнообразна по форме и содержанию. Как Вы относитесь к этому «разновразию» и насколько готовы поддерживать этот разлив экспериментов?

Эльвира Своим творчеством я никого не готова поддерживать, ибо самовыражаюсь своим способом — ничего более. Хочу — пишу верлибр, хочу — рифмую или перехожу на прозу, как слышу подсказку Всевышнего (кого же ещё?!). Мне неважно, в чьих это традициях, лишь бы не противоречило душе моей. Самое интересное сегодня и всегда — когда пишется, замыслы теснят

друг друга, просятся на бумагу и ничего этому не мешает! Потом всякие творческие конкурсы, в результате которых обнаруживаешь себя замеченной и опубликованной где-нибудь в Сибири («День и ночь», «Город гротеска»), в Канаде («Форум»), в США («Флорида», «Всемирный день поэзии»). Не хочу продолжать перечисление, т.к. это побуждает назвать и те издания, в которых меня нет, а их столько! Впрочем, это стимулирует и рисует небывалые перспективы, не правда ли?

Владимир Может быть. Тем не менее, в своём творчестве Вы постоянно возвращаетесь к Пушкину и напоминаете читателю о любви к нему. Не устала ли Ваша муза нести на себе «гиганта поэтической мысли»? У меня даже есть ощущение, что современная поэзия набила оскомину от юбилейных банальностей. Мне кажется, пора крикнуть: «Не трожьте Пушкина руками!» Перенасыщенность умертвляет классика, и хочется уже больше о нём анекдотов.

Эльвира Любовь к Пушкину равна моей боли, ощущаемой мною с той ранней поры, когда я узнала это имя. Никак не могу остыть к нему, и что вдохновляет меня — точно не отвечу… Не юбилеи, конечно, а сам единственный и неповторимый.

Владимир Когда-то Москва была центром русской поэзии: в ней выходили толстые журналы, в ней раздавались престижные премии. Журналы и премии остались, но есть ощущение, что провинция больше не ориентируется на столицу, а задаёт свой поэтический тон в литературном процессе России. Как Вам видится этот процесс из глубинки?

Эльвира Я вижу сплошные «междусобойчики» — особенно по «толстым» журналам, по главным литературным премиям. Но не скажу, что премируют недостойных, скорее — наоборот, но явно одного круга. А остальные разобщены.

Владимир Вы пережили успехи в карьере поэта: премия имени Марины Цветаевой, переиздание вашей совместной с Валерием Прокошиным книги стихов «Новая Сказка о рыбаке и рыбке», постоянные публикации в журналах от Москвы до Нью-Йорка. Но премия мизерна, тиражи книг и журналов маленькие. У меня такое ощущение, что подлинная литература живёт не вширь, а внутрь себя. Так что же тогда, успех для современного поэта — известность в узком кругу посвящённых, слава среди издателей, популярность не дальше родного города? Как-то всё это выглядит по-карликовски скудно! Разве это может удовлетворить тщеславие поэта?

Эльвира Да, всё по-карликовски скудно, поэтому и не стоит говорить о популярности. Кое-какие успехи считаю просто хорошими отметками, как в школе, заслуженными за хорошо выполненные уроки, которые я задала сама себе. Известность в масштабах своей области говорит об ограниченной конкуренции. Но это не изводит, а ориентирует: есть перспективы на расширении территорий… Удовлетворённое тщеславие — это смерть.

Владимир Прозвучавшее в XX веке «Поэт в России больше, чем поэт» сегодня выглядит не оправдавшим себя пророчеством, но всё же сегодня для Вас быть поэтом — это…

Эльвира Формула Евгения Евтушенко не устарела и ныне. Вот и Вы её приводите. Когда поэта было некому заменить, он заменил собою всех. Сейчас у него есть помощники, среди которых он почти затерялся (от чего-то или кого-то одного легко устать), но не навсегда, уверяю Вас. А вот сама себя я поэтом назвать не смею, это дело читателей, почитателей и…времени. Погодим пока с этим.

Владимир Вы пишете в одном из стихотворений: « Не спрашивай меня, куда иду». Но в этом веке у Вас сложилась довольно-таки уникальная ситуация. Вы прижились и телом, и душой, и стихами на два города: Боровск — Обнинск. Старый, со времён ещё татаро-монгольского нашествия, питает Ваши новые чувства, и прежний, молодой, город атомщиков, не забывается. Мне кажется, в этом есть какой-то Ваш поэтический рифменный шаг (нынешние говорят — перформанс) — жить на два города. А Вы как это оцениваете внутри себя?

Эльвира Представьте себе, что я умудряюсь принадлежать сразу двум городам, благо, что между ними всего 16 км — на самолёте они преодолеваются за секунды. Но я, чтобы поразмышлять о жизни, езжу лишь на автобусах и маршрутках. Обнинск — лучший город на земле, а Боровск — возвращение в далёкое прошлое, скорее дачно-садовый вариант, чем иной. В Обнинске я живу, тут мой многолетний дом, близкие и друзья вокруг — достаточно накопилось за 40 лет проживания, даже родные могилы…Боровск же возник только в 2002 году, ему меня не перетянуть вовеки. Я езжу сюда лишь потому, что меня ждёт муж, променявший Москву на Боровск. Весь этот территориальный драматизм довольно сложно объяснить кратко.

Мой Владимир — художник, он разрисовал Боровск, вынес прямо на стены его историю, взбудоражил этим весь русский мир, попал во все главные телепрограммы, на страницы наших и зарубежных газет и журналов и т.д. С одной стороны — признание, с другой — суета сует, мешающая жить и работать. Масштаб его личности для Боровска великоват, чего ему и не прощают местные персонажи. Мне видеть это просто больно. Я, находясь в Боровске, стихов не пишу, зато рисую, потому как это город художников. Даже выставлялась в галерее и кое-что из своих работ продала — по просьбе… А со словом я работаю в Обнинске, кроме стихов слагается и проза, с композиторами рождаются песни, выходят диски, проходят творческие вечера — все нормально. Конечно, жить на два города трудно, но облегчённого варианта пока нет. Утешаюсь, что супруги порой живут и на две страны. А что же, XXI век на дворе, перемещаться стало проще!

Владимир Есть вопрос, который Вы, как поэт, постоянно сами себе задаёте и ищете на него единственно правильный ответ — каков он сегодня у Эльвиры Частиковой?

Эльвира Я задаю себе извечный, сформулированный Пушкиным вопрос: «Жизнь, зачем ты мне дана?» Поскольку на него никогда нет ответа,

он актуален всегда: и вчера, и сегодня, и завтра. Более того, он побуждает меня и к более мелким вопросам, напоминающим солнечные лучи. Не это ли держит в творческом тонусе и позволяет выяснять хоть какие-то отношения с миром? А лучше всего, мне кажется, на этот вопрос я ответила вот в этом «*Наплаканном сонете*»

Мне не даёт давно уже покоя
Незыблемая тайна бытия.
Вот наша жизнь, вот смерть. Но что такое
Спешащая к развязке кровь моя?

Как я могу прельститься неземною
Легендою, где облако-ладья
Укачивает, и голубизною
Неспешно омываются края?

То царство гжели? Но не глянуть вниз,
Поскольку нет таких особых линз,
Способных обеспечивать обзоры.

Зечем тогда внушается до слёз
Любовь к сей жизни с шелестом берёз
И к Родине, готовой сдвинуть шторы?

Нечеловек-видимка в чёрном квадрате ничто

« Доказательства унижают.
Из фольклора XX века »

Нечеловек-видимка — пока это метафора. Лишь со временем ей суждено стать философским, а затем научным термином. Но для этого человечество должно трансформироваться в это новое про-явление бытия, которое включит в себя небытие Ничто.

Произойдёт это только в далёком будущем. Тогда природный разум организационно и органично присоединится к искусственному интеллекту машины, став массовым движением материи, видоизменив вещный мир в информационный, возбудив мощный внутривидовой катализатор глобализации ноосферы бытия. С точки зрения ныне здравствующей действующей, а особенно бездействующей части человечества процесс этот будет протекать саморазрушающе. Но с точки зрения бесконечности, в гамаке которой уютно качается Вселенная, пройдёт созидание нового события, которое заново возобновит движение от ноль бытия к бытию ноль, где информация будет свободно курсировать и множиться в термодинамическом вакууме между вечными конструкциями вселенной.

А сегодня нечеловек-видимка — всё ещё лирический герой моей поэзии, он очерчен скупыми рамками и параметрами вымышленной яви литературного существования, без точной даты рождения, без прояснённого жизнепомысленного пути, пока ещё неопознанная величина лжизни, которая должна быть извлечена только из художественного опыта современности. Недаром ещё Юрий Тынянов, изучая творчество В. Хлебникова, одного из предтеч нечеловека-видимки, предупреждал: «Нужна упорная работа мысли, вера в неё, научная по материалу работа — пусть даже неприемлемая для науки, — чтобы возникали в литературе новые явления. Совсем не так велика пропасть между методами науки и искусства. Только то, что в науке имеет самодовлеющую ценность, оказывается в искусстве резервом его энергии».

Тут уместно напомнить, что и «Чёрный квадрат» Казимира Малевича, обруганный косномыслящими художниками-предметниками, не принявшими теории супрематизма, по сути, очертил новую, не столько художественную, столько научную перспективу. Когда Казимир Малевич ввёл в обиход искусства, казалось бы, малохудожественную утопию «беспредметности мира», то это привело к безграничности возбуждения человеческой мысли. Не случайно в это же время Макс Планк заговорил об излучениях абсолютно чёрного тела. А астрофизики XX века стали изучать «чёрные дыры» в космосе. Так кажущаяся примитивизация в искусстве тесно сомкнулась с научной мыслью, где стала доминировать теория относительности, гармонизировавшая одновременно дальнейший ход познания на макро- и микроуровне непознанного. И что бы там ни говорили реалисты, «Чёрный квадрат» Малевича пропустил через себя всё искусство и философскую мысль XX века, научив видеть истинную красоту даже сквозь мрак тьмы. Разумное человечество уже около ста лет живёт с «Чёрным квадратом» в голове, и жалкие попытки сторонников оголтелого реализма сбросить его с корабля современности разбиваются о сам «Чёрный квадрат», ставший системообразующей конструкцией, на которой устойчиво держится современная философская и научная мысль. И сегодня ей явно не хватает нового объекта, такого как нечеловек- видимка, способного вобрать в себя не только все достижения человечества, но и начать с помощью энергии «Чёрного квадрата» освоение пока что не познанного Ничто.

Нечеловек-видимка — это одновременно созидательно-разрушающая система нашегобудущего, от которого нам теперь не уклониться. Именно нечеловек-видимка должен избавить человечество от накопившейся усталости предрассудков, чтобы начать штурм непознанных чёрных тел Ничто, действуя не столько в границах видимого, сколько в границах строго продуманного. Продумывать с помощью искусственного интеллекта то, что уже не постигается человеческим разумом, — вот важнейшая задача будущей современности. Продумывать так, чтобы ноосфера человеческого бытия уменьшилась до космических размеров искусства «Чёрного квадрата», пропуская его сначала сквозь пальцы художников, которые при помощи сжатых форм культуры продолжат борьбу со сложившимися длин — нотами бытия, создавая быстро-само-совершенствующийся вариант познания. После чего можно будет клонировать способного действовать в будущем нечеловека-видимку, который научится преодолеть заявленный после смерти Бога конец истории.

Подвиг самообмана

> «Бог умер.
> Ницше» «Ницше умер.
> Бог»

Из фольклора хх века

Постмодернизм любит играть глобальными словами: закат Европы, конец Истории, смерть Бога. Критики постмодернизма разоблачают это философско-литературное направление за стремление преждевременно всему подвести итоги. Но критики почему-то не замечают, что постмодернизм чаще всего применяется лишь как стилевой приём, с помощью которого мыслители подводят итог свершившемуся, прописывая якобы новые способы перехода отжившего к новострою. Хотя частенько замечаем, что предлагаемое проектирование нового — хорошо забытое старое. Тот же постмодернизм имеет предтечу : пророчества Апокалипсиса можно смело считать первым футуро-философским проектом уничтожения человечества.

Вот и Марина Кудимова в одной из своих статей напоминает, что на поле постмодернизма свершилось три глобальные смерти — смерть Поэта, смерть Бога и, как затянувшееся следствие, смерть Человека. Смерть Поэта констатировал мальчик Лермонтов. Смерть Бога — юный и болезненный Ницше. А вот смерть Человека хоть и провозглашена публично, но регулярно подвергается сомнению, а также оспаривается и в области философской мысли, и в области художественного творчества.

Тем не менее, постмодернисты упорно напоминают, что нам предстоит умертвить не столько другого человека, как успешно это делается на протяжении всей истории, а себя лично. А лишь умертвив себя — можно стать самому Богом, если не в Бытии, так в виртуальной реальности. Недаром современная наука пока только подбирается к прояснённости мысли о том, что завершающаяся на наших глазах смерть Человека — это всего лишь литературное прогнозирование, данное нам в ощущениях перехода, а точнее из-живание Человека реальной реальности в реальность виртуальную, где зарождается и действует нечеловек-видимка, осваивая радикальный вымысел коллективного бессознательного на пути к искусственному интеллекту. О таком состоянии древние говорили, что жизнь и смерть — это одно и то же, потому что разрушение химико-биологической молекулярности не значит разрушения информационно-энергетического пространства, где разворачивает своё действо нечеловек-видимка.

Если Бытие — самиздат Бога, то виртуальная реальность — это самиздат нечеловека-видимки, в сторону которого эволюционирует Homo sapiens.

Уже столько раз обращали наше внимание современные мыслители — нигде мы не достигаем такой тонкости, изобретательности, творческих вершин, как в области самообмана — теперь уже виртуального самообмана. И если самообман в сфере коммуникативного стремительно проникает в непознанное — почему бы не пойти по этому пути?

И первым творит индивидуальный подвиг самообмана в мире постоянных и регулярных событий поэт, прокладывая дорогу инакомыслящему в рамках виртуальной формы со-бытия небытия. Тот самый поэт, о смерти которого поспешно оповестили некрофилы от истории и литературы. Поэт сам движется к неведомому и ведёт за собой остальных, не боящихся заглянуть в Ничто, энергетика которого соприкасается в создаваемой нами виртуальной реальности, которая становится переходным периодом между миром и антимиром. И в этом переходном периоде поэт — главное действующее лицо. Настоящий герой, который выворачивает наизнанку тьму, и показывает, что внутреннее содержание тьмы — это такой же свет. И не боится нам сказать следующее:

> Проходит жизнь короче афоризма.
> Компьютер развлекает мыслью чернь.
> Бог создал всё в безумной нашей жизни,
> В разумной жизни — сам же стал ничем!

Продавать стихи в… аптеках?

Или Россию нельзя разлучить со стихами!

> «Всё в стране проистекает всуе,
> В услуженье у крутых менты,
> Русская поэзия попсует,
> Словари ушли в глубокий тыл,
> Где живёт Россия без улыбки,
> А компьютер, что над всем глава,
> Мелким бесом
> Грамматической ошибки
> Размножает ложные слова!»

Таким рифмованным дневниковым наброском запечатлел я современную ситуацию настоящего, где осталось мало места для русской поэзии. Впрочем, и прежде в стране не было большой тяги к стихам, недаром Иосиф Бродский отводил читателям поэзии среди всего народонаселения меньше одного процента. И с каждым годом это число заметно уменьшается. Об этом свидетельствует и мой скромный поэтический опыт. Если десять лет тому назад я смело издал стихотворный сборник тиражом более двух тысяч экземпляров, то сегодня уже не отваживаюсь на пятьсот. Дороги поэта и читателя разошлись. Настоящий любитель стихов в современном книжном магазине случаен, да и поэтических сборников там мало, разве что тех авторов, которые по-эстрадному попсуют, сдав позиции безликим «фабрикам звёзд». Но поэты не исчезли с земли русской — пишут и печатаются. Это новое поколение дикороссов, как метко их окрестил поэт и публицист из Великих Лук Андрей Канавщиков. Не для книжных магазинов их скромные сборники, давно убедился я, а для аптек, куда большое число россиян ходит за последней помощью в нашей тяжёлой жизни. Среди снадобий и лекарств, как душевное отдохновение, в аптеках пора предлагать сборники русских поэтов. Но сунулся я в родном городе в аптеки со своим предложением, а мне вежливо ответили, что рифмы не по их профилю, уставом

акционерного общества торговать стихами не предусмотрено. Действительно, нет такой услуги у аптек, но если принять за аксиому, что слово лечит, а поэтическое в особенности, то почему же не поэкспериментировать? А мне фармацевты в ответ: что это — поэтическая метафора, а не доказанный медициной факт. А как же этот факт докажешь, если не пойти на эксперимент, предложив наряду с лекарством стихи? А может, и вместо! Я издал более десяти сборников, большинство из них печатались на деньги моих читателей, их имена стоят на обложке книг. И я благодарен читателям, которые поддержали меня в наше непоэтическое время, когда проворные люди тишину певчую подменили тишиной коммерческой, разрушая озоновый слой поэтической ноосферы.

Среди поэтов бытует мнение, что поэзия в читателе не нуждается. И это отчасти справедливо, но человек, каких бы убеждений он ни был, нуждается в стихах, потому что, как заметил переводчик и поэт Владимир Микушевич, «поэзия — высшая форма свободы, которую может себе позволить человек. Поэзия всё равно определяет жизнь, даже когда её не читают. Человек, исключающий поэзию из своей жизни, наносит ущерб самому себе. Он за это платит плохой памятью, ранним старением. Поэты, если их не убивают, живут долго». И опять я готов услышать, что эти слова современного мыслителя не больше, чем метафора, и очень далеки от медицинской практики. А может, медицинская практика не учитывает возможности поэтического слова и потому её результативность в последнее время не столь высока? Вымирает русский народ.

Был у меня товарищ по переписке, самобытный поэт Николай Михеев. Инвалид с детства, превозмогая боль, он нашёл в поэзии то самое лекарство, которое помогло ему достойно прожить, пусть недолгую, но полную событиями жизнь. Печатал книги, поддерживал поэтов из глубинки России, издавая маленькую поэтическую газету «Безнадёжное дело», и со всей страны ему слали стихи поэты-дикороссы, которые не находили отклика в душах других людей. Николай Михеев умер, а память, поэтическая память о нём жива. Вот и я в своё время откликнулся на скромный литературный подвиг этого человека такими стихами о стихах:

Блудливая выгода бродит за нами,
В душе захватив свою нишу.
«Народы нельзя разлучить со стихами!» —
Вдруг голос поэта я слышу.
В миру торжествует политика хама
И рифма в разоре стоит.
«Но русских нельзя разлучать со стихами!» —
Уверен бессмертный пиит.
Пропахло вокруг воровством и деньгами,
На взводе держу пистолет.
«Россию нельзя разлучить со стихами!» —
Упорно пророчит поэт.

И к этому, мне кажется, больше нечего добавить.

Любовь — лучшая новость дня

Эпиграф к роману

Известный репортёр, усталый и злой, вернулся домой.

— Опять новостей нет! — с порога раздражённо сообщил он жене, которая подала ему домашние тапочки.

— Не огорчайся! Ты же сам всегда любишь повторять, что отсутствие новостей — это лучшая в мире новость, — утешила жена известной в журналистских кругах банальностью.

— Говорить-то говорю, но думаю, что за плохую работу меня могут из газеты погнать…

— Так уж и погнать — у тебя ведь имя!

— Сейчас погонят и на прежние заслуги не поглядят, — остался непреклонен супруг. — На что жить будем?

— Как-нибудь преодолеем экономические трудности, — провожая мужа на кухню, ворковала жена. Она усаживала своего мужчину за стол, ставила перед ним любимую китайскую чашку со свежезаваренным зелёным чаем, мазала хлеб маслом. Она знала: еда из её рук делает мужчину покладистей и спокойней. А когда мужчина увлёкся ужином, неожиданно сообщила:

— У меня для тебя есть хорошая новость.

— Какая? — скептически посмотрел на жену репортёр.

— Я тебя люблю!

— Так это уже известно лет двадцать, — скупо усмехнулся шутке журналист.

— Это только тебе известно, а твои читатели находятся в полном неведении. А вдруг это окажется первополосной новостью?

— Сомневаюсь. Ещё древние говорили, что самая важная новость для народа — это цены на хлеб. С тех пор ничего не изменилось.

— Но они же говорили, что не хлебом единым.

— Это пока хлеб на столе есть, а как он пропадёт, так только о нём и говорят. И любовь жены к известному репортёру, который теряет профессиональные навыки, никого сейчас не заинтересует, а потому никто за такую новость не заплатит.

— Откуда ты знаешь? Возьми и передай в редакцию мою новость, и посмотрим на реакцию.

Передаю!

Россия: страна-поэт

апологетика Пушкина

1. Россия — страна-поэт. Её базис — Пушкин. Надстройка — читатель.
2. Что для эфиопа смерть, то для русского — Пушкин.
3. Только с Пушкиным мир становится реальней.
4. Пушкин — первая попытка русской литературы познать себя другими.
5. Благодаря Пушкину, российская словесность перестала быть пустоцветом.
6. Пушкин — первый, второй, третий и последний поэт зарифмованной России.
7. Читая Пушкина — народ безмолвствует.

8 Пушкин научил русских, что они состоят не только из желудка.
9 Неутихающему желанию похоронить русскую литературу мешает Пушкин, благодаря которому мы всё ещё существуем.
10 Если весь мир может обойтись только одной Библией, то Россия — Пушкиным.
11 Пушкин — памятник себе: поэзия заветной прозы.
12 Пушкин живёт при любом режиме. Каждый режим погибает без Пушкина.
13 Россия — между стихами Пушкина и возвышением звёзд.
14 Как в пушкинском столетье, прирастёт российское могущество стихами.
15 Пушкин — столица читающей России. С рождества Александра Пушкина обессмертилась русская жизнь.
16 У Пушкина даже молчание высокохудожественно и понятно каждому читающему русскому.
17 Пушкин — *лиретик* России.
18 Пушкин — вечность чудного мгновения.
19 Политики до крови расцарапали настоящее. Пушкин врачует будущее. Пушкин — наше политическое убежище.
20 Когда Россию отлучили от Бога, то его место занял Пушкин. Но если Бог не вернётся к русским, то Пушкин и впредь будет справляться блестяще с его ролью. Ибо — затихает даже ангелов хор, когда Россия верит стихам Пушкина. Бог спасает всё, а Пушкин — Бога!
21 Пушкин потушил в России тьму своим внутренним светом.
22 Пушкин разводит стихами знаки добра и беды.
23 Пушкин ежедневно сотворяет Россию стихами.
24 Только за душой у Пушкина спасётся Россия.
25 В России всегда на часах поэзии Пушкинский крёстный ход.
26 Для Пушкина вечность — всегда русское настоящее.
27 Мы все пьём из вечности Пушкина и не можем напиться. А рядом с нами пьёт Бог и все сопровождающие его лица.
28 Из замкнутого круга русского человека душа глядит в мир зоркими глазами Пушкина.
29 Спешите говорить — озвучивайте жизнь стихами Пушкина.
30 Когда русским не на что жить — Пушкин пытается спасти народ стихами. Когда жгут глаголом сердца людей — то отступает чувство голода..
31 На полях незавершённой стенограммы русской истории поправки Пушкина.
32 Со времён Пушкина Россия — страна-поэт — знает, как это больно — загонять под ногти иголки времени, а в ответ откликаться — стихами.
33 Пушкин улучшил облик человечества, которое стремится истинную красоту видеть даже сквозь тьму.
34 Пушкин отделился от государства и стал поэтом. Теперь мы все — ходим за ним по пятам.
35 Самый патриотический поступок русских — это сохранить в себе Пушкина.
36 Не страшно, когда в искусстве мало жизни. Жутко, когда в жизни мало искусства.
37 Прожит ещё один день. Вечером смотрю по телевизору, что ещё вошло в историю из Пушкина.

Поэтов мёртвых нет

« Никто в России никого не слушает,
Бредём сквозь тьму, душою сея свет.
Хотя умрут и лучшие, и худшие,
Но только Бога среди мёртвых нет! »

Эти четверостишие было написано сегодня по случаю, но каждая отдельная строка жила во мне и прежде, кочуя в разных редакциях из текста в текст моих дневниковых записок. И вот только сейчас срослась воедино в чёткую и лаконичную рифменную формулу. Последнюю строку хотелось всё время поправить вот так:

«Но лишь поэтов среди мёртвых нет».

Точно не знаю, насколько эта мысль справедлива для нашей жизни, ведь смерть у нас не общая, как её часто изображают художники, а у каждого своя, и для каждого из нас она прижилась под боком. Только до поры до времени мы её не видим. И это понимаешь с раннего детства. Я, например, ощутил её дыхание присутствия в четыре года и втайне горько плакал несколько ночей подряд, представляя то далёкое время, когда меня не будет. Представлял не саму мою смерть, о ней мне и поныне ничего не известно, а время, в котором меня уже нет. Оно мне казалось страшным, невыносимым, пугающим своей пустыней моей пустоты. И впервые крохотной, неокрепшей детской душой я ощутил злое чувство зависти к Богу, в существование которого меня уже посвятили взрослые. К тому Богу, который вечен, потому что у него, как мне тогда казалось, нет сердца. Тогда я с детской непосредственностью чётко осознал, что смерть таится именно в сердце. Когда она его останавливает, то человек перестаёт жить. И решил для себя главную проблему борьбы со смертью: нужно быть без сердца, как Бог, только тогда тебе обеспечено бессмертие. И ещё, как мне казалось, один персонаж в моей короткой жизни был без сердца. Я дошёл до этого детским умом, поскольку других сказочных персонажей без сердца ещё не знал. А без сердца, как я догадывался, был известный сказочный персонаж — Колобок. Потому, что ему бабка слепила только голову, поскольку на большее муки не хватило. А сердце, я уже чётко это усвоил, может находиться только в туловище. И Бога, благодаря сказке, я теперь представлял в виде Колобка. Такие мысли о будущем меня пугали, было страшно-страшно, но стало и смешно. И смехом я переборол ужас, хотя именно с тех пор меня никогда не оставляла мысль, что моя личная смерть всегда рядом, всегда внутри меня, такая маленькая, крохотная, но как её много даже для одного человека, ставшего, как я, большим — пребольшим.

И когда это понимаешь, то пугаешься ещё больше, а когда пугаешься, то плачешь и коришь себя за поступок слабости. Но, по ходу взросления, проникаешься новым ощущением: подлинная смерть позволяет умереть вовремя. И это уже новый поступок, присущий зачастую человеку творческому. Почему-то чаще других на эти поступки отваживаются поэты, прибегая к смерти разными путями — непродуктивно самосгорают или обрывают жизнь раньше отпущенного жизнью физиологического срока. Почему обрывают? Потому что исчерпывают себя душой. Однажды, когда я сказал на смерть молодого поэта, что он умер вовремя потому, что дальше его жизнь сеяла бы несчастия и для него, и для других, то был обозван циником и бесчувственным человеком. Мне жаль реальную личность. Но мне не жалко умершего поэта, потому что смерть поэта в любом возрасте — это полная исчерпанность его творческой стихийности, это справедливое подведение итогов, хотя в памяти читателей, может быть, сохранится всего одна строка, которую присвоят анонимно другие. И он умирает уже тогда, когда всё сказал. Гадать о том, что бы написали нам Пушкин, Лермонтов, Блок, Есенин, Маяковский и все остальные бессмертные, бессмысленно. Так и для всех больших и малых ушедших от нас раньше срока поэтов срок жизненный — не срок поэтический. Это разные отрезки судьбы. Недавно в нашей переписке Сергей Слепухин напомнил мне историю о славе творческого человека: «В нашем деле многое зависит от случая. Почему Пушкин стал великим, а Лермонтов — нет? Почему незаметно прошёл Тютчев (или Анненский)? Почему Боря Рыжий, а не Саша Леонтьев, который на голову выше своего друга? Нужен фактор Х, чтобы «случилось». При жизни Вермеер был известен в Дельфте. Он с детства дружил с Левенгуком. Оба увлекались камерой-обскура, оптикой, каждый приложил открытия физике в своём труде: Левенгук — в биологии, Вермеер — в живописи. Левенгук прославился при жизни и не утерял славы после смерти. Почему Левенгук не сохранил память о друге? Почему Вермеера забыли? Почему нужен был фактор Х (поездка в Голландию любопытного, понимающего, ищущего художника и историка живописи Рафаэля Менгса, немца, иностранца!), чтобы на чердаках найти великие полотна забытого Вермеера?»

И мне хочется снять этот вопрос «почему?» сегодня, здесь и сейчас, хотя бы для себя лично, хотя бы на отдельно взятом, пусть даже узком пространстве Сети. Потому, что ни один поэт, даже самый плохой, не напрасен, ни один не зря. Даже если их смыло мутной волной истории, они должны быть запомнены и прочитаны хотя бы одним человеком. Но при этом надо держать в памяти такую поправку к моим словам Юрия Беликова:

Господь не читает всех ваших газет!
А впрочем, наверно, и книг не читает…
Есть белый, давно им прочитанный свет.
Его перечитывать — сил не хватает.

И тут я припомнил историю о том, как маленькая начитанная девочка узнала, что Пушкина застрелили на дуэли, — она рыдала. Не столько из-за того, что её любимого поэта убили, сколько потому, что постоянно перечитываемый ею поэт мёртв — ей трудно было смириться с этим неправильным ходом жизни. И маленькую любительницу стихов не мог успокоить даже тот факт, что смерть поэта была зафиксирована два века тому назад. Она с трудом понимала объяснение взрослых, что как поэт Александр Сергеевич жив, пока она книги его читает и перечитывает. Пример этой безымянной девочки подсказывает, что мы должны усвоить и запомнить, что общества мёртвых поэтов нет. Нет до тех пор, пока мы поэтов, ушедших от нас, читаем, публикуем, вспоминаем и говорим о них, пусть даже в крохотном пространстве нашего альманаха… Умершие до нас и во время нас не должны быть поэтами молчания, иначе тогда кто мы? Ибо:

«Вещество не опасно
Опасны — дозы».

Учил когда-то молодых
Естествоиспытателей
Составитель таблицы
Периодической Системы Элементов
Дмитрий Менделеев

Но вещество стиха
Никогда не портит даже
Большая доза поэзии.

А вещество поэзии
Вполне может обойтись
Даже без малой дозы стихов.

Уж который день
Пытаюсь обсудить эту
Научную проблему
В тишине стихов
С поэтами молчания.
Хотя молчащим
Не страшны
любые дозы речи.

Интернет — начало ноосферы

« Будьте светочами себе… »
Будда

« Ответа на вопрос о смысле бытия ещё не хватает. »
М. Хайдеггер.

« В поисках здравого смысла мы повторяем азы запада. Я не против учёбы у европейской цивилизации, от которой, по меткому замечанию отечественных острословов, мы отстали навсегда. Но чтобы догнать ушедших далеко вперёд — здравым смыслом не взять… Нужен здравый бред! »
Из дневника

Я родился в докомпьютерную эру и ещё застал эпоху промокашек, с помощью которых наше поколение в первых текстах «мама мыла раму» училось устранять излишек чернил на тетрадном листе. Я начал своё образование, когда каллиграфический почерк ещё мог обеспечить успешность карьеры. Но мой приход в редакцию газеты уже был ознаменован техническим переворотом, когда каждому литературному сотруднику выдавалась пишущая машинка. И я охотно принял подарок прогресса, отказавшись от писания рукой. Сегодня мы пошли дальше: на рабочих столах приютились бесшумные компьютеры, отсвечивающие в глазах огоньками будущего.

Но сам я долго не мог работать, глядя на светящийся экран. Мне казалось, что предтеча искусственного интеллекта покушается на мою личную свободу, порабощает моё «Я». И со стороны наблюдал, изучая возможности этих машин, и восхищался революционным путём искусственного разума, который помогает человеческому уму полнее раскрывать возможности собственного серого вещества. И все-таки, преодолев свой страх, тоже сел за компьютер и вошёл в глобальную сеть Интернет.

И поэтому с недоумением читаю материалы, где под броским лозунгом «Компьютерный недуг поражает человечество» глобальная сеть объявляется агрессором со всеми вытекающими из этого негативными последствиями. Журналисты, запуганные «литературными бунтами» машин, роботов и киборгов, почерпнутыми из фантастических книг, призывают нас в третьем тысячелетии к возрождению почти что луддизма, только на интеллектуальном уровне. Крушить машины сегодня трудно кого-то заставить, но есть желание поставить под сомнение здравый смысл технического прогресса. Так люди с гуманитарным образованием показывают, что из них чаще всего получаются лучшие экстремисты, когда они встречают на своём пути другой образ жизни и особенно другой способ мысли. Для гуманитария столкновение с реальным воплощением идеи, что все люди разные, — это позыв к борьбе.

Что больше всего пугает людей, находящихся вне поля влияния Интернета? — это уход от реальности! Создаётся *необытие — виртуальная история человечества*. И с точки зрения едока хлеба и, как следствие, вынужденного дефекатора, уход из повседневности в мир «настоящего завтра» губителен для человечества тотальным распадом бытия на вечное будущее, до которого не дожить. И они спешат нас об этом предупредить, даже не замечая, что мы давно живём в *виртуальной реальности*, с помощью которой человек ищет себя только будущим. Мы живём в виртуальной реальности техпрогресса и искусства, что задолго до эры Интернета стали предтечами слома истории, которая по спирали, соблюдая законы линейного времени, подвела нас к истоку новой истории, где готовятся развиваться в заданном человеческим разумом направлении — *одновременно никуда* и *всюду*.

Человеку, закрепощённому инстинктами, ни понять, ни принять это ещё невозможно, поэтому встреча с ангелами и пророками Интернета оборачивается желанием запихивать их в больницы и возрождать концентрационные лагеря, а чтобы не было мучительно больно за недемократичность, объявлять новый ход истории сумасшествием.

И поражает, что авторы, которых пугает поступь Интернета, проявляют полное невежество в вопросах русского космизма, идеи которого совпадают с современной практикой Интернета и были изложены во второй половине XIX — в первой половине XX вв.

Ноосфера. Кому из начитанных современников неизвестно это слово, внедрённое в наше сознание работами Тейяр де Шардена и Владимира Вернадского? Разве оно кого-то напугало?! Наоборот, современные мыслители активно включили его в оборот действующей культуры, хотя ни сами авторы, ни их последователи и апологеты так и не смогли дать точного определения ноосферы как сферы деятельности разума. Как она действует, в каких координатах находится и чем объединена? одним словом, абстракция, которая должна каким-то образом воплотиться в жизнь. Но как только стали прорисовываться первые черты ноосферы: телефон, радио, телевидение и компьютерная сеть Интернет, вобравшая в себя всю сумму знаний, создавая глобальное человечество, объединяя каждого со всеми и всех с каждым, — как тут же луддистски мыслящие паникёры встревожились: из реального бытия уходят в виртуальную реальность лучшие, и прежде всего репродуктивная молодёжь. И невдомёк паникёрам, что виртуальность не пагубный наркотический бред, а действующая новая реальность мировой деревни.

Да, конец всемирной истории, предсказанный Владимиром Соловьёвым, и развитие этой идеи на новом историческом материале Френсисом Фукуямой действительно сбывается, как ни пытаются оспорить это реалисты. Молодые первыми ощутили, что ход материальной истории замедлился и вот — вот наступит остановка (всегда — вчерашнее сегодня), поэтому они стремятся вовремя перескочить в мир иррациональности, где будут развиваться основные события человеческого бытия. И здесь важно не задержаться, потому что от этого будет зависеть результативность первых шагов *необытия*, где человек будет выступать одновременно как событие бытия и как со — бытиё бытия. И не исключено, что затянувшийся процесс сегодняшнего бытия с необытием может оказаться вечным разломом — бытием небытия, в котором исчезнут все те, кто не приспособит свой разум к жизни в союзе с искусственным интеллектом. Вот почему молодёжь, не обременённая историческим опытом, так стремительно перескакивает с подножки реальности на дискету ирреальности.

Да, новое поколение открывает другой путь, который на самом деле более-менее был прочерчен русскими космистами, такими как Н. Фёдоров, А. Сухово-Кобылин, Н. Умов, К. Циолковский, В. Вернадский, А. Чижевский и другие. Достаточно открыть первоисточники, которых сегодня издано предостаточно. Но прежде всего хотелось обратить внимание на то, что аскетический образ жизни большинства фанатов Интернета соответствует тому, как жил «классик» русского космизма

Николай Фёдоров. Как их предтеча, они обходятся малым в быту и в то же время большим в духовной жизни, которая провозглашается конечной целью человеческого разума, но при реальном воплощении подвергаются почему-то обструкции: лучшие изобретатели, художники, поэты и музыканты зачастую преследуемы и гонимы.

Да, повседневные заботы о хлебе насущном обременительны как для космистов, так и для ангелов Интернета. Поэтому космисты в своих трудах развили теорию о таком способе существования, когда человек стал бы *био*логически отлучён от необходимости есть. А для этого предложена автотрофность, то есть способность приучиться собирать все необходимое из газов, солей и воды, под воздействием солнечной энергии, как растения, тем самым сведя бытовую жизнь к самодостаточности. У ангелов Интернета уже нет желания исполнять завет Бога плодиться и размножаться. Автоэротизм- замкнутость на самого себя будущего человека — золотая идея космистов, которые считали сексуальность одряхлевшей и видели в затянувшемся процессе воспроизводства себе подобных вечно продолжающийся тупик, тавтологию жизни. Они мечтали достичь «слияния мужчины и женщины в третье, высшее, андрогинальное существо, а через это выйти на личное бессмертие, которое и вовсе должно отменить процесс деторождения. И развитие генной инженерии, которой сегодня противится все «непрогрессивное человечество», подтверждает, что такой путь вполне осваивается людьми, которые рушат закрепившиеся устои бытия. К тому же появились сообщения о понижении мужского начала в природе и об усилении в окружающей среде женских гормонов, что указывает на старт пока ещё не видимого простым глазом нового эволюционного витка человечества в сторону соединения двух полов в одной плоти.

А мечта ангелов Интернета о высшей фазе супердвижения через обладание суперинформацией откликается в книгах русских космистов, мечтавших о выходе за ворота бытия. Но у них это была Вселенная со звёздами, у нынешних — это информационная Вселенная. Вроде бы разные вещи, хотя в процессе дальнейшего познания это может оказаться одно и то же. Ведь уже поставлена под сомнение идея первичности материи и за основу мироздания принимается информация. Сказано в Библии :»Вначале было Слово» (читай: информация). Да и наш мозг с помощью зрения, слуха, вкуса, обоняния отражает по-видимому не то, что есть в действительности, а только то, что может отразиться в его глубинах. А появление искусственного разума поможет воссоздать подлинную картину, в которой *виртуальная ирреальность* окажется достоверней, чем зримая реальность, зафиксированная серым веществом человека.

И мы уже достигли разрыва с реальностью, где человек из продукта природы превращается в продукт искусства, потому что законы искусства укрепляются и управляют точнее, заказывая более устойчивую систему, где реальность с помощью человеческого и искусственного интеллекта перетекает в виртуальный мир. Ведь человек, зарождаясь и проживая в бытии явленном, постоянно стремится распознать и постичь бытие неявленное, пытаясь *проявить* и *закрепить* неизвестное, подставив под него в качестве базиса *разум*, плодящий виртуальный мир, где законы линейного времени теряют свою силу.

Да, пока виртуальность все ещё взаимодействует с реальностью и не способна быть самостоятельной, но уже очевидно, что, подпитываясь в реальности, виртуальный мир устремляется к самодостаточности, умножая знания о самом себе, создавая такие научные теории, которые действуют только за пределами повседневной практики, скованной опытом прошлого. Виртуальность — это не процесс распада, а умножение информации об информации, где в его полях рождается множество множеств, ведущих к таким знаниям и технологиям, которые могут действовать, не соприкасаясь с реальностью. Самодостаточность виртуального мира позволит уйти от начал, разорвав связь с первоисточником, создав математический ген наследственности, который способен размножать виртуальность в бесконечность без участия живого. Такое копирование поглотит подлинник реальности, которая растворится в содержании виртуального мира.

Фактов всегда достаточно, чаще не хватает фантазии, поэтому пора обдумать такое предположение, что предтечей и движущей силой виртуальному миру служит всемирная глобализация масс, которая на наших глазах устремилась к подушному объединению каждого со всеми и всех с каждым при помощи информационных потоков Интернета: включи компьютер — и ты уже в толпе. Движение масс от коллективного бессознательного до воцарения развитой коллективной души, которая научилась осмысливать происходящее парадоксальными ирреальными истинами, позволили сомкнуться с техническим прогрессом, который все свои усилия направил на создание искусственного интеллекта. Соединения мировой коллективной души и искусственного интеллекта и должны породить виртуальный мир, где разрушительная сила толпы, которая, по меткому замечанию Ле Бона, «затопила всю поверхность истории», будет нейтрализована и направлена на созидающее клонирование пока ещё действующей реальности. А для этого массы мирового масштаба, которые до сих пор действовали в замкнутом поле государственности и породили рудименты большевизма, фашизма и, как следствие, не менее разрушительное потребительское общество, осваивая планетарные информационные потоки, научится преодолевать в себе актуальную социальность и пройдёт путь подъёма на более высокий уровень виртуальной организации — техномассу, которая на базе искусственного интеллекта, может быть, построит такое общество, где все люди действительно будут равны. Но это особая тема, которая нуждается в детальном осмыслении, ведь стержнем, вокруг которого начала вращаться история, становится виртуальный человек глобального периода, которого ещё надлежит продумать как *нечеловека-видимку*.

Поэтому игровая направленность Интернета, как это видится критикам глобальной сети, на

самом деле — обман человека неразумного, обременённого инстинктами плоти, ещё не познавшего подлинную задачу дарованного ему разума. Но это человек заканчивающейся эпохи, и ему на смену приходит *голова профессора Доуэля* как первый, хоть и литературный, вариант, образец отделения человека от тварной сущности и выхода к чистому разуму. Я понимаю, как это звучит кощунственно для всех ныне здравствующих о двух ногах, двух руках и одной голове, потому что мы усвоили ошибочную мысль, что человек (нынешний человек) — венец природы. На самом деле её венцом является лишь наш мозг, усиленный искусственным интеллектом, их синтез приведёт к единоразумию всю нашу планету. А затем через небытие проляжет путь к *мировому разуму*, составной частью которого и станут будущие люди. Нас ждёт путь превращения в ничто — чтобы на самом деле стать всем и оживить *космос до бесконечности*. Конечно, переход истории с пути рациональности на рельсы *иррационального* можно задержать, но не остановить… Ведь глобальная компьютеризация уже не позволит повернуть человечеству назад, поскольку молодые умы уже захвачены перспективой рождения *ноосферы*. Но в эту прекрасную пору никому из ныне здравствующих жить не придётся.

Впрочем, для ныне здравствующих это даже лучше. Ведь такой исторический путь будет выглядеть для нас катастрофично. Ибо ещё Лао-цзы заметил: «Истинные слова всегда кажутся парадоксальными, но никакая форма учения не может заменить их". Поэтому, как внушал А. Пуанкаре, настало время изобретать при помощи интуиции. В том числе изобретать виртуальную вселенную.

Пунктуация Пушкина

> «Первое, что я запомнил
> у Пушкина наизусть, была поэма
> «Цыганы». Было мне лет шесть.
> Я не знал знаков препинания…»
>
> Владимир Крупин

, , , !

.
,

:
,
, ,
.
:
— , !

.

Комментарий

При публикации пунктуации использовано стихотворение А. С. Пушкина «Д. В. Давыдову», которое было завершено поэтом в 1836 году. Исследователь процитировал знаки препинания по десятитомному изданию произведений Пушкина, выпущенному в свет в 1974 году «Художественной литературой». Этой оригинальной идеей исследователь надеется указать вдумчивым читателям другой путь расширения возможности литературы по извлечению нового интеллектуального и эстетического удовольствия в области синтаксиса. Исследователь надеется, что его иной взгляд направит юного героя научного подвига пополнить отечественную пушкиниану новым интеллектуальным продуктом метафизического апостериори всенародной любви к национальному гению.

Рецензия

В погоне за оригинальностью так называемый исследователь демонстрирует полное невежество и научную недобросовестность, что характерно для современных поэтов. Если бы наш исследователь открыл хотя бы академическое издание 1936 года, то сразу обнаружил бы, что пунктуация этого стихотворения отличается от пунктуации позднее изданных книг, поскольку эта ветвь русского языкознания постоянно меняется. А если бы исследователю удалось заглянуть в рукопись А. С. Пушкина, то диаграмма пунктуации выглядела бы совершенно иначе. Вот тебе и весь научный поиск на пустом месте.

Предложенная работа носит хулиганский характер и не имеет научных перспектив, а посему к изданию не должна быть допущена. Но поскольку автор, человек пробивной и нахальный, всё равно запустит свою псевдонаучную работу в печать, то остаётся только надеяться, что она будет носить одноразовый характер. И такая публикация не смутит научную мысль интеллектуальной молодёжи, которая не должна поддаваться ложному течению поиска здравого смысла при помощи здравого бреда.

Реплика автора

Русская революция 1905 года началась в том числе и с забастовки рабочих одной из московских типографий. Они потребовали, чтобы при сдельной оплате труда точки и запятые считались за буквы. Вот тебе, господин рецензент, «поиск здравого смысла при помощи здравого бреда». Революции в России начинались в том числе из-за знаков препинания.

Россия — авось бытия

> «— В ваших размышлениях не нахожу ничего нового, — сказал придирчивый критик.
> — И зачем вы пишете?
> — Чтобы старого не забыть! — ответил автор.»
>
> Из дневника

1 Трагедия России в том, что в ней то и дело пропадает культура воспоминаний. А то, что мы имеем как взвесь истории, на самом деле вымысел правды. Народ наш очень часто жил и теперь живёт на поводке короткой памяти. Поэтому, постоянно подстрекаемый безответ-

ственными гордецами, самоуничтожает слой русской ноосферы, истончая его карательным образом мысли и жизни, держа культуру на подозрении. В результате вместо конструктивности души нас сковывает тотальная мечтательность, уводящая даже практичного землепашца от реальности урожаев, которые почему-то лучше всего удаются на Западе. Причём все тем же выходцам из России.

2 Россия всё время стремится узнать правду. С какой-то патологичной жертвенностью стремится к запредельной правде прошлого и будущего, при этом ни в грош не ставя подлинное настоящее, которым она даже готова пожертвовать, поскольку правда для России важнее самой жизни. Но когда Россия узнает ту самую важную правду, то выясняется, что с ней жить ещё хуже, и начинается неразбериха, вакханалия, бунт всех против всех, который уже знать ничего не позволяет. В результате даже явное, что видели все, становится тайным.

3 На ум приходит банальный, но, кажется, единственно правильный образ, что Россия — это огромный мир, который может с большой точностью отразиться на безразмерном итоге небес православия. Но задравши кверху голову, жить неудобно. К тому же мы не нравимся себе в этом отражении небес, сомневаемся в его подлинности, достоверности. Поэтому оглядываемся по сторонам — на восток и на запад, пристально всматриваясь в другие миры, не подозревая, что в них мы и вовсе отражены кривыми зеркалами рационализированного бытия, в котором всегда преследует только чувство голода.

4 Мировая история — это один человек сделал, другой человек — приумножил. Российская история — это один человек сказал, а другой ему на это ответил. И так до бесконечности тянется между прошлым и будущим на поле брани настоящего. Поэтому русским кажется, что родина там, где нас нет. Отсюда и страсть к присоединению новых земель. А в XX веке — идеологический захват мира, который современникам кажется провалившимся. На самом деле мир по-прежнему тяготеет к России, поскольку русская культура путём принудительной эмиграции тихо и незаметно наполняет собой цивилизации, опустошаясь внутри себя.

5 Только во чреве русского человека помещается идея построения одного на всех светлого будущего. Пищеварительный процесс в России делал и делает нас *едо*мышленниками. Неслучайно идея возможного построения коммунизма в отдельно взятой стране нами была провалена. Русские убедились, что коммунизм нужно строить только для отдельно взятого человека. И в России особенно. Но в России подобный гуманизм живёт, пока толпа не проголодается. Все великие идеи в нашей стране заканчиваются лозунгами о чечевичной похлёбке.

6 Русские чувствуют себя в ответе за тех, к кому приручились. Поэтому делают своё государство непомерно сильным, чтобы оно могло бороться со своим народом.

7 В России ответы готовы раньше, чем сформулированы вопросы. Во всём мире думают столетиями, а потом совершают исторические поступки. У нас же сначала совершают исторические поступки, а потом их стремятся оправдать во имя великой цели, которую даже не пытаются вразумительно сформулировать.

8 В России всегда желание по*говорить* выливается во всеобщую страсть о*говорить*.

9 Всё в мире проходит, только русское *ничего* не проходит никогда.

10 В России Homo sapiens — это звучит брутто, потому что у православных в чистом весе только их душа.

11 Над Россией витает книжный дух, хотя техпрогресс уже соблазнил одну шестую часть земли преимуществами Интернета. Но мне кажется, что Интернет — это вывернутая наизнанку Россия, где нежная душа просторов ушла в пятки техпрогрессу, и её там растоптали в кровь. А что ещё может сделать с нашей страной Интернет — интеллектуальный интервент разумного безумия?

12 Просторы России настолько велики, что любые политические, экономические, культурные инициативы гасятся независимо от того, откуда они идут — с востока или запада, с Сахалина или из Москвы. Нас, русских, мало на такой материк, чтобы по генетической цепочке бытия передавать друг другу энергию созидания. Недаром ещё в правремена возникла парадоксальная мысль, что Россия сильна беспорядком. В результате русские первые в космосе, после собак, а подъезды их домов загажены фекалиями любимых псов.

13 С одной стороны, Россия страдает самоуничижительностью, а с другой — переполнена нарциссизмом. Самоуничижительность — от ощущения технической отсталости навсегда. Хотя самые известные технические разработки принадлежат русским, и это ведёт к преувеличению в нашем сознании роли и значения интеллекта и духовности, тяготеющих к нарциссизму. В результате русский ум растерзан одновременно и любовью, и ненавистью к себе. Это мешает стать в один ряд с самовлюблёнными цивилизациями и без конца возвращает нас к самогеноциду, и неважно от кого он исходит — от Ивана Грозного, Петра Первого, Ленина-Сталина или современных демократов.

14 Русских не покидает сомнение, что поддерживаемый ими техпрогресс — это путь слабоумного человечества, которому уже никогда не научиться энергетику духовности превращать в укрепляющий поток жизни. Жизнь русского человека — это постоянное возвращение в будущее на основе православия. Но мы отвернулись от такого шанса, оказавшись впереди техпрогресса, который раздавит нас. В результате мы приняли новый Вавилон — Интернет, который подкупил нас бессмертием при жизни. Бессмертие — вот ключевое слово русских, которым нас заманили в православие,

а сегодня смущают Интернетом. Это притом, что Россия — авось бытия.

15 В XIX веке Россия сделала культурный вдох, который потом обрушился на нас бескультурным выдохом.

16 Россия нуждается не в единомыслии, а в единодушии. Но первого она достигает быстрее, чем второго.

17 Издавна в России среди барствующего сословия повелось возмущаться не тем, как похабно и мерзко живём, а тем, как об этой нецензурной жизни нецензурно пишут. Следствия раздражают больше, нежели первопричины, отражение порождает гнев, протест и репрессии — нежели само лицо нашей родины.

18 С тех пор как в России булыжник стал оружием пролетариата, цивилизации предпочитают асфальт.

19 Вечность ослепила Россию жизнью, дав шанс помечтать о бессмертии.

20 Русский писатель Антон Чехов рекомендовал «выдавливать из себя по капле раба». Весь мир взял этот совет на вооружение, и только русские люди сопротивляются, потому что сомневаются: когда выдавишь из себя без остатка раба, то не исчезнет ли в тебе человек, русский человек? Так что, пардон, классик наш любимый, твой совет нам кажется опасным. Русскому человеку нельзя быть полностью свободным. Пока в нас есть хоть капля раба — мы люди!

21 Сегодня в России властители *дум* вытеснены властителями *сум*. Все тайные замыслы финансовой олигархии оплодотворяются циничным умом тэвэшных щелкопёров, которые цифровое однообразие калькуляторов умело маскируют под привычную русскому человеку словесную вязь оригинальных размышлений об общественном бытовании. Деньги многих научили говорить правду без правды. Теперь в России такая гласность — говорить и показывать то, что на самом деле лучше скрывать. Ведь ещё физиолог Иван Павлов предупреждал: «Русский ум любит слова, а не факты, причём смысл слов не проверятся». Вот они этим и пользуются.

22 Проливая в очередной раз кровь во имя светлого будущего, почему русские люди не задумываются, а вдруг всё лучшее уже убито ими?!

23 В России пока не мыслишь, до тех пор существуешь. Поэтому русские мыслители предпочитают такой тезис: молчанию — высокохудожественность!

24 Ветры истории в русскую провинцию чаще всего приходят в письменном виде.

25 «Что-то все грамотными стали!» — знакомая фраза из недавнего прошлого уступила в России место другой: «Я в этом ничего не понимаю». К чему бы это? Или профессионалов поубавилось, или народ стал самокритичнее? А может, как только профессионалов поубавилось, так сразу и народ стал самокритичнее?

26 Плохая жизнь в России — разговоры об этом уже набили оскомину. Но как только наступают праздники (а они частенько происходят на просторах нашей родины) — глядь, а мы гуляем. И на столах у нас густо, и в желудках не пусто, и мора нигде не наблюдается. Как-то странно выходит на фоне разговоров о скудной жизни.— А ты, что русскую сказку про колобка забыл? — говорит мне коллега.

— В каком смысле?

— А в сказке тоже не из чего было колобок испечь. Но по сусекам поскребли, по амбару помели, мучки собрали и колобок испекли.А у России — такие закрома! Мы даже не подозреваем, что у нас там имеется.

27 В России никто не прав, когда все правы.

28 Меня часто спрашивают: если ты такой умный, то почему остаёшься жить в жуткой России, даже отказался от туристских поездок за рубеж? А дело в том, что меня раздражают русские, выехавшие за границу. Какие они там патриоты, как любят нашу родину, как тоскуют о ней, как страдают! Зачем такие испытания моей душе? Я лучше буду ненавидеть Россию отсюда — изнутри, чем тосковать по ней там. Так и вышло, что я перестал выезжать за пределы России. Морально жить врагам не запретишь!

29 Главный вопрос русской современности — это понять: сколько в добре зла, а в зле — добра, когда мир перенасыщен речью, но попрежнему не хватает Слова — самого главного Слова из тишины того света.

Когда много говорят — мысль не рождается.
Когда говорят без умолка — мысль насовсем пропадает.
Лучшие образцы поэзии предпочитают тишину молчания.
Чистый лист бумаги — единственное тому подтверждение.
Сижу над ним в тишине и молчу, молчу, молчу!
Молчи и дальше, поэт!

г. Братск

Ульяна Лазаревская

«Мерзлотка»

духовное детство
планеты земля?

заметки на полях книги-победителя
конкурса «Книжное Красноярье»

Книга Елены Тимченко «Мерзлотка и её друзья» вышла в свет в Красноярске в начале декабря 2007 года. Она стала одним из двух произведений для детей, созданных красноярскими авторами и признанных лауреатами грантового конкурса «Книжное Красноярье», которые были изданы за счёт краевого бюджета. Этот факт — одно из первых проявлений внимания общественности к творчеству талантливой детской писательницы, главное произведение которой — «Мерзлотка…» — написано около десяти лет назад и до того, как стать нарядно изданной книжкой, потихоньку печаталось в газетах и журналах, вызывая интерес наиболее «продвинутых» взрослых, которые читали сказку своим детям и внукам и раздавали ксерокопии знакомым.

Елена Владимировна Тимченко закончила физико-математический факультет Красноярского государственного университета; физика, математика, информатика — её родные стихии, но большую часть жизни она посвятила преподаванию, работе с детьми. Последние три года она ведёт мастерскую школьной публицистики в Красноярском литературном лицее, а до этого учила малышей в прогимназии навыкам работы с компьютером. С 2004 года Елена Владимировна — редактор газеты «Детский район» (приложения к муниципальному изданию «Городские новости»). Все эти факты наглядно характеризуют её как яркого педагога, знатока детской души и речи, способного воплотить любовь и знания в собственное оригинальное произведение. Елена Тимченко — человек, воспитанный эпохой, которая была немыслима без чтения, без талантливой умной детской книги; Лев Кассиль и Корней Чуковский, Туве Янссон и Борис Заходер… без этих прививок юный читатель сегодня неизбежно попадает в сети выморочных проамериканских бестселлеров, как будто специально созданных для того, чтобы лишить маленького читателя возможности приобщиться к духовным и нравственным ценностям родной культуры. Берусь утверждать, что «Мерзлотка…» — смелая альтернатива всевозможным «гарри поттерам» и прямой вызов тем, кто навязывает нашим детям подобное чтиво. Может быть, поэтому, едва появившись на свет, она вызвала раздражённое шипение «с той стороны». Однако, те, к кому обращена сказка, ученики красноярских школ, в большинстве своём оценили её по достоинству, об этом свидетельствуют уроки внеклассного чтения в школе №70 (учителя Н. Т. Пугачёва и Н. В. Перова) и в Красноярском литературном лицее. В чём же секрет «Мерзлотки…»? Попробуем разобраться.

С лёгкой руки пока ещё немногочисленных почитателей «Мерзлотки…» Е. В. Тимченко уже получила титул «сибирской Астрид Линдгрен». Это не случайно. Красноярская писательница так же, как и великая шведская сказочница, исходит в своём творческом посыле отнюдь не из желания чему-то научить маленького читателя или что-то ему объяснить. Она вообще не противопоставляет себя ребёнку, с которым начинает свою художественную игру, не отделяет себя от его радостей и горестей, открытий и тревог. Редкая способность взрослого человека *перевоплощаться* в ребёнка-героя, строить вместе с ним уникальный, ни с чем не сравнимый мир, — вот что делает «Мерзлотку…» подлинным произведением искусства, из тех — какие, к сожалению, сегодня не часто появляются на читательских горизонтах.

Чтобы со знанием дела продолжить эту тему, я хотела бы обратиться к дискуссии о детской литературе, которая в конце шестидесятых развернулась на страницах толстых литературных журналов. Существует ли детская литература? Казалось бы, странный вопрос… но он и сейчас представляется актуальным! Если перед нами подлинное художественное явление, то оно не может быть ограничено возрастными рамками. Сказки Кэрролла, Милна, Чуковского, Носова доставляют эстетическое наслаждение и пятилетним детям, и восьмидесятилетним взрослым! Если же значение некоего текста исчерпывается его воздействием на ребёнка определённого возраста, то, какое это имеет отношение к художественной литературе? «Писать для детей надо так же, как для взрослых, — настаивал тот же Чуковский, — только лучше!». Получается, есть «литература» и «нелитература», и добавление «детская» в принципе ничего не меняет, если речь идёт о настоящем произведении искусства. Всё — так. Но ведь мы интуитивно чувствуем, что есть какие-то специфические признаки, которые позволяют выделить некоторую группу художественных текстов именно как текстов «детских». Обычно герои таких произведений — или дети, или фантастические существа, воспроизводящие психику и поведение детей, или, гораздо реже, взрослые, особым образом настроенные на взаимодействие с детьми. Автор строит художественный мир, в котором позволяет развернуться собственному «недопрожитому» детству, реализоваться собственным детским фантазиям, собственной недоигранной игре. Ностальгические мечты автора о детстве, попытка вернуть мир, «когда деревья были большими», мир идеальный, но не безоблачный, — вот основные признаки

1 Повесть-сказка Елены Тимченко «Мерзлотка и её друзья» опубликована в журнале «День и Ночь» (№1-2 2004).

«детской» литературы, которая не меньше, чем к детям, апеллирует ко взрослым, родителям и учителям. Такие книги и читать лучше всего — вместе, и обязательно обсуждать. Это даёт уникальную возможность сохранить связь поколений, найти путеводную нить к взаимопониманию «отцов и детей».

В этом смысле «Мерзлотка…» — наследница и Линдгрен, и Виктора Драгунского (его герой Дениска в моменты своего таинственного общения с Красотой — «Он живой и светится», «Красный шарик в синем небе», «Девочка на шаре» — так же одинок, загадочен, беззащитен и нем, как маленькая Мерзлотка), и Вл. Крапивина с его романтическими мальчишками… Героиня Елены Тимченко — воплощение вечной драмы Детства, разрушаемого цивилизацией, которой оно в принципе чуждо! Линдгрен показала это наиболее остро, даже трагически. Драгунский — со светлой печалью, с надеждой. Неудивительно! Герои Линдгрен живут в капиталистической реальности, безнадёжной по существу… Виктор Драгунский — в середине советских шестидесятых — имел все основания ещё на что-то надеяться. Елена Тимченко синтезирует линдгреновскую эстетику «ухода» и обнадёживающий оптимизм Драгунского. Только влияние Линдгрен всё-таки глубже. Да ведь и времена у нас теперь — иные.

Автор помещает свою героиню в современный город, в котором без труда узнаётся Красноярск. Появление Мерзлотки в деревянном домике, чудом сохранившемся в центре мегаполиса, приводит в движение все нынешние и прошлые пружины мироздания; домик программиста дяди Серёжи становится центром пересечения параллельных миров, и начинаются приключения, в которых участвуют люди, животные, домовые, кактусы, тараканы и дракончики. Удивительно разношёрстная компания!

Писательница определила жанр своего произведения как «повесть-сказка». Действительно ли этому произведению присущи черты литературной сказки, модель которой более или менее освоена русской литературой с первой трети XIX века? Погорельский, Одоевский, А. Толстой…и так далее, вплоть до В. Губарева, Л. Лагина, Е. Шварца и В. Медведева («Баранкин, будь человеком!»). Русская литературная сказка конструирует такого героя, который, сталкиваясь с чудесным, мобилизует свои лучшие черты и изживает худшие. Лентяй Волька, «перевоспитывая» архаического Хоттабыча, вынужден «понимать» себя и меняться к лучшему. Хоттабыч выступает как некое зеркало. Только чудесное, неожиданное, странное способно изменить наш взгляд на самих себя, а значит, измениться, вырасти. Капризная и бесхарактерная Оля в сказке Губарева, столкнувшись с собственным отражением и переместившись вместе с ним в чудесный мир, обнаруживает черты самоотверженности и даже героизма. И читатель понимает: да ведь это и есть настоящая Оля, а вовсе не та изнеженная девочка, какой её пытались сделать неразумные взрослые в её реальной жизни! Двоечник Баранкин, получивший фантастические способности превращаться «во что хочешь», мобилизует в себе качества, которых ему так не хватало в обычной жизни! Модель, варьируясь в деталях, весьма устойчиво проявила себя во множестве конкретных произведений, неизменно популярных у детей и взрослых. Изначально предполагается «фэнтезийное» двоемирие, и либо герой попадает в сказку, которая его испытывает и меняет, либо сказочные герои попадают в реальный мир, испытывая и меняя героя. Скрытый дидактизм такого художественного действия — очевиден. Он исходит из предположения, что любой ребёнок — несовершенное, ещё только возможное, а не действительное, существо, и лишь опыт делает его в полном смысле слова Человеком.

У Астрид Линдгрен, её единомышленников и последователей принципиально иная связь между автором, героем и читателем. Здесь всё наоборот. Реальная действительность испытывается чудесным и совершенным в своей природной данности существом — Ребёнком. Испытания эти заканчиваются, как правило, трагически для ребёнка-героя. Если он и не погибает, то, по крайней мере, *взрослеет*, что, с точки зрения автора, равносильно «полной гибели всерьёз». Зато герой получает возможность уверовать в чудесный мир, где всё происходит под знаком Истины, Добра и Красоты. Питер Пэн (Дж. Барри) показывает детям путь в страну Нетинебудет; юные отпрыски семьи Бэнкс (Памела Трэверс) обнаруживают ход в этот мир, благодаря вечно юной Мэри Поппинс; Мио (Астрид Линдгрен) оказывается в стране, где обретает отца и своё подлинное имя…

Елена Тимченко испытывает знакомую нам действительность загадочным существом — Мерзлоткой.

Здесь читатель тоже обнаруживает «двоемирие». С одной стороны, самая что ни на есть узнаваемая реальность, с другой — необыкновенно органичные этой реальности самые что ни на есть расчудесные чудеса. На мой взгляд, Мерзлотка — создание не менее мощной художественной органики, чем Винни Пух или Карлсон. Это вам не какие-нибудь абстрактные «бада и зоки» (сказка И. и Л. Тюхтяевых). Это — живое!

Белой завистью надо бы завидовать автору, способному — в конце XX века! — придумать столь замысловатый и в то же время динамичный сюжет! Молодой горожанин-холостяк дядя Серёжа волею судьбы и обстоятельств оказывается далеко на Севере, в Музее вечной мерзлоты. Там, с некоторых пор, живёт маленькая девочка… что-то вроде «неандерталеныша», вытаявшего из мерзлоты… во всяком случае, работники Музея так и называют её — Мерзлоткой. Она ничего не говорит, но всё понимает. И общается с людьми телепатическим способом!

Итак, Мерзлотка поселяется у дяди Серёжи, который, в свою очередь, живёт в старинном деревянном домике, доставшемся ему в наследство от бабушки. Домик стоит в самом центре города, но в нём есть и подполье, и печка, и старые сундуки. И компьютер со всевозможными к нему «прибамбасами». Автору удаётся соединить, даже «скрестить», мир современных «интернет-технологий» с миром древних поверий… И получается уди-

вительное полусказочное-полуфэнтэзийное полотно.

Композиционный план повести представляет собой череду отдельных приключений-эпизодов. Мерзлотка последовательно знакомится с «видимыми и невидимыми сущностями», окружающими программиста дядю Серёжу: Кузя, таракан Стёпа, щенок Бублик, тётка Никитишна, предполагаемая невеста дяди Серёжи Люба, Уэб, китайский домовой Питай с дракончиком Чжэнем… В связи с появлением каждого нового персонажа возникает какое-то новое приключение: вместе с домовым Мерзлотка «наводит порядок» на центральной улице города; вместе с Уэбом оживляет виртуальную козочку… в эпицентр сюжета вводятся ожившие кактусы-кикиморы, специалист по аномальным явлениям и страшная ведьма Парунья. Действие повести охватывает около года — осенью Мерзлотка поселяется у дяди Серёжи, поздней весной (или ранним летом) покидает его… Не может «детская душа» северной природы жить среди цивилизации… ну, ещё зимой — куда ни шло: можно иной раз в подполье отдохнуть! Но лето в городе для Мерзлотки — погибель! И маленькая девочка отправляется вплавь по великой реке на свою далёкую родину — в Ледовитый океан. Оставив на берегу все «дары», которые цивилизация смогла ей предоставить, включая любимое платьице в горошек…

В конце повести мы находим Мерзлотку среди «родных и близких»: «*Гренландский кит кивал своей огромной головой и приветственно пускал фонтаны.*

По краю льдины в волнении прохаживался туда-сюда белый медведь. Останавливался иногда, от избытка чувств мотал башкой и бил себя лапами в грудь.

Северный олень преодолел 800 километров снежного пути. И теперь он застыл, как статуя на ледовом постаменте, грациозно вскинув ветвистую голову. Издалека гордый силуэт его напоминал восседающего на коне индейского вождя в замысловатом головном уборе из перьев.

Тёмная точка из белого далека приближалась к месту встречи. Это молодая мать-тюлениха неуклюже перекатывалась по льду, подталкивая ластами белоснежного дирижаблика — своего бесценного детёныша-белька. Торопилась приветствовать Мерзлотку и показать ей своё сокровище.

Вся живая и неживая природа этого таинственного, холодного, дружественного для Мерзлотки места помогала девочке быстро восстановить силы.

И вот уже Мерзлотка, обласканная, вылизанная и обсушенная своими братьями-млекопитающими, крепко спала в берлоге, зарывшись поглубже в медвежью шерсть, и белый мишка согревал её своим дыханием. Вот ты и дома, Мерзлотка.»

Читая и перечитывая «Мерзлотку…», я всё время вспоминала беспомощные попытки множества местных и дальних «писателей» вымучить специально для детей некие «произведения» на «экологические темы». У человека с нормальной эстетической (да и нравственной!) реакцией все эти «сказки» и «пьесы» ничего, кроме тошноты, вызвать не могут! Елена Тимченко вовсе не претендует на подобные, далеко идущие цели, но, чтобы пережить с детьми *глубокое чувство «экологической совести»*, просто прочитайте вместе с ними «Мерзлотку…»!

Самое сложное при встрече с любым художественным произведением — восхождение к его смыслу. «Что автор хотел этим сказать?». «Только то, что сказал, — отвечал на подобные вопросы Л. Н. Толстой, — от первого до последнего слова». Соучаствуя в приключениях Мерзлотки, читатель, как взрослый, так и маленький, входит в мир, в котором как-то очень естественно соединились реалистические, фантастические, сказочные и даже мистические черты действительности. Да ведь все мы по сути дела именно в таком мире и живём! Автор наделяет свою выдумку остро современными приметами. Дитя северной природы, Мерзлотка осваивает компьютер, но вместе с ней технику осваивает и домовой Кузя, и… маленький читатель, который, помимо всего прочего, узнаёт массу важных и занимательных вещей… вот вам и *познавательный смысл!* Елена Тимченко не сюсюкает с ребёнком, общается с ним на равных, но кое-что и объясняет — и прямо в тексте, и в виде сносок-примечаний. Буквы греческого алфавита любому школьнику придётся освоить, изучая математику и физику, Мерзлотка и Кузя рассматривают их в учебнике Фихтенгольца по математическому анализу, которую Кузя стащил в университетской библиотеке (вернее, «у коллеги выменял на еду»). По ходу дела читатель получает сведения о том, что такое «броуновское движение» (да так, как ни в одном словаре не прочитаешь! Весело и понятно: «*Молекулы среды пихают, толкают частицу «под микитки», причём удары, например, справа и слева, неодинаковы. Поэтому частица, вместо того, чтобы двигаться прямо и целеустремлённо, скачет на месте и мечется, как безумная*»), кто такие «кутюрье», что значит «виртуальный» и так далее, и тому подобное… Вообще, атмосфера «Мерзлотки…» напоминает воздух университетского микросоциума, такая сказка могла бы родиться в знаменитой Краевой летней школе (клш), если бы ребята принялись — по вечерам перед сном — фантазировать на занимающие их научные и околонаучные темы. И в этом, разумеется, ещё одно важное значение (идея!) «Мерзлотки…» — *идея общения умных начитанных детей с понимающими и уважающими их взрослыми*, которые тоже не прочь поиграть в такие вот «креативные» игры.

Что ещё? *Идея единства культурного целого, скреплённого во всех своих звеньях узами семейственного добра и любви.* Мерзлотка, перебравшись из Музея вечной мерзлоты к дяде Серёже в город (читай — в Красноярск), обретает семью не только в лице самого Серёжи, но и в лицах «всех видимых и невидимых сущностей» этого дома! Римляне называли невидимых домашних духов ларами и пенатами. А здесь это Кузя и его «коллеги» — англичанин Уэб и китаец Питай. Не говоря уже о таракане Стёпе (который на самом деле — «инкарнация» древнеегипетского жука Скарабея), дракончике Чжэне (который может

ловко обернуться и картинкой на шёлковом халате хозяина, и красивой заколкой в волосах у Мерзлотки), виртуальной козочке, которую домовые неосторожно извлекают из компьютера… Что же касается «видимых сущностей», то натуральности их общения с миром «по ту сторону» можно только удивляться и завидовать (вернее, завидовать автору, которому удалось с такой живой непосредственностью это придумать и написать!). Вот как, например, Кузя обращается с «натуральным» щенком: «*Выхватив из рук Мерзлотки щенка, он резво помчался домой. Со стороны это выглядело так: бежит, неуклюже топая, толстая девчонка, а рядом по воздуху в принуждённой позе проплывает беспечный щенок, которого невидимое существо несёт, небрежно обхватив поперёк пуза*». А эпизод с Любой, предполагаемой невестой дяди Серёжи, когда, пытаясь помочь хозяину в налаживании отношений, «невидимые сущности» наводят такого страха на бедняжку, что «*перепуганная до смерти девушка пулей неслась через двор, прочь от этого дома и его странных обитателей*»!

«*— Ну, ты куда? Оставайся, ты нам приглянулась, — бубнил домовой. Затем он спрятал её сумочку. Пользуясь своей невидимостью, выхватывал из рук девушки то шарфик, то шапочку, чем окончательно её доконал*».

Мерзлотка принадлежит обоим мирам, поэтому прекрасно видит и самих домовых, и производимые ими действия… Кузя говорит о ней: «*А ты, девка, видать, из наших, хоть и матерьяльная. А меня вот они не видят и считают поэтому, что я сверхъестественный, хе-хе…*»

Каждый персонаж в сказке живёт и действует в точном соответствии логике своего характера. *Домовой Кузя* — типичный плут-трикстер, озорник и хитрец, очень похожий, между прочим, на деревенских дедков, созданных мастерами советской реалистической прозы 30–60-х годов, шолоховского Щукаря и ему подобных. Он выдумывает бесконечные проказы, способные кого угодно вывести из терпения, но именно он выступает как главный защитник мира и уюта в доме, когда нужно уберечь его от нашествия кикимор или от страшного призрака Паруньи.

Уэб Майстер — знающий себе цену программист, этакий Билл Гейтс, только усовершенствованного, сказочного образца. Сдержанный, деликатный, молчаливый, ироничный, он, тем не менее, не без удовольствия участвует в Кузиной проделке — извлекает из компьютера виртуальную козу.

Китаец Питай появляется в доме дяди Серёжи, видимо, благодаря клеёнчатым полосатым сумкам, с которыми сосед-«челнок» — туда-сюда — ездит в Китай и обратно. «*В комнату робко, бочком, протиснулся маленький, щупленький старичок. Глазки, как две щёлочки, жиденькая бородёнка (и такая же по «жидкости» косичка). Одет в синий шёлковый, расшитый золотыми драконами костюм: просторная прямая блуза и штаны. На ногах тапочки детского размера на бесшумной подошве…*». Дружелюбный, вежливый, Питай сглаживает любые «неровности отношений», утихомиривает любые ссоры. Специально для Мерзлотки он оживляет дракончика Чжэня, а уж дракончик показан в сказке с такой потрясающей живописностью, что невозможно не поверить в его реальное существование! «*Дракончик беспокойно дрыгал лапками и пытался укусить Питая за палец. Был он ужасно плоский, как трафарет из тонко раскатанной золотой пластинки. Старичок, осторожно держа его за перепончатое крылышко, открыл печку, забросил в огонь и прикрыл дверцу.*

Через несколько секунд дверца со стуком отскочила, и оттуда пулей вылетел, изрыгая огонь, очень похорошевший и уже не плоский золотисто-огненный дракон.

Чжэнь с маху влетел Кузьме в бороду и нечаянно её подпалил. Тот хватил дракона рукой, да обжёгся! Подскочил к ведру с водой, со стоном всунулся в него до пояса.

Тем временем дракончик Чжэнь, маленький и жёлтый, как канарейка, нарезал круги по комнате и пыхал огнём. Наконец он спикировал на стол дяди Серёжи и принялся выжигать аккуратные дырочки в его бумагах. Прыг — дыхнул — дырочка. Прыг — дыхнул — дырочка».

Что касается *Бублика*, то он обрисован в повести рукою опытного кинолога! Ведь прототип этого героя — собака автора, спаниелька Джесси. Поэтому здесь всё точно, до малейшей детали. Можно не рассматривать иллюстрации, щенок описан так, что буквально видишь его — как живого! Да и вообще все герои ведут себя «как живые» — без всяких скидок «на возраст» читателя («скидка», может быть, только в том, что все они — за одним только исключением — добрые, весёлые, милые и простодушные, как дети, будь то щестимесячный Бублик, трёхсотлетний Стёпа или двадцативосьмилетний дядя Серёжа). Этакая разновозрастная современная детская компания, где все шалят и играют, дружат, слегка ссорятся и тут же мирятся, а заодно и узнают массу полезных вещей о самих себе, друг друге и окружающем мире — «видимом и невидимом». Вот Мерзлотка и Бублик пытаются достать из-под дивана закатившегося туда шахматного короля. «*Бублик, насколько смог, просунул свой нос в узкую щель под диваном и заливисто лаял. Мерзлотке очень хотелось дать хорошего пинка по этой оттопыренной рыжей гузке с весёлой вихлюшкой на кончике хвоста. Вместо этого она тоже опустилась на пол, пытаясь отыскать в пыльном «поддиванье» чёрную фигурку*». Вот Уэб и Кузя за компьютером: «*Кузя подпрыгивал на стульчике, крутился, болтал ногами, пихался локтями, нажимал не те клавиши, что нужно, — вёл себя ужасно, как второгодник.*

— Дай я! Дай я! — нетерпеливо подскакивал на месте домовой.

— Это вам не машинка «Зингер» — нитки путать, — Уэб с холодной небрежностью отодвинул старика подальше от компьютера…»

А вот *кикимора* болотная пытается связаться с лесной нечистью, чтобы отомстить Кузе за то, что он расправился с обнаглевшими кикиморами-кактусами: «*Кикиморка проворно нырнула в свою берложку под корягой и вылезла с сотовым телефоном в сухой коричневой лапке. Телефон она недавно «стибрила» у одного «крутого», приезжавшего на джипе поохотиться в их глухомани. Бизнесмену она так заморочила голову, что он и не вспомнил*

о своём мобильном — рад был, что живым ноги унёс!».

Если продолжать «парад героев», то кто из нас, нынешних, не встречался хотя бы однажды с *дядей Серёжей*, долговязым программистом, у которого, похоже, кроме собственного домового да тётки Никитишны, да уехавшего в Чечню приятеля — ни родни, ни друзей? Я прикинула — не слишком ли он похож на Сашу Привалова, героя сказки Стругацких «Понедельник начинается в субботу»? А вот — нет, не слишком, совсем не похож! Хотя аллюзия прочитывается… «Нам нужен программист. — Всем нужен программист». Это было в середине 60-х. А в конце 90-х программистов-то (благополучно превратившихся в «системных администраторов») пруд пруди! Другое дело — дядечка, которому Мерзлотка готова доверить собственное воспитание. С такими во все времена — острая «напряжёнка».

И вдруг мне подумалось: а ведь выдержали они «испытание Мерзлоткой», мои земляки-красноярцы! Не подкачали! И Серёжа, и Никитична, и Кузя… Каждый из них в общении с «нестандартным ребёнком» проявил лучшие стороны своей натуры — и осознал себя как *человек разумный* («видимый» или «невидимый» не важно!). Но почему же тогда таинственная девочка («снежный человечек-йети»?) покидает их, так её полюбивших, так с нею сроднившихся?

И вот тут, мне кажется, и «вычитывается» глобальная мысль автора, так сказать, его глубинный творческий замысел (чаще всего, такие «мысли» приходят к писателям в виде художественной интуиции, это даже не мысль, а переживание, образ, но это не лишает их, мысли, серьёзного философского значения). Каждый из нас, появившись на свет, приходит в мир, абсолютно чуждый нашей биологической природе (и в конце XX — начале XXI века, как никогда прежде). Мы — дети земли, солнца, леса, дождя, травы, дети мира, обжитого и одухотворённого нашими предками. А живём — в каменных джунглях, постепенно принимая задаваемую ими форму, превращаясь в каких-то киборгов! Мерзлотка — «детская душа» ещё почти не тронутых цивилизацией областей природы, самых суровых — потому и не тронутых. В ней сосредоточено всё, что мы потеряли, пока «цивилизовались»: способность чувствовать запредельное и жить в гармонии со всем сложным и причудливым миром, который нас окружает. И настолько, по замыслу автора, это «духовное детство» для матушки-природы ценно, что изначально жестокая северная фауна бережёт и защищает его, как своё самое дорогое достояние. Да и люди, столкнувшись с Мерзлоткой, проявляют по отношению к ней самые лучшие свои качества… Только это не спасает ситуацию! Мерзлотка не сможет приспособиться к условиям жизни мегаполиса. Это ясно. И автор провожает героиню в дальний путь, навсегда прощаясь с Детством Планеты Земля. Как прощается с ним каждый растущий на этой планете человек — привыкая к первым памперсам, первой пластиковой игрушке, первой телепередаче, первому компьютеру. И изменить это уже невозможно… А жаль!

Тем более, что действительность, которую создаёт автор «Мерзлотки…», несмотря на свою добросердечную, семейственную основу, далека от идиллии. Зло так же реально, как добро. И оно «тихо лежать не может». Отказ от «сусальности» и любой идеализации, стремление к гармоническому единству вынуждает Елену Тимченко показывать «зло». И это зло не менее картинно и живо в сказке, чем добро (глава «Зло тихо лежать не может»).

Язык «Мерзлотки…» — предмет особого рассуждения. Может быть, не следовало бы «здесь и сейчас» ссылаться на М. М. Бахтина, но, думается, грамотный читатель сразу же обнаружит принципиальную «полифонию» художественной речи этой сказки. Каждый персонаж, включая Автора, создаёт вокруг себя особое стилистическое «речевое облако». А читатель маленький — не отдавая себе в этом отчёта — обязательно отреагирует на эту полифонию, почувствует взаимодействие «речевых атмосфер».

Речь Автора модулирована языком интеллигентных родителей и учителей, воспитанных в духе «педагогики сотрудничества» середины семидесятых… Мы ещё помним героев-учителей той эпохи! Математика Шаталова, учительницу начальных классов Лысенкову, психолога Вадима Левина, учёного-педагога Амонашвили… В повести «Мерзлотка…» Автор говорит как бы *от их имени*. Я уже подчёркивала, как бесконечно он, Автор, далёк от сюсюканья, заискиванья и снисхожденья до детской недоразвитости. Автор здесь — на равных с ребёнком-читателем, хотя и предлагает ему в игре использовать его, авторский, опыт. Отсюда — сноски, комментарии, отсылки. Чего стоит, например, дивный пассаж, прерывающий чтение книжки засыпающей Никитичной: *«Дорогие дети! Будьте бдительны. Иногда взрослые, читая ребёнку книжку, мыслями витают далеко-далеко, достигая виртуозности в этом параллельном занятии. Мама, например, может, обдумывать, что приготовить семье на ужин, а папа перебирает в уме все мыслимые и немыслимые причины неисправности двигателя. Признаки такого поведения: механическое чтение, отсутствующий мутный взор. Внезапно заданный контрольный вопрос по прочитанному поможет вам вывести родителей на чистую воду»*.

С необычайным артистизмом и в то же время естественностью говорит в сказке домовой Кузя. Этот персонаж — носитель неподражаемой сибирской деревенской речи, во всём её блеске и удальстве. Вспоминаю, как балагурил иногда Виктор Петрович Астафьев, пересыпая рассказ прибаутками да приговорками… Елена Тимченко не была лично знакома с Астафьевым, не знала его, как мастера устного жанра, но эту дивную, «вкусную» речь с детства слышала в родном селе. Слышала, запомнила и сумела сохранить и передать читателям — устами своего разудалого персонажа:

— *Попужать тебя хотел маленько…*

— *…голодно уж очень у него: утром — яичница, вечером — яичня…я чаёк уважаю с баранкой. Чаем на Руси никто не подавился…*

— Сам я рыжий Рыжу взял! Рыжий поп меня венчал! Рыжий конь меня умчал! Рыжа музыка играла! Рыжа баба танцевала! У-у-у-х!

— Эва, посмотри, что варнак делает?!.

И так далее, и так далее. Поэтому особенно забавно наблюдать, как, пытаясь идти в ногу со временем, Кузя перемешивает в своей речи разные языковые «течения». Вот, вернувшись с Собрания домовых, он объясняет Мерзлотке: «*Критиковали меня. Сказали, что отсталый я, дремучий и тёмный, и речь моя неправильная, деревенская… предложили имидж сменить…*». А затем, когда заканчивается его эксперимент «с одёжей»,

«*— Всё связано со всем, — вдруг философски заметил домовой, задумчиво глядя на огонь.*

Кряхтя и охая, старичок стянул с себя американскую одежду, собрал тряпки, разбросанные по всей квартире, и со словами:

— Всё должно куда-то деваться! — выкинул их в свой сундук, как если бы тот был мусоропроводом.

— За всё нужно платить! — назидательно добавил Кузя и, опять приоткрыв крышку, бросил туда старинную монетку с изображением царя».

Но этого мало! Автор умудряется с вызывающей полное доверие картинностью воспроизвести речь щенка и даже… таракана!

«*Хозяин… еда… мячик… грызть… еда… ботинок… грызть… фу… нельзя… маленькая хозяйка… грызть… хозяину что-то надо… еда… в руке у него еда… лапа… ну, лапа… непонятки…ухо чесать… ухо… еда…*». Это — мысли Бублика, которые проносятся у щенка в голове в ответ на настойчивые просьбы дяди Серёжи дать ему лапку.

Таким образом, сказка Елены Тимченко, кроме прочих достоинств, обладает ещё одним, бесспорным: это настоящий «заповедник речи» современного сибирского города, во множестве её разновидностей — от молодёжного слэнга до языка наших бабушек и дедушек, который продолжает жить в повседневном обиходе горожан.

Когда речь идёт о художественном произведении, искать в нём какой-то особый прикладной смысл — самая неблагодарная задача. Сказка создана для детей, так что максимум того, что с ней можно сделать, — это прочитать её вместе с детьми. Тем не менее, рекомендуя тот или иной текст к детскому чтению, приходится находить аргументы в его пользу — для родителей и учителей. Что даст «Мерзлотка» маленькому школьнику, к вниманию которого апеллирует её автор? Мне — как читателю — очевидны, по крайней мере, три важнейших аспекта «Мерзлотки…», которые делают её особенно привлекательной именно в психолого-педагогическом плане.

О первом я уже упоминала — это *аспект «социально-нравственный»*. Чтение «Мерзлотки…» — уникальная возможность ненавязчивого, но эффективного формирования у детей нравственного качества, которое я называю «экологической совестью» (одна из главок — «Прогулка по городу скучным промозглым деньком» — прямо этому посвящена, но и вся повесть-сказка проникнута пафосом безусловного приоритета всего живого, нуждающегося в защите, в сравнении с человеческими цивилизаторскими амбициями).

Второй аспект — *общеобразовательный, культурный*. «Мерзлотка» действительно насыщена, как сказали бы создатели учебных технологий, «информационными блоками», необходимыми для юных пользователей пк… да и вообще для любого современного грамотного человека! В «Мерзлотке…» представлено что-то вроде адаптированного к общению с детьми «среза» культурного пространства, в котором живёт большинство семей современной русской интеллигенции. Маленький читатель может свободно во всём этом «бродить», всем интересоваться, всё потрогать собственными руками, обо всём спросить.

Третий аспект — *речевой*. Сказка прямо-таки тяготеет к разговорам, к дискуссиям, к созданию детьми сочинений-рассуждений, писем, продолжений оборвавшихся сюжетов, к всевозможным диалогам; и при этом она непосредственным образом способствует обогащению активного детского словаря.

Можно продолжать, но я уверена, что каждый взрослый (родители или учитель) может разработать свою стратегию и тактику чтения «Мерзлотки…». «Неисчерпаемость» — одна из важных примет подлинного произведения искусства. Думаю, этому критерию повесть-сказка «Мерзлотка и её друзья» соответствует вполне, а значит, использовать её в общении с детьми можно с бесконечным разнообразием.

г. Красноярск

Владлен Грабузов

За гранью риска

Памяти русских лётчиков, не вернувшихся из полётов над Африкой, — посвящается.

«Самолёт — не цель. Он всего лишь орудие. Такое же орудие, как плуг».
«Планета людей»,
Антуан де Сент Экзюпери

Совпадения реальной жизни с событиями и действующими лицами в данной книге являются случайными. Автор.

Пролог

Он стоял у кромки прибоя и смотрел на океан. Пологие волны одна за другой методично накатывались на песчаный берег, опадали почти у его ног и, шурша песчинками, откатывались назад. И так часами, сутками, месяцами и годами. Океан никогда не утихал, менялись только величина и мощь волн.

Он вспомнил море на своей родине, оно в тихие дни могло стать зеркально гладким, правда, купаться в нём можно было только в течение полугода, в остальное время в нём плавали только отдельные смельчаки. А тут, в океане, вода тёплая весь год, хотя для местных жителей зима, вот как сейчас, — это не купальный сезон. Расположение страны у экватора и тёплое течение океана мало что меняли при смене календарных сезонов. И всё же выпадало несколько суток в году, когда столбик термометра падал ночью до +18. Для местного населения, привыкшего жить при жаре +35 +45, да ещё с повышенной влажностью это было кошмарным холодом.

Как-то ранним утром он вышел во двор виллы и увидел тёмную массу у калитки. Подойдя поближе он разглядел, что это был их охранник Андрэ, закутавшийся в тряпьё. «Бедняга», — подумал он, глядя на замёрзшего охранника. «Воистину: что русскому здорово, то негру — смерть. В разных уголках планеты разные понятия о тепле и холоде», — думал он, медленно идя по прибрежному песку. Перевёл взгляд левее — на эстакаду, уходящую в океан на несколько сот метров. В конце её стояли большие портальные краны, когда-то грузившие трюмы больших сухогрузов фосфатами, добываемыми неподалёку из шахты. Потом шахту залило водой, а её сооружения так и остались напоминанием о прежних временах. У линии горизонта виднелись россыпи огоньков газовых факелов, горевших на расположенных на шельфе нефтяных вышках. На протяжении нескольких сотен километров вдоль побережья нефтяные компании непрерывно высасывали «кровь» земли, наполняя ею прожорливые чрева танкеров. Малиновое солнце, похожее на половинку переспелого арбуза, погружалось в океан. На фоне заката двигались друг за другом маленькие чёрточки. Он уже знал, что это спешат на ночной лов пироги местных рыбаков. Попытался сосчитать их, но после третьего десятка сбился со счёта, да уже и трудно их стало различать в вечерней дымке.

Вчера, ранним утром, он со своими парнями приехал в гавань, где причаливают пироги с ночным уловом. Они шли по песчаному берегу бухты, необычно оживлённому в этот ранний час. Усталые рыбаки вытаскивали из причаливших пирог большие корзины с добычей и, сгибаясь под её тяжестью, подтаскивали к длинным деревянным столам, стоящим тут же на берегу. На них уже громоздились груды рыбы всевозможных видов и размеров, в корзинах копошились большие крабы и креветки. Здоровенные туши акул лежали прямо на песке, глядя на окружающий мир холодным, мёртвым взглядом. Рядом с ними, как диковинные летательные аппараты на экзотическом аэродроме, лежали большие скаты, прижавшиеся плоскими телами к песку и вытянувшие свои длинные тонкие хвосты. Кругом стоял гам, вдоль столов сновали толпы женщин и мужчин, торгуясь и громко тараторя на местном языке. Пахло рыбой, гниющими водорослями и ещё чем-то специфическим.

Они купили креветок, которые назывались королевскими, видимо, из-за своих больших размеров, и с десяток жирных океанских селёдок. Бортмеханик тут же объявил, что засол этой рыбы берёт на себя. Впереди намечалось небольшое торжество — день рожденья одного из членов экипажа, к дате нужно было подготовиться заранее.

Он улыбнулся, зачерпнул пригоршню воды из набежавшей волны — вода струйкой просочилась сквозь пальцы, вдохнул запах океана. Тихий ветерок лениво шевелил кроны стоящих на берегу пальм. «Ветер дальних странствий дул им в лицо», — вдруг вспомнились ему строки из книги, прочитанной давно, в детстве. Думал ли маленький мальчик из глухой, засыпанной снегами, сибирской деревеньки, сидя длинными, зимними вечерами у керосиновой лампы над очередной книжкой о далёких, таинственных странах с непроходимыми лесами и диковинными животными, что когда-то придёт день и он будет стоять на берегу океана, в далёкой, таинственной стране.

Глядя на волны, он вспомнил, как несколько раз брал с собой на океанский пляж Андрэ, пытаясь научить его хоть немного держаться на воде. Попытки эти оказались безуспешными, Андрэ, вероятно, в благодарность за хорошее отношение к нему «шефа», сделал несколько попыток залезть в воду, но сильная волна сбила его с ног и пота-

щила сначала к берегу, а затем — вглубь. Нахлебавшись солёной воды и сильно испугавшись, он с такой силой вцепился в руку своего тренера, что с трудом удалось расцепить его пальцы, охватившие запястье спасителя. С тех пор они больше не делали таких экспериментов. Обычно Андрэ сидел на песке и смотрел, как его «шеф» сначала заходил, преодолевая сопротивление набегающих волн, всё дальше и дальше, затем нырял под основание очередного вала. Увидев его голову далеко за гребнями волн, Андрэ вскакивал, приплясывая и размахивая руками. К нему подбегали такие же глянцево-чёрные молодые парни. Тыча пальцем в сторону океана, он кричал, преодолевая грохот волн, что его друг, его смелый «шеф» снова «во-он где»! И когда тот выходил из воды, кучка чернокожих парней с уважением и завистью следовала за ним во главе с Андрэ до того места, где на песке были разостланы их полотенца…

Он взглянул на небосвод, восточная часть его потемнела, первые звёзды робко смотрели вниз на землю. «Ветер дальних странствий», — вновь вспомнил он, ощущая на лице лёгкое дыхание бриза. Медленно шагая по прибрежному песку, он думал о превратностях судьбы, забросивших его, русского лётчика Валерия Сибирцева, в далёкую, таинственную Африку.

Глава 1

— Вышка, я — рейс 214, к взлёту готов, — раздался в наушниках голос штурмана.

— Рейс 214, ветер — юго-юго-восток, 12 узлов, полоса 17 свободна, взлёт разрешаю, я — Вышка.

Валерий, быстрым взглядом окинув приборную доску, скомандовал:

— Маршевым — максимальный! Экипаж, взлетаем!

Нарастающий гул двух мощных турбовинтовых двигателей перешёл в рёв. Валерий опустил тормоза — тяжело нагруженный самолёт, нехотя, тронулся с места и, набирая скорость, стуча покрышками колёс на стыках бетонных плит, начал стремительный разбег по полосе.

— 120, 140, 160, 180… — голос штурмана отсчитывал показания указателя скорости. Передняя стойка шасси не стала отходить от полосы, когда он на скорости 200 км, начал разгружать её, плавно беря штурвал на себя. «Не только здорово перегрузили, но, похоже, предельно передняя центровка», — мелькнуло в голове у Валерия. Они уже проскочили половину полосы.

— 240, 260…

Штурвал почти полностью был взят на себя, противоположный конец ВПП стремительно нёсся навстречу.

— 280, 300, 320… — голос штурмана стал откровенно тревожным.

— Взлётный, закрылки — 25! — прохрипел Валерий и с облегчением почувствовал, как тяжёлая машина медленно отходит от бетона в воздух, в какой-то полусотне метров от конца ВПП.

Дав команду на уборку шасси, автоматически прослушав доклад штурмана диспетчеру о взлёте и указание «Вышки» занять радиал 260, он плавным и уверенным движением ввёл самолёт в левый разворот. Штурвал затрясся в его руках — верный признак недостаточной скорости при большой загруженности самолёта. Удерживая машину от дальнейшего сваливания влево, он энергично вывел её из крена.

Под крылом стремительно проносились кварталы пригорода — редкие виллы зажиточных жителей, жалкие хижины бедноты, пустыри. Землю стали закрывать лёгкие барашки облаков, вскоре она полностью накрылась пушистым, белым одеялом. В глаза ударило яростное солнце. Свет был таким слепящим, что пришлось эту часть фонаря кабины закрыть чёрной шторкой. Включив автопилот, Валерий откинулся в кресле.

— Отличная работа, командир! — бортмеханик Василий, увидев повёрнутое в его сторону лицо Валерия, поднял кверху большой палец.

— Отличная работа, говоришь, — мрачно повторил командир. Он провёл рукой по шапке тёмно-русых волос, уже тронутых изморозью на висках, на резко очерченных губах появилась усмешка, подбородок с ямочкой посредине дрогнул.

— Мы же ушли почти с последних плит бетона, дружище. А ты говоришь — отличная работа. Взлёт на гране катастрофы — вот как это называется.

— Да перестань, Валера, ушли же!

Командир с сожалением посмотрел на бортмеханика, на его спокойное лицо, прищуренные светлые глаза — всё выражало полную безмятежность. Затем глянул на второго пилота, с напряжённым лицом сидящего в правом пилотском кресле.

— Аркадий, так какая же всё-таки у нас взлётная масса? Ты контролировал загрузку?

— Естественно, командир. На борту десять тонн, учитывая «зайцев», ну там плюс- минус сто-двести кэгэ. Взлётная масса — тридцать тонн.

— Хорошо. А распределение груза по салону контролировал?

— А как же, конечно!

Но по тому, как Аркадий блудливо отвёл глаза в сторону, командир понял, что никакого контроля он за загрузкой самолёта не вёл. Да и о каком контроле могла идти речь, когда у Аркадия с утра голова трещала с похмелья, и зверски хотелось спать.

Накануне, поздно вечером они с бортрадистом из экипажа самолёта АН-12 или «Элки», как называли его все по букве на фюзеляже, завалились в ночной клуб. Там изрядно выпили, подцепили девиц. На виллу второй пилот вернулся под утро, рухнул на постель и, как ему показалось, только закрыл глаза, как кто-то начал трясти его за плечо. С неимоверным усилием он открыл глаза, промычав что-то несуразное, видимо пытаясь послать куда подальше того, кто мешает ему спать. Наконец до него дошло, что его будит штурман, тоже Аркадий, с которым он жил одной в комнате.

— Вставай, гуляка, пора на аэродром, труба… то бишь наш командир зовёт.

С трудом поднявшись, он умылся и почистил зубы. Постаравшись не столкнуться с командиром, втиснулся на заднее сиденье такси. Как только началась загрузка самолёта, он откинул блок сидений от борта в хвостовой части, лёг и тут же провалился в тяжёлый сон.

Все были в это время заняты: командир находился в офисе авиакомпании, расположенном рядом с аэропортом, штурман оформлял заявку на полёт в службе движения, заказывал прогноз и погоду по трассе и аэродрому назначения, бортмеханик занимался заправкой самолёта.

Вернувшись из офиса, Валерий застал уже отъезжавшую грузовую машину да кучу пассажиров возле самолёта. У опущенной грузовой рампы[1] стояли Виктор с Василием и представитель коммерческой службы аэропорта.

— Командир, самолёт заправлен, загружен, к вылету готов, — доложил бортмеханик.

— Тогда, поехали, — Валерий заглянул в грузовой салон, он был забит грузом почти полностью.

— А с этими что делать? — кивнув на толпу желающих улететь, спросил Виктор.

— Сколько загрузили?

— Девять тонн, как ты сказал.

— Хорошо, можно взять десять человек, не более. Такса — прежняя.

— Бьен, кэптен! — чернокожий парень из отдела перевозок был доволен — 10% от тех денег, что будут взяты с пассажиров — его, а это неплохой гонорар.

— Наш «дракон» и больше может утащить. — Виктор любовно провёл рукой по борту самолёта. Его тёмные глаза глядели на командира вопросительно.

— Десять человек, не более! — отрезал тот. — И так предел по загрузке, да и температура уже под 30. — Валерий пошёл вдоль самолёта, осматривая его, сзади послышался гомон. Это была постоянная картина — у грузовых самолётов толпились желающие улететь.

Он зашёл в самолёт по узенькой лестнице через переднюю дверь. В пилотскую кабину вёл небольшой проход — остальное пространство было забито грузом. Дверь в пилотскую кабину открылась, в проём высунулась физиономия штурмана:

— Командир, мы готовы.

— А это кто такие? — спросил Валерий, увидев чьи-то головы внутри кабины.

— Да я четырёх «зайцев» здесь приютил, чтобы этот, с перевозок, их не заметил.

— Я уже дал команду взять десять человек, что ещё за самодеятельность?

— Командир, всё нормально, наш «дракоша» и больше утащит!

— Утащит, — передразнил он. — Я смотрю, вы совсем обалдели с этими «левыми» деньгами.

«Зайцы» в испуге уставились на Валерия, поняв, что этот сердитый лётчик здесь самый главный и от него зависит — улетят они или нет.

— Полагаю, ты и деньги с них уже слупил?

— А как же, святое дело! Деньги на бочку и вперёд! — плутоватая физиономия штурмана расплылась в улыбке, как у кота, который только что поймал жирную мышь.

— Валерий, да всё в порядке, в первый раз что ли? — Сзади послышался голос бортмеханика Василия. — Давай запускать ТГ[2], нужно рампу закрыть.

— Штурман, проси у «Вышки» разрешения на запуск, да разбуди этого гуляку. — Валерий глянул на второго пилота, спавшего в правом кресле.

— Обожди, я его сейчас сам разбужу! — протиснулся в кабину Василий. Услышав гул запущенного вспомогательного ТГ-16, он нагнулся к уху второго пилота и закричал:

— Аркадий! Самолёт кренит, давай штурвал вправо!

От этого выкрика, ничего не поняв спросонья, второй пилот подскочил на своём сиденье и, схватив штурвал, судорожно крутанул его в правую сторону. Раздался хохот. Поняв, что его разыграли, Аркадий, выпустив из рук штурвал, неприязненно глянул на бортмеханика. Его водянистого цвета глаза на продолговатом лице с узкими губами, постоянно кривившиеся в иронической ухмылке по поводу и без него, уставились на Василия.

— Тоже мне, шутник.

— Спать ночью надо, а здесь работать. — Валерий застегнул привязные ремни. — Штурман, контроль по карте перед запуском!

Штурман забубнил пункты контрольных вопросов так называемой «молитвы»[3] перед запуском основных двигателей. Всё пошло своим чередом.

И вот теперь, после критических мгновений сегодняшнего взлёта, Валерий позволил себе расслабиться. Откинувшись в кресле, он оглядел открывающееся через фонарь кабины пространство: голубое небо, почти по курсу — яростное солнце, внизу — плотный слой облачности.

— Как путевая, штурман?

Аркадий нажал кнопку на пульте ДжиПиЭс[4]. — Пятьсот кэмэ, командир.

— М-да, вот вам ещё к вопросу о загрузке. Виктор! — вызвал он по внутренней связи техника, тот находился в хвостовой части вместе с пассажирами.

— Слушаю, командир.

— Ты при загрузке проход оставил между грузом и фюзеляжем?

— Как обычно, командир.

— Сейчас к тебе перелезет помощник. К посадке обеспечьте мне нормальную центровку.

— Йес, сэр!

Валерий перевёл взгляд на второго пилота.

— Давай к Виктору. Часть груза — в хвост!

Аркадий, что-то бормоча себе под нос, отстегнул ремни, и ткнул кулаком в бок бортмеханика.

— Ну-ка, пропусти меня.

Василий привстал и, пропуская второго пилота, подмигнул штурману.

— До чего же бессердечные люди у нас в экипаже. Человека, можно сказать, чуть живого, заставляют перетаскивать груз! — с наигранным сочувствием проронил штурман.

Второй, протискиваясь мимо, скребнул по нему злым взглядом.

1 Рампа — опускаемый грузовой люк в хвостовой части самолёта.

2 ТГ-16 — вспомогательный двигатель для запуска основных.

3 «Молитва» — контрольный тест перед конкретным этапом полёта.

4 GPS — прибор спутниковой навигации.

— Давай, давай, иди паши, негр, солнце ещё высоко! — заржал тот.

Чертыхаясь и ворча что-то себе под нос, Аркадий пополз по узкому проходу между потолком салона и грузом, в хвост самолёта.

Через полчаса в наушниках раздался голос Виктора:

— Командир, всё о'кей! Даже на рампу часть груза переложили, теперь всё будет нормально.

— Виктор, что же ты так лопухнулся с грузом? Еле с полосы ушли!

— Понимаешь, Игнатич, тяжёлый груз оказался на первой машине; а вторая, с прицепом, приволокла эти тюки с текстилем — вот и результат.

— Нужно было сообразить — тяжёлое разместить по бортам, а потом — всё остальное.

— Извини, командир, что так получилось. Пришлось за двоих груз принимать, из Аркадия сегодня работник никакой.

Валерий, подобрев, сказал:

— Ладно, урок нам всем. Где там этот Казанова? Гони его сюда.

Через несколько минут в проёме двери появилась надутая физиономия второго пилота. Не глядя ни на кого, он занял своё место и уставился куда-то в пространство.

Валерий покачал головой. «Чёрт возьми, — подумал он, — это уже выходит за всякие рамки. Ведь все знают его указание — перед рабочим днём никаких гулек и пьянок. И вот же, стервец, ушёл, когда все уснули. Радисту что, их «борт» на ремонте — гуляй себе… Наш-то отлично знал, что с утра в рейс, но всё же пошёл. Правду говорят — чёрного кобеля не отмоешь добела! Нужно принимать меры», — решил Валерий.

— Штурман, связывался со столицей?

— Через пару минут, до границы зоны семьдесят вёрст.

Минут через пять штурман доложил, что связь с аэродромом назначения установлена, погода хорошая, но… аэропорт столицы закрыт.

— Почему закрыт? — удивился Валерий.

— Ихний президент собирается куда-то вылетать, вот они и закрылись.

— И что они нам предлагают делать?

— Говорят — решайте сами. Мол, возможно будет «окно» для приёма, тогда разрешат посадку.

— Борты над аэродромом уже есть?

— Да, три. И ещё два чешут туда же впереди нас, так что мы будем шестыми.

Валерий посмотрел на топливомер.

— Штурман, расчётное время выхода на радиомаяк аэродрома?

— Через 40 минут.

— Василий, убавь режим двигателей до скорости 460.

Василий ни слова не говоря, передвинул РУДы[5] назад.

— Штурман, запроси у диспетчера разрешение выйти на радиомаяк аэродрома на своём эшелоне.

Штурман передал окончание связи с аэродромом вылета и все переключились на частоту столичного аэродрома. Разрешение вскоре было получено. Им повезло: через двадцать минут после выхода на радиомаяк диспетчер дал разрешение на посадку первому борту, крутившемуся на самом нижнем эшелоне. Вскоре наступила и их очередь. Выскочив из облачности над поймой реки, Валерий взял курс к точке входа в глиссаду снижения.

— Командир, пять градусов вправо, удаление 15 кэмэ.

— Понял. — Валерий довернул самолёт.

— Аркадий, не пропусти появление «последнего приюта», — сказал он второму пилоту.

Так они называли местное кладбище, расположенное в трёх километрах от торца полосы прямо по посадочному курсу. Своим цветом оно отличалось от окружающего ландшафта: овальное светлое пятно было прекрасным визуальным ориентиром.

— Удаление 10, берём посадочный курс, подходим к глиссаде снижения, — прошелестел в наушниках голос штурмана.

— Выпустить шасси, закрылки 15 градусов, — Валерий начал плавно отдавать штурвал от себя, парируя «вспухание» самолёта от выпуска закрылков.

— Василий, скорость 300.

— Понял, выдерживаю.

— Командир, вижу ориентир — прямо по курсу, — доложил второй пилот.

Валерий взглянул выше приборной доски — прямо по курсу виднелось светлое пятно.

— На курсе, на глиссаде, посадка разрешена, — сказал штурман.

— Полосу вижу, садимся, закрылки 25, скорость 270. — Удерживая штурвалом самолёт на невидимой нити, которая вела их к торцу посадочной полосы, Валерий следил за стремительно несущейся под их самолёт землёй — вот и расчётная точка.

— Малый газ! — Беря на себя штурвал, Валерий плавно притёр тяжёлую машину к полосе. Самолёт стремительно нёсся по ВПП. Яростно завыли винты, создавая отрицательную тягу. Потеряв скорость, машина повернула на рулёжную дорожку, затем порулила в направлении грузового терминала аэропорта.

К остановившемуся самолёту спешила бригада грузчиков, во главе их был знакомый представитель коммерческой службы — все его называли Папа Дюк. Чёрное, как антрацит, круглое лицо с большими глазами всегда выражало благожелательность. Вот и сейчас, увидев в открытой форточке пилотской кабины Валерия, он заулыбался и приветственно махнул рукой. Нужно было отдать ему должное: дело своё он знал неплохо — грузчики сноровисто, за полчаса разгрузили самолёт. Потом, подойдя к Валерию, «Папа Дюк» на смеси французского и английского, помогая при этом себе руками, сказал, что есть попутный груз — шесть тонн для фирмы, которая зафрахтавала самолёт на этот рейс. Они вместе подошли к хвостовой части. Техник Виктор шваброй неторопливо выметал мусор из грузового салона.

— Виктор, принимай шесть тонн. Можете грузить, Папа Дюк. Что ещё? — спросил Валерий, видя, что тот не отходит.

5 РУДы — рычаги управления двигателями.

— Сколько людей вы сможете взять на борт?
— Тридцать человек. О'кей?
— О'кей, о'кей! — Папа Дюк заулыбался и, подмигнув Валерию, отошёл к грузчикам. Через некоторое время у самолёта вновь закипела работа.
— Валера, сумеем мы выскочить отсюда после загрузки? — спросил подошедший бортмеханик.
— Кто его знает, вот сейчас вернётся наш «сусанин» от диспетчера, узнаем. — Так иногда они называл штурмана, а второй пилот как-то за столом, желая блеснуть эрудицией, процитировал выражение, приписываемое Петру I: «Штурмана — отродье хамское! — за стол допускать, но чарку наливать в последнюю очередь», — на что штурман кровно обиделся.
Вскоре подошёл и он с недовольным видом.
— Ну, что скажешь хорошего? — все с нетерпением смотрели на мрачного штурмана.
— Хорошего мало, выпускать начнут только после вылета самолёта президента.
— И когда же это произойдёт?
— Хрен его знает! Как вы понимаете, мне об этом почему-то не доложили. Кстати, командир, есть возможность дозаправиться. На стационарной заправке есть одна незанятая горловина.
Валерий одобрительно посмотрел на Аркадия.
— Молодец! Запрашивай разрешение.
— Молодца в рюмку не нальёшь, — ухмыльнулся штурман. — Есть предложение — учесть это при разливе.
— Иди, иди. Ну и экипаж у нас подобрался, всё к одному только сводите.
— Да ладно, командир, — Василий тронул его за руку, — где ты ещё найдёшь таких орлов? Только на нашем «драконе»!
— Орлы, говоришь? Вот, вот. Некоторые из орлов сегодня нас всех чуть не отправили ковырять землю за полосой. Спасибо тем, кто этот самолёт создал, на другом бы не ушли.
Аркадий, второй пилот, опустил голову, зная, что эти слова в первую очередь адресованы ему.
Подал голос только Виктор:
— Игнатич, да хватит серчать, больше такого не повторится.
— Ну, ну, посмотрим. — Валерий глянул на поникшего второго пилота, перевёл взгляд на остальных. — Я вам не рассказывал о случае с экипажем Евгения? Так вот, — Валерий обвёл взглядом экипаж. — Самое тяжёлое, облицовочную плитку, загрузили им в переднюю часть салона. На взлёте, Евгений почувствовал, что передняя стойка не отходит от полосы, прекратил взлёт, стал тормозить. Машина тяжёлая, инерция большая — полосы не хватило, выкатились за неё, запрыгали по грунту, а тут по закону пакости оказалась канава. В результате сломали переднюю стойку, ремонт оплачивали сами. Или можно вспомнить аварию в Киншасе, — продолжал командир. — Взлёт днём, температура +35. Взлётная полоса ограниченной длины в черте города. Понимая, что полосы не хватит, командир прекращает взлёт. Проскакивают остаток полосы, тормоза дымят, а впереди по курсу — городской базар. И вот самолёт с вращающими винтами таранит базар. Погибло около четырёхсот человек. Экипаж чуть не линчевали — спасла полиция. Затем — суд, тюрьма… Так что будем внимательными ко всему, мелочей в авиации не бывает…
— Командир! — раздался голос штурмана, — нам разрешили перерулить на заправку.
— Пошли, ребята. — Валерий повернулся и пошёл к самолёту, все двинулись за ним.
Вернулись на базу уже ночью. Лениво ковыряя в тарелках, молча сидели за столом.
— Что ж, от этого разговора нам всё равно не уйти. — Валерий отодвинул тарелку от себя. — Аркадий, как будем дальше жить?
Второй пилот молчал, уткнувшись взглядом в стол.
— На эту тему мы с тобой уже вели разговоры, но что-то сдвигов в лучшую сторону не видно. Давай договоримся так: ещё один такой финт, и поедешь домой. А за вчерашнее снимаю с тебя 50% дополнительной оплаты за месяц. Вопросы есть?
Аркадий, не проронив ни слова, встал и, ни на кого не глядя, ушёл в свою комнату.
— Круто, командир! — подытожил решение Валерия шестой член экипажа — инженер Сергей.
— А как по-другому, скажите мне? Каждый должен нести ответственность за свои поступки. Если кому-то не нравится порядок — нет проблем. Собрал вещички, на рейсовый самолёт — и адью, домой… Через Париж или Эмираты… Вот так-то! — проговорил Валерий, глядя на примолкнувших парней. — Ну что? Пора на боковую? Завтра рано вставать.

Глава 2

— Хай, Вэл!
Валерий, разглядывающий изделия из дерева на городском рынке, оглянулся. К нему с широкой улыбкой на веснушчатом лице подходил Джек, южноафриканец, командир «Бичкрафта» — небольшого двухмоторного самолёта. Его голубые глаза искрились радостью, она, казалось, переполняла всю его худощавую подтянутую фигуру.
— Хай, кэптен! Что это ты сияешь?
— У меня сегодня отличное настроение. Я получил известие от своей Джоан. Вэл, ты можешь меня поздравить — у меня родился сын! — Джек радостно засмеялся.
— Рад за тебя, дружище! От всей души поздравляю тебя и твою Джоан. С тебя причитается.
— Нет проблем! Сегодня я у себя устраиваю небольшое парти, как это по-русски?
— Вечеринка.
— Да, вечеринка. — Джек с трудом выговорил это непривычное для него слово. — Забирай своих парней, и «приземляйтесь» у моей виллы в восемь вечера.
— А кто будет у тебя сегодня?
— Я уже пригласил руководство авиакомпании, ребят с «Боинга», Поля с его парнями. Да, ещё придут несколько офицеров со здешней базы ВВС.
— Да, Джек, отметить это событие ты решил основательно, размахнулся почти по-русски.
— Вэл, здесь, за углом — бар, давай выпьем немного, до вечера ещё далеко.
— О'кэй, почему бы и не выпить!

Небольшой бар в полдень был почти пуст, только за дальним столиком сидела молодая пара. Тихо урчал японский «кондишен», было прохладно. Из-за стойки выпорхнула высокая симпатичная девушка с шоколадной кожей, судя по всему — мулатка, в коротком платьице, открывающем длинные стройные ноги. Сияя приветливой улыбкой, она, подождав, когда они сядут за столик, подошла к ним.

— Что желаете, месье?

Джек залихватски подмигнул девушке, ввергнув её в смущение.

— Месье желают два двойных виски с содовой.

— Пардон, мадемуазель, — вмешался Валерий, — только мне со льдом.

— Хорошо, мой господин! — девушка отошла к стойке, и через пару минут на столике стояли два запотевших бокала с виски, на тарелочке горкой лежал поджаренный арахис.

— Что значит бармен — девушка, — Джек сделав глоток из бокала, бросил в рот несколько зёрен арахиса. — Я уже давно приметил, если бармен — парень, то недоливает выпивки на палец.

— Что поделаешь, всем хочется жить, — усмехнулся Валерий.

— Помнишь, Вэл, ты сказал, что сегодня я хочу размахнуться по-русски. Наверное, во мне говорит наследственность. Не зря меня тянет к вам, русским.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Видишь ли, в начале века на юге Африки бушевала англо-бурская война…

— Знаю, — перебил его Валерий, — в школе на уроке истории рассказывали. Песня ещё такая была: «Трансвааль, Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне».

— Верно ты вспомнил, Вэл. Тогда, на стороне буров сражались добровольцы из многих стран, в том числе и из России. Однажды пленного раненого английского лейтенанта буры привезли в русский госпиталь. Его там выходила молоденькая медсестра, настоящая красавица — голубоглазая, с волнистыми, рыжеватыми волосами. Лейтенант влюбился в неё, а когда война закончилась — они поженились. Это, Вэл, мои бабушка и дедушка. Стало быть, во мне течёт какое-то количество русской крови. Мама неплохо говорила по-русски, а я вот почти не говорю. Не с кем общаться на русском, то, что знал в детстве, сейчас почти всё забыл.

— Не горюй, Джек, главное, — ты чувствуешь в себе русскую кровь, — рассмеялся Валерий. Они ещё посидели, взяв по второму бокалу, пока Джек не взглянул на часы.

— Бог мой, уже три пополудни, мне пора к себе — в четыре часа приедут из ресторана, нужно готовиться к вечеру. Нет, нет! — запротестовал он, увидев в руках Валерия бумажник. — Сегодня плачу только я!

Они вышли на знойную улицу. Остановив такси, Джек повернулся к Валерию:

— Ну что ж, Вэл, до вечера.

Джек захлопнул дверцу такси. Водитель резво взял с места, и через сотню метров машина исчезла, свернув на улицу, ведущую к побережью.

…Вечеринка удалась на славу. В углу гостиной был накрыт «шведский» стол с закусками, стояли чистые тарелки, бокалы. Рядом теснились разнообразные бутылки с разноцветными наклейками и ведёрко со льдом. Из динамиков лилась негромкая музыка. По гостиной сновали две официантки с подносами, на которых стояли разные напитки. Валерий взял с подноса бокал виски. Внезапно музыка смолкла.

— Прошу внимания, дам и господа! — На ступеньках коридора, ведущего во внутренние комнаты виллы, появился с бокалом в руке владелец авиакомпании господин Лэмптон. — Позвольте мне от имени нашей авиакомпании и от всех собравшихся здесь поздравить нашего гостеприимного хозяина и заочно его супругу с рождением сына. Надеемся, что в будущем сын продолжит дело своего отца и начнёт сотрудничать с нашей фирмой.

Переждав, когда закончатся аплодисменты и стихнет смех, Лэмптон продолжил:

— Джек, на авиабазе в Иоханесбурге освобождается место для ремонта твоей небесной лошадки, и через неделю ты летишь домой.

Все потянулись к Джеку, поздравить и чокнуться. Через некоторое время подошёл к Джеку и Валерий.

— Джек, ещё раз прими мои поздравления. Рад за тебя. Будь здоров!

— Спасибо, Вэл. Как много добрых людей. Я просто счастлив…

— Джек, познакомь меня с местными лётчиками.

— Пошли, они сами хотят с тобой познакомиться.

Четверо офицеров, стоявших у столика со спиртным и о чём-то споривших между собой, при приближении Джека с Валерием смолкли.

— Господа, рекомендую: командир русского «Антонов-32» Вэлери Сибирцофф.

Пожимая всем руки, Валерий пытался запомнить хотя бы имена: капитан Филипп, старший лейтенант Куму, майор Макс, капитан Густав. Видно было, что офицеры уже изрядно выпили. Как оказалось, трое из них неплохо понимали и говорили по-русски: в своё время они проходили лётную подготовку в Союзе.

— О чём был спор, друзья? — спросил Валерий.

— Мы спорим по принципиальному вопросу. — Капитан Филипп, невысокий, плотно сложенный негр, качнувшись, ткнул пальцем в сторону старшего лейтенанта, буравя того сердитым взглядом. Высокий, стройный мулат с дружеской усмешкой в свою очередь смотрел на капитана.

— Вот он не согласен со мной, что при прежнем президенте мы бы и сейчас летали. При нём бы эти штатские «крысы», — он, снова качнувшись, ткнул пальцем куда-то в сторону, видимо, в направлении столицы, — нашли бы деньги на ремонт наших МиГов.

С чёрного лица на Валерия смотрели сердитые глаза. Произнеся какую-то фразу на французском языке, он снова на русском обратился к Валерию:

— Он, Куму, учился во Франции, в лётной школе, и ничего не понимает в жизни. А вообще-то, давайте выпьем. — Филипп потянулся к столику и щедро наполнил бокалы себе и всем остальным. — За пилотов! — Филипп потянулся своим бокалом к Валерию и к другим.

— Похоже, Филипп, ты уже на «потолке», пора идти на снижение. — Майор Макс осторожно взял стакан из рук Филиппа.

— Я не пьян! — возмутился тот. — Я сердит, я обижен! Мы уже три года сидим на земле, скоро забудем, как садиться в кабину. У нас, вроде бы, и есть авиация, и в то же время её нет. Скажите, мы кто? Лётчики? Нет! Мы — штабные крысы! Вместо того, чтобы летать — сидим и протираем штаны. А они когда-нибудь горько об этом пожалеют, что у нас нет исправных самолётов. Пожалеют, но будет поздно. Мы им напомним это в своё время!

Старший лейтенант что-то возмущённо стал возражать Филиппу, но тот, отмахнувшись, схватил свой стакан и жадными глотками допил.

— Густав, Куму, выведите его на свежий воздух. А мы, Вэлери, давайте отойдём в сторону, продолжим нашу беседу. — Макс двинулся к окну. — Теперь они не скоро успокоятся, вечные оппоненты — Филипп и Куму.

Макс вытащил пачку сигарет, протянул Валерию.

— Спасибо, не курю. Так что, действительно теперь так плохо, как говорит капитан Филипп?

— Хуже некуда. Знаете, как вы нас подвели? Я имею ввиду вашу страну. Эта ваша перестройка, она разрушила нашу жизнь. Раньше у нас не было нищих, все дети учились в школах. У вас и в других дружественных странах учились наши студенты, наша интеллигенция, офицерский состав, получая знания, необходимые для нашей страны. Мы получали вашу технику. Все имели работу. Когда развалился ваш Союз, в одночасье всё рухнуло и у нас. Под давлением ООН в стране прошли так называемые «демократические выборы». Произошла смена власти — нынешняя ориентируется на Запад. И что мы сейчас имеем? Местное производство упало, появилась безработица, чиновники на всех уровнях воруют, грабят страну. Верхушка живёт в роскоши, а народ голодает. Нищета толкает людей на всевозможные преступления, процветает проституция, ею занимаются даже десятилетние девочки — за бутылку кока-колы. А мы-то всегда верили вам, надеялись на светлое будущее…

Макс горько усмехнулся. Валерий молчал. Раньше такого ему здесь никто не говорил.

— Не берите это всё на свой счёт, командир. Конкретно Вы и ваши парни совсем здесь не при чём. Судя по всему, вы сюда попали тоже из-за событий у себя в России. Я рад был с вами познакомиться, надеюсь, ещё встретимся. А сейчас нам пора домой. Пойду поблагодарю Джека. Мягких посадок, командир.

Макс пожал Валерию руку и отошёл от него. Валерий оглядел гостиную, разыскивая взглядом своих парней. Несколько пар танцевало под негромкую музыку, остальные разбились на группы и беседовали. Он увидел своего инженера, танцующего с Барбарой, секретаршей из фирмы Джека. Василий о чём-то разговаривал с техником французского экипажа, разговор в основном вёлся на пальцах. Виктор пробирался сквозь гостей в сторону двери с бутылкой в руках.

— Куда ты тащишь эту красотку, Виктор? — Виктор, услышав своё имя, повернул голову в сторону Валерия, затем удивлённо посмотрел на бутылку. На ней действительно была изображена шикарная девица в ковбойской шляпе и в сапогах со шпорами. Он погладил этикетку на бутылке и снова посмотрел на Валерия.

— Шеф, всё о'кэй! Ребята хотят познакомиться с этой гёл поближе. — Язык у Виктора уже заметно заплетался.

— Ладно, иди, только и для меня оставьте немного этой «девицы», я сейчас выйду.

— Нет проблем, шеф!

Валерий понял, что нужно возвращаться на свою виллу. Он пошёл искать Джека, проходя мимо Василия шепнул ему, чтобы они с Сергеем через пять минут вышли наружу. Джека он нашёл в окружении женщин.

— Всё о'кэй, Вэл?

— Джек, никаких проблем! Просто нам пора «запускать двигатели» и просить твоего разрешения на руление домой.

— Может, ещё повеселитесь?

— Боюсь, если ещё немного задержимся, то останемся основательно.

— Так в чём проблема? — Джек гостеприимно повёл рукой: — Оставайтесь до завтра, места всем хватит, а с утра пойдём купаться в океане. Нет ничего лучшего после попойки. Ведь, насколько я понял, у вас завтра выходной.

— Спасибо, дружище, всё это соблазнительно, но всему есть предел. Не обижайся! Только «отходить» после таких возлияний нужно дома. Проводишь? Давай мы уйдём по-английски?

— О'кей, решили, так решили. Пойдём провожу.

Глава 3

— Значит так, Валерий. — Руководитель местного отделения авиакомпании «Нордстар» Николай Серов встал из-за стола. Он посмотрел на командира серыми прищуренными глазами, загорелое лицо его было озабоченно. — Как только подписываем контракт с фирмой-поставщиком, ваш экипаж будет работать только на перевозке сахара. Вы же летали на аэродром «Круи»?

— Да, и не один раз, — кивнул в ответ Валерий.

— Схема работы будет такая: накануне вечером загружаетесь попутным грузом, загрузку мы обеспечим; утром, желательно пораньше, вылетаете. В Круи вас будут ждать машины с сахаром, загружаетесь и вылетаете в столицу. Там разгружаетесь, берёте на борт топливо и возвращаетесь в Круи, там вас снова загружают сахаром и вы идёте сюда. Если по времени будете успевать загрузиться и снова уйти на Круи, а оттуда в столицу, — это было бы прекрасно. Вопрос к вам: сколько сахара вы сможете брать при вылете из Круи?

— Полоса там грунтовая, можно брать по десять тонн. Если воздух прогреется до +35 +40, то не более девяти. — Валерий сделал паузу. — А что

касается ранних вылетов, то тут есть одно «но»: по утрам там частенько туман. Недели две назад мы как раз вляпались в такую ситуацию. Вылетели рано утром, снизились после хребта в долину, а она в тумане. Покрутились с полчаса, — никакого просвета. У штурмана на ДжиПиЭс, как назло, была стёрта информация о координатах торца полосы, и как результат — пришлось возвращаться. Да вы же помните этот случай.

— А если бы информация была, смогли бы сесть?

— Можно было бы попытаться. У нас есть такой пример. Как-то в аэропорту Сосебо сели при видимости 400 метров. Штурман вывел точно на торец — остальное было делом техники.

— Ну, а сейчас данные Круи заложены?

— Конечно, после того возврата штурман получил такую нахлобучку, что внёс данные не только всех аэродромов этой страны, но и соседних.

Серов рассмеялся, но сразу же снова посерьёзнел.

— Валерий, имей ввиду, если всё пойдёт гладко, то вы надолго будете обеспечены стабильной работой. Поставщики подсчитали: за два месяца нужно вывезти около полутора тысяч тонн сахара. Это при условии вывоза 30 тонн в день. Смекаешь, какими деньгами для нас это пахнет?

— Ну, коли так ставится вопрос, может, пересмотрим расценку груза свыше семи тонн?

Николай рассмеялся:

— Ну, ты, командир, своего не упустишь!

— Так ведь мы сюда, за тысячи вёрст, не за туманом прилетели, а заработать. Да и вылеты с грунтовой полосы при такой загрузке на порядок опаснее, чем с бетона.

— Знаю, — сказал Николай, — как только подписываем контракт, сразу рассмотрим ваши предложения. Думаю, в накладе не останетесь. Наташа! — Крикнул он, и в дверях из приёмной появилась светловолосая молодая женщина — секретарь и переводчица.

— Наташа, как только придёт господин Карим, пусть сразу заходит. Да сделай нам с командиром по чашечке кофе.

— Сию минуту! — Наташа резко повернулась, платье крутанулось, показав стройные, загорелые ноги.

Прежнюю секретаршу, Катрин, Серову пришлось уволить. Высокая метиска с точёной, стройной фигурой, кожей цвета кофе с молоком и тонкими чертами лица проработала в «Нордстаре» чуть более полугода. Внешним обликом она напоминала знаменитую топ-модель Ноэми Кэмпбелл. Красотка оказалась такой любвеобильной, что в рекордный срок совратила большую половину персонала фирмы. Пилоты оказались первыми в её списке. Как трепались некоторые из них, она показала, что такое африканская страсть. «Не баба, — говорил один, — а вулкан. Не обошла метиска вниманием и экипаж Валерия, в первую очередь под её прицелом оказался он сам. Во время его приходов в офис она пускала в ход весь арсенал обольщения: пылкие, многообещающие взгляды, «нечаянные» касания бедром или грудью. Её злило, что он оставался равнодушным к её прелестям. Валерия в свою очередь забавляла эта игра.

Как-то утром он перед вылетом зашёл в офис. В приёмной перед компьютером сидела Катрин, лениво стуча по клавишам. Через неплотно закрытую дверь слышался голос Серова, разговаривающего с кем-то по телефону. Увидев входящего Валерия, секретарша изобразила на своём свежем личике обворожительную улыбку.

— Бонжур, кэптен Вэлери! — произнесла она хрипловатым голосом, придающим её речи неповторимое очарование.

— Бонжур, мадемуазель Катрин, — ответил он, сев на предложенный ею стул и подумав, что сейчас она вновь возьмётся за свои штучки. И не ошибся.

Она вышла из-за стола и присела напротив Валерия. Высокая грудь, с торчащими крупными сосками, казалось, прорвёт сейчас тонкую ткань блузки — бюстгальтер переводчица не носила. Не сводя с Валерия своих бесстыжих глаз, она медленно приподняла правую ногу и поставила каблук туфли на перекладину стула. Коротенькая и узкая юбочка задралась чуть ли не до пояса. Смущённый Валерий отвёл глаза — метиска явно обходилась без трусиков.

— Вас что-то смущает, мой кэптен? — невозмутимо спросила Катрин, грациозно встав со стула. Проведя розовым язычком по своим пухлым губам и не сводя с Валерия глаз, она медленно двинулась к нему. Он тоже встал, подумав: «Когда же Серов закончит болтать по телефону?». Затем он почувствовал на своей груди её горячую ладошку — форменная рубашка была расстёгнута из-за жары. Ладонь поползла вниз, ему казалось, что его затягивает в омут — мутная чёрная волна поднималась откуда-то изнутри. Выручил голос Серова, позвавший секретаршу к себе. Раздосадованная Катрин скрылась в кабинете, оставив после себя аромат тонких духов, смешанный с неповторимым запахом тела молодой африканки. Валерий встряхнул головой, сбрасывая с себя оцепенение, затем выскочил из офиса.

— Чёртова кукла, — бормотал он, — вогнала в краску, как какого-то сопливого мальчишку.

— Валерий, ты куда? — услышал он голос директора. — Что ты хотел? — Продолжал тот окликать Валерия, открывающего калитку.

— В следующий раз! — крикнул Валерий, совершенно забыв, для чего он зашёл в офис.

— Что это с ним? — недоуменно спросил Серов у Катрин, кинув на неё подозрительный взгляд. Та ничего не ответила, только опустила вниз глаза и передёрнула плечиками. А через пару дней случилось то, что и должно было случиться. Придя утром на работу, Серов сразу обратил внимание на беспорядок в офисе: валяющиеся пустые бутылки, разбросанные бумаги, окурки, опрокинутое кресло. Почему-то не было ни одного охранника. Вскоре раздался телефонный звонок, и его попросили приехать в полицию. Выяснилось, что ночью жители на соседней с офисом вилле были разбужены шумом и криками. Приехавшие полицейские обнаружили в офисе дерущихся пьяных охранников и почти голую, тоже пьяную секретаршу. Как потом выяснилось, девица на столе своего шефа исполняла стриптиз. Распалённые алкоголем и видом обнажённого женского

тела, парни стали спорить о том, кто из них будет первым. Спор перешёл в драку. Продолжая пританцовывать и стаскивать с себя одежду, Катрин подзуживала дерущихся, крича: «Первым будет победитель!» Спектакль был прерван появлением полицейских. Серов выслушал этот рассказ с мрачным лицом. Всех троих он уволил. Он похвалил себя, вспомнив, как несколько раз она пыталась соблазнить, откровенно и бесстыдно предлагая ему себя. При очередной попытке обольстить его, он твёрдо пообещал выгнать её с работы — только тогда она прекратила приставать к нему. Так в офисе появилась Наташа.

Сделав глоток кофе, Серов заговорил:

— Командир, до меня доходят слухи, что у тебя проблемы со вторым пилотом? Говорят, он злоупотребляет…

— Шеф, — Валерий поставил свою чашку на стол, — я сразу доложу тебе, если ситуация выйдет из-под контроля. Вот тогда и решим. А сейчас я бы хотел получить суточные на экипаж, — добавил он, переводя разговор на другую тему.

— Хорошо, тебе виднее! — откликнулся Николай, подходя к сейфу.

Получив суточные и выйдя из офиса, он остановился в раздумье. «Куда идти? На виллу — значит весь день проваляться там. Пойду схожу к самолёту, посмотрю, как там дела».

С утра Сергей, Виктор и Василий занимались сменой тормозов. Охранники на КПП аэропорта даже не сдвинулись с места, когда Валерий прошёл мимо них. Знали, если идёт «белый», значит — член какого-то экипажа.

Рядом взвизгнули тормоза. Из остановившегося «Лендровера» на Валерия, смотрели весёлые глаза технического директора фирмы Тимоти, или Тимофей, как он просил себя называть.

— Кэп, на самолёт? Садись, подброшу!

Валерий протиснулся в машину. Их «дракон», как они называли свой транспортник АН-32, стоял на самой дальней стоянке, рядом с рулёжкой, ведущей на местную авиабазу ВВС. Однако у самолёта никого не было. Войдя в грузовой салон, он увидел спящих на откинутых сиденьях Сергея и Виктора.

«Да, работнички! Такими темпами неделю будем менять тормоза».

Валерий потряс Сергея за плечо. Тот, открыв глаза и узнав командира, поднялся и сел на сидение.

— Похоже, вы здорово устали. Даже на одном колесе не поменяли тормоза.

— Жарковато, командир, сморило. — Сергей виновато опустил голову. — Сейчас продолжим.

Он разбудил Виктора, тот сначала сердито заворчал. Но, увидев Валерия, смолк. Оба поплелись к выходу. В кармане у Валерия раздался писк «Моторолы». Нажав кнопку на телефоне, он услышал голос Серова:

— Командир, завтра начинаете работать по новому контракту. Зайди в офис, нужно кое-что уточнить.

Выйдя из самолёта, Валерий подошёл к стойке шасси, где возились Сергей с Виктором. Чуть в стороне Василий и Тимоти протирали тряпками новые тормозные диски.

— Мужики, машина должна быть готова к полётам сегодня вечером. Завтра с утра начинаем работу по новой программе. Вечером привезут загрузку на Круи, — произнёс Валерий.

— Командир, до вечера можем не успеть! — заметил Сергей.

— Сейчас только одиннадцать часов, если не будете прохлаждаться, успеете, иначе сорвёте полёты по этой программе. Много потеряем! — жёстко сказал Валерий.

…Посматривая время от времени на приборы, Валерий под монотонный гул двигателей тихонько дремал в кресле. «Нужно будет договориться с Серовым о выходном, слишком большая нагрузка получается на экипаж», — подумал он. Тишину в наушниках нарушил голос штурмана, сообщивший о начале снижения через пять минут. Значит, впереди снова ночь в столице. Валерий взглянул на бортмеханика и второго пилота, устало дремавших в креслах.

На следующий день, прилетев на базу, он поспешил в офис.

— Как дела, командир? Что-то случилось? — спросил Серов, увидев Валерия.

— Ничего не случилось, — усаживаясь в кресло, ответил Валерий, — просто в воскресенье нам нужен выходной, народ уже вымотался.

— А я вам что говорил? Без выходных трудно будет, слишком большая нагрузка на экипаж. Вы же сами меня уговорили — мол, будем работать в жёстком режиме.

— Да, — согласился Валерий, — переоценили свои возможности.

Валерий вспомнил, что когда он объявил о предстоящей работе по новому контракту и новых расценках за перегруз, штурман вытащил из кармана калькулятор. Его пальцы забегали по клавишам, через несколько минут он возбуждённо подскочил на месте.

— Послушайте, неплохо получается! Если мы сможем делать три плеча и ночевать попеременно то здесь, то в столице, то в день будем иметь почти по сто двадцать баксов на каждого, в неделю — более восьмисот!

— Ну, это ты что-то загнул! — недоверчиво сказал Сергей.

— Ничего не загнул! — протягивая калькулятор, возмутился Аркадий, — На, сам посчитай!

Сергей углубился в вычисления. Остальные молча переваривали услышанное.

— Ты ошибся на сто двадцать баксов. — Сергей поднёс калькулятор к носу Аркадия: — О выходном забыл? — Он с ехидной усмешкой смотрел на штурмана своими светлыми глазами.

— Какой выходной! — глаза штурмана перебегали с одного на другого, сидящих в холле. — Зачем терять эти деньги? Потом будем отдыхать! Дома, на сто двадцать баксов месяц можно прожить, если не шиковать. — Этот аргумент тогда подействовал.

Глава 4

— Командир, в долине туман, — прозвучал в наушниках голос второго пилота.

Валерий и сам уже увидел белую полоску, протянувшуюся между двух горных кряжей.

«Подкараулил он нас, — подумал Валерий, — когда-то должно было это случиться. И так везло, за полтора месяца полётов — первый случай».

— Штурман, готов к заходу в тумане? Данные на ДжиПиЭс в этот раз есть?

— Мы, как пионеры, всегда готовы! — ответил Аркадий. — Данные по аэродрому давно внесены.

— Экипаж, внимание! Заходим на посадку в условиях ограниченной видимости. Штурману на заходе — контроль по направлению и дальности. Доклады удаления до четырёх кэмэ — через тысячу метров, ближе четырёх — по пятьсот. Отклонение по курсу более двадцати метров не допускать. Доклад высоты на снижении после ста метров — через десять. Бортмеханику — с закрылками 25 выдерживать скорость 250 — не более. Второму пилоту — контроль за заходом, смотреть землю. Выполняем заход без контрольного круга, с прямой. Высота принятия решения — 20 метров. И никаких лишних разговоров по связи. Вопросы есть?

— Командир, двести пятьдесят не маловато? — спросил Василий.

— В самый раз, загрузка позволяет. Если больше вопросов нет, — контроль по карте!

Чем ближе они подходили к аэродрому, тем отчётливее вырисовывались детали ландшафта — вершины гор, подсвеченные уже поднявшимся над горизонтом солнцем, тёмные провалы ущелий и белая пелена, затянувшая всю долину, все ложбины между горами. Валерий повернул голову влево и чуть сзади увидел силуэт их самолёта в радужном круге, несущийся вместе с ними по поверхности тумана.

— Удаление 10, правее пять градусов.

Услышав голос штурмана, Валерий стряхнул с себя оцепенение.

— Выпустить шасси, закрылки пятнадцать, скорость двести семьдесят.

Удерживая штурвалом самолёт от «вспухания», он триммером снял нагрузку с руля высоты.

— Дальность восемь, вход в глиссаду, на посадочном, — доложил штурман.

— Закрылки двадцать пять, скорость двести пятьдесят, контроль по карте.

Языки тумана помчались по фонарю кабины, через минуту плотная пелена окутала машину.

— Удаление шесть, два градуса влево, выше глиссады двадцать метров, — уточнил штурман.

Валерий внёс поправку в курс и увеличил вертикальную скорость. Внутреннее напряжение нарастало. Рубашка прилипла к спине, ладони сжимающие штурвал, стали влажными, хотелось тут же убрать их со штурвала и хорошенько вытереть, в висках стучало.

— Удаление тысяча пятьсот, на курсе, на глиссаде, — звенел голос штурмана.

«Всё хорошо, — успокаивал себя Валерий, — всё хорошо, идём нормально».

— Удаление тысяча, левее курса двадцать метров, на глиссаде.

«Так, тихо, чуть вправо». Валерий накренил машину вправо и тут же выровнял.

— Пятьсот до торца, на курсе, высота тридцать метров.

— Высота двадцать! — голос штурмана напомнил об уходе на второй круг.

Но тут же в наушниках раздался голос второго пилота:

— Полосу вижу! — с облегчением услышал Валерий.

— Над торцом! — следом прозвучал голос штурмана. Переведя взгляд вперёд, Валерий увидел несущуюся под ними полосу.

— Полосу вижу, садимся, малый газ!

Плавно беря штурвал на себя, он дождался мягкого касания колёсами земли. Шум отрицательной тяги винтов и проносящиеся по бокам стены сахарного тростника окончательно убедили Валерия, что они всё же сели. Откинувшись в кресле, Валерий повернул голову и посмотрел на экипаж — все молчали. Он перевёл взгляд на свои руки, они ещё подрагивали от пережитого напряжения. Вытащив из кармана носовой платок, вытер влажный лоб, ладони, прислушался к себе — сердце тоже умеряло свой стук.

— Эх, сейчас бы в душ! — мечтательно произнёс штурман.

— А ты-то с чего вспотел? Это командир заходил, ему бы сейчас в душ, — второй пилот иронически хмыкнул.

— А в душ по причине того, что хреново контролируете систему кондиционирования на снижении, сэр! — отпарировал штурман.

— Некогда мне было ею заниматься, — протянул второй пилот.

— Хватит вам препираться. Главное — мы сели. Спасибо всем за работу. — Валерий, закинул за голову руки, с хрустом потянулся. — Чувствую себя, будто разгрузил целую машину мешков.

— Авиационная медицина утверждает, что при заходе на посадку в сложных метеоусловиях пилот теряет энергии столько же, сколько рабочий в горячем цеху за восьмичасовую смену. Усёк, навигатор? — назидательно изрёк второй пилот.

— А я думал — мы не сядем, больно густой был туман. — Василий защёлкал тумблерами.

Валерий открыл форточку, стояла оглушительная тишина.

— И какие же параметры погоды на посадке вы заметили? — спросил он.

— Вертикальная 20, горизонтальная видимость не более 300 метров, — ответил штурман.

— Похоже, что так. — Валерий отодвинул своё кресло назад. — Надо отдать должное тем, кто придумал ДжиПиЭс, без неё мы бы не сели. Василий, выпусти-ка меня.

Под лучами солнца туман начало разрывать, и через час от него не осталось и следа. Вскоре послышался шум двигателей, на дороге, ведущей в городок, появилось облако пыли, из которого выскочило несколько машин. Из первой вылез невысокий полный метис, уже знакомый Валерию, это был начальник аэродрома Бонги. Тот, увидев стоящего у самолёта Валерия, поспешил к нему.

— Бонжур, кэптен! Са ва?

— Бонжур, босс! Са ва бьен, — усмехнулся Валерий, этот обмен приветствиями стал для них привычным ритуалом при встрече.

— Пора грузить авион, Бонги! — Валерий ткнул рукой в сторону бурта из мешков с сахаром.

— Бьен, кэптен! — Бонги что-то крикнул и рысцой потрусил к грузовику, из которого шустро посыпались грузчики. Подойдя к опущенной рампе, Валерий заглянул внутрь грузового салона. Штурман, щуря плутоватые глаза, лупил игровыми картами по носу Виктора. Тот при каждом ударе жмурился, его нос уже приобрёл багровый оттенок, но Аркадий продолжал методично наносить удары.

— Эй, шулер! Кончай издеваться над ним! — прикрикнул Валерий на штурмана. — А ты когда поймёшь, что он дурит тебя, Виктор?

— Слепые в карты не играют! — штурман напоследок так треснул с оттяжкой по носу Виктора, что у того дёрнулась голова, из глаз потекли слёзы.

— Кончайте свои забавы! Виктор, загрузка по прежней схеме — десять тонн.

— Валерий, тут к тебе пришли. — Василий кивнул в сторону мужчин, стоявших под крылом.

— Добрый день, командир! — в подошедшем африканце, одетом в национальную одежду, он не сразу признал одного из офицеров, с которыми познакомился на вечеринке у Джека.

— Капитан Густав? — нерешительно произнёс Валерий.

— Узнали всё-таки! — капитан энергично пожал руку Валерия, радостно глядя на него своими глазами-маслинами. — Вэлери, вы сейчас идёте в столицу?

— Да, — кивнул тот в ответ.

— Вы не смогли бы помочь двум моим друзьям добраться туда?

— А кто они такие? — Валерий взглянул на двоих мужчин, стоявших в стороне.

— Они бывшие офицеры. Один — лётчик, уволенный после смены власти. Люди порядочные.

— Хорошо, скажите им, пусть заходят в самолёт, загрузка уже заканчивается.

— Вот только, — Густав смутился, — у них проблема: нет денег оплатить перелёт.

— Перестаньте! Не нужно никаких денег.

— Спасибо вам, Вэлери, мы помним добро.

Капитан подошёл к друзьям, что-то объяснил им, те пошли к трапу передней двери. Проходя мимо Валерия, один — плотный коренастый негр в зелёной рубашке и плотных, военного образца, тёмно-зелёных брюках приветливо произнёс по-русски:

— Спасибо, командир!

«Наверное, это и есть лётчик», — подумал Валерий.

Второй, выше ростом и судя по цвету кожи — мулат, кивнул головой и тоже прошёл в салон.

— Они летят с нами, денег с них не брать, — ответил Валерий на вопросительный взгляд штурмана, тот занимался денежными вопросами.

Прилетев в столицу, они зарулили на самую дальнюю стоянку грузового терминала. Выйдя из самолёта, Валерий спрятался от жгучих лучей солнца в тени громадного ангара. Двое друзей Густава, спустившись на землю, быстро ушли в проход между двумя ангарами. Через пару минут к самолёту подъехал джип с группой солдат, на касках которых большими белыми буквами было обозначено, что они из военной полиции. Они быстро опросили нескольких пассажиров, прилетевших на самолёте, поговорили с грузчиками, затем подошли к стоящим у рампы Аркадию и Виктору. Несколько минут Валерий наблюдал за их разговором. Старший из полицейских, сержант, пытался что-то выяснить у лётчиков. Потом, досадливо махнув рукой, крикнул солдатам, те запрыгнули в джип — тот помчался в сторону аэропортовского комплекса.

— Что он от вас хотел? — спросил Валерий, подойдя к рампе.

— Интересовался, сколько мы привезли с собой пассажиров из Круи. Я ему сказал, что наши пассажиры все тут. — Второй пилот вопросительно посмотрел на Валерия.

— Ты правильно всё сделал. Загрузка на Круи есть?

— Нет, — качнул головой тот.

— Отлично. Не будем терять время, пошли готовится к вылету. Да вон и наш навигатор спешит, — заметил Валерий, увидев штурмана.

…Однажды, прилетев очередным «сахарным» рейсом в столицу и разгрузившись, они тут же перерулили на централизованную заправку.

— Валерий, смотри! — бортмеханник кивнул головой в сторону ВПП. По ней неторопливо рулил самолёт с такой родной надписью — «АЭРОФЛОТ».

— ИЛ-62 из Москвы! — Василий вздохнул. — Каких-нибудь восемь часов — и дома!

Валерий глянул на грустное лицо своего бортмеханика. — Не унывай! Ждать осталось совсем немного. А сейчас, почему бы нам не сходить к ним, Василий? Может, удастся чёрным хлебом разжиться, да газет свежих попросим. Пошли!

Подождав, когда пассажиры выйдут из самолёта, они поднялись на борт лайнера.

— Здравствуйте, девушки! — На них с любопытством уставилось несколько пар женских глаз.

— Здравствуйте! Никак земляки? — за всех ответила высокая, черноволосая стюардесса.

— Земляки, — подтвердил Валерий. — Вот зашли посмотреть на родные лица, да ещё попросить свежих газет, а то соскучились по своей прессе.

— Люба, походи по салонам, принеси газет, сколько найдёшь, — распорядилась брюнетка.

С кресла поднялась светловолосая, высокая девушка и, стрельнув озорным взглядом на пришедших мужчин, пошла по проходу, заглядывая в карманы кресел.

— Глазам своим не верю! Валерий, ты что ли? — послышался сзади мужской голос.

Валерий обернулся — на него с изумлением смотрел Кирилл Воронин, его друг по лётной школе. После её окончания они вместе улетели работать на Крайний Север. Попали в самый отдалённый авиаотряд. Эти места и в самом деле были крайними — дальше земли не было, только Ледовитый океан. Поселили их в лётное общежитие — длинный бревенчатый барак, который за длинную снежную зиму заносило по самую крышу. Там они и начали свою нелёгкую, но полную романтики, жизнь в качестве рядовых пилотов. Правда, Кирилл на Севере задержался недолго — налетав количество часов, необходимое для переучивания на тяжёлую технику, он перевёлся в Москву и

переучился на ил-18. Затем, заочно окончив Академию гражданской авиации, он через несколько лет перешёл в Международный авиаотряд и стал летать по Зарубежью. Валерий поддерживал с ним связь: иногда звонил по телефону, а, оказавшись в Москве, обязательно на день-два останавливался у него. И вот теперь он с радостью смотрел на своего старого друга.

— Да, Кирилл, мир тесен! — Они обнялись.

— Что ты тут делаешь, Валера?

— Как что? Работаю! Вон мой «дракон» стоит.

Кирилл высунул голову из двери самолёта.

— А, 32-й! И давно здесь пашешь?

— Скоро уже полгода.

Валерий оглядел Кирилла. Почти такого же роста, как он сам, только более плотного телосложения, с крупной головой, сидящей на крепкой шее, с густой тёмной шевелюрой; так же прихваченной на висках ранней сединой. Карие глаза, тонкий нос и щёгольские усы, прикрывающие шрам на верхней губе — «память о бурной молодости», дополняли портрет пилота Воронина.

— А ты в прежней форме, Кирилл! Вроде и не изменился. Когда мы с тобой последний раз виделись? Года три назад?

— Да нет, Валера, наверное, чуток побольше будет, года четыре. — Кирилл повернулся к сидящим девушкам, с любопытством наблюдавшим за этой встречей.

— Мариша, — обратился он к брюнетке, — а ну-ка налей нам с Валерием коньячку. Видишь, где встретились! Да и коллегу его не забудьте. Пошли, Валера, поговорим.

Он провёл Валерия в салон бизнес-класса, и они разместились в креслах. Вскоре подошла Марина с подносом, на котором стояли два пузатых фужера, наполненных до середины янтарным напитком, на блюдцах лежали кружочки лимона с сахаром, маслины, сыр, хлеб и стандартные упаковки с маслом.

— Давай за встречу на африканской земле! — Кирилл отпил из бокала, бросил в рот маслинку. — Как у тебя со временем?

— Мы пришли сюда на ночёвку, а вы?

— Сейчас заберём пассажиров и уходим. Получили указание отдыхать в Каире. Здесь что-то назревает. Мы сегодня забираем женщин и детей из нашего посольства и других представительств России. Вы тут, Валера, держите ухо востро. Начнётся заварушка, — уходите отсюда. Перевороты в Африке — это всегда большая кровь. При этом не разбираются, кто есть кто: женщины, дети, старики, чёрные или белые. Так что будьте внимательны.

— Мариночка! — Кирилл снова позвал стюардессу. — Мариночка, я думаю у нас найдётся для ребят пара буханочек чёрного хлеба? Да положи им бутылки две «московской» и ещё что-нибудь на своё усмотрение, я потом рассчитаюсь.

Кирилл обернулся к Валерию.

— Сколько времени вы уже здесь?

— Скоро полгода.

— И долго ещё собираетесь работать?

— Контракт на полгода. У меня в экипаже некоторые уже стонут, домой хотят.

— А ты сам как?

— Я бы, Кирилл, ещё поработал, дома меня особенно никто не ждёт. Дочка разве что.

Он вытащил из кармана фотографию, запаянную в пластик, и протянул Кириллу.

— Бог мой, неужели это твоя Женька? Да она у тебя красавица и совсем взрослая!

— Она у меня умница, — улыбнулся Валерий. — Закончила четвёртый курс университета, сейчас в Англии, на стажировке. Наши отношения с Верой зашли в тупик. Когда я улетал сюда, было видно, что вздохнула с облегчением. Похоже у неё кто-то есть…

Валерий умолк. Кирилл сочувственно похлопал его по плечу.

— Глядишь, всё ещё и наладится… Как говорят — время лечит.

— Похоже, это не тот случай. Лучше расскажи, как у тебя дела, как жизнь, как дома?

Они ещё поговорили с полчаса. Потом подошла Марина.

— Кирилл Александрович, пассажиров ведут на посадку. Пакет с гостинцами я отдала вашему другу, — обратилась она к Валерию.

Тот поблагодарил, поднялся с кресла.

— Давай, Кирилл, будем прощаться. Будь здоров, передавай дома от меня привет.

Они обнялись, и Валерий пошёл к выходу.

— Валерий! — он обернулся.

Кирилл махнул ему рукой.

— Помни, что я тебе сказал. Если что — сразу же улетайте отсюда без задержки!

Валерий кивнул головой и подошёл к двери. К трапу подводили пассажиров. Они с Василием ещё немного постояли, смотря на лайнер, затем пошли к своему «дракону».

Глава 6

Он открыл глаза — голубое безоблачное небо простиралось в вышине, где-то сзади вздыхал и ворочался океан. Из бассейна доносились визг и крики. Валерий повернул голову — рядом на шезлонге, лёжа на животе, посапывал Василий. Устроившись на лежаке, читал газету штурман, на его носу была приклеена бумажка. Заметив, что Валерий не спит, Аркадий отложил газету.

— Игнатич, пивка не желаешь?

Увидев утвердительный кивок Валерия, он крикнул:

— Эй, гарсон! — Официант, идущий вдоль кромки бассейна, остановился и, увидев махнувшего ему рукой Аркадия, прытко поспешил к ним.

— Три «Нгока» и арахис, — сделал заказ штурман.

«Нгок» — популярная марка здешнего пива, в переводе — «Крокодил». Вновь послышались шаги, и к ним с подносом подошёл официант. Поставив на столик запотевшие бутылки с пивом, три бокала, тарелочку с жареным арахисом, он ушёл. Штурман взял бутылку и налил пива в два бокала, поднёс к третьему, но, посмотрев на спящего Василия, поставил бутылку на столик. Протянув наполненный стакан Валерию, он взял свой и не спеша стал тянуть холодную, янтарную влагу. От удовольствия Аркадий жмурился и урчал, выражая блаженство.

Валерий, отпив несколько глотков, огляделся. Спортивно-развлекательный комплекс на берегу океана постепенно заполнялся отдыхающими. Отдыхали здесь в основном служащие иностранных компаний, владельцы торговых фирм — греки, арабы, индусы, да ещё лётный состав из базирующихся на здешнем аэродроме авиакомпаний.

В голубой воде бассейна, визжа от удовольствия, плюхались на мелком месте несколько ребятишек. Довольно полная дама с внушительным носом, видимо, гречанка, уже более получаса сновала, как челнок, от одного борта бассейна к другому. Две молоденьких девицы в бикини, которые не прикрывали, а наоборот — подчёркивали их прелести, шли вдоль бассейна, рассматривая лежащих и хихикая. По левую сторону от Валерия четверо мужчин, судя по разговору — итальянцы, играли в покер. Один из них — плотный, лысоватый брюнет, увидев, что Валерий наблюдает за их игрой, весело ему подмигнул и, показав взглядом на сидевших рядом партнёров, сделал интернациональный жест руками — мол, я их сейчас поимею.

Валерий усмехнулся и повернулся к океану. Валы величественно наплывали издалека, ближе к берегу они набирали мощь и увеличивали скорость. Местные ребятишки с визгом выскакивали на берег, когда волна рушилась на песок и пенистые брызги летели во все стороны. Молодая, пышная негритянка, визжа вместе с мелюзгой, падала на песок, уходящая вода пыталась утащить её с собой и, разочарованно шипя, откатывалась назад, чтобы через мгновение вновь повторить свою попытку. Несколько молодых парней, используя большую, старую покрышку от грузовика, как трамплин, крутили сальто. Их гибкие, мускулистые тела, отливая антрацитовым блеском, после толчка, крутясь, уходили вверх, затем с точным расчётом приземлялись на мокрый песок. Иногда расчёт оказывался неверным, и акробат-неудачник рушился на песок, вызывая бурный хохот собравшейся толпы. Здесь же сновали продавцы с прохладительными напитками, воздушной кукурузой, конфетами, жвачкой и сигаретами. Время от времени проходил фотограф, выискивая желающих запечатлеть себя на фоне бушующего океана. Художник, сидя на раскладном стульчике у ограды комплекса, за десять минут набрасывал портрет любого желающего — правда, таких находилось немного. Фланировавшие вдоль ограды молодые девицы пытались заинтересовать собой кого-нибудь из находившихся там мужчин.

Валерий поднялся с лежака.

— Есть желающие поплавать в океане?

Ответа не последовало. Василий, подняв голову и поглядев осоловелыми глазами на Валерия, отрицательно кивнул головой, вновь закрыл глаза и тут же засопел. Штурмана на месте не оказалось, Валерий увидел его плещущимся в бассейне с двумя девицами.

Валерий спустился по лестнице на пляж. Постояв немного, решительно направился навстречу ветру и волнам. Сопротивление волн росло, он уже с усилием продвигался вперёд, отворачиваясь от бьющих его крутых волн. Вода была уже по грудь и он едва устоял на ногах, когда большая волна ударила его в голову, чуть не сбив с ног. Дождавшись прихода следующего вала, Валерий бросил своё тело вперёд, под основание гребня.

Его закрутило, неправильно рассчитав, он выскочил из воды в тот момент, когда на него рухнула следующая волна. Она, захлестнув, потащила его, и не было возможности сообразить, где — верх, где — низ. Задыхаясь, захлёбываясь, он подумал, что вот так, наверное, и тонут. Крутясь в бешеном водовороте, внезапно ткнулся руками в песок и, рванувшись вверх, выскочил на поверхность, судорожно хватая ртом воздух. Увидел волну с пенистым, закрученным гребнем, вновь нависшую над ним, но, глотнув воздуха, он был готов к её удару — за мгновение до того, как ей рухнуть, нырнул под неё и через несколько секунд выскочил за гребнем. И оказался на мерно поднимающейся и опускающейся изумрудно-синей поверхности океана. Отплыв на полсотни метров вперёд, Валерий, раскинув руки и ноги, отдыхал, вздымаясь и опускаясь, как на гигантских качелях.

Поднимающий его вал открывал его взгляду берег — с пальмами, прибрежном песком, с маленькими фигурками людей. Когда же качели опускались вниз и вся эта картина исчезала, казалось, что кроме изумрудной воды, голубого неба, яркого солнца и его, крошечной песчинки среди этой необъятной стихии, ничего больше не существует.

Через какое-то время с высоты очередной волны он увидел, что пейзаж побережья разительно изменился, пока он качался на волнах: комплекс отдыха был далеко в стороне, люди на берегу выглядели совсем крошечными. Он понял, что попал в струю течения, о котором их всех предупреждали, — оно подходило к берегу из океанских глубин, отражалось от него и вновь уходило в океанские просторы.

Поняв это, начал штурмовать разделяющее его и берег, пространство. Опустив голову, он методично работал руками и ногами, равномерно дыша. И только через какое-то время с облегчением заметил, что пальмы стали медленно увеличиваться в размерах, стал слышен гул от разбивающихся о берег волн. Теперь перед ним стояла не менее сложная задача — выбраться на берег. Очередной вал подхватил его и потащил в нужную сторону. В бурлящей воде, весь в брызгах и пене, он нёсся вперёд, словно сидел верхом на норовистой лошади. Но тут догнавшая следующая волна, загнув гребень, с размаха ударила в голову и спину, резко бросила на берег. Перебирая по песку ногами и отчаянно сопротивляясь обратному оттоку воды, Валерий пытался удержатся на месте. Помогла очередная волна — от нового удара сзади он проскочил ещё несколько метров вперёд, споткнувшись, упал на песок.

Обмывшись под душем, он подошёл к своему шезлонгу. На нём сидел Николай Серов со стаканом пива в руке и внимательно слушал Аркадия.

— А вот и наш кэптен! — произнёс Аркадий. — Мы стали волноваться, думая, что наш командир уже к Южной Америке подгребает! — хохотнул он.

— Где-то на полпути решил повернуть назад, — подхватил шутку Валерий. — Что я там забыл,

в этой Америке? — Валерий, поздоровавшись с Серовым, сел и взял протянутый стакан.

— Решил отдохнуть от дел? — обратился он к Николаю.

— Жарко. Захотелось искупаться, вот и приехали сюда с Наташей. — Он кивнул в сторону бассейна. Наташа, заметив, что они смотрят в её сторону, помахала им рукой.

— Есть какие-то новости? — спросил Валерий.

В ответ Николай пожал плечами.

— Ходят слухи, что у южных границ на территории Карунди концентрируются отряды бывшего президента Крума. В городе появились военные патрули, в ключевых точках города стоят БТРы и БМП.

— Это мы заметили, то же самое и в столице. Патрули в аэропорту, бронетехника по периметру лётного поля, зенитные установки рядом с полосой. В столице, как только приземлишься, — тут же появляются автоматчики и БМП подкатывает с наведённой на самолёт пушкой. Солдатня скалит зубы, щёлкает затворами автоматов, прицеливается, будто из самолёта лезут вооружённые до зубов повстанцы. Цирк! — усмехнулся Валерий.

— Да, что-то здесь назревает, — Николай задумчиво покачал головой.

Валерий взглянул на Аркадия.

— Может закажешь пива похолодней, да чтонибудь пожевать? Гости у нас, а ты, я смотрю, и мух не ловишь!

— Вот так всегда! Как что, так косой виноват! — с обидой в голосе пробурчал штурман.

— Ты не сердись, это же я любя, — улыбнулся Валерий. — Кто же, если не ты, о нас позаботится?

— Да уж, знаем мы вашу любовь, — криво ухмыльнувшись, вновь проворчал Аркадий. — Сейчас всё сделаем, господин капитан! — добавил он заметно подобревшим голосом.

Взмахом руки он подозвал официанта — через минуту они оживлённо обсуждали меню.

— Может что-нибудь покрепче заказать? — штурман с надеждой уставился на Серова.

— Вообще-то жарковато для чего-нибудь покрепче. Ты как, командир?

— Насчёт крепкого я — пас! Пива или холодного джин-тоника. А Наташе что закажем?

— Ей нравится красное французское вино. Что-то ваш инженер сегодня молчит? — Взглянул Серов на Василия. Тот вытащил из пакета две больших вяленых рыбы.

— Я сегодня пью только пиво. А вот и рыбка!

— Откуда у тебя такая красота? — Валерий взял рыбину из его рук, поднёс к носу.

— Места надо знать, — важно произнёс бортмеханик. — А вообще-то Жора меня угостил, который с Евгением летает. Ему друзья прислали из России, с московским рейсом.

Поняв, что с чем-нибудь крепким ничего не получится, штурман разочарованно поджал губы и вновь стал что-то говорить официанту.

— Как здесь хорошо! — подошла Наташа, вся ещё мокрая, с жемчужинками воды на загорелой коже, и села между Валерием и Серовым.

— Вода в бассейне — блеск! Так бы и не выходила из неё.

Официант споро расставил закуски. Открыв бутылки с пивом и вытащив пробку из бутылки с вином, налил его немного в бокал. Серов посмотрел на рубиновую жидкость, поднёс к носу, затем отпил небольшой глоток.

— Бьен! — проговорил он, обращаясь к гарсону. Тот расплылся в улыбке и, положив в корзиночку счёт, отошёл.

Валерий с любопытством стал разглядывать винную этикетку.

— Шато Бриан урожая 1983 года, — прочитал он. — Коллекционное!

— Давайте выпьем за сегодняшний день в нашей жизни, — Николай поднял бокал. — Прекрасная погода, вокруг весёлые люди, мы живы и здоровы, что ещё нужно человеку?

Глава 7

— Да, неплохой свежак дует.

Слова Василия вернули Валерия, думающего о чём-то своём, на землю. Он взглянул на небо. По нему, словно пришпоренные, бешено мчались рваные тёмные облака. Шелестели кроны пальм, мотались из стороны в сторону верхушки камыша, росшего на небольшом болотце у виллы. Втиснувшись в подскочившее к ним такси, лётчики молча ехали в аэропорт.

— Стоп, шеф, — в какой-то момент крикнул Валерий, заставив шофёра остановиться. — Парни, я в офис, получить суточные и решить кое-какие вопросы с Серовым. А вы двигайте в аэропорт. Полагаю, заказчик, Карим этот, уже ждёт с грузом в аэропорту. Грузите десять тонн, заправляться не нужно.

— Аркадий, — обратился он к штурману, — постарайся выдавить из синоптика всю информацию, особенно по району, куда летим. Видишь, какая обстановка? — Валерий кивнул на небо. По нему неслись, меняя размеры и очертания, взлохмаченные иссиня-чёрные тучи, разрываемые сильным ветром.

Валерий вошёл в офис. Наташа печатавшая на компьютере, ему приветливо улыбнулась.

— Придётся немного подождать, Николай Александрович поехал решать что-то в мэрию. Хотите кофе?

Валерий, подумав, что чашечка горячего кофе будет как нельзя, кстати, кивнул головой.

Через несколько минут они сидели, прихлёбывая горячий кофе, и болтали обо всём и не о чём. Серов, приехав через час, гостеприимным жестом пригласил Валерия в кабинет.

— Ну, пиявки! Везде они одинаковы, готовы из тебя всю кровь высосать. Наташа, — крикнул он в открытую дверь, — принеси нам кофе, пожалуйста! — Глотнув из чашки ароматный напиток, он откинулся в кресле. — Представляешь, Валерий, весь месяц пытался добиться у местных чиновников продления договора, раздал кучу денег. Думал экипажам повысить оплату, а тут эти расходы. Прошу тебя, Валерий, объясни эту ситуацию своим парням. Мы это решим в следующем месяце. Договорились?

Валерий кивнул головой.

— Хорошо, — облегчённо вздохнул Серов. — Теперь давай свои вопросы.

— Вот что, шеф. Техники обнаружили следы керосина в правой мотогондоле, откуда-то капает. Сегодня ещё раз проверим. Как бы не пришлось останавливать работу.

— Нет вопросов. Нужно — останавливайте и ищите причину. Завтра утром мы с Наташей улетаем в Эмираты, в главный офис. Нужно привести запчасти, а то у нас здесь склад совсем опустел. АН-26 уходит работать на пару недель в Чад. Так что вы остаётесь одни.

— А как нам быть с организацией рейсов, вас же здесь не будет? — озабоченно спросил Валерий.

— Не беспокойтесь, Тимоти получил инструкции на этот счёт, так что проблем не будет.

Валерий получил суточные на весь экипаж и, услышав, что сегодняшний рейс — единственный на день, обрадовался — можно будет заняться домашними делами. Посмотрев на часы, вскочил.

— О, мне давно пора сидеть в самолёте, а я тут разглагольствую!

— Смотри, командир, дождь пошёл. — Серов взглянул на Валерия. — Давай я тебя до самолёта доброшу, а то весь вымокнешь. Мне всё равно нужно в аэропорт.

На улице и в самом деле шёл дождь, крупные капли шлёпались на асфальт, стучали по крышам и листве деревьев. Порывистый ветер трепал кроны пальм. Подъехав к самолёту, Валерий увидел, что грузовая рампа закрыта.

— Видно, уже давно загрузились, а я только-только приехал! — сказал он с недовольством.

— Успокойся, хватит тебе времени. Забыл — рейс сегодня только один. Удачного вам полёта и мягкой посадки.

Серов захлопнул дверцу машины и, крутанув руль, помчался по рулёжке к зданию аэропорта.

— Опаздываете, господин капитан, опаздываете, — с деланным неодобрением проворчал бортмеханик Василий. — Мы уже час, как закончили загрузку.

— Извините, мужики, начальство задержало. Как тут у нас, всё нормально? А ты что тут делаешь, Тимоти? — Валерий только сейчас заметил технического директора.

— Кэптен Вэлери, прошу разрешения слетать с вами. В этом городке я родился и школу закончил, а последний раз был там года три назад.

— Какой разговор, Тимоти! Причина уважительная, располагайся поудобнее.

— Что у тебя, навигатор? — спросил Валерий, усаживаясь в кресло и застёгивая ремни.

— Командир, атмосферный фронт прямо по курсу полёта. Верхняя граница облаков более тридцати тысяч футов, сильный ветер, сопровождаемый болтанкой. На всех высотах — свыше восемнадцати тысяч футов возможно обледенение — до сильного. По докладам экипажей — полно засветок. В районе посадки сильный приземный ветер, повышенная турбулентность. Словом, все тридцать три удовольствия сразу, — доложил штурман.

Валерий озабоченно смотрел наружу — видимость из-за дождя ухудшалась на глазах.

— Если минут через десять не взлетим, то так и будем торчать на стоянке. Штурман! Запрашивай у «Вышки» разрешение на занятие полосы.

Выдав информацию о погоде, которая была почти предельной для взлёта — диспетчер разрешил занять полосу. Увеличив режим двигателей, Валерий крикнул второму пилоту, что бы тот держал штурвал, который дёргался в руках, как живой, от резких порывов ветра. Сквозь шум и треск в наушниках они услышали голос Евгения.

— Женя, слушаю тебя, что хотел? — спросил Валерий, удерживая левой рукой штурвальчик поворота передней стойки шасси, то и дело парируя попытки машины к развороту.

— Будьте внимательны! Сильная болтанка до самой земли, мы еле сели полчаса назад, молотит — будь здоров! Атмосферный фронт километрах в ста отсюда, полно засветок. Если будет возможность, попробуйте пройти на безопасной высоте. Удачи вам, Валера! Конец связи.

— Спасибо, Женя, за информацию.

На взлёте сильный встречный ветер помог им, и всё равно Валерий оторвал машину от полосы не так уж и далеко от её конца. «Что-то здесь не так», — думал он, разогнав самолёт до скорости гораздо большей, чем рекомендовано при полётах с повышенной турбулентностью. Но и на такой скорости самолёт трясся, как в лихорадке, штурвал дёргался в руках. При этом он вяло реагировал на его отклонения, с замедлением восстанавливая равновесие. Особенно это почувствовалось, когда Валерий ввёл машину в левый разворот. Неприятные ощущения закончились, стоило убрать шасси и закрылки. Привычно закрутилась стрелка высотомера, отсчитывая сотни метров набора высоты. Ровный гул двигателей успокаивал. Дождь с шумом молотил по самолёту, струями растекаясь по стёклам кабины. Сильно болтало, временами так, что стрелка вариометра[6] дёргалась вверх-вниз.

— Штурман, что там у нас впереди видно? — Валерий повернул тубус локатора к себе и прильнул к нему лицом. — Вот они, голубчики, — пробормотал он, увидев на чёрном бархате экрана россыпи множества белых пятен. Они так густо лепились друг к другу, что почти сливались в светящуюся бахрому. Действительно, за всю свою работу он не видал такой насыщенности грозовыми очагами.

— Аркадий! — крикнул он второму пилоту, — посмотри «картинку» в радаре, такое вряд ли ещё когда-нибудь увидишь.

По мере приближения к грозовым очагам болтанка стала усиливаться, броски следовали один за другим с какой-то определённой закономерностью. В наушниках послышался голос Виктора:

— Кабина, это — хвост! По какой это дороге нас везёте, командир? Сплошные ухабы, того и гляди головой в потолок влепит!

---

6 Вариометр — прибор измерения вертикальной скорости набора высоты и снижения.

— Привяжитесь хорошенько, Виктор. Подозреваю, что это только цветочки…

— Ну, утешил, отец родной! Здесь пассажиров скоро наизнанку начнёт выворачивать. Сидят с вылупленными глазами, что-то бормочут про себя, наверное, молитвы читают! — хохотнул тот.

— Командир, — прервал их разговор штурман, — посмотри, что творится в радаре!

Валерий, глянув на экран, присвистнул от изумления.

— Между засветками даже мышь не проскочит, не то, что наш «дракон». Вот тебе, бабушка, и юркнула в дверь, — пробормотал в наушниках штурман. — И что будем делать? Куда путь держать? Может, пора разворачивать оглобли назад?

— Куда назад? Домой? — спросил Валерий. — Ну-ка узнай у «Вышки», какие метеоусловия на аэродроме?

— Ничего утешительного, командир. Видимость триста футов, ливневый дождь, ветер восточный, сорок узлов, сильная болтанка, — через несколько минут уныло доложил штурман.

— Ну вот, а ты говоришь «поворачивать оглобли». Сто метров видимость, да ветер двадцать метров поперёк полосы дует. Нет, только вперёд!

Валерий вновь прильнул к тубусу радара. Неужели между очагами нет даже небольшой щели? Должна же быть.

— Аркадий, ну-ка переключи масштаб, мы уже подходим.

«Так-так, а это что? Похоже, можем сюда нырнуть». Он увидел левее курса небольшой промежуток между двумя очагами грозовых облаков.

— Штурман, видишь щель левее курса, удаление двадцать? Правда, между очагами всего десять вёрст, но другого варианта ведь нет? Крутим туда.

— Думаешь, проскочим, командир? — с сомнением в голосе спросил штурман.

— Нам деваться некуда. Задавай курс второму пилоту, хотя он и так уже взмок за штурвалом.

— Так это же не виски глотать и не «чернушку» за задницу держать — тут потеть надо! — поддел штурман второго пилота. — Курс — 20, так держать!

Частота и сила бросков усилилась, многотонную машину швыряло в возмущённых воздушных потоках, как щепку. Изломанная голубовато-фиолетовая лента разорвала сумеречное пространство за стёклами кабины, озарив всё вокруг фантастическим, нереальным светом. Оглушительный грохот перекрыл гул двигателей, самолёт ухнул вниз. Валерий судорожно глотнул воздух, чувствуя, как тело пытается оторваться от кресла, казалось, что внутренности выскочат сейчас наружу. Ощущение было такое, будто по фюзеляжу самолёта кто-то молотит здоровенными кувалдами. Затем дикая мощь бросила машину вверх, людей прижало к сиденьям с силой, способной раздавить, расплющить.

Валерий кинул взгляд на приборы — ничего себе шуточки! Диапазон скачков скорости почти сотня километров! Чуть не зашкаливал вариометр — стрелка бешено прыгала, показывая то 10–15 м/с. снижение, то столько же набор высоты.

— Штурман, есть впереди какой-нибудь просвет?

Зубы Валерия щёлкнули, он, вцепившись в штурвал, пытался смягчить очередной взбрык самолёта. Штурман, трясясь в своём кресле, словно в пляске святого Витта, пробормотал:

— Плохо… курс… тридцать… сплошные… можно… в… очаг…

Молнии сверкали повсюду. Одна, ветвистая, с ослепительным, вызывающим боль в глазах блеском, разорвалась почти рядом — чуть впереди. Инстинктивно Валерий крутанул штурвал влево, пытаясь отвернуть. Грохот грома оглушил, он оглянулся на бортмеханика и второго пилота: оба тряслись в своих креслах с бледно-зелёными лицами.

«У меня самого, наверняка, вид не лучше. Нужно что-то делать, пока нас молния не сожгла или самолёт не развалился. Нужно срочно уходить вниз», — понял Валерий.

— Штурман, какая безопасная высота в этом районе?

— Ниже четырёх с половиной тысяч футов снижаться нельзя — горы внизу.

— Когда закончатся эти чёртовы засветки?

— Ещё километров пятьдесят!

Валерий принял решение.

— Василий, малый газ! Снижаемся до безопасной.

Он плавно отжал трясущийся штурвал — самолёт пошёл вниз. Им пришлось перетерпеть ещё нескольких неприятных моментов, но чем ниже они снижались, тем реже и дальше сверкали молнии, тем меньше становилась болтанка. За стёклами кабины становилось всё светлее, и внезапно они вывалились в просвет между слоями облачности.

— Василий, установи крейсерский режим, переходим в горизонт.

— Так это же другое дело, командир! — Василий передвинув руды вперёд, облегчённо вздохнул. — А то последний час мне казалось, что наш «дракоша» не выдержит всех этих перегрузок и крылья сложит.

Валерий, обернувшись, посмотрел на его повеселевшее лицо.

— Насчёт времени это ты перехватил — аттракцион продолжался минут двадцать.

— Не может быть! — Василий недоверчиво смотрел на командира. — Если не час, то сорок пять минут — железно! На что спорим?

— Хорошо, ты сам это решил. Как насчёт чёрного «Джонни Уокера»?

— Нет проблем, шеф! — насчёт свой победы бортмеханик не сомневался.

— Аркадий, ну-ка разбей наш спор! — обратился Валерий ко второму пилоту. Тот с готовностью стукнул ладонью по их сцеплённым рукам, кинув при этом насмешливый взгляд на бортмеханика.

— Штурман, сколько продолжалась вся эта свистопляска? И поточнее! А то у нас с Василием разногласие по этому поводу, — Валерий посмотрел на часы.

— Если очень точно, то двадцать три минуты. На что спорили?

Ответ штурмана поверг Василия в изумление.

— Надо же… — удивлённо пробормотал он, покачав головой. — А мне показалось…

— Когда кажется, — креститься надо! — уколол его штурман. — Вы намерены брать курс на аэродром посадки?

Второй пилот послушно повернул штурвал.

— До аэродрома 80 кэмэ, — уточнил штурман, — заход только с одним курсом, взлёт — только с противоположным.

— Знаем, знаем…

Валерий представил себе этот провинциальный городок, лежащий в узкой долине. Она была больше похожа на ущелье, по которому текла извилистая, порожистая река, делающая крутой поворот к океану в узкой щели хребта, горы не позволяли производить посадку с другим курсом.

— Пройдём над городком, нужно определить направление ветра. Надежда одна, что в долине ветер у земли всё же поменьше.

Они установили, что садиться придётся с довольно сильным попутным ветром, это значительно усложняло посадку — полоса была ограниченных размеров.

— Командир, не пора шасси выпускать? — держа руки на РУДах, спросил Василий.

— Самое время, малый газ! — скомандовал Валерий. Они подходили к точке разворота. Он повернул штурвал влево, наблюдая за скоростью. Внезапно с самолётом стало твориться что-то непонятное: он продолжал заваливаться на левое крыло, хотя Валерий уже повернул штурвал на вывод. Машина не реагировала: опустив нос и заваливая крен, она неумолимо закручивалась в неуправляемую крутую спираль.

— Эй, вы куда это крутите? — завопил штурман, почувствовав неладное.

Но ему никто не ответил, второй пилот и бортмеханик тоже поняли, что над экипажем нависла смертельная опасность. В голове у Валерия метались мысли: «Так, потеря поперечной управляемости… Причина — большая перегруженность самолёта… Но скорость значительно больше рекомендованной для выпуска закрылков… Что ещё? Предельная передняя центровка, недаром на взлёте еле оторвал машину от полосы. Значит… всё дело в скорости — она мала!»

Правая рука Валерия автоматически схватила РУДы и двинула их вперёд. Что-то продолжал кричать штурман, но командир не слышал, как не видел, что второй пилот, бросив штурвал и сжавшись в комок, охватил склонённую голову руками. Что, смертельно побледнев, Василий в оцепенении смотрел на несущуюся к ним навстречу землю.

«Хватило бы запаса высоты, только бы хватило»! — стучало у Валерия в голове. И в тот же миг он почувствовал: что-то стало меняться в поведении самолёта. Вывернутый полностью вправо штурвал стал действовать — левый крен начал уменьшаться. Скорость быстро росла, двумя руками командир, напрягая все свои силы, тянул штурвал к себе.

— Василий, прибери режим — скорость велика! — крикнул он. — Аркадий, помогай!

Он не видел, как пришедший в себя Василий, ткнул кулаком в бок второго пилота, приводя того в чувство. Самолёт медленно поднимал нос к горизонту.

Запоздалое чувство страха ознобом пробежало по спине у Валерия, когда крыло проскочило рядом с отвесной стеной ущелья. Выведя самолёт в горизонт, он наконец-то смог повернутся к бортмеханику.

— Что скажешь, Василий? Похоже, кто-то из нас родился в рубашке. Ещё минута — поминай нас всех, как звали!

Бортмеханик вымученно улыбнулся и ничего не ответил.

— Послушайте! — раздался в наушниках голос, так ничего толком и не понявшего штурмана. — Мы сегодня будем садиться или нет? Что это за кульбиты мы крутим?!

— Хватит болтать! Продолжаем заход, — прервал его Валерий.

Уже на высоте двухсот метров, он осознал, видя, как стремительно приближается полоса, что ветер действительно попутный и сильный.

— Малый газ, закрылки выпустить полностью! — Видя, что Василий медлит, он закричал:

— Василий! Закрылки полностью!

Выдирая штурвалом проваливающуюся вниз машину, Валерий понял, что скорость всё ещё велика, и благополучный исход посадки уже не зависит от его действий.

«Ну же, садись! — молил он, обращаясь к самолёту, как к живому существу. — Садись же!..»

Они остановились в десятке метров от конца полосы. Сразу за ней стояли невысокие кусты, и начинался крутой обрыв к реке. Им повезло. Чувствуя, как пот течёт по спине, Валерий аккуратно развернулся и порулил к грузовой площадке. Он ещё какое-то время просидел молча, пытаясь унять дрожь в коленях.

— Нет, так работать невозможно! — Нарушил наконец молчание штурман. — Что это за полёты такие? То чуть молнией не сожгли, то на заходе аттракционы устраиваете.

— Хватит тебе трындеть! — не вытерпел бортмеханик. — И вообще, может, мы выйдем?

Сойдя на землю, Валерий подошёл к стойке шасси.

— Так, — протянул он, — и вы будете мне говорить, что у нас на борту всего десять тонн? Смотрите, стойка обжата полностью. Кто контролировал загрузку?

— Мы, — подал голос штурман, — с Коупайлотом. Я стоял у лебёдки, а он записывал вес.

— Что скажешь, Аркадий? — обратился ко второму пилоту командир.

Тот пожал плечами:

— Десять тонн, как было приказано.

— Хорошо. А ты, Василий, где во время загрузки был? — обратился он к бортмеханику.

— Мы с Виктором ходили к Евгению насчёт тормозных дисков, а когда пришли, самолёт уже был загружен.

В подтверждении его слов штурман кивнул головой.

— Тимоти, пойдём-ка к этому Кариму, поговорим.

Они подошли к откинутой рампе. Трое арабов и Виктор стояли в хвосте.

— Как вы тут, Виктор? Нормально себя чувствуете?

— Да вроде, все живы…

— Хорошо. Тимоти, спроси-ка у Карима, сколько они загрузили на борт?

— Кэптен, Карим сказал, что они загрузили одиннадцать с половиной тонн — согласно договорённости.

— Стоп, стоп! Какие одиннадцать с половиной? Мы же в офисе договаривались о десяти? Из-за твоих лишних полутора тонн мы чуть не сыграли в ящик! — Валерий гневно смотрел на араба. — Тимоти, спроси его, почему он загрузил больше, чем мы договаривались?

Тимоти торопливо перевёл вопрос Валерия. Араб, захлёбываясь словами, заговорил. Под конец своей темпераментной речи он ткнул пальцем в Аркадия.

— Он говорит, что на полторы тонны больше он загрузил с разрешения… вот его, — Тимоти кивнул на второго пилота.

— Что? — не поверив своим ушам, воскликнул командир. — Ты разрешил загрузить ещё полторы тонны? Ты что творишь? Это по твоей милости мы чуть не гробанулись на заходе! Хорош помощничек, нечего сказать! Ты не только пьянь, но ещё и безграмотный как пилот!

Валерий обессилено сел на скамейку.

— Что же это получается, верить никому нельзя? Как же дальше работать?

Все стояли, опустив головы, словно все были в чём-то виноваты.

Карим, сидевший на лавке и наблюдавший за происходящим, что-то пробормотал.

— Кэптен, — обратился к Валерию Тимоти, — заказчик говорит, что заплатил за это двести долларов.

Услышав эту новость, Валерий ещё ничего не успел сказать, как раздался вопль штурмана.

— Ну, ты, второй, и урод! Из-за этого мы были на волоске от гибели! Командир! Я отказываюсь с ним дальше работать!

— Правильно говоришь! Я тоже думаю, командир, что дальше нам с ним не по пути. Вдобавок он ещё и трус! Видел бы ты, как он вёл себя, когда мы падали, — прогремел Василий.

— Я долго терпел твои выходки, но всему приходит конец. Прилетает Серов из Эмиратов, — я ему обо всём докладываю. Так что — собирай вещи. — Валерий встал и, выходя по трапу, добавил:

— А эти баксы, Аркадий, — обратился он к штурману, — забери, это мы их с риском заработали. Да, и ещё, — обратился он к арабу, — Карим, зайди в офис и доплати фирме за перевозку этих полутора тонн. Тимоти, переведи.

Глава 8

— Прошу внимания всех! — командующий армейской группировкой «Север», бригадный генерал карундийской армии обвёл собравшихся внимательным взглядом. — Оперативный план «Гроза», разработанный Генштабом, вчера утверждён нашим президентом.

Под маскировочной сетью, концы которой были привязаны к стволам деревьев, стоял длинный, дощатый стол с разостланной на нём штабной картой. Вокруг толпилось около двух десятков офицеров.

— Прошу всех подойти поближе. Полковник Перейра, огласите содержание плана.

К столу подошёл коренастый, смуглолицый офицер, раскрыв папку с документами, взял в руку указку.

— Операция «Гроза», — начал он глуховатым голосом. — Её цель: армейскими группировками «Север» и «Восток», во взаимодействии с вооружёнными отрядами патриотов Мазанги, свергнуть антинародное правительство президента Джилберта Окото и привести к власти бывшего президента Крума. Таким образом ликвидировать канал поставки оружия и снаряжения мятежникам на востоке нашей страны. Задачи группировки «Север». С наступлением времени «Ч» диверсионные группы батальона «Мамба» без шума убирают пограничные заставы противника и охрану мостов через реку Луапа. По этим мостам танки и моторизованные части выдвигаются к городу Канги и захватывают его. По данным нашей разведки гарнизон города состоит из батальона пехоты и роты танков Т-60 и Т-62, половина которых зарыта в землю и представляет собой неподвижные огневые точки. По ним сразу же нанесут удары наши истребители-бомбардировщики и боевые вертолёты.

— Да им и против наших Т-72 не выстоять! Не так ли, капитан? — обратился генерал к командиру танковой роты — стройному офицеру, державшему в руке танковый подшлемник.

— Так точно, господин генерал. Мы их расколем, как кокосовые орехи! — твёрдо ответил тот.

По сигналу генерала полковник продолжил свой доклад:

— После прорыва этой линии обороны частям в городе не задерживаться, в нём наведут порядок отряды нашего союзника, майора Джамбо, следующие во втором эшелоне вторжения.

Полковник кивнул старшему среди офицеров в камуфляже — рослому, с крупными чертами чёрного лица, характерными для уроженцев северных провинций Мазанги.

— Главная цель наших частей — портовый город Банги-Нова. Наши усилия будут поддержаны десантом парашютистов батальона «Симба», выброшенных над аэродромом города. Часть из них будет десантирована в районе города Матасинга, в 75 км восточнее, чтобы перерезать железную дорогу и не допустить переброски войск из столицы в Банги-Нова. Морской порт блокируют ракетные катера ВМС, а десантные корабли высадят на берег морскую пехоту. По группировке «Восток» доложу в общих чертах. После ударов с воздуха десант захватывает аэродром столицы и удерживает его до подхода главных ударных сил. Затем, сообща с боевыми отрядами местных патриотов, начинаем захват столицы. Сразу же после начала операции президент Крума высту-

пит с обращением к народу Мазанги, в котором объяснит ему и мировому сообществу суть происходящих событий.

Полковник умолк.

— Какие будут вопросы по оперативному плану? — генерал обвёл всех взглядом.

— Генерал, — раздался голос майора Джамбо, — позвольте мне с половиной моих бойцов двигаться вместе с вашими передовыми частями.

Генерал внимательно посмотрел на майора.

— Согласен! Майор Ируна! — Генерал остановил взгляд на одном из своих офицеров. — Посадите бойцов Джамбо на броню БТРов и БМП, будете действовать совместно. Попрошу всех офицеров получить в оперативном отделе штаба радиочастоты, на которых будете поддерживать связь. Все подразделения в течение дня должны получить по три боекомплекта для тяжёлого вооружения и обычные боеприпасы. Радисты должны круглосуточно слушать на полученных вами радиочастотах сигнал начала операции «Гроза». С получением сигнала через час после назначенного времени начнётся движение основных ударных сил, это касается танков и моторизованных частей. Час даётся батальону «Мамба» для нейтрализации охраны мостов и погранзастав. Часа вам будет достаточно, майор?

— Достаточно, мой генерал! — выйдя вперёд и щёлкнув каблуками ботинок, ответил широкоплечий майор.

— Отлично. Все срочно займитесь необходимыми распоряжениями по своим подразделениям. Командиров «Мамба», «Симба» и лётчиков прошу пройти ко мне.

Через некоторое время местность в округе стала напоминать растревоженный муравейник. По просёлочным дорогам засновали машины. В ложбине, поросшей зонтичными акациями и кустарником, стояли несколько десятков танков, похожих на громадных бегемотов — с жёлто-зелёными пятнами на броне. К ним подъезжали грузовики, и экипажи боевых машин перегружали с них снаряды и пулемётные ленты. Возле одного из танков майор, собрав командиров рот и взводов, объяснял в деталях предстоящую операцию — боевой порядок, взаимодействие и связь. В километре от них можно было увидеть такую же картину, только вместо танков там стояли БТРы и БМП. На аэродроме Лалубы, в пятидесяти километрах от этих мест, по рулёжным дорожкам сновали топливозаправщики, наполняя баки самолётов и вертолётов керосином, оружейники подвешивали ракеты к держателям под плоскостями и начиняли кассетники снарядами для авиационных пушек.

Ночь накрыла землю своим чёрным покрывалом, щедро разбросав по нему россыпи разноцветных, ярких звёзд. Временами раздавалось чьё-то рычанье, заглушая жалобные завывания шакала, вот послышался предсмертный писк какой-то зверушки, попавшей в зубы хищнику, трещали цикады — обычные звуки местной ночи.

Дрёма уже клонила головы радистов, неподвижно сидевших у своих раций, когда в наушниках раздалось то, ради чего они с вечера сидели и ждали:

— «Гроза» начнётся в три часа утра».

Некоторым в полусне показалось, что это им снится, но тот же голос повторил:

— «Гроза» начнётся в три часа утра».

Радист тронул рукой командира батальона «Мамба», тот лежал в спецмашине. Спрыгнув на землю, он зашёл в палатку, стоящую рядом. Через несколько минут неясные тени стали выскальзывать из неё, растворяясь в ночной тьме.

Ещё с вечера охрана моста с этой стороны была заменена бойцами батальона спецназа. Через десяток минут две группы, по пять человек в каждой, осторожно подтащив из прибрежных зарослей пироги и столкнув их в воду, неслышно двинулись к другому берегу, гребя вёслами, обёрнутыми тряпками. Дозорные в окопах умерли сразу, в полудрёме так ничего и не поняв, только один из них, когда нож вошёл ему в горло, захрипел и попытался приподняться, но тут же рухнул на дно окопа. Та же участь постигла и отдыхающую в хижине смену.

Убедившись, что в живых никого не осталось, лейтенант трижды прокричал шакалом. Майор приказал передать по рации условленную фразу, означавшую, что дорога открыта.

Рёв танковых моторов и бронетехники заглушил все остальные звуки ночи. Соединившись на развилке и приняв походный порядок, колонна боевых машин двинулась в сторону моста. Впереди шли БТРы головного дозора, через пару сотен метров плавно колыхались на неровностях дороги приземистые танки. Пыль, поднятая колёсами и гусеницами, висела в воздухе, заставляя механиков-водителей напрягать зрение, чтобы не наткнуться на впереди ползущую машину. Послышался гул колёс, идущих по настилу, и вот уже первая БМП покатила по пыли противоположного берега — вторжение началось.

Проснувшись под утро, Валерий встал и, понимая, что уже не уснёт, прошёл на кухню. Вынул из холодильника десяток яиц и пакет молока, нарезал мелкими кусочками колбасу, нашинковал лука и сладкого перца. Затем поставил на газовую плиту большую сковороду и стал сбивать в большой миске яйца с молоком.

— Игнатич!

Он повернул голову: в открытой двери спальни техников стоял, позёвывая, Виктор.

— И что тебе не спится? Спал бы себе всласть.

— Наверное, старею, бессонница, — отозвался Валерий, — вот решил для вас завтрак приготовить, накормлю перед работой омлетом по-испански.

— Что это за омлет такой? — Виктор уставился на сковороду.

— Рецепт прост: берутся разнообразные остатки от вчерашнего застолья — кусочки колбасы, ветчины, курицы, зелень — всё это поджаривается и заливается взбитыми в молоке яйцами — вкусно и питательно. Иди, буди Сергея, сам он вряд ли проснётся.

Завтракали втроём, чуть погодя, к ним присоединился Василий, сказав, что пойдёт вместе с ними на самолёт, поможет с ремонтом. Они не летали третий день — техники никак не могли обнаружить причину подтекания керосина из правого двигателя.

Сергей отпил кофе из кружки.

— Подозреваю, керосин капает из какой-то трещинки в трубопроводе, идущем к камере сгорания или где-то уплотнение полетело. Вчера полностью всю мотогондолу просмотрели. Сегодня возьмёмся за двигатель. А когда Серов должен вернуться на «элке» из Эмиратов?

— Вчера я разговаривал с Тимоти. Он говорит — завтра или послезавтра. Мы с Аркадием едем сегодня на закуп продуктов — в центр и на базар. Кому что необходимо для себя — диктуйте.

Валерий взял ручку и листок бумаги.

— Сигарет, по блоку на каждого курящего, — Виктор загнул палец на руке, — пару зажигалок, гелевую ручку и батарейку для часов.

— Мне купите блок головок для станка «Жиллет» и туалетную воду на свой вкус, желательно с запахом полыни, — попросил Сергей. — И ещё пару пачек кондомов.

— Щас, разбежались! Этого добра и сам купишь — аптека через пару домов. А ты что молчишь, Василий? Тебе что, ничего не нужно?

— А у меня всё есть — слава КПСС! — с ухмылкой отрапортовал тот. Валерий видел, что бортмеханик старается не делать лишних расходов. У него были две дочки-студентки, а учёба в нынешней России требовала немало затрат.

…Они отъехали от виллы не более километра, как таксист съехал на обочину и остановился. Навстречу двигалась воинская колонна. Во главе её катило несколько БТРов, за ними, с одинаковыми интервалами, следовали тёмно-зелёные грузовики, тащившие на прицепах артиллерийские орудия, с солдатами в кузовах. Замыкали колонну такие же машины, только в кузове каждой стояли на треногах какие-то длинные трубы, с набалдашниками на одном конце.

— Это — безоткатные орудия, — авторитетно заявил штурман. — Я как-то видел такие по «ящику». Видимо, какие-то ученья у местных вояк, — он с завыванием зевнул.

— Не выспался, что ли? — покосился на него Валерий.

— Выспишься тут, как же! — хохотнул Аркадий. — Мой «сокамерник» опять приволок «чернушку», вот они всю ночь спать и не давали. Он всё набивается мне в «молочные» братья: и мне предложил ею попользоваться.

— Надо полагать, ты от этого предложения не отказался, — с сарказмом сказал Валерий.

— Обижаете, командир! Я не привык в таких делах хлебать из общего котла.

Штурман демонстративно отвернулся, с оскорблённым видом уставясь в окно машины.

Они купили всё необходимое и вернулись на виллу, не ведая, что всего в полсотне километров от города идёт бой, льётся кровь, гибнут люди. И даже приехав на аэродром, где на стоянках было мало самолётов, а на базе ВВС наблюдалась какая-то суета, Валерий не понял, что всё это связано с какими-то глобальными событиями.

Вот с военного перрона резво вырулили два небольших самолёта и тут же, один за другим, спешно взлетели. Расчёты зенитных установок водили стволами орудий из стороны в сторону.

— Игнатич, мы нашли причину течи, — инженер протянул ему изогнутую трубку. — Смотри, вот трещина!

От конца трубки змеилась тоненькая трещинка длинной около трёх сантиметров.

— Сможете быстро заменить?

— На местном складе таких трубок нет, нужно срочно звонить в Эмираты, главному инженеру, пусть высылают с первой оказией.

— Может Серов ещё там, он и привезёт. — Валерий отдал трубку.

— Смотрите! Как красиво идут! — крикнул Василий.

Послышался нарастающий, свистящий вой. Четыре самолёта неслись над ВПП. Через какое-то мгновение, они с рёвом и свистом, разделившись на пары, растворились в синеве неба.

— Манёвры это! — не сомневающимся голосом проговорил Василий.

— А ведь это «грачи», — глядя вслед самолётам, сказал Сергей.

— Какие грачи? Эти? Ничего себе птички! — заржал Виктор. — Такая птичка, если какнет на голову, мало не покажется!

— Темнота ты, а ещё в авиации работаешь, — укоризненно посмотрел на него инженер. — Так называют в России такие самолёты. Это СУ-25, истребители-бомбардировщики. Когда я служил, они у нас в полку были, очень эффективные боевые машины. Только вот что странно, насколько я наслышан, в местных ВВС таких машин нет. Тогда откуда эти взялись?

— Они возвращаются! — закричал Виктор.

Самолёты, проявляясь в дымке, шли со снижением вновь в сторону аэродрома. Внезапно, из-под крыльев отделились и понеслись вниз, к земле, огненные и дымные хвосты.

— Похоже, это не манёвры, — каким-то осипшим голосом произнёс Сергей.

— Ложись! — Валерий даже не понял, что это крикнул он сам. Грохот взрывов оглушил их, земля под ними заходила ходуном. Над базой ВВС и стоянками самолётов поднялись клубы дыма и пыли. Фонтаны разрывов от пушечных снарядов, клёкот очередей зенитных автоматов, рёв проносившихся над головами самолётов — всё слилось в какую-то какофонию.

— Все целы? — Валерий поднял голову, осмотрелся, затем, встав, начал отряхивать с себя пыль. Поднявшись, остальные лётчики озирались по сторонам, ошеломлённые происходящим.

— Эт-т-то точно не м-манёвры, — протянул, заикаясь, Виктор.

— Похоже, это — война, — мрачно произнёс Валерий, глядя на чёрные клубы дыма над военной базой. Оттуда доносились бухающие звуки и какой-то треск, что-то там рвалось.

— Мужики! Давайте делать отсюда ноги, самолёты возвращаются! — раздался крик Василия.

Действительно, с той стороны, куда улетели самолёты, вновь послышались знакомые свистящие звуки. Не сговариваясь, все кинулись бежать в сторону от полосы. Вновь затряслась земля от взрывов. Несколько оставшихся в живых зенитчиков, осатаневших от близких разрывов ракет и почти оглохших, продолжали стрелять из един-

ственно уцелевшего зенитного автомата, ловя в прицел проносящиеся в дымном небе тени неуязвимых убийц.

Выскочив за ограждение аэропорта, Валерий увидел неподалёку такси, рядом с машиной остолбенело стоял шофёр, с разинутым ртом смотревший на всё происходящее. Повсюду метались ошалелые, испуганные люди, доносились крики.

— Эй, шеф! — крикнул подбежавший к таксисту Сергей, — подвези нас домой! — Тот сначала не понял, что от него хочет этот белый, потом закивал головой: работа есть работа. Все втиснулись в машину, водитель, постоянно сигналя и уворачиваясь от мечущихся людей, помчался в сторону от аэропорта. В какой-то момент Валерий, оглянувшись назад, увидел, как от большого самолёта, идущего над аэродромом, стали отделяться маленькие чёрные точки. Потом над каждой появился белый купол. «Всё идёт своим чередом, они выбросили десант», — понял он.

На вилле все молча уселись в холле, вслушиваясь в доносившиеся сюда отдалённые звуки: грохот разрывов, треск пулемётных и автоматных очередей.

— Что же нам теперь делать? — нарушил молчание штурман. Все повернулись в сторону командира. Тот был не только старшим по должности, но и по возрасту. Валерий понимал меру своей ответственности всегда, в течение всей своей лётной работы: от него зависели жизни экипажа и пассажиров. Но особенно остро он почувствовал это сейчас.

— Давайте обсудим сложившееся положение, — голос Валерия был спокоен. — Мы попали в сложную ситуацию: руководство фирмы далеко и вряд ли скоро здесь объявится. Самолёт наш неисправен. Чем закончатся эти боевые действия, — неизвестно. Мы — граждане другого государства и работаем здесь по контракту. Думаю, нам остаётся только одно — ждать дальнейшего развития событий. С виллы никто и никуда не должен уходить, это опасно. Продукты и вода у нас есть, благо, мы сегодня запаслись.

Стукнула входная дверь, в холл вошёл второй пилот, вид у него был встревоженный.

— Вы знаете, что в городе идут бои? — выпалил он, перебегая взглядом с одного на другого.

— Да ну! — В притворном изумлении протянул штурман. — А мы подумали, что это фейерверк в честь какого-то праздника. Вот собрались пойти посмотреть.

— Мы в курсе, хотя и в общих чертах, — последние слова Валерий произнёс для второго пилота. — Вот только что решили ограничить выход отсюда за ворота всем, в том числе и тебе. Если есть у кого-нибудь какие-то соображения, давайте.

— Может попытаться с кем-нибудь связаться? — штурман кивнул на лежащую на журнальном столике «Моторолу».

— С кем? — скептически хмыкнул Сергей. — Серов в Эмиратах, вместе с ним и экипаж «элки», АН-26 в Чаде «пашет». Разве попытаться связаться с Тимохой? На какой он кнопке, командир?

Василий, взяв рацию со столика, протянул её Валерию. Тот щёлкнул включателем и нажал кнопку на абонентском щитке.

— Тимоти, это командир «дракона». Приём! — В телефоне были слышны только треск и попискивание. Повторив вызов несколько раз, Валерий выключил рацию. Взгляд его остановился на телевизоре.

— Давайте включим «ящик», там сейчас должна обо всём Москва говорить, как раз начало часа.

Знакомое лицо диктора канала ОРТ как-то сразу всех успокоило, его ровный и спокойный голос вселял уверенность:

— Передаём экстренное сообщение, полученное от наших корреспондентов и информационных агентств других стран. Сегодня утром вооружённые силы африканского государства Карунди вторглись на территорию соседнего государства Мазанги. Ожесточённые бои идут в районе столицы и города Банги-Нова. Сопротивление оказывают части, сохраняющие верность нынешнему президенту. Есть жертвы среди мирного населения. Сегодня в полдень было передано по радио обращение к народу Мазанги бывшего президента Крума. Он призывает вооружённые силы и население страны не оказывать сопротивления войскам Карунди, а наоборот, содействовать им с целью свержения антинародного режима. Наше государство будут внимательно следить за развитием событий в этом районе Африки.

После слов диктора все оживлённо заговорили.

— Сидеть бы сейчас где-нибудь в Габоне или Чаде и спокойно смотреть на то, что сейчас здесь происходит, — мечтательно проговорил Сергей, — а ещё лучше в Эмиратах.

— Почему в Эмиратах? — удивлённо спросил Виктор.

— Потому что ближе к дому, а ещё там, на вилле, бассейн, в котором мы целую неделю кувыркались. Вы что, забыли?

— Не очень-то вы туда рвались, господин инженер, если только сегодня сумели обнаружить неисправность, — ехидно заметил штурман.

Сергей недовольно смотрел на штурмана, подыскивая слова для возражения.

— Все мы задним умом крепки! — Вмешался в разговор Валерий. — Давайте не будем искать виновных. Виктор, тащи сюда холодного пива или джин-тоника, а то в горле пересохло. — Он встал и подошёл к окну, выходящему во внутренний дворик виллы. — Вы обратили внимание, что наши охранники испарились?

— У них семьи, — сказал Василий, — их понять можно. Командир, пошли за стол!

На столе стояли запотевшие бутылки с пивом и джин-тоником, тарелки с поджаренным арахисом, сыром и ветчиной, хлебом и большое блюдо апельсинов.

— Есть предложение — немного расслабиться! — Произнёс Сергей, вытаскивая из холодильника бутылку виски. — Что скажешь, командир? После такого стресса, — сам бог велел!

— Эй, эй! Ну-ка дай сюда эту бутылку! — Вдруг завопил Василий, выхватывая её из рук Сергея. — Ты её туда ставил, чтобы брать?

— Так у нас в холодильнике вроде всё общее? — растерянно возразил Сергей.

— Общее… — передразнил его бортмеханик. — Там ещё три стоят, только немного другие, а ты сразу почему-то на эту нацелился. Это не общая, а нашего командира. — Василий подошёл к Валерию и со стуком поставил бутылку перед ним. — Она самая, проспоренная.

— Чёрный «Джонни Уокер», А я, признаться, уже и забыл про наш спор.

— А я, командир, не забыл. Долг — дело чести, как говорили гусары.

— Командир, за что выпьем? Скажи что-нибудь! — зашумели все вокруг.

— За что выпьем, спрашиваете? Давайте за то, что бы всё обошлось для нас благополучно. Чтобы все мы вернулись домой живы и здоровы. За госпожу Удачу!

Все одобрительно зашумели, а Валерий поднял бокал и медленно выпил холодную и пахучую жидкость.

Глава 9

Генерал прильнул к окулярам бинокля: «Ну, давайте же, давайте, парни — вперёд!» — шептал он про себя, обращаясь к своим солдатам, как будто они могли его слышать, идя в километре отсюда в очередную атаку.

Холмы, на которых врылись в землю сдерживающие наступающих части гарнизона Банги-Нова, были затянуты пеленой дыма и пыли от разрывов снарядов и горящих танков, и бронемашин. Временами звуки боя заглушались рёвом безоткатных орудий, кумулятивные снаряды которых наносили ощутимый урон танкам наступающих. Светлыми паутинками тянулись и гасли в дыму трассы крупнокалиберных пулемётов. Всплески огня, время от времени высверкивающие на холмах и султаны красной земли, вздымающиеся среди наступающих, свидетельствовали, что батарея обороняющих не была подавлена. Это была третья атака, две предыдущих захлебнулись, не преодолев этот несчастный километр перед холмами.

— Где же эта авиация? Капитан! — Хриплый голос генерала оторвал молодого офицера от карты на столике. — Где эта ваша хвалёная авиация? Где обещанная поддержка с воздуха?

Капитан, стоя навытяжку, понимал, что никакие объяснения генерал не примет.

— Вызывайте авиацию, капитан! Слышите? И если она не появится здесь в ближайший час, я не знаю, что с вами сделаю!

Капитан бросился к рации, у которой сидел сержант, бубнивший что-то в микрофон. Сорвав с него наушники, стал судорожно выкрикивать позывные штаба авиаполка.

Генерал вновь поднял бинокль. Пехота, неся потери от убийственного огня, залегла. Наиболее отчаянные пытались продвигаться вперёд, укрываясь за корпусами ползущих танков. К подбитым в первых атаках семи танкам, прибавилось ещё три. Над ними поднимались столбы смрадного коптящего дыма. Рядом в разных позах лежали убитые, выскочившие из подожжённых машин и тут же скошенные пулемётным огнём. Вот крутанулся ещё один танк, через мгновение раздался глухой звук взрыва: башня, сорванная чудовищной силой сдетонировавших внутри снарядов, была отброшена на добрый десяток метров в сторону.

— Ещё один, — прошептал генерал, продолжая вести биноклем. Вот застыли, почти уткнувшись друг в друга, БТР и БМП. Эти были подбиты ещё в первых атаках, и только слабые струйки дыма говорили о том, что ещё не всё сгорело в их железных чревах.

— Одиннадцать танков и восемь бронемашин, — пробормотал генерал, опустив бинокль.

— Генерал! — К нему быстрым шагом подошёл полковник, представитель Генштаба. — Генерал! Может быть, дать команду на отход? У нас уже и так большие потери.

— Дайте команду на отход и сообщите им, — генерал мотнул головой вверх, — что я больше не пошлю своих солдат в атаку до тех пор, пока нас не поддержат с воздуха.

Сгорбившись, он медленно пошёл к штабной машине.

— Танкам по связи, пехоте — три красные ракеты: отход на прежние позиции, — прозвучал голос полковника.

Круто развернувшись, огрызаясь огнём из пушек, танки поползли назад. Вокруг продолжали взрываться снаряды. Оглохшие, мокрые от пота танкисты выжимали всю мощь из двигателей своих машин, стремясь как можно быстрее выйти из-под огня.

Молодой капитан, командир батареи семидесятишестимиллиметровых орудий, увидев уползающие танки, приказал прекратить огонь. Он шёл по изрытой воронками земле, осматривая огневые позиции своей батареи. Из шести орудий целыми осталось четыре. Остальные два были разбиты прямыми попаданиями снарядов. Капитан подошёл к очередной огневой позиции: орудие было опрокинуто на бок, броневой щит изогнут, одна станина оторвана. Рядом лежали изуродованные, посечённые осколками тела орудийного расчёта. Командир орудия — сержант, лежал на спине, раскинув мускулистые руки и глядя в небо — его грудь и живот были разворочены осколками. Капитан нагнулся, ладонью прикрыл ему глаза. Молоденький связист окликнул капитана, протягивая телефонную трубку.

— Как ты там, сынок? — услышал он голос командира бригады. Перечислив потери батареи, число уцелевших орудий, доложил, что послал машину с ранеными в тыл.

— Ты со своими артиллеристами молодец! Стреляли хорошо. Да и безоткатчики хорошего им жару поддали, так что не скоро снова сунутся. Передай бойцам благодарность от меня!

Полковник положил трубку. Стоявший рядом майор, начальник штаба бригады, внеся в свои бумаги данные о потерях батареи, подвёл общий итог и отдал полковнику.

— Неплохо получилось, мой полковник! — Майор удовлетворённо вздохнул, вытащил пачку сигарет и протянул полковнику.

Тот закурил и посмотрел на майора.

— Знаешь, Антуан, они, видимо, рассчитывали смять нас с ходу. А мы им — по зубам!

— Вот-вот! — Подхватил начальник штаба. — Благо, что они до сих пор не применили авиацию.

Нужно молить бога, чтобы над нашими головами и впредь никто не появлялся. Ты ведь знаешь нашу бригадную ПВО: батарея «Бофорсов» и два взвода комплексов русских «Стрел». От атаки с воздуха это не спасёт. — Майор помолчал, а потом в упор посмотрел на полковника.

— Как ты думаешь, сколько мы сможем продержаться после этого?

Тот пожал плечами:

— Знаешь, я не ясновидящий. Продержимся, сколько сможем. Да, что там слышно о столице? Что с президентом?

— Как передают агентства, в столице бои, аэропорт захвачен. Город за нашей спиной атакован с воздуха и с моря, там тоже бой, железная дорога перерезана. Помощи нам ждать неоткуда. Остаётся только одно… — Майор грустно посмотрел на командира бригады.

— Не будем думать о смерти! — Полковник встал. Командный пункт был врыт в землю, сверху покрыт двумя слоями железобетонных плит, крыша была завалена землёй. — Пойдём на воздух, жарко здесь! — Они вышли из КП. Откуда-то издали доносился гул танковых моторов, да изредка раздавались одиночные выстрелы.

— Смотри, Антуан! Похоже, пришёл наш судный час. Стоит вспомнить о чёрте — он тут как тут.

И майор увидел в небе тёмные кляксы, а затем услышал гул реактивных двигателей.

— Антуан! Я на КП, а ты давай к зенитчикам, и… удачи тебе!

Полковник ещё постоял с минуту, глядя ему вслед — тот побежал и исчез среди кустарников, где была расположена зенитная батарея. Затем спустился в КП. Офицеры, находившиеся там, посмотрели на него.

— Боевые вертолёты, — ответил он на вопросительные взгляды офицеров. — Связь есть?

Он взялся за ручки стереотрубы и прильнул к окулярам. Танки, обходя воронки и сожжённые машины, качаясь на неровностях, вновь ползли к холмам, за ними бежала пехота.

— Мой полковник! — связист протянул ему трубку. — Начальник штаба.

— Командир, зенитчики готовы открыть огонь! — Доложил майор.

— Антуан, передай им — пусть открывают заградительный огонь, как только вертолёты приблизятся к нашим позициям! Снарядов не жалеть! И ещё скажи: от них зависят наши жизни!

Полковник положил трубку и в тот же миг услышал звуки выстрелов 4-х ствольных установок, слившиеся в звенящий гул. Вертолёты, опустив носы, скользнули вниз. Из-под крыльев вырвались снопы пламени и к земле понеслись ракеты. Столбы огня и земли взметнулись в расположении артиллерийской батареи, земля содрогнулась. Вертолёты, продолжая снижаться, открыли огонь из пушек и пулемётов по окопам. Струя огня с земли на миг коснулась одного из них. Тот качнулся, хвостовая балка с вращающимся винтом, перерубленная очередью, оторвалась, вертолёт, крутясь и беспорядочно кувыркаясь, рухнул вниз и взорвался. Остальные, разворачиваясь и кружа над позициями, продолжали их обстреливать из бортового оружия. Позиции заволокло дымом и пылью, несколько ракет разорвалась у КП.

У входа сверкнуло ослепительное пламя, перекрытие затряслось, из щелей посыпалась земля. Ворвавшийся вихрь раскидал всех, находящихся внутри. Полковник, отброшенный ударной волной, цепляясь за упавший стол, попытался встать, но резкая боль в животе заставила его опуститься на пол. Пахло дымом и сгоревшей взрывчаткой, слышались стоны раненых. Полковник оторвал руки от живота и поднёс к глазам — в полумраке помещения они казались совсем тёмными, а на ощупь оказались липкими.

— Кто-нибудь есть живой? — Он не услышал своего голоса, в голове звенело, к горлу подступала тошнота.

— Мой полковник! — К нему, шатаясь, держась одной рукой за плечо, подошёл его адъютант. Голова у него дёргалась, видимо был контужен. Кто-то стонал в углу. Подошли двое уцелевших офицеров, один из них нагнулся и, видя, что полковник зажимает живот руками, сказал, что его нужно перевязать.

— Не нужно никакой перевязки, это бессмысленно, лучше помоги подняться, сынок.

Он протянул руку, ему помогли встать на ноги. Превозмогая боль в животе, поддерживаемый с двух сторон, полковник вышел наружу и попросил опустить его на землю. Он опёрся спиной о бруствер и, превозмогая слабость, стал смотреть в сторону позиций, занимаемых его бригадой.

Вертолёты ушли, пыль, поднятая взрывами, постепенно оседала. Отсюда, с верхушки холма, было хорошо видно, что большая часть позиций перепахана взрывами. Невозможно было представить, что кого-нибудь остался там в живых.

Послышался шорох осыпающейся земли, полковник повернул голову, офицеры, стоящие рядом, расступились. К ним подбежал запыхавшийся человек — весь в пыли, с обмотанной бинтом головой, только по щёгольским усам можно было узнать Антуана. Тот, увидев сидящего полковника, подошёл к нему и опустился на колени.

— Ты ранен? Тебя нужно быстрее перевязать!

Полковник положил ему руку на плечо.

— Не нужно, Антуан, лучше расскажи, как наши дела.

— Всё кончено, мой полковник, — майор скрипнул зубами. — Мы сбили два вертолёта, но остальные всё перемешали с землёй. Скоро сюда ворвутся их танки, пока они боятся мин перед нашими позициями. Зенитная батарея уничтожена полностью. От всей бригады осталось, может, несколько десятков солдат.

— Антуан, собери оставшихся в живых, и быстрее уходите отсюда. Домой или в джунгли — как кому подскажет совесть. Мы выполнили свой долг…

Последние слова дались полковнику с трудом, борясь с головокружением и тошнотой, он закрыл глаза. Он не слышал, как майор отдал приказ, и несколько человек побежали в сторону позиций. Очнулся от прикосновения чьей-то руки, открыл глаза и вновь увидел склонившегося к нему Антуана.

— Командир, мы заберём тебя с собой!

— Нет, Антуан, со мной всё кончено. Давай прощаться, они скоро будут здесь.

Гул танковых двигателей доносился всё ближе и ближе. Он сжал руку майора.

— Просьба к тебе, Антуан. Встретишь мою жену, передай ей, что в последние минуты я думал о ней, о семье. Пусть расскажет обо мне детям, когда они вырастут. И уходи…

— Прощай, друг! — Антуан коснулся лбом его лба, замер на мгновение, потом поднялся, вытянулся по стойке «смирно». Затем ещё раз прошептал «прощай» и исчез.

Полковник, оставшись один, достал из кобуры пистолет, подаренный президентом год назад. Он представил лица жены и детей, мелькнула мысль о тяжёлой участи, что ждёт его родных. Боясь, что от слабости потеряет сознание, он медленно поднёс пистолет к виску, последний раз посмотрел на голубое небо и нажал на спуск — одиночный пистолетный выстрел затерялся среди других звуков.

Генерал сел в джип, в другом разместились офицеры штаба и все двинулись в сторону холмов. Они ехали мимо сгоревших танков и бронемашин, некоторые ещё продолжали дымиться. Здесь и там лежали убитые. Вот высунувшийся по пояс из башни танкист в тёмном комбинезоне так и застыл, откинувшись назад и оскалив зубы, резко белеющие на тёмном лице. Остальные члены экипажа лежали рядом с танком, скошенные пулемётной очередью.

Генерал приказал остановится у следующей машины, стоящей боком и с опущенным стволом. Он подошёл к танку, внешне совсем целому. В боку зияла круглая дыра с оплавленными неровными краями.

— Кумулятивный снаряд, похоже из безоткатного орудия, — произнёс подошедший майор-артиллерист. — От людей после него ничего не остаётся, всё сгорает в тысячеградусном аду…

Ничего не сказав, генерал снова сел в джип и они двинулись вперёд. По полю, выискивая раненых, бродили солдаты. Временами раздавались одиночные выстрелы. Лейтенант-сапёр, заметив машины и узнав генерала, доложил, что они сделали проход в минном поле, и он может их проводить к линии окопов.

Генерал вышел из машины и в сопровождении офицеров направился к вершине холма. Они прошли мимо траншей, обваленных взрывами ракет и снарядов. Всюду лежали в разных позах мёртвые, валялось искорёженное и целое оружие. Генерал шёл молча, обходя воронки и всматриваясь в убитых. На огневых позициях артиллерийской батареи земля была изрыта взрывами, возле искорёженных и опрокинутых орудий лежали убитые, полузасыпанные землёй артиллеристы. Подойдя к последнему единственно уцелевшему орудию, генерал увидел сидящего на стульчике наводчика — молодого капитана. Уткнувшись головой в прицел, он так и застыл в этом положении, вся его спина была иссечена осколками и залита кровью. Рядом лежал солдат, прижимавший к груди снаряд, струйка крови засохла на его лице. Ещё двое застыли метрах в пяти, вцепившись руками в ящик со снарядами.

Генерал постоял, глядя на убитых артиллеристов и, вновь не сказав ни слова, пошёл дальше. Они подошли к небольшому возвышению, из-под земли торчал край железобетонной плиты. Рядом, прислонившись спиной к брустверу, сидел мёртвый офицер. В виске виднелась аккуратная дырочка, а в откинутой руке был зажат пистолет.

— Застрелился, — тихо произнёс кто-то из офицеров.

— Генерал, я знаю этого человека, — подошедший майор Джамбо опустился на корточки, рассматривая лицо погибшего. — Это командир отдельной мотострелковой бригады полковник Патрис Эдура. Когда я служил в армии, мы были с ним хорошо знакомы.

— Патрис Эдура? — Голос генерала дрогнул, он внимательно всмотрелся в мёртвое лицо. — Теперь и я его узнал. Мы вместе заканчивали Академию Генштаба в Советском Союзе. Сколько же прошло с тех пор? Почти десять лет…

Генерал обернулся к офицерам.

— Позаботьтесь, чтобы его похоронили, как подобает… А вместе с ним и того капитана-артиллериста. Скажите, майор Джамбо, почему они так ожесточённо дрались? Они же понимали, что мы сильнее?

— Видите ли, генерал, эта бригада почти вся сформирована из уроженцев южных провинций. Президент Окото — их земляк. Бригада считалась самой боеспособной частью армии Мазанги.

— А вы, майор, стало быть, уроженец Севера? — Генерал пристально посмотрел на него.

— Я попрошу вас и ваших офицеров позаботиться о раненых противника — ваших земляках. Боюсь, как бы бойцы из ваших отрядов не стали сводить с ними счёты. Слышите? — Он кивнул головой в сторону раздававшихся время от времени выстрелов. Не дожидаясь ответа, генерал пошёл к машине. Свою задачу они выполнили: дорога на Банги-Нова была открыта.

Глава 10

В городе интенсивные перестрелки закончились только к концу второго дня. Иногда продолжали раздаваться одиночные выстрелы и автоматные очереди. В это раннее утро лётчики, заснувшие накануне далеко за полночь, были разбужены ожесточённой перестрелкой и взрывами гранат. Продолжалась это с полчаса, затем всё резко стихло.

За завтраком все молчали. Уже допивали кофе, когда штурман спросил:

— Кто-нибудь подумал, что делать с деньгами?

— С какими деньгами? — не понял Сергей.

— У всех на руках заработанные деньги. И что? Представьте себе: вваливаются к нам какие-нибудь уроды с автоматами в руках, ставят нас к стенке, переворачивают всё здесь вверх дном, и наши денежки — тю-тю! — Аркадий скривился, будто у него уже отобрали деньги.

— А он прав! — сказал Валерий. — Давайте-ка подумаем, что можно предпринять.

После долгих размышлений и споров пришли к единому: всю наличность сложить вместе. Полиэтиленовый пакет поместили в кухонном

вентиляционном окне, где Виктор как-то обнаружил пустоту в блоке. А решётку окна закрепили цементным раствором.

…За ними пришли ранним утром на третий день после наступившего затишья. Лётчики завтракали, когда у ворот послышался шум моторов — возле виллы остановились джип и крытый тентом грузовик. Калитка распахнулась, во двор уверенно вошли несколько вооружённых человек, одетых в камуфляж. Двое пошли вдоль стены, обходя виллу, остальные, топая тяжёлыми ботинками, ввалились внутрь.

— Ну вот, дождались! — сказал кто-то из лётчиков. Валерий поднялся из-за стола и пошёл навстречу незваным гостям. Один из вошедших передёрнул затвор автомата и этот звук как бы обозначил, что в их налаженную жизнь входит нечто новое — тревожное и опасное.

— Кто вы и что хотите? — Спросил Валерий на английском языке.

Стоящий впереди капитан, произнёс на довольно неплохом русском языке:

— Не утруждайте себя английским, кэптен. Я правильно понял, вы здесь старший?

— Да, я — командир экипажа самолёта, принадлежащего компании «Нордстар». Это мои люди. Что вы хотите от нас?

— Что мы хотим? — Капитан усмехнулся. — Это вы узнаете позже и не от меня. Я лишь выполняю приказ — доставить вас в комендатуру города. Вам даётся десять минут: возьмите с собой документы, туалетные принадлежности и выйдите во двор, а мы произведём здесь обыск.

— И что же вы хотите найти? Оружия и наркотиков у нас нет.

— Что нам искать, мы знаем. — Капитан выразительно посмотрел на часы. — Время пошло.

Он что-то сказал своим подчинённым на незнакомом языке. Автоматчики рассыпались по дому, послышался грохот, что-то зазвенело и разбилось на кухне.

Положив в пакет полотенце, бельё и туалетные принадлежности, Валерий обвёл глазами свою комнату и, выйдя во двор, присоединился к остальным. Послышался крик, из двери вылетел второй пилот с багровым от возмущения лицом.

— Недоноски! — Кричал он. — Твари!

— Что случилось, Аркадий? — Все обернулись к нему.

— Представляете? — Аркадий весь кипел от злости. — Сижу на унитазе, вдруг дверь открывается, и этот урод начинает что-то орать и тыкать в меня стволом.

— А ты что? — Уставился на него штурман.

— Что, что… Я послал его подальше и вытолкал за дверь.

— А он что? — Не отставал от него тот.

— Урод позвал на помощь ещё одного и они вдвоём вытащили меня из туалета, даже не дали собрать вещи, — пояснил разъярённый второй пилот.

— Скажи спасибо, что не полоснул в тебя из автомата, — влез в разговор Сергей. — Ты посмотри на их морды! — И действительно, физиономии у автоматчиков были довольно зловещими, они не скрывали своей враждебности к «белым».

Из дома вышел капитан и несколько солдат: один тащил в руках магнитофон, который стоял у них в холле, другой на ходу что-то заталкивал в свой вещмешок.

— Послушай, командир, они же тащат наши вещи! — Сказал Виктор, дёргая Валерия за руку.

Валерий шагнул навстречу капитану.

— Скажите, капитан, ваши люди забирают наши вещи, это что — законная конфискация или обыкновенное мародёрство?

Капитан, зло посмотрев на него, что-то гаркнул своим. Солдат, нёсший магнитофон, разочарованно скривив рот, пошёл назад и поставил его у входа. Лётчики вышли на улицу и, подталкиваемые автоматчикам, полезли в кузов машины.

— И вас тоже? — Послышался знакомый голос, и Валерий, забросив ногу за борт, увидел в кузове Евгения, Жору и других парней из их экипажа.

— Что ты обо всём этом думаешь? — Спросил он Евгения. — За что нас арестовали?

— Мы для них сейчас — подозрительные лица. Власть сменилась, сейчас будут искать виновных. А «белые» при этом в первую очередь под подозрением…

— А вообще — кто это такие? — Валерий кивнул в сторону автоматчиков.

— Похоже, это спецназ карундийской армии. Части сил безопасности.

Они ехали по бульвару Революции, через некоторое время машина остановилась, въехав в какой-то двор. Подошёл капитан и крикнул, чтобы все выходили.

У дома, где затормозила машина, сновали вооружённые солдаты, подъезжали и отъезжали машины, слышались слова команд. Рыча, у подъезда остановился бронетранспортёр, с десяток солдат, с автоматами в руках, полезли в его стальное нутро. Взревев двигателем, выбрасывая клубы вонючего сизого дыма, он загрохотал к воротам. Из подъехавший машины несколько солдат вытащили двух молодых негров, с разбитыми в кровь лицами, в разорванной и окровавленной одежде, и пинками их погнали к двери здания.

— М-да, нравы тут ещё те… — Сергей проводил взглядом несчастных.

Вновь открылась дверь, знакомый им капитан что-то прокричал, несколько солдат подошли к русским лётчикам и, подталкивая их автоматами, повели.

— Евгений, спроси их, куда они нас ведут? — Валерий знал, что Женя, проработавший в Африке несколько лет, хорошо изъясняется по-французски. Тот заговорил с идущим рядом сержантом. В ответ прозвучала длинная фраза. Услышав её, остальные солдаты дружно загоготали.

— Что он сказал?

— Говорит, что ведут нас в шикарный отель, где много выпивки, вкусная жратва и полно молодых и красивых баб, которые нас ждут.

Они шли по тротуару, встречные пешеходы, завидев эту процессию, переходили на другую сторону улицы. Не успевшие это сделать прижимались к забору или старались быстрее прошмыгнуть мимо. Вездесущие ребятишки оравой следовали по пятам, что-то тараторя.

Они прошли мимо железнодорожного вокзала, стены которого были испещрены следами от пуль и осколков, закопчены, а стёкла окон выбиты. Видимо, здесь шёл ожесточённый бой. Свернули направо и вскоре подошли к большим стальным воротам. Старший из конвоиров что-то крикнул, одна из половинок ворот со скрежетом отворилась. Длинное, трёхэтажное здание с облупленными стенами уставилось на пришедших небольшими, забранными решётками окнами.

— Похоже это и есть наш пятизвёдочный отель, — мрачно произнёс Евгений.

К ним подошёл невысокий тип с отталкивающей физиономией. Его заострённая голова была похожа на дыню, большой живот выпирал через ремень, опоясывающий нескладную фигуру. Старший конвоир передал ему какую-то бумажку, тот прочитал её и посмотрел на лётчиков. Взгляд этот ничего хорошего не обещал. Закончив их осматривать, «паук», как его окрестил Валерий за постоянно находившиеся в движении руки и паучьи глазки навыкат, что-то проквакал. Конвоиры пошли к воротам, а из двери здания вышло несколько человек в такой же синей униформе, как у «паука». Сопровождаемые новыми конвоирами, лётчики вошли в здание.

У входа документы и пакеты с вещам были тщательно осмотрены. Их провели на второй этаж, скудно освещённый несколькими лампочками, и повели по коридору. Стены были окрашены в какой-то грязно-коричневый цвет, воздух был затхлым, пахло мочой и прогорклым маслом. По обеим сторонам коридора шли железные двери с вделанными в них смотровыми глазками. Заскрежетал ключ в замке, дверь заскрипела. «Паук», с лицемерным гостеприимным выражением на своей гнусной физиономии, жестом пригласил их пройти в камеру. Войдя, они остановились у порога, сзади с грохотом закрылась дверь. Камера производила гнетущее впечатление: с двумя зарешёченными окнами, двухэтажными нарами, идущим вдоль боковых стен. Помещение делила на две равные половины металлическая решётка, у внутренних стен на каждой половине разместились раковина и унитаз. Две небольших лампочки освещали эту безрадостную картину.

— Что же мы стоим? Пошли занимать места согласно купленным билетам! — Никто не засмеялся этой шутке Валерия.

— Верно в народе говорят — не отрекайся ни от сумы, ни от тюрьмы, — философски изрёк Геннадий, штурман из экипажа Евгения, бросая свои вещи на нары.

— В жизни для её полного восприятия нужно всё испытать, — подхватил ему в тон Сергей.

Валерий прошёлся по камере, крутанул кран над раковиной: вода полилась, слив в унитазе тоже работал. — Я думаю, нам нужно потребовать встречу с начальником тюрьмы, — Валерий сел за стоящий у окна стол, — и выяснить, за что нас посадили. Что мы арестованы — наше начальство не знает, я имею ввиду Серова, его здесь нет. А ваше? — Обратился он к Евгению.

— Наше? Конечно, узнает и будет принимать какие-то меры, я в этом уверен, — убеждённо ответил тот. — Насколько я наслышан, в таких местах обычно назначают старшего по камере, коль Валерий у нас старше всех по возрасту, то пусть он старостой и будет.

Возражений не последовало.

— Эх, сейчас бы холодного пивка! — Мечтательно произнёс Сергей

— Да ещё тёлочку чёрную под бочок! — Подхватил штурман Аркадий.

— Нет, для тёлочки сейчас жарковато, а вот к ночи бы не помешало, — продолжил Сергей.

— Хватит вам! — Валерий стянул с себя взмокшую тенниску. — Насчёт жары. Когда я летал на Крайнем Севере, у нас там ходила такая байка. Приходит весной к командиру эскадрильи лётчик с заявлением об отпуске на лето. Командир его и спрашивает: «Водку тёплую любишь? А девку потную? Не любишь?! Значит, в отпуск пойдёшь зимой!» — все как-то невесело рассмеялись.

— Интересно, а как в этом заведении насчёт обеда? — Техник Виктор уставился на Валерия.

— Это ты меня спрашиваешь? — Удивлённо спросил тот.

— Кого же ещё, ты же у нас здесь отец родной! Стало быть, должен о нас заботиться. Уж больно кушать хочется, Игнатич! — Жалобно протянул Виктор.

— Хорошо, сейчас и займёмся выяснением всяких вопросов. Женя, пошли, ты теперь у нас штатный переводчик.

После нескольких ударов в дверь в коридоре послышались шаги, затем скрежет ключа. Дверь заскрипела, на пороге возник охранник.

— Женя, скажи ему, что русские лётчики требуют встречи с начальником тюрьмы, мы хотим сделать заявление. — Молча выслушав и нечего не сказав, охранник закрыл дверь.

Вновь она открылась только к вечеру. В камеру вошёл высокий, смуглый мулат, за ним теснилось несколько охранников с дубинками в руках. Внимательно всех оглядев, он остановил свой взгляд на Валерии, стоявшем впереди всех. — Что вы хотели мне сказать?

— Мы — граждане другого государства — Российской Федерации. Работаем здесь по контракту. Желаем знать: на каком основании мы арестованы и посажены в тюрьму, в чём нас обвиняют. Мы требуем предоставить нам встречу с представителем нашего государства.

Выслушав перевод, комендант заговорил:

— Я выполняю указания моего руководства по вашему содержанию здесь. За что вас арестовали, не знаю, об этом вы узнаете от тех, кто будет с вами беседовать. В силу моих ограниченных возможностей я не могу организовать вам встречу с официальным представителем вашей страны, но о вашей просьбе куда следует, сообщу.

— Господин комендант, теперь о нашем содержании. Вы намерены кормить нас? Мы арестованы утром, а сейчас уже вечер. — Валерий постучал пальцем по циферблату часов.

— Хорошо, вам принесут ужин. Боюсь, что вам он придётся не по вкусу. Не забывайте, наша страна бедная, поэтому еда в наших тюрьмах оставляет желать лучшего. Есть выход. Если у вас есть деньги, то я могу один раз в день присылать человека, который будет покупать вам

еду. Но это только с завтрашнего дня. Оревуар, месье! — комендант ушёл.

— Давайте прикинем, что у нас есть в наличии. — Валерий вытащил и положил на стол небольшую пачку местной валюты, в переводе это составило чуть больше ста долларов — всё, что осталось в экипаже от общественных денег. Посчитали и личную «наличку». В конечном итоге набралось около трёхсот долларов.

Уже почти стемнело, когда загремела дверь. Трое негров в сопровождении двух охранников внесли кастрюлю, бидон и пакет с хлебом. В кастрюле оказалось какое-то месиво светло-серого цвета, в бидоне — чуть тёплое кофе.

— Это маниок, — Евгений зачерпнул ложкой из кастрюльки, — один из основных продуктов питания местной бедноты.

Валерий взял в рот, пожевал — почти несолёная масса, жуётся, как резина.

— Ну и как? — спросил его Василий.

— Съедобно, а, в общем, — никак, — Валерий отложил ложку в сторону, — я на сегодня в отношении этого маниока — пас, разве что съем кусок хлеба да кофе выпью.

Конечно, чуть подслащённую жидкость из бидона можно было назвать кофе с большой натяжкой. Валерий, прожевав кусок хлеба, запил из кружки.

— Некоторое представление о том, как здесь кормят, у нас есть. Полагаю, что деньги на еду нужно будет расходовать бережно. Неизвестно, сколько нас тут продержат. Курящие, все догадались взять курево с собой?

— Обижаете, шеф! Не знаю, кто как, а я захватил блок с собой. — Заявил Виктор, с превосходством посмотрев на всех.

— Ты не один такой умный! Я тоже все сигареты забрал. — Штурман Аркадий щёлкнул зажигалкой, прикуривая сигарету, и пошёл к окну. Как выяснилось, курильщики прихватили с собой всё курево. «Вот и славно, — подумал Валерий, — не нужно будет тратить на это деньги».

Положив пакет под голову и ослабив ремень джинсов, он лёг на нары и закрыл глаза. Сказалось напряжение этого дня: ещё некоторое время он слышал переговаривающих между собой собратьев по несчастью, потом голоса их стали уплывать и пришёл тяжёлый, мёртвый сон.

Глава 11

Дни текли друг за другом — однообразные и серые. О них как будто забыли. Чёткого распорядка в тюрьме не было. Вставали, когда хотели, ложились также по своему желанию. Каждый день выводили в тюремный двор на прогулку. Там было ещё жарче, чем в камере, но всё-таки какое-то разнообразие в их монотонной жизни. Белых среди заключённых больше не было, — негры и метисы с любопытством поглядывали на них, когда они появлялись во дворе.

Днём в камере было душно, прохлада приходила ночью. Штурман Аркадий захватил с собой колоду карт, и теперь они устраивали своеобразные турниры, играя в «дурака» — двое на двое. Иногда вечерами расписывали «пульку» в преферанс, тогда остальные становились болельщиками, молча переживая за игроков.

С тревогой следил Валерий за вторым пилотом — Аркадием. Тот, то молча сидел, уставившись бессмысленным взглядом в одну точку, то начинал кружить по камере. На вопросы отвечал односложно, с неохотой. Как-то вечером, увидев обеспокоенный взгляд Валерия, штурман Аркадий, досадливо хмыкнув, заговорил:

— Послушай, командир, не забивай себе голову по поводу второго. Всё объясняется очень просто — у него идёт ломка, как у наркоманов. Он же в последнее время пил почти каждый день, вот теперь расплачивается за это. Верно, Аркаша? — Хлопнул он второго по плечу. Тот мрачно посмотрел на него, но ничего не ответил.

— А что, нет худа без добра — есть возможность превратиться в нормального человека. Полгода в тюряге без спиртного — и всё о'кэй! — Заржал штурман. — Не упусти свой шанс, Аркаша!

— Э, э, ты это брось! «Полгода в тюряге», — передразнил его Сергей. — За полгода тут с ума сойдёшь. Стоило за тысячи вёрст сюда лететь, чтобы попасть на нары.

…Прошло ещё несколько дней. Как-то после обеда в коридоре раздался шум, топот ног, дверь открылась, и в камеру вошла толпа заключённых, сопровождаемая надзирателями.

— Кажется нашего полку прибыло, — невесело произнёс кто-то.

Прибывшие гомонили, занимая места на нарах у противоположной стены. Среди них выделялось несколько человек в военной форме, двое из них были ранены, об этом говорили несвежие пропитавшиеся кровью бинты. Военные держались вместе и разместились в углу. Остальные новенькие были одеты разношёрстно. Как объяснил Евгений, прислушивавшийся к разговорам, они были обычными уголовниками. Возглавлял их здоровенный негр, около него постоянно вертелся небольшой юркий, похожий на подростка, метис. С вытянутой коричневой мордочкой, с оттопыренными ушами и зачёсанными маслеными волосами, он был похож на копчёную крысу.

Лётчики и вновь прибывшие первые сутки присматривались друг к другу. На второй день, перед обедом, на той половине разговор перешёл в перебранку. Происходило это в углу, который занимали военные. «Пахан», как окрестили лётчики негра-здоровяка, что-то резким тоном выговаривал военным. «Крысёнок» вертелся тут же. Расхрабрившись, схватил одного из раненых за забинтованную руку, и тот, не раздумывая, отвесил метису оплеуху. «Крысёнок», заверещав, отлетел на середину камеры. Вспыхнула потасовка, раздались крики, послышались звуки хлёстких ударов. Военные, зажатые в углу, отбивались от уголовников, возглавляемых «паханом». На шум в камеру ворвалось несколько надзирателей, они стали охаживать дерущихся резиновыми дубинками. Понадобилось пару минут для наведения порядка — заключённые, ворча, расползлись по своим местам. Но ярость, бурлившая в «пахане», видно не давала ему покоя. Он подошёл к решётке, посмотрел на лётчиков.

— Хорошо кто-то ему «подвёз». Смотрите-ка, какой классный у него фингал! — Обратил внимание всех Сергей. Негр что-то проговорил. Евгений встал и подошёл к нему. Тот, глядя на него налитыми кровью глазами, что-то прошипел.

— Что ему нужно, Женя? — Спросил Валерий, подойдя к ним.

— Требует, чтобы мы отдали им половину сигарет и воды.

— А больше ему ничего не нужно? Может, ему холодного пива или бутылку виски презентовать? Спроси-ка его, Женя, — Проговорил Валерий, глядя на дёргающееся лицо негра.

Евгений, подбирая слова, медленно произнёс несколько фраз. Негр в ответ разразился потоком слов и жестов. Остальные уголовники наблюдали за всем этим с видимым интересом. После окончания «речи» «пахана» послышался их довольный гогот, а «крысёнок» аж забулькал от восторга. Сказав негру в ответ что-то резкое, Евгений повернулся и отошёл к столу.

— Что он там ещё верещал? — Спросил кто-то из парней.

— Назвал нас всех белыми червяками. Сказал, что они поимеют нас по очереди, а потом раздавят. С ними нужно быть осторожными, ожидать от такой публики можно всё…

Утром, умывшись и вытираясь полотенцем, Валерий услышал с другой половины камеры своё имя. У решётки стоял один из военных. Внимательно присмотревшись, Валерий узнал старшего лейтенанта, с которым его познакомили на вечеринке у Джека.

— Старший лейтенант Куму? — Неуверенно спросил Валерий.

— Совершенно верно! — Куму улыбнулся, но тут же поморщился: голова его была обмотана бинтом с пятнами запёкшейся крови.

— Женя, подойди сюда, — Позвал командир Евгения.

Куму, оглянувшись, что-то тихо сказал и тотчас отошёл в свой угол.

— Он сказал, чтобы мы были осторожны. Эти уголовники что-то затевают против нас.

— Что можем предпринять? — Валерий обвёл всех взглядом. — Потребовать, чтобы их убрали из камеры? Нереально, комендант на это не пойдёт.

— На прогулку будем выходить все, а не так — кто-то пошёл, а кто-то остался, — предложил Василий и все с ним согласились. — И, вообще, с этим сбродом нужно быть начеку…

Развязка наступила в одну из ночей. Валерий проснулся будто от какого-то внутреннего толчка и услышал какой-то шорох и сдавленное мычанье. Приподнявшись, он разглядел, что двое негров тащат кого-то с этой половины камеры, а третий пытается закрыть жертве рот. Издав какой-то звериный рык, Валерий бросился к ним. Рванул ближайшего к нему негра за руку, развернул к себе и, вложив в кулак инерцию всего тела, въехал тому в подбородок. От удара уголовник подпрыгнул и, сбив с ног ещё одного в проёме решётки, рухнул.

Время для Валерия как бы замедлилось. Он увидел толпу, рвущуюся к ним через проём, услышал чей-то крик:

— Валерий, сзади!

Краем глаза заметил спрыгивающих с нар лётчиков и нож, сверкнувший в поднятой руке негра со зловещей улыбкой на физиономии. Сделав шаг вперёд, он перехватил руку с ножом и, преодолевая сопротивление, крутанул своей кистью — нож выпал из руки нападавшего, звякнув о цементный пол. Через секунду он вогнал свой кулак негру в живот. Тот, хрюкнув, согнулся пополам.

Отшвыривая обмякшее тело, Валерий споткнулся, это его и спасло — чей-то кулак просвистел у самого уха. Выпрямившись, он увидел ухмылку на морде «пахана» — тот вновь заносил над ним свой громадный кулак. Чувствуя, что не успевает увернуться, Валерий вскинул обе руки, пытаясь поставить блок. Того вдруг мотнуло в сторону и он чуть не упал — это ударил его в голову Жора, но, зашатавшись, остался на ногах. Увидев Георгия, «пахан» сразу оценил его как стоящего противника. Общая драка как-то сразу затихла, исчезли крики, только кто-то приглушённо стонал в углу. Все смотрели на двух гигантов, стоявших друг против друга: негра с руками толщиной с хорошее бревно и ногами-столбами, небольшой головой, посаженной на короткую и толстую шею и Георгия — светловолосого, широкоплечего атлета, с витыми мышцами на руках.

Негр, растопырив руки, с упорством и мощью слона двинулся на противника. Два молниеносных удара Георгия — один в грудь, второй в голову — на миг приостановили его движение, но, мотнув головой, он вновь двинулся вперёд. В какой-то момент с непостижимой для такой туши проворством он, увернувшись от кулака Георгия и бросившись вперёд, обхватил его своими руками. Сопя от напряжения, «пахан», как удав, сжимал Георгия, пытаясь его раздавить. Тот, чувствуя, что вот-вот начнутся ломаться рёбра, резко ударил негра головой в лицо. От неожиданной боли голова негра откинулась назад, руки ослабили хватку. Тут же обе ладони Георгия ударили «пахана» по ушам — раздался дикий вопль, уголовник, выпустив Георгия и охватив голову руками, раскачиваясь, выл. Георгий, схватив его за руку, дёрнул к себе и когда тот покачнулся, потеряв равновесие, крутанул его и с силой впечатал в решётку. От удара стальное ограждение затряслось, казалось, сейчас рухнет потолок. Туша «пахана» медленно сползла на пол, из его рассечённой головы потекла кровь.

В мёртвой тишине раздался чей-то крик:

— Мужики, мочи этих уродов!

Клубки сцепившихся тел, глухие удары, крики, надсадные стоны, мат заполнили пространство. И хотя уголовников было значительно больше, они, деморализованные поражением своего главаря, сопротивлялись всё слабее. Страшились они попадаться под руки-маховики Георгия. Перед глазами Валерия появлялись и исчезали после его ударов чьи-то тёмные физиономии. Он сам чувствовал удары, вот что-то скользнуло по плечу, вызвав резкую боль. Отправив пинком в зад «крысёнка» в проём, Валерий оглядел поле сражения. Не выдержав яростного напора лётчиков, уголовники стали отступать за решётку.

Несколько чёрных тел валялись на полу. Рядом с лежащим штурманом Аркадием сидел Виктор — бок у штурмана был залит кровью. У нар, охватив

голову и покачиваясь, с разбитым в кровь лицом стоял на коленях второй Аркадий. Около раковины верхом на негре сидел Сергей и методично молотил его кулаком по физиономии. Один из отступающих ударил с размаху Сергея сзади по голове, и тот свалился рядом с негром. В свою очередь, ударивший, от движения руки подоспевшего Жоры, отлетел к стенке и, треснувшись головой об неё, остался лежать без движения. Несколько оставшихся уголовников, с ужасом поглядывая на Жору, быстрыми тенями шмыгнули в проём. Сраженье закончилось.

— Ну, теперь они больше не сунутся! — Евгений, подошёл к Валерию. — Как ты себя чувствуешь?

Тот посмотрел на него: один глаз Евгения стремительно закрывался расползающийся тёмно-лиловой опухолью, на руке алела глубокая царапина. Валерий пожал плечами, поморщился, чувствуя жжение в плече, посмотрел на свою руку, казанки пальцев которой были сбиты, потряс головой.

— Да, в общем-то, в порядке.

Невредимыми остались только Георгий и Василий, отделавшиеся синяками и шишками. Серьёзно пострадал штурман Аркадий — кто-то полосонул его ножом по боку. У бортмеханика из экипажа Евгения обнаружили глубокую резаную рану ладони. Аркадию, второму пилоту, выбили передние зубы. На вопрос подошедшего Виктора, баюкавшего свою левую руку — где его зубы? — ответил шепеляво: в жаднице! — вызвав нервный смех у парней. Пошатываясь, подошёл Сергей, на голове его красовалась здоровенная шишка.

Валерий подошёл к проёму.

— Эй, ублюдки? Идите и заберите свою падаль! Женя, переведи этим тварям. И ещё скажи, если хоть один зайдёт к нам за решётку — размажем, как таракана!

Несколько негров, озираясь на них, выволокли соратников, часть которых, в том числе и «пахан», всё ещё валялись без сознания на полу камеры.

Осмотрев пострадавших, Евгений обработал раны йодом из захваченной с виллы аптечки, залепил их лейкопластырем.

— Если бы у нас был дежурный, такого бы не произошло, — сказал Валерий. — Давайте установим дежурство по паре часов. Дежурят все, за исключением особо пострадавших.

— Можно сказать — легко отделались! Если бы не Георгий, плохо бы нам пришлось.

— Не во мне дело, — смущённо сказал тот, — вообще, все молодцы! А от тебя, Игнатич, просто не ожидал таких способностей. А потом — и тревогу ты поднял и первым кинулся на выручку. Кстати, а кого они пытались уволочь?

— Меня! — Отозвался Геннадий. — Ещё какую-то тряпку в рот пихали! Скоты! — От отвращения его передёрнуло. Он потрогал скулу — на ней красовался здоровенный синяк, бровь залеплена пластырем. — Ну и я в долгу не остался — кому-то точно челюсть свернул и зубы выбил!

— Послушай, Гена, а может это ты Аркадию зубы выбил, вместо негра? — С серьёзным видом спросил его Василий. На Геннадия тут же с подозрением уставились глаза Аркадия. Да и остальные стали переглядываться, мол, чем чёрт не шутит, в такой кутерьме всё может быть.

Лицо Геннадия сначала стало бледным, потом побагровело, от возмущения он не мог вымолвить ни слова.

— Ты… ты что говоришь! Я, по-твоему, ослеп? — Прорвало его наконец.

Он переводил взгляд с одного на другого и, видя озабоченные серьёзные лица, подавленно спросил:

— Мужики, да вы что?! Все так же думаете? — Геннадий замолчал, нахмурился, наморщил лоб, пытаясь что-то вспомнить. Вдруг он счастливо заулыбался.

— Ребята! — Крикнул он. — Я вспомнил! У него морда была чёрная! Ну, у того, кому я зубы выбил!

Наступившую тишину прервал обвальный хохот. Смеялись все: смеялся штурман Аркадий, кривясь от боли в боку; смеялся потерявший зубы второй пилот, прикрывая рот ладонью; смеялся вечно хмурый бортмеханик экипажа Евгения.

— Шутка! Извини! — К Геннадию подошёл, протягивая руку, Василий.

— Шутка? — Недоуменно спросил тот. — Ты что, в самом деле, пошутил?

— Конечно, Гена! Ну, кто бы подумал, что ты ошибся?

Валерий, увидев, что Геннадий хмуро смотрит на Василия, решил вмешаться:

— Не серчай, Гена. Вы с ним — молодцы! После такого стресса всем нужна была разрядка — и вы это сделали!

Хмурое лицо Геннадия разгладилось и он пожал руку Василия.

— Ну, если так, я — не сержусь, — пробормотал он…

Валерий прошёлся вдоль нар, некоторые из парней уже засыпали. Другие ворочались с боку на бок, взбудораженные событиями.

— Женя, ложись, отдыхай, я отдежурю первую пару часов — потом тебя подниму, — тихо сказал он сидевшему за столом лётчику.

Когда принесли завтрак, Евгений попросил надзирателя передать коменданту тюрьмы, что русские лётчики просят его прийти. Но вместо этого в полдень Валерия вместе с Евгением вызвали к коменданту. Кроме хозяина кабинета там сидели двое в незнакомой военной форме.

— Что вы хотели мне сообщить? — Перевёл вопрос коменданта Евгений.

— Мы, русские лётчики, выражаем свой протест в связи с ночным нападением на нас уголовников. Только случайностью можно объяснить то, что все остались живы. У нас есть раненые, мы просим оказать им медицинскую помощь. Мы требуем, чтобы уголовников из нашей камеры убрали или нас перевели в отдельное помещение. Мы вновь подтверждаем наше требование о встрече с представителем России.

Комендант выслушал перевод, помолчал, обдумывая услышанное, потом ответил:

— Я рассмотрю ваши требования. Одно сразу могу сказать — тюрьма переполнена, отдельного помещения для вас у меня нет. По поводу бездействия охраны во время драки — я разберусь.

Вашу просьбу о встрече с представителем вашей страны я передал. Это всё.

Глава 12

Вернувшись в камеру, они увидели там сидящего за столом в обществе Жоры и Василия старшего лейтенанта Куму. Коротко рассказав товарищам о результатах разговора с комендантом, Валерий спросил Куму:

— Как себя чувствуют эти скоты?

— Вы молодцы! Здорово их отделали. Теперь они не только к вам, но и к другим не полезут, зализывают свои раны. Троих и в том числе главаря отволокли в лазарет.

— Куму, расскажите про бои в городе. Вы тогда получили ранение?

— Мы оказали сопротивление десантам с воздуха и моря, но когда к городу подошли их главные силы, сопротивляться дальше стало бесполезно. Было решено уходить в джунгли. Но при отходе наша группа наткнулась на засаду. Меня ранило, я потерял сознание и попал в плен…

— А что вы знаете об обстановке в стране? — спросил Валерий.

— В столице по-прежнему идут бои. Президент, говорят, всё ещё там. Большая часть железной дороги также под нашим контролем. На Севере большинство провинций в руках сторонников президента Крума. Так что борьба продолжается.

— А что вас ждёт тут? Тех, кто попал в плен?

Куму пожал плечами.

— Наверное, поместят в концентрационный лагерь после суда, который скоро состоится. При первой возможности попытаемся бежать. А как ваши дела?

— Да никак, — ответил Валерий, — обвинения никакого не предъявлено, держат в этой дыре и всё. Встречи с представителем посольства до сих пор не добились.

— Из столицы сюда вряд ли кто доберётся, железная дорога перерезана, сообщения никакого нет. Ваше посольство из столицы наверняка эвакуировалось. Может быть, есть смысл потребовать встречи с представителем вашей страны в Карунди? Оттуда сейчас проще сюда добраться, — посоветовал Куму.

— А что? Это резонно, — кивнул головой Валерий.

На следующее утро в камеру вошли два надзирателя и, назвав фамилии Валерия и Евгения, повели их на первый этаж. В кабинете сидели трое военных и комендант, который жестом пригласил. Затем один из военных на сносном русском языке, любезно улыбаясь, произнёс:

— Господа Сибирцев и Марков, довожу до вашего сведения: вы и члены ваших экипажей арестованы за сотрудничество с прежним режимом, выражавшееся в полётах для снабжения оружием и другим военным снаряжением мятежников в восточных провинциях Карунди. Вы предстанете перед судом и будете судимы по законам военного времени.

— А ваши сведенья достоверны? — спросил Валерий у офицера.

— Да, у нас проверенная информация об авиакомпаниях, которые выполняли рейсы в районы, контролируемые мятежниками. Вот поэтому вы и находитесь здесь.

— В таком случае мы вновь выражаем протест против ареста и содержания нас в этой тюрьме. Мы работали по контракту и ответственности за действия руководства компаний не несём — мы рядовые исполнители. По-прежнему требуем встречи с представителем посольства нашей страны, если их сейчас здесь нет, тогда требуем встречи с представителем России в Карунди. И ещё, — сделав паузу, добавил он: — Господин комендант, вы обещали решить вопрос о душе.

В камере их окружили с расспросами.

— Ну, вот, нас ещё и судить будут! — выслушав рассказ Валерия, сказал Сергей.

— Ещё и законопатят лет, эдак, на десять! — подхватил Виктор.

— Рот свой закрой, предсказатель хренов! Тут и без этого тошно, — возмутился штурман, скривившись от боли в боку.

— По законам военного времени могут и к стенке поставить. А что? С них станется! — Виктор, заканчивая фразу, отпрыгнул в сторону, увёртываясь от кроссовки, которую запустил в него второй пилот.

— Ну ты, Наштрадамуш хренов, жаткнишь! — прошепелявил он, оглядываясь вокруг в поисках чего-нибудь, чем можно бы кинуть в Виктора.

— Прекратите! — прикрикнул на них Валерий. — Ей богу, как дети малые!

Все замолчали. Зловещие перспективы угнетающе давили на психику каждого. Поглядывая на понуро опустивших головы лётчиков, Валерий встал из-за стола:

— Давайте не будем впадать в панику. Будет следствие, коль они собираются довести дело до суда, а там — посмотрим. Нам необходимо сообщить о себе в средства массовой информации, это помешает тем, кто хочет устроить над нами судилище. Глядишь, и на родине узнают о нашем положении… Так что не будем унывать.

Прошла ещё одна неделя. После обеда из опостылевшей маниоки открылась дверь и в камеру вошли несколько человек. Трое белых, один держал в руках большую видеокамеру. Их сопровождали комендант и его помощник, владеющий русским языком.

«Пресса!» — мелькнуло в голове у Валерия.

Вошедшие, войдя на половину камеры, занимаемую лётчиками, остановились. Валерий увидел, как лицо блондина передёрнула брезгливая гримаса. Вперёд вышел комендант.

— Господа, к вам прибыл представитель вашего посольства в Карунди господин… э… э…

— Моя фамилия Скоблев, — перебил его блондин, — зовут Виктор Николаевич, я — помощник посла Российской Федерации в республике Карунди. Со мной корреспондент и оператор центрального телеканала России, аккредитованных в Карунди. Готов вас выслушать.

Валерий выступил вперёд:

— Я, Сибирцев Валерий Игнатьевич, командир самолёта и старший группы российских лётчиков, находящихся в этой тюрьме. Мы — граждане Рос-

сии и просим защиты у нашего государства. Нас арестовали, обвиняя в сотрудничестве с прежним режимом, мы же занимались выполнением рейсов в интересах своих авиакомпаний. Нас грозят предать суду и судить по законам военного времени. Мы не признаем этих обвинений и требуем, чтобы нас освободили. Поэтому мы просим вас оказать нам в этом помощь.

Пока Валерий говорил, оператор всё снимал, а корреспондент лихорадочно писал в блокнот.

Скоблев, холодно глядя на лётчиков, спросил:

— А скажите, Сибирцев, Родина посылала вас сюда на работу? Насколько я знаю, вы здесь работаете в компаниях совсем не российских, а иностранных, зарегистрированных Бог знает где. А как только что случается, вы сразу вспоминаете о своей Родине. Хлопот и так хватает, а тут ещё вы со своими проблемами.

Среди лётчиков послышался ропот, а Валерий, чувствуя, как на него накатывает удушливая волна злости, ответил, глядя на него потемневшими от гнева глазами:

— Позвольте Вас спросить, господин помощник посла, а от хорошей ли жизни мы работаем в таких странах? В России для нас не оказалось работы, и чтобы содержать свои семьи, мы вынуждены работать бог знает где. Наша ли в этом вина? Не мы развалили Союз, так что давайте не будем об этом… Пусть наше правительство хотя бы защитит нас от произвола местных властей. Поэтому мы просим передать нашу просьбу о помощи нашему послу в Карунди. Да, вот ещё, — Валерий передал Скоблеву листок бумаги, — это список всех нас с адресами в России. Наши загранпаспорта находятся у коменданта тюрьмы.

Скоблев взял список, пробежал его глазами.

— Не знаю, не знаю, как мы сможем вам помочь, — и, услышав недовольные голоса лётчиков, поспешно добавил: — Я всё доведу до сведения посла.

— Ребята! — корреспондент захлопнул блокнот. — Со свой стороны я обещаю, что этот материал о вас завтра будет в Москве, не сомневайтесь.

Помощник посла недовольно посмотрел на него и, не попрощавшись, пошёл к двери, сопровождаемый комендантом.

— Мужики, у вас курева нет? — спросил Евгений. — А то у нас уже уши опухли.

— Господи, совсем забыл! Я ведь захватил. — Корреспондент протянул им блок сигарет, затем достал начатую пачку из кармана рубашки. — Саша, — обратился он к оператору, — давай, что есть у тебя!

Помощник коменданта поторопил журналистов:

— Господа! Ваше время вышло, прошу вас!

После ухода посетителей все загомонили, курящие отошли к окну, дымя сигаретами.

— Какая высокомерная и недовольная морда у этого посольского? Козёл!.. Хотя бы поинтересовался состоянием нашего здоровья, — может кто-то нуждается в медицинской помощи, нужны какие-то лекарства… Знал же, что в тюрьму идёт, мог бы сигарет захватить с собой. Спасибо телевизионщикам — те догадались… Дерьмо, оно и в Африке дерьмо…

— Главное, — подвёл итог Валерий, — что о нас теперь и в России будут знать, родные, увидев — мы живы и здоровы. Может, займутся нашей судьбой в Москве. Телевидение — это сила!

Валерий сел за стол, взял в руки колоду карт.

— Ну, кто желает на вылет в «дурака»?

Прошло ещё пару недель. Уголовники вели себя спокойно, разве что иногда можно было уловить чей-нибудь злобный взгляд. «Пахан» всё ещё был в тюремной больнице.

Валерия и Евгения, а также и других лётчиков несколько раз вызывали на допрос. В первую очередь людей из спецслужб интересовали их полёты в восточные провинции Карунди: сколько делали рейсов, кто эти рейсы заказывал, какой был на борту самолёта груз… Валерию было проще: он и в самом деле не сделал ни одного рейса на восток. Хуже положение было у Евгения: на его счету было более десятка полётов в те края, но он твёрдо стоял на том, что выполнял эти полёты в рамках гуманитарной помощи.

— Что в самом деле у вас только «гуманитарка» была? — спросил его Валерий, после очередного допроса.

— Какое там! Под этой вывеской чего только не возили — и оружие, и боеприпасы. И эти, что допрашивают, всё знают — что возили, в какие именно дни… когда выполнялись эти рейсы. Кто-то здесь всё фиксировал, — с досадой сказал Евгений.

— Ясно, кто им доложил. В первую очередь они местных диспетчеров с «Вышки» взяли за задницу. Сейчас здесь найдётся куча «стукачей», жаждущих понравиться новой власти. Впрочем, стой на своём и точка. Прямых свидетелей у них нет.

Евгений согласно кивнул.

— Гена, оставь покурить! — крикнул он штурману, стоявшему у окна. Тот, не услышав, продолжал напряжённо смотреть на улицу. Внезапно он обернулся:

— Кто-то приехал в тюрьму, какие-то важные шишки на двух машинах. Может по нашу душу?

Через час послышались голоса и шаги в коридоре, заскрипела дверь, и в камеру вошло несколько человек — и в штатском, и военные. Пришёл и комендант со своим помощником. Один из штатских, вытащив из кейса какую-то бумагу, стал громко её зачитывать. Все молча слушали. Затем помощник комендант стал переводить. Суть заявления сводилась к тому, что правительство республики Мазанги, во главе с президентом Крума, идя навстречу пожеланиям правительства дружественной республики Российская Федерация и считая, что лётчики российских экипажей, если и принесли вред, то без злого умысла, пришло к решению: лётный состав к суду не привлекать, воздушные суда, на которых работали экипажи, у авиакомпаний конфисковать, лётный состав депортировать из страны в течении 48 часов, с погашением въездной визы. Затем лётчикам объяснили, что завтра утром их отвезут из тюрьмы в аэропорт, оттуда самолётом доставят в столицу, а из столицы первым рейсом отправят за пределы страны.

Поинтересовались, есть ли какие-нибудь вопросы.

Валерий сказал, что они хотели бы забрать из дома оставшиеся вещи и перед отъездом в аэропорт привести себя в порядок. Чиновник благосклонно кивнул головой.

Глава 13

Рано утром, после завтрака, их вывели во двор. У автобуса о чём-то разговаривали комендант с помощником, в стороне курили лейтенант и двое автоматчиков. Подойдя к коменданту, лётчики получили свои документы.

— Мы с вами прощаемся, господа! — сказал он, вернув последний документ. Надеюсь, ваше пребывание здесь не было чрезмерно тяжёлым. Вы сами понимаете — это не отель, а тюрьма. Надеюсь, господа, мы с вами никогда больше в её стенах не встретимся.

Услышав последние слова коменданта, кто-то из лётчиков суеверно сплюнул через плечо, а Сергей произнёс знаменитую фразу: «Нет, уж лучше вы к нам!» — вызвавшую хохот. Видя, что уезжающие настроены благодушно, комендант жестом показал на автобус.

— Оревуар, господа!

Здание аэропорта в столице поразило своим неприглядным видом. Некогда привлекательное, белоснежное, теперь оно стояло как укор человеческому безумию — с выбитыми стёклами, с закопчёнными и выщербленными осколками и пулями стенами.

Их поместили в зал ожидания. Лётчики расположились в креслах, некоторые тут же стали дремать — давало о себе знать нервное напряжение последних суток.

— Перед вылетом нас могут досмотреть и валюту реквизировать, — вполголоса сказал Валерию Евгений. — Да, да, я тебе серьёзно говорю. И раньше запрещалось валюту вывозить, а сейчас правила наверняка ужесточились.

— И как же решали раньше эту проблему? — спросил Валерий, переваривая услышанное.

— Раньше было проще, ведь домой уходили на своих самолётах. А в самолёте, сам знаешь, можно найти столько укромных мест. Обычно платили таможенникам сто баксов с носа.

— Хорошо, Женя, а как нам быть сейчас?

— Я думаю, что в принципе правила игры должны остаться прежними. Нужно будет парням сказать, чтобы перед таможенным контролем каждый вложил в паспорт бумажку в сто баксов.

Собрав всех, Валерий разъяснил ситуацию. После этого короткого собрания, Виктор, подойдя к Валерию, сунул ему в руку конверт.

— Твои деньги, Игнатич, всем остальным я уже раздал.

Валерий положил пакет в боковой карман сумки, сел в кресло, задумался… Конечно, получилось не так, как рассчитывали. Но хорошо, что никто не пострадал серьёзно, а самое главное — все живы. Это дороже всяких денег.

Прошло ещё с полчаса. Внезапно дверь открылась, и в зал вошла группа военных. В одном из них Валерий узнал майора Макса, хотя с той вечеринки у Джека они больше не встречались.

— Здравствуйте, командир! — на тёмном лице Макса расплылась широкая улыбка, — как вы себя чувствуете? Наслышаны о ваших злоключениях! Надеюсь, теперь у вас всё в порядке?

— Да, всё хорошо. Поздравляю вас, Макс, вы уже колонель! — на погонах Макса блестели три больших звезды.

— Благодарю, командир! Давайте отойдём в сторону. С вами кое-кто хочет познакомиться.

Они отошли к окну, у которого стояли остальные офицеры.

— Знакомьтесь, это тот самый командир самолёта Антонов-32 — Вэлери.

Валерию протянул руку плотный, коренастый офицер:

— Колонель Мдуди. Нам нужно было обязательно с вами встретиться, кэптен Вэлери. Приказом президента я назначен командующим ввс республики. Самолётов у нас, можно сказать, нет. Есть три вертолёта в нормальном состоянии. Кроме того, правительство реквизировало несколько самолётов авиакомпаний, в том числе и тот, на котором вы летали. Ваш самолёт повреждён и его можно отремонтировать здесь. Но у нас нет ни технических специалистов, способных провести ремонт, ни лётного состава. Мы предлагаем вам остаться и поработать ещё немного. В случае согласия вы вернётесь в Банги-Нова и с помощью технического состава местной базы ввс займётесь ремонтом. А потом начнёте полёты. Платить вам будут не меньше, чем в компании. Вот такое к вам предложение.

— Предложение неожиданное, ведь мы настроились на возвращение домой, а тут… — растерянно сказал Валерий.

— Понимаю вас, поэтому и предлагаю подумать. До вашего рейса несколько часов. Время подумать есть. При разговоре с экипажем имейте в виду, что второй пилот у вас будет местный — нам нужно заботиться о будущем, а остальные — ваши специалисты. Так что, решайте. О своём решении скажете полковнику Максу. Очень надеюсь, что мы с вами ещё встретимся.

Полковник пожал Валерию руку и в сопровождении офицеров ушёл.

— Да, задали мне задачку, — покачал головой. Валерий.

— Соглашайтесь, командир! — посоветовал Макс. — Скоро здесь будет совсем спокойно. Бои в столице прекратились. Война продолжается в южных провинциях, в основном в районах, примыкающих к железной дороге, и в джунглях. Отремонтируете самолёт и будете здесь работать, сколько захотите. Меня назначили командиром местной базы ввс, так что моё содействие вам обеспечено. Не будет проблем и в Банги-Нова, там командиром авиабазы так же ваш знакомый, помните капитана Филиппа? Теперь он тоже полковник.

«Что же делать? — думал Валерий. — С одной стороны, вроде уже настроен на возвращение домой. А с другой… Ведь хотелось бы ещё здесь поработать, и подзаработать — чего уж перед самим собой кривить-то душой…»

— Давайте так решим, — Валерий обратился к Максу, — если я сейчас наберу экипаж из желаю-

щих, то остаюсь, в противном случае — улетаю домой вместе со всеми. Хорошо?

— Бьен! — улыбнулся полковник. — Согласен.

Валерий подошёл к лётчикам, коротко рассказал о полученном предложении и спросил, кто из них хотел бы остаться.

— Ты что, Игнатич, шутишь? — удивлённо спросил его Виктор.

— Да нет, какие шутки? Всё всерьёз! — Валерий обвёл всех взглядом. — Ну, что молчите? Кто желает ещё поработать?

— Сам-то что решил? — вопросом на вопрос ответил Василий.

— Останусь, если наберу команду.

Василий махнул рукой:

— Эх, где наша не пропадала! Я с тобой, Валерий.

Тот перевёл взгляд на техников:

— Ну, кто ещё?

— Нет, командир. Мы с Виктором решили домой возвращаться, сыты этой Африкой по самое не могу, — решительно отрубил Сергей.

В подтверждении его слов Виктор кивнул.

— С вами всё ясно. Георгий, ты как настроен, может, поработаем вместе?

При этих словах Жора, сидевший с уныло опущенной головой, встрепенулся. И тут же почти крикнул, что согласен, словно опасаясь, что Валерий его не услышит.

Согласился остаться и штурман Аркадий:

— Не все ещё деньги здесь мною заработаны.

— Жадношть фраера шгубила, — прокомментировал решение Аркадия второй пилот. Никто в этот момент и не подозревал, насколько пророческими окажутся его слова.

Валерий подошёл к Максу.

— Я набрал экипаж. Вот список тех, кто пожелал остаться. Есть один деликатный вопрос. Можно ли сделать так, чтобы наших парней не потрошили на таможне? Сам понимаешь, после отсидки в тюрьме ещё и пустыми вернуться домой.

Тот кивнул:

— Хорошо, пусть не беспокоятся, всё будет нормально. Ну, а сейчас я пошёл, нужно сообщить о вашем решении в Министерство обороны.

Валерий, вздохнув, сел кресло, терзаясь сомнением: «Правильное ли он принял решение?..»

Через пару часов они проводили улетающих домой до трапа рейсового самолёта, а вскоре сами вернулись в Банги-Нова.

Глава 14

Небольшой самолёт зарулил на перрон базы ввс. Из него вышли двое — командующий и ещё один офицер. Поздоровавшись, командующий представил встречающим своего спутника:

— Это наш главный инженер, полковник Антуан Лукула.

Узнав объём предстоящих работ, полковник сказал:

— Ясно, что без сотрудничества с фирмой, имеющей опыт эксплуатации самолётов такого типа, нам не обойтись. Но к кому обратиться?

— Господин полковник, почему бы не вернуть назад фирму «Нордстар»? Главный офис фирмы в Эмиратах. Там грамотные специалисты по этому типу самолёта и неплохая техническая база с запчастями. И потом, — вряд ли вы сможете полностью загрузить этот самолёт работой, а это большие финансовые потери. Если фирма будет эксплуатировать самолёт, когда он не будет вами востребован, у вас наполовину снизятся расход на содержание самолёта. Решите вопрос с фирмой и всё будет о'кэй! Сотрудничество станет взаимовыгодным.

— В вашем предложении есть рациональное зерно, — подумав, ответил полковник. — Мы обдумаем этот вопрос, а вы пока продолжайте работу на самолёте.

...Прошла неделя. После очередного рабочего дня, возвратясь с аэродрома, приняв душ и поужинав, они сидели в холле и смотрели телевизор. Внезапно дверь открылась, и в холл вошёл улыбающийся Николай Серов, за ним — главный инженер фирмы Алексей Степанов.

— Не верю своим глазам! — поднимаясь с кресла, воскликнул Валерий. Они обнялись, Николай с растроганным видом поздоровался со всеми. Алексей с весёлой улыбкой смотрел на эту сцену.

— Пока мы здесь не сели, Николай всё не верил, что мы сюда летим.

Серов открыл кейс и вытащил большую фляжку французского коньяка «Реми Мартин».

— Ребята, тащите сюда фужеры! — Он обвёл взглядом стены виллы. — Вот теперь я убеждён полностью, что снова здесь...

...Работа по ремонту спорилась. Трудились все. Первое время отлынивал Аркадий, утверждая, что работа штурмана на самолёте — интеллектуальная, а отвёртка — не его стихия. Но когда Валерий вскользь заметил, что ремонт будет оплачен отдельно, и каждый получит в зависимости от степени своего участия — штурмана будто подменили. Осталось заклепать повреждённую обшивку, сменить колёсную тележку правого шасси, заменить тормоза и устранить тот самый дефект — течь топлива в правом двигателе.

Через несколько дней Валерий, сидя в командирском кресле самолёта, дал команду убрать тормозные колодки. Прислушиваясь к работе двигателей, посмотрел за стекло фонаря: вокруг собрался весь персонал базы — офицеры и солдаты, здесь же были командующий ввс с офицерами своего штаба, полковник Филипп, Серов.

— Ну что, командир, трогай! — прокричал ему на ухо Алексей, решивший сам посмотреть, как будет себя вести машина в полёте. В правом кресле сидел Георгий, внимательно посматривая на показания приборов на правой панели.

— Аркадий, запрашивай «Вышку». — Глаза Валерия пробежались по показаниям приборов.

— Можно рулить! — штурман защёлкал тумблерами. Получив сигнал от техника, Валерий плавно двинул РУДы вперёд.

Звуковой тон двигателей повысился, машина нехотя двинулась. Валерий поочерёдно нажал на тормоза — самолёт, как бы раскланиваясь, качнул свежевыкрашенным носовым коком и плавно покатил к взлётной полосе. В воздухе они проверили работу всех систем, вводили отказы, анализируя, как при этом ведёт себя машина.

Убедившись в нормальной работе самолёта, запросили разрешение на заход и посадку. Неслышно коснувшись полосы, Валерий зарулил на стоянку.

— Тебе, Валерий, только беременных возить! Я даже не почувствовал, как приземлились, — нарушил молчание Алексей. — У тебя есть замечания по самолёту?

— У меня нет. Вот, что нам скажет сегодняшний «второй пилот»? — он посмотрел на сидящего справа Жору.

— Некоторые отклонения по показаниям есть, но мы с инженером устраним их за пару часов.

— Добро! Пошли, Валерий, оформлять акт о контрольно-испытательном полёте. Сделаем всё как положено, чтобы потом ввс на нас не обижалось. — Степенно проговорил Алексей.

Выйдя из самолёта, они оказались в окружении ожидавших. Алексей поднял большой палец, глядя на их вопрошающие лица. Все заулыбались, заговорили. Подошёл командующий, пожал руку Валерия:

— Поздравляю!

— Это я вас поздравляю! Теперь у вас есть хорошая воздушная лошадка.

Глава 15

— Мой генерал! Это командир самолёта, кэптен Вэлери, — полковник Филипп представил Валерия высокому военному, во главе группы офицеров подошедшему к носу «дракона». Генерал протянул руку, она оказалась твёрдой, а рукопожатие сильным. Из-под форменного кепи на Валерия внимательно смотрели чуть прищуренные глаза.

— Генерал Джамбо Буассье, рад знакомству. Можно проходить в самолёт, кэптен Вэлери?

— Да, мы готовы, самолёт загружен.

— Отлично! Полковник Филипп объяснил вам, в чём сложность полёта?

— В общих чертах. Он сказал, что этот город освобождён несколько дней назад.

— Это верно, мы освободили город всего четыре дня назад. В окрестностях могут находится разрозненные группы противника. Мой вам совет — не подходите близко к вершинам гор при подходе к аэродрому. Не знаю, как у них насчёт переносных зенитных комплексов, а вот под обстрел из крупнокалиберного пулемёта попасть можно. Так что будьте предельно внимательны!

— «Вышка», я — «Танго Ромео 272», на военном перроне, разрешите запуск! — раздался в наушниках голос Аркадия. Чуть более получаса полёта и вот они прошли над полосой этого небольшого, заросшего тропической зеленью городка.

— Аркадий, будем заходить не так, как обычно — левым, а правым доворотом, чтобы не подходить близко к вершинам холмов. Генерал сказал — могут обстрелять. Василий, заход на скорости, механизацию выпускаем перед полосой, Жора! Смотри внимательно со своей стороны.

Валерий глянул на Георгия, сидевшего на месте пилота, — местный второй пилот до сих пор не объявился. Грунтовая полоса красно-оранжевого цвета неслась им навстречу. Под крыльями прошмыгнули последние кустарники. Шурша винтами, самолёт проваливался к земле. Энергично взяв штурвал на себя, Валерий мягко опустил его, приподнимая нос.

Заруливая на перрон, Валерий обратил внимание на засыпанные воронки на самой рулёжке и по бокам, отличающиеся от остального покрытия, как заплатки на материи. Здание аэропорта, когда-то аккуратное и светлое, теперь представляло собой жалкое зрелище: закопчённое, обугленное, иссечённое пулями и осколками, с выбитыми стёклами. Правая сторона была разворочена прямым попаданием снаряда или ракеты.

Разгрузка ещё не закончилась, как поднялась ожесточённая стрельба. Пулемётные и автоматные очереди, разрывы гранат, шелест пролетающих над головой снарядов. Часть солдат, сжимая в руках автоматы, бросилась в сторону кустарников, окаймляющих взлётную полосу. Ревя двигателями, из-за здания аэропорта выскочили две БМП и, как гончие, поводя стволами пушек, помчались по рулёжке, а потом и по полосе в её конец. Подскочивший к Валерию майор, отвечающий за обстановку на аэродроме, размахивая руками, что-то быстро затараторил.

— Жора, что он хочет?

— Он просит нас быстрее вылетать — самолёт разгружен.

— Отлично, быстро сматываемся! — Валерий, заскочив в кабину, запустил дополнительный двигатель тг-16. — Василий, правый запускаем на рулении! — Бортмеханик кивнул, продолжая запуск левого двигателя. Вырулив на полосу, не останавливаясь, сразу пошли на взлёт и, как только машина отошла от земли, Валерий левым разворотом взял курс на базу. Верхушки баобабов чуть ли не скребли днище самолёта, проскакивая под крыльями.

— Славная теперь у нас работёнка! — Василий установил заданный режим двигателям и повернул голову к Валерию: — Командир, а молоко нам будут давать за вредность?

— Смотри, не захлебнись! — ухмыльнулся штурман и обратился к Валерию: — Игнатич, работа у нас теперь опасная. А ежели где-нибудь нас прихватят, на каком-нибудь аэродроме, что тогда? Получается, что мы сейчас вроде как наёмники. Могут и к стенке поставить, фамилии не спросив… Я думаю, за такую работу нам платить должны больше.

— Я этот вопрос давно подготовил для нашего руководства, просто ждал подходящего момента. Вечером оговорю с Серовым, а он пусть решает с командующим ввс.

— Вот вам, пожалуйста! — протянул штурман, смотря через блистер[7] на проплывающие так близко вершины горной цепи. — Сейчас идём над горами на высоте двести-триста метров. Шарахнут из гранатомёта или пулемёта и кранты, поминай как звали!

— А ты каркай почаще, глядишь и наворожишь. — Василий осуждающе глянул на штурмана.

7 Блистер — иллюминатор с остеклением в виде полусферы в пилотской кабине.

— В самом деле, болтаешь невесть что! Лучше скажи расчётное прибытия, — Валерий вытащил записную книжку.

…Прилетев вечером на базу, они заехали к Серову на квартиру. Николай сидел за столом, на котором стояла бутылка виски. Из кухни вышел Тимоти, неся бокалы, минеральную воду и тарелку с кусочками льда.

— Что празднуем? — поздоровавшись, спросил Валерий.

— Э-э, — махнув рукой, протянул директор, — какие тут праздники… Садитесь за стол. Тимофей! Тащи ещё стаканы.

Когда все сели, Серов разлил всем виски и встал:

— Давайте помянем мужиков, пусть будет им земля пухом! — и опрокинул в себя налитое.

Лётчики переглянулись.

— Какие мужики? О чём ты, Николай Александрович?

— А вы что, ничего не знаете? Ничего не слышали? — уставился на них директор.

— Нет. Мы сегодня работали на военных, по точкам, куда, кроме нас, никто и не летает. Да что случилось-то? — спросил Валерий.

— Экипаж Савченко сегодня погиб!

— Как погиб?

— На взлёте, в столице. Упали, успев только крикнуть, что отказал правый двигатель. Никого в живых не осталось…

Серов опустил голову. Ошеломлённые услышанным лётчики стояли, держа в руках бокалы. Экипаж Савченко работал здесь первый месяц. Ребята были довольны, что сумели сюда прилететь, полны радужных надежд после нищеты и отчаяния дома.

— Этому АН-24, на котором они летали, в обед сто лет будет. Развалюха. Машина была в своё время списана, но её подлатали и сюда, как и многие другие. И с правым двигателем у них постоянные проблемы были… — Жора замолчал, ни на кого не глядя, выпил.

— Видно загрузка у них была под завязку, — сказал штурман.

— Шестьдесят пассажиров. Это, не считая детей, плюс багаж, при наличии сорока восьми кресел, — серым, бесцветным голосом произнёс директор. — Они шли на вылет мимо нас. А через двадцать минут их не стало… На наших глазах… — Рука его с бутылкой дрогнула, проливая виски мимо стакана. — Ребята! Прошу, будьте осторожны с загрузкой. Не забывайте, что есть всему предел. Видите, что получается, когда в голове одни деньги…

— Что теперь говорить, но тут не только в перегрузе дело… Беда в том, что эти самолёты на одном двигателе и с нормальной загрузкой не летают… — тихо проронил Валерий.

Просидели у Серова долго, хотя разговор шёл вяло. Провожая гостей, хозяин сказал им на прощание:

— Отдыхайте. Завтра утром летим в столицу, нужно организовать отправку погибших ребят на родину. Я задержусь там до конца работы комиссии по расследованию этой катастрофы. Три дня будете работать по гражданской линии.

Утром к лётчикам, стоявшим у самолёта, подошёл полковник Филипп в сопровождении молодого негра с майорскими звёздами на погонах.

— Кэптен Вэлери, это ваш второй пилот, майор Анри Куколо.

Лётчики с нескрываемым любопытством уставились на майора.

— Можете называть меня «кэптен» или «командир». — Валерий протянул майору руку. Поинтересовался, на каком самолёте тот летал и когда последний раз поднимался в воздух.

— Летал на «Атласе», последний раз пять лет назад, — на ломаном русском языке, чуть заикаясь, ответил майор.

«М-да, туговато с ним придётся», — подумал Валерий, а вслух произнёс: — Добро пожаловать в наш экипаж! Переведи ему, Жора, если он не понял.

«Атлас», — усмехнулся про себя Валерий. Он видел эти самолёты, несколько штук их ржавело на дальних стоянках авиабазы. Французский транспортник, с двумя поршневыми двигателями, конструктивная схема — «рама». «Пять лет перерыва в полётах… Ладно, поживём — увидим».

— Жора, пока будут грузиться, покажи ему пилотскую кабину, в первую очередь — правую её часть. Будем делать из него второго пилота.

В этот вечер они вернулись из полёта на север. Там находилась учебная база армии, с неё они привезли в столицу почти сотню новобранцев. Предстояло здесь заночевать — на следующий день был запланирован ещё один полёт туда же.

Они впервые после боёв оказались на улицах столицы. Обгорелые, закопчённые здания, горы мусора. Дорога, вильнув, вывела к реке. Ещё какое-то время они катили вдоль берега, затем свернули и почти сразу же остановились у трёхэтажного здания отеля, совсем целого в отличие от стоящих рядом. Слева высился гигантский цилиндр — уходящий вверх на добрую сотню метров, закопчённый, смотрящий пустыми глазницами окон, весь в шрамах и выбоинах.

— Любуешься, кэптен? — спросил Валерия Макс. — Это Дом правительства. Во время боёв дом был в руках сторонников Окоты и одним из опорных пунктов. На верхних этажах сидели корректировщики огня и снайперы, их потом сбрасывали вниз живьём. — Макс посмотрел на дрогнувшее при его последних словах лицо Валерия. — Что поделаешь, война. Это всегда жестокость, а особенно жестока гражданская война.

Валерий поднял голову, глядя на закопчённые этажи. «Вот он, гнусный и отвратительный оскал войны». — Скажи, Макс, почему соседи, жившие рядом десятки лет, вдруг начинают искать друг друга через прорезь прицела?..

— Командир, — полковник глянул на помрачневшего Валерия, — так устроен этот мир, и нам его пока не изменить. А ты идеалист, кэптен Вэлери! — Макс улыбнулся и приобнял Валерия за плечи. — Пойдём устраиваться в отель, а потом зайдём в бар, пропустим по стаканчику.

Глава 16

К Валерию, стоящему на военном перроне с полковником Максом, подошёл капитан Жюль, интендант, отвечающий за организацию грузовых работ на базе. Он ещё с первой встречи не понравился Валерию — бегающие глазки, заискивающая улыбка. Вот и сейчас, подойдя к ним, он так рьяно стукнул каблуками и доложил полковнику, что самолёт загружен, что Валерию показалось — от усердия капитан сейчас выскочит из своей формы.

— Что ж, кэптен, пора! Просьба к тебе: скажи своим парням, чтобы при загрузке были внимательны. Среди военных есть сторонники тех, кто сражается против нас, — от них можно ждать всего. Вчера при заходе на посадку в Ласобе взорвался один из наших вертолётов, экипаж погиб. А загружались они у нас, здесь. Причина взрыва пока не выяснена, но, скорее всего, — диверсия, вот поэтому я призываю вас к бдительности. Есть и хорошая новость. На следующей неделе прибывают два боевых вертолёта МИ-24 с экипажами, тогда наши дела пойдут успешней.

…Первый раз они встретились с этими вертолётами в воздухе. Снижались к аэродрому в Круи и уже подходили к верхней кромки облачности, как вдруг Валерий увидел: из облаков навстречу им выскочили два тонких, продолговатых силуэта и, сверкнув на солнце остеклением кабин, проскочили под их левым крылом. Произошло это так неожиданно и быстро, что Валерий решил, что показалось. Но тут завопил по внутренней связи штурман:

— Командир! Что же это делается! Так ведь можно и лбами поцеловаться! Мы же доложили, что приступили к снижению, а они молчком чешут! Ну, парочка! — казалось возмущению штурмана не будет конца. — Ну, «твиксы»!

— Почему «твиксы», Аркадий? — поинтересовался Валерий.

Но за него ответил Василий:

— «Твиксы» — сладкая парочка, помнишь рекламу?

— А что, оригинально! Сладкая парочка! Какое удаление от полосы? — Валерий положил руки на штурвал.

— Восемнадцать километров, — ответил штурман.

— Заходим без контрольного круга. Будем экономить керосин, с ним сейчас напряжёнка.

Штурман передал в эфир, что борт «Танго Ромео 272» заходит на посадку с прямой.

— Смотрите, на грузовой площадке стоит какая-то птичка, — заметил Василий.

— Точно, птичка-невеличка, я её тоже увидел. — Валерий снял триммером нагрузку с руля, вновь про себя отметив, что военные их перегрузили основательно.

Они были уже на выравнивании, двигатели работали на малом газе, когда Анри что-то крикнул, а Валерий с ужасом, пробежавшем холодком по спине, увидел эту самую птичку, выползающую на полосу. От торца полосы до рулёжки было метров пятьсот.

— Взлётный режим! Шасси убрать! Уходим на второй круг! — крикнул он и, впившись взглядом в самолётик, стал лихорадочно крутить штурвальчик триммера. «Ну, быстрее же»! — взывал он к своему «дракону», видя, как неумолимо быстро приближается к ним, этот, застывший на полосе, почти игрушечный самолётик. Уже хотел крутануть штурвал, чтобы уйти от лобового столкновения с этим самолётиком, на миг представив себе, как они врезаются в стену сахарного тростника… Что было бы дальше с ними — подумать он не успел — почувствовал нарастание скорости и плавно потянул штурвал на себя.

Проскочили они над «птичкой» максимум метрах в пяти. Тяжёлая машина медленно набирала высоту. Все молчали. Уже подходили к третьему развороту, когда услышали в наушниках свой позывной — пилот самолётика, «цесны», пытался оправдаться.

— Лягушатник хренов! — вспомнив, кто летает на этой «цесне», Валерий сказал штурману: — Передай ему, чтобы в следующий раз включал рацию, слушал эфир и передавал информацию о своих действиях. Чудак на букву «м»! Можешь что-нибудь от себя добавить.

— Йес, кэп! Сейчас я ему популярно объясню, что мы о нём думаем! — штурман забубнил в микрофон позывные «цесны», но никто ему так и не ответил.

— Прекращай, Аркадий, мы на прямой. Давай «молитву» перед посадкой!

Зарулив под разгрузку, они не стали выходить наружу, там было пекло. По кругу пошла пластиковая бутылка с водой.

— Ну и денёк сегодня выпал. Не иначе кто-то на нас ворожит! — Аркадий алчным взглядом проводил бутылку с водой, которую еле вырвал у него из рук Василий, увидев, как тот махом ополовинил её. — Сначала эта «сладкая парочка» в лобовую пошла, здесь этот урод вылез на полосу. Нет, командир, так работать невозможно! Я тут с вами совсем поседел! — штурман, погладив недавно подстриженную под «ноль» голову, внезапно захохотал.

Все переглянулись. Василий протянул к Аркадию руку и, поглаживая его по стриженной голове, просюсюкал: — Нагрело умненькую головушку нашему «сусанчику», расплавились последние извилинки…

— Отстань! — взвизгнул Аркадий, отбросив его руку. — Вы что? Подумали, что у меня крыша едет? — Он захихикал: — Просто я представил, как этот «лягушатник» у себя в самолёте обоср…я, когда мы над ним уходили на второй круг.

На этот раз засмеялись все, кроме командира.

— Фи! — укоризненно глядя на штурмана, протянул Валерий. — Как грубо, как некультурно, Аркадий! Вы у нас претендуете на роль интеллигента среди грубых, неотёсанных мужланов в экипаже. И вдруг такое… Нехорошо-с, молодой человек! Мы думали, что рядом с вами и мы станем культурнее… — Грохнул хохот, заухмылялся и Аркадий, сидевший с надутым лицом.

— Посмеялись? И хорошо! Теперь давайте о своём поговорим. Жора, — обратился командир к технику, — груз весь взвешивали?

— Да нет, Игнатич, с маркировкой на упаковке, — не взвешивали, чтобы время не терять.

— Вот, вояки и насовали нам по самую завязку — еле на второй круг ушли. Давайте на будущее договоримся — взвешивать всё, неважно, есть маркировка или нет. Анри, это и тебя касается. Жора, переведи ему, что он как второй пилот отвечает за загрузку в первую очередь.

Поняв это, как упрёк в свой адрес, Анри виновато опустил голову.

— Ничего, ничего, на ошибках учатся! — приободрил его командир. — Аркадий! Как там у нас насчёт обеда?

— С такой работой двойной обед положен! — бурчал тот, вытаскивая из пакета и передавая им бутерброды с беконом и зеленью.

— Эх, сейчас бы к этим бутербродам да бутылочку холодненького пивка! — мечтательно произнёс бортмеханик, поднося ко рту стаканчик с минеральной водой.

— Нет проблем! — тут же подхватился штурман. — Сейчас открою! — но, увидев брошенный на него взгляд Валерия, не предвещавший ничего хорошего, вскинул обе руки вверх: — Шутка!

Через пару дней, зарулив на свою стоянку, они уже собрались уходить, как на полосу друг за другом сели два боевых вертолёта. Они заняли свободные стоянки рядом с их «драконом».

— Ну что, ребята, пошли знакомиться со «сладкой парочкой». — Валерий обернулся к своим парням и кивнул головой в сторону вертолётов.

В столице они зарулили на перрон авиабазы ввс. Солдаты, подъехавшие на грузовике, сноровисто стали таскать из самолёта ящики.

— Здравствуй, товарищ! Как дела?

Валерий повернул голову — ему протягивал руку капитан Жюль.

— Что, капитан Жюль, оказывается вы тоже знаете русский?

— Да, немного. — Увидев подходившего полковника Макса, капитан вдруг поспешно отошёл к загруженной машине. Макс проводил его долгим взглядом.

— Он что, тоже в Союзе учился? — спросил его Валерий.

— Да, в Военно-политической Академии, но занялся там какими-то неблаговидными делами и его отозвали. Хотели вообще выгнать из армии, да нашёлся какой-то покровитель в верхах, его пристроили на должность интенданта. Не нравится он мне, скользкий тип, всё улыбается, а мне кажется, что улыбка у него фальшивая… Да, звонил Серов, просит вас сегодня вернуться на базу, с завтрашнего дня будете работать на авиакомпанию.

Макс попрощался и сел в подъехавшую машину.

— Эй, сибиряки! — раздался чей-то голос.

Обернувшись, они увидели Костю, командира одного из боевых вертолётов. Его серые лукавые глаза остановились на маркировке ящиков: — Что, опять для нас груз? — кивнул он на ящики с боеприпасами.

— Ну, а для кого же? — пожимая протянутую руку, ответил Валерий.

— Ночуете здесь? Впрочем, это неважно. Пошли все к нам в ангар, я вам что-то покажу. Пошли, пошли, они и без вас разгрузят. Наши все в сборе, вас только и не хватает.

Костя потянул Валерия за руку.

— Что за таинственность такая? — глянул на него Валерий. — У кого-то день рождения?

— И не у одного, а сразу у троих! — Костя засмеялся. — У нас сегодня именно такой день.

Они вошли в ангар, но вместо того чтобы идти в подсобку, Костя подвёл их к МИ-24, стоящему у стенки. Георгий присвистнул: — Костя, где же это вас так?

Все подошли к вертолёту ближе и тогда увидели рваные отверстия от пуль в фюзеляже, хвостовой балке, даже в пневматиках колёс.

— Места надо знать! — усмехнулся Костя. — Пошли к нам, там все наши собрались.

За длинным столом, заставленном бутылками и закусками, сидела вся команда: оба экипажа и инженеры, обслуживающие эти вертолёты. Вошедших встретили радостными возгласами. Когда все расселись, Алексей, старший группы, рассказал о случившимся с ними:

— Утром мы парой пошли отработать по целям в районе одной железнодорожной станции. Пошумели мы там, возвращаемся. А у меня внутри фюзеляжа двое из местного Генштаба сидят, с нами напросились, посмотреть на нашу работу. И вот слышу в наушниках голос одного из них: «Командир, вон по дороге идёт военная колонна, давайте снизимся и пройдём над ними, поднимем своим видом их боевой дух». Спрашиваю: «А вы уверены, что это ваши?» «Конечно!» — отвечает штабист. «Ладно, — говорю, — поехали, поднимем дух».

Я Косте передаю: «Сейчас пройдусь над колонной и догоню тебя». Подворачиваю машину, чтобы пройти чуть сбоку колонны. Спасло нас то, что мы снижались на малом газе, и они нас увидели, только когда мы выскочили из-за баобабов. Первым крикнул мне Сергей, оператор: «Алексей, смотри, тут что-то не то!» А я уже и сам увидел — колонна ощетинилась стволами и по машине будто град застучал. В ту же секунду я дал по газам до упора, и опять нырнул за баобабы. Повезло, что времени у них не было шмальнуть по нам из гранатомёта или крупнокалиберного пулемёта. В горячке думаю: сейчас развернусь да прочешу по ним из пушек. Глянул на счётчик боезапаса — там «0» — всё над целью израсходовали. Набираю высоту, смотрю на приборы: вдруг что-то проявится после обстрела, но нет, вроде всё нормально. Спрашиваю у Максима: «Как там, в отсеке, все живы?» Отвечает: «Всё нормально, не считая мелких брызг». Оказывается, пуля ему кончик уха срезала, как бритвой. После посадки выходит из кабины весь в крови — я испугался. В рубашке он родился: чуть бы левее и капец.

Максим, парень лет двадцати пяти, черноволосый, с ярко-зелёными глазами на слегка бледном лице, сидевший за столом с забинтованным ухом, только счастливо улыбался, слушая Алексея.

Насчитали мы в вертолёте двадцать семь пробоин, пострадала в основном задняя часть десантного отсека, хвостовая балка, есть дырки

в кассетниках для снарядов, колёса пробиты, да в топливном баке слева три дырки. Благо не зажигательными пулями попали. Сегодня в очередной раз убедились в надёжности нашей российской техники.

— Ребята! Вам сегодня здорово повезло. За ваше второе рожденье! — Валерий взял протянутый ему стакан. — И пусть в будущем вам всегда так везёт!..

— Что-то здесь случилось, народ на себе оттаскивает вертолёт с полосы. — Аркадий комментировал происходящее, смотря через свой блистер. Они заходили на посадку в Круи, пройдя над полосой и выполняя контрольный круг. Приземлившись, зарулили на грузовую площадку. Выйдя из самолёта, подошли к вертолёту, стоящему в самом углу площадки.

— Вот это да! — удивлённо воскликнул Валерий. Прозрачная часть кабины вертолёта змеилась трещинами, расходящимися от пулевых отверстий. Рядом лежал окровавленный африканец, он не подавал признаков жизни. Опираясь на подкос посадочных полозьев, сидел пилот вертолёта. На его форменной светло-голубой рубашке расплывалось кровавое пятно, в крови были и брюки. Раненый, опустив голову на грудь, тихо стонал.

Толпу любопытных оттеснили от вертолёта солдаты. Подскочивший начальник площадки Бонги что-то затараторил, размахивая руками. Георгий перевёл:

— Он говорит, что вертолёт заходил с другого конца полосы, а делать это запрещено всем экипажам — из-за опасности обстрела. Раненый пилот сумел приземлиться, а пассажира убило. Сейчас должна подойти машина, и их отправят в военный госпиталь.

— Раненого могут и не довезти, он потерял много крови. Жора, неси сюда быстро аптечку. — Валерий присел возле пилота и стал расстёгивать ему рубашку.

— У него сквозное ранение, — взяв протянутую Георгием повязку, Валерий перегнул её пополам и приложил к ране.

— Жора, давай лейкопластырь. Будем надеется, что теперь он дотянет до госпиталя.

За всё это время пилот так и не пришёл в сознание. Совсем молодой парень, видимо приехал заработать и вот результат… Хорошо ещё, что живой остался.

Из подъехавшего санитарного автобуса вышел молодой врач-африканец в зелёном халате и санитары. Врач подошёл к раненому, пощупал пульс, приподнял веко. Затем санитары положили пилота на носилки и загрузили в автобус. Врач что-то спросил начальника площадки — тот кивнул на Валерия. Медик протянул Валерию руку, произнёс несколько слов.

— Благодарит за перевязку, говорит, что сделано почти профессионально, — перевёл Георгий.

— Спроси, пилот выживет?

— Потерял много крови, но организм молодой, думаю, что всё будет нормально. Извините, ему нужно срочно на операционный стол. — Врач, кивнув, побежал к автобусу.

Глава 17

Они работали почти неделю, летая из столичного аэропорта и перебрасывая солдат, оружие, боеприпасы и снаряжения на аэродромы, вернее — посадочные площадки, расположенные недалеко от мест боевых действий.

Как-то при взлёте с одной из таких площадок, они были обстреляны — по хвостовой части будто постучали палкой. По прилёту насчитали девять пулевых отверстий. Повезло, что не были повреждены ни рулевые, ни гидравлические магистрали, проходящие в районе хвоста.

— Ничего страшного, дырки сегодня заделают местные умельцы. У них тут есть один специалист, так что к утру «дракон» будет исправен. — Жора похлопал самолёт по обшивке.

— Смотрите! Вон наша «сладкая парочка» крадётся! — Василий кивнул в сторону холмов.

Над холмами появились два силуэта, снижаясь, они быстро увеличивались в размерах. Через пару минут оба боевых вертолёта сели на рулёжку. Винты, посвистывая, замедлили вращение и, наконец, остановились. Вылезшие из своих кабин лётчики, увидев стоящий экипаж «дракона», приветливо замахали руками.

— Вы сейчас в отель? Мы тоже работёнку на сегодня закончили. Ох, и порезвились же! — глаза Алексея зажглись каким-то особым блеском. Он мотнул головой, коротко засмеявшись: — Поехали все к нам, наши апартаменты будут покомфортнее ваших. Да и из ресторана можно многое заказать. У вас с вашим кафе можно с голоду пропасть! Возражения не принимаются! Сейчас подойдёт автобус, все уместимся. Георгий договорится с ремонтом и приедет вторым рейсом с нашими инженерами. Ну что, кэптен, о'кэй? Поехали? — Алексей дружески хлопнул Валерия по плечу. Тот от такого напора только развёл руками.

— Конечно, поехали! — ответил за всех Аркадий. — О чём разговор, мы, как пионеры, всегда готовы! — у него заблестели глазки при мысли о предстоящей выпивке.

— Да уж, тебя хлебом не корми — покажи бутылку, и побежишь за ней, как собачонка за костью.

Валерий неодобрительно посмотрел на своего штурмана:

— Лезешь поперёк батьки в пекло!

— Так я что, я знал, что ты тоже не против! — заюлил Аркадий.

— Зря ты так на него, Валерий, — заступился за штурмана Василий. — Не каждый день нас обстреливают. Я тоже думаю — боевое крещение нужно обмыть.

— Вот и славно! — кивнул Алексей. — Хвалю за инициативу, Аркадий, но не забывай о субординации — решение всегда принимает командир. Валера, большинство согласно с моим предложением, так что тебе придётся подчиниться.

— Алексей, так я с самого начала был согласен. — Ответ Валерия вызвал у всех дружный смех и негодующую гримасу Аркадия.

В отеле все собрались в номере у Алексея. Большой холл с телевизором, холодильником и баром; спальня с широкой кроватью и ковром на полу, ванная с громадным зеркалом. Работали мало-

шумные японские «кондишены» — в номере было прохладно.
— Неплохо о вас, однако, заботятся! — осмотревшись, заметил Валерий.
— Мы этого стоим! — ответил без излишней скромности Алексей. — И они это хорошо понимают, предоставляя нам эти удобства.
Неугомонный штурман, осмотрев спальню и ванную, открыл дверцу бара, и, увидев там целую батарею разнообразных бутылок, изумлённо присвистнул:
— Ну и ну, живут же люди!
Алексей подошёл к бару.
— Располагайтесь, кто, где хочет — места всем хватит. Костя, позвони в ресторан. Закажи в расчёте на десять человек, остальные приедут — дозакажем.
Он вытащил из бара несколько бутылок, из холодильника — ведёрко со льдом.
— Пока из ресторана принесут еду, давайте выпьем! Кто что хочет: виски, джин, текила, коньяк… Не стесняйтесь — за всё платит Министерство обороны.
— Аркадий, ты что остолбенел, как жена библейского Лота? — спросил Костя, увидев изумление на лице штурмана.
— Червяк, — пробормотал тот, держа в руках бутылку.
— Какой червяк? — не понял его Костя, набирая номер ресторана на телефоне.
— Тут, в бутылке червяк на донышке, похоже — опарыш, — продолжал потрясённо бормотать штурман: — Интересно, как он туда попал?
— Как попал, как попал! — передразнил его Василий. — Наверное, бутылка была не закрыта, вот и залез! Эх ты, деревня! Дай сюда, посмотрю, — он выхватил бутылку из рук Аркадия.
— Сам сельпо! — заорал уязвлённый Аркадий. — Бутылка-то не распечатана! — ехидно добавил он.
Василий уже и сам понял, что сморозил глупость, тем не менее, удивлён был не меньше штурмана:
— Смотри-ка ты, и впрямь опарыш!
Костя взял бутылку.
— Хватит вам таращиться на червяка, это такой сорт текилы. Видели же водку, где змеюка плавает или корень. Ну, а тут червяк… Какая разница! Давай, Аркаша, плесну.
— Нет уж, пейте сами эту гадость! Я лучше виски себе налью, — ответил Аркадий, брезгливо поглядывая на бутылку. Через час обстановка в номере стала непринуждённой: звон бокалов, взрывы хохота. Включили телевизор — на экране Патрисия Каас, изгибаясь тонкой фигурой, пела о неразделённой любви.
— Алексей, вы же не первый год в Африке? — Валерий допив бокал, поставил его на столик.
— Верно, — Алексей, взяв бутылку в руку, вновь поставил её назад. — Мы с Костей и его борттехником-стрелком Антоном где только не были за эти годы — Эфиопия, Нигерия, Сьерра-Леоне, Судан, Мозамбик… Теперь вот здесь. И чего только не случалось с нами за это время: в воздухе горели, на вынужденную в джунглях садились. Охотились за нами ублюдки, готовые содрать с нас кожу живьём. В Сьерра-Леоне стояли под дулами автоматов, ожидая расстрела…
Глаза его затуманились, вспомнив пережитое, он налил себе виски и залпом выпил.
— И как же удалось спастись? — спросил подошедший Василий.
— Я там на МИ-8 летал. Нужно было на один «пятачок» в джунглях доставить боеприпасы и продовольствие для группы местных «коммандос». То ли время было неправильно оговорено, то ли ещё по какой причине, но произошла нестыковка и вместо «коммандос» нас встретили повстанцы. Вертолёт они быстренько разгрузили. Потом выстроили всех на краю площадки и, не торопясь, начали с военных — с нами прилетело их пять человек. Один из этих живодёров стреляет в упор, другой пангой отрубает голову. Нас держат под прицелами автоматов. Вот, думаю я, и пришёл нам конец. Они уже подошли к нашему бортмеханику и этот палач вскинул свой автомат, как вдруг раздался чей-то окрик. Смотрим, подошли ещё партизаны и среди них — европеец, он и прекратил убийства. Оказывается, это был бельгиец, их советник. Сказал, что нас можно будет обменять на тех, кто находится в плену у правительства. Это нас и спасло. Таскали нас пару месяцев по джунглям, прежде чем произошёл этот обмен.
— А в первый раз как вы попали в Африку? — Валерий взял бутылку и вновь налил в бокалы. Алексей отодвинул тарелку.
— Впервые? — Он глотнул из стакана, глаза его затуманились… — После того, как развалили «единый и могучий», мы оказались не у дел. Началось сокращение армии, полк расформировали, личный состав отправили в запас. Пенсия — гроши, за квартиру заплатишь, — даже на пиво и сигареты не остаётся. Семью кормить надо, ребятишек учить, а я умею только летать и стрелять. Год кое-как промаялся. Однажды звонит мне бывший командир полка, зайди, говорит, дело есть. Прихожу, у него какой-то лысый мужичонка сидит. Оказалось, что он ищет специалистов нашего профиля, желающих поработать за «бугром». Работа не по линии правительства, а как бы по коммерческой. «Стало быть, вербуете в наёмники Ладно, дайте до утра подумать». Переговорил с Костей — мы с ним вместе с училища. Нам было ясно одно, что дома ничего не светит. И, несмотря на слёзы жён, дали согласие. Собрали два экипажа и вскоре оказались в Эфиопии. С тех пор пошло и поехало.
— Костя! — крикнул Алексей, перебивая шум в комнате, и когда тот подошёл, спросил: — Помнишь, как нам в Нигерии эмир подарил по сабле, инкрустированной драгоценными камнями, и по вилле с гаремом? — он рассмеялся. — Гаремом я так и не попользовался, не знаю, как Костя. А сабля дома на стене висит. Эмир огорчился, когда узнал, что отказались от его «живого» подарка. Ну, не таскать же нам с собой этот гарем по всей Африке?..
Костя сел рядом с ними.
— А как в Мозамбике мы разделали базу мятежников в портовом городишке? Не помню его названия. Только танкер пришвартовался, как мы — тут как тут! Танкер взорвался от ракет, выпушенных Алексеем. И что тут началось! Огонь

перекинулся на другие корабли, на портовые сооружения, что-то со страшной силой взорвалось, видимо, склад с боеприпасами — нас даже подкинуло взрывной волной. Славные были дела. Верно, Алёша?

— Да, — подхватил Алексей, — зрелище ещё то, когда видишь, как ракеты, пущенные тобой, всё разносят вдрызг. Кругом пламя, столбы дыма. Разворачиваешься и начинаешь поливать из пушек…

Руки его судорожно сжимались и разжимались, глаза зажглись фанатичным блеском.

— Горящие дома, машины, разбегающиеся в разные стороны, как тараканы, люди — в этот момент чувствуешь себя чуть ли не божеством…

Он замолк, глаза его потухли. Взяв бокал вздрагивающей рукой, сделал пару глотков.

— Э, похоже, ваша работа приносит вам не только деньги, но и удовольствие? — Валерий посмотрел на Алексея. — А ведь в таких ситуациях гибнут совсем невинные — женщины, дети, старики? Ночами не встают они у тебя перед глазами с вопросом — за что?

— Это война! — жёстко произнёс Алексей. — У нас нет права на сантименты. Мы — наёмники, и нам за это неплохо платят! Не забывай, Валерий, фактически и вы — тоже наёмники. Мы стреляем тем, что вы нам привозите, так что и вы причастны к гибели невинных. И если попадётесь — поставят к стенке, как и нас. Поэтому большой разницы не вижу. А вообще: задумываться над этим часто будешь, то надолго тебя не хватит — быстро крышу снесёт. Впрочем, у большинства из нас, вероятно, крыша уже набекрень. — Он невесело улыбнулся.

После этого разговора возникла какая-то неловкость. К ночи все основательно надрались.

В голове Валерия картинки происходящего менялись, как комбинации в цветном калейдоскопе: уходили и возвращались парни, появились откуда-то девицы — тёмные и цветные, а также две белых — одна из бывшего Союза, вторая — француженка.

Гремела музыка, Валерий силился понять щебетание молоденькой мулатки, которая сидела у него на коленях, перебирая его волосы. Костя устроился на соседнем диване с негритянкой. Расстегнув кофточку, он гладил высокую, с торчащими крупными и почти чёрными сосками грудь, девица, полузакрыв глаза, постанывала от удовольствия.

Посреди холла, топтался под музыку Аркадий. Полуголый, выпятив живот, воздев над головой руки и крутя ими, он скалил зубы, подмигивая осоловелыми глазами и гримасничая пухлым, круглым лицом. Перед ним на полу стоял на коленях Антон, закрыв глаза, он тряс плечами, видимо, изображая из себя цыганку.

«Содом и Гоморра!» — мелькнуло в голове у Валерия, в следующий миг перед ним возник Василий.

— Валера, давай выпьем, я тебя люблю! — его мотало из стороны в сторону. Пытаясь сохранить равновесие, он ухватился за плечо Валерия. — Я за тебя жизнь отдам! Ты меня спас, если бы не ты! — глаза его повлажнели, он всхлипнул.

Появившийся, как из-под земли, Жора взял из его руки стакан.

— Вася, друг, пойдём отдыхать!

Он обхватил его и, не слушая бормотания Василия, что тот должен выпить со своим командиром, который спас ему жизнь, бережно поволок его в сторону выхода.

Внезапно изменился ритм музыки. Подняв голову, Валерий увидел вместо Аркадия и Антона — Максима и гибкую, как пантера, негритянку в короткой юбке и бюстгальтере, отплясывающих рок-н-ролл. Под зажигательный мотив пара демонстрировала чудеса акробатики: девица, то прижималась к Максиму, то отталкивалась от него; тот крутил её, перебрасывая с одного бедра на другое, бросая то вниз, то вверх. Она, визжа, вскидывала свои красивые, стройные ноги, демонстрируя белые кружевные трусики…

От всех этих мельканий в голове Валерия внезапно всё вокруг завертелось, потом свет померк и всё исчезло…

…Вынырнув из забытья, Валерий приоткрыл глаза, из окна лился свет. Он уставился в потолок, ни о чём не хотелось думать, голова раскалывалась.

— Как самочувствие, Валера? — в спальню вошёл Алексей. — Жив, здоров?

— Вроде бы жив, но сомневаюсь, что здоров.

— Вставай, иди под душ. Затем будем лечиться. Только не тяни, иначе хуже станет, по себе знаю. Иди, иди! А я пока лекарство приготовлю.

В душе была только холодная вода, но Валерий заставил себя залезть под струю. Трясясь и ухая, ругая себя за вчерашнее, он терпеливо стоял, ощущая, как боль в голове начинает стихать. Выйдя из ванной, он увидел сидящих за столом Алексея, Костю и Василия.

— Полегчало? — встретил его вопросом Алексей. — Садись, сейчас ещё лучше станет. Возьми, выпей! — он протянул Валерию длинный стакан, наполненный какой-то желтоватой жидкостью.

— Надо же было так вчера надраться! — простонал Валерий, с подозрением глядя на стакан. — Что это? Циан не забыли положить? — мрачно пошутил он.

Увидев, что Валерий недоверчиво смотрит на жидкость в стакане, Алексей усмехнулся:

— Не боись, не отрава. Проверенный рецепт: сок лимона, коньяк, таблетка аспирина, ломтик киви, апельсиновый сок и лёд. Так что — лечись! Василий уже принял дозу. Как, Вася?

— О, — протянул тот, — вери гуд! Уже чувствую себя человеком.

Валерий глотнул из стакана, на вкус смесь была приятной, и он выпил всё до конца.

— Алексей, ты меня извини, что я вчера затеял весь этот разговор о работе, — Валерий виновато посмотрел него: — Извини, брат!

— Перестань, Валера. Я, что по-твоему, бревно? Думаешь, меня эти мысли не посещают? А вообще — это закрытая тема. Давай ещё по глоточку. Как, лучше стало? — увидев кивок Валерия, с удовлетворением отметил: — А ты сомневался.

Костя, внезапно рассмеялся:

— Знаете, а Аркадий-то вчера слопал этого червяка.

— Какого червяка? — не понял Валерий.
— Который на дне бутылки с текилой был. Приканчиваем мы эту бутылку, а Антон его подначивает: «Зажуёшь опарыша — плачу сто баксов». Достаёт из бумажника банкноту и кладёт рядом с бутылкой. И что вы думаете? Сжевал! Пришлось Антону распрощаться с сотней.
— Так ему вчера плохо стало при виде червяка в бутылке?! — Вспомнил Валерий.
— Тут всё нужно брать во внимание: человек под кайфом плюс материальный стимул — сто баксов! После того, как сжевал, ещё и говорит — вкуснящий был опарышек! — загоготал Костя.
— Ну, Аркадий! Ну, навигатор! За деньги готов на что угодно! — Валерий протянул свой стакан:
— Костя, плесни содовой — трубы горят. Да, оторвались мы вчера по полной программе, даже с лишком. Вот здоровье поправим, ребята поднимутся, и после обеда отправимся к себе, в нашу «лачугу». Нужно перед рабочим днём отдохнуть.
— Не оговаривай, Валера! — с хрустом потянулся Алексей, — с нашей работой такая разрядка необходима, об этом даже авиационная медицина говорит. Послушай, — он сменил тему разговора, — вот ради чего вы потащитесь по такой жаре в свою, как ты говоришь, лачугу? Вас там что — семеро по лавкам ждут? Предлагается: сейчас нам ещё немного посидеть, по необходимости — перекусить и пойти отдыхать. Под вечер встанем отдохнувшие, приведём себя в порядок, поужинаем в ресторане, желающие могут потанцевать — выбор дам здесь огромадный. Можно посетить казино. Ты когда-нибудь играл в рулетку, Валера? Нет? Нужно этот пробел восполнить, когда ещё будет такая возможность. За ночь спокойно отдохнём, а утром вместе отправимся на аэродром. Что скажешь? И учти, станешь поднимать не отдохнувших парней, когда есть возможность побыть в нормальной обстановке — боюсь, они тебя не поймут. Так что — выбирай.
Валерий молчал. Встретившись взглядом с Василием, он увидел на его лице умоляющее выражение: «Давай, соглашайся!». Ему и самому не хотелось выходить из этой прохлады и ехать по жаре в свой, более чем скромный, отель.
— Что решил? — спросил Алексей.
— В самом деле, что тут голову ломать, Валерий? — вступил в разговор Костя: — Какие проблемы?
— Не хочется вам причинять неудобства, и так уже загостились. Право, неловко как-то! — неуверенно произнёс Валерий.
— Какие неудобства? Не смеши, Валера! В наших номерах можно спокойно ещё человек десять разместить. Итак, всё решено — вы остаётесь. — Подвёл черту Алексей.
Но ни в ресторан, ни тем более — в казино, в тот вечер им попасть не удалось. Валерий с Алексеем сидели в номере и потягивали пиво «Туборг», невесть каким образом попавшее в эти края. Шёл лёгкий трёп: работа, женщины; где кто бывал, увлечения, пристрастия. Выяснилось, что в один год, в один и тот же месяц они с семьями отдыхали на черноморском побережье, в Хосте, небольшом городке. Ходили на один и тот же «дикий» пляж, возможно, даже лежали рядом, загорая. А вот познакомились через столько лет и где — в Африке!
— Через полчаса пойдём на ужин, время подкатывает, — посмотрев на часы, сказал Алексей. — Давай ещё по баночке? Что не говори, а «Туборг» — великолепное пиво! Команда наша вся в сборе? Чем они там занимаются?
Валерий, допив пиво, поставил пустую банку рядом с креслом.
— Дуются в «храп» — Костя, Антон и оба оператора. Василий сидит там же. А Антон-то у вас — азартный «парамоша»! И везёт ему — «дерёт» противников, как сидоровых коз. Похвалился, что выиграл двести баксов.
— А-а, — протянул Алексей. — Скоро этот выигрыш спустит и свои проиграет. Знаю я его!
В дверь заглянула чья-то чёрная физиономия и тут же скрылась.
— Кто это? — спросил Валерий.
— Не знаю, — пожал плечами Алексей, — наверное, кто-то из персонала. А остальные что делают? — Он поднялся и направился к холодильнику.
— Инженеры, похоже, до сих пор отдыхают. Аркадий с Максимом и Георгий в баре. Как они сказали: «подготавливают почву на вечер».
— Молодцы! Что значит — молодость, зря время не теряют. — Взяв пару банок пива, Алексей не успел закрыть дверцу холодильника, как вдруг в номере погас свет.
— Что это за новости? — удивился он. Скрипнула дверь. В полумраке комнаты, освещённой уличными фонарями, Валерий увидел, как две неясные тени скользнули вглубь холла.
— Кто здесь? — послышался голос Алексея. — Это вы, ребята? — Ответа они не услышали.
— Осторожно, Алексей! — крикнул Валерий, почувствовав пробежавший по спине холодок. — Это не… — Договорить он не успел, чья-то тень кинулась к его креслу. Инстинктивно он подтянул колени к груди — удар сдвоенных ног отбросил нападавшего. Глухо охнув, тот отлетел и, сбив по пути стул, врезался в тяжёлый обеденный стол и рухнул на пол.
Сверкнула вспышка, осветившая помещение, громыхнул выстрел. Силуэт с блеснувшим в руке клинком, пошатнувшись, выпрямился и сделал пару неверных шагов в сторону попятившегося Алексея. Второй выстрел в упор окончательно остановил его — он всхлипнул и упал на журнальный столик — загремели банки, зазвенело стекло. В тот же миг где-то рядом раздался оглушительный взрыв, что-то загремело, загрохотало, задребезжали окна, раздались крики.
— Валера, как ты? — раздался в полумраке голос Алексея.
— Я в порядке, а ты?
— Нормально. Видимо эти по наши души явились.
Внезапно вспыхнувший свет заставил их зажмуриться. В коридоре послышались чьи-то возгласы и топот ног.
— Мой — готов! — проговорил Алексей, рассматривая лежащего ничком негра в тёмном вечернем костюме, его белая рубашка была на груди залита кровью. Не выпуская из руки пистолета, он

подошёл к Валерию, стоявшему рядом со вторым нападавшим.

— С этим что? — Костя присел на корточки у лежавшего без сознания мулата, одетого в форму служащего отеля. Он приложил пальцы к шее лежащего:

— Жив. Хорошо ты его приложил, Валера! Сейчас свяжу его, а ты выясни, что с нашими.

Валерий выскочил в коридор. У распахнутой двери в соседний номер собралась изрядная толпа.

— Извините… простите… — бормотал он, протискиваясь в номер. Отодвинув последних зевак, стоящих на его пути, вошёл. Сразу бросились в глаза ошеломлённые лица игроков в карты. Они стояли кучкой, нервно озираясь по сторонам.

— Все целы? — с тревогой спросил он и тут же заметил прижимающего к щеке окровавленный платок оператора Сергея. — Что это у тебя?

— Осколком по щеке чиркнуло — до свадьбы заживёт, — ответил за него Костя. — Вон, Василий его рассматривает — в стене застрял. — Валерий с облегчением увидел своего бортмеханика целым и невредимым, осторожно что-то трогающего пальцем в стене. По номеру ходили два негра с нашивками на рукавах и с представительскими карточками на груди.

— Местные «секьюрити», служба безопасности отеля, — объяснил Костя. — Прискакали, как только свет зажёгся. Только что от них толку. А Алёша где?

Валерий кратко поведал им о том, что произошло у них в номере.

— Открытие сезона охоты на нас состоялось сегодня, с чем я вас и поздравляю! — подошедший Алексей облегчённо вздохнул, видя своих парней живыми. — Как вы уцелели при взрыве?

— Нас спасло кресло. Граната закатилась под него. Если бы вы знали, как мне не повезло! — сокрушённо проронил Антон. — Когда погас свет, у меня на руках был «железный храп»: туз с королём и в придачу семёрка — всё крести, а на кону — триста баксов! И тут, трах — взрыв! Карты, деньги — всё разлетелось…

— Ясно! Стало быть, ты опять продулся. Что я тебе, Валера, говорил? А насчёт везёт — не везёт, это как посмотреть… Так, закрываем пока обмен мнениями, сейчас сюда набегут сыскари и контрразведчики, — сказал Алексей.

Все обернулись на шум в дверях. Растолкав зевак, в комнату ворвались Аркадий и Максим, с Жорой во главе.

— Уф-ф! — выдохнул из себя Георгий, тяжело дыша. — Слава богу, все целы! Сидим в баре, вдруг народ зашушукался, все стали в нашу сторону поглядывать. Мы понять ничего не можем. Тут подходит к нам бармен и говорит: кто-то сообщил, что на шестом этаже убили всех белых лётчиков. Мы и сорвались. Так что же здесь произошло?

— Всё расскажем! — ответил Алексей. — Видимо, они собирались махом прихлопнуть всю нашу команду. Но что-то у них не сработало…

— Что здесь происходит? — послышался чей-то голос от дверей. На пороге стояли инженеры, с опухшими и заспанными лицами, удивлённо осматриваясь.

— Ну, мужики, с вами не соскучишься! — проговорил Алексей, идя к ним навстречу. — Вы можете проспать всё, даже собственную гибель.

Глава 18

Они сидели в подсобке ангара, слушая байки вертолётчиков, когда в помещение вошёл чем-то взволнованный Василий. Отыскав глазами Валерия, кивнул ему, подзывая к себе.

— Что случилось? — спросил Валерий.

— Валерий, неладно у нас. Мина на борту! В мотогондоле.

— Какая ещё мина? — удивлённо уставился на него командир.

— Какая, какая… Обыкновенная, как в боевиках показывают: чёрненькая коробочка с зелёной лампочкой, прилеплена под самым двигателем. Что будем делать, командир?

— Валера, что случилось? — крикнул Алексей.

— У нас в мотогондоле мина. — С нервным смешком ответил Валерий. — Сейчас пойдём смотреть.

Все гурьбой вышли из ангара и направились к стоящему «дракону». Вскоре Владимир, инженер по вооружению, высунув голову из мотогондолы и спрыгнув с колеса, подошёл к ним:

— Это взрывное устройство или, проще говоря, мина. Нужен сапёр.

— Ну, дела, — протянул Костя. — Вот уже до чего дело дошло. Наверное, вот от такой штуки взорвался ми-8 месяц назад.

— Как вам до сих пор ничего не подсунули? Ваши «крокодилы» для них, как кость в горле, — заметил Валерий.

— Не подсунули, потому что около них днём и ночью выставлен караул, а ваш «дракон» охраняется на общих основаниях. Сдаётся мне, что с сегодняшнего дня его тоже будут охранять по-другому. Видимо, эту штуку вам подсунули при загрузке. — Алексей посмотрел на Валерия:

— За вас решили взяться всерьёз. Нужно срочно сообщить полковнику Максу. Валерий, идём в штаб. Мужики, никого не подпускайте к самолёту. Стоп! Полковник сам сюда катит.

Взвизгнули тормоза, из джипа выскочил полковник.

— Почему не вылетаете? Что-то случилось?

Узнав о мине, он на глазах посерел лицом.

— Отойдите от самолёта подальше, я сейчас.

Макс прыгнул в машину, та сорвалась с места и помчалась к штабу авиабазы.

— А что за загрузка у вас сегодня? — полюбопытствовал Костя.

— Обычный джентльменский набор: ракеты, снаряды, патроны. — Валерий задумчиво, как бы про себя, произнёс: — А что им мешает засунуть такую штуку в какой-нибудь ящик?

— Это в том случае, если этот сукин сын, что подложил мину, имеет дело со складом боеприпасов. Вот пусть сапёры и проверят каждый ящик, — взгляд Алексея остановился на экипаже «дракона»: — Похоже, мужики, у вас пошла чёрная полоса — то обстреляли, то подорвать хотели.

Вскоре подъехавшие специалисты извлекли и обезвредили мину.

— Говорят, итальянская, — сказал Макс. Он приказал также вскрыть и проверить все ящики. Закурив, обвёл взглядом экипаж: — Не волнуйтесь. Теперь усилим охрану самолёта, груз перед каждым вылетом тоже будем тщательно проверять. Обещаю — этих, кто подложил мину, обязательно найдём. А твой бортмеханик, кэптен, молодец! Всех вас спас…

Полковник пожал руку Василию, тот в смущении что-то пробормотал в ответ.

…Они увидели полосу, только выскочив на неё, — до этого почти два часа шли над джунглями. Бескрайнее, зелёное море простиралось под ними до горизонта, стелясь ровным ковром в разрывах между редкими кучевыми облаками.

«Похоже на наши сибирские просторы», — Валерий озабоченно посмотрел на часы. — Штурман! Ну и где же аэродром? По твоим расчётам мы должны были выйти на него ещё десять минут назад.

— Командир, так ведь сам знаешь, какое здесь метеообеспечение. Возможно, выдали неверную информацию по ветру, а может он изменился в процессе полёта. Согласно ДжиПиЭс до аэродрома ещё сорок километров. — Аркадий заёрзал на своём сидении. Это по его команде они снизились и теперь шли на небольшой высоте.

— Рано начали снижение, — услышал он голос Валерия в наушниках. — А если у тебя неправильные данные в ДжиПиЭс? Что тогда? Так и будем пилить до славного озера Чад на малой высоте? Весь керосин сожжём, — хмуро добавил командир. — Тут, что случись, и за сто лет тебя никто не найдёт, если загремишь в эти джунгли.

Они шли без связи уже более часа — радиостанция диспетчерского пункта в столице была маломощной. Да и других самолётов в эфире не было слышно.

И тут, наконец, раздался счастливый вопль штурмана:

— Полоса! Что я вам говорил, вон полоса!

Наверное, так же кричал матрос Колумба «Земля!» после многомесячного, отчаянного плавания к берегам Америки.

— Что-то похожее на полосу! — воскликнул Василий, всматриваясь вперёд. Валерий и сам уже увидел тоненькую серую полоску, прорезавшую джунгли. На глазах она с каждым мгновением становилась всё шире, и вот джунгли будто расступились — внизу расстелилась серая полоса.

— Пройдём пониже, посмотрим, что это за аэродром! — рука Валерия легла на РУДы и плавно перевела их на режим малого газа.

Самолёт, как с горки, заскользил к земле. Они прошли над верхушками деревьев, окружающих полосу, над зданием аэропорта. Впереди виднелся небольшой городок, расположенный на берегу реки. Дома лепились друг к другу на отвоёванных у джунглей участках. Пройдя над городком и подвернув к полосе, они стали заходить на посадку.

Валерий перевёл самолёт на режим снижения, навстречу мчались узловатые, растопыренные ветви баобабов, казалось, они сейчас воткнутся в летящую машину, выпущенные шасси едва не касались их вершин.

— Малый газ! — скомандовал Валерий, плавно отдавая штурвал от себя и нацеливаясь на точку перед торцом полосы. Земля рванулась им навстречу. Энергично уменьшая угол снижения, командир плавно опустил машину на асфальт. «Видно давно этим аэродромом никто не занимался», — думал Валерий, глядя на кустарники, росшие вплотную у боковых краёв посадочной полосы, на трещины в асфальте, через которые буйно лезли пучки травы. Единственная рулёжная дорожка вела к зданию аэропорта.

Они зарулили на перрон, вокруг не было видно ни души. Здание аэропорта своим видом — с выбитыми стёклами, ободранное, запущенное — напоминало, что и эти далёкие, глухие края не миновала междоусобица. Высокая, плотная стена джунглей высилась сразу за перроном и зданием. Густой и пряный, обволакивающий запах был разлит в воздухе; крики птиц, уханье, пощёлкивание, пронзительные вопли, стрекот неслись со стороны леса.

— Ну и духота, как в парилке, — вытирая пот с лица, заметил Жора, — только веника не хватает. Интересно, а где же местное население?

— Да! Где оркестр и ковровая дорожка? — подхватил Аркадий. — Представители местных властей, молоденькие красотки в национальной одежде? Можно и без неё, — хихикнул он. — Подносящие доблестному экипажу, который своим героическим рейсом возвращает их в цивилизованный мир, поднос с хлебом и виски, то есть с солью?!

— Эк, как тебя распоносило, не иначе перегрелся в этой духоте, — с усмешкой заметил Валерий.

Из леса выскочили две машины — джип и покрытая тентом, грузовая. Из грузовика посыпались солдаты, беря лётчиков под прицел автоматов.

— Однако, дружеский приём! — бормотнул Василий.

— Вот тебе, Аркадий, оркестр с дорожкой, и красотки с виски! — засмеялся Валерий.

— Меры предосторожности, — заметил майор Густав, прилетевший с ними. Он шагнул навстречу приземистому африканцу в камуфляже, шедшему к ним от джипа. Они обменялись приветствиями, подойдя к стоящим у самолёта лётчикам, военный кинул ладонь к козырьку кепи:

— Майор Мбонанга, комендант гарнизона. Добро пожаловать в Бисангани! — перевёл Густав.

— С тех пор, как началась война, сюда никто не прилетал, но две недели назад приземлился небольшой самолёт. Прилетевшие на нём люди заминировали и взорвали топливную базу аэропорта, и тут же улетели. Мы просто не успели им помешать.

Узнав, что они привезли медикаменты, продовольствие и боеприпасы, майор расплылся в довольной улыбке:

— У нас давно со всем этим проблемы. В городе находится лагерь для интернированных солдат из соседней страны. Там тоже идёт война. Они не хотят воевать и переходят через пограничную реку, чтобы сдаться местным властям. — Майор снял кепи и вытер потный лоб: — На складе скопи-

лось почти десять тонн оружия, изъятого у перебежчиков. Вы сможете забрать его в столицу?

— Что ж, давайте заберём. Для этого нужно организовать быструю разгрузку и загрузку самолёта. Вылететь отсюда нужно засветло. — Согласился Валерий.

Обрадованный майор начал отдавать распоряжения своим солдатам. Несмотря на его заверения, загрузить самолёт до наступления ночи не успели, пришлось заночевать. Экипаж привезли в небольшую гостиницу. Спустившись вниз, они разместились за столиком маленького ресторанчика. На стенах и над стойкой бара горели керосиновые лампы, из магнитофона лилась негромкая музыка. Молодой негр, белозубо улыбаясь, протянул меню, а негритянка, вероятно, его жена, поставила на столик белый хлеб и чашечки с приправами.

— Жора, ты у нас самый грамотный человек за столом — тебе и меню в руки, — протянул ему картонку Валерий.

— Огласите весь список, п-п-пожалуйста! — еле ворочающим языком, подстраиваясь под сцену из известной комедии, произнёс Аркадий. Все рассмеялись, глядя на его ухмыляющуюся физиономию.

Пробежав глазами меню и обменявшись с барменом парой фраз, Жора пояснил:

— Выбор не богат: яичница, маниок, жареная рыба, кофе. Из напитков — всё, что на полках бара.

В конечном итоге все сделали свой выбор. Валерий, сосредоточенно протирал носовым платком вилку и стакан, как бы не замечая красноречивых взглядов парней.

— Игнатич, — не выдержал Жора, — мыслишка тут зародилась в коллективе, а не раздавить ли нам для профилактики какую-нибудь красивую бутылочку из тех, что стоят в баре на полке?

В разговор тут же влез штурман:

— Командир, мы же где находимся? В самых, что ни на есть, джунглях. Это значит сырость, москиты, малярия, вода, чёрт знает какая — сплошная зараза! — произнёс он назидательным тоном. — Я думаю, что нам просто необходимо это сделать!

Валерий невозмутимо протирал стакан и, просматривая его на свет, держал паузу. — Все так думают, как наш навигатор? — услышав возгласы, усмехнулся. — Какое трогательное единодушие! Прямо рыдать хочется от умиления.

— Командир, чему тут удивляться? Экипаж у нас споенный, тьфу ты, я хотел сказать — спаянный, — ухмыльнулся Василий. — Ведь не пьянства ради, а здоровья для…

— Ладно, уговорили, — ворча для видимости, согласился Валерий. — Коль заикнулись о здоровье, то предлагаю выпить джина, он есть в баре. — Разошлись они по комнатам около полуночи.

Утро выдалось пасмурным, ветер трепал и раскачивал кроны деревьев. Изредка слышался тупой стук, это под сильными порывами ветра падал перезревший кокос.

— Такой ежели приласкает по головушке — мало не покажется! — к Валерию, стоящему на веранде, подошёл Василий. — Смотри, пасмурно, ветер, а духотища-то какая! Одним словом — тропики… — Он вытащил платок из кармана и вытер лицо: — Пойдём, Валера, выпьем кофе.

— Идём. Да и на аэродром пора. Майор обещал машину к десяти часам.

— Бонжур, месье! — приветливо встретил их бармен.

Наскоро съев яичницу и выпив кофе, они вышли на улицу. Все уже сидели в машине. Дорога шла вдоль берега широкой реки. Между деревьями мелькали хижины, жители провожали их любопытными взглядами.

— В реке, наверное, полно крокодилов, — протянул Жора, смотря на солнечные блики в воде. — Интересно, а местные жители купаются в реке? Что думаешь, Игнатич?

— Это ты у Анри спроси, уж он наверняка знает.

— Нгок! — показал руками Анри в ответ. — О-о, большой крокодил! В этой реке их много, купаться можно, когда воды в реке мало. А сейчас нельзя, нгок может утащить под воду — и… всё!

— Что, всё? — округлив глаза, уставился на него штурман.

— Съест! Ам, ам! — щёлкнул зубами Анри перед самым носом Аркадия. Тот в притворном испуге отшатнулся, стукнув при этом своим стриженым затылком сидевшего сзади Василия.

— Что ты дёргаешься! — недовольно проворчал бортмеханик, потирая ушибленный подбородок. — Вот возьму и скину тебя в воду. Нгокам ты понравишься, вон какой ты у нас пухленький!.. — Василий, поигрывая пальцами, протянул к нему руку.

— Но, но! — Штурман, опасливо отодвинулся от него. — Сам к ним иди, а меня — уволь, я как-нибудь и без их компании обойдусь!

Дорога круто повернула в сторону от реки, и джунгли сомкнулись над машиной. А ещё минут через пять они подъехали к аэродрому.

Глава 19

Они уже часа два сидели в раскалённом фюзеляже, ожидая полковника Макса на перроне авиабазы. Откинутая рампа и открытые дверь и форточки в пилотской кабине совершенно не уменьшали зной. Никакого движения воздуха, выпитая вода тут же изливалась потом.

— Как это наш «сусанин» ухитряется спать в такую жару? — спросил Василий. — Ну, ладно Анри, он местный, привыкший к такому пеклу. А этот?

Валерий, вытирая пот с лица, взглянул на штурмана, тот лежал на спине с полуоткрытым ртом, из которого время от времени раздавались булькающие звуки. Внезапно штурман подскочил, обвёл мутным взглядом всё вокруг, затем он со стоном снова повалился на лавку.

— Никак нашего казанову кошмары мучают, — засмеялся зашедший на рампу Георгий. — В такую жару всё может присниться. Да ещё если ночь провести не одному.

— О чём это ты, Жора? — насторожился Валерий.

Тот усмехнулся:

— И как его только на всё хватает? Я вчера вечером зашёл к нему за сигаретой, а там две

молоденькие «чернушки» сидят. Мне предложил любую, на выбор. Я отказался, а ему пришлось с ними всю ночь покувыркаться. Поневоле после такого будешь спать в любую жару.

— Вот ведь казанова хренов. Знает, что впереди рабочий день, а всю ночь с девицами хороводится. Ну, ладно, я ему устрою выволочку! — рассердился Валерий.

— Игнатич, только не за сегодня, а то получается, что я его тебе сдал, — попросил Георгий.

— Хорошо, — остывая, сказал Валерий, — но в следующий раз получит на полную катушку. Ладно, давай о деле. Нашёл причину вибрации?

Жора покачал головой:

— Ничего понять не могу, всё вроде нормально.

В последнее время у них повысилась вибрация правого двигателя, за месяц она дошла почти до самого верхнего предела. Все попытки выяснить причину ничего не дали.

— И что же дальше, Жора? Останавливать полёты и разбираться основательно?

Георгий кивнул головой:

— Тот случай, что был у нас с Евгением, помните?

— Это когда после взлёта у вас загорелся двигатель и вы тут же сели? Помнишь, Валерий, мы к ним тогда ещё заезжали вечером? — напомнил Василий.

— Как же не помню, мы это дело тогда основательно отметили, — Валерий усмехнулся, вспомнив попойку по случаю счастливого завершения происшествия, грозившего экипажу гибелью.

— Так вот, у нас тогда тоже была проблема с вибраций: день — в пределах нормы, другой — скачек, потом, вроде, снова норма. А чем всё закончилось? Пожаром в воздухе.

— Значит, будем разбираться, — подвёл черту Валерий. Он снова вытер пот с лица:

— Пекло какое! Если бы не выходной у ребят со «сладкой парочки», посидели бы у них в ангаре…

Раздался шум двигателя, у рампы затормозил джип и из него вышел полковник Макс.

— Сейчас подвезут для вас груз до Круи, а оттуда можете возвращаться в Банги-Нова. Срочной работы здесь пока нет, а там ваше начальство стонет — нужны вы с самолётом. — Макс сел рядам с Валерием. — Кстати, есть одна неплохая новость. Спецслужбы после терракта в отеле через двух арестованных вышли на их широко разветвлённую террористическую организацию. Многих арестовали, захвачены склады с оружием и боеприпасами. Готовилось покушение на президента. Среди заговорщиков оказался и капитан Жюль. Видно, он причастен к взрыву вертолёта и к попытке взорвать ваш самолёт. К сожалению он тоже скрылся. Ничего, со временем каждый получит по заслугам, в том числе и капитан Жюль. А вот и ваш груз едет!

К самолёту подъехали две машины с ящиками. Макс поднялся:

— Счастливого вам пути и до встречи! — Полковник кивнул им и, подойдя к майору, приехавшему с грузом, стал что-то у него расспрашивать.

Валерий отошёл в сторону, пропуская солдат, тащивших в самолёт тяжёлый ящик.

— Жора! Тебе не кажется, что уж больно много ящиков на машинах? Ты заметил, какой плутоватый вид у этого майора? Так что смотрите в оба. А то столько накидают, — полосы не хватит для разбега!

Осталось преодолеть вторую половину пути, когда штурман заявил, что система ДжиПиЭс не работает.

— Как не работает? — удивлённо протянул Валерий.

— Отказала, — подтвердил Аркадий. — Никакой информации нет. Такое ощущение, что все спутники исчезли, будто их метлой с неба смели.

— Так, — протянул Валерий, — а нам нужно сесть в Круи. Давай, навигатор, вспоминай о комплексном самолётовождении: осреднённый курс, время по данной скорости и т.д. Столько раз летали по этому маршруту — должен рассчитывать, не глядя в ДжиПиЭс. Посчитай расчётное прибытие, глядишь, ко времени прилёта и облачность разорвёт, не будет сложностей с заходом.

Через несколько минут штурман выдал данные, снижение начали по его расчёту. В облачности, над которой они шли, были разрывы, но видимые участки земли им не о чём не говорили — местность казалось незнакомой. Самолёт вошёл в облачность, за бортом всё стало серым.

— Штурман, что там у нас по РВ[8]? — Валерий внимательно вглядывался вперёд, будто хотел что-то увидеть сквозь облачность.

— По РВ сейчас восемьсот метров, относительно аэродрома — полторы тысячи.

Вот высота стала быстро уменьшатся: шестьсот, четыреста…

— Триста! Уменьшить вертикальную! В горизонт! — завопил Аркадий. — Сто метров до земли!

Валерий вывел самолёт в горизонт, дал команду установить взлётный режим двигателям и энергично потянул штурвал на себя.

— По РВ высота растёт. Пятьсот метров, семьсот, тысяча двести, — бубнил штурман.

«Какую-то горушку перевалили», — облегчённо вздохнул Валерий.

— Через десять минут расчётное Круи, — доложил Аркадий. Впереди по курсу как будто распахнули занавес в облачности.

— Снижаемся, малый газ! — Валерий отжал штурвал от себя. Самолёт заскользил вниз.

— Всем внимательно смотреть ориентиры на земле, главное — не проскочить аэродром! — он обшаривал глазами землю, надеясь увидеть что-нибудь знакомое. Всё ближе земля, слева — горная цепь, верхушки её закрыты облачностью; горы впереди также прикрыты облаками.

— Кэптен! — в наушниках раздался голос Анри. — Круи!

Повернув голову, Валерий увидел второго пилота, возбуждённо тыкающего пальцем в правую от самолёта сторону. В то же мгновение он узнал в светлом пятне, лежащим в траверзе, километрах в тридцати от них, центр провинции, а

8 РВ — радиовысотомер.

чуть ближе и тоненькую красноватую полоску посадочной полосы.

— Молодец, Анри! — От похвалы командира второй пилот радостно улыбнулся.

На аэродроме стоял всего один самолёт — «элка». Несколько грузовиков около него образовали очередь. Зарулив на перрон и выключив двигатели, они продолжали сидеть на своих местах.

— Ну что, «сусанин»? — стараясь говорить спокойно, начал Валерий. — Получается, что без ДжиПиЭс мы летать не можем. Знаем, что от «земли» помощи ноль — наземных локаторов тут нет. Повезло, что не врезались в гору. Как же ты, Аркадий, рассчитал безопасную высоту по маршруту полёта? Похоже, ты её не считал, а ведь это самое малое, что ты обязан делать. Своим безответственным отношением к обязанностям создал экипажу угрозу для жизни. Нам повезло, что мы вышли на визуальный полёт, что Анри увидел Круи на таком боковом удалении. Какой был бы позор, если бы не нашли аэродром. Словом, оценка тебе сегодня, как штурману — «два».

— Это почему я во всём виноват? — завозмущался Аркадий. — А вы?

— Я с себя ответственности не снимаю. И в первую очередь виноват в том, что верил тебе как профессионалу. А ты оказывается без ДжиПиЭс, работать не умеешь. Заруби себе на носу: в каждом полёте ты должен знать место самолёта каждую минут. Кстати — это твоя первейшая обязанность, как штурмана. Ещё раз допустишь такой ляпсус, — вместе летать больше не будем. Усёк? Не рассчитывай, что ты у нас такой незаменимый…

— Да, голубок, ты нас сегодня чуть не угробил, — высказался в свою очередь бортмеханик, — слабак ты в простой навигации. Пошли, командир, поздороваемся с мужиками.

— Кстати, «сусанин», сходи со своей «балалайкой» к штурману на «элке», может он что-нибудь подскажет, — напомнил Валерий.

Не обращая внимания на недовольное ворчание штурмана, бухтевшего что-то о человеческой неблагодарности, они с Василием направились к АН-12. Экипаж его стоял в тени от крыла.

— Куда это вы запропастились? — пожимая руку Валерия, поинтересовался Стас. — На базе совсем не появляетесь, там «абрек» с Петром ждут вас — не дождутся.

— Вот мы сегодня и обрадуем их своим появлением, да за три недели стрясём с них суточные, — засмеялся Валерий. — Не было видно? Так мы всё по кустам шастаем на местных северах. А что нового в наших палестинах?

— Да ничего особенного. Серов так и не объявился, а эта парочка — наше руководство — такое бестолковое. Заработки сократились. В будущем ничего хорошего ждать не приходиться, если здесь не будет Серова. Видимо, придётся искать новых работодателей. Вы на выходные дома будете? Вот и отлично! У нашего Володи — день рожденья! Так что в субботу вечером после работы — сразу к нам. А что это Аркадий такой сердитый?

— Он только что от Валерия схлопотал, — сказал Василий. — Совсем перестал мышей ловить. Без ДжиПиЭс не может работать.

— Верно, стоит только этой системе отказать — всё, без неё нынешние штурмана становятся как слепые котята. — Засмеялся Стас, глядя на надутое лицо Аркадия.

Глава 20

Бескрайние джунгли плыли под крылом самолёта, казалось, нет им ни конца, ни края. Они пролетели уже километров сто после взлёта в Нгоронги, небольшом городке, стоящем на границе джунглей и саванны в трёхстах километрах от столицы.

Накануне их срочно вызвали в столицу. Командующий ВВС, полковник Мдуди, придя к ним вечером в отель в сопровождении полковника Макса, сообщил им о задании чрезвычайной важности. Оказалось, что Нгоронги, отбитый у оппозиции месяц назад, оказался блокированным и вот уже десять дней его малочисленный гарнизон отбивает атаки партизан. Городок этот был стратегически важным — стоял на реке, через него проходили железная дорога и шоссе. А пока до него можно было добраться только по воздуху. Нужно было в срочном порядке перебросить туда солдат, оружие и боеприпасы — защитники города нуждались в помощи.

— Нужно будет сделать минимум два рейса, — сказал командующий. — Кроме вас будут задействованы два транспортных ми-8, боевые вертолёты подавят огневые точки противника в районе аэродрома. Первым рейсом доставите роту солдат, вторым — оружие и боеприпасы. Заход на посадку производите с прямой, через реку, это наиболее безопасный вариант. Более подробно вам объяснит полковник Макс: время вылета, взаимодействие с боевыми вертолётами и т.д.

Они взлетели рано утром, забрав на борт солдат и часть боеприпасов. Транспортные и боевые вертолёты вылетели гораздо раньше. Ещё издали увидели большое облако дыма в районе городка — горело подожжённое мятежниками нефтехранилище.

— «Танго Ромео», «Танго Ромео»!- раздался в наушниках голос Алексея, командира боевого вертолёта. — Ответьте «Сладкой парочке»! Приём. — Они уже привыкли к своему прозвищу, которым их наградил экипаж «дракона» и, похоже, оно им нравилось.

— «Танго Ромео» отвечает «Сладкой парочке», — Валерий отпустил кнопку передатчика.

— Валера, можете спокойно заходить на посадку, окрестности аэродрома мы почистили. Садитесь и спокойно разгружайтесь, а мы сверху посмотрим, если что — примем меры.

— Спасибо, ребята, мы уже на прямой.

— Видим вас, мягкой посадки!

Грунтовая полоса была неровной и коротковатой, тяжело нагруженный «дракон» остановился лишь в самом её конце. Высыпавшие из самолёта солдаты быстро выгрузили ящики с боеприпасами на подъехавшие машины. Забрав несколько десятков раненых, самолёт, не медля, взлетел в сторону реки. В столице их опять загрузили под самую завязку оружием и боеприпасами, и менее чем через час они вновь садились на маленький аэродром. Слышался отдалённый стрекот пуле-

мётов и автоматов, время от времени раздавался рёв безоткатного орудия или уханье пушек.

Подъехавший на грузовой машине майор гортанно скомандовал солдатам, и те сноровисто стали разгружать ящики. От сожжённого здания аэропорта медленно шла цепочка раненых. Их обогнала машина, остановившаяся у самолёта. Санитары в изодранных, окровавленных халатах стали снимать с неё тех, кто не мог передвигаться самостоятельно.

На перроне авиабазы в столице их ждали командующий ввс и генерал Боуссье.

— Как слетали, кэптен Вэлери? — спросил генерал, пожимая руку Валерия.

— Нормально, мой генерал.

— Нормально — это хорошо, — генерал пристально всматривался в лицо командира «дракона». — У нас к вам просьба. Чтобы окончательно стабилизировать обстановку вокруг Нгоронги, необходимо сделать ещё один рейс и доставить туда роту армейского спецназа с её вооружением. Как вы смотрите на это, друзья?

Молчание остальных прервало бурчание штурмана, что-то сказавшего себе под нос.

— Вы что-то хотели сказать? — обратился к нему генерал. Аркадий открыл было рот, но увидев устремлённый на него тяжёлый взгляд Валерия, отрицательно мотнул головой.

— Надо, так надо. Давайте ваш спецназ, генерал, пусть грузятся, — решительно сказал Валерий.

— Мы не сомневались, что вы поймёте и согласитесь. Оттуда можете напрямую уходить к себе в Банги-Нова. Не так ли, полковник? — обратился генерал к командующему ввс.

— Да, конечно, на ближайшие дни никаких заявок на вас нет.

Проводя взглядом цепочку спецназовцев, исчезающих внутри самолёта, генерал пожелал успешного полёта и пошёл к машине.

— Хорошо им — распорядились и уехали, а ты тут подставляй свою задницу, — проворчал Аркадий, провожая отъехавшую машину мрачным взглядом.

— А ты, видимо, забыл контракт, который сам же и подписывал? — спросил его Василий.

— Мало ли что когда-то и где-то я подписывал! — продолжал зудеть штурман.

— Вот-вот, память у тебя коротка! А неплохие денежки за такую работу получать, это ты сразу согласился! — бортмеханик неодобрительно посмотрел на Аркадия. Перепалка была прервана командиром: — Кончай базарить, мужики, загрузка на борту! Василий, сколько залил в баки?

— Сейчас в баках четыре тонны. А что, нужно было залиться полностью?

— Думаю, достаточно, чтобы оттуда уйти домой. Что скажешь, Аркадий? — Валерий хлопнул нахохлившего штурмана по плечу.

— Хватит, ещё и останется, — скривился тот от шлепка командира.

— Ну, тогда вперёд, без страха и сомнения! Так когда-то говорил мой первый командир на Крайнем Севере. Чем быстрее отсюда вылетим — тем быстрее окажемся дома, а там нас Жора будет ждать с ужином. Пошли на самолёт.

Георгия они были вынуждены оставить дома, несколько дней назад у него проявились признаки малярии — поднялась температура, ломило затылок. Тест крови, сданный в лабораторию, подтвердил наличие вируса, и Жоре пришлось заняться лечением. Он порывался лететь с ними, но Валерий оставил его дома, заявив, что пару дней и без него обойдутся.

«Сладкую парочку» они встретили на подходе к городку — те шли встречным курсом. Алексей сообщил, что обстановка вокруг аэродрома спокойная, и они возвращаются в столицу.

— Мягкой посадки вам, ребята! В выходные дни будем в ваших краях, так что ждите в гости. До встречи в Банги-Нова! — пророкотал в наушниках голос Алексея.

— Аркадий, обязательно прихватим с собой бутылочку текилы, похоже она тебе понравилась! — послышался голос Кости. — Можешь выспорить ещё сотню баксов! — засмеялся он.

— Щас, разбежался, — проворчал штурман, — нашли фокусника. Пускай сами жуют эту гадость.

— Ну, а если предложат двести баксов? — вкрадчиво спросил Василий.

— Двести? — протянул Аркадий. — Надо подумать…

— Да согласишься же, куда ты денешься! Сжевать червяка за пару сотен баксов — для тебя же не проблема, жадненький ты наш! — издевательски ухмыльнулся бортмеханик.

— А ты попробуй сам его слопать, а я посмотрю! — ощетинился штурман. Бортмеханик было открыл рот, чтобы ответить, но тут вмешался Валерий:

— Хватит болтать! Полоса уже видна. Штурман, сколько до неё?

— Пятнадцать кэмэ, — доложил Аркадий.

— Обычный заход, скорость на прямой та же — двести пятьдесят, — Валерий отжал от себя штурвал: — Все будьте предельно внимательны! Что-то мне не нравятся эти вспышки левее полосы, похоже, это снаряды.

— «Сладкая парочка» успокоила, что там всё в порядке. — Василий, вытянув шею, внимательно вглядывался вперёд. Тем не менее, они благополучно приземлились. Спецназовцы спешно разгрузились, расселись по пришедшим за ними машинам, и те помчались в сторону городка.

— Командир! — обратился к Валерию подошедший Анри, — вот капитан просится с нами. Его ранили, и он направляется в госпиталь. В Банги-Нова — ещё лучше, он сам оттуда.

Перед Валерием с немой просьбой стоял молодой капитан, одна его рука была перебинтована и висела на перевязи, голова подёргивалась.

«Наверное, контузило», — подумал Валерий и кивнул головой. Капитан радостно заулыбался.

— Анри, только забери у него пистолет, объясни, что так положено. Прилетим, — сразу же получит его назад. У нас всё в порядке, Василий?

— Можно вылетать, всё в норме. — Василий пнул ногой пневматик шасси. — Только вот опять капли керосина в правой мотогондоле.

Они подошли к правому крылу. Подняв голову, Валерий посмотрел на створки мотогондолы — на них виднелись свисающие капли.

— Ну, не оставаться же нам здесь заниматься ремонтом? Тем более Георгия нет. Возвращаемся и больше никаких полётов, пока не устраним все дефекты. Ты заметил — сегодня опять был скачок вибрации?

— Никто и не предлагает оставаться, — буркнул Василий. — А вибрацию я тоже заметил, не один ты у нас такой глазастый, — бортмеханик вытер руки о тряпку. — Аркадий, сколько нам пилить до дому? — обернулся он к стоящему под крылом штурману.

— Полтора часа. Самолёт-то у нас пустой, а если ты не будешь экономить керосин, то придём и за час двадцать. — Не упустил он возможности поддеть Василия.

— Тогда — по коням! Не нравятся мне эти звуки, — Валерий кивнул в сторону боя, громыхавшего уже неподалёку от полосы. — Давайте в самолёт, улетаем! — Он шагнул к носу самолёта, но не успел поставить ногу на лесенку, как над головой раздался свист, и по ту сторону полосы взметнулся султан земли, сопровождаемый оглушительным грохотом.

Толкая друг друга, лётчики кинулись в кабину. Казалось, запуск двигателей шёл на этот раз невыносимо медленно. За это время, заглушая рёв двигателей, прогрохотали рядом с полосой ещё два взрыва. Но вот двигатели запущены и они, не мешкая, пошли на взлёт. Валерий, вцепившись в штурвал, впился взглядом в противоположный конец полосы, удерживая самолёт от рысканья, ожидая, когда штурман начнёт отсчёт скорости.

— 160, 180, 200… — Командир плавным движением штурвала на себя поднял самолёт в воздух.

— Теперь быстрее вверх! — бормотал он себе под нос. Ещё несколько фонтанов земли взметнулись рядом с полосой. Десять, пятнадцать, восемнадцать метров в секунду — мощные двигатели бешено тянули пустую машину вверх.

— Уф-ф! — выдохнул из себя Аркадий, — такого мы ещё не видели! Шваркнул бы один снаряд рядом, и — ага — поминай, как звали! — Голос его, дребезжащий то ли от вибрации, то ли от пережитого напряжения, развеселил остальных.

— А ты, похоже, в штанишки наложил? — съехидничал Василий. — Что-то не русским духом здесь запахло! — захохотал он.

— Ты лучше свои пощупай! — огрызнулся Аркадий.

— Хватит вам! — вмешался Валерий. — Мне тоже не по себе стало, хоть и штаны сухие.

В кабине раздался дружный хохот.

— Штурман, давай-ка уточним радиал, с которым мы пойдём напрямую домой. Василий, ставь крейсерский режим!

Штурман, что-то нашёптывая, заиграл на клавишах ДжиПиЭс.

— Берём курс 240!

Валерий плавно накренил самолёт влево: 280, 260, а вот и 240!

— Так и держим! Путевая — 500 кэмэ, сильный встречно-боковой ветер, — доложил Аркадий.

Валерий, пробежав взглядом по приборам и включив автопилот, отодвинул кресло до упора назад и с хрустом потянулся.

— Эх, сейчас бы какую-нибудь милашку! А, командир?! — хихикнул штурман, увидев потягивающего Валерия.

— У тебя одно на уме. Всё ещё, как у младенца, зубы режутся, — усмехнулся Валерий.

— Так ведь дело-то житейское! — продолжал гнуть своё Аркадий, но командир ничего ему не ответил. Повернув голову, он смотрел вниз, где зелёная ткань джунглей покрыла всю землю.

«Зелёные лёгкие Африки» — вспомнилось ему когда-то прочитанное выражение. Он удобнее устроился в кресле, прикрыл глаза. Сквозь дрёму он слышал, как Василий, откинув своё кресло, вышел в грузовой салон, затем вернулся. Полушёпотом переговаривались Аркадий и Анри.

Резкий вой сирены подбросил Валерия в кресле.

— Пожар правого двигателя! — раздался голос Василия. Взгляд Валерия метнулся на панель сигнализации: багровым зловещим оком пылало табло «пожар». Вторя ему, горела красным светом сигнализация «пожар в мотогондоле правого двигателя». Продолжала выть сирена.

— Выключить правый, флюгер правому, выключить генератор правого! — автоматически приказал Валерий. Руки Василия забегали по кнопкам и рычагам на центральном и верхнем пультах.

— Правый двигатель и генератор — выключены, пожарный и стоп-кран — закрыты, винт зафлюгирован. — В голосе Василия чувствовалось напряжение. — Командир, не сработала автоматика первой очереди пожаротушения. — Сирена продолжала выть. Удерживая самолёт от крена и разворота, Валерий, оглянувшись на Анри, с удовлетворением отметил, что тот, сохраняя спокойствие, помогает ему удерживать машину в прямолинейном полёте.

— Василий, открывай краны системы вручную, левому — номинальный режим. Да выключи ты эту хреновину! — Бортмеханик протянул руку — вой прекратился.

— Не забудь, Василий, первую очередь — в мотогондолу, вторую — в двигатель. При необходимости используй третью и четвёртую очереди.

Пощёлкав кнопками на панели пожаротушения, Василий выскочил в грузовой салон и тут же вернулся:

— Дым валит из двигателя и искры проскакивают.

Он вновь защёлкал кнопками на панели.

— Дело — дрянь! Вручную клапаны также не открываются. Вот она, где нас настигла!

— Кто — она? — спросил Валерий.

— Беда! Не сработала система, никто её никогда не проверял. Вот оно — наше русское авось!

Василий вновь вышел в салон. Вернувшись, он мрачно посмотрел на Валерия:

— Дело труба, Валера. Из двигателя бьёт пламя!

Мысли лихорадочно метались в голове: «Так, нужно аварийно снижаться, иначе может отгореть и отвалиться крыло. Но куда садиться? Внизу

джунгли, ни одной прогалины, хотя бы какая-нибудь речушка или озеро».

— Аркадий, — он обернулся к штурману — на него смотрели глаза, наполненные страхом. — Ну-ка, встряхнись! Сообщи любому, кто услышит: пожар правого двигателя, ликвидировать не удалось. Приступаем к аварийному снижению. Сообщи радиал и удаление от Нгоронги.

Валерий перевёл РУД левого двигателя за защёлку малого газа и отжал от себя штурвал. В наушниках слышался дрожащий голос штурмана, повторяющего информацию об их катастрофическом положении. Глаза Валерия обшаривали поверхность джунглей, но зелёный ковёр простирался до самого горизонта. Хотя бы что-нибудь, какой-нибудь намёк на открытое пространство или водоём, но нет — всё прикрыто этим ковром.

— Василий, сходи, посмотри, что там.

Бортмеханик вернулся тут же:

— Пламя ещё сильнее стало. Валера, неужели — конец?! — с посеревшего лица глаза Василия с надеждой смотрели на командира.

— Ну что ты, Василь! Всё будет нормально, держи себя в руках. Экипаж, внимание! Пожар потушить не удалось — нужно садиться. Внизу джунгли. Если не попадётся какая-нибудь прогалина — придётся садиться на лес. Приказываю: всем уйти в хвост и хорошенько привязаться. Постараюсь примоститься на самой минимальной скорости.

— Валера, я с тобой останусь, перед посадкой помогу, — просительно посмотрел бортмеханик.

— Нет, в хвост! Не нужно рисковать вдвоём. Поспеши, времени мало.

Рука Василия стиснула плечо командира:

— Удачи тебе!

— Удачи всем нам, давайте побыстрее! — Кивнув Анри, покинувшему своё кресло, он обернулся и убедился, что штурмана уже нет в кабине.

— Так, — шептал Валерий, смотря на прибор скорости, — шасси не выпускаю, закрылки выпускаю полностью… Скорость при посадке на деревья, как можно меньше… Пора выпускать закрылки.

Он откинул предохранительную планку и нажал тумблер закрылков на выпуск. «Всё, дальше тянуть некуда, нужно выключать двигатель». Затем выключил генератор и впился взглядом в набегающие джунгли. «Господи, хоть бы какая-нибудь проплешина!» Но навстречу самолёту набегала бескрайняя зелёная масса деревьев — верхушки их были всё ближе и ближе.

Валерий, взяв немного штурвал на себя, уменьшил угол планирования, скорость стала уменьшаться: 260, 240, 220, 210… Первые удары верхушек деревьев о фюзеляж, и вот уже по слуху хлестнул треск ломающихся деревьев. Он ещё успел потянуть штурвал на себя и увидеть на указателе скорости её последнее значение — 180 км/ч.

От страшного удара самолёт развернуло вправо. Ломая всё на своём пути, он рушился вниз. Послышался скрежет раздираемого металла, ещё один удар потряс и развернул машину в сторону. Валерию показалось, что сейчас чудовищная сила выдернет его из кресла и выбросит неизвестно куда. Тело его, удерживаемое привязными ремнями, мотнулось, сокрушительный удар в голову и плечо бросил в тёмный омут беспамятства…

Глава 21

Что-то стучало в голове — будто отсчитывал секунды метроном. Когда он попытался пошевелиться, пульсирующая боль захлестнула и утащила в чёрную пучину. Сколько он пробыл без сознания? В раздираемой болью голове, мелькал один вопрос: «где я и что со мной?» — ответа у него не было. На этот раз он был осторожнее: стараясь не шевелить головой, попытался открыть глаза, но увидеть что-либо мешала какая-то тёмно-красная пелена.

Валерий осторожно пошевелил головой, ожидая, что его опять кинет в тёмную бездну, но на этот раз обошлось. Подняв правую руку, стал ощупывать голову. Левая её половина представляла собой месиво из слипшихся волос, и малейшее прикосновение вызывало резкую боль. Он притронулся ко лбу, тот был влажный и липкий. «Кровь, это моя кровь», — понял Валерий.

Проведя пальцами по векам, стёр кровь с глаз и тем самым вернул себе зрение: тёмно-красный мир превратился в серый. Глаза его остановились на циферблатах приборов. «Я в кабине самолёта, мы садились в джунглях», — память услужливо вернула в реальный мир. Он поднял глаза и чуть повернул голову влево, уставившись на левую форточку фонаря кабины. Стальная окантовка форточки была в крови. «Приложился бы чуть ниже об ручку форточки, и это был бы конец», — отрешённо подумал он.

Валерий вновь потрогал левую часть головы, от боли в глазах поплыли разноцветные круги. Повернув голову ещё левее, он увидел невероятное: крыла с двигателем не было, вместо них рядом высилась громада гигантского дерева с сучьями, каждый с хорошее бревно.

Снаружи стоял полумрак. Внезапно впереди носа самолёта обозначилось какое-то движение: небольшая птичка с ярким оперением уселась на кок носового отсека у стекла, бусинки её глаз уставились на Валерия. Некоторое время они изучали друг друга, потом птица, видимо решив, что это непонятное существо не представляет для неё опасности, тюкнула длинным клювом у основания стекла. По-хозяйски пройдясь по коку и стукнув ещё пару раз, она снова посмотрела на Валерия и вспорхнула.

«Счастливая птичка, — подумал он. — Вот бы мне сейчас так — вспорхнуть и улететь». Но тут другая мысль, как молния, пронзила его: «Почему тихо, почему никто не придёт в кабину поинтересоваться, как он тут?». Он медленно повернул голову в сторону двери, в это время за ней послышался шорох, и чей-то слабый голос позвал его. Кто-то попытался открыть дверь — ручка несколько раз шевельнулась вниз вверх. Дикая радость охватила Валерия: «я не один!»

— Я сейчас! Я выхожу! — крикнул он, рассчитывая, что его, конечно же, услышат. Но на самом деле он чуть слышно прошептал эти слова. Осторожно, с усилием убрал правый подлокотник кресла, за что тут же расплатился волной слабости

во всём теле. Посидев немного и чувствуя, как силы возвращаются, попытался подняться. Что-то удерживало его. «Да, нужно отстегнуть привязные ремни и отодвинуть кресло до упора назад»… Проделав это, он медленно развернулся в кресле, прислушиваясь к своему телу, — не хлестнёт ли боль ещё в какой-нибудь его части. «Всё нормально, — подумал он с облегчением, — пострадала только голова».

Опершись одной рукой на центральный пульт, второй — на своё кресло, Валерий приподнялся. Чувствуя, как жаркая волна охватывает его, покачиваясь, он выпрямился. В глаза бросилась пластиковая бутылка с водой, воткнутая в карман спинки кресла второго пилота. Несколько глотков воды вернули его к жизни. Засунув бутылку на прежнее место, он взялся за ручку двери. Нажав на неё вниз, надавил на дверь, но она не открылась. «Деформировало», — понял он. Вдруг ручка в его руке как бы ожила — кто-то с той стороны пытался ему помочь. Он удвоил усилия, раздался скрежет и, заскрипев, дверь начала открываться и, наконец, распахнулась — за ней стоял Анри. Не веря, что он видит командира живым, стал ощупывать его руками.

— Анри, как остальные? Живые, раненые?

Глаза Анри потухли, он опустил голову и шагнул в сторону, пропуская Валерия. В полумраке, царившем в грузовой кабине, бросилась в глаза большая дыра — хвостовая часть самолёта оказалась наполовину оторванной. Он повернул голову, оглядывая салон, и сначала увидел чьё-то тело, лежащее почти у самой дыры. Пригляделся — ещё кто-то неподвижно сидел на сиденье. Подойдя ближе, он замер, содрогнувшись от страшной картины: пристёгнутый к сиденью, весь в крови сидел Аркадий, из его груди торчал сук, проткнувший его насквозь.

Валерий приподнял его голову: удивлённое выражение застыло на лице Аркадия. Будто он пытался спросить, что это с ним случилось. Рука Валерия легла ему на глаза — закрыв их, он осторожно опустил его голову.

— Анри, давай снимем его и положим на лавку.

Они сняли тело штурмана с куска дерева, убившего его, и положили на блок скамеек, откинутых от борта. Подойдя к Василию — это он лежал, скорчившись, почти у самой дыры — Валерий опустился на колени и перевернул его на спину. Вынув платок, намочил его и стал осторожно обтирать кровь с лица Василия. У виска кровь запеклась, из сгустка торчал кусочек кости. «Проломлена голова». Приложил пальцы к шейной артерии, надеясь на чудо…

Валерий посмотрел на часы, его «Ориент» по-прежнему исправно отсчитывал время. Затем сел рядом на лавку и опустил голову — на душе было пусто и тоскливо.

— Командир! — услышал он голос. — Командир!.. — Наконец, он понял, что его зовёт Анри.

— Что ты сказал, Анри? — он будто проснулся. Повернувшись, взглянул на печальное лицо своего второго пилота.

— Мсье Василий — всё?

— Да, Анри, он умер, — тихим голосом произнёс Валерий и вновь опустил голову. Что-то заскрежетало, раздался треск, и пол под их ногами стал опускаться. Но вот снова всё стихло.

— Значит, мы висим над землёй, и неизвестно на какой высоте. Анри, а где же капитан? — Только сейчас он вспомнил, что они взяли с собой раненого капитана. Валерий вновь обшарил взглядом всё пространство грузовой кабины, прошёл к полуоторванному хвосту, зачем-то пошевелил лежащую кучей брезентовую штору.

— Его туда! — второй пилот, подыскивая необходимое слово, рукой показал на отверстие в фюзеляже.

Валерий подошёл к проёму и заглянул в полумрак. Разглядеть там что-либо внизу было невозможно. Он несколько раз крикнул, прислушиваясь, в надежде услышать человеческий голос в ответ, но ничего не услышал. Затем подошёл к правой стороне кабины и выглянул в иллюминатор — над правым двигателем тянулась маленькая струйка дыма, видимо, пожар, не получая струи воздуха, гас сам по себе.

— Анри, — он вновь посмотрел на часы, — сейчас семь часов, через час здесь будет совсем темно. Придётся провести ночь здесь, в самолёте. Утром определимся, как высоко мы подвешены и каким образом сможем спуститься. — Валерий приложил руку к голове — пульсирующая боль не покидала её. «Похоже — сотрясение мозга», — подумал он. Напомнило о себе и плечо, он пощупал его — кости, вроде бы, были целы.

— Анри, как ты себя чувствуешь? Что у тебя болит?

Анри, поняв его вопрос, приподнял форменную рубашку — на левом боку красовался обширный кровоподтёк. Стоило Валерию слегка нажать на кожу, как Анри болезненно вскрикнул.

— Наверное, у тебя сломано несколько рёбер. Что ещё?

Анри задрал штанину — рваная рана тянулась по икре, она немного кровоточила. Аптечка была прикреплена в грузовой кабине над радиоэтажеркой. Открыв её, Валерий вытащил пузырёк, бинт и лейкопластырь. Смазав края раны йодом, он забинтовал ногу. Нашлась и пачка анальгина, он тут же проглотил пару таблеток. Стремительно темнело, уже трудно стало различать друг друга.

— Ну что, Анри, будем устраиваться на ночь?

Они сели в кресла. Валерий осторожно положил голову на спинку и закрыл глаза. Перед ним, как на экране замелькали события прошедшего дня. Вот они взлетают под артиллерийским огнём… Ревёт сирена, горит двигатель… Вот он заставляет всех уйти в хвост… Самолёт начинает ломать деревья… Потом удар и темнота…

Валерий открыл глаза и уставился в ночной мрак. Так и сидел он, глядя в никуда. Головная боль стала понемногу отступать, и дрёма овладела Валерием. В течении ночи он несколько раз выныривал из этого состояния полусна, пытаясь принять более удобное положение, но резкие движения откликались болью в голове и плече. Тихо посапывал в правом кресле Анри.

Под утро стало свежо, Валерий открыл глаза. Солнечные лучи робко пытались пробиться сквозь

зелёный щит леса, жизнь вокруг оживала. Доносился стрекот, жужжание, кто-то завопил, затем раздался чей-то рык, заглушив остальные звуки.

Повернув голову, Валерий встретился взглядом с Анри, тот грустно улыбнулся:

— Доброе утро, командир!

— Как себя чувствуешь, Анри?

Тот в ответ пожал плечами, но боль в боку заставила его скривиться. Выбравшись из кресел, они вышли в грузовую кабину. Валерий посмотрел в иллюминатор: над двигателем никакого дыма не было видно, видимо, всё, что могло там гореть, уже сгорело. Подошёл Анри, и в этот момент самолёт стал крениться на правую сторону и проваливаться вниз.

— Держись, Анри! — Валерий схватился за сиденье. В какой-то момент падение замедлилось, потом раздался треск ломающегося металла, и со страшным скрежетом машина рухнула вниз. Удар… и всё замерло. Ошеломлённые падением, морщась от боли, лётчики поднялись на ноги. Самолёт лежал на земле, и они выбрались наружу. Правое крыло, переломленное в районе двигателя, задралось вверх, застряв законцовкой в развилке большого дерева. Они продрались через кусты к хвостовой части, которая при падении почти отломилась. Обогнув хвост и подойдя к левой стороне, они сначала увидели оторванное крыло с воткнувшими в землю лопастями винта. Рядом со стволом гигантского баобаба лежал капитан, уткнувшись лицом в землю.

Валерий нагнулся и перевернул его на спину. Лоб был разбит, на лице застыли потёки крови. Они молча постояли рядом с телом капитана и потом через дыру в хвосте вернулись в самолёт. В пилотской кабине Валерий взял аварийный топорик, нашёл в инструментальном ящике и небольшую лопатку со складной ручкой. Вытащив пакет из-под своего сиденья, он переоделся в голубой комбинезон — их фирма выдавала экипажам для технических нужд.

Они вынесли тела Василия и Аркадия и положили рядом с капитаном. Могилу удалось вырыть за несколько часов. Валерий нагнулся к Василию, вытащил из нагрудного кармана представительское удостоверение, из джинсов — небольшой бумажник. У Аркадия в карманах было пусто, и Валерий вспомнил, что свои документы тот содержал в небольшой барсетке, которую обычно клал у блистера в кабине. У капитана они нашли шариковую ручку, карандаш с толстым, мягким стержнем, нож с длинным выкидывающимся лезвием, пачку сигарет и зажигалку. Из внутреннего кармана — бумажник. Открыв его, Валерий вытащил несколько банкнот местной валюты, фотографию, на которой рядом с капитаном сидела миловидная негритянка, к ним прижимались двое ребятишек с испуганно вытаращенными глазёнками. Нашлось и офицерское удостоверение, выданное на имя капитана вооружённых сил республики Мазанги Патриса Мулуки.

— Командир!- услышал он голос Анри. Обернувшись, увидел, что тот снимает с ног капитана высокие армейские ботинки. — Командир, на своих башмаках ты далеко не уйдёшь.

Валерий посмотрел на свои щёгольские мокасины. Да, они действительно больше годились для асфальта, чем для путешествия по этим дремучим лесам.

— Спасибо Анри. И давай начнём. — Тела по очереди опустили в яму, прикрыли брезентом, затем засыпали землёй и утрамбовали над могилой холмик. Водрузив крест, на перекладине Валерий написал фамилии погибших и дату катастрофы.

Уходить решили завтра утром. Взглянув на груду вещей необходимых в пути, Валерий прикинул, что всё это в один рюкзак не поместится. Взяв рюкзак капитана за образец, Валерий выкроил из брезента соответствующие куски и начал их сшивать. Анри с интересом наблюдал за всем, что он делает. Внезапно он замер, прислушиваясь.

— Командир! — взволнованно крикнул он. — Самолёт!

Валерий, бросив шить, тоже прислушался: и в самом деле, откуда-то издалека доносился гул авиационных двигателей. Сначала звук приблизился, но вскоре стал уменьшаться, а затем и совсем исчез.

— Анри, в этих джунглях нас никто никогда не найдёт. Нужно надеется только на себя, ждать помощи нечего. Завтра утром нужно выходить.

К вечеру Валерий сделал мешок. Спать они устроились снова в пилотской кабине.

Глава 22

Поднявшись рано утром и позавтракав сэндвичами, они распределили отобранный груз. Валерий подпоясался ремнём с кобурой, вытащив и дозарядив обойму пистолета патронами, найденными в рюкзаке капитана. Девятимиллиметровая «Беретта» — такой пистолет был у Филиппа, и из которого Валерий стрелял пару раз на авиабазе.

На листке бумаги Валерий описал всё, что произошло с ними. Положив записку на центральный пульт, он плотно закрыл дверь в пилотскую кабину. Они решили, что идти нужно строго на юг — в сторону железной дороги, это самое кратчайшее расстояние до жилых мест.

По примерным подсчётам они упали на 200–250 км северней «железки». ДжиПиЭс покорёжил сук дерева, пробивший блистер штурмана. В пути они могли ориентироваться только с помощью снятого Валерием с самолёта магнитного компаса, прозванного лётчиками «бычий глаз», он ставится на все самолёты, независимо от их радиотехнической оснащённости.

Закинув за плечи рюкзаки, они подошли к могиле. Постояв с опущенной головой, Валерий прошептал:

— Прощайте, ребята. Спите спокойно и простите меня, что оставляю вас здесь.

Пройдя десяток метров, он обернулся и в последний раз посмотрел на самолёт и крест рядом с ним — через минуту джунгли поглотили их.

Идти сначала было не так уж и плохо, правда, попадались такие заросли, пробираться через которые напрямую было невозможно и приходилось их обходить. Гигантские деревья тянулись вверх своими толстыми стволами, их верхушки было невозможно рассмотреть через сплетение ветвей. Всевозможные лианы тянулись между

деревьями, яркие цветы свисали с веток, густые и терпкие запахи наполняли воздух. Донимали насекомые. Антикомарин, найденный в пакете у штурмана, некоторое время позволял не обращать внимание на вьющуюся около лица зудящую мелкоту. Но пот смывал защиту с лица, и вновь к нему начинал липнуть гнус.

Ноги пружинили на многолетнем ковре из полусгнившей листвы. Первое время они настороженно крутили головами на внезапно раздающиеся звуки — будь то вопль прыгающей с ветки на ветку обезьяны или чьё-то шипенье, но вскоре перестали обращать на это внимание, отупев от духоты, заливающего лицо пота и усталости.

Они продолжали продираться сквозь джунгли, пока не начало темнеть — двигаться дальше стало затруднительно. Пожевав консервов и запив их водой, стали соображать, как устроится на ночлег. Спать на земле небезопасно — здесь было много всякой ползучей нечисти, и они нашли дерево с крепкими раскидистыми ветвями. Конечно, это были не кровати на вилле, и даже не пилотские кресла, но измученные дневным переходом, привязав себя верёвкой, взятой из аварийного люка пилотской кабины, они тут же провалились в тяжёлый, наполненный кошмарами сон.

Проснувшись под утро и спустившись вниз, Валерий почувствовал себя разбитым. Ныло всё тело, особенно ломило спину и ноги, ладони были в ссадинах и порезах. Анри чувствовал себя также не лучшим образом. Выпили по кружке кофе, вскипятив в солдатском котелке немного воды. Сориентировавшись по «бычьему глазу», двинулись дальше в сторону юга.

Деревья и кустарники с растопыренными ветвями-руками, лианы, переплетающие пространство между деревьями, трава, цепляющаяся за ноги, кровососы, тучами вылетающие из листвы, духота, заливающий лицо пот, — «весёленькая» прогулка по экваториальным джунглям продолжалась.

В этот день они наткнулись на несколько банановых деревьев. Свисая большими гроздьями среди листвы, спелые плоды удивили их своей окраской — кожура была нежно-розового цвета, а вкус, как оказалось, несколько отличался от обычных бананов, напоминая ананас. Скинув рюкзаки, они с аппетитом уплетали душистую, сочную мякоть плодов.

— Анри, — Валерий оторвал очередной банан, — мы сегодня достаточно много прошли, думаю, километров около десяти. Давай останемся здесь на ночь, тем более, что тут растёт и ужин, и завтрак, да и с собой потом можно будет прихватить немного бананов.

Первая неделя пути далась им нелегко, но к концу её они почувствовали себя более уверенными. Тревожило, что консервов осталась половина, воды — менее пластиковой бутылки.

— Командир, — сказал Анри, глядя на его расстроенное лицо, — завтра мы найдём воду.

— Где мы её найдём? — с горечью проронил Валерий. — За все дни ни разу не наткнулись ни на речку, ни на озеро. Голодными не останемся, а без воды — дело будет совсем плохо. Хотя бы дождь пошёл, так нет, всё время солнечные дни…

— Завтра мы всё равно найдём воду — я обещаю.

Участки джунглей, по которым можно было передвигаться без особых затруднений, попадались редко. Заросли бамбука, кустарники, обвивающие деревья и тянущиеся во всех направлениях лианы, высокая трава с длинными, жёсткими листьями, гигантские деревья, стоящие в одиночку и группами, — всё это создавало большие препятствия.

Они отдыхали, сидя на поляне, когда внезапно Анри схватил лопатку и ударил ею по огромному пауку, выбежавшему к их стоянке из зарослей. Из разрубленного мохнатого тела брызнула зеленоватая жидкость, суставчатые, волосатые ноги судорожно задёргались.

— Какая гадость! — вымолвил Валерий, с отвращением глядя на дёргающиеся останки.

— Здесь их много, они плетут сети, в которые попадают птицы и мелкие животные. Пауки сначала выпивают кровь, а остальное — съедают.

Валерия передёрнуло. Он не знал, что совсем скоро ему придётся столкнуться с этими мохнатыми кровопийцами…

Проблему с водой Анри и в самом деле решил. Он шёл, внимательно осматриваясь вокруг, затем выбрал лиану и острым ножом перерезал её.

— Командир, смотри!

Валерий с удивлением увидел в его руках древесную трубку, наполненную водой.

— Видишь, вот здесь, — Анри скользнул пальцем ниже разреза, там оказался утолщённый ободок:

— Разрезать нужно выше, чтобы не вылилось.

Они набрали из этой лианы почти целую бутылку чистой прохладной воды. Но то ли от неё, то ли ещё по какой-то причине Валерия жестоко прослабило, к вечеру он шёл на дрожащих ногах, чувствуя слабость во всём теле. Есть не стал, несмотря на настойчивые уговоры Анри.

Утром, пожевав немного консервов, они продолжили путь. «Лучше бы я не ел», — вскоре корил себя Валерий, опять почувствовав резь в животе.

Анри, сочувственно глядя на спутника, так же внимательно всматривался и в окружающие заросли. Ближе к полудню, когда у Валерия от слабости стали подкашиваться ноги, было решено остановится на отдых. Скинув с плеч поклажу, Анри отошёл к кусту с яркими красными цветами. Валерий, опершись спиной о рюкзак, вытянул ноги и закрыл глаза. Сколько так пролежал, он не знал. Послышался крик Анри:

— Командир!

Валерий очнулся, откликнулся — раз, затем второй, видимо, Анри отошёл далеко от поляны и теперь ориентировался на его голос. Прошло несколько минут, зашуршала трава, колыхнулись ветки кустарника, и на поляну вышел довольно улыбающийся Анри. В руках он держал какой-то диковинный плод, напоминающий короткую и толстую ветвь винограда, но только ярко-жёлтого цвета. Подойдя к Валерию, Анри протянул ему небольшой кубик неправильной формы, который он отделил от плода. Валерий вопросительно посмотрел на Анри.

— Командир, это, — Анри на мгновение задумался, — это когда здесь плохо, — он положил руку на живот. — Съел и всё хорошо!

Валерий взял кубик — на вкус это лесное лекарство было кисло-горьким, и он съел несколько этих странных кубиков. И произошло чудо — на следующий день он настолько бодро себя почувствовал, что вновь занял место идущего первым.

Прошло ещё несколько дней. Во время очередного перехода Валерий обратил внимание, что они уже с полчаса идут, не продираясь через кустарник и высокую траву, не огибая деревья, да и лианы перестали перегораживать путь. Он внимательно осмотрелся вокруг, глянул на землю.

— Что-то случилось, командир? — встревожено спросил Анри.

— Тебе не кажется, Анри, что мы уже полчаса идём по тропе? Вот подтверждение. — На земле виднелся отпечаток ступни небольшого размера. Анри нагнулся, притронулся пальцем к следу. Затем выпрямился и, поднеся руку к груди, провёл ею поперёк: — Это, это люди. Литл пиплс.

— Что? Маленький народ? Маленький лесной народ? — Валерий задумался. — Пигмеи?

— Да, да! Пигмеи! — подхватил Анри.

— Тогда пошли к ним, может, они нам помогут.

Валерий вытащил из кармана комбинезона «бычий глаз»:

— Тропа ведёт на юго-восток…

— Нет, командир, к ним нельзя. Они дикие, не любят больших людей. Они стреляют отравленными стрелами и делают ловушки — ямы с кольями. Нам нужно быть осторожными.

Анри потянул Валерия от тропы. Они спрятались за кустарником, откуда хорошо была видна тропа. Прошло не менее часа, когда Анри тронул Валерия за руку и приложил палец к губам. Приподнявшись, Валерий увидел через прогал в ветвях процессию: с десяток невысоких людей, шли, насторожённо посматривая по сторонам. Некоторые держали в руках короткие копья, другие — луки и стрелы. Двое тащили какое-то животное, продев через его связанные ноги палку, другие несли ветви бананов. Миновав место, где прятались лётчики, они скрылись за поворотом.

— Хорошо, что они не обнаружили наши следы на тропе, — сказал Валерий. — Нам с ними не по пути, нам нужно на юг.

Однажды, отмахиваясь от гнуса, он обернулся, обратив внимание на прихрамывающую походку Анри, и споткнувшись, упал на что-то пружинистое и прилип к каким-то толстым нитям. Попятившись назад, он попытался оторвать руки от липких нитей, но всё сильнее запутывался.

Послышался шорох, Валерий повернул голову и увидел приближающего к нему большого паука. Подскочив близко к Валерию, он остановился — на Валерия уставились злобные, выпученные, полуприкрытые веками глаза. Уголки рта, покрытые слюной, подёргивались.

«Наверное соображает, как ему подступиться к такой большой добыче», — пронеслось в голове Валерия, продолжающего пытаться оторвать себя от паутины.

— Командир, я здесь! — лопатка, сверкнув лезвием, обрушилась на паука. Анри отсёк ему пару лап, тот добрался до края паутины и исчез. Вдвоём они еле освободили Валерия от паутины.

— Надо же, какую сеть он соорудил. Метра три в высоту и в ширину не менее шести. Знатный ткач, — он покачал головой.

В некоторых её местах виднелись чьи-то останки, не то птиц, не то ещё кого-то. Проходя мимо её края Валерий внимательно осмотрел место, но паук как сквозь землю провалился. Вспомнив его злобный взгляд, он передёрнул от омерзения плечами. «Нужно быть осторожнее, а то тут ненароком можно угодить кому-нибудь на обед», — подумал он.

Пошли дальше, и Валерий вновь отметил, что Анри прихрамывает.

— Что у тебя с ногой? — спросил он.

Тот, не ответив, сел и осторожно приподнял штанину комбинезона. Затем, отсоединив полоски лейкопластыря, стал разматывать бинт, скрипя зубами от боли. Рана на ноге была по краям воспалена и загноилась. В аптечке кроме йода у них ничего не было.

— Эх, сейчас бы белого стрептоцида. — Проговорил Валерий, с жалостью смотря на Анри, на его похудевшее, с потёками пота, лицо. Кусочком бинта тот попытался очистить рану, но делать это ему было неудобно и Валерий, как мог, сам проделал эту процедуру. Потом намазал её края йодом и вновь забинтовал ногу.

Глава 23

Второй день они огибали болото, преградившее им путь, отклоняясь при этом на запад. Болото заросло кустарником, на нём торчали большие кочки с длинными космами зелёной травы. Тут и там стояли невысокие деревья, одни совсем голые, как обглоданные кем-то, — с вытянутыми вверх, будто молящими о пощаде, сучьями; другие — с остатками зелени на самой вершине, всё ещё сопротивлялись неизбежной гибели.

Над болотом между островками зелени скользили языки тумана — тонкие и прозрачные, как саван призрака. Временами были слышны глухие звуки, напоминающие стоны и всхлипывания, иногда в общий звуковой фон вторгалось какое-то бульканье — что-то лопалось в глубине этих мрачных пространств.

В первый же день, наткнувшись на это болото, Валерий обнаружил ямку с водой и сумел вымыть себе голову, размочив, наконец-то колтун волос, слипшийся с кровью.

Болото жило своей жизнью: порхали птицы, танцуя над ним, слышалось кваканье, какие-то шорохи, вопли и крики. В нескольких метрах от берега что-то запыхтело — большой пузырь лопнул над блюдцем воды, запахло гнилью. Вот большая лягушка, выпучив глаза, смотрела на них, сидя на обломке дерева рядом с кочкой — кожица на её горле вибрировала. Когда Валерий резко поднял руку, она, возмущённо квакнув, свалилась с сучка и прыгнула за кочку.

Над болотом перемещались столбы, состоящие из множества мелких насекомых. Над головами лётчиков также вилась туча комаров и мошек.

Валерий, вытащив тюбик антикомарина и выдавив немного на ладонь, протянул Анри. Спасительного средства осталось совсем немного.

Обойдя очередное дерево, стоящее у кромки болота, Валерий вдруг услышал сзади сдавленный крик. Почувствовав неладное, он кинулся назад и остолбенел от ужаса, волосы зашевелились у него на голове — на земле лежал Анри, обвитый несколькими кольцами огромной змеи. Разинутая, обширная пасть чудовища медленно приближалась к голове, посеревшему от страха, задыхающемуся в железных тисках, Анри…

Валерий, выхватив из кобуры «Беретту» и прицелившись в основание пасти змеи, нажал на спуск. Грохнул выстрел, тяжёлая девятимиллиметровая пуля снесла верхнюю часть головы удава. Его хвост, судорожно извиваясь, бил по трясине, кольца, обвивающие тело Анри, обмякли.

Валерий с большим трудом освободил товарища из этих мерзких объятий. Казалось, что Анри мёртв, но вот затрепетали веки, он глубоко вздохнул, открыл глаза и невидящим взглядом уставился вверх. Потом повернул голову и уже осмысленно остановил взгляд на Валерии:

— Спасибо, командир! — прошептал Анри.

Валерий сочувственно похлопал его по плечу, помог приподняться и поудобнее сесть:

— Отдохни, Анри.

— Это боа, командир, но такой большой! — второй пилот качнул головой, смотря на змею.

Валерий подошёл к поверженному чудовищу. Ему стоило немалых усилий, сначала выпрямить кольца, а затем и вытащить хвост удава из болота.

— Да-а! — изумлённо протянул Валерий. Он измерил длину боа: — Пятнадцать шагов, итого девять метров для ровного счёта, толщина сантиметров двадцать пять — тридцать. Что, Анри, такие удавы часто встречаются?

— Не слышал о таких больших. Обычные размеры — пять, шесть метров.

— Тебе повезло! — усмехнулся Валерий. — Он мог бы попасть в книгу рекордов Гиннеса.

— Мне повезло, что ты оказался рядом, командир, — Анри благодарно посмотрел на Валерия.

— Ну что, Анри, попробуем мясо удава? Мы как-то покупали кусок на базаре ради интереса, правда, тогда нам мясо показалось жёстким. Но сейчас привередничать не стоит. Нажарим-ка, пожалуй, шашлыков…

— О, шашлык! — с восторгом произнёс Анри, вспомнив, видимо, как когда-то лакомился этим блюдом у них на вилле.

— Анри, откуда лучше вырезать мясо? Из хвоста? — тот кивнул.

Они отошли метров пятьдесят от болота, устроившись рядом с давно упавшим деревом. Нарубили сухих сучьев и развели огонь. Валерий, взяв нож, вернулся к удаву, нарезал из хвостовой части полный пакет тёмно-красного мяса.

— Лука у нас с тобой нет, зато есть соль, а это главная приправа, — проговорил Валерий, подбрасывая дрова в костёр.

Шашлыки получились жестковатые, но они уплетали горячее мясо с удовольствием. На десерт сжевали по банану. Пожарили мяса и впрок, небольшой, а всё-таки запас еды.

Через пару дней, двигаясь по краю болота, они заметили, что направление их движения изменилось — они вновь повернули на юг.

— Ну, наконец-то будем двигаться в нужном направлении. Подумать только, сколько потеряли времени, сколько прошли лишних километров из-за этого проклятого болота! — ворчал Валерий, ориентируя «бычий глаз» по северу. После встречи с удавом прошла неделя. Валерий всё чаще с беспокойством поглядывал на Анри, который медленно шёл за ним, опираясь на палку. Скорость передвижения у них заметно снизилась.

На привале Валерий попросил Анри показать ему рану. Тяжёлый запах гниения ударил в нос, когда тот приподнял штанину. Сняв повязку, Валерий увидел, что нога распухла, кожа вокруг раны лоснилась глянцевым блеском. При надавливании на икру, послышался еле уловимый треск. Услышав его, Валерий похолодел: все говорило о том, что у Анри началась гангрена. Валерий, как мог, обновил повязку и поднял голову — на него с немым вопросом смотрел Анри.

— Ничего, всё будет нормально. Думаю, через пару-тройку дней мы выйдем к людям. А в госпитале доктора быстро приведут твою ногу в порядок. — Ответил Валерий бодрым голосом.

В этот день они прошли не более километра. Густо заросшие подлеском джунгли сильно затрудняли передвижение даже Валерию. Можно было представить, какие мучения испытывал Анри. Остановившись, Валерий решил в этом месте остаться на ночёвку. Подошедший Анри со стоном опустился на землю, было видно, что его состояние быстро ухудшается. Глаза его глубоко запали, лицо приобрело серо-пепельный цвет.

Ночью Валерий дремал урывками, прислушиваясь к стонам Анри. Он терзался оттого, что был не в состоянии ему помочь. Что делать? — постоянно задавал он себе этот вопрос.

Утром тот едва поднялся, глаза горели лихорадочным огнём, есть не стал, только с жадностью выпил воды. На предложение Валерия остаться здесь и подождать, пока ему не станет лучше, Анри отрицательно покачал головой. Покопавшись в аптечке, Валерий протянул Анри пару таблеток анальгина. Они медленно пошли дальше. Валерий, пробивая дорогу через заросли, терзался мыслью, что не в состоянии даже помочь Анри идти. Тот, пошатываясь и припадая на больную ногу, опираясь на палку, брёл позади.

За час с трудом одолели какие-нибудь полкилометра. Подождав, когда Анри догонит его, Валерий посмотрел на его измученное серое лицо, по которому градом катился пот. Видно было, что он испытывает мучительную боль. Порывисто дыша, Анри опустился на землю:

— Всё, командир, дальше идти не могу, — прошептал он, — я умираю…

— Что ты такое говоришь, Анри? Всё будет нормально, — бормотал Валерий. Он подложил рюкзак под спину больного, вытащил бутылку с водой. Анри сделал пару глотков и со стоном снова опустил голову. Лицо его сильно осунулось, резко обозначились скулы. Прошло несколько часов, он

стал впадать в беспамятство. Что-то отрывисто бормотал, разобрать было невозможно. Валерий, сидящий рядом, уставившись в одну точку, вдруг вздрогнул от его голоса:

— Командир, — проговорил тот, тяжело дыша, — у тебя есть мой адрес?

— Конечно есть, Анри.

— У меня к тебе последняя просьба. Когда доберёшься, навести мою семью и расскажи жене, почему я не смог вернуться.

— Обещаю, Анри, я обязательно найду твою семью и всё им расскажу. И к родителям в Банги-Нова схожу, я помню дом, в котором они живут, не беспокойся.

Анри благодарно посмотрел на Валерия, улыбнулся виноватой и грустной улыбкой, и закрыл глаза. Валерий продолжал сидеть возле него, сколько прошло времени — он не знал. Очнулся оттого, что рука Анри медленно нащупала его ладонь и сжала её. Через несколько минут он затих.

Валерий попытался нащупать пульс, но его не было. Он смотрел на Анри невидящими глазами, чувствуя, как слёзы застилают их. «Боже, за что же на меня всё это навалилось, что я не так делал?». Перед глазами возникли лица погибших: Василий, Аркадий, молодой капитан и вот теперь — Анри. Они с немым укором смотрели на него: «Почему ты нас убил, командир?».

Он опустился на колени, обхватив голову руками, и негромко завыл от безысходности и отчаяния, раскачиваясь из стороны в сторону:

— Виноват, что все погибли при падении, а я остался жив… Виноват, что от гангрены умер Анри… Виноват! Виноват! Виноват! — стонал он, почти крича.

Взгляд его остановился на мёртвом Анри, как будто тот мог ему что-то сказать. Он вновь поник головой. Так он просидел неизвестно сколько, очнувшись, посмотрел на тело Анри, приложил пальцы к шее Анри, надеясь на чудо, но всё было напрасно. Вытерев слёзы, он встал и посмотрел на часы — время быстро катилось к вечеру.

«Нужно приниматься за работу, чтобы всё успеть…» — решил он.

Почва оказалась на редкость мягкой, и могилу он выкопал довольно быстро. Холмик получился высоким. Как и на могиле ребят у самолёта, Валерий соорудил крест, написав на нём, на русском и французском языках, имя Анри и время его кончины.

Глава 24

По ночам джунгли наполнялись разнообразными звуками: у подножья дерева, на котором пришлось коротать эту ночь Валерию, слышалось какое-то шуршание, кто-то сопел и хрюкал.

Валерий закрыл глаза. «Спать, — приказал он себе, — спать, спать! Завтра опять трудный день». С этими мыслями он начал дремать, а спустя некоторое время, уснул.

Утро наступило разноголосым гомоном лесных жителей. Вытащив из рюкзака кусок свинины, он помечтал о маленьком кусочке хлеба и начал жевать, запивая водой. В календаре пересчитал зачёркнутые дни, оказалось, прошёл ровно месяц, как самолёт рухнул в джунгли.

«Сегодня знаменательный день! Сколько же пройдено километров? Если брать в среднем по пять, то получается полтораста. В последние дни жизни Анри мог проходить не более двух-трёх километров, учитывая это, получаем сто десять-сто двадцать максимум. Отбрасываем километров двадцать, потерянные при обходе болото, получается, что железная дорога стала ближе на сто километров. Много это или мало за месяц пути? Учитывая, что раньше не приходилось заниматься прогулками по джунглям, думаю — неплохо…»

Итак, если всё будет нормально, то через месяц он сможет выйти к железной дороге, людей можно будет встретить даже раньше — селенья есть значительно ближе к джунглям.

Сделав несколько шагов, он с раздражением пнул кучку торчащих грибов. Они рядами росли на полянах, занимали свободное пространство между деревьями и кустами, ползли по древесным стволам — маленькие и большие, белые и чёрные, красные и зелёные, жёлтые и синие…

В начале своего тернистого пути, впервые наткнувшись на такое грибное скопление, Валерий обрадовался, думая разнообразить ими скудный рацион. Но как можно узнать, какие из них съедобные? Анри на его вопрос только пожал плечами, сказав, что он совершенно не знает о грибах ничего. Огорчению Валерия не было предела. У себя на родине он был большим охотником до грибов, а здесь…

Вот и сейчас, глядя на грибное сборище под ногами, он представил себе скворчащую сковороду жареной картошки с грибами, сдобренную луком, сметаной, посыпанную зелёным укропом… «Да ещё при этом пропустить стопарик холодной водочки, закусив солёным огурчиком. Что может быть вкуснее этого?..» От этих мыслей его даже замутило и он сглотнул слюну…

Прошла ещё неделя. Однажды, останавливаясь на отдых, Валерий внезапно осознал, что среди прочих звуков присутствует один, давно не слышимый им. Сначала он подумал, что это просто пригрезилось, но тут же бросился на призывное журчанье. Метров через двадцать наткнулся на небольшой ручеёк, который неторопливо струился среди кустарников и деревьев. Сбросив рюкзак, Валерий опустился на колени и припал к холодной струе. Он пил прохладную воду и никак не мог напиться.

Развёл костёр, вскипятил воды и с великим наслаждением выпил остатки кофе, устроив для себя праздник. Набрав воды во все имеющиеся ёмкости и ещё раз напившись до икоты, он посмотрел с сожалением на ручей и перешагнул его. Эта встреча взбодрила его и придала уверенности в том, что он находится уже гораздо ближе к своей цели.

В этот день судьба одарила его ещё одним сюрпризом — проходя низину, он наткнулся на большую древесную лягушку. Когда-то на Кубе ему пришлось попробовать жаренные лягушачьи лапки. Вечером он поджарил лягушку и с аппетитом съел, оставив часть на следующий день.

Заел бананами, гроздья которых свисали прямо рядом.

…До обеденного отдыха он прошёл не более трёх километров. Подлесок здесь был из каких-то колючих кустов, которые к тому же были переплетены лианами. Прорубаясь через всю эту мешанину, он изрядно поцарапался, лопатка совсем затупилась, вдобавок наткнулся на острый сучок, который разорвал ему штанину и поранил ногу. Вспомнив печальную участь Анри, продезинфицировал рану остатками йода и заклеил её лейкопластырем. Присев, он вытащил нз — последнюю банку мясной тушёнки, оставленную на крайний случай. Съев половину, с вздохом сожаления убрал остальное в рюкзак. Внезапно он почувствовал резкую боль в ноге. Оказалось, его укусил большой тёмно-коричневый муравей.

— Ах ты, скотина! — Валерий раздавил его пальцем. Тут он заметил, что ещё несколько муравьёв бегут по его ноге. Сбросив их, он вскочил на ноги — странный шум насторожил его. Муравьёв становилось всё больше, они выползали между двух кустов целыми рядами.

Он схватил рюкзак и попятился от этого живого потока. Вот на пути его, на свою беду, оказалась лягушка, мгновение — и её облепили эти свирепые хищники. Она попыталась прыгнуть, но тут же свалилась в самую гущу двигавшихся насекомых.

«Нужно сматываться отсюда, а то они и меня обглодают, как лягушку». Он почувствовал себя в безопасности, только оставив далеко позади это место…

Евгений как-то рассказал историю, которая произошла в восточном Заире. Там на пути муравьёв оказалась небольшая деревушка. Жители в страхе бежали из своих хижин, оставив в спешке больных и нескольких младенцев. Когда же вернулись, то нашли обглоданные скелеты несчастных. Евгений как-то называл этих муравьёв. Валерий напряг память: «Что-то вроде суфле или софу. Вспомнил — сиафу! Один муравей никакой опасности собой не представляет, а когда прёт такая масса — и слон побежит от них галопом». Он улыбнулся, представив себе на миг скачущего слона, убегающего от маленьких муравьёв.

Почти каждый день шли дожди, сопровождаемые грозами, наступил их сезон. Потоки воды, казалось, навсегда смывали полчища насекомых, но стоило стихнуть дождю и выглянуть солнцу, как вновь духота окутывала всё вокруг, и неисчислимые легионы кровососов вновь набрасывались на Валерия. Частые тропические ливни были и полезны Валерию: не было недостатка в воде, можно было вымыться, используя этот природный душ.

Сегодня опять прошёл ливень, но почему-то озноб, охвативший его во время дождя, долго не проходил. Его знобило и ночью, утром он встал с тяжёлой головой, во рту ощущался какой-то металлический привкус. Он вяло съел банан, какая-то апатия охватила его…

Спал он беспокойно, чьи-то крики раздавались неподалёку всю ночь, заставляя его вздрагивать и открывать глаза. Утром он чувствовал себя разбитым, болела голова, особенно затылок. Валерий проглотил две таблетки анальгина, нехотя сжевал банан и медленно побрёл, обходя кусты.

Вечером, устроившись на ночлег, он вновь почувствовал озноб, голова продолжала болеть.

«Неужели у меня начинается малярия? Симптомы её у меня налицо, как ни крути. Нужно смотреть правде в глаза: малярия — это конец. Я не имею права смириться с этим. Вспомни — люди попадали и в более опасные ситуации и, тем не менее, выходили победителями. У тебя в жизни был девиз, которого ты придерживался, девиз Сани Григорьева из романа «Два капитана»: Бороться и искать, найти и не сдаваться! Вспомни, как, прочитав эту книгу, ты поклялся стать лётчиком. И ты стал им, как бы трудно тебе не было. Так неужели тебя может сломить всё это? Ты — русский лётчик, у тебя ещё есть силы и завтра ты вновь пойдёшь дальше — только там твоё спасение. Ты должен донести до людей, что произошло с экипажем, родные должны узнать о судьбе своих близких. Рано раскисать, мы ещё поборемся, мы ещё посмотрим, чья возьмёт…»

Валерий приложил пылающую голову к дереву и закрыл глаза. Волны озноба накатывались на него, вызывая дрожь. Потом становилось жарко — на лице выступал пот, и так повторялось раз за разом. Ближе к утру он забылся лихорадочным, тяжёлым сном.

Утро всё так же болела голова, слабость обволакивала тело. Вытирая с лица холодный пот, он, стиснув зубы, продолжал идти. После полудня его состояние стало совсем плохим — раскалывалась от боли голова, холодный пот стекал с лица, ноги подкашивались. Всё чаще он останавливался, боясь упасть, в глазах всё расплывалось. В один из моментов просветления, вытащил «бычий глаз» и обнаружил, что идёт не в ту сторону.

Сделав передышку, побрёл дальше. В какой-то момент в глазах у него померкло, сознание помутилось. Очнулся он от человеческих голосов. «Наверное, у меня начался бред», — подумал он.

Он лежал в траве. Приподнявшись, вновь услышал голоса и увидел сквозь просветы в листве цепочку людей. Валерий крикнул, крикнул, как ему показалось, очень громко, на самом же деле он только прошептал: никто из идущих не повернул головы. Когда он выполз на тропинку, последние уже скрывались за поворотом.

От отчаяния он был готов заплакать: спасенье рядом, но люди уходят, и он может опять остаться один. «Пистолет!» — мелькнула спасительная мысль. Дрожащей рукой он вытащил его из кобуры и, с трудом подняв руку, выстрелил — один раз, затем второй.

Он старался удержаться на ногах — его мотало из стороны в сторону, голова кружилась. В последний момент, сквозь наплывающую на глаза пелену ему показалось, что он видит человеческие фигуры. Он сделал шаг в их сторону и медленно опустился на землю…

Валерий плыл над землёй, покачиваясь, рядом слышались голоса. Открыл глаза, над головой проплывали ветви деревьев. Повернув голову, он встретился взглядом с глазами человека. Заметив, что Валерий очнулся, тот что-то залопотал

и широко улыбнулся. «Меня заметили, — радость охватила его, — я среди людей, я — спасён».

…Сознание вновь стало меркнуть. В воспалённой голове поплыли вереницы знакомых людей — живых и погибших: вот Василий призывно машет ему рукой, Анри печально смотрит на него и уходит в какую-то тьму, Алексей с Костей приглашающе протягивают руки в сторону вертолёта; Аркадий плутовато смеётся и не отдаёт ему ДжиПиЭску, капитан Жюль, с изумлённым взглядом всматривается в его лицо и что-то говорит… Вот чьи-то руки приподнимают его голову, зубы стучат о край металлической кружки — он пьёт горьковатую жидкость. Но снова его бросает в озноб, лицо покрывается потом, и сознание вновь покидает его. Чьё-то лицо появляется перед глазами — чёрное, морщинистое, похожее на физиономию обезьяны. Увидев, что он открыл глаза, лицо расплывается в улыбке, щель рта расширяется, показав несколько торчащих жёлтых зубов. «Ведьма», — мелькает у него в голове. У его рта появляется кружка, и он делает несколько глотков вяжущей жидкости. Рядом с «ведьмой», возникает ещё одно лицо, в котором он с удивлением узнаёт знакомые черты капитана Жюля. «Я опять в бреду», — думает Валерий.

— Ты не ошибаешься, кэптен Вэлери! — улыбается тот. — Это действительно я, капитан Жюль. Я тебя тоже не сразу узнал…

— Сколько времени я здесь лежу? — слабым голосом спросил Валерий, всё ещё не веря, что перед ним стоит тот самый капитан.

— Прошло трое суток, как тебя принесли охотники. Всё это время ты был без сознания. Завтра должен прийти местный колдун, — Жюль оскалил зубы, глаза его плутовато заулыбались.

— Что, опять плохо? — с беспокойством спросил он. На лбу Валерия опять появились капельки пота, он ничего не ответил — беспамятство снова засасывало на тёмное дно.

Глава 25

Он вынырнул из тёмного колодца небытия и встретился взглядом с глазами, горевшими красноватым огнём и глубоко проваленными в глазницы. Голый череп, с кожей антрацитового блеска, выпирающие скулы, аскетически худое лицо, приплюснутый нос, оттопыренные уши. «Какая непривлекательная физиономия», — отметил Валерий.

Жилистая рука поднесла к его рту кружку — он послушно глотнул. Сознание немного прояснилось, и он посмотрел вокруг. В центре хижины горел костёр, чьи-то тени скользили в полумраке. У лежанки Валерия сидел капитан Жюль и с любопытством озирался по сторонам.

Раздались удары там-тама, сначала негромкие, потом они стали набирать силу и ускорять ритм. Колдун подошёл к огню и взмахнул рукой — вверх взметнулось зелёно-лиловое пламя. Затем что-то крикнул — к костру из темноты вынырнули три молодых, обнажённых по пояс негритянки. Перебирая босыми ногами, они стали пританцовывать под удары барабанов. Низкие звуки мелодии послышались рядом с лежанкой, Валерий скосил глаза — в паре метров от него сидело несколько старух, одной из которых была уже знакомая ему «ведьма». Покачиваясь в такт мелодии, они подвывали низкими, хриплыми голосами.

Звуки там-тамов стали угрожающими, девушки усилили свои движения — верхняя часть их тел ходила ходуном, тёмная кожа блестела от пота. Колдун, пританцовывая и вторя мелодии, повернулся к больному. Отвратительная, клыкастая морда смотрела на Валерия. «Это маска», — понял он. Вкрадчивыми шажками колдун стал приближаться, протягивая к нему свои жилистые руки. Что-то гортанно выкрикивая и обходя Валерия, он стал наносить удары копьём по воздуху, откуда-то появившимся в его руке.

Ритм пляски ещё убыстрился, в девушек, похоже, вселился демон: расширенные, ничего не видящие глаза, воздетые вверх руки, подпрыгивающие груди, вихляющиеся из стороны в сторону бедра… Их фигуры изгибались, из ртов вырывались хриплые возгласы. Всё это продолжалось, как показалось Валерию, целую вечность. Вот девушки, следуя друг за другом и извиваясь всем телом, двинулись к нему, что-то выкрикивая, обдавая запахом пота и почти касаясь его лица своими острыми грудями. Дикий крик колдуна вознёсся над остальными звуками, он подскочил к костру — вновь взвилось вверх пламя. В поднятой руке он держал дёргающуюся курицу, в другой сверкал длинный нож. Приплясывая и подвывая, он обошёл костёр, девушки, всё так же извиваясь, окружили его. Блеснул нож, и голова курицы отлетела в сторону — тушка задёргалась в руке колдуна. Раздался вопль старух, колдун, размахивая окровавленной курицей, окропил её кровью извивающих девушек, крутясь и подпрыгивая, подскочил к лежанке. Над Валерием склонилась клыкастая морда, на его лицо закапала кровь — колдун, что-то бормоча, судорожно задёргал над ним курицей, затем отбросил её в сторону костра и отскочил от Валерия. В его руке сверкнул окровавленный нож, выписывая им в воздухе какие-то знаки, он подскочил к костру и взмахнул рукой — взметнулось кровавое пламя. Там-тамы стали уменьшать ритм, их звучание становилось тише. Негритянки, опустив руки, ещё какое-то время пританцовывали у костра, потом в изнеможении опустились на пол, тела их, блестевшие от пота, подёргивались, как бы продолжая свой ритуальный танец. Низкие, редкие удары барабанов завершали это колдовство. Над ним склонился колдун в той же маске — Валерий снова отпил из кружки. В голове зашумело, глаза закрылись, и он провалился в спасительный сон…

Он проснулся и, не открывая глаз, стал прислушиваться к себе. Голова не болела, в теле чувствовалась лёгкость. Он открыл глаза — яркие солнечные лучи пробивались сквозь щели в стенах хижины. У чуть тлевшего костра копошилась какая-то фигура, вот она выпрямилась и повернула в его сторону лицо.

«Это же моя хозяйка — «ведьма»! — вспомнил он. Увидев, что он проснулся, она мелкими шажками подошла и протянула кружку. Валерий взял кружку и посмотрел на старуху. Та кивнула, оскалив свои жёлтые клыки. Он вздохнул и стал пить маленькими глотками знакомую жидкость. Допив,

отдал кружку и поблагодарил. Старуха что-то прокаркала ему в ответ и отошла к очагу.

…Он приподнялся и, держась за изголовье лежанки, попытался встать на ноги. В голове зазвенело, и он, опасаясь, что упадёт на пол, опустился на лежанку.

— Вижу, лечение пошло тебе на пользу, кэптен! — раздался голос Жюля. Улыбаясь во весь рот, тот подошёл и сел на другой конец лежанки.

— Если уже захотел встать, значит, скоро будешь совсем здоровым. Мы тоже хотим, чтобы ты побыстрее выздоровел. Колдун сказал, что через две недели ты будешь в полном порядке. Ну и как тебе вчерашнее колдовство? О-о! Это страшная сила! Колдовство Вуду! — голос Жюля снизился до шёпота, глаза выпучились: — Оно зародилось здесь, в центре Африки в древние времена, передавалось только избранным. Вот наш колдун, он самый великий колдун в этих краях. Он может всё: поднять мертвеца из могилы и оживить его, — глаза его ещё сильнее вылезли из орбит. — А живого может превратить в ходячего мертвеца — тот будет делать то, что ему прикажут.

— Сделать из человека зомби? — Валерий с недоверием смотрел на Жюля.

— Зомби, зомби! Это великая тайна! — капитан посмотрел на копошащую у очага старуху, потом глянул в сторону входа, будто опасаясь, что их подслушают.

— Он может сделать так, что человек умрёт через несколько часов; может приворожить женщину к мужчине и наоборот. Может вызвать дождь, злых духов, наслать порчу. Он всё может!

Жюль смотрел на Валерия остекленевшим взглядом, подняв вверх указательный палец:

— Вот что значит колдовство Вуду! Там, на западе, в Америке или ещё где, — он пренебрежительно скривился, — не настоящее Вуду. Там его превратили в шоу, а настоящее — только здесь! Так что тебе, кэптен, повезло: у нас есть великий колдун Банонго! — воскликнул он.

— Послушай, кэптен, так что же всё-таки произошло с тобой? — глаза Жюля с жадным любопытством уставились на Валерия. — Почему ты оказался здесь, один, да ещё в таком виде?

…Услышав рассказ Валерия о катастрофе и скитаниях по джунглям, капитан Жюль покачал головой: — Тебе, кэптен, невероятно повезло. Как говорят, ты родился с монеткой за щекой. Остаться в живых при таких обстоятельствах… Ты счастливчик, кэптен!

От избытка чувств Жюль хлопнул Валерия по плечу. Тот поморщился и только сейчас обратил внимание на знакомую кобуру, висящую на поясе капитана.

— Да, да! — заметив его взгляд, сказал Жюль. — Это твой пистолет, а так как ты теперь наш военнопленный, то он реквизирован. Хорошая машинка! — в восторге причмокнул он своими толстыми губами.

— Почему я военнопленный? — удивился Валерий.

— А кто же? Ты же возил оружие, боеприпасы, солдат. Всё это было направлено против нас, значит, ты был нашим врагом. Попав к нам, ты стал военнопленным. В этом селении я являюсь комендантом! — он важно задрал кверху подбородок и посмотрел на Валерия с чувством превосходства. — Поэтому моя прямая обязанность — заниматься тобой. Вот так-то, кэптен Вэлери!

Заметив, что на бледном лице Валерия выступил пот, а глаза затуманились, добавил:

— Отдыхай, кэптен, у нас будет ещё много времени поговорить.

Капитан Жюль появился на следующий день, с утра. Войдя в хижину, он подошёл к старухе, хлопотавшей у очага, открыл крышку стоявшей на огне кастрюльки и, втянув в себя запах варева, что-то сказал. Старуха в ответ разразилась визгливой длинной речью. Капитан пытался что-то сказать ей в ответ, но та не давала ему никакой возможности вставить хотя бы слово. В азарте она размахивала перед носом Жюля своими маленькими кулачками и нелепо подпрыгивала. Что-то прокаркав напоследок, старуха умолкла. Капитан, покрутив головой, сказал ей резким тоном несколько слов и, подойдя к Валерию, продолжавшему с интересом следить за ними, плюхнулся рядом с ним на лежанку, вытирая влажный лоб грязным платком.

— О чём у вас был такой оживлённый разговор с этой почтенной дамой? — спросил Валерий.

— Дамой? — фыркнул Жюль. — Это не дама, а старая — как это по-русски сказать? — ведьма! Посмела кричать на меня — коменданта гарнизона! — от возмущения он весь побагровел.

— Похоже, что она не очень то жалует местное начальство, — ухмыльнулся Валерий. — Так в чём же вы с ней не сошлись во мнениях?

— Я ей сказал, чтобы она хорошо кормила тебя, кэптен. А она в ответ стала мне орать, что много тут ходит всяких, которые любят командовать, вместо того, чтобы принести продуктов. Я сказал, что завтра принесут мясо и рыбу, что она отвечает за твоё питание и пусть только вздумает воровать! Поймаю — прикажу её саму сварить в большом котле. Это я так пошутил, но она здорово перепугалась! — хихикнул Жюль. — Будет знать в следующий раз, как разговаривать с начальством.

— Господин комендант, хотелось бы получить свои личные вещи: бритву, зубную щётку, полотенце, мыло. Нужно привести себя в порядок. — Валерий тронул себя за подбородок.

Жюль важно произнёс:

— Я посмотрю, что можно сделать.

— И ещё. Верни документы погибших членов экипажа.

Жюль докурил сигарету и щелчком отправил её в проём двери, чуть не попав в старуху, неожиданно возникшую у входа, на что та что-то возмущённо прокудахтала. Комендант встал, намериваясь уходить.

— Господин комендант, надеюсь, ты не забудешь вернуть мне вещи?

Жюль, ничего не ответив, что-то буркнул себе под нос и вышел из хижины. Вечером он вновь появился у них. Положив рюкзак на лежанку, Жюль подошёл к старухе и протянул ей пакет. Вечером она накормила Валерия мясным бульоном, видимо, комендант принёс мясо.

Глава 26

Силы у Валерия восстанавливались с каждым днём. С помощью ножниц он подравнял волосы на голове, состриг бороду, а затем с нескрываемым наслаждением побрился. На речке, что струилась рядом с селеньем, отойдя подальше от любопытных глаз, он постирал форменную рубашку и брюки, а следом и комбинезон, который вынес весь этот тяжёлый путь.

Капитан Жюль, увидев преображённого Валерия, одетого в белую рубашку и чёрные брюки, пришёл в необъяснимый восторг. Он причмокнул губами и потёр руки:

— Не ожидал, кэптен, что ты так быстро встанешь на ноги. Тем лучше, это и в моих интересах.

— И в чём же здесь твой интерес? — Валерий с подозрением глянул на капитана.

— В отношении тебя, кэптен Вэлери, у меня большие планы… — хихикнул Жюль.

— Может, ты посвятишь меня в них? — Валерий был в недоумении. «Впрочем, нужно будет с этим прохвостом держать ухо востро — тип он хитрый, да и далеко не дурак».

— Хорошо, всё равно когда-то придётся тебе объяснить, — начал Жюль. В африканских государствах человеку с более светлой кожей легче жить. У него больше шансов получить образование, таких в первую очередь берут на работу, быстрее продвигают по службе. Поэтому многие африканские женщины хотели бы, чтобы у их детей была более светлая кожа, и ты им можешь в этом помочь!

Только теперь Валерию стало ясно, к чему клонит этот сукин сын.

— Обожди, обожди! Ты что придумал? Я буду здесь, в этой богом забытой деревне заниматься улучшением крови? Плодить полукровок? — Валерий захохотал. — Ну, и насмешил же ты меня, Жюль! Я что, похож на племенного производителя?

— Ты зря смеёшься, кэптен. Всё совершенно серьёзно. Я всё продумал, дорогой Вэлери! Меня озарила счастливая мысль! — Жюль стоял перед ним, улыбаясь во весь рот.

«Видно он действительно решил проделать это с помощью меня». В голове Валерия зашумело, руки затряслись, от злости его заколотило.

— Ты что, совсем охренел, придурок! — заорал Валерий, соскакивая с лежанки. — У тебя крыша совсем съехала, идиот?!

Он в бешенстве схватил коменданта за грудки, тряся его, — голова того дёргалась, как у тряпичной куклы. От неожиданности Жюль даже не сопротивлялся, ошеломлённый такой вспышкой ярости. В глазах Валерия внезапно потемнело, ноги подкосились — выпустив из рук коменданта, он рухнул на лежанку.

Обморок длился недолго. Он открыл глаза — Жюль и хозяйка с беспокойством смотрели на него. Старуха протянула ему кружку с водой, он отпил и сел — голова ещё кружилась.

— Ты ещё не совсем выздоровел, — Жюль сочувственно глядел на Валерия. — Не нужно было тебе пока рассказывать о своих планах.

— Послушай, Жюль, может, ты так решил подшутить надо мной? — устало спросил Валерий. — Скажи, что это была шутка, и мы вместе посмеёмся.

— Какая шутка, всё серьёзно! Ты — наёмник! Тебя спокойно можно сейчас вывести из этой хижины и пристрелить! Никому до тебя дела нет, и никто никогда не узнает, куда ты исчез, понимаешь? Я не собираюсь заставлять тебя валить деревья или таскать камни. Вместо этого — очень приятное занятие. Старейшины селения одобрили моё предложение, многие женщины и девушки изъявили желание иметь от тебя ребёнка. Представляешь? А теперь, когда они, увидев тебя таким, как сейчас: постриженным и выбритым — желающих станет ещё больше. Так что работы у тебя будет много! — Жюль мерзко захихикал.

— Получается, что ты отводишь мне роль производителя, а себе — его хозяина. Полагаю, что ты всё это делаешь не бескорыстно? — Валерий смотрел на довольную физиономию Жюля, тот, видно, решил, что пленник сломался.

— Каждая встреча женщины с тобой будет оплачена. Жаль, что деньги есть не у всех, какая-то часть женщин будет платить продуктами, что тоже неплохо. — Жюль вновь закурил.

— Вижу, ты уже заранее подсчитываешь, сколько заработаешь на мне. А если твой план рухнет?

— Почему рухнет? — недоуменно посмотрел на него комендант, он был настолько уверен в успехе своего предприятия, что не допускал мысли о неудаче.

— Очень просто! Что если я не способен на такие подвиги, ты об этом подумал? У многих лётчиков очень рано возникают с этим проблемы.

— Об этом у меня голова болит меньше всего, — заулыбался комендант. — Возникнут проблемы, — не беда, у нас есть кора одного дерева, так даже старики становятся, как молодые — после отвара коры. А ещё колдун может сделать так, что ты сможешь заниматься этим целыми сутками. — Жюль вновь захохотал. — Так что впереди у нас с тобой много дел! Думаю, что через пару недель ты будешь готов к работе.

Комендант подмигнул Валерию, потрепал его по плечу и ушёл.

Валерий откинулся на лежанку, уставившись взглядом в крышу. «Надо же было возникнуть такой идее в башке у этого идиота»! — от ярости, охватившей его, у него потемнело в глазах.

«Впрочем, он далеко не идиот, и то, что метисы в Африке люди сортом выше — общеизвестно. Не врал знакомый лётчик, рассказывая, как его бортмеханик наладил бизнес в одной стране: чёрные мамаши приводили к нему в отель своих молоденьких дочек с единственной целью — заполучить младенца со светлой кожей. Разумеется, за определённую плату с их стороны. Я-то думал, что это обыкновенный трёп, оказывается — ошибался. Что касается меня, то этот стервец рано начал подсчитывать свои барыши, стану покрепче, — только тут меня и видели. Теперь главное — не дать догадаться этому засранцу о своих планах. С завтрашнего дня начну готовиться к побегу. Нужно запастись продуктами, с водой проблем не

будет — местность пошла с ручейками и речками, да и передвижение будет гораздо легче — непролазные джунгли закончились».

С этих дней внимание к себе со стороны женской половины деревни Валерий ощущал постоянно. В течение дня в хижину приходили то молоденькие негритянки, то более зрелые женщины. Молодые, хихикая, о чём-то щебетали со старухой, стреляя глазами в сторону Валерия. Взрослые женщины степенно перебрасывались словами с его хозяйкой, оценивающе оглядывали его с головы до ног, видимо, прикидывая, стоит ли доверять ему в таком ответственном деле.

Как-то одна из них, высокая, статная негритянка, одетая богаче, чем остальные женщины, из чего Валерий заключил, что она — жена местного богача, да и старуха уж больно лебезила перед ней — подошла к нему. Протянув руку, стала ощупывать мышцы у него на руке.

«Словно лошадь смотрит на базаре», — мелькнула мысль. Он возмутился, перехватил её руку и осторожно отвёл в сторону. Улыбнувшись краешками губ, та повернулась и отошла к двум другим женщинам, стоявшим поодаль.

Капитан Жюль терпеливо выслушал возмущения Валерия по поводу этих посещений.

— Я что, какой-то экспонат, что на меня ходят поглазеть сюда, как в музей?

— Успокойся, кэптен. Список желающих за эти несколько дней почти удвоился! Те, кто в начале колебались, теперь, после посещения вашей хижины, согласны!

Жюль, размахивая руками, ходил туда-сюда перед сидевшим Валерием.

— Я тут прикинул — чтобы их всех охватить, так сказать, своим вниманием, — он откровенно захихикал, — тебе потребуется не менее полугода. А, учитывая, что с одного раза может не получиться, то сам понимаешь, — времени потребуется значительно больше.

Капитан был доволен, он уже предвкушал, как изменится его положение в селении. Возможно, после этого его изберут в старейшины, хотя и пост коменданта тоже немало значит в глазах его соплеменников, но старейшина — это на всю жизнь. У капитана даже дух захватывало при мысли об открывающихся перед ним перспективах. И он достигнет всего с помощью вот этого белого.

Валерий сидел, ошеломлённый услышанным. Столько времени жить здесь, да ещё в такой роли!.. Он посмотрел на довольное, улыбающееся лицо коменданта и почувствовал в себе жгучее желание — его пальцы при этом до боли сжались в кулаки — схватить этого самодовольного урода, въехать в его жирную морду кулаком и бить, бить, бить! Видимо, он стал терять над собой контроль, непроизвольно приподнимаясь на лежанке и смотря с ненавистью на Жюля.

— Тебе плохо, кэптен? — услышал он встревоженный голос коменданта.

«Стоп! — приказал Валерий себе. — Успокойся, иначе всё испортишь. Этот хмырь насторожится и потом будет сложнее отсюда сбежать». Он выдавил из себя улыбку и сел, что-то буркнув.

— Вот и хорошо, что нормально, а то я подумал, что тебе опять плохо — лицо у тебя стало каким-то серым. Знаешь, ты очень понравился второй жене главы селения, она нашла тебя очень привлекательным, рассмотрев вблизи, и выказала желание тоже заиметь от тебя ребёнка.

Жюль заржал от восторга:

— Как только она высказала это, список снова стал пополняться. Не расстраивайся, кэптен, вот увидишь, — тебе это понравится! Представь, сколько девушек и женщин пройдёт перед тобой — разных возрастов, темпераментов. Если бы ты знал, как я тебе завидую!

— Так в чём же дело? Давай, занимайся этим благородным делом сам! — Валерий сказал это с изрядной долей сарказма. — Без сожаления уступлю тебе своё место, а меня отпусти домой.

— Я бы с удовольствием! Только вот кожа у меня, — Жюль развёл руками, — не та, что у тебя. Как говорят, каждому — своё! — неожиданно резко произнёс он. — Сейчас главное для тебя, это основательно окрепнуть к началу нашего сезона. Хорошо ешь! Видишь, как тебя кормят? И не забивай себе голову всякой ерундой! — Жюль вновь пришёл в хорошее настроение.

Чтобы освободиться от надоевшего внимания, Валерий с утра уходил на речку — среди деревьев на берегу, он нашёл укромный уголок. Как-то он услышал гул авиационных двигателей. Вскочив, долго всматривался в бездонное небо, пытаясь увидеть чёрточку самолёта или вертолёта, но вскоре звук стал стихать, а затем исчез совсем. Он разочарованно опустился на землю, подумав, что ему просто показалось.

Он встал, отряхнул песок, налипший на ноги, и медленно побрёл к своей хижине. Вдали послышался шум двигателей, он становился всё сильнее, и вот из леса вынырнула первая машина, идущая по дороге, которую только что перешёл Валерий. «Да это же русский БТР»! Он сразу узнал характерные очертания этой машины. За ней показалась вторая, третья, за ними из-под покрова леса выскочила БМП. За бронемашинами следовало несколько грузовиков с солдатами в потрёпанной форме. «Это не правительственные войска, — понял он. — Это отряд бывшего режима».

За грузовиками ехало несколько джипов, следом пылили спецмашины с торчащими антеннами на крышах, замыкали колонну опять несколько БТРов. «Вероятно, у них здесь отдых», — решил Валерий, подходя к хижине. У порога его встретила хозяйка. Подскочив к нему, стала что-то ему выговаривать визгливым голосом. Единственное слово, что он разобрал, было «комендант». Он отстранил прыгающую перед ним старуху, вошёл в хижину и сел. Хозяйка, что-то ворча себе под нос, принесла и поставила на лежанку миску с варевом и большую лепёшку, испечённую на углях. Валерий зачерпнул ложкой — сдобренный травами суп оказался вкусным. Оставшийся от обеда кусок лепёшки он сунул в рюкзак.

— Мерси боку, — поблагодарил он хозяйку, отнеся пустую миску. Разморённый едой, Валерий лёг на лежанку и незаметно уснул…

…И вот он снова на аэродроме. К нему подошёл Костя, командир боевого вертолёта:

— Что-то давно тебя не было видно, Валера. В отпуск летал, что ли?

— Да какой отпуск! — скривился в ответ Валерий. — Угораздило заблудится в лесу. Представляешь, пошёл собирать грибы и заблудился. Вот несколько дней назад, как вернулся.

— Ну, ты даёшь!- осуждающе покачал головой Костя. — А ты что, пошёл без ДжиПиЭс?

— Так ведь мой «сусанин» не дал мне с собой эту «балалайку». Говорит: «Вы потеряете, а мне придётся отвечать». Вот поэтому и блудил столько.

— Ну и жмот у тебя штурман, никакого уважения к командиру. Возьми мой «Стечкин», — с этими словами Костя протянул ему свой пистолет, — и шлёпни этого жадюгу, чтобы в следующий раз знал, как отказывать командиру в такой ерунде.

— Как в следующий раз, если я его сейчас пристрелю?

— Да ты не волнуйся, штурманы живучи, как кошки, а если и пристрелишь, — не беда. Здесь этих штурманов, как нерезаных собак, на каждом шагу можно наткнутся — выбирай любого. Впрочем, дело твоё, не хочешь — не надо.

Костя забрал у него пистолет и засунул его за пояс брюк:

— Больно добрый ты у нас, Валера. Кстати, вон и твой «сусанин» идёт, лёгок на помине.

Он кивнул куда-то за спину Валерия. Тот обернулся — к ним, обняв друг друга за плечи, подходили Аркадий и капитан Жюль.

— А этот диверсант откуда здесь взялся? Его же за все дела приговорили к расстрелу, а он расхаживает, как герой. Придётся привести приговор военного трибунала в исполнение прямо сейчас, а то опять сбежит. — Костя снова вытащил пистолет.

— Не стреляй, Костя! Это он встретился мне в джунглях и помог найти сюда дорогу. Он хороший! — Валерий положил свою руку на руку Кости с пистолетом.

— Жаль, я бы его с удовольствием сейчас пристрелил. Впрочем — пусть живёт. — Равнодушно произнёс Костя, убирая пистолет. Он пошёл к своему вертолёту, у которого крутились винты, через несколько шагов обернулся:

— Валера, надо бы отметить твоё возвращение! Давайте вечером соберёмся, и этого диверсанта приводи с собой. Только пусть бутылку прихватит — компенсация за то, что я его не шлёпнул. Договорились? Передай ему, придёт без бутылки, — пристрелю!

Костя подмигнул Валерию и с разбегу заскочил в вертолёт, который тут же куда-то исчез.

— Командир! — послышался голос Аркадия. — Жюль тут мне рассказал о вашем проекте по осветлению кожи у населения, и я решил помочь тебе. Словом, я — в доле! — Валерий посмотрел на плутоватую физиономию Аркадия. Тот, ухмыляясь во весь рот, продолжал:

— Командир, ты же знаешь, что я любитель этого дела. Вдвоём мы быстро оприходуем это селение, будем заниматься в выходные и после полётов. Там рядом есть полоса, представляешь — вечером садимся, а утром — улетаем. По ходу дела мы с капитаном Жюлем научим тебя ходит по джунглям без ДжиПиЭс. Нехорошо получается, — голос Аркадия стал строгим, — вроде, взрослый мужик, а в лесу теряешься, как пацан какой-то. Нехорошо! — он погрозил Валерию пальцем.

В течение всего разговора Жюль, в подтверждении сказанного Аркадием, кивал головой, как китайский болванчик, глупо улыбаясь.

— Постой, постой! — вдруг подхватился Валерий, — как же так, Аркадий? Я ничего не понимаю — ты же погиб при падении самолёта? Ты и Василий, и тот капитан, а Анри я похоронил позже, — голос у него задрожал, он всхлипнул.

— Ты правильно напомнил — мы все погибли. Что ж, пора возвращаться. Эй, ты куда? Нам с тобой в одну сторону! — Аркадий схватил упирающегося Жюля за рукав и куда-то потащил.

Валерий, продолжая всхлипывать, смотрел им вслед. Вот они сделали один шаг, другой и тут же исчезли. Вокруг снова простирались джунгли. Валерий, озираясь по сторонам, лихорадочно соображал, куда ему идти. «Где же эти долбаные инструктора, куда их черти унесли»?

— Эй, Аркадий, Жюль? — закричал он, оглядываясь вокруг.

— Здесь я, здесь! — услышал он голос капитана Жюля. Ничего не соображая, всхлипывая, открывший глаза Валерий уставился на склонившееся над ним лицо коменданта.

— Своим криком ты всех вокруг поднимешь на ноги, — сказал Жюль, садясь рядом на лежанку. — Что, плохой сон? — лицо у него было озабоченным. — Ну, пришёл в себя? — он поглядел на Валерия и ухмыльнулся: — Не каждый день можно увидеть слёзы на лице русского пилота.

Валерий покрутил головой и смахнул ладонью влагу с лица, всё ещё находясь под впечатлением сна.

— Послушай меня внимательно, кэптен. Тебе нужно сегодняшний день и завтра оставаться в хижине и не выходить на улицу, стараться не попасть на глаза военным, пока они не уйдут отсюда.

— А что случится, если меня кто-нибудь увидит? — спросил Валерий.

— Ты что, не понимаешь, к каким последствиям это может привести? Начнут допытываться — кто такой? Откуда взялся? Что тут делаешь? У них старший в службе безопасности колонель Огаби — страшный человек, у него любой заговорит и всё расскажет, даже то — чего не знает. Поэтому тебе нужно сидеть и не высовывать носа из жилища. — Жюль осмотрелся, что-то прикидывая. — Давай перенесём лежанку в самый тёмный угол.

Они перенесли лежанку в закуток, отгороженный стенкой из прутьев.

— Если военные узнают, что ты перевозил оружие и солдат, они долго разговаривать не будут — выведут отсюда, поставят у первого дерева и тр-р-р! — расстреляют из вашего же «калаша». Но не бойся! Что ты — русский лётчик никто в деревне не знает. — Жюль закурил. — Дело в том, что завтра с утра, здесь состоится совещание командного состава нашей освободительной армии. Будут присутствовать представители генерала Олонги, который контролирует восточные провинции Карунди. А ещё, — голос коменданта дрогнул, он вновь обернулся — убедиться, что

их никто не подслушивает. — А ещё в совещании будет участвовать человек оттуда, — Жюль ткнул пальцем за свою спину.

— Откуда это — оттуда? — насмешливо спросил Валерий.

— От наших друзей на западе. Они готовы оказать нам любую помощь в нашей борьбе: деньгами, оружием, советниками.

— Да, господин комендант, вам очень доверяют, если сообщают такие сведения. — Валерий про себя усмехнулся, глядя на самодовольное лицо коменданта.

— А как же, я всё-таки кое-какие заслуги имею. Впрочем, заболтался я здесь, у меня, как у коменданта, много забот: нужно расселить часть солдат по хижинам, позаботиться о питании для них. Да мало ли дел у такого официального лица, как я.

Комендант вновь важно улыбнулся и встал:

— Значит, мы договорились, отсюда — ни шагу.

Подойдя к хозяйке, он что-то ей сказал, обернувшись в сторону Валерия, видимо, дал ей указания на случай, если в хижину заглянет кто-нибудь из прибывших военных.

После ухода Жюля Валерий долго сидел, раздумывая об услышанном. То, что произойдёт завтра здесь, — серьёзное мероприятие. Это совещание даст новый толчок для активизации боевых действий, а значит — новые жертвы, не только среди солдат, но и среди мирных жителей.

Послышался приглушённый гул машин, вероятно, прибывали новые участники совещания. Валерий встал и подошёл к выходу. Выглянув наружу, увидел в отдалении, на пустой площадке между хижинами, двойной ряд армейских палаток, между ними сновали вооружённые солдаты. Подошедшая сзади старуха дёрнула его за руку, что-то прокаркала, погрозив ему пальцем, и потащила за собой, выполняя инструкции коменданта. Подведя к лежанке, показала на неё, предлагая сесть. Он послушно сел, старуха отошла, вновь погрозив ему пальцем.

— Стало быть, я под домашним арестом, а это мой надзиратель, — пробормотал Валерий. — Чтоб вас всех черти взяли! — Он вытащил из внутреннего кармана комбинезона фото дочери и долго смотрел на её смеющееся лицо. «Ничего, Жека, всё будет хорошо». Он спрятал фотографию и лёг на лежанку, уставившись в потолок.

Опять вспомнился странный сегодняшний сон. «К чему бы это?» — подумал он, хотя сам никогда ни в какие сны не верил. «Интересно, как они там все: Георгий, что он сейчас делает без нас? Стас со своими парнями? Наверное, ругается с «абреком», если не ушёл от него. Парни с АН-26? Возможно, их уже сменил другой экипаж. Как себя чувствует «сладкая парочка»? Андрэ, наверное, продолжает охранять нашу виллу, в которой, естественно, живут другие».

Откуда он мог знать, что Стас со своим экипажем погиб. Они выполняли рейс по доставке гуманитарной помощи в один из городов, освобождённый недавно от повстанцев. Их обстреляли, когда они уже были на снижении. Очередь из крупнокалиберного пулемёта прошила топливные баки в крыле и подожгла оба левых двигателя. Передав сигнал бедствия, экипаж, борясь с пожаром, приступил к аварийному снижению. Им не хватило самую малость — почти у земли отвалилось горевшее крыло. Беспорядочно кувыркаясь, самолёт рухнул в джунгли и взорвался. Погибли все: экипаж и сотрудники ООН, находящиеся на борту.

Георгий продолжал работать в фирме техником по обслуживания одного из самолётов, всё ещё надеясь на чудо, что кто-нибудь из экипажа «дракона» жив и вскоре непременно объявится. Андрэ, с которым Жора частенько вспоминал о пропавших парнях, заболел малярией и умер в одной из больниц Банги-Нова. «Сладкая парочка» продолжала наводит ужас на повстанцев своим появлением, выполняя боевые задания.

Этого Валерий не знал. Он просто вспоминал их всех, лёжа в бедной африканской хижине.

Глава 27

Проснулся он от грохота двигателей, наверное, прибыли ещё какие-то участники нынешнего сборища. Поднявшись, Валерий зачерпнул воды и пошёл к выходу, чтобы умыться. В очаге горел огонь, но старухи не было в хижине, видимо, ушла куда-то по своим делам.

Выйдя из хижины, он посмотрел на деревню. Количество палаток увеличилось, десятка два машин теснились на опушке леса. Неподалёку от них одиноко стояла самоходная установка, устремив вверх четыре ствола. Рядом на земле сидели и бренчали ложками в котелках несколько солдат, вероятно расчёт установки. «Бофорс», — вспомнил Валерий пояснение майора Густава на аэродроме в Банги-Нова — там стояли такие же автоматические зенитки.

Появилась старуха, она сунула ему миску с кукурузной кашей, политую пальмовым маслом. Есть не хотелось, но он заставил себя, разжёвывая и глотая недоваренные кукурузные зёрна. Кусок лепёшки опять засунул в рюкзак. После завтрака, сидя в своём закутке, Валерий перебрал его содержимое. Рюкзак был почти пуст, в нём лежали его форменная рубашка и брюки, полотенце, мыльница, пара заштопанных носков, нитки с иголкой и бритвенные принадлежности.

«Медлить дальше нельзя, нужно воспользоваться сегодняшней ситуацией — когда ещё выпадет такой случай? Капитану Жюлю сегодня не до меня. Вчера он сказал, что после совещания будет парад, чтобы показать свою мощь всем присутствующим и укрепить боевой дух своих солдат. Получается, что именно сегодня нужно делать отсюда ноги. Решение принято: только старуха уйдёт — рюкзак за спину и за хижину в кусты, а там — поминай, как звали». Он злорадно усмехнулся, представив себе изумлённую физиономию капитана Жюля, когда тот обнаружит его исчезновение. «Так, спокойно. Нужно, не торопясь, всё учесть. Во-первых: у меня нет с собой компаса — «бычий глаз» у коменданта, там же и остальные, столь необходимые вещи — котелок, фляга, лопатка. Во-вторых: учитывая неординарность совещания и присутствие на нём таких важных лиц, вокруг деревни выставлены дозоры, в этом можно быть уверенным. Наткнись на дозор — сол-

даты сразу начнут стрелять. С другой стороны — вряд ли выставили дозоры по всему периметру селения, скорее всего они выдвинуты по дорогам. Итак, необходимо воспользоваться моментом и посетить хижину капитана. Затем выскользнуть за деревню, по дороге набрав воды в речке. Главное — не нарваться на дозор. Будем надеется на удачу, до сих пор мне везло».

Хищно вытянув носы, пара боевых вертолётов неслась над джунглями на северо-запад. Алексей через бронестекло фонаря командирской кабины смотрел на проносящееся под ними зелёное море джунглей. Вертолёты шли низко, порой едва не цепляя брюхом торчащие верхушки деревьев.

— Сергей, сколько до цели? — спросил Алексей оператора по внутренней связи.

— Тридцать четыре минуты, командир, — глухо отозвался тот.

Алексей повернул голову и увидел бегущую тень от второго вертолёта, идущего за ними правее и сзади.

— Второй, я — Первый! Как самочувствие? — нажав кнопку передатчика, спросил он.

— Всё о'кэй, Первый! Всё в норме, — прозвучал в шлеме спокойный голос Кости.

Алексей на миг представил его, сидящего в командирской кабине второго «крокодила», с лукавым взглядом серых глаз на худощавом лице. Потом вновь стал смотреть на зелёный ковёр внизу. Перед ним вдруг предстало лицо Валерия Сибирцева, командира АН-32 или «дракона», как все называли их самолёт, исчезнувшего где-то над джунглями почти три месяца назад…

Их «дракон» не вернулся из последнего полёта в Нгоронги, небольшого города блокированного повстанцами — ни в столицу, ни на свою базу. Один из экипажей, находившихся в это время в воздухе, услышал обрывки какого-то сообщения, но шумовой фон и треск разрядов от проходившей неподалёку грозы позволили различить только несколько слов: …горит… снижение… километров… Ни позывных, ни координат расслышать было невозможно.

Все поиски оказались безрезультатны — джунгли упорно хранят свои тайны. Потом начались обычные боевые вылеты. Постепенно, с каждым прожитым днём всё глубже уходила боль от потери друзей. Прилетая в Банги-Нова, они виделись с Георгием, техником «дракона». Как-то, при очередной встрече, в баре аэропорта вновь зашёл разговор о пропавшем экипаже. Георгий, переводя взгляд с одного лётчика на другого, сказал:

— Знаете, парни, я не верю, что они все погибли. Кто-то должен был остаться в живых. Валерий — первоклассный пилот, он может посадить машину, где угодно.

— Бывает так, Жора, — заговорил Алексей, — что и мастерство становится беспомощным перед сложившимися обстоятельствами. Далеко за примером не нужно ходить — гибель «элки». Стас Ветров, бывший лётчик — испытатель, тоже первоклассный пилот — и что? Горящая машина в воздухе — страшнее нет ничего. У Валерия, судя по обрывкам сообщения, тоже был пожар.

— И ещё, — Костя, сидевший рядом с Георгием, положил руку на его плечо, — не забывай, Жора, — это джунгли! Вон Алексей садился на вынужденную в Сьерра-Леоне, когда их подбили. Их спасло то, что они упали неподалёку от населённого пункта, и то добирались почти неделю. А там, где Валерий летел со своими парнями — там сплошные джунгли на сотни километров. Возможно, при падении кто-то из экипажа получили ранения и переломы. При таком раскладе выжить вообще нет почти ни одного шанса…

— Командир, до цели двадцать минут, — прервал его мысли Сергей.

— Хорошо, Сергей. Как ты думаешь, найдём мы эту деревню?

— Думаю, проблем с этим не будет, — ответил оператор. — В ДжиПиЭс внесены точные координаты цели. У нас была карта, составленная в своё время французами — очень точная. Потом мы сравнили эти данные со снимками спутника — всё сошлось.

— А откуда у них снимки со спутника? — удивился Алексей.

— Нашлись в местном Генштабе. В своё время Союз предоставил.

— Надеюсь, что осечки не будет. Останется пятьдесят километров до цели, — подскажешь.

Алексей вспомнил, как вчера, после обеда, их срочно вызвал полковник Макс, командир авиабазы. Когда они с Костей и операторами вошли в его кабинет, там сидел командующий ВВС полковник Мдуди, его начальник штаба и двое в штатском.

— Давайте сразу о деле, — командующий перевёл взгляд с карты, лежащей перед ним, на лётчиков. — Мы получили сведения от нашей агентурной разведки, что завтра, в одном из населённых пунктов, проводится совещание командного состава их армии. В нём примут участие представители мятежников из восточных провинций Карунди и какой-то эмиссар с Запада, вероятнее всего из ЦРУ. Вся надежда на вас, друзья. Завтра вы сможете нанести им такой урон, который кардинально изменит ход военных действий. Прошу вас подойти к карте.

Карандаш полковника остановился у нескольких чёрточек на карте:

— Вот это селение.

— Так, — Алексей прикинул расстояние до цели, — километров 350–360 отсюда.

— Ну и глазомер у тебя, командир! — полковник Макс засмеялся. — 362 километра, если точнее.

— Алексей переглянулся с Костей: — Берём по полному боекомплекту для всего бортового оружия. Час пятнадцать до цели, десять минут работы над ней и час десять назад. Итого затрачиваем максимум два с половиной часа.

Командующий озабочено посмотрел на лётчиков:

— Мы не знаем, какими они располагают зенитными средствами, поэтому я прошу — будьте особо внимательны над целью. Они постараются прикрыть себя от возможного удара с воздуха.

Алексей пожал плечами:

— Не беспокойтесь. Это наша работа и мы всегда помним об этом.

Они просидели в кабинете не менее часа, прорабатывая задание в деталях.

— Эх, Костя, — сказал Алексей, — чувствую, что завтра нам с тобой предстоит весёленькое дело!

— Не в первый же раз, — произнёс Костя, — сколько у нас было таких вылетов — не счесть!

— Не скажи, завтрашний вылет особенный, носом чую! — Алексей отбросил окурок. — Если мы завтра прихлопнем их верхушку — представляешь, как понизится их боеспособность? Глядишь, и война погаснет.

— И мы останемся без работы! — засмеялся Костя. — Будем возить на наших «крокодилах» муку да консервы.

— Не боись, на наш век войн хватит, ещё и детям с внуками останутся, — мрачно произнёс Алексей. — И вот что, нужно сказать техникам: пусть каждый третий НУРС[9] снаряжают бронебойно-зажигательной боеголовкой, а так же каждый четвёртый снаряд для пушек.

— Командир, до цели 50 километров, — голос Сергея был спокоен.

— Отлично! Готовь свои «игрушки» к работе. — Максим? — окликнул он по ПУ[10] борттехника — стрелка, сидевшего в десантной кабине.

— Слушаю, командир?! — откликнулся тот.

— Твоя «швейная машинка» в порядке?

— Мы готовы к работе!

— Молодец! — Алексей нажал кнопку передатчика. — Второй, я — Первый! Работаем по обычной схеме: проход над целью, разворот на горке. Как понял, вопросы есть?

— Первый, я — Второй! Понял, у матросов нет вопросов!

— Отлично, Второй! Утюжим и уходим. Всё.

Алексей, отключив автопилот, стал вглядываться в набегающую местность.

— Командир, всё в порядке — цель впереди по курсу! — крикнул Сергей. — Видишь, у речки?

— Вижу. — Алексей впился взглядом в прогал среди джунглей у излучины реки. Панорама деревни расширялась, вот уже можно было рассмотреть её детально: разбросанные тут и там хижины, чёткий ряд светло-зелёных палаток, одна из них выделялась более крупными размерами.

«Там сейчас и идёт совещание», — мелькнуло в голове у Алексея. Группами среди хижин виднелись машины. «Так, — фиксировал он, — десятка два, если не больше, только БТРов и БМП. Много грузовых и лёгких машин, палаток не менее тридцати, одна большая — все они на небольшом пятачке». Нос его «крокодила» уже наползал на деревню.

— Над целью, работаем! — бросил он в эфир. Он не мог видеть, как услышав рёв двигателей вертолётов, замер на полуслове докладчик в штабной палатке. Побросали свои дела солдаты, смотря на два силуэта, появившиеся со стороны солнца. С любопытством уставились в небо жители деревни. Замер Валерий, только что разыскавший в хижине коменданта свои вещи.

…Приняв утром решение сбежать отсюда, Валерий дождался момента, когда хозяйка, бормоча что-то себе под нос и приплясывая, вышла. Схватив рюкзак и проходя мимо очага, он увидел горку лепёшек, испечённых, наверное, для солдат, и сунул их в рюкзак. Оглядевшись на выходе, перебежал к кустарнику, росшему тут и там между хижинами.

До этого, когда он шёл к коменданту, ему везло — столкнулся только с двумя молодыми негритянками, нёсшими на головах большие кувшины, — они шли к реке за водой. Увидев его, они остановились, одна что-то шепнула подружке, и обе рассмеялись.

«Возможно, какая-нибудь из них моя потенциальная «клиентка» из списка капитана Жюля», — мимоходом подумал он и тотчас выбросил эту мысль из головы.

Впереди, среди кустов, стояла группа машин, в том числе БТРы и БМП. Одни солдаты копошились возле них, другие сидели на броне. Вокруг крутились ребятишки, с любопытством разглядывающие диковинные машины. Валерию пришлось обойти их стороной, прячась за кустами. Он с облегчением вздохнул, увидев хижину коменданта. Оглянувшись по сторонам, распахнул дверь и вошёл внутрь.

«Зря ты сейчас здесь оказался», — подумал Валерий, увидев поднимающегося с лежанки молодого негра, родственника капитана. При виде незваного гостя тот что-то залопотал.

— Прости, некогда мне сейчас с тобой разговоры вести, — сказал по-русски Валерий, осматривая хижину и соображая, где могут находиться интересующие его вещи. Заметив шкафчик, висящий на центральном столбе, он подошёл к нему. Парень, разинув от изумления рот, оцепенело смотрел на Валерия. Тот, тем временем, вытащил из шкафчика и засунул в рюкзак фляжку с котелком. Наблюдая, как этот странный «белый» хозяйничает в их хижине, как у себя дома, родственник пришёл в себя. Он бросился к Валерию и вцепился в его руку, что-то крикнув.

— Отстань, — спокойно сказал Валерий, вырвав руку, но тот вновь вцепился в него. — Извини, друг, нет у меня времени всё тебе объяснить. — С досадой вымолвил Валерий и резко ударил парня в скулу. Того швырнуло назад, и, потеряв равновесие, он рухнул на земляной пол.

— Некогда мне с тобой возиться, ты пока полежи, — пробормотал Валерий, думая, где может лежать «бычий глаз». Он нашёл его на полке в дверце холодильника, затем стал складывать в рюкзак банки консервов, которыми холодильник был почти полностью забит.

— От многого немножко — не кража, а делёжка, — приговаривал он, вспомнив присказку из детства и вытаскивая очередную банку.

Он уже пошёл к выходу, но тут заметил свою лопатку, прислонённую к стенке.

— Вот она, моя голубушка, — беря её в руки, сказал Валерий. Услышав стон, он обернулся и поглядел на парня, лежащего на полу: — Ничего, брат, это не смертельно, скоро очухаешься.

Он вышел из хижины и застыл на месте: в воздухе возник знакомый звук. Из-за кромки леса выскочили и стремительно стали приближаться два знакомых силуэта боевых вертолётов.

---

9 НУРС — неуправляемый реактивный снаряд.

10 ПУ — переговорное устройство.

— Это… это же… «сладкая парочка»… — шептал Валерий.

Он стоял, как в столбняке, не веря своим глазам. Ему хотелось закричать: «Ребята, я здесь! Это я — Валерий! Возьмите меня с собой!» На глаза навернулись слёзы, он в оцепенении стоял и смотрел на приближающиеся машины.

Глава 28

Алексей энергично потянул ручку на себя и «крокодил» за считанные секунды набрал сотню метров. Введя его в разворот и крутанувшись почти на одном месте, он нацелил нос вертолёта на скопище палаток.

— Серёжа, давай первую серию! — крикнул он в микрофон оператору.

Включив на всякий случай имитатор ложных целей, он откинулся на бронеспинку сиденья.

Нос вертолёта дрогнул — оператор доворачивал его на цель точнее. «Крокодил» шёл к земле. Они почувствовали толчок — из кассетников метнулись НУРСы, волоча за собой шлейфы огня и дыма, и пошли к цели. Через секунды килограммы тринитротолуола в головках ракет, заключённые в оболочки из легированной стали, превратили землю в ад. Столбы огня и тучи дыма закрыли панораму деревни. Машину затрясло — по бокам кабины к земле потянулись струи огня, Сергей открыл огонь из пушек — четыре ствола выплёвывали начинённую смертью сталь.

Светящиеся трассы втыкались в строения, в машины. На глазах всё рушилось, горело, взрывалось. Новая волна огня и дыма вспучилась в другой части деревни — над стоящими между хижинами скоплениями машин. Деревня стала похожа на растревоженный муравейник — маленькие фигурки людей сбегались и разбегались по разным направлениям.

«Так, это Костя вступил в дело», — Алексей, проскочив деревню, начал повторный заход.

— Ракета сзади! — воскликнул по ПУ Максим, прижимая к плечу приклад пулемёта. Случайно бросив взгляд назад через блистер кабины, он увидел вспышку огня на краю деревни и дымный беловатый шлейф газов, выбрасываемый раскалённым соплом. Ракета стремительно мчалась к вертолёту. Но вот она резко вильнула в сторону и взорвалась, столкнувшись с тепловой ловушкой.

— Я говорил, что эта установка нам когда-нибудь пригодится? Говорил, и вот вам, пожалуйста! — веселился Алексей, когда опасность миновала. — Костя! Пройдись по восточной окраине, там кто-то толи со «стингерами», толи с нашими «стрелами»[11] балуется! — бросил он в микрофон.

…Валерий, стоя у хижины, наконец, пришёл в себя. «Надо что-то предпринимать, они не зря пришли сюда, — растеряно размышлял он, смотря на разворачивающиеся над лесом вертолёты. — Они же сейчас начнут штурмовать деревню! Нужно бежать — сейчас здесь будет ад!»

И как бы в подтверждении его мыслей послышался усиливающийся гул двигателей, затем пронзительный вой и свист. Он упал на землю, которая заходила под ним ходуном, грохочущие звуки разрывов заполнили всё вокруг. Вверх полетели горящие куски взорванных машин, обломки деревьев, обугленные клочья брезента от палаток трепыхались в воздухе, как хищные птицы судного дня. Клёкот авиационных пушек пронизывал мозг, слышались безумные крики людей, не понимающих происходящего.

Валерий вскочил на ноги, по земле мелькнула тень — он взглядом проводил пронёсшийся над головой вертолёт.

«Они пошли на второй заход, нужно бежать». Он кинулся за хижину — на него с удивлением уставились глазки капитана Жюля. Удивление тут же сменилось подозрением, а затем и откровенной ненавистью.

— И куда это наш кэптен побежал? Похоже — далеко, вон и мешок за плечами. А-а, он боится, что его друзья, — Жюль кивнул в сторону вертолётов, — и его тут прихлопнут. Ну, если не они, то я точно сейчас пристрелю тебя! — рука коменданта поползла к кобуре.

Валерию бросилась в глаза испачканная в земле и саже форма капитана, один рукав был разорван и в пятнах крови, видимо он попал под удар первой серии ракет. Капитан вытащил пистолет. Валерий в оцепенении смотрел в его зрачок, чувствуя, как холодок страха струится по спине. «Сейчас нажмёт на спуск — и конец всему…»

Нарастающий рёв и свист заставили их обернуться. Из-под крыльев приближающего вертолёта отделились огненные стрелы и понеслись к земле. Не мешкая, Валерий упал на землю, закрыл голову руками. Вновь затряслась земля, грохот разрывов обрушился на уши, чудовищная сила приподняла его и отшвырнула в сторону.

В ушах звенело, в ноздри ударил запах сгоревшей взрывчатки. Валерий открыл глаза — маленький рыжий муравей полз по травинке, шевеля усиками. «Хорошо быть таким маленьким», — подумал он и приподнял голову. Глаза слезились от дыма, он потряс головой, пытаясь избавится от звона в ушах. Повернулся — две подошвы от ботинок уставились ему в лицо. «Мои, что ли»? — пришла в голову дикая мысль, он пошевелил одной ногой, потом второй, с радостью почувствовав, что ноги целы. Он огляделся и только после этого встал на дрожащие ноги.

Неуверенными ногами он сделал пару шагов, подойдя к лежащему ничком капитану Жюлю, и содрогнулся: верхняя часть головы капитана была снесена напрочь.

— Видишь, как получилось, Жюль: ты — погиб, а я — жив. — Толи произнёс он вслух, толи подумал. От хижины ничего не осталось — кучу обломков жадно пожирал огонь.

Валерий нагнулся и с усилием вытащил из руки капитана пистолет.

— Теперь тебе это ни к чему, капитан, а мне пригодится. — Бормотал он, снимая кобуру с его пояса. Подобрав лопатку, он пошёл, с трудом соображая, куда ему нужно идти…

Дальше всё происходящее воспринималось им как страшный сон… Вот он натыкается на мужчину в пятнистой форме — тот лежит, протягивая к нему руки и беззвучно открывая рот.

11 «Стингер», «Стрела» — американский и русский пзрка (переносные зенитно-ракетные комплексы).

Валерий в ужасе пятится назад — обе ноги у мужчины оторваны. С неслышным криком мимо него бежит кто-то в камуфляже — вся спина бегущего объята огнём. Между воронок лежит груда тел, в полусожжённой одежде. Валерий спотыкается — оторванная голова смотрит на него неподвижным взглядом. Вот бежит молодая женщина в разорванной и окровавленной одежде, одной рукой она держит маленького ребёнка с откинутой назад головкой, а вторая у неё висит полуоторванная…

Он шёл мимо горевших и сожжённых машин, спотыкаясь, обходил горящие обломки, воронки, мёртвые тела. Башня одного уцелевшего бронетранспортёра шевелилась, из хоботка орудия вырывались всплески пламени — уцелевший наводчик стрелял по вертолётам.

Он поднял голову — пролетевший над ним вертолёт вдруг вздрогнул, из верхней его части выбилось пламя, и повалил чёрный дым. Кренясь из одной стороны в другую, он исчез за стеной джунглей, оставив в небе дымный след.

Внезапно в его голове что-то щёлкнуло, и он вернулся в страну звуков — гул двигателей, крики и стоны людей, взрывы… Сознание его прояснилось. Поняв, что бредёт неизвестно куда, он осмотрелся — в прогале кустов сверкнул отблеск воды, и он кинулся туда…

Развернувшись для очередного захода, Алексей увидел нёсшийся над деревней вертолёт Кости. Вдруг с опушки леса к нему потянулись ниточки светящихся трасс. Похолодев, Алексей смотрел, как сначала они прошли в стороне от вертолёта, затем стали приближаться к нему.

— Костя, зенитка справа, противозенитный манёвр! — закричал он в микрофон. Но было поздно: струи огня коснулись «крокодила», его качнуло, стало кренить, из блока двигателей повалил чёрный дым с отблесками огня.

— Костя, уходи! Слышишь, уходи! — закричал Алексей.

В шлёме зашуршало, голос чуть слышно прошептал:

— Алёша… больно… не вижу…

Широко раскрытыми глазами Алексей смотрел, как подбитая машина, качаясь из стороны в сторону и таща за собой дымный след, стала уходить на юг.

— Сергей! — закричал он по ПУ, разворачивая вертолёт и пытаясь обнаружить стреляющую зенитную установку. — Все эРэСы по опушке, слышишь?! И добавь из пушек!

Он вновь увидел всплески огня на опушке — зенитчики продолжали стрелять, пытаясь поймать и опутать паутинками трасс второй вертолёт. Смотря на дымный след нёсшихся в ту сторону ракет, и приближающиеся к их вертолёту сверкающие ниточки трассёров «Бофорса», он рванул ручку управления, сваливая машину в крутое скольжение и уходя от снарядов зенитки.

Машина пронеслась над позицией зенитчиков, и Алексей со злобной радостью увидел, что там все перепахано разрывами ракет и снарядов. Успел заметить, что башня самоходки разворочена и стволы зенитной установки торчат в разные стороны, как палки в заборе у нерадивого хозяина.

— Всё, у меня пусто! — хриплый голос оператора вернул Алексея к действительности.

— Понял. Максим, как ты? — вызвал он стрелка.

— Всё нормально! Стою по колено в стреляных гильзах! — возбуждённо ответил тот.

— Хорошо, уходим! Мы своё дело сделали…

Алексей развернул машину в сторону, куда ушёл подбитый вертолёт Кости.

— Костя! Виктор! Ответьте кто-нибудь! — вновь и вновь звал он, отчаянно надеясь на чудо, но в ответ было только молчание.

— Командир! Может, они сумели куда-нибудь примоститься? Давай, посмотрим? — Сергей смолк и, не услышав ответа, добавил. — Если что, то Виктор смог бы посадить машину…

Алексей вновь не ответил. Увеличив режим работы двигателей до максимума, он стал набирать высоту. Обшаривал взглядом расстилавшееся внизу зелёное пространство, но ничего не указывало на след подбитого вертолёта.

— Ребята, — хриплым голосом проронил он, — смотрите вниз во все глаза, вдруг что-то заметите!

Они ещё с полчаса крутились над джунглями, но чуда не случилось.

— Командир, — как-то виновато произнёс Сергей, — командир, у нас не хватит керосину дотянуть до базы, если мы сейчас же не возьмём туда курс.

— Хорошо, — помедлив, ответил Алексей, — сколько взять?

— Берём 115, это кратчайший путь домой, — ответил оператор.

Довернув вертолёт и окинув всё вокруг прощальным взглядом, Алексей включил автопилот и уткнулся невидящим взглядом куда-то в пространство…

Валерий сидел на стволе поваленного дерева, тупо уставившись в одну точку. Он не замечал ничего, перед глазами вновь и вновь вставали картины разгрома деревни…

Вой ракет и свист снарядов, разнесённые вдребезги или горящие хижины; разорванные на куски или покорёженные, сжираемые жадным огнём с чадящим чёрным дымом машины. Заживо горящие люди, крики и стоны раненых, лежащие повсюду мёртвые тела или куски тел; дико кричащие и бегущие неизвестно куда с расширенными от ужаса глазами жители деревни… И две тени, носившиеся над деревней, как ангелы смерти, — два боевых вертолёта.

Вот вновь он видит, как взрывы ракет накрывают толпу бегущих — в воздух взлетают куски земли, деревьев и разорванные в клочья человеческие тела. Бегущий человек, с ног до головы охваченный пламенем, сталкивается с кучкой обезумевших людей — огненный вихрь охватывает их всех, пушечная очередь разрывает тела, избавляя от адских мук. Молодая женщина лежит на земле, уставившись в небо мёртвыми глазами, рядом ползает окровавленный ребёнок… Впервые он видел наяву, что несёт с собой война: кровь, смерть, разрушения — гибель всего.

Ещё некоторое время он простоял на месте, пытаясь сообразить, в какую сторону ему идти. Вспомнил, что «бычий глаз» снова у него, вытащив его из кармана и сориентировавшись, пошёл, повторяя про себя, как заклинание — на юг, только на юг…

Двигатели заглохли на рулёжке, жадно всосав в себя остатки керосина, едва они сели.

— Счастлив наш бог, командир! — услышал Алексей голос своего оператора: — Ещё немного и неизвестно, чем бы для нас это кончилось.

Алексею и так было ясно — они могли не дотянуть до аэродрома. Посадка же с заглохшими двигателями, да ещё на такую местность — дело не только непредсказуемое, но и очень опасное.

Он вылез из кабины — от здания штаба авиабазы, срезая углы рулёжек, пылила машина. Взвизгнув тормозами, она остановилась в нескольких метрах от экипажа, стоявшего у носа вертолёта. Из неё вышли командующий ввс и полковник Макс. Какое-то время все стояли молча, потом командующий обернулся и посмотрел на запад, откуда должен был появиться второй вертолёт, но белёсое от жары дневное небо было пустым. Командующий и Макс переглянулись, затем их глаза упёрлись в Алексея: — А где же…

Командующий не закончил вопрос, он увидел в обычно весёлых глазах этого русского пилота боль. И понял, что другой экипаж больше никогда не прилетит…

— Как это случилось? — тихо спросил он, глядя на экипаж. — Что же вы молчите? — взгляд его вновь упёрся в Алексея: — Командир?

Тот поднял на него глаза:

— Их подожгли при очередном заходе на цель.

— Как? Эти машины так хорошо защищены от пуль?!

— Вот именно — от пуль, — с горечью проронил Алексей. — У них там оказалось ещё кое-что, покруче автоматов и пулемётов. По нам, например, выпустили ракету — то ли «стингер», то ли нашу родную — «стрелу» или «иглу». Хорошо, что сработали тепловые ловушки. А ребята попали под огонь зенитной установки — похоже, «Бофорса». Мы её в первых заходах не обнаружили, она пряталась под деревьями. Ну, а тридцатимиллиметровые снаряды этой установки титановая броня наших вертолётов не выдерживает. — Алексей смолк.

— Та-а-к, — протянул командующий, — вы видели, как они упали?

— Нет. Они развернулись и на горящей машине пошли на юг. Костя, то есть командир, был ранен, оператор вообще молчал. Но в той стороне мы ничего не обнаружили. Молчание в эфире и никаких следов падения. Впрочем, следы там обнаружить сложно — джунгли. Исчезли так же, как и экипаж Валерия Сибирцева три месяца назад.

Командующий покачал головой:

— Третья потеря за эти месяцы… Командир, как вы оцениваете результаты штурмовки?

— Мы сделали всё, что только было возможно. Вряд ли кто-то там остался цел. Если активность партизан заметно снизится, значит не напрасно то, что случилось с нашими ребятами.

— С утра мы пошлём в тот район пару вертолётов МИ-8, вы подскажите экипажам, где искать. А теперь отдыхайте, я вас благодарю за работу.

Командующий повернулся к машине, но Алексей остановил его:

— Господин полковник, насколько я понял, завтра у нас нет задания. С вашего разрешения мы бы хотели участвовать в поисках наших ребят.

— Я и на секунду не сомневался, что вы так поступите! — он кивнул им. Полковник Макс, пропустив командующего к машине, обернулся: — Не прощаюсь, вечером к вам заеду.

Глава 29

Он наткнулся на них во второй половине следующего дня. С утра ему несколько раз казалось, будто где-то вдалеке слышен слабый звук самолёта или вертолёта. Валерий останавливался и, не дыша, жадно вслушивался. Чуть слышный, как гудение жука, звук то приближался, становясь всё отчётливее, то исчезал совсем.

Прорубаясь через сплетение кустарника, Валерий чуть не упал, споткнувшись обо что-то загремевшее под ногами. Он посмотрел вниз и его бросило в жар — это был кусок металла. В висках застучало, он нагнулся и взял его в руки. И сразу понял, что это технологический лючок, замок «дзус» на одном конце лючка не оставлял в этом никаких сомнений. Зелёная краска, которая покрывала металл, почти вся запузырилась от огня, и он не смог разгадать, какие буквы там были на нём написаны — в целости осталась какая-то закорючка чёрного цвета.

Валерий посмотрел кругом — ничего нового, всё те же джунгли. Он снова уставился на находку — с другого края металл был покорёжен, края блестели свежим изломом. Поверхность обратной стороны лючка была покрыта налётом тёмного цвета. Он провёл пальцем и поднёс к глазам — сажа.

Значит, ему не привиделось вчера — горящий в небе вертолёт, это было наяву. С находкой в руке он прошёл ещё с километр, прежде чем наткнулся на них. Сначала ему всё чаще стали попадаться обломанные ветви деревьев, потом какой-то блеск в стороне остановил его. Он потоптался на месте — удерживал страх, он уже понимал, что сейчас увидит. Пройдя с десяток метров, сначала наткнулся на заднюю часть хвостовой балки вертолёта с обломанным хвостовым винтом. Основная часть фюзеляжа лежала поодаль, на боку, уткнувшись носом в основание большого дерева. Лопасти несущего винта были оторваны по самую втулку, обломок одной лопасти уставился вверх, как бы указывая на что-то. Моторный отсек был в копоти, в обшивке виднелись пробоины, рваные куски металла торчали по краям дыр — следы снарядов, которые поразили один из двигателей. Оставшаяся часть хвостовой балки и зад десантного отсека были изогнуты и смяты. Подойдя к двери десантного отсека, Валерий с большим усилием открыл её и увидел… лежащее ничком тело. Человек лежал, изогнувшись в какой-то невероятной позе, откинув руку, на тыльной стороне ладони виднелась знакомая татуировка — распростёртые крылья, по ней Валерий и узнал Антона. Голова и верхняя часть туловища были залиты кровью.

«Значит это экипаж Кости», — понял Валерий. Он вылез из отсека и подошёл к носовой части вертолёта. Рваные отверстия в обшивке, пробитые бронестёкла фонарей кабин не оставили никаких сомнений: экипаж погиб почти сразу после попадания в вертолёт снарядов. Вероятно кто-то — Костя или Виктор, ещё несколько минут был в сознании, так можно объяснить, что машина какое-то время продержалась в воздухе, прежде чем упасть в лес.

Сквозь отверстия в остеклении Валерий посмотрел на запрокинутое лицо Виктора, лежащего на боку. Одна его рука была оторвана, нижняя часть лица отсутствовала, вероятно, снаряд разорвался в кабине, комбинезон был посечён осколками и залит кровью. У Кости разворотило правый бок; струйка крови, стекая из под шлёма, застыла на щеке, глаза были открыты…

Валерий провозился несколько часов прежде, чем смог вытащить тела. Фонари кабин при ударе о землю заклинило. Пользуясь толстым сучком дерева, как рычагом, он сумел выломать остатки стёкол. Титановая броня кабин, не защитившая их от снарядов «Бофорса», сослужила им последнюю службу — не дала изуродовать тела при ударе о землю.

— И баки с керосином не взорвались при ударе о землю. И в этом вам повезло, ребята, — пробормотал он, глядя на лежащих перед ним Костю и Виктора. — Впрочем, вам уже всё равно…

Затем он влез в десантный отсек и, гремя стреляными гильзами, подошёл к Антону. Вскоре его тело присоединилось к лежащим на земле Косте и Виктору. Вытерев со лба пот, Валерий посмотрел на солнце — оно катилось по второй половине своего дневного пути.

«Нужно торопиться», — подумал он, вонзая лопатку в землю. Яму удалось выкопать ещё до наступления темноты. Выложив её листьями, он сел рядом с мёртвыми друзьями.

«Вот, ребята, ваш последний приют… Ваши войны закончились, теперь будете отдыхать. Эту могилу вряд ли кто посетит. Хорошо ещё, что я подвернулся, а то пришлось бы вам лежать в «крокодиле». На то, что так случилось, обижаться не нужно, вы знали, на что шли. Лежите с миром, и пусть эта африканская земля будет вам пухом…»

Он осторожно опустил их тела в яму, прикрыл листьями и ветками. Совсем уже смеркалось, когда Валерий закончил свою тягостную работу. Он ещё некоторое время посидел у холмика, устало опустив голову. «Господи, за что же мне такая участь выпала, — с горечью думал он, — хоронить своих друзей. Чем же я прогневил так свою судьбу, что она мне уготовила роль могильщика?» Он погладил рукой ещё влажную землю могилы, проглотил душащий горло комок и вновь склонил голову…

На ночь он устроился в десантном отсеке, выбросив гильзы. Забывшись коротким сном, в какой-то миг проснулся, как от толчка. Открыл глаза и не сразу сообразил, где находится. Безлунная ночь подмигивала немногочисленным цветным мерцанием лохматых звёзд, заглядывающих в иллюминатор отсека.

Утром, позавтракав, он довёл печальную миссию до конца, установив на могилу крест. Собираясь сделать на нём надпись, Валерий пошёл взять ручку из рюкзака, и тут его взгляд упал на лежащую оторванную часть хвостовой балки. «Это выход», — подумал он. Поднатужившись, притащил её и положил на могилу. Затем вытащил нож и принялся, не спеша, выцарапывать буквы на мягком металле. Нацарапав последнюю букву, встал, критически посмотрел на свою работу:

«Вот это — другое дело!» — удовлетворённо вздохнул он. Прежде, чем тронуться в путь, осмотрел кабины лётчиков. Вскоре перед ним лежали бесценные находки: два пистолета «Стечкин» с запасными обоймами. Десантный вариант «АКа» найденный в кабине у Антона, оказался безнадёжно искорёженным. Кроме оружия, нашёл три упаковки «нз» для экипажа, каждая включала в себя аптечку первой помощи, тюбик мази от кровососов, несколько плиток шоколада, пачки галет, пластмассовый цилиндр с солью, таблетки для обеззараживания воды, рыболовные снасти. С таким снаряжением можно идти куда угодно — Валерий удовлетворённо посмотрел на кучку бесценных в его положении вещей.

…Прошла ещё неделя. Валерий заметил, что идти стало значительно легче — лес стал реже. Чаще среди зарослей попадались поляны, трава стала гуще. Теперь за день он проходил вдвое большее расстояние, чем раньше. Меньше досаждали кровососы — найденная мазь сделала его существование более спокойным. Еды оставалось более чем на неделю.

Обойдя очередной куст, он резко остановился — откуда-то издали послышался звук. Валерий вздрогнул и повернулся в его сторону. Звук усиливался, но тут же внезапно стих. «А ведь это была машина», — понял Валерий. Он поправил лямки рюкзака и направился туда, где смолк шум мотора. Вскоре очутился перед стеной зарослей бамбука. Бамбук рос так часто, что он потратил немало времени пробираясь через эту рощу. Впереди вновь заработал мотор. Валерий прошёл ещё метров двести в направлении шума — к звуку работающего двигателя прибавились человеческие голоса. Осторожно раздвинув ветви, он застыл на месте. За кустарником начиналась большая поляна, на ней стояли два грузовика и бронетранспортёр. Наверху, у башенки с торчащим пулемётом, сидел негр в камуфляже, видимо, командир, поглядывая на толчею у грузовиков.

Несколько солдат с автоматами в руках подталкивали толпу молодых мужчин к машинам, заставляя тех забираться в кузова. Форма на солдатах была выгоревшей и потрёпанной, из чего Валерий сделал вывод, что это вояки из так называемой Армии освобождения Мазанги, и в данный момент они заняты мобилизацией в свои ряды жителей деревни.

Захотев рассмотреть происходящее получше, он сделал шаг вперёд, и тут под его ногой со звуком пистолетного выстрела сломалась ветка. Сидевший на БТРе офицер повернул голову в его сторону, затем к ужасу Валерия что-то гаркнул солдатам и ткнул пальцем в сторону кустов, где стоял Валерий.

«Заметили!» — понял он. Несколько солдат, вскинув автоматы, кинулись к кустам.

— Делаем ноги, пока не прихватили! — скомандовал он себе и, повернувшись, кинулся вглубь леса. Сзади раздались крики, затем воздух разорвали выстрелы и свист пуль над головой. «Ду-ду-ду» — хлёстнула по деревьям очередь из крупнокалиберного пулемёта. Валерий мчался по лесу, огибая деревья и кусты, прыгая, как заяц. Он выскочил к роще бамбука и помчался вдоль неё.

Чувствуя, что сейчас задохнётся, остановился и, сделав по инерции ещё несколько шагов, повалился на землю. По лицу струился пот, отдышался он не скоро. Успокоившись, долго сидел, прислушиваясь. «Нужно быть осторожнее. Могли бы повязать или бы нашла шальная пуля».

Приглушённый звук двигателей вновь послышался в воздухе — Валерий прислушался. «Звук смещается вправо, стало быть — на запад. Туда мне нельзя. Селение, откуда они набрали рекрутов, расположено где-то за поляной, поэтому мы пойдём на юго-восток». Он вытащил «бычий глаз» и подвёл риску под букву «N». «Вот туда-то сейчас и двинем!»

Сделал пару глотков из фляжки, вытащил пистолет, проверив наличие патрона в стволе, положил его в кобуру. Пройдя с километр на юго-восток, он внезапно вышел на грунтовую дорогу. Настороженно взглянув влево и вправо и ничего не увидев, он уставился на землю. На красно-коричневой почве чётко отпечатались следы машин: вот покрышки грузовика, вот гусеницы танка, а тут легковая повышенной проходимости, «лендровер» или «джип», а возможно, и родимый УАЗ, их сюда щедрый Союз прислал в своё время немало.

Валерий вновь прислушался, но ничего настораживающего не услышал. Дорога шла на восток, через сотню метров поворачивала на север. Было заманчиво взять и просто зашагать по дороге, а не ломиться через колючие заросли. А там глядишь и попадёшь в какое-нибудь селение.

«А вот что там, в этом селении? Вдруг опять эти «освободители»? Хорошо, если успею дать дёру в лес, а если не успею? Нет, идти туда нет смысла, надо придерживаться направления на юго-восток. Там находятся населённые пункты, возможно, уже освобождённые правительственными войсками. Стало быть, меньше шансов встретиться с «друзьями» из Армии освобождения».

Оглянувшись вокруг и не услышав ничего подозрительного, Валерий решительно перешёл дорогу и углубился в кустарники.

Глава 30

Накануне закончилась вода. На ночь он остановился в глухой чаще леса. Не опасаясь быть обнаруженным, развёл костёр, подогрел предпоследнюю банку тушёнки, поужинал, и к большой досаде обнаружил, что воды у него осталось ровно на пару глотков.

Поднявшись рано утром, он зашагал дальше. Солнце уже вовсю палило, зной вытягивал из тела последнюю жидкость. Валерий ворочал сухим языком во рту, автоматически передвигая ногами. Лес стал редеть, чаще стали появляться открытые пространства, заросшие густой травой.

Этот шум возник постепенно и был сначала настолько слаб, что он не сразу обратил на него внимание. И только через какое-то время он с радостью понял, что, скорее всего, это шум от падающей воды. Он ускорил шаг, выйдя из кустарника, и не поверил своим глазам — в просвете между деревьями увидел падающий с каменистого утёса поток воды.

— Водопад! — в диком восторге закричал Валерий. — Вода! — и кинулся бежать. Шум водопада становился всё сильнее, слабый ветерок доносил от него влагу. Валерий пробрался через кусты, окаймляющие реку и, выйдя на пригорок, остолбенел. В чаше голубой и прозрачной воды плескалось с десяток чёрных мускулистых тел. На песчаном берегу валялась разбросанная одежда, металлическим блеском отсвечивало оружие.

Раздался чей-то крик, и несколько тёмных тел метнулось к берегу. Взбивая ногами воду, они выскочили на песок и кинулись к пирамиде составленных автоматов.

Ступор у Валерия прошёл — он попятился назад и ломанулся через кустарник. Гулко прозвучала автоматная очередь, свист пуль над головой заставил его кинуться на землю и поползти по траве. Сзади раздавались крики. Валерий, вскочив, кинулся бежать через край поляны. Забежав за деревья, он обернулся. Ветви кустов зашевелились, и на поляну выскочило несколько чёрных голых мужиков с автоматами в руках. Сделав несколько шагов, они настороженно огляделись, один поднял оружие и, ведя стволом слева направо, выпустил весь магазин в сторону леса.

Валерий упал на землю, слушая, как пули щёлкают по ветвям и стволам деревьев. Стрельба стихла, Валерий приподнялся и взглянул в просвет между стволами. Ещё пару минут голые простояли, о чём-то переговариваясь, затем повернули назад. Он сел, прислонившись к дереву, вытер потный лоб и стал внимательно вслушиваться. Ожидание оказалось недолгим. Раздались голоса и на поляну, со стороны реки, вышла группа солдат. Раздался громкий голос — все стихли и, вот цепочка вооружённых людей двинулась через поляну. «Двенадцать человек», — пересчитал Валерий. Он подождал ещё с десяток минут, потом, не выходя на поляну и обогнув её лесом, стал осторожно пробираться к водопаду. В этот раз прежде, чем выходить к воде, внимательно осмотрелся. Никого не было. Но он не торопился — ещё и ещё раз всё просматривая вокруг.

На берегу громоздились огромные каменные глыбы, когда-то отколовшиеся от скальной стены, с которой сейчас падал грохочущий поток. Валерий зашёл за одну из глыб, сбросил с плеч рюкзак и, нагнувшись, стал черпать ладонями воду — пил и никак не мог напиться…

Он успел отмахать солидное расстояние, когда, выйдя из редких кустарников, уткнулся в банановую рощу. Сидя в тени, он с жадностью уплетал спелые плоды. Выстрелы, раздавшиеся неподалёку, заставили вскочить на ноги. Он замер, напряжённо вслушиваясь — стрельба то усиливалась, то затихала. Вдруг выстрелы раздались совсем близко.

Валерий, забросив рюкзак за спину, бросился в противоположную сторону. Петляя между деревьями, он завернул за очередной банан и чуть не столкнулся с выскочившим ему навстречу человеком. Они одновременно остановились — на Валерия испуганными глазами смотрел молодой негр в потрёпанной униформе с автоматом в руках.

«Партизан»! — мелькнуло в голове у Валерия. Солдат с изумлением рассматривал стоящее перед ним существо: заросшее лицо, лохматая голова, изодранная одежда. Руки его дрогнули, он поднял автомат — ствол остановился на уровне груди Валерия. Тот инстинктивно попятился назад, нога за что-то зацепилась и, потеряв равновесие, он упал навзничь. Это его и спасло — грохочущая очередь прошла над его головой.

Хватаясь руками за ветки, он вскочил на ноги и замер — ствол автомата вновь уставился на него. «На этот раз он точно не промахнётся», — тоскливо подумал Валерий, смотря в зрачок ствола. Негр передёрнул затвор и, оскалив зубы, нажал на спуск. Клац! — металлический щелчок заставил его вновь передёрнуть затвор. И снова — осечка, видимо, в рожке закончились патроны.

Валерий, не зная, что предпринять, замер на месте. Негр оказался проворнее его, он отбросил бесполезный автомат в сторону и выхватил висевшую на поясе пангу. Описав сверкающий полукруг, она широким лезвием едва не чиркнула Валерия по груди. Оскалив зубы, негр вновь взмахнул длинным ножом. «Надо что-то с этим делать, иначе он меня точно зарежет!» — Валерий отступил на шаг назад — лезвие вновь свистнуло в сантиметре от тела.

Уверенный в итоге схватки, солдат вдруг прыгнул в сторону Валерия и снова взмахнул пангой. Тот пригнулся — он явственно услышал свист лезвия над головой, и в свою очередь бросился на противника. От его удара телом негр кувыркнулся через голову и выронил пангу из руки. Воспользовавшись моментом, Валерий сбросил на землю рюкзак. Он совсем забыл, что у него на поясе висит в кобуре «Стечкин».

Между тем негр снова поднимался с земли, нащупывая выроненную пангу. «Нельзя дать ему ещё один шанс воспользоваться оружием». Валерий прыгнул в его сторону, наступил на носок его ноги и с разворота нанёс сокрушительный удар в подбородок. Зубы негра клацнули, он подпрыгнул, нелепо взмахнул руками и рухнул на землю. Тяжело дыша, Валерий выпрямился и посмотрел на поверженного противника. Он нагнулся, положил пальцы на шею лежащего — стук пульса его успокоил. «Жив, обыкновенный нокаут». Его насторожил какой-то шорох за спиной, но обернуться и посмотреть он не успел — ослепительная вспышка сверкнула в голове, затем наступила темнота.

Глава 31

Сознание медленно, короткими рывками возвращалось к нему. Он осознал, что сидит на земле, опираясь спиной на что-то твёрдое. Вокруг теснилась толпа вооружённых солдат, они с любопытством, изумлением, а некоторые и со злобой смотрели на него. Раздался чей-то властный голос, толпа расступилась, и к Валерию подошёл молодой, и явно старший среди этих людей. Внимательно его оглядев, офицер произнёс несколько фраз.

«Лейтенант какой-то там армии Мазанги и он спрашивает — кто я такой», — сквозь гул в голове понял Валерий смысл вопроса.

— Ай эм рашен пайлот. Я — русский пилот.

— Рашен пайлот? — удивлённо повторил офицер. Видимо, в его сознании никак не вязалось утверждение Валерия с его внешним видом. Лейтенант вновь недоверчиво оглядел его: грива полуседых волос, заросшее бородой измождённое лицо человека неопределённого возраста. Единственно в чём лейтенант был уверен, — что это белый человек.

Двое солдат, подойдя к Валерию и подхватив его под руки, помогли подняться с земли. Голова закружилась, он на миг закрыл глаза, борясь с тошнотой. Кто-то толкнул его в спину.

Они подошли к двум, стоящим среди деревьев, грузовикам. Сначала они ехали по лесной дороге, затем выскочили на открытое пространство. Где-то через час езды дорогу перегородили несколько толстенных стволов деревьев, специально положенных на дороге так, что их нужно было объезжать на малой скорости. Из-за кустов к машинам подошли несколько вооружённых людей. Перебросившись с лейтенантом несколькими фразами, стоящий впереди махнул рукой, и машины стали лавировать между лежащими стволами. Проехали мимо небольших окопов, вырытых на обочинах дороги и обложенных брустверами из камней, на которых были установлены тяжёлые пулемёты и пара безоткатных орудий.

Машина рывком увеличила скорость. Минут через десять за очередным поворотом показались строения. Покружив некоторое время по узким улочкам, они выскочили на железнодорожный переезд. Метрах в двухстах от него машины вкатили на просторную площадь перед большим трёхэтажным зданием в виде буквы «П».

Спрыгнув с машины, Валерий поморщился — боль в затылке опять напомнила о себе. Лейтенант кивнул ему, приказывая следовать за ним. Они пересекли площадь и вошли в центральный вход. Длинный коридор вёл мимо дверей, у одной лейтенант остановился и, постучав, вошёл, оставив Валерия с автоматчиком.

Через некоторое время дверь распахнулась, и лейтенант жестом приказал ему войти в кабинет. Здесь, по сравнению с влажным зноем улицы, царила прохлада — работал вмонтированный в окно «кондишен», рокоча, как поршневой самолёт на взлёте. За огромным столом с массивными деревянными тумбами сидел приземистый коренастый человек с круглой физиономией. На погонах светились звёзды, говорящие о том, что хозяин кабинета имеет звание полковника.

Взглянув на Валерия, полковник вдруг расплылся в ослепительной людоедской улыбке. Он осматривал лётчика, как диковинный музейный экспонат, продолжая скалить зубы. Наконец, выкатился из-за своего стола и, подойдя к Валерию, подал ему руку. На довольно разборчивом русском языке, хозяин кабинета произнёс:

— Добро пожаловать в наши края, господин русский пилот! Я — начальник местного гарнизона, военный комендант города, полковник Освободительной армии Мазанги Барнабе Мобуку.

— Валерий Сибирцев, русский пилот, — пожав ему руку, ответил лётчик.

— Садитесь вот сюда, на стул! — гостеприимно повёл рукой полковник. — Так, так, значит русский пилот! И каким образом русский пилот оказался в этих краях? В таком вот, — полковник смолк, подыскивая подходящее выражение на русском языке — в таком э… э… виде? Мне доложили, что встреча с нашими солдатами оказалась для вас не очень гостеприимной. Надеюсь, вы понимаете, что одна из причин этого — ваш внешний вид. Давайте забудем эту неприятность, тем более что вы тоже в долгу не остались. И… прошу вас рассказать всё с самого начала.

Рассказ Валерия занял немало времени. Он опустил только то, что работал на Министерство обороны. Не стал рассказывать и о том, что был в деревне во время налёта вертолётов.

— Да-а, — протянул полковник, когда Валерий закончил. — Невероятно! Расскажи мне кто-нибудь такую историю с чьих-то слов — я бы ни за что не поверил. Фантастика! А вы сможете показать, где упал ваш самолёт? Вот карта.

Валерий подошёл к большой карте Мазанги, висящей на стене кабинета. Нашёл городок Нгоронги. Прикинув на глаз направление от городка в сторону Банги-Нова и расстояние, которое они прошли после взлёта, он уверено ткнул пальцем в карту. — Где-то здесь, в этом районе.

Полковник, засопев, оглянулся на лейтенанта, находившегося всё это время в кабинете. Затем недоверчиво уставился на Валерия: — Невероятно! — вновь воскликнул он. — Вот это место, где вы столкнулись с нашими солдатами. — Взяв со стола линейку, он соединил ею эти две точки и зашевелил губами. Подсчитав, сложил губы трубочкой и изумлённо присвистнул:

— Невероятно! Расстояние между этими двумя точками составляет триста восемьдесят километров по прямой. Учитывая, что вы шли через джунгли, огибая болота, то получается километров четыреста пятьдесят. Возможно — больше! И это не где-нибудь, а в наших экваториальных джунглях! И это расстояние преодолел не местный житель, а белый, европеец! Через джунгли, таящие в себе многочисленные опасности, с отсутствием соответствующего питания, временами без воды. Просто не верится!

Он ещё раз осмотрел Валерия с ног до головы, скептически скривив губы. Похоже, он не до конца уверовал в эту, как он выразился, фантастическую историю. Увидев, что Валерий побледнел — то ли от холода, то ли состояние лётчика вообще оставляет желать лучшего — полковник что-то сказал лейтенанту, тот в ответ щёлкнул каблуками.

— Вижу, кэптен, что вы неважно себя чувствуете. Лейтенант проводит вас в гарнизонный лазарет, там вас осмотрит наш доктор. Потом вас накормят, и вы будете отдыхать. Есть какие-нибудь вопросы, пожелания? — полковник важно прошествовал за свой стол.

— Да, господин полковник, я бы хотел получить назад свои вещи, что забрали ваши солдаты. Там у меня предметы туалета и вообще… — Валерий посмотрел на хозяина кабинета.

— Конечно, конечно! Я сейчас же дам распоряжение вернуть вам всё, за исключением оружия. Кстати, откуда у вас этот русский пистолет? — полковник вытащил из кобуры «Стечкин».

— Всё очень просто, господин полковник. С нами летел военнослужащий, капитан, который погиб, как и остальные. Я и позаимствовал у него.

— Хорошо, — недоверчивый взгляд коменданта смягчился. — Вполне правдоподобно. Идите, отдыхайте, — рука его легла на трубку зазвонившего телефона.

Сопровождаемый лейтенантом Валерий вышел на улицу. Дневное пекло вызвало на теле пот — озноб сразу прошёл.

Валерий сбросил ботинки и вытянулся на железной кровати, застелённой лёгким солдатским одеялом. В лазарете его осмотрел гарнизонный врач, заявивший, что ничего страшного нет, возможно, лишь лёгкое сотрясение мозга. Смазав чем-то рану на голове, он посоветовал дня два отлежаться. После лазарета лейтенант отвёл его в столовую, там Валерия накормили, и всё тот же лейтенант привёл его в маленькую комнатку в другом крыле здания.

Он лежал и бездумно смотрел на потолок. Веки стали тяжелеть… Вот снова над ним шелестят листьями вековые деревья, раздаются крики птиц, визжат обезьяны, назойливо звенит мошкара. Спотыкаясь, напрягая силы, он бредёт, отмахиваясь от гнуса, прорубаясь сквозь переплетения кустарников и лиан. Он снова в джунглях…

Глава 32

— Кэптен, кэптен! — кто-то тряс его за плечо. Валерий открыл глаза, непонимающим взглядом уткнулся в склонившееся над ним тёмное лицо.

— Да, да, — кивнул он, узнав лейтенанта. Приподнявшись, сел на кровати, пытаясь понять, какое сейчас время суток. Видимо, лейтенант понял это, он дважды крутанул пальцем по циферблату своих наручных часов.

— Что? Я проспал целые сутки? — недоверчиво спросил Валерий, подбирая слова на французском языке.

— Да, целые сутки! — восхищённо подтвердил лейтенант, улыбаясь во весь рот. Он быстро затараторил что-то. Валерий понял, что полковник спрашивал о нём, что нужно сходить в столовую, и что в гарнизоне только о нём и говорят!

Дождавшись, когда лейтенант закончит свою речь, он объяснил, что хотел бы подстричься и вымыться. Видимо тот его понял, минут через десять привёл с собой худого африканца. В душе, куда его, подстриженного, привёл лейтенант, Валерий сбрил бороду и вымылся под слабой струйкой тёплой воды. Он долго стоял под ней, ощущая невообразимое наслаждение.

Надев свою лётную форму, которую он пронёс через все мытарства, взглянул на себя в маленькое зеркальце. На него смотрели не голубые, как раньше, а серые, чуть отдающие голубизной, уста-

лые глаза. Волосы, большая часть которых были седыми, слегка кудрявились. По впалым щекам от крыльев носа пролегли две глубокие морщины.

— Да, уж — не Ален Делон, — усмехнулся он своему отражению. — Впрочем, это не такие уж и большие потери за последние месяцы.

Полковник от изумления открыл рот, увидев входящего в его кабинет Валерия. Он медленно встал из-за своего монументального стола и, подойдя, недоверчиво оглядел его.

— Невероятно! — воскликнул комендант. Похоже, это было одно из любимых его выражений. — Совершенно другой человек! Вас, мой кэптен, совершенно невозможно узнать! Прошу, садитесь!

Валерий, поблагодарив, опустился на стул. Полковник, одобрительно кивнув, вернулся за стол.

— Господин полковник, я приношу вам свою благодарность за гостеприимство, а также хочу попросить вас о содействии моему возвращению домой. Рассчитываю, что вы мне поможете.

— Да, я уже сообщил о вас моему командованию и обратился с просьбой решить ваш вопрос. — Полковник пододвинул к себе рацию, и что-то проговорил в микрофон. Выслушав ответ, виновато развёл руками: — Пока из штаба ничего нет. Так что вам придётся немного побыть здесь. Я надеюсь, что в главном штабе найдут решение вашего вопроса. А пока отдыхайте, набирайтесь сил. Место у нас здесь относительно тихое, боевые действия идут вдалеке.

Они ещё некоторое время поговорили, потом телефон стал звонить чаще. Поняв, что полковнику сейчас не до него, Валерий пошёл к себе.

«Итак, — лёжа на кровати, Валерий стал оценивать своё положение. — Я нахожусь в одном из гарнизонов антиправительственных войск. В городе, который расположен далеко от района боевых действий. Только мне от этого не легче. Нужно как-то выбираться отсюда…»

Прошло ещё несколько дней. Как-то утром Валерий был разбужен рёвом двигателей, криками и топотом ног в коридоре. Вскочив с кровати подошёл к окну. Несколько бронетранспортёров,выезжали на дорогу. Из выхлопных труб танков тоже вырывались клубы дыма, вот первый из них плавно тронулся с места, пристраиваясь за бронетранспортёром. На грузовики с прицепленными орудиями садились солдаты. Вот площадь покинул последний танк, за ним двинулись и машины.

«Интересно, куда это они? Что-то случилось, коль так быстро гарнизон покинул базу. Нужно будет поинтересоваться у полковника». Его он увидел только в обед. На вопросы Валерия тот махнул рукой, мрачно смотря в тарелку:

— У нас большие проблемы на восточном фронте. Противник бросил в бой свежие части с большим количеством бронетехники и прорвал нашу оборону в районе города Мубомо, это в шестидесяти километрах отсюда. Мубомо окружён. Мы получили приказ: силами нашей бригады прорвать окружение. Сегодня утром большая часть нашего гарнизона была брошена на прорыв. Какая сейчас там обстановка, — неизвестно. Никаких сообщений оттуда нет.

Полковник замолчал, отодвинул тарелку и, не закончив обед, ушёл. Валерий, меряя шагами комнату, переваривал услышанное. «Похоже, положение на фронте для них ухудшилось. Долго этот Мубомо не продержится. Тогда правительственные войска возьмутся за наш городок, в этот момент и нужно будет уйти отсюда. Сейчас же остаётся только ждать».

Но через несколько дней его положение осложнилось. Как-то после обеда зашёл лейтенант и сообщил, что полковник приглашает его к себе. «Интересно, зачем это я так срочно ему понадобился? — гадал Валерий. — Мы же виделись два часа назад за обедом».

В кабинете, кроме полковника, сидел майор Жан-Люк, с ним он познакомился как-то в столовой. Полковник суетливо передвигал лежащие па столе предметы: рацию, письменный прибор, пепельницу, ручку — он явно находился в замешательстве. Нависло неловкое молчание, потом полковник поднял на Валерия глаза:

— Так, господин русский пилот, оказывается вы не тот, за кого мы вас принимаем. Так-то вы платите за хорошее к вам отношение!

Валерий с недоумением смотрел на него.

— Я не понимаю, господин полковник. Что случилось?

— Молчать! — треснув по столу ладонью, завопил тот. — Он не понимает! Вы наглец, мсье!

Валерий был сбит с толку.

— Послушайте, полковник, вы можете спокойно, без крика, объяснить мне, что произошло? В каких смертных грехах вы меня обвиняете? — спросил Валерий.

Полковник аж взвился над столом:

— Он ещё прикидывается! — вновь срываясь на крик, заорал он. — А что вы скажете вот на это?

Он схватил со стола лист бумаги и потряс им, злобно сверля Валерия вытаращенными глазами.

— Что это? — Валерий смотрел на лист, соображая, что же может там быть.

— Хорошо, — успокаиваясь, заговорил хозяин кабинета. — Вот что нам прислали из главного штаба. Гражданин России Вэлери Сибирцофф по контракту с авиакомпанией «Нордстар» работал командиром самолёта «Антонов-32». В течение полугода выполнял задания Министерства обороны так называемого правительства Мазанги, перебрасывая на самолёте личный состав воинских подразделений, оружие, боеприпасы. Ну, что вы скажите на это, мсье русский пилот? Оказывается, вы лжец! Вы ничего не сказали о своей работе на этих предателей!

— Теперь ясно, — Валерий, не дожидаясь приглашения, сел на стул. — Просто я хотел обезопасить себя. По-моему, так бы на моём месте поступил любой здравомыслящий человек, не правда ли?

— Кто и как бы поступил на вашем месте — сейчас это никого не интересует. Вот вы кто, получается? — И не ожидая ответа, полковник отрубил, как судья, оглашая приговор и стукнув по столу: — Наёмник! На-ём-ник! — почти нараспев повторил он. — А у нас с наёмниками разговор короткий. К стенке и пиф-паф! Ясно?! Вашу судьбу

будет решать наше верховное командование. А пока передаю вас в руки нашей службы безопасности — майора Жан-Люка. — Комендант махнул рукой, как бы говоря, что разговор окончен. При этих словах майор встал и что-то крикнул, — на пороге вырос автоматчик и Жан-Люк указал Валерию на дверь.

Глава 33

Держась за стальные прутья оконной решётки, Валерий смотрел во двор. Первые несколько дней заточения Валерия водили на допросы к Жан-Люку. Он отвечал майору в общих чертах. Упирал на то, что выполнял со своим экипажем только перевозки, а какими-то сведениями военного характера не располагает. После нескольких допросов контрразведчик явно потерял к нему интерес. Да и сведения, которыми располагал Валерий, были устаревшими — последние несколько месяцев он скитался по джунглям.

...Его раздумья прервал стук в дверь, солдат принёс ему обед — маниок, кусок лепёшки, небольшую жареную рыбу и кружку кофе. Нехотя сжевав рыбу с лепёшкой и не притронувшись к опостылевшему маниоку, он маленькими глотками выпил горячий кофе. Мысли крутились вокруг одного и того же вопроса: «Что делать?»

«Ждать решения своей судьбы военными властями? Вот возьмут и шлёпнут, как наёмника. Выведут из камеры, поставят к стенке и все дела». От этих мыслей Валерий зябко передёрнул плечами. «Бежать? Просто так отсюда не выйти. Можно ночью попроситься в туалет, напасть на конвоира, отобрать автомат, а что дальше? Чтобы выйти наружу, нужно преодолеть решётку, которая перегораживает эту часть коридора, возле неё ещё один часовой. Где гарантия, что он не поднимет тревогу, когда я пригрожу ему оружием? Но даже если я выйду из здания, куда идти? Впрочем, можно двинуться на восток по железнодорожному пути. Переезд находится метрах в двухстах отсюда, главное добраться до него, а там по шпалам на восток — самый короткий путь!»

Следующий день оказался рекордным на сюрпризы. Утром, в отдалении, послышался знакомый звук, который стал быстро усиливаться. Это же вертолёт! Он подскочил к оконной решётке. Из-за крон высоких деревьев со стороны поднимающегося солнца выскочил знакомый силуэт. Сверкнув остеклением кабин, накренившись, вертолёт с рёвом пронёсся над тихим городком и, сделав круг, ушёл на восток. «Это же Алексей со своими ребятами! И не знает, что только что пролетел над моей головой»... Появление вертолёта над городом говорило только об одном — скоро сюда подойдут правительственные войска.

Где- то после обеда послышался гул моторов. Валерий подошёл к окну, гул усилился, и вот к воротам подкатил один танк, за ним второй, третий... Следом двигались бронетранспортёры, колонну замыкал десяток тяжёлых грузовиков, с которых стали прыгать солдаты. У одной машины откинули борта и стали сгружать раненых. На большинстве из них белели бинты.

Немного спустя, в коридоре послышался шум, топот, в камеру ввалилось несколько солдат с матрацами в руках. Увидев Валерия, они столпились у порога, с любопытством разглядывая его. Раздался чей-то голос, солдаты расступились, и в комнату вошёл офицер. Валерий замер — на него смотрели со знакомого лица, видимо не узнавая его, глаза Куму.

— Старший лейтенант Куму!- он бросил взгляд на его погоны: — Простите, господин майор, вы не узнаёте меня? Видимо я здорово изменился с тех пор — год назад мы сидели в одной камере тюрьмы Банги-Нова, — Валерий грустно улыбнулся.

Нахмурившись, майор внимательно вгляделся в него, потом лицо его посветлело:

— Не может быть, вы?! Кэптен Вэлери? Что вы тут делаете? Как вы оказались здесь?

Он подошёл и схватил Валерия за руку, взволновано смотря на него:

— Не верю своим глазам!

...Он ещё долго молчал после того, как Валерий закончил свой рассказ. Потом посмотрел на него и покачал головой:

— Как вы всё это смогли вынести, кэптен? Приходиться удивляться, что вы до сих пор живы. Наверное, на небесах у вас есть сильный ангел-хранитель. Что же касается вашей дальнейшей судьбы — это я постараюсь выяснить. Здесь, в штабе, служит мой земляк.

— Ну, а как вы, Куму? Расскажите о себе. — Валерий видел перемены в нём: в волосах появилась седина, на лице — морщины и взгляд был уже не тот, что у молодого старшего лейтенанта.

— Что я? Воюю. Когда нас перевели из тюрьмы в фильтрационный лагерь, мы сумели бежать. Потом перебрались на территорию, которую контролировали наши вооружённые силы. С тех пор и воюю, сейчас командую батальоном. Только вот дела наши в последнее время ухудшились.

Куму понизил голос, стараясь, чтобы его не услышали солдаты:

— Наши части сильно потрёпаны в последних боях, не хватает техники. Пополнение людьми идёт через мобилизацию, можете себе представить выучку таких солдат. Возросло дезертирство. Словом — ничего хорошего...

— Выход всегда есть, майор. — Валерий сочувственно посмотрел на него, ему было жаль этого умного и честного человека. — Вы здравомыслящий человек, Куму, и вы не можете не видеть, что эту войну вам не выиграть. Не лучше ли сложить оружие? Вы сможете сохранить жизни тысячам своих земляков, они так нужны вашей стране!

Куму, сидевший с опущенной головой, выпрямился и посмотрел на Валерия:

— Я не нарушу присяги. Это моя дорога и я не сойду с неё до конца. — Он невесело усмехнулся: — А вы заметили, кэптен, что мы с вами разговариваем на эту тему не первый раз?

— Господин майор! — раздался вдруг голос. Они оглянулись, подошедший сержант щёлкнул каблуками: — Начальник гарнизона приглашает вас на совещание.

Куму встал:

— Я постараюсь всё узнать о вас.

Вновь появился он только под вечер. В комнате было пусто, солдаты ушли на ужин. Майор сел,

снял кепи. Валерий смотрел на Куму, ожидая, что он скажет.

— Я поинтересовался у Жан-Люка относительно вас. Так вот, кэптен, через несколько дней начнётся эвакуация, верховное командование посчитало оборону этого города нецелесообразной. Вас, Вэлери, хотят перевезти в нашу так называемую столицу — центр провинции Нубомо и там отдать под суд военного трибунала — как наёмника. Сами понимаете, какой приговор может вынести трибунал в условиях войны. Вам нужно бежать. Я помогу вам. Постараюсь завтра узнать, когда вас хотят отправить отсюда, и тогда прикинем, как лучше осуществить ваш побег. А сейчас я пойду — не нужно, чтобы нас видели вместе.

В эту ночь Валерий почти не спал. Было душно, кто-то из солдат, спящих вповалку, храпел. С улицы доносился треск цикад, слышались чьи-то крики и приглушённые вопли — извечные звуки тропиков. Он смотрел на кусочек неба, видимый в окне, ярким звёздам не было никакого дела до чьих то бед и переживаний…

Как же он устал от всего этого… Устал от скитаний. Устал от мыслей, что может случиться с ним сегодня или завтра. Устал от надоедливого звона гнуса. Устал от зноя и духоты. Взять бы сейчас горсть снега в руки — не было бы большего счастья. В глазах защипало, он коснулся их рукой и почувствовал влагу.

«Что-то ты расчувствовался, дружок, нервы, что ли, сдают? — пожурил он себя. — Как говорят, ещё не вечер! Ну-ка прекратить разводить сырость! Мы ещё посмотрим — чья возьмёт!»

Вспомнив, что Куму обещал помочь, он немного успокоился. Смотря на мерцающие звёзды, Валерий нащупал фотографию, лежащую во внутреннем кармане. «Ничего, моя хорошая, всё будет нормально, надеюсь — мы скоро встретимся». Вспоминая дочь, он так и уснул — с рукой на груди.

С раннего утра в расположении гарнизона началась суета. Во дворе развели костёр, туда подтаскивали и бросали в огонь какие-то бумаги. В грузовики, стоящие на площади, загружали вещи, по всему зданию раздавался топот ног и возбуждённые голоса.

В камеру вернулись солдаты, видимо, также участвовавшие в этом мероприятии, весело переговариваясь. Сержант, неожиданно царапнувший Валерия злым взглядом, что-то гаркнул — те сразу смолкли.

Несколько машин вывернули из-за бокового крыла здания, таща на прицепах орудия, и остановились напротив ворот. Колонна солдат подошла к ним, раздалась команда — солдаты полезли в кузова машин. «Они вывозят арсенал», — понял Валерий.

Майор Куму пришёл, когда солдаты ушли на ужин. Он сел и кивнул Валерию:

— У нас мало времени, буду говорить кратко. Вас хотят увезти завтра утром — вместе со штабом. Я приду за вами перед рассветом. Мы осторожно выбираемся из здания. Доходим до железнодорожного переезда и идём по путям на восток. Километрах в двух я спрятал под мостиком солдатский мешок, в нём немного продуктов и фляга с водой. Я вас провожу до этого места, а дальше пойдёте один. Уверен, что рано или поздно вы столкнётесь с армейским дозором. Когда встретитесь с ними, начинайте кричать, что вы — русский лётчик.

Помолчав, Куму добавил:

— Думаю, всё должно получиться. Так что будьте готовы, а я пошёл.

— Документы! — вспомнив, воскликнул Валерий.

— Какие документы? — Куму, подошедший к двери, обернулся.

— У меня нет с собой никаких документов. Здесь забрали всё, даже документы моих погибших парней. Как же мне теперь быть?

Куму постоял в раздумье, потом покачал головой:

— Придётся с этим смириться, Вэлери. Документы, скорее всего в сейфе у Жан-Люка, оттуда нам их не достать. Это сейчас для вас не главное. Главное — завтра утром! Постарайтесь хорошо отдохнуть.

Он посмотрел тревожным взглядом на Валерия и вышел, тихо прикрыв за собой дверь. Ближе к утру Валерий задремал, хотя с наступлением ночи сон не шёл к нему. Почувствовав чьё-то прикосновение к себе, он открыл глаза и увидел лицо майора, с прижатым к губам пальцем. Куму кивнул головой в сторону двери, и Валерий, натянув ботинки, осторожно двинулся мимо спящих солдат к выходу. Он не заметил, что один из них открыл глаза и посмотрел им вслед.

Выйдя в коридор, Валерий последовал за майором. Они прошли мимо караульного, спящего на стуле, — его автомат лежал на полу. Майор повернул в противоположную от центрального входа сторону и открыл небольшую дверь рядом с лестницей, ведущей на второй этаж.

Они осторожно выскользнули наружу. Было тепло и влажно, всё вокруг расплывалось нечёткими пятнами — стоял туман.

— Туман, — прошептал Куму, — это хорошо. Идите за мной и старайтесь не шуметь.

Они прошли вдоль стены до угла корпуса. Оглядевшись, майор быстрыми шагами подошёл к железной ограде. Один из прутьев был отогнут. Протиснувшись через щель, они нырнули в кусты, которые росли сразу за оградой. Сзади раздался какой-то стук. Они замерли, прислушиваясь, но звук не повторился, и Куму взмахом руки позвал его за собой. Молча они дошли до переезда и повернули на колею. Было по-прежнему тихо, только стало немного светлее.

— Ну, кажется, всё самое сложное позади, — повеселевшим голосом сказал Валерий.

— Будем надеется, — проронил в ответ майор, шагая мерным шагом по шпалам. Они замолчали. Через несколько минут молчание нарушил Куму:

— Скажите, Вэлери, после того, как вас освободили из тюрьмы, встречали моих сослуживцев? Мы были вместе тогда на вечеринке: капитан Филипп, майор Макс, капитан Густав.

— Как же! Встречались и не один раз. Капитан Филипп теперь полковник и командир авиабазы в Банги-Нова, а заместитель у него — подполковник

Густав. Майор Макс тоже полковник и руководит авиабазой ввс в столице.

— Рад за них, я всегда знал, что когда-то их оценят по достоинству, — с грустной ноткой в голосе произнёс майор. — Тихо, — вдруг прошептал он. — Мне послышался какой-то звук сзади, похожий на хруст камней под ногами. — Куму с Валерием внимательно всматривались в пелену тумана. — Наверное, послышалось, — проронил Куму. Они прошли ещё немного, и майор воскликнул:

— А вот и наш мостик! — Действительно, впереди виднелись железные поручни ограждения. В этот момент сзади раздался топот и чей-то голос окликнул:

— Майор! — Они обернулись. Сзади сквозь туман к ним быстро приближались три тени.

— Вот оно, — проговорил майор, нахмурясь. — Обождите здесь, кэптен. Я пойду, выясню, кто это преследует нас.

Валерий замер на месте, глядя, как Куму, расстегнув кобуру, двинулся навстречу трём неясным фигурам. Короткий говор пришедших был прерван гневным голосом майора. Внезапно он отпрыгнул назад — раздался грохот выстрелов, заглушённый короткой автоматной очередью.

Валерий ошеломлённо смотрел на происходящее, как на какой-то кошмарный сон. Дёргаясь и размахивая руками, три человека рухнули на землю. Четвёртый — Куму — медленно опустился на колени и замер, склонив голову на грудь.

— Господи, майор! Куму!- подбежал к нему Валерий. Он нагнулся и приподнял его голову, тот держался рукою за живот — сквозь пальцы сочилась кровь, на груди стремительно расплывалось красное пятно. На Валерия глянули искажённые болью глаза майора:

— Нелепо… вышло… — Слова давались ему с трудом. — Вэлери… выстрелы… уходи…

Он не договорил — изо рта хлынула кровь, глаза потухли, тело, вздрогнув, повалилось набок.

Потрясённый Валерий, перевернул его на спину и закрыл мёртвому глаза. Лицо майора было строгим и спокойным. Валерий несколько минут постоял над ним, чувствуя, что сейчас не выдержит и заплачет, он выдавил сквозь ком в горле, — прощай, друг! Потом, ничего не видя вокруг, медленно побрёл к поручням мостика.

Он не видел, как приподнял голову тяжелораненый сержант. Всхлипывая от боли, разрывающей его живот, он слабеющей рукой нащупал автомат. Смотря сквозь надвигающуюся предсмертную пелену в глазах на удаляющийся размытый силуэт человека, он поднял оружие и нажал на спуск. Валерий, идущий как во сне, выстрелов не услышал. Что-то сильно и больно ударило его в спину. Вспыхнул ослепительный свет, боль тут же исчезла, стало легко-легко. Ему показалось, что он приподнялся над землёй и плавает в воздухе, радостный и счастливый. Маленькая девочка — его дочь, бежит навстречу ему, звонко смеясь и протягивая к нему свои тоненькие руки.

— Я свободен! Я, наконец, вернулся! — громко крикнул он на весь мир, и тут же свет померк, и мгла сомкнулась над ним…

— Войдите! — Майор, командир батальона правительственных войск, занявших городок без единого выстрела, сидел в кабинете сбежавшего военного коменданта города. Оторвавшись от бумаги, он поднял голову. В кабинет вошёл капитан, командир батальонной разведки.

— Ну, что у тебя, разведчик? — ему нравился этот молодой и энергичный офицер.

— Господин майор, я со своими бойцами подошёл к городу по железной дороге. Километрах в двух отсюда мы наткнулись на пятерых убитых, лежащих на путях. — Капитан пожал плечами:

— Какая-то странная история…

— Почему странная? — с утра майор был настроен философски: — Идёт война, а на ней, как известно, иногда и убивают…

— Так-то оно так. Четверо из убитых — солдаты повстанческого батальона «Гепард».

— «Гепард», говоришь? Один из боеспособных в их вооружённых частях, да и командование батальона у них на высоте. Так, что ты сказал? Четверо из «Гепарда»? А пятый?

— Из четверых — двое рядовых, ещё сержант, а четвёртый… судя по найденным документам, сам командир батальона — майор Куму Мтетвузу. Погибли сегодня утром, тела ещё не совсем остыли. Да, а вот пятый… — капитан замялся.

— И что же пятый?

— Если четверо лежат почти рядом друг с другом, то пятый — метрах в десяти от них. Самое интересное, что он в штатской одежде. На нём изрядно потрёпанный комбинезон голубоватого цвета, а главное — он не местный.

— Что значит — не местный? — майор уставился на разведчика.

— Он — белый, европеец… Убит двумя выстрелами в спину.

— И что же получается? Сначала он перестрелял этих четверых, а потом кто-то из них, раненый, застрелил его? — приподняв брови, озадачено произнёс майор.

— Вряд ли, господин майор. Все четверо были вооружены, а у пятого оружия не было.

— Белый, европеец! Безоружный… — в замешательстве проронил командир батальона. Он помолчал, раздумывая. Потом вновь поднял глаза на капитана:

— Ты прав, разведчик. Действительно странная история. И, боюсь, мы никогда не узнаем, какая трагедия разыгралась там. Какие-нибудь документы были у этого, пятого?

— Документов никаких нет. Во внутреннем кармане комбинезона мы нашли только вот это.

Капитан протянул майору небольшой пластиковый прямоугольник — фотографию молодой девушки, с волнистыми, светлыми волосами и озорным взглядом больших голубых глаз.

— Красивая девушка, — заключил майор. — Кем же она была этому человеку? Что ты думаешь, разведчик? — спросил он, продолжая рассматривать фотографию.

— Судя по возрасту мужчины — скорее всего это его дочь, — ответил капитан.

— Да, странная история. Кто же был этот человек? Куда он шёл? Сплошная загадка, — майор замолчал, задумавшись.

Капитан, постояв несколько минут, переступил с ноги на ногу и негромко кашлянул.

Майор оторвался от раздумий:
— Что-то ещё, капитан? — спросил он.
— Что прикажите делать с телами, господин майор?
— Как что? Похоронить. Они же были нашими соплеменниками, пусть теперь успокоятся в родной земле. А пятого похороните отдельно. Возможно, он был нашим другом и шёл к нам.
Помолчав немного, он добавил:
— Передайте это моё указание начальнику службы тыла. И пусть сделают простую надпись на табличке — неизвестный. Нет, лучше — неизвестный европеец.
— Слушаюсь! — чётко ответил капитан и, повернувшись, направился к выходу.
Глаза майора остановились на фотографии.
— Капитан! — окликнул он разведчика:
— Возьмите это фото и положите туда, где нашли. Думаю, они должны быть вместе.
— Вы правы, господин майор. — Капитан взял фотографию и вышел из кабинета.

Эпилог

Высокий, широкоплечий мужчина в нерешительности стоял на лестничной площадке перед квартирной дверью. Он несколько раз поднимал руку к кнопке звонка и вновь опускал. Наконец, решившись, нажал. Послышалась приглушённая трель, за дверью застучали каблуки. Дверь распахнулась — на пороге стояла светловолосая девушка, недоумённо рассматривая незнакомца.
— Здравствуйте! Вы — Женя Сибирцова, — утвердительно произнёс мужчина.
— Да, — ответила девушка. — А вот вас я не знаю. — Она, нахмурившись, смотрела на него: — Что вы хотите?
— Видите ли, Женя. Я недавно прилетел из Африки…
При этих словах девушка ойкнула, её рука ухватила его за рукав куртки:
— Вы из Африки? От папы? Он жив? — шквал вопросов обрушился на него. — Да заходите же в квартиру!
Щёлкнул язычок замка — дверь захлопнулась.
— Что же вы молчите? Скажите же! Что, папа жив? — на мужчину с надеждой смотрели её глаза. Увидев растерянность на его лице, она смолкла, глаза потухли: — А я-то подумала…
Она повернулась и пошла в глубь квартиры. Пришедший переминался с ноги на ногу в прихожей, не зная, что делать.
— Ну что же вы стоите? — тусклым, бесцветным голосом произнесла девушка. — Проходите вот сюда, на кухню. В квартире беспорядок, решила вот заняться уборкой.
Гость вошёл и сел на жалобно скрипнувший под ним табурет.
— Женя, мы работали вместе с вашим папой, я — техник его самолёта. Получилось так: я заболел малярией, и Валерий Игнатьевич настоял на том, что я должен остаться и лечиться, а они несколько дней обойдутся без меня. Я остался на вилле, а они улетели и больше не вернулись…
Он опустил голову. На кухне повисло тягостное молчание. Потом гость взглянул на девушку повлажневшими глазами.
— Получается, Женя, что он спас мне жизнь. Он был настоящим человеком, ваш отец, Женя.
— Вы говорите — был! —воскликнула девушка. — А я не верю, что он погиб! Вы слышите?! Не верю! Никто не видел его мёртвым! Я не верю, не верю, не верю!- она опустила голову на руки, лежащие на столе, худенькие плечи её задрожали.
Мужчина протянул свою сильную руку — широкая ладонь легла на волнистые пряди её волос.
— Прошу вас, Женя, не плачьте. Я до сих пор тоже не верю, что они все погибли. Когда никто не видел погибших, всегда остаётся надежда. Давайте будем надеется вместе…
Женя подняла голову, ладонью вытерла слёзы с глаз, по-детски шмыгнув носом.
— Вот так то лучше, — ласково улыбнулся он.
— А как вас зовут? — переставая всхлипывать, спросила Женя.
— Георгий Александрович, можно просто — Георгий, так что будем знакомы.
Он расстегнул куртку, вытащил из внутреннего кармана свёрток.
— Здесь тридцать две тысячи долларов, это заработал ваш отец. Получилось так, что я выполнял в экипаже роль сейфа, и вот настало время вернуть эти деньги родным.
— Так много… — произнесла Женя, недоверчиво глядя на свёрток.
— Ну что вы, Женя! Ваш отец заработал эти деньги, зачастую идя на заведомый риск. Так что не сомневайтесь — они вполне честные и по праву принадлежат вам. А где ваша мама, Женя?
— Мама? — произнесла она с пренебрежительной интонацией. — Мама далеко. На Багамах. Когда пришло известие, что папа пропал — она не долго горевала, — проговорила с горечью Женя. Глаза её вновь повлажнели:
— Через месяц она укатила со своим вздыхателем — банкиром во Францию. А теперь осваивает Багамские острова. И давайте не будем больше о ней. Кофе будете? Может быть, вы останетесь у нас переночевать? Квартира большая, места хватит. У меня живёт только подружка по университету, так что оставайтесь.
— Спасибо, Женя. — Георгий взглянул на часы, — у меня через час поезд. Рад был увидеть и познакомиться с вами. Вы такая, как рассказывал о вас отец.
Увидев, что её глаза снова наполняются слезами, он встал с табурета:
— Не плачьте, и будьте мужественны, Женя. Простите, что не смог как-то успокоить вас. Мне пора. Прощайте и будьте счастливы! — Он пожал осторожно узенькую ладошку девушки и вышел из квартиры, тихо закрыв за собой дверь.
Тук-тук, тук-тук, синхронно стучали колёса на стыках рельсов. Тук-тук, тук-тук…
Георгий невидящим взглядом смотрел в тёмное окно вагона. Единственный попутчик самозабвенно сопел на верхней полке.
«Ну вот, деньги переданы всем. Будьте спокойны, ребята. Я выполнил свой долг перед вами…» Он налил полный стакан коньяку из пузатой бутылки и выпил, даже не почувствовав вкуса.
…Перед ним вновь поплыли лица друзей, пропавших где-то в безбрежном море джунглей: бес-

печный гуляка Аркадий, хозяйственный и экономный Василий, доверчивый и ответственный Анри, строгий и добрый Валерий.

Где вы? Что с вами стало, ребята? Может кто-то из вас, оставшийся в живых, всё ещё бредёт по этим проклятым джунглям, выбиваясь из последних сил, измождённый и больной, тая в себе последнюю искорку надежды, что вот сегодня, сейчас, протянется человеческая рука и подхватит тебя, падающего на землю…

Но нет ответа, и только продолжают стучать колёса: тук-тук, тук-тук…

Где-то в Южном полушарии, на столичном аэродроме одной из африканских стран командующий ВВС республики знакомился с экипажем самолёта, который должен был работать в интересах Министерства обороны. Согласно контракту, заключённому с одной из авиакомпаний, работающих в этой стране.

Генерал подошёл к светловолосому крепышу и протянул ему руку.

— Командир самолёта Валерий Холодов, — представился тот, пожимая руку генерала.

— Вэлери? — голос генерала дрогнул.

— Да, Валерий, — недоумённо повторил пилот, — Холодов.

Генерал повернул голову в сторону полковника, командира авиабазы ВВС. Тот кивнул головой, поняв его.

— Так, значит кэптен Вэлери… — Генерал вновь остановил взгляд на командире самолёта. — А где в России ваш дом, кэптен Вэлери?

— Я из Сибири, господин генерал, — ответил пилот.

— Странное совпадение. Я знал пилота с таким именем, и он тоже был из Сибири… — задумчиво произнёс генерал. — Что ж, желаю вам и вашему экипажу удачи в полётах, кэптен Вэлери. И всегда возвращайтесь на базу. — Он прошёлся внимательным взглядом по экипажу и, прикоснувшись ладонью к козырьку кепи, пошёл к своей машине.

«Странный какой-то этот генерал, — подумал, глядя ему вслед, командир самолёта. — Впрочем, это нас не касается». Он повернулся к своим парням:

— Ну, что, мужики?! Завтра начинается настоящая работа!

Он посмотрел на свой экипаж, засмеялся и окинул взглядом бездонное, без единого облачка, раскалённое африканское небо…

Шёл последний год XX века.

г. Талица

ДиН память

Павел Васильев

Звенит печаль…

Сибирь, настанет ли такое,
Придёт ли день и год, когда
Вдруг зашумят, уставши от покоя,
В бетон наряжённые города?

Я уж давно и навсегда бродяга,
Но верю крепко: повернётся жизнь,
И средь тайги сибирские Чикаго
До облаков поднимут этажи.

Плывут и падают высокие закаты
И плавят краски на зелёном льду,
Трясёт рогами вспугнутый сохатый
И громко фыркает, почуявши беду.

Всё дальше вглубь теперь уходят звери,
Но не уйти им от своей судьбы.
И старожилы больше уж не верят
В давно пропетую и каторжную быль.

Теперь иные подвиги и вкусы,
Моя страна, спеши сменить скорей
Те бусы
Из клыков зверей —
На электрические бусы!..

Затерян след в степи солончаковой,
Но приглядись — на шее скакуна
В тугой и тонкой кладнице шевровой
Старинные зашиты письмена.

Звенит печаль под острою подковой,
Резьба стремян узорна и темна…
Здесь над тобой в пыли многовековой
Поднимется курганная луна.

Просторен бег гнедого иноходца
Прислушайся! Как мерно сердце бьётся
Степной страны, раскинувшейся тут,

Как облака тяжёлые плывут
Над пёстрою юртою у колодца.
Кричит верблюд. И кони воду пьют.

Александр Габриэль

Бостонский блюз

All we need…

Я отнюдь не прошу,
чтобы мне соглашательно вторили;
пусть и физик, и лирик
останутся вновь при своих.
Я безбожно смешаю
капризные краски истории,
гладиаторский бой
променяв на вокзал для двоих.
Поживём в новом мире,
где войны не стали рутиною,
набросаем на холст
самых дивных в палитре
мазков
и увидим, что больше не спорят
альков с гильотиною,
потому что в их спорах
всегда побеждает
альков.
Глянь-ка: в небе Венера.
Чиста и прозрачна к утру она —
как промытый невиданный жемчуг,
как пушкинский слог…
Отпускаю на ветер
истерики Мао и Трумана,
забираю в копилку
влюблённых простой диалог.
От фантазий таких не устану,
признаюсь по правде я;
пусть любовь, как река,
размывает устои плотин,
и бросает гвоздики
на меч императора Клавдия
самый вечный из хиппи на свете,
святой Валентин.

Саманта Смит

Одного только цвета клавиши.
Ни господ тебе, ни холопов.
Сэр Андропов болеет, знаешь ли,
и зачем тебе сэр Андропов?!
Вот, смотри, на столе вареники;
вот, смотри, золотые рыбки…
На каком заграничном тренинге
учат деток такой улыбке?!
Понимаешь, с тобою легче и
как-то больше дышать охота…
Вечно рядом квадратноплечие,
но такая у них работа.
А тебе безразличны ранги и
ты становишься первой леди
на пространстве от Новой Англии
до страны, где везде медведи.

Мы простились, носами хлюпая,
отделившись в другую касту…
Ну, зачем же ты села, глупая,
в самолёт, что летел в Огасту?!
Силы тяжести, силы трения —
ждите новых реинкарнаций.
Остановлены стрелки времени
на досужем числе «13».

Праправнуки По и Пушкина
нынче ближе и так, и этак:
эфэсбэшнику с цэрэушником
вместе весело на фуршетах,
в их ладонях компАс и вёсла и
нет им равных на белом свете…

Не играйте в войнушки, взрослые;
в них всегда побеждают дети.

Бостонский блюз

Вровень с землёй — заката клубничный мусс.
Восемь часов по местному. Вход в метро.
Лето висит на городе ниткой бус…
Мелочь в потёртой шляпе. Плакат Монро.
Грустный хозяин шляпы играет блюз.

Мимо течёт небрежный прохожий люд;
сполох чужого хохота. Инь и Ян…
Рядом. Мне надо — рядом. На пять минут
стать эпицентром сотни луизиан.
Я не гурман, но мне не к лицу фастфуд.

Мама, мне тошно; мама, мне путь открыт
только в края, где счастье сошло на ноль…
Пальцы на грифе «Фендера» ест артрит;
не потому ль гитары земная боль
полнит горячий воздух на Summer Street?!

Ты Би Би Кинг сегодня. Ты Бадди Гай.
Чёрная кожа. Чёрное пламя глаз.
Как это всё же страшно — увидеть край…
Быстро темнеет в этот вечерний час.
На тебе денег, brother.
Играй.
Играй.

Пятое колесо

Нелепый, как в террариуме — сом,
как Бах на дискотеке в стиле рэгги,
он был в телеге пятым колесом
для вящего спокойствия телеги.
Неслышен, незаметен, невесом…
Но если сел в ковчег — не ной в ковчеге.

Ещё не господин, уже не раб,
он просто брёл. О боге и о чёрте
не думая. Этап сменял этап.
А время в алхимической реторте
всё таяло. В пути любой ухаб
взрывался в подреберье и аорте.

И ясным днём не видел он ни зги
в бесформенных клубах житейской пыли.
Он не умел молиться: «Помоги!»
и не имел понятия о стиле.
Он, надрываясь, возвращал долги,
которые давно ему простили.

Урочный час. Приют взамен шале.
Не отделив ответы от вопросов,
всё в мире знавший о добре и зле,
из рук его упал прогнивший посох.

Ничто не изменилось на земле.
Арба ползёт на четырёх колёсах.

Эквилибриум

I.

Тревоги — обесточь. Уйди наружу, вон,
в метель и круговерть, от зла, от сверхзадачи,
туда, где к водам твердь прильнула по-собачьи,
туда, где скрыла ночь и первый план, и фон.

В припадке провода. Растерзанный картон.
Ночь пишем, день в уме. Сроднись со снежной пылью…
Дыша в лицо зиме планктонной волглой гнилью,
скандалит, как всегда, похмельный Посейдон.

Скрипит земная ось, затёртая до дыр…
Лишь только ночь и ты, и свист печальный, тонкий…
Вот так же — с пустоты, с мальмстримовой воронки —
так всё и началось, когда рождался мир.

Найди одну из вер. Осталось два часа;
придумай волшебство, торя пути надежде…
И, право, что с того, что это было прежде —
Бессонница. Гомер. Тугие паруса.

II.

Когда монета встанет на ребро,
ты пораскинешь лобной долей львиной
и перечтёшь «Женитьбу Фигаро»,
и пересмотришь «Восемь с половиной»,
вдохнёшь сквозняк из затемнённых ниш,
зимой предвосхитишь дыханье мая,
простишь друзей, врагов благословишь,
при этом их местами не меняя.
Держа судьбу, как сумку, на весу,
ты пыль с неё стряхнёшь и счистишь плесень.
Баланс сойдётся с точностью до су,
небесным восхищая равновесьем.
Растает снег, и опадёт листва,
дождётся всё законного финала…
А от тебя останутся слова —
не так уж много.
И не так уж мало.

г. Бостон

Вадим Керамов

Чужая жизнь моя

На даче Петровых

Пили чай, крошили пряники,
Обсуждали близкое к панике
Положение в русском кино.
Положение многих ранило,
Пока окно барабанило,
Барабанило окно.

Собирали кубики-рубики,
В преферанс играли на рублики,
В домино играли на счёт.
Жаловались: время течёт
И окно течёт, течёт…

Пожелали друг другу ночи
Поспокойнее, покороче.
Разошлись.
В проёме окна
Ночь последнее доливала,
Мышь скреблась у печи, дотлевала
В моей пепельнице луна.

Я вспоминаю вечер:
Повсюду таял снег,
Из-за угла навстречу
Мне вышел человек.

На перекрёстке грязном
Мы разминулись, но
Большим блестящим глазом
Мне улыбнулся он.

Приятелей не помня
С мальчишеской поры,
Я, оглянувшись, понял
Значение игры.

Уже на горизонте
Мерцал, сбавляя шаг,
Пульсирующий зонтик
И крохотный пиджак.

Так в небо окунулась,
Причины утая,
Прошла и не коснулась
Чужая жизнь моя.

Уже не осень, ещё не снег.
С землёю смешан вороний смех.
И безнадёжен в своей тоске
Автомобильный крик вдалеке.

Распалось облако-пароход,
И не кончается переход
К зиме, которой отдам листы
Уже не я, но ещё не ты.

На заре, как на огне,
Человек стоит в окне.
У батареи греется,
Ни на что не надеется.
Осень
Бьёт головою оземь.
— Где ты, клумба с розами?
— Там, где небо с розгами.
А на небе птичка,
В птичке — яйцо,
В яйце есть спичка —
Подожги крыльцо.
На заре, как на огне,
Человек в окне.

День и ночь кричит дитя
На своём наречии:
Знает, годы пролетят,
Как чижи над речкой.

Не пускает соску в рот,
Брошены игрушки:
Знает, время отберёт
Жизнь, как безделушку.

Извелась, рыдает мать,
Не смолкает чадо.
Доктор, что нам принимать?
Ничего не надо.

Сердце

У меня болит сердце
По-настоящему.
Я пил водку с перцем
И ел горячее —
Не помогло.

Я читал-перечитывал
Поэтов кучу,
Видел боль нарочитую —
Мне не стало лучше.

У меня болит сердце
По-настоящему.
Я лежал целый месяц
Всё ел горячее —
Не помогло.

В темноте помещений
При каждом случае
Я просил прощения —
Мне не стало лучше.

У меня болит сердце
По-настоящему.
Молодое деревце
Сыграло в ящик.

Коты

Ты призналась, что Василий
Ровно год
Как скончался без усилий
И хлопот.

Был ещё один, но, бестия,
Ушёл.
Ты с Филиппом и тебе с ним
Хорошо.

Дождь то капает, то хлещет,
Бестолков.
Я считал ушедших женщин,
Ты — котов.

Набрала в саду скамейка
В рот воды.
Годы бегают скорее,
Чем коты.

Облако

Облако автономное,
Медленное и томное,
Шло потайными тропами
К тополю.
Пар выдыхая, топая,
Руку об руку хлопая,
Я очарован хлопьями.
Копьями
Встречено, изувечено
Бледное и не вечное:
День напролёт и вечером
Комьями,
Непосвящённых радуя,
Падая, падая, падая,
Город лишало облика
Облако.

г. Москва

Мария Воногова

Не спать, не скучать, улетать…

Лёгкая улыбка,
Запах нафталина,
Звук какой-то долгий,
Звук какой-то длинный.
Звук, произносимый мягкими устами.
Мы ещё не жили, но уже устали.

Никто не пишет мне, не любит, не звонит,
Все про меня, конечно же, забыли…
Все мы осколки той магнитной пыли,
Что по системе солнечной летит.
Я не права. И это аксиома.
Мы пилигримы, но мы жаждем дома…
Мы растворяемся в блаженной темноте…
Свои далече, ну, а здесь не те…

Всё проходит.
И пыль, и мёд,
И патока,
Всё пройдёт.
У меня получилось
Не спать, не скучать
Улететь…
Улетать…
Я промокла до слёз,
До слепой черноты,
До крови…
Псы дня
принесли полевые цветы…

г. Красноярск

Михаил Этельзон

А Россия была Америкой

Эвакуация

Маме

«…я ведь не помню… сначала Баку…
эвакуация, море… бомбёжка…
много остриженных — наголо, ёжиком…
взрывы… кораблик почти на боку…
…в море бросают тифозных больных,
в панике… с криком: «за борт их, за борт их!»,
не разбирая, кто спящий — кто мёртвый…
не разбирая… а мы среди них…
…лишнее — за борт, иначе ко дну…
лишние мы — шестилетние дети,
сёстры, подружки… когда-то соседи…
тоже тифозные, в полубреду…
…бабушка в трюме накрыла тряпьём,
сверху — баулы, пакеты и сумки,
так и лежали, наверное, сутки…
мне рассказали об этом потом…
…нас не нашли, и кораблик доплыл…
там — Бухара и голодные годы…
рылись в земле, собирали отходы —
ели что было… что каждый добыл…
…в Киев уже не вернулись… зачем…
близкие в Яре, а дома — чужие…
что им докажешь — что жили?.. что живы?..
что не хватило у немцев печей?..
…лишние, как в Бухаре и Баку —
бабушка, Кларочка, Ида и Лёня…»
……………………………………
Мама, не плачь… успокойся… я понял…
я напишу… если только смогу…

Сколько поэту ни пыжиться

С. Плышевскому

Сколько поэту ни пыжиться,
жизнь его — тонкая книжица.
Жизнь его, если и томики,
больше для полки,
как слоники:
красные, чёрные, белые…
спелые
и неуспелые.
Собраны, избраны, изданы,
как это принято издавна:
дарятся близким с надеждою —
дальним бы,
больше бы,
прежде бы…
Гладятся и почитаются,
только никем не читаются…

Ещё вернусь

В. Лаврову

Я сюда ещё вернусь…
через год, а может, десять, —
знамя новое повесят,
новый гимн поднимет Русь,
и со мной поедут дети…
А пока, увы, не рвусь.

Понимаешь, я устал
жить по-хамски, жить по-скотски.
А пока… налей по сотке,
мы зальём себе уста, —
ты не Пушкин, я не Бродский —
полка книжная пуста…

Я ещё вернусь — поверь…
А пока — вы поминайте,
как хотите понимайте —
что за птица, что за зверь —
все мы где-то эмигранты,
и за вами хлопнет дверь.

Не зовите — сам вернусь.
Приоткрою тихо двери,
осмотрюсь и не поверю,
через годы улыбнусь —
незнакомым будет время,
не узнаю вас и Русь.

По любому — я вернусь…
А пока — ещё по сотке:
я там — виски, ты здесь — водки.
Мы прогоним эту грусть,
мы размочим наши глотки…
Почитай мне…
наизусть…

Как пони…

Не помню день, когда я это понял:
как в цирке дрессированные пони
по кругу за такими же в погоне —
за собственным хвостом и от кнута;
так я, но только карликом на воле,
бегу уже полжизни или боле,
не чувствуя ни времени, ни боли,
как все… и тоже знаю —
не туда…

Ночь с волчицей

М. Каландарову

От Байкала к Амуру трасса…
и задание на двоих…
Если не был в тайге ни разу,
для тебя это просто фраза,
в лучшем случае — этот стих.
Двое суток в кабине… Пропасть…
Вверх тормашками вездеход…
Кость разбита, но живы оба…
до посёлка дойти попробуй —
искалеченный Витя ждёт.

Ночь, дорога, пурга и ели —
нескончаемая тайга…
воют волки — давно не ели,
точки жадные загорелись,
наблюдая издалека.
Треск — прыжок и волчица взмыла!
Метят в горло зрачки и пасть,
дыбом шерсть и загривок в мыле…
Встретить левой — тебя учили —
прямо в глотку её попасть.

Вместе рухнуть, на льду корячась,
как на ринге — пощады нет,
под когтями остаться зрячим,
ухватить за язык горячий,
и волочь её на спине.
Бесконечно далёк посёлок —
баня, водка, еда, уют…
Но навстречу огни меж ёлок,
всё, волчица, твой век не долог:
я — спасусь, но тебя — убьют.

Застонала и задрожала…
Отпускаю, пока могу…
Так же нас за язык держала
и тащила немых держава
в нескончаемую тайгу…
…иногда проявляя жалость.

О поэзии!

Камера, урки,
пахан и параша,
и полотенце,
и грязный порог…
Сразу заёрзал
на полке «папаша»,
и разминает себя
между ног…
Сотня шестёрок,
следящих за знаком,
пьяные окрики:
«Ну, твою мать!»
Дальше?
Поднять полотенце,
встав раком?
Или «папашу»
заставить поднять?

Ты уедешь домой — в Россию

В. Карбаинову

Ты уедешь в свою Россию,
что когда-то была моей.
Плёнки в камере, море снимков…
Покажи их жене и сыну:
небоскрёбную, магазинную —
Вавилонию наших дней.

Что ты понял в пятнадцать суток,
если я за пятнадцать лет
не уверен, что понял сути
двух веков, миллионов судеб,
осуждённых её и судей,
ставших прахом, идущих вслед.

Ellis Island… Ты был задумчив…
Это странники разных стран —
кто от Гитлера, кто от Дуче —
веря в Бога, свободу, случай,
веря — Там будет детям лучше,
уплывали за океан.

Ты подавлен Нью-Йорка высью…
Это беженцы всей земли —
от погромов, печей и виселиц —
через голод и годы выжили
и построили здесь немыслимое —
до небес себя возвели.

Позабыты у вас материи:
материк, эмигрантский хлеб…
А Россия была Америкой:
неуверенной и затерянной,
необузданной и немереной —
Эмигранией прошлых лет.

Ты поведай о старом друге:
политехник, мол, — полиглот,
и напой под гитары звуки
про студенчества смех и ругань —
жизнь припевом пойдёт по кругу,
сын услышит и подпоёт.

Ты приедешь к ним ошарашен,
прочитаешь о нас стишок,
и про дочек моих расскажешь:
настоящих америкашек,
не умеющих «read in Russian» —
не читающих этих строк.

Моллюск

Не причитаю, не молюсь я,
почти раздавленным моллюском,
за плоской раковиной — мускул —
таюсь и таю, пью настой.
Моим друзьям и домочадцам
не докричать, не достучаться —
не понимают и дичатся,
ещё пуская на постой.

Они меня не запирали —
по лабиринту, по спирали
я сам укрылся от пираний
за створки губ — за их броню.
Я обрастаю, словно остров,
слоями рифов и коросты,
и мысль — песчинку или россыпь —
в себе лелею и храню.

Меня течение сносило
и затеряло в слое ила;
я собираю соль и силы
из перламутровой росы.
Среди потоков лжи и желчи
мне чистый голос сверху шепчет…
Я жду, когда созреет жемчуг
ещё нечитанной красы.

Хазария

Л. Гумилёву

Видишь зарево — дым и зарево:
на востоке на стоке лет
догорает твоя Хазария,
не империя, а скелет.
Не до Господа там — до Каспия:
заливает золу водой;
что заказано, то доказано —
мол, дорогой пошли не той.

Уплывают на запад викинги,
тонет тысячу лет Итиль,
море вымоет — время выкинет
не Итиль уже — а утиль.
Рады арии — нет Хазарии,
а историк не дует в ус:
«Вот, соседи веками зарились,
вот, веками — один союз».

Пересыпана, перемешана,
переписана сотни раз,
не история — тьма кромешная,
а по праздникам — на показ.
От колонии до империи,
от империи до руин —
оживающая под перьями,
поражающая, как Рим.

г. Нью-Йорк

Екатерина Шкабарова

Я так и хотела…

Хочу подарить тебе что-нибудь нужное.
Или нет, даже пусть нелепое.
Хоть жирафа игриво-услужливого,
Который смотрел бы приветливо.

«Хочешь, перекрашусь я в рыжий?
И персональным солнцем для тебя стану.
Ты замёрз, околел, я же вижу.
Перекрашусь-ка в рыжий тайно».

Ты любил до меня художницу
И выстукивал что-то ломаное.
Не флиртовал с бессонницей,
А потом нас свели знакомые.
Я могу быть твоей помощницей
Или просто улыбаться искренне.
Ты любил до меня танцовщицу.
Как быстро мы стали близкими.

Куклы в кружеве, залитые светом,
Бледные пальцев костяшки…
Чёрные с белым плакаты, портреты,
Кофе недельный в чашке.
Кривая стопка виниловых дисков,
Простыни с запахом ёлки.
Орнамент ковра — типично индийский,
Те самые книги на полках.
Бутылка с красным-красным вином.
Но стаканы с белой-белой…
Уныло-осенний пейзаж за окном.
Да, да… Я так и хотела.

г. Красноярск

Валентина Зикеева

Как на ладони

Живём ли мы? Иль наша жизнь «случается» —
Работа, дом, дорога, магазин?
И так по кругу далее вращается,
Рисует круг и даже… не один.

А в центре — мир, цветной, красивый, радужный,
Приветливою машет нам рукой.
Но мы его не замечаем, надо же,
Пока он не нарушит наш покой:

Не постучит в окно вишнёвой веточкой
И не заманит ландышем в леса.
Не зазвенит ручьём — прозрачной ленточкой —
И птицей не закружит в небесах.

Весь мир как на ладони вдруг откроется,
Где голубь Пикассо клюёт с руки,
И умиляется с иконы Богородица,
И красный конь пасётся у реки.

День

День пролетел, промчался, проскакал,
Прошелестел засохшею листвою,
По всем дорогам, бегая, искал
Такого долгожданного покоя,
Чтобы теперь, забившись в уголок
И опустив свои смиренно плечи,
Вдруг развернуть в горошек узелок
И выпустить на волю сонный вечер.

Луч

Вот так сидеть — не думать ни о чём,
Сквозь крону лип смотреть, как луч крадётся,
Как на твоё спускается плечо
И дальше — по руке твоей пройдётся.

А ты сощуришь медленно глаза,
Его ладошкой хрупкою поймаешь.
Над головою — неба бирюза
И жизнь, которую не знаешь.

Из сотни вариантов предпочтёшь
Единственный, другому — не случиться.
Ты в книге бытия потом прочтёшь,
Зачем сегодня этот луч лучится.

Где-то дремлет ещё весна
С голубыми глазами луж.
Снег последний сорит сосна,
Отдыхая от зимних стуж.

Я ловлю этот снежный миг,
Покоряюсь судьбе-весне.
Снег за ворот уже проник,
Но совсем не обидно мне.

Мне не холодно, мне смешно.
Отряхаю с волос налёт.
И нисколечко не грешно
Растранжиривать напролёт

Даже целый воскресный день.
Лишь бы только лыжня вела,
По которой бежать не лень.
А дела — они есть дела…

Пощёчина

Хлестнула ветка по щеке,
Как пощёчина.
Осталось яблоко в руке.
Ах, ещё чего!
За что же яблоней
Сегодня наказана?
Плодов несчётно на ней,
Мне ж — отказано.
Перебираю в уме:
Что бы значило?
И для чего эта мне
Обозначина?
Щеке-бедняжке гореть
Аж до вечера.
А мне до Спаса говеть —
Делать нечего…

> …не спрашивай никогда,
> по ком звонит Колокол:
> он звонит по Тебе
>
> Джон Донн

Закат

В лесу темно.
Лишь на верхушках сосен
Стволы ещё
Окрашены закатом.
Чуть холодно.
Хотя — не осень.
И сосны-сфинксы
Смотрят вдаль куда-то —
За горизонт,
В сплошную бесконечность,
Не шелохнутся,
Будто бы не дышат.
Как будто их
Притягивает вечность.
И что-то видят там,
И что-то слышат.
Как будто там,
За розовым закатом,
Открылись им
Десятки измерений.
Плечо Земли
Округло и покато.
Бретелькой скользкой
Ниспадают тени.
Последний луч
Прощается и тает,
Доверив соснам
Сторожить планету.
Над миром Вечность
Вечная витает
И не даёт
Расслабиться поэту.

~

Удобно, свернувшись в кресле,
С книгой сидеть толстенной,
Не помешает если
Чей-то пейзаж настенный.

Буду глядеть застыло,
Думать о всяком-разном.
Станет пейзаж унылым,
С думой моей не связным.

Я разгляжу в нём точку.
В ней растворюсь пространно.
В книге о том — ни строчки.
Будет, наверно, странно:

Что же я там читала —
Книгу или картину?
Просто душа витала
Ниточкой паутинной…

~

Спешила кактусы полить,
Да скорость ни к чему.
И вот уже мизинец — ныть.
Достался одному
Из всех собратьев на руке
Колючки острый след.
Купила кактусы в ларьке,
В обед — уже сто лет.
Мизинец мал, мизинец мил —
Он всё же часть моя.
Он целый день, бедняга, ныл,
А с ним — болела я.
Вот так и мы с тобой больны,
Когда хандрит другой.
Мы словно пальцы сплетены
Планеты голубой.
Когда исчез в морской воде
Той Атлантиды след,
И мы с тобой — в земной беде.
Померк отчасти свет.
Какая вязь, какая связь
Всех живших и живых
Перевилась, переплелась,
Перекрутила их!
И если колокольный звон
Услышишь за горой —
Печальный он, прощальный он,
Размеренный порой —
Пусть этот звон тебе знаком,
Смущает и манит,
Но ты не спрашивай, по ком:
И по тебе звонит…

~

Совсем некстати дождь январский.
Иной мне помнится зима:
Простые детские салазки,
В снегу — осевшие дома,
И мы, промокшие до нитки,
Не от дождя — от снежных звёзд,
Зато довольные в избытке,
Что намотали столько вёрст
С горы и в гору — и обратно.
А этот ветер, этот звон —
Морозный, бешеный, приятный,
Заснеженный со всех сторон!
Пусть косы выбились наружу
И шапку ветром унесло…
Краснее щёки были в стужу
Морозу жгучему назло.
Как мало было нам для счастья,
Как много было нам зимы!
А нынче — хмурое ненастье.
Дождём крещенским плачем мы.

г. Казань

Роман Мамонтов

Суки-буги-дэнс

варево рок-н-ролльного времени

Глава 1

Когда-нибудь он напишет:

«…только в феврале небо бывает таким — бесконечно чёрным и чистым, в ярких звёздах, до боли далёких и в тоже время близких. Только в феврале дышится особенно хорошо, всеми лёгкими, прожигает грудь влажным воздухом до самого сердца, и чернота открывшегося неба вдруг переиначивает законы гравитации — пьянеющее тело как бы отрывается от земли, и кажется, что всё задуманное тобой непременно случится, всё будет разгаданным и, может быть, даже завершённым…»

…резкий удар по почкам и Тим валится на асфальт. Борис ещё продолжает орать песню Егорки Летова:

…А моей судьбе захотелось на покой.
Я обещал ей не участвовать в военной игре,
но на фуражке на моей серп и молот, и звезда.
Как это трогательно: серп и молот, и звезда…
И всё идёт по плану-у-у…

Резиновая дубинка со свистом ложится на спину Бориса. Лысый уже взмок, он расстёгивает ветровку, демонстрируя накаченные мышцы, и громко схаркивает. К нему подбегает второй, рыжеволосый и пинает выпавшую из рук Бориса гитару.

— С-суки! — гундосит лысый. — Нарожали ур-родов…

Борис корчится на асфальте:

— У-у-у…

— Пакуй, б…, панков!

— Запросто, — кивает рыжеволосый и хватает за шиворот Тима. — Шевелись, мудила… Как там у вас? Всё идёт по плану?.. Ну и у нас тоже! — резкий удар по шее и Тим падает лицом в мокрую траву. В глазах — разбитая банка. Три литра пива ещё шипят и пузырятся белой пеной.

Рыжеволосый улыбается. Он несёт расколотую гитару, с колков свисают струны, а треснутая дека инструмента тихо подвывает: «У-у-у…» Лысый выхватывает гитару и с размаху, словно совершая долгожданный обряд, бьёт ей по асфальту.

— Гопота[1] в-вонючая, — сплёвывает кровь Борис.

— Чё ты сказал? — натренированным движением ноги Лысый ударяет его по почкам. — Ты же кровью сейчас будешь ссать, гнида!

Борис опускается на колени, у него перехватывает дыхание и сводит скулы. Тим подползает к нему:

— Т-ты как?

— Как, как? — наклоняется над ним рыжеволосый. — Хером об косяк!

Лысый доволен. Он потирает руки. Ему нравится эта картина. Не то, что в спортзале — спарринги, тренажёры, тут всё реально и убедительно. Лысый сильнее, значит, он прав!

— Пошли, Витёк, — удовлетворённо произносит он и смотрит на Тима. — Рокер, б… Лучше б тело качал. На зону бы тебя, петух!

— М-ха-ха… — хохочет рыжеволосый. — Там девчонок любят!

Они садятся в вишнёвую «пятёрку». Лысый открывает окно и плюёт в Тима. Автомобиль резко стартует, оставляя на асфальте чёрные следы от колёс.

— Ну что, Сид Вишес? Наигрались? — потирает шею Тим.

— На сегодня — да, — тяжело разгибается Борис. — Гопники, они и в космосе — гопники… Гитару, жаль.

— Это верно.

По лицу Бориса скользнула болезненная ухмылка:

— Но всё идёт по плану, Тим?

…Миха открыл глаза и чуть приподнялся. Подушка была мокрая от пота. «Надо же такому присниться!». Он посмотрел на будильник — без десяти три. Лунный свет тихонько лился по ковру. Кот Пуховик свернулся клубком в ногах. Миха лёг и отвернулся. Голова немного побаливала. Вчера он заглядывал в Подкамник — довольно убогий подвал в центре города, оборудованный под пивную. Димедрол в пиве и пересохшая вобла — эстетика Подкамника — башню снимает в считанные минуты. Зато много не надо; гуляй, пока можешь! Дёшево и сердито — принцип тусовки и незатейливой свободы. Единственное, что угнетало, так это — хачики, хозяева заведения, — все в спортивных костюмах или цветастых рубахах, с небритыми мордами и в странной узконосой обуви. Впрочем, какая разница, хозяева так хозяева, димедрол так димедрол; гуляй, пока можешь!.. Миха ещё раз посмотрел на будильник — без пяти три. «Всё идёт по плану», — зевнул он, проваливаясь в сон…

…струйка портвейна стекает по динамику на скрутку проводов. Клавиши синтезатора в табачных крошках. Нотная тетрадь исписана текстами, на ней — пачка «Примы» и пустая коробка от презервативов. Хек, развалившись в старом кресле,

---

1 Здесь и далее можно заглядывать в «Словарь бывалого тусовщика», которым завершается повесть — авт.

умиротворённо попыхивает сигаретой. Рядом валяется самопальный октавер.

— Ну, вы ребята крезанутые! — зевает он. — Трахаться за портьерой не гигиенично!

— Зато приятно! — высовывается голова Рыжего Макара.

Кристина глумливо хихикает, точно мурлычет.

— Все мы дети порока, — замечает Хек, отхлёбывая «Агдам» из горла бутылки. Портвейн сладко обжигает внутренности. Одна затяжка — и сигарета превращается в пепел. Банка с чибонами дымит… Кристина сладко вскрикивает, портьерная ткань идёт волнами. «Кончила, девочка», — думает Хек и — вслух:

— Кайф скоротечен!

Рыжий Макар, с взъерошенной шевелюрой, весь красный и сопящий, тяжело перелезает через скамью и выхватывает из рук Хека бутылку.

— Не жадничай, маэстро, — улыбается он и с удовольствием смотрит на Кристину.

— Ты бы партию свою доделал, сплошной провал на фа-диезе, — морщится Хек, — а потом бы развлекался. И вообще, Макарыч, меня достают твои подруги!

Кристина, заплетая волосы, приближается к Хеку:

— Подруги — это множественное число, а подруга — единственное. Понял, удод!

— Ты уверена, что единственное? — раздувает жабры Хек.

— Уверен только гинеколог!

Хек зевает:

— А вот Макар не считает так!.. У него всё во множественном числе. Разнообразие — двигатель мужчины!

Кристина подскакивает к Хеку и ударяет его по чешуйчатой щеке, но тот увёртывается. Выходит неловко — Кристина, вскрикнув, падает лицом ему на живот; стальные клёпки и булавочки кожаной косухи Хека оставляют царапинки на её щеке.

— Что и требовалось доказать, — хохочет он. — Множественное число!

Рыжий Макар хватает его за локоть:

— Ты, это… извинись перед девушкой!

— Перед герлой? — отталкивая Кристину, бросает Хек. — Валите отсюда…

Рыжий Макар сжимает кулаки. Он глубоко вдыхает и хочет что-то ещё сказать, но передумывает. Они одеваются и молча выходят. Кристина нервно достаёт из холщёвой сумки пачку «Мальборо», вертит в руках и впихивает обратно. Рыжий Макар искоса поглядывает на неё и хмурится. Хек значил для него больше, чем Кристина. Хек — один, а кристин ещё будет много, только об этом ведь не скажешь. Глупо и неразумно. «Но дать по зубам ему не мешало бы. Совсем оборзел».

— Козёл твой Хек, — обиженно бросает Кристина. — И как ты с ним водишься, Макарыч?

Рыжий Макар пожимает плечами.

— А почему не сделал его фэйсом об тейбл?

— Зачем?

— Так… Из джентльменских соображений.

— Я не в Англии.

— А-а… Чистосердечно и не навязчиво. Рулес!

Хек включает микшер, берёт старый «Gibson», добавляет дисторшн и поёт:

Гёрлы погубят нашу плоть.
Зальют косметикою дреды.
Герла способна наколоть
И принести одни лишь беды.

Гёрлы погубят сон и день.
Коньяк разбавят газировкой.
Наговорят такую хрень,
Что трезвым трахать их неловко…

…Миха вздрогнул и открыл глаза. «Опять ерунда снилась», — садясь на кровать, подумал он. На часах — без пяти семь. «Пора в институт», — сказал он коту и скинул его с одеяла. Будильник противно зазвонил. Миха ударил по кнопке и поплёлся в трусах на кухню. Начиналось утро — холодное, тусклое и раннее; с автобусами, трамваями, фабричными трубами, снующими туда-сюда работягами и студентами. «Сны — это часть мира, и, видимо, не лучшая», — прикинул Миха, заваривая чай. Он вспомнил крышу, лицо и голос Тима. Ведь вчера вечером…

…Миха лежал на спине, закинув руки за голову, и смотрел в чёрное небо. Из высокой кирпичной трубы видавшего виды деревянного дома, шёл дым, изредка с треском выкидывая красноватые искорки. Миха лежал на крыше. Рядом с ним распластался Тимофей или попросту — Тим. Жёлтая луна освещала их замершие фигурки, деревья и крыши домов частного сектора, более напоминавших сугробы, нежели себя самих. Иногда тишину прерывал нервный лай собак, так же резко обрывался, и снова тишина плотно ложилась на занесённые крыши домов городской окраины.

— Тебе надо продолжать писать стихи, — повернул голову Тим.

— Считаешь? — несколько рассеяно спросил Миха.

— Конечно. Мне нравится.

— А вот кому-то — нет.

— Выбрось это из головы. Надо представлять, что такое редактор или, скажем, литературный консультант.

— И что?

— А вот что! — Тим посмотрел ему в глаза. — В литературном мире дружбы нет и быть не может. Парадокс, но даже в бизнесе есть команда, настроенная на получение результата, который бы ту команду устраивал. А в литературе… — Тим сложил известную фигуру из трёх пальцев и ещё раз посмотрел на Миху. — Там лучше втемяшить себе в башку, что ты гений, и спиться к чёртовой матери от неурядиц, либо лезть на сцену за титулами, доказывая всем, что ты не олень или, скажем, не крокодил.

— Ну, ты и загнул.

— Может быть. Только пиши. Просто пиши. И всё.

Тим закашлялся и приподнялся, упираясь локтями в снег. Ему показалось, что у забора кто-то стоит. Он прищурился, но увидел всего лишь тень от акации на старых покосившихся досках.

— А как быть с группой?

— Не волнуйся. — Тим лизнул снежок. — Гитара, фортепьяно, скрипка и ударник имеются? Несколько композиций, что у нас кассете?.. Тогда дело за малым. Будем продолжать репетиции! С аппаратом просто повезло. Инструмент тоже приличный.

— Ещё бы… «Gibson», «Jackson» и «Korg». Мечта девственника!

— Во-во, а ты тупишь.

Миха кивнул:

— Давай чётко определим врЕменные рамки.

— Какие-какие рамки?

— ВременнЫе, — неуверенно уточнил Миха.

Тим засмеялся:

— Ты прав: любые временны́е рамки могут стать врЕменными. Определимся. Хотя я думаю… — он замолчал на пару секунд и поднял указательный палец, — …что некоторые музыкальные композиции стоит заполнить словами, то есть — твоими стихами.

— Какими?

— Теми, которые напишешь! — Тим встал на ноги и, глядя на звёзды, сладко потянулся. — Обалденное небо, ёлы-палы! — И тут же, подмигнув Михе, заключил: — Как наша будущая музыка.

— Мишка! Где ты там? Иди ужинать. Еда стынет.

Мать безрезультатно минут пятнадцать звала сына домой, то и дело выбегая на крыльцо в накинутой на плечи телогрейке. Друзья лихо спустились с крыши на расползшийся, как квашеное тесто, сугроб, прокатились по слабому насту и вывалились во двор. Потом хлопнула калитка, за забором послышался хруст шагов. Миха ещё немного постоял, провожая взглядом Тимофея, непомерно размахивающего руками, и направился в дом.

За кухонным столом он размышлял. Перед глазами мелькал целый калейдоскоп разноцветных картинок. Лица и фразы выплывали из тумана событий с особенной чёткостью, но их тут же перекрывало небо в звёздах, спокойное и далёкое. Вообще, Мишка часто думал о небе, о его непостижимости, о неделимости, как, впрочем, и о своём месте в иерархии мира. Он пытался найти какую-то середину между этими двумя категориями, по наитию, что ли. Его не интересовали законы механики небесных тел, разбегающиеся галактики, точки перигелия и прочая физика, хотя он был уже студентом второго курса политехнического института и неплохо решал эту самую физику с высшей математикой. Он всегда знал, что числовые выражения, эмпирические задачи, выводы из уравнений объединяет одно — закон неба, наполняющий душу еле ощутимыми импульсами вечного, какой-то детской тоской и первобытным страхом. Музыка же была для него звеном этого осознания. Он отгадывал мир через ощущения. И то, что Тим призывал его писать стихи, ему, конечно же, льстило: «Ну, написал пару-тройку удачных стишков, ну, понравились они кому-то — и что? А вот что… надо пробовать писать дальше», — неожиданно для себя заключил он, и, поставив кружку на стол, решительно пошёл в свою комнату.

Прикрыв за собой дверь, остановился возле плаката с лидером группы «Кино» Виктором Цоем, взял в руки гитару и медиатор, прошёлся по ладам, тут же подстроив несколько струн, и поставил гитару обратно. Как он снова лажанулся перед Тимом, поменяв временнЫе рамки на врЕменные?!

Тимофей опять расставлял ударения. Когда и при каких обстоятельствах судьба столкнула его с Тимом? В школе, да-да, именно там, на первом этаже старенького двухэтажного пристроя, у перекладины турника, на которой, пытаясь подтянуться больше всех, устало болтался Тимофей. Миха ещё неприязненно усмехнулся тогда, мол, орёл-мученик. И усмешка эта была предназначена Тимофею Максимову, недавно появившемуся в школе, — отличнику, эрудиту и к тому же сыну завуча. Словом, орёл, не иначе. Но мученик! Однако судьбе захотелось бросить карты по иному: они сблизились. Миха в общении несколько осторожничал, словно боялся какого подвоха. Тим напротив: то придёт с уроком химии к нему, то с физикой, то с толстенной книгой по философии — и с ходу в обсуждения, споры, толкования, втягивая своего необразованного товарища в таинственный мир знаний. Дальше — ещё больше: ни дня не могли находиться друг без друга. Тим учился в музыкальной школе по классу фортепьяно, играл на других инструментах, а посему и Миху обучил гитаре. Тот поначалу мучался, кряхтел, грустно разглядывая кончики пальцев, но инструмент освоил-таки. С тех пор и начали появляться его песенки — корявые и неказистые, с бесхитростными аккордами и наивными строчками, хотя в глубине души Миха так не считал. Тим поддерживал все его музыкальные начинания и даже подгонял. Они сыгрывались, пытаясь создать общую музыкальную форму, по ходу дела редактировали тексты. Их разговоры превращались в таинство, мелкие темы стали отлетать в сторону, как волны от борта несущегося катера. Неудержимый круговорот событий засасывал их в воронку, сжимая мысль до точки, которая, вот-вот, словно выстрелившая пружина, распрямится, зазвенев струной, и потом хладнокровно срежет их, оставляя после себя долгий и мучительный след — след предстоящих поражений…

Глава 2

— Нет, можно так чавкать? — в сердцах бросил Данил, выходя из студенческой столовой мединститута.

— Тема! — процедил сквозь зубы Борис.

— Да после такого я бы ни за что не завалился с ней в постель.

Борис зевнул:

— Тебе и не предлагают сбрить бивни.

— Захочу и трахну! — воодушевился Данил. — Всю. Несколько раз.

— Не получится.

— Это почему же? — приостановился Уткин.

— Она — отличница.

— И что?

— А то, что это является первым показателем фригидности индивида.

Данил несильно ткнул пальцем приятеля в грудь и твёрдо ответил:

— Фригидность индивида определяется энергетическим фоном другого индивида, — он поправил очки, сползшие на кончик носа, и философски заключил. — Нельзя иметь объект по статусу, объект нужно иметь по умолчанию.

— Тоже тема!

Аллея вела к прямоугольной коробке здания морфокорпуса. Подле деревянных скамеек там и сям лежали пустые пачки сигарет, спичечных коробков и шелуха от семечек. На некоторых спинках скамеек восседали вороны; они внимательно, с долей недоверия поглядывали на прохожих и нелепо перепрыгивали с одного места на другое, потом взмывали вверх, опускались и заново проделывали ту же процедуру.

Весь вид Данила Уткина, студента второго курса медицинского института, говорил о мягком и покладистом характере. Приземистый, полноватый, с короткой стрижкой и в округлых очках, он внушал доверие. Резкой противоположностью ему казался Борис Титов — высокий, атлетического сложения, с мощными скулами и волевым подбородком. Он имел весёлый нрав, хотя мог спокойно прервать разговор с собеседником, если тот ему наскучивал.

— Как думаешь, бабы любят с презервативом или без? — не унимался Уткин.

— Без него. Но делают это с ним.

— Понятно — страх.

— Не страх, а чувство ответственности перед будущим!

— Какая тут ответственность, — махнул рукой Данил. — Вся поляна у общаги в гондонах!

— Печально.

— Не то слово.

— Тема!

Приятели зашли в фойе морфокорпуса. В нос ударил сладковатый запах формалина. Студенты роились в группы, сходились и расходились, затем опять собирались. Из-под лестницы грохотал дружный смех, а в гардероб было не протолкнуться. И казалось, что запах пота, косметики и сигарет излучали даже стены.

— В сто шестую скорей идите, — вырос перед Борисом обладатель кудрявой шевелюры Перевозчиков. — Всех присутствующих берут на карандаш. Намечается как бы чёрный список!

— А что так сурово? — полюбопытствовал Данил.

— Препода сменили. Теперь какой-то учёный прыщ вести занятие будет, — забегал глазками Перевозчиков. — Говорят, нудный, злопамятный и умный.

Борис покачал головой:

— Это плохо.

— Даже отвратительно, — добавил Данил.

— Ну, вы как хотите, ребята, а я пошёл! — затряс головой-шевелюрой Перевозчиков и потерялся в толпе. Данил тоскливо обратился к другу:

— А сегодня какой день?

— По-моему, не наш.

— Вот именно!

— Следовательно?

— Следовательно, остаётся одно, — Борис, кривляясь, положил руку на плечо Уткину. — Не испытывай Господа твоего.

— Тема!

И они покинули храм науки…

Посеревший снег, местами в пятнах мазута и мочи, покрывал испещрённые тротуары и подворотни. У металлических контейнеров паслась стая собак, изредка приближаясь к автомобилям. Где-то брякнула жестяная кровля, — то ли от удара льда, то ли от запущенной туда бутылки. Отдельные голоса сливались в нечленораздельные звуки, превращались в глухое городское эхо. Вдоль фасада бывшей кондитерской фабрики кучками лежали доски и битые оконные рамы. Отвалившаяся штукатурка размазалась по снегу. Серые куски шифера, болтающиеся на краю крыши, при малейшем дуновении ветерка покачивались, словно большие и неуклюжие птицы. Фасад заканчивался фонарями и тротуарной плиткой, вымощенной полукругом у массивной дубовой двери, ручки которой напоминали турецкие сабли. Справа, над резной урной блестела табличка «Адвокаты и Тарасевич». Из окна выглянул мужичок в малиновом пиджаке и золотистом галстуке, но тут же задёрнул обратно бархатную занавеску. Несколько шагов вперёд и — снова грязный фасад бывшей «Конфетки» с корявой надписью: «Глас народа — Божий глас», а чуть подальше: «Санька Трефилов берегись! Евреи придут, тебя нае…ут!»…

— Нет, ты только посмотри! Как тут можно обитать? — Данил закрывал шею воротником от ветра. — Я вообще тут не вижу мест пригодных для существования. Каким город был пятьдесят лет назад, таким и остался. Трубы, дым, перекособоченные деревянные дома, а если и кирпичные, то обязательно напоминают царские казематы с решётками. И всё кичимся, что изобрели первый паровой молот, самую мощную чугунную пушку, которая, в принципе, стрелять-то не могла, первую электросварку, первый пароход… Империя чугуна и демидовского скопидомства! Какая тут может быть на хрен культура?

— Что? — удивлённо поднял брови Борис.

— Культура, говорю.

— Не всё золото, что блестит.

— Ты это к чему?

— А к тому, что мне глубоко наплевать на казематы, архитектуру, чугун и скопидомство, — выпуская кольцо дыма, Борис посмотрел по сторонам и добавил. — Плевать, потому что мы пришли.

— Куда?

— Я поражаюсь тебе.

Данил огляделся, но ничего интересного не увидел, за исключением знакомой картины: достопримечательной и лоснящейся вывески «Рюмочная».

Данил тоскливо посмотрел на Бориса и со слабой надеждой спросил:

— Может быть, в следующий раз?

— Отчего же в следующий?

— Организм не железный.

— Ты это как медик говоришь?

Данил махнул рукой и, подчиняясь неизбежному, отворил стеклянную дверь.

Нагретый воздух мелкими капельками воды оседал на окнах, стекал по кафельной плитке с красной надписью: «У нас самообслуживание». Разговоры цеплялись то за один, то за другой столик, сопровождая каждую остановку взрывом смеха, реже — гробовым молчанием, а звуки гранёного стекла непременно заканчивались чьим-то кашлем. Сивушный душок вплетался в запах тушёной капусты — самого устоявшегося гарнира к тощим молочным сосискам. Меню было обычным: бутерброды с сельдью, яйцо под майонезом с зелёным горошком, бефстроганов с макаронами, пирожки с рисом и незабвенный компот из сухофруктов. Над каждым блюдом висел замусоленный ценник. Борис сделал несколько шагов и оглянулся — справа от входа, рядом с крайним столиком на полу валялось несколько растоптанных пельменей, вилка и разбитая солонка. Дым сигарет пощипывал ноздри. В центральной части рюмочной стояла краснощёкая продавщица-барменша неопределённых лет в синем фартучке и такой же блузке, с пятнами пота подмышками и тыкала пальцем в грудь тщедушному мужичку:

— Иди вон. Щас ментов вызову, быстро образумят.

— Не ори, Петровна, на хорошего человека, — опираясь на прилавок, возражал он.

— Хорошие люди дома сидят.

— Не н-надо утрировать! — водил указательным пальцем он перед её носом.

— Иванушка! — крикнула она. — Выкинь на улицу этого… калдыря.

— Па-прашу не переходить…

Иванушка незамедлительно появился у прилавка, и тщедушный мужичок, увидев перед собой подобие мясника с огромными ручищами и вздыбленными волосами, тут же поник и растворился в толпе.

— Эй, врачи! — донеслось до слуха Бориса. Он обернулся, нечаянно толкнув плечом Данила.

Навстречу им двигался худой, наглый и весёлый Витька Розов или, как попросту его величали знакомые, — Розовый. В одной руке он держал стакан с водкой, в другой дымилась сигарета. Он был уже пьян.

— Привет, парни! Идём к нам дринчить!

— А где вы? — сощурился Данил.

Компания незамедлительно отозвалась, грохнув волной:

— Политех — лучше всех!.. Политех — лучше всех!

— Гуляй, студенты! — хлопнул Розовый по плечу Данила и тут же бесцеремонно потащил его в угол. Борис последовал за ними.

— Через две недели концерт, — наливая в стаканы водку, подмигнул он Данилу. — Идёте?

— А кто играет?

— Шаляпин, б…! — встрял в разговор коротко стриженный парень.

— Рот закрой! — гаркнул на него Розовый и пододвинул стаканы к друзьям. — Ну, вы даёте, чуваки. Жентос Аверин и остальная солянка! Полный атас. Землетрясение с цунами обещаю. Кайф гарантирован, плюс тёлки. Ты кого, Боря, будешь: беленьких или чёрненьких?

— В кулак буду, — глухо ответил Борис.

— Гонять лысого, м-а-а!.. — заржал коротко стриженный, блеснув золотым зубом.

Борис наклонился к Розову:

— Откуда этот фрилавщик?

Розовый чуть поморщился и отмахнулся:

— Да брат двоюродный… с малолетки вернулся… теперь вот аскает. А я его к культуре приобщаю.

— Смотри, не перетрудись.

Данил активно уже влез в какие-то философские дебри, что-то доказывал, опровергал, пытался шутить, но в конечном итоге злился на себя — доводы казались слабыми, а факты не склеивались в целостную картину. И чем больше он выпивал, тем более путался в своих умозаключениях на потеху всем.

— Так и живём, — продолжил Розовый, — не пропустив и дня…

— «И каждый день проходит, словно дважды, — подхватил Борис, разливая водку по стаканам, — а я всё пью и мучаюсь от жажды, а гости здесь и смотрят на меня!»

— Гробощенков? — вмешался в разговор конопатый парень с лицом Мика Джагера, которого все почему-то называли Дионисий.

— Ну, да. Он самый.

Дионисий подмигнул Борису и, довольный своими познаниями, отвернулся.

— Боря, как Миха с Тимом поживают? — прищурился Розовый.

— Полный рулес.

Розовый пододвинулся к нему, побалтывая водкой в стакане:

— Я слышал, вы несколько раз сыгрывались?

— Ну-у… было дело.

Розов осушил стакан. Взял сигарету, помял её в пальцах и щёлкнул зажигалкой.

— Слушай, Борис. А если попробовать такой вариант, — тут Розовый остановился, словно взвешивая что-то. — Ты, Данил, Тим, Мишка и я. Ну, в смысле я на басы встану? А?

Борис недоумённо взглянул на Розова.

— Что, не подходит? — занервничал тот.

— Мы ещё не думали… о совместном проекте.

— Да брось ты. Всё вы думали. Что, не гожусь?

— Я же говорю тебе: не думали. И к тому же… мы не собираемся играть блюзово-рок-н-ролльные темы. Нам интересна своя музыка, понимаешь?

— Понимаю, — Розовый развёл руками, — Все говорят так, но, заметь: приходят к трём аккордам. Как сказал давным-давно Литтл Ричард: «Я играю три аккорда, но это три правильных аккорда»! Кстати, Тим без наркоты клёвый музон пишет. Метод у него такой — они с Михой вечерами на крыше ошиваются, небо изучают. Крезанутые!

— Звездочёты, б…! — вмешался родственник Розова и громко заржал. — М-а-а…

— Рот закрой и не дуплись, — перебил его Розовый.

— Ну, нам пора, — поставил стакан на стол Борис. — Данил, идём!

Розовый отвесил кивок и, подталкивая в спину родственника, отошёл.

— А про концерт не забывайте! — крикнул вдогонку им. — Встретимся — там.

В дверях они столкнулись с Терентьевым, журналистом «Фары», местной альтернативной газеты.

— И ты, Брут? — удивился Данил.

— Жизнь — штука непредсказуемая, — парировал тот. — Материал про вашу группу читали?

— Да… Неплохо получилось. Спасибо.

Терентьев улыбнулся:

— А можно ещё круче… с вашего, конечно, согласия.

Терентьев кивнул в зал.

— Нет, нет, — открестился Данил. — Нам пора. Извини.

— А может, останемся?

Данил сверкнул очками и дёрнул Бориса за рукав.

— Понял, — вздохнул тот. — Не дурак!

Глава 3

Дым ложился на стол, стулья, расползался по стенам и возвращался обратно к тонкому концу сигареты, которая одиноко лежала в пепельнице и дымила. Иногда позвякивали стаканы. Облезлые стены были утыканы фотографиями, набросками, пейзажами, пожелтевшими вырезками из газет. Небольшую комнатушку делила пёстрая шторка, как бы на две части: первая — это прихожая с кухней, вторая — рабочий кабинет и гостиная с продавленным диваном. Половицы художественной мастерской скрипели. Посреди комнаты стоял сухощавый человек, скрестив руки на груди и покачиваясь туда-сюда.

— Не вижу экспрессии, — глубокомысленно изрёк он.

— Чего-о? — переспросил его Артём Береговой.

— Экспрессии, милый вы мой человек.

— А почему?

Сухощавый снисходительно посмотрел на сглупившего, с его точки зрения, юного живописца, загадочно потеребил свои усики и пояснил:

— Потому что тема не раскрыта. Форма вроде бы присутствует, что уже не плохо. Но внутренняя сущность не является чем-то цельным, не выдаёт истинных порывов, борьбы, что ли… Динамика нужна, ди-на-ми-ка!

— А… а… зачем? — уже не глупил Артём. — Ведь это натюрморт… фрукты, кружка, нож кухонный… не наточенный… Остановившееся время, доля секунды со своими чертами и характером.

Сухощавый усмехнулся и, подойдя к Артёму, покровительственно хлопнул его по плечу:

— Умейте, молодой человек, искривлять пространство, иначе оно вас сотрёт. За ненужностью. Оттачивайте каждую деталь, каждый мазок… В общем, учиться, учиться и ещё раз учиться!

— Как говорил Ленин? — хмыкнул Артём и чиркнул по коробку спичкой.

— Ну, Ленин, положим, не Сальвадор Дали… Хотя, надо признаться, тоже не глуп, — заметил сухощавый, не уловив интонации Артёма.

— Нельзя объять необъятного.

— Чего-о? — теперь уже удивлялся сухощавый.

— Козьма Прутков, — пояснил Артём.

— А-а… шутим, значит. Похвально.

Артём посмотрел на свой натюрморт и поморщился. Ещё утром он казался ему хорошо исполненным, со вкусом и стилем, не шедевр живописи, конечно, однако и не такой уж безликий и каменный, как выставил его Дмитрий Витольдович, седеющий мэтр местной живописи.

Артём бросил окурок в пепельницу, небрежно подхватил свой натюрморт и поклонился:

— Извините за беспокойство. Мне пора.

— А что так? — безразлично спросил Дмитрий Витольдович. — Не откушавши чаю, молодой человек, покидаете меня… Не обижайтесь, ей богу. Ведь я желаю вам добра… А к словам нужно прислушиваться. Право, не так страшен чёрт, как его малюют, — подмигнул хозяин мастерской.

Артём ещё раз поклонился и приоткрыл дверь.

— Ах, да… Чуть было не забыл, — остановил его мэтр. В его глазках вспыхнул огонёк и заметался. — Как дела у той девушки, что приходила с вами в прошлый раз? Как её зовут?

— Нина.

— Ниночке надо бы появится у меня. У неё несколько хромает перспектива, — Дмитрий Витольдович облизнул губы и добавил: — Телефончик мой знаете, пусть Ниночка позвонит. Поработаю… с ней. Для её же блага.

— Работник, блин, — буркнул под нос себе Артём, вслух же громко объявил: — Увижу — скажу.

— До свиданья, молодой человек.

— До свиданья.

— Ах, да. Совсем забыл… Всё хочу вас спросить, — Дмитрий Витольдович сложил руки лодочкой на груди и мило улыбнулся, — я слышал, что вас величают Берегом? Это правда?

— Ну, да…

— Оч-чень интересно… Берег — это производная от фамилии или нечто более сложное?

— Да как вам сказать, Дмитрий Витольдович… Наверное, Берег, — тут Артём щёлкнул пальцами, будто ему пришла гениальная мысль. — Берег — значит крепкий.

— Ни слова более, — мэтр прижал палец к губам и не без тайной нотки добавил: — В следующий раз вы всё мне расскажете. Когда я к вам причалю…

Причалит? Артём пожал плечами и вышел…

На улице Берег выругался и поклялся, что более нога его не ступит на порог этой мастерской, хотя он ясно осознавал, что, благодаря Дмитрию Витольдовичу, у него может появиться перспектива быть услышанным, вернее, увиденным. Мэтр будто нарочно издевался над ним, указывая всё новые и новые недостатки его кисти, смакуя словами и полной растерянностью молодого художника. «Да катись к чертям эта живопись!» — раздражённо подумал Берег и, бросив окурок сигареты в снег, поплёлся прочь.

Дорога вела в гору. По обе стороны от неё стояли невзрачные двухэтажные дома. Из-под порванной изоляции труб районной теплоцентрали, лежащей на высоких бетонных опорах, шёл пар, там и сям валялись какие-то тряпки,

битые стёкла и припорошенные снегом кабины полуразобранных грузовых автомобилей.

Берег свернул в проулок и увидел распластавшегося на снегу мужика в шапке-ушанке, непонятного цвета пуховике и с подбитым глазом. Берег огляделся, подошёл ближе и, тихонько трогая за плечо, спросил:

— Эй, приятель, не замёрз?

Мужик никак не реагировал. Берег ещё раз потряс его за плечо:

— Окочурился, что ли?

Мужик с трудом приоткрыл один глаз, налитый кровью, и осоловело посмотрел в небо.

— Вставай, — сказал Берег.

— А-а… х-хрен ли тебе н-надо, братан? — скорее автоматически, чем осознанно, прохрипел мужик.

— Домой иди, — попытался приподнять его Берег. Слышишь меня?

— Слышу, — раздался за спиной насмешливый и нагловатый голос. — Всё слышу.

Берег обернулся. Перед ним стоял сотрудник милиции и постукивал по ладони резиновой дубинкой. Его глазки бегали из стороны в сторону, в ботинках, начищенных до блеска, можно было увидеть собственное отражение.

— И больше скажу, — откровенно разглядывая Берега, продолжил он. — Не только слышу, но и вижу, как ты шмонаешь этого… беспомощного человека. А в руке что за папочка?

— Это моё… личное, — неуверенно ответил Берег.

— То есть украденное!

— Да при чём это?! Сказано же: личное. Если угодно, я художник, — нахмурился подозреваемый.

Милиционер с погонами сержанта вырвал из его рук папку и открыл.

— Художник, значит?

— Ну.

— Демократ, значит?

— Чего?

— Эй, Михалыч, иди-ка сюда, — гаркнул сержант.

Берег посмотрел в сторону и только сейчас увидел невдалеке «Уазик» с копошащимся возле двигателя водителем. Тот обернулся на властный крик начальника и нехотя поплёлся к ним.

— Смотри, Михалыч, картинки какие! — осклабился сержант, размашисто перекидывая листы. — Это что такое? Я спрашиваю тебя, что? — зло посмотрел он на Берега.

— Натюрморты, — выдавил тот.

— Что-о?… На-тюр-мор-ды?

Судорога исказила лицо сержанта. Он сплюнул в снег и хрипло произнёс:

— Ты, падла, где рисовать учился?.. Ты хоть знаешь, как рисовать надо?.. Это что?..

— Фрукты в вазе! — сжав кулаки, ответил Берег. — Тропические.

— Вот это фрукты?.. Да это дерьмо какое-то. Разве так рисуют фрукты, сука?!

— Таковы рамки стиля, — отодвигаясь от него, произнёс Берег.

— Стиль, значит! — сержант расстегнул воротник бушлата, кадык заходил туда-сюда, как маятник часов. Он отбросил папку в сугроб и брызгнул слюной. — Да из-за таких джазистов-демократов страна рушится! Вас, гниды, убивать надо, давить надо! Затуманили голову народу и рады. Ты же, падла, не понимаешь, чё делаешь. Из-за тебя и тебе подобных это чмо, — ткнул пальцем в мужика милиционер, — валяется на улице, и подыхает! А ты… натюрморды, б…! Джазисты… бизнесмены… Моя бы воля, расстрелял тут же!

И сержант со всего размаху ударил резиновой дубинкой Берега по спине. Резкая боль прошла по его телу, он рухнул в снег. Сержант подскочил и несколько раз пнул упавшего в живот.

— А вот это, Семён, уже лишнее, — нахмурил брови Михалыч.

— Учить надо… тварей, — застегнул воротник бушлата сержант.

— Так-то оно так, но помягче…

— Да пошли они все!

Михалыч пожал плечами, посмотрел на бултыхающегося в снегу Берега, затем на неподвижное тело мужика и произнёс:

— Давай, закинем… этого.

Они подхватили мужика, дотащили до машины и, как тушу заколотой свиньи, бросили в «Уазик».

— Менты… — простонал Берег в след отъезжающей машине. — За что вы так?

Он встал, отряхнулся и, пошатываясь, побрёл к распластанной на снегу папке. Вокруг валялись разбросанные листы с натюрмортами, — какие-то были измяты, какие-то уже припорошены снежком. Берег усмехнулся:

— Пострадал за искусство… Мученик!

От жидкого и тусклого света фонарей на душе скреблись не только кошки, но и черти. Артём Береговой прихрамывал. Он шёл медленно. Ему хотелось крепкого и горячего чая. Он миновал дворы и хозяйственные постройки интерната для умалишённых, проковылял под навесом забора строительной площадки и вышел к трамвайной остановке. В переполненном вагоне трамвая у напотевшего окна Берегу стало ещё холоднее. Его папка то и дело цепляла пассажиров, поэтому он выпрыгнул на ближайшей остановке и двинулся пешком к городской эспланаде, где в одном из высотных домов снимал однокомнатную квартиру Димон Касимов — одноклассник Берега, студент биофака, да и просто относительно спокойный человек. А вот покоя-то в душе Берега сейчас и не доставало: то перед глазами мент запрыгает с дубинкой в руке, то Витольдович, пуская слюни, одной рукой расстёгивает молнию на джинсах Ниночки, а другой лапает её под сиреневой кофточкой, то натюрморты превращаются в разноцветную и вязкую жижу. Берег поёжился и зашёл в подъезд. На пятом этаже было темно, пахло мочой. Касимов открыл дверь не сразу, но, увидев Берега, небрежно махнул рукой, вернее, кружкой с пивом:

— Заходи, Пикассо! Будешь?

— Нет.

— Ну, как знаешь, — и Касимов шумно втянул пивную пену.

Берег скинул куртку и шагнул под светильник.

— О-о-о! — протянул Касимов. — Не понял? На траблы налетел?

— Что? Совсем плохо выгляжу? — помрачнел гость.

— Ну, вроде того. Что стряслось?

— На ментов нарвался, — и Берег вкратце поведал о случившемся.

Касимов спокойно выслушал, потягивая тем временем пиво:

— Обычное дело. Главное, что не до смерти.

Берег замолчал. Он вспомнил террариум, где Димон подрабатывал сторожем, и как во время одного из дежурств Касимов, держа на груди ядовитую змею, выуженную из стеклянного ящика, гладил её и ласково пришёптывал: «Сейчас придут девочки. Натрахаемся до смерти!.. до смерти!», — и сладко облизывался. Сокурсницы пришли, даже выпили, но воплотить мечты Димона в таком странном месте никто не пожелал, но Димон не обиделся, снова выудил из ящика змею и положил себе на грудь.

…В дверь постучали, причём какой-то футбольной дробью-речёвкой, навроде того: «Спартак-чемпион!».

— О-о-о! — поднял указательный палец Касимов. — Это рука Грина!

По лицу Берега пробежала тень. Ему не очень-то хотелось видеть Германа Гриневского, особенно слушать его бредни. Артём считал, что Грин принадлежит к той категории людей, которые не любят и не умеют молчать, и слова, обращённые к собеседнику, у них больше напоминают брызги воды, гул подземного перехода или стеклорез низкого самолёта в небе, короче, всё что угодно, только не речь. Грин спокойно обсуждал любую тему, поддерживая беседу всегда и везде, а поскольку в последнее время у Грина стали появляться деньги, причём хорошие, большей частью доллары, собеседники находились легко.

— Привет людям! — просовывая голову в комнату, бросил Грин. — Вы чё тут вдвоём, пацаны? А где остальной шлам?

— Заходи. Третьим будешь, — отсалютовал пивной кружкой Касимов.

— Запросто, — и Грин бросил увесистый пакет на журнальный столик. — Прошу. Бухло, закусь и все дела! Касим, у тебя чё? С вешалками проблема?

Касимов взял пальто из рук Грина и положил в угол, на высокую тумбу. Грин хмыкнул и прошёл в комнату. Развалился в кресле, закинув ногу на ногу и сложил руки на груди.

— Грустишь, Берег ты мой? — обратился он к Артёму. — Никак чёрная полоса жизни?

Касимов, насвистывая какую-то мелодию, достал из пакета бутылку армянского коньяка и кусок бекона в импортной упаковке. Затем извлёк голландский сыр, шоколад, мандарины и блок сигарет «Мальборо».

— Ого, гуляем! — присвистнул Димон.

— Без девок много не нагуляешь, — раскуривая сигарету, намекнул Грин.

— Грин, я на подсосе. Бабок нет, — развёл руками Касимов. — Финансово-политический криз.

— Не вопрос!

Грин достал бумажник и бросил на журнальный столик несколько зелёных купюр:

— Триста Бакинских рублей. Для начала хватит? — И он сладко, по-кошачьи улыбнулся, будто мурлыкнул.

Касимов одобрительно покачал головой, искоса поглядывая на Берега. Тот сидел и хмуро листал толстенный учебник биологии. Грин чуть привстал и, увидев название книги, от души рассмеялся:

— Не то читаешь!.. Анатомию бери. В темноте промажешь — девчонки не поймут.

Димон с ухмылкой скрылся на кухню.

— Грин, ты бы не доставал меня, а? — Берег захлопнул учебник.

— Не вопрос. Но жаль тебя, Берег, ей-богу, жаль. Вот скажи: что вы всё с музыкой возитесь? Это ж не актуально.

Берег потеребил подбородок и, прикидывая, всерьёз сказал Грин или так, от нечего делать, на всякий случай сбился на телевизионную цитату:

— С этого места прошу поподробнее.

— Возможно, я неправильно выразился… Но время такое: нужно совмещать приятное с полезным. Делать то, что можно продать, или даже выгодно продать. Я так скажу тебе — бабло победит зло. И заметь: не красота, а именно бабло! Сытый человек — прежде всего, добрый человек. И не надо втирать мне о каких-либо морально-этических ценностях!.. Ты думаешь Аверин, Весёлкин и Невера за идею рубятся? Да хрен тебе. Все мы люди. Хотя, братья мои, допускаю, что им нравятся определённые моменты своего творчества, связанные с собственным *эго*… А тебе, Берег, я советую рисовать картины для толковых ребят: при копейке и шмудовине всегда будешь.

— Ты хоть понял, что сказал? — начал раздражаться Берег.

— Естественно. И… не кипятись, со временем врубишься.

Берег резко встал, но боль прошила тело — он рухнул обратно в кресло.

— Наливай, Грин! — сказал, ощупывая спину. — Теперь точно, — он поморщился, — требуется анестезия!

— Другой разговор, парни! — развеселился Грин и, чуть ли не приплясывая, выхватил рюмки из рук Касимова. — Садись, Димон. Щас для начала зарядим, потом я достаю рингушник и начинаю звонить плохим девчонкам. Они приедут и поставят Берега на лыжи.

Грин осторожно хлопнул Артёма по плечу, подмигнул Касимову и добавил:

— Вот это, пацы, и есть настоящий рок-н-ролл! Вы меня ещё узнаете… Я научу вас жить так, чтобы толпа шепталась: «У него — как у Христа за пазухой!»

Берег молча закусил коньяк ломтиком сыра и с удовлетворением ощутил, как медленное тепло полилось по нутру, а резкий свет ламп перестал раздражать Артёма. Касимов философски сыронизировал:

— А раньше говорили: «Жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы», — и хитро посмотрел на Берега.

— Ну, так это на заре человечества, — Грин засмеялся и, почёсывая себе пах, присовокупил: — И познал Адам Еву, и стали они заниматься этим регулярно! Ха-ха-ха…

Глава 4

Казанова, Казанова.
Зови меня так, мне нравится слово.
В этом городе женщин, ищущих старость.
Мне нужна его кровь, нужна его жалость.
Казанова, Казанова, о —

плыло над скамейками фойе медицинского института. В застеклённой каморке с серьёзным названием «Вахта» сидел худощавый мужчина с мелкой бородкой, весь какой-то желтушный и слушал группу «Наутилус Помпилиус». На застланном газетой столе, возле допотопного магнитофона были рассыпаны листья чая и крошки табака, коробки от кассет валялись тут же.

Здание общежития медицинского института служило не только местом обитания юной поросли врачей, но и сплотило под своей крышей активистов профкома, редакцию местной газеты и студенческий театр, который состоял из одной большой комнаты, поделённой на части различными занавесками, тканями и шторами. Стены театра-комнаты были размалёваны красками в несколько примитивном стиле, припудрены всяческой мишурой и блёстками. Вдоль длинной стороны комнаты стояли стулья, на которых можно уместить с десятка два-три человек, и то — в случае бенефиса. Напротив рядов — самодельные софиты с угловатыми динамиками, в самом же центре, как застывший дирижёр, красовался микшерский пульт на шестнадцать каналов.

Дверь театра-комнаты приоткрылась, из проёма высунулась голова с прилизанными волосами, перехваченными на затылке чёрной верёвочкой, затем и сам обладатель верёвочки — барабанщик группы «Джа-Мария» Иван Хитковский, по прозвищу — Хек.

— Демидыч, — обратился он к вахтёру. — Нас никто не искал?

Демидыч искоса посмотрел на него и почесал переносицу:

— Нет.

— Кто появится, мы на месте.

— Ладно.

Дверь захлопнулась.

— Розовый, наливай! — обратился Хек к товарищу, одиноко восседающему на чёрном кубе динамика. Подле него на деревянном табурете стояла бутылка водки с консервированной рыбой. В стеклянной пепельнице дымилась сигарета.

— Уже налил.

— Это хорошо, браток.

Розовый поднял стакан, повертел его и залпом осушил.

— А скажи мне, чувак, — спросил он задумчиво Хека, — что есть русский рок?

Хек туманно посмотрел на Розова и покачал головой:

— Всё что угодно, только не западный рок-н-ролл.

— Это само собой. А точнее — можешь?

— Во хватил! Я же тебе не музыкальный критик Арсений Коицкий.

Хек затушил окурок и выцарапал вилкой из консервной банки багряную кильку. Аккуратно пережевал её, причмокнул и благодушно обратился к собутыльнику:

— Ну, вот скажи мне, Розовый, чем отличается текст русский от нерусского?

— Наверное, языком, — съязвил Розовый.

Хек пропустил это мимо ушей и продолжил:

— А различие большое… Прежде всего, наш рок текстуален, затем политизирован, социален, почти не сексуален и в целом замкнут на себе. Так сказать, долгое влияние андеграунда с последующей инерцией.

— А саунд куда девать?

— Никуда… Попытка отойти от стереотипа выливается либо в заимствование этого самого саунда, ну, например, ось «The Cure» — «Кино», либо — в уход в какую-нибудь кельтскую или азиатскую мелодику.

Розовый принялся ходить взад-вперёд. Его худощавая и жилистая фигура чем-то напоминала застывший в верхней точке шлагбаум, глаза же напротив — сверкали, как линзы железнодорожного светофора.

— Ты чего, браток? — насторожился Хек.

— Мрачно как-то у тебя… получается.

— А значит — наливай!

Розовый пододвинулся к деревянному табурету и наполнил стаканы.

— За уход! — гаркнул он, почему-то обращаясь к потолку, и выпил.

— Не понял? — качнулся на динамике Хек.

— Всё просто… Русский рок станет самостоятельным, непременно… Требуется только уйти от западной, блюзовой основы, от англо-американского варианта рок-н-ролла.

Хек недобро усмехнулся:

— И что останется, Розовый ты мой?

— Что останется? — раскурил сигарету Розов. — А останется, чувак, гениальнейшее изобретение конца двадцатого века — русский блюз.

— Да ты, браток, уже пьян! — заржал Хек. — Русский блюз это как русская водка, что ли? Как русский чай или русская рулетка? Ха-ха… По-твоему, выходит, что русский рок есть не что иное как шансон, эдакий приблатнённый рок, национальная частушка, облачённая в пёстрые одежды интеллекта с общим эпиграфом «умом Россию не понять, аршином общим не измерить»?

— Мудак ты, — сверкнул глазами Розовый.

— А ты?.. Ты сам-то веришь словам своим?.. Если и пошло что-то от фольклора и достигло высокого пика, так это творчество Башлака, но заметь — Башлачёв, он вроде бы весь в рок-н-ролле, вроде жил и дышал им, да только… — Хек замолчал, как бы взвешивая — стоит говорить или нет, и уверенно добавил, — только это, браток, на первый взгляд.

— А у тебя есть и второй? — скривился в пьяной улыбке Розовый.

Хек уставился в угол, словно там находился ответ на вопрос.

— Есть, браток! Саш Баш благословил закат русского рока и понял, что самая интересная часть этой самобытной культуры, которую ты сейчас пытаешься привести в систему, не востребована пиплом.

Розов недоумевающее посмотрел на приятеля и ничего не сказал.

— А если вспомнить, — продолжил Хек, — строчку Гребня о той «молодой шпане, что сотрёт нас с лица земли», так и вовсе становится ясно: едет эта шпана преспокойненько в каком-нибудь последнем столыпинском вагоне и в ус не дует, а как остановится поезд у столичного перрона и — «ау» их!

— Говоришь так, словно ехал с ними.

— Ты прав, не ехал… может быть, и к лучшему.

— А ведь хотелось, — тяжело уставился на него Розовый. — Хотелось ведь!

— По молодости, да, зелёный был. — Хек помял в руке сигарету: — С Ллойд-Уэбберами не густо у нас!.. Тем паче, я не затрагиваю качество текстов, попробуй, перенеси их на бумагу, и выйдет такая жопа! Дилетанты губят рок. Исключением, по-моему, — Гребенщиков, Башлачёв, Дидуров, ну, и с натягом — Кормильцев.

Розовый сплюнул на пол. В его глазах мелькнула тень сомнения. По крайней мере, Хек расценил это взгляд именно так. Они молча выпили, Хек смахнул хлебные крошки с табурета себе в ладонь и проглотил их. Затем пристально посмотрел на Розова и похлопал его по плечу:

— Да ладно тебе, браток, не грузись? Сам же задал вопрос. Ну, вот я и ответил… Кстати, о количестве и качестве рок-групп! Великому совковому писателю Максу Горькому как-то сказали, что в нашей стране самый большой процент пишущих людей, но тот неожиданно ответил, что это всего лишь показатель низкого культурного уровня народа. То-то, браток!

— Если так о рок-н-ролле, — грустно посмотрел на пустую бутылку Розовый, — то о попсе и говорить бесполезно!..

— А что это?.. Я не знаю такого вида искусства…

Хек похлопывал себя по карманам. Розовый протянул ему пачку «Беломора» и чиркнул спичкой.

— Благодарю.

— Не стоит.

— Э-э… так на чём мы остановились?

— На твоём издевательстве… надо мной, — буркнул Розовый.

— Ха-ха… Не адекватен ты, браток. Предмет нашего разговора и не предполагал такого фуфла, как разбор попсовой эстрады. — Хек неожиданно прижал к груди ладонь и низко, словно драматический актёр, склонил голову. — Снимите шапки, лучше помолчим!

— …мы не мешаем?

В двух метрах от них стоял Данил Уткин, придерживая подмышкой зачехлённую балалайку. Он улыбался.

— А-а… — увидев его, пропел Хек, — наши музыкальные оппоненты. Сейчас покину ваше гениальное пристанище, ибо… ибо…

— Сиди, ежели хочешь. Не тронем девственность твою, — ответил Уткин и скинул куртку на стул.

Вслед за ним появился Борис, небрежно поздоровался с Хеком и отошёл в сторону. Он расчехлил гитару, бережно провёл ладонью по деке инструмента.

— Розовый, — повернулся он к пьяной физиономии. — Где маракасы?

— Я что, Пушкин?

Хек стоял уже в дверях. Он обернулся, поклонился всем и помахал рукой:

— Желаю творческих успехов.

— Уходишь? — рассеяно спросил Розовый.

— Пытаюсь.

— Закрой за мной дверь, я ухожу, — подражая Виктору Цою, пропел Данил.

Хек негромко буркнул что-то навроде «неудачники», подмигнул Розовому и открыл дверь:

— Ариведерчи, юноши!

Розовый, пошатываясь, переместился в зал и опустился на стул. Он внимательно посмотрел на Бориса, который подсоединял джек к разъёму микшера. Данил тем временем возился с усилителем. В динамиках затрещало, зашипело, и комнату наполнил объёмный звук: «У-у-у…».

— Переключи канал… Немного выведи, — крикнул Борис Данилу.

— Сейчас.

— А где Тим с Мишкой? — зевнул Розовый.

— Обещали появиться.

— Розовый, зачем тебе бас-гитара? — настраивал микшер Данил.

— А тебе — балалайка?

Борис взял на гитаре аккорд и прислушался.

— Четвёртую повыше, — сказал в микрофон Данил.

— По-моему, вторую надо опустить, — заметил Розовый.

— А, по-моему, — начал кипятиться Данил, — …у вас с Хеком получился бы замечательный дуэт!

— И получился бы!

— Так репетируйте… где-нибудь в рюмочной с калдыркой.

— Лучше там, чем здесь… с тобой.

— Я никого не держу.

— А я никуда не спешу, — поглядывая на носки ботинок, отмахнулся Розовый. — Мне, чувак, приятно говорить с образованными людьми.

Данил усмехнулся.

— Извини, таких здесь нет.

Но Розовый был уже в дверях.

— Как сказал наш градоначальник: «Не надо напрягать окружающих»!..

Данил молча кивнул ему и взял на балалайке аккорд.

Дверь захлопнулась. Борис покачал головой.

— Зря ты так. Пацан-то ничего… Ну, есть, конечно, свои прибабахи… А кто не без этого?

— Достал он меня. Понимаешь?.. Такой тип людей якобы всё знает, всем интересуется, а толку?

— Чем же плохо? Нормальная ситуация.

— А плохо тем, что пуст он, как застарелый грецкий орех. Снаружи твёрд, словно член эрегированный, а брякни молоточком — кашица!..

— Да ты никак извращенец?

Данил сдвинул очки на кончик носа, приблизился к Борису и твёрдо произнёс:

— От таких людей случаются общественные потрясения. Они не так безобидны, как это кажется на первый взгляд, их амплуа — игра. Они могут даже и не подозревать об этом… К тому же бас-гитарой Розовый владеет посредственно. Хек не предложил ему войти в состав своей группы… Они с ним так, от нечего делать, — Данил махнул рукой, — упражняются в красноречии… под чойс с водярой.

Дверь театра-комнаты громко хлопнула. Ребята повернули головы и увидели в проёме Тима, Мишку и Берегового.

— Привет братьям по разуму! — поднимая руку, продекламировал Тим.

— Опаздываете, господа. Аппарат кипит, — ответствовал Борис.

— Ничего, — кивнул ему Береговой. — Остудим.

Берег вытащил из пакета барабанные палочки и повертел их на свету. Тим улыбнулся.

— Боишься, что прокисли?

Береговой направился к ударной установке, которая представляла собой два огромных барабана и один маленький с пристроенной к нему блестящей тарелкой на тонкой изящной ноге. Артём соорудил эту установку сам, тщательно подобрал звучание инструмента и фон. В момент игры, в подсветке софитов и прочего осветительного инвентаря, он напоминал шамана, ловко управляющего загадочными танцами и заклинаниями.

— Домру на пятый канал, — сказал Борису Тим. — И убери с входного квакер.

— Сейчас… докурю.

— Данил, где медиаторы?

— В ящике. У окна… Куда девался мой слингер?

— Миха, подцепляй гитару.

— …

— Где он?

— Кто?

— Чёрт возьми, Миха?

— Да слышу я, слышу, — донеслось из-за динамиков.

— А чего молчишь?

— Занят. Фут-свич к комбику прилаживаю, — пододвинул тот полчетушки водки за неисправный комбик. Данил наморщил нос:

— Дринчишь?

Миха подошёл к Тиму, стараясь не глядеть и не дышать в сторону Уткина, взял медиатор и пошатнулся:

— Что играть будем?

— Камаринскую, — буркнул Данил. — С плясками!

Тим сел за фортепьяно, взял несколько аккордов, закрыл глаза и прошёлся по клавиатуре арпеджио. Сочный, плотный звук наполнил театр. Борис добавил реверберации.

— Начнём с «Джунглей?»

Тим чуть задумался.

— Ты чего?

— Да так… Розов попался на автостопе. Пришибленный и… пьяный.

— А-а… — протянул Борис и посмотрел с усмешкой на Данила. — Есть тут, блин, психологи!

Ритм-секция зазвучала холодно и прозрачно. Акустическая гитара отозвалась неторопливым осенним эхо. Несколько аккордов — и фортепьяно заискрилось арпеджио, вернее, первыми пушистыми хлопьями снега. Их подхватила балалайка, подбросила вверх и рассыпала по тяжёлым ладам бас-гитары. Столкнувшиеся звуки накатили звонкой волной. В ту же секунду флейта взметнулась над стойкой микрофона, как подраненная птица. Флажолеты всколыхнули снег, и птица взвилась септаккордом. Ритм-секция на миг умолкла, будто услышала хруст крыльев птицы, и торжественно выстрелила в пустоту театра-комнаты. Консоль микшера погрузилась в звук…

Теперь они играли не рок-н-ролл — они играли себя.

Глава 5

Серое небо, напитанное влагой и свинцом, отражалось на затёртом паркете комнаты. Трещина, пересекающая по диагонали оконное стекло, как бы подчёркивала это недоразумение — облако, разрезанное на две части, затёртый паркет и глухие удары ветра о карниз. Сквозило. В углу под навесной полкой ютился стол: пустая бутылка дешёвого вина, белые фарфоровые кружки с надписью «Общепит», остатки плавленого сыра и шоколад. Розовый перевёл взгляд со стола — красный лифчик и пустая пачка презервативов на полу. «С Люськой», — болезненно хмуря лоб, подумал он. Розовый отвернулся и закрыл глаза. Затем перевалился на другой бок и увидел на волне измятой простыни красивую паутину женских трусиков. «Точно с Люськой!» — отчётливо стрельнуло в правый висок. И — опять провал, опять удары ветра по трещине стекла.

— Больно головке нашей?!

Розовый ощутил дыхание над собой. Приоткрыл глаза — сквозь туман проступило алое пятно, медленно превращающееся в губы, влажные и говорящие:

— Пора вставать. Набрался же ты вчера… Я думала, что задохнусь в твоих лапах, — она хохотнула, — или кончу… раньше времени.

Розовый с трудом привстал на локти и простонал:

— Люси, вино осталось?

Люська кивнула.

— А сиги?

По движению руки Люськи он определил местоположение пачки сигарет.

— М-м-м… который час, Люси?

— Без пятнадцати двенадцать.

— Хреново.

— А куда спешить?

Розов откинулся на подушку и согласился:

— Пока некуда.

Люська подогнула полы халата и с ухмылкой посмотрела:

— Плёл ты вчера, Розовый, чушь всякую.
— Ну и?
— Какая муха в зад тебя цапнула?
— Никакая.
— Неужели?.. А мне, Розовый, кажется, что тебя просто обломили.
— Если кажется, то креститься надо.
Люська поправила волосы и подмигнула:
— Я не решила ещё для себя: есть Бог или нет его.
— Судя по тебе — нет.
— Остроумно… Хотя вчера ты пел другое.
— Где мои брюки?
Розов свесил голову с кровати и шарил по полу рукой.
— На подоконнике.
Он усмехнулся:
— Эк я завёлся-то.
— Угу… Целых полтора раза!
— Чего-о?
— А раньше было лучше!
— Пошла ты…
— Это вчера тебе так сказали, басист?
Розов скрипнул зубами, но ничего не ответил. Вдруг Люська злобно бросила:
— Не видать тебе своей группы, как собственных ушей. Хек был прав!
— Заткнись, мочалка!
— Голос прорезался?
Люська встала и подошла к столу. Она подняла зажигалку, повертела в руке и прикурила сигарету. Заметила холодно:
— Гондоны подбери.
— Сама подберёшь.
Розов зло застегнул рубаху и принялся заглядывать под стулья. Услышал:
— Носки в другом месте.
Он подошёл к столу, пододвинул кружку и плеснул в неё остатки вина. Затем косо посмотрел на Люську. Она стряхивала пепел в консервную банку:
— Единственный способ — это саморазрушение? — Вроде бы так выразился твой Гребенщиков?
— Я не пил с ним, Люси, на брудершафт.
— Ещё бы, — хмыкнула она. — Не та категория.
Люська потушила сигарету, присела на кровать и лихо откинулась в складки простыни. Чёрные шелковистые волосы разбежались в разные стороны, полы халата обнажили полные бёдра и маленький аккуратно выбритый холмик ниже живота.
— Застегнись, Люси.
— А вчера, Розовый, ты говорил по-другому.
— Что ты заладила: вчера да вчера!
— Ты — неудачник! — громко захохотала она. — И весь ваш рок-н-ролл — дерьмо собачье, полный маздай!.. Смотрите, какие мы крутые ребята, сколько мы можем вам сказать, хотя сами мало что знаем. Харе Кришна!.. А не понимаете — и фиг с вами. Другие поймут!.. Театр рок-н-ролла — это бутылка спиртного, пара фраз из умной книги и рассуждения о судьбе… о предназначении, — Люська захлопала в ладоши. — Кто довёл до точки Янку Дягилеву? А Егорушка Летов со своей изнурённой паранойей?.. А кто выкинул из окна Сашку Башлачёва? Кто?.. Молчишь. Ну, так знай, что ваш лозунг «единственный выход — это саморазрушение» хуже, чем элементарное б…дство! Ведь вы душой торгуете, а я… я — телом, и то — по любви. Что, в общем-то, чище!
Розовый приблизился к Люське, угрожающе наклонился и прошипел:
— Заткинсь, с-сучка! — и со всего размаху ударил её ладонью по лицу.
Она слабо вскрикнула и застонала. Алая струйка крови побежала по щеке. Розов с отвращением посмотрел на Люську, на её полное тело, которым ещё вчера обладал с вожделением, перекатывал по кровати, мял, и делал это — раз… раз… раз; тело, которое теперь ему стало ненавистным; возможно, потому, что он услышал правду, а может быть, — просто полный бред разговорившейся шлюхи. Голова трещала, его покачивало. Он накинул куртку и открыл дверь.
— Эй, завёрнутый! — хрипло окрикнули его.
Розовый медленно повернулся.
— А вино оказалось плохим!
— Как и ночь, — хлопнул дверью Розовый.

— …да не тут. Вот здесь расписываются.
Вахтёр кивнул на графу «Примечание». Розовый, морщась, поставил закорючку в журнале и, сжимая в ладони ключ от заветной комнаты, направился вниз по лестнице.
Клуб им. Шпалина находился в получасе езды от Люськи. Задней частью он вплотную примыкал к мастерским железнодорожного депо, отчего звук проходящих вагонов и маневровых тепловозов в узком подвале клуба напоминал отголоски боя, устроенного наверху. «Ну, прямо, как в Брестской крепости. — усмехнулся Розовый. — Ночь простоять да день продержаться». Он щёлкнул выключателем и вошёл в комнату. На него уставился Ник Кейв.
— А-а, смотришь? Ну, смотри, смотри. Сам-то кем был до девяностых? Анархистом, маргиналом?.. Я — о том же. Повезло. Спору нет, а «Let Love In» — вещь!
Глянцевый постер шевельнулся на стене и Ник Кейв подмигнул Розовому. Из приоткрытой форточки ещё раз дунуло.
— Вижу, что согласен.
Розовый включил микшер с усилителем.
— Но не надо смотреть на меня так. Висишь тут, ну и виси.
Он взял чёрный «Ibanez» с изъезженным грифом, перекинул через плечо слингер и покрутил на усилителе ручку «Clean Volume». Затем ударил по струне указательным пальцем — комнату прошил искажённый звук. Розовый хмыкнул: «Не то», и вывел звук ручкой «Bass». Из форточки дунуло — и Ник Кейв опять подмигнул. Розовый подскочил к постеру и сдёрнул его со стены. Вернувшись к аппарату, добавил реверберации — звук превратил комнату в стадион. «Теперь — рулес!» Он сделал шаг назад и запустил сэмплер «Yamaha»: пошёл заводной ритм в лучших традициях «Red Hot Chili Peppers». Розов с любовью посмотрел на деку басухи и начал работать двумя пальцами — указательным и средним. Пиццикато выходили

жёсткими, плотный звук ударял по форточке, которая похлопывала в такт музыкальным долям. Каждую звуковую фразу Розовый заканчивал глиссандо. Для полноты ощущений приглушил свет и включил подсветку. Теперь его не смущали ни маневровые тепловозы, ни родственник, вернувшийся с «малолетки», ни издёвки Данила, ни, тем более, блевотина в коридоре общаги мединститута. Его понесло в иные миры. Теперь он был уже не Розовый, он был сплошным звуком, частицей рок-н-ролла. В его глазах танцевал то Курт Кобейн с дробовиком, то Джон Бонэм из «Led Zeppelin» с бутылкой водки, то Боб Марли в палате ракового центра. Иногда дверь этой палаты приоткрывала Дженис Джоплин, подмигивала Марли и тут же, с улыбочкой смущения, убегала за обдолбившимся Моррисоном. Безумный хохот очкарика Бадди Холи переполнял комнату — его самолёт нёсся к земле, как игла. И всё это наблюдал Хэнкс Уильямс с заднего сидения своего автомобиля. Его рвало — на пол, стёкла и одежду, а он смотрел и смотрел, будто хотел в который раз допеть: «Мне не выбраться из этого мира живым». Розовый добавил дисторшн. Стало ещё невыносимее. Дженис Джоплин зажала уши, а Кобейн саданул из дробовика в рожу Марку Чэпмену…

— Ни хера себе, — убирая руку с выключателя, удивился Хек.

— Пинк Флойд, б…! — квалифицировал Рыжий Макар, клавишник «Джа-Марии».

Розовый вытер пот со лба рукавом. Посмотрел на часы. Полтора часа игры. И пусть его поймали за руку, но он не смутился, как бывало ранее. Он был просто выжат — вот и всё.

Розовый взялся за слингер и придвинул гитару к hi-hat'у. Тарелочки ударной установки ядовито звякнули.

— А чё тут Кейв на полу делает? — возмутился Рыжий Макар. Розовый отвернулся:

— Ветром сдуло.

Хек бросил пачку сигарет на сэмплер и закурил. Присел на стул. Затем выпустив дым из ноздрей, выключил микшер. Посмотрел сквозь Розового:

— Вчера Люська не дала?

— Дала… Раза полтора.

— Ну-ну… везунчик.

Рыжий Макар хихикнул.

— Ключ верни, — протянул ладонь Хек.

— Пожалуйста.

— Видишь ли… у нас тут репетиция намечается.

— Нет проблем. Сейчас уйду.

— Да нет. Я никого не гоню. Сиди, если охота.

Розовый накинул куртку и промолчал.

— Паровозы грёбанные! — выругался Рыжий Макар. — Форточку гвоздями надо законопатить! А то скоро рельсы да светофоры сниться начнут.

Рыжий Макар бросил на динамик скотч и, почёсывая подмышкой, отошёл в угол. Хек глянул на стену — постер с Ник Кейвом висел на старом месте.

— Не забудь, — протянул он Розовому зажигалку.

Очутившись на крыльце, Розовый глубоко вдохнул весенний воздух. «Кислятина», — подумал он и шмыгнул в проулок. Нищета обветшалых двухэтажек не давила на него. Он шёл мимо обоссанных сугробов и помойных ям, полуразрушенных сараев и дровяников, гордо закинув голову. А как же иначе? Он ведь только что общался с Моррисоном, сама Дженис Джоплин хлопала ему в ладоши. Приятная усталость разливалась по телу, кончики пальцев ныли. Розов с любовью посмотрел на клубы дыма, валившие из чёрной трубы котельной. Он ничего не имел против — пусть топят сколько надо. Витя Цой тоже был кочегаром. Мимо прогудел жёлтый ментовский «Уазик», за ним ковыляла дворняга. Розовый свернул за угол и столкнулся с бомжом, от которого пахло привокзальным переходом. «Холодно, брат? — подмигнул ему Розовый. — Ничего. Скоро лето!». Бомж тупо посмотрел и прижал котомку к груди. На перекрёстке Розовый увидел жёлтый «комок». Подошёл, наклонился над решётчатым проёмом:

— Сестрёнка, водяра есть?

— Угу, — глянула на него красномордая баба.

— Одну… Сдачи не надо!

Звёзд не было.

Из печной трубы шёл дым. Он даже не шёл, а струился, местами заплетаясь в клубки, будто кто раскурил трубку. Кирпичная кладка, чумазая от сажи, наклонилась в сторону сада. Старые яблони отчаянно царапали низ крыши. Снег пытался прижать к земле тонкие ветви, но яблони сопротивлялись и в отместку снегу продолжали своё цап-царап. Было тихо и спокойно. Нет-нет да промелькнёт птица, зашумев крыльями, как деревянными трещотками, собьёт лапками крохи снега с конька или антенны, и — снова тишина. Только жестяной козырёк фонаря покачивается в такт яблоням и клубы печного дыма щиплют нос. Михе казалось, что звёзды кто-то украл и, как щенят, утопил в снегу. Влажный воздух, свалившись с чердака, расползался по проулкам. Весна неотвратимо приближалась к городу, врывалась на улицы и тотчас убегала в поля. Что-то прикидывала, примеряла, совсем не торопясь разыграть свою козырную карту.

Миха распластался на снегу.

— Как учёба? — нарушил молчание Тим, пытаясь сделать снежок.

— Пока никак.

— Опять задвигаешь?

— Да как сказать…

— А так и скажи: задвинул до лучших времён!

Миха зевнул и поправил вязанную шапочку.

— С учёбой нормально. Сопромат достал, — он провёл ладонью по горлу. — Вот он где! Эпюры, силы, проекции.

Они замолчали. Из-за облака выглянула смуглая луна. Наверное, ей захотелось посмотреть на Тима: восточные скулы, острый нос, большой лоб. «Философ», — подумал Миха. Ветер ухнул по крыше, подхватил завитки дыма из печной трубы и небрежно рассыпал их.

Тим бросил новый снежок в сторону огорода.

— Последний твой стих надо положить на музыку!

— И ты это уже сделал?

— Да… Так вышло, что музыка легла сразу же…

— Интересно было бы послушать.

Тим задумался.

— Вся музыкальная конструкция держится на неразрешённых аккордах… Только вслушайся, — опёршись на локти и глядя в небо, он стал напевать:

> Дождём заученные фуги
> перевирает нынче флюгер,
> и листья мокрые, как ноты,
> по тротуарам бродят, чтобы
> надуть тебя вполне серьёзно,
> а ты списала всё на возраст…

— Знаешь, я даже тему балалайки чувствую, — выдохнул Миха. — Если ещё реверберации добавить… Берег хорошо низкие выдаст, неспешный приглушённый ритм… эдакие танцы народов нагорья.

— А что?.. Это идея! Мы репу чесали, как группу назовём? Ответ прост — Музыка Народов Нагорья!

— Чёрт возьми! Рулес!

Тим выпрямился и потянулся, будто ото сна.

— Жаль, звёзд нет, — с сожалением произнёс он и посмотрел в глаза Михе. — Что-то, брат, ты выпивать чаще стал.

— С чего взял?

— Да есть такие мысли… репетициям мешает… тормознул бы, а?

— Педагог выискался, гуру!

— Не думаю, что путь весельчака Кит Муна тебе по душе.

— Он ударник!

— Какая разница. Всё равно кинулся от бухла… Кстати, на вершине славы.

— Ну, началось… Сейчас ты припомнишь мне и Бон Скотта, и придурка Кёртиса…

— Ян Кёртис тут ни при чём. Во-первых, он был эпилептиком, а во-вторых, погиб не от бухла, а повесился… за день до начала турне по Штатам.

— Где, говоришь, верёвка?

Тим усмехнулся, толкнул приятеля в бок и подмигнул.

— Тебе какое мыло нравиться: хозяйственное или хвойное?

Дом спал. Даже кот Пуховик и тот, свернувшись клубком в кресле, не реагировал ни на собак, ни на мышей, ни на холодильник, включавшийся, как тракторный мотор. Лунный свет падал мягко, бесшумно покачиваясь на волнах тюлевых занавесок. Старые часы вытягивали одну и туже мелодию: тик-так, тик-так… И тюлевые занавески вздрагивали, словно боялись нарушить размеренный ход ночи. За дощатой перегородкой похрапывал отчим, и Михе казалось, что дыхание отчима совпадало с ритмом часов: тик-так, хр-хр, тик-так, хр-хр… Отчим пил второй день. Миха перевернулся на другой бок, но спать не хотелось. Он вдруг подумал, что всё-таки не просто остановиться на чём-то одном, не распылять свои силы, да и вообще, нужен ли ему рок-н-ролл, и с чем его есть? Чего, к примеру, хочет от рок-н-ролла тот же Берёг? Или, скажем, Уткин? Самоутверждаться можно по-разному. Допустим, одни стоят на рынке и торгуют книгами, получают бабло — они самоутверждаются, увеличивают свою прибыль, чтобы в дальнейшем поднять статус — квартира, машина, кабак, ну и под старость — счастливые и упитанные внуки. Другие, покупающие у них эти книги, тоже самоутверждаются, увеличивая свой энциклопедический багаж, чтобы… Чтобы — что? На хрена им этот багаж нужен? Миха ещё не встречал в своей жизни человека, который оказался бы настолько святым, что захотелось бы выбросить на помойку все свои предыдущие взгляды и мысли и стать офигенным альтруистом! Вот и получается: те, кто продают, и те, кто покупают — суть одно. Так же и с идеями. Панки, так те, вообще, козлы. Цветы жизни, блин, в помойном ведре. Задвигают якобы на систему и тут же пользуются этой системой — колбаса, чай, бухло, сигареты и туалетная бумага. А растаманы? У них, значит, первый человек на земле — это эфиоп чернокожий. Мир — порочная штука под кодовым названием «Вавилон», из которого, как можно скорее, надо драпать. Джа просветит! Мяса они не жрут, бухло им пофигу, только коноплю священную дай. Предмет поклонения. Обдолбался, значит, и давай любить всех подряд под рэгги. Полная, блин, сансемилья… Нет, не просто остановиться на одном. Чёрт возьми, рок-н-ролл какой-то получается с мыслями! Уже в полудрёме Миха вспомнил Тима, беспомощно болтающегося на турнике, и физрука из школы по кличке Боб, кричащего ему: «Вот так в Афгане и будешь болтаться колокольчиком у душмана!» Однако Боб умер, а душманы победили. В общем, и те, и другие самоутвердились.

…девяностые. Девяностые годы!

Бурное и слепое время. Затяжной глоток свободы, ощущение причастности к вырвавшимся на поверхность подземным водам. Девяностые… Луч солнца, резанувший поперёк здание прифабричной коммуналки. Промельк, мгновение.

О, маленькие проёмы металлических ларьков-комков, сваренных насмерть, будто готовились мы к длительной обороне!

О, палёная водка, выплывающая невесть откуда с загадочной фразой «из синдиката»!

О, безразмерные китайские пуховики, мятые ваучеры и гнутоподобная инфляция!

О, нашумевшие книги с толкучки из рук коммерсантов — бывших преподавателей, врачей и инженеров! Где вы теперь, авторы, наломавшие берёзовых дров и щепок? Кто разжёг ваши костры, кто грелся у них, да и согрелся ли? О, книги, — куда мы все подевались? Пожелтевшая бумага, мелкий шрифт, рассыпанные ветром страницы, нет, нет, нет — это чьи-то жизни, наши жизни…

Мы вырвали с мясом столько воли, сколь нам и не снилось. Не дотащили. Попуток не оказалось. Вот так и ползём — «автостопом»…

— Куплю золото. Часы. Доллары.

— Продам всё.

— Вчера стреляли… из гранатомёта.

— Видеомагнитофон — на автомобиль «Жигули».

Оборонялись, вернее, самоутверждались, как могли. За каждый метр земли, за каждую торговую палатку и малиновый пиджак, за право быть кем угодно, только бы выстоять. И выстояли — чита-

тели сделались писателями, диссиденты — консерваторами, баррикады превратились в особняки, а рэкет — в истеблишмент. Короче, всем — на ресепшн! Да здравствуют отели, хостелы и гестхаусы… Не фиг расслабляться. Вперёд, страна!

«Рок-н-ролл мёртв, а я ещё нет», — спето по понятиям.

«Эй, гитарист пошли их всех на… и жми на свою педаль», — и ведь получилось!

«Я люблю БГ, а не наоборот». Естественно, БГ промолчал, ГБ задвинула, словом, «джа даст нам всё».

Пацаны! Алюминиевые огурцы на брезентовом поле уже высажены!

Футбольное поле — для «Челси», так и запишем в метрике: «В подарок «Челси» от Ромы Абр. На вечную память», огурцы с брезентом — деду Славе, почётному гражданину села Худово.

«Всё идёт по плану…» Егорка Летов вчера порвал микрофон, без понтов и философии.

Бурное и слепое время.

Вот, не удержался — поднял, блин, забрало.

Глава 6

Розовый был прав: на концерт Жентоса Аверина стянулась вся прогрессивная часть молодёжной тусовки города. А собственно, что же такое — прогрессивная? Небезызвестный Майк Науменко, лидер группы «Зоопарк» дал в своей песне вполне исчерпывающую характеристику слову «гопник»:

Кто это идёт, сметая всё на своём пути,
Кто одет в цветную рубашку и красные носки?
У кого на плече висит сумка с надписью «Эй-Си/Ди-Си»,
У кого на ногах из чёрной резины грязные сапоги?

Кто слушает «хэви-металл», Арабесок и Оттаван,
Кто бьёт друг другу морду, когда бывает пьян?
У кого крутые подруги, за которых не дашь и рубля?
Кто не может связать двух слов, не ввязав между ними ноту «ля»?

Кто хлещет в жару портвейн, кто не греет пива зимой,
Кто плюётся, как верблюд, кто смеётся, как козодой?
Кто гадит в наших парадных, кто блюёт в вагонах метро,
Кто всегда готов подбить нам глаз и всадить вам в бок перо?

Это гопники!
Они мешают мне жить!..

Концерт проходил в трёхэтажном корпусе пединститута. На крыльце и во дворе шумела толпа, подогретая водкой и портвейном, разодетая в кожаные куртки-косухи, большей частью китайского происхождения, хайральники, длинные солдатские шинели, ботинки с высоким голенищем, рваную джинсовку, словом, в тот «прикид», без которого не обходиться ни один стоящий концерт. Однако большая часть тусующихся не отличалась избирательностью в выборе одежды — всё как бы в рабочем порядке, мол, ни к чему нам эти рюшки и букли, мы слушать пришли, а не показ мод устраивать. Ребята «в прикиде» посматривали на них — простых слушателей — с некоторым высокомерием и снисходительностью, как на более низкую касту, имя которой — Цивилы. То там, то сям раздавались выкрики и смех, изредка доносился запах «травы», мимо прошёл патруль милиции, величаво поблёскивая кокардами.

Жентос Аверин умел собирать толпу. Недаром в питерских кругах его величали Батькой Махно. Поговаривали, что он накоротке с самим Гребнем, что его творчество по душе мэтру, о чём судить не берусь, хотя с Дюшей Романовым из группы «Трилистник» он был в добрых отношениях, по крайней мере, чай на полуночных кухнях вместе гоняли, а Дюша Романов заведовал игрой на флейте в «Аквариуме».

Аверин задумал отыграть концерт в одиночку, без своих музыкантов — в акустическом варианте. Он привлёк ещё несколько групп, несмотря на то, что своих от игры отстранил. Первое отделение концерта Махно определил за собой, второе — за группами «Джа-Мария», «Хаос», «Белый СтягЪ» и «Танцы на песке Гарика-С-Перцем». Большая половина собравшихся на концерт, как можно догадаться, ждала именно первого отделения, второе — так, «солянка», если настроение будет или же выпивка останется.

— Привет любителям искусства! — крикнул Тим, увидав Бориса и Миху. — А где Утка?

— Скоро прилетит, — улыбнулся Борис. — Косяк уходит вдоль полей…

Миха кивнул Тиму и глубоко затянулся сигаретой. Он был пьян, Борис — слегка. Тим нахмурился, но ничего не сказал. Лишь спросил:

— Как публика?

— Пипл уже зажигает.

Навстречу двигался Берег с Сергеем Терентьевым, тем самым журналистом, который недавно написал несколько хвалебных статей об их музыке. Терентьев был сухощав, чуть сутул в плечах. Когда говорил, то широко жестикулировал, заканчивая фразу извиняющейся улыбкой: «Не так ли? Не правда ли?..»

— Где вы прячетесь? Мы уж полчаса кантуемся тут, — протянул руку друзьям Берег. — Днём звонил Уткин, намекнул, что припозднится.

— Следовательно, идём в зал? — вмешался Миха и икнул.

— Следовательно… — Тим хотел отпустить колкость, но передумал и миролюбиво заключил. — Следовательно, ты — прав!

— Консенсус, — развёл руками Терентьев.

Они поднялись на крыльцо, миновали переполненное фойе и оказались в длинном коридоре, который заканчивался широко распахнутыми дверями и одиноко стоящей старушкой. По всей видимости, она проверяла билеты, то и дело вздыхала, испуганно оглядывалась по сторонам и… опять проверяла билеты.

Невесть откуда вырос Розовый:

— Добро пожаловать в ад!

Лихо раскланялся и послал воздушный поцелуй старушке.

— Ну, как атмосфера? Я же говорил, я же говорил, — потряхивая кудрями, затараторил он. — Всё

будет в кайф, чуваки! Несколько новых вещей от Аверина… Прикольно?

В голосе Розова чувствовалась какая-то наигранность, что не мог не заметить Тим. Однако он кивнул и спокойно пожал ему руку:

— Да, Розовый, прикольно.

— Здравствуй, Артём! — повеял нежным сквознячком приятный женский голосок. — Как твои дела?

Перед Берегом стояла Нина-художница, сложив на маленькой груди руки, и смущённо улыбалась. Артём чуть стушевался, он был рад видеть Нину, её длинные вьющиеся до плеч волосы, вздёрнутый носик и большие, порхающие, как бабочки, ресницы.

— А я вот решила… дай, думаю схожу, послушаю… Классно, что ты здесь…

— Детка, ты абсолютно права, — вмешался Розовый, но тут же осёкся, перехватив тяжёлый взгляд Берега.

— Чем занималась? — посмотрел ей в глаза Артём.

— Да так… Вот ходила к Дмитрию Витольдовичу, — она осеклась, немного потупилась и неожиданно вскинула голову, словно бросая вызов. — О теории, Артём… говорили!

Берег зло подумал: «Козёл старый, всё-таки домогался её! Интересно: трахнул или нет?.. А она-то, что она?»

— Присоединяйся к нам, — сухо сказал он.

Нина с досадой прикусила губку и кивнула. Розовый не выдержал:

— Я отчаливаю. Шузы плавятся! — махнул рукой он и, откланявшись всем, скрылся в толпе.

— Шут гороховый! — буркнул Тим.

— Угу. Тема! — подытожил Борис. — Проходка у кого?..

— Прошу, — Терентьев открыл сумку, где ждали своего триумфа билеты на концерт. — Налетай… Встретимся в зале. — И он, легонько поклонившись, скрылся.

Жентос расслаблено курил. Рядом с ним сидели несколько «прикинутых» парней и так же неспешно чалили сигареты. Жестяная пепельница была переполнена окурками. На бордовой скатерти валялись струны, медиаторы и разобранные колки от гитары. К Жентосу подошла администратор концерта Тамара и, помешивая ложечкой кофе, протянула чашку. Он мельком взглянул на неё и отрицательно покачал головой, поскольку его больше интересовало то, что показал Терентьев.

— …и что сие значит?

Терентьев пожал плечами и затолкнул блокнот в карман куртки.

— Абсолютно ничего, кроме, — он поправил ремешок сумки, — получения денег под проект.

— Мне неинтересно общаться с администрацией области. Я играю для кайфа!

— Кайф кайфом, но проект реальный! — нахмурился Терентьев.

— Это для тебя реальный, а мы… — Аверин снисходительно окинул взглядом присутствующих. — Мы, браток, в андеграунде!

Парни одобрительно зашумели, даже Тамара хмыкнула.

— Уже не в андеграунде! — поправил Терентьев и подмигнул Тамаре. Она отвела взгляд и присела на край дивана. Жентос, с чем-то внутренне согласившись, держал, тем не менее, марку.

— Но просить бабло я не буду!

— Тебя никто не заставляет, — оживился Терентьев. — Требуется только согласие, а детали обговорим позже.

— Так и получаются Андреи Макаревичи! — усмехнулся Аверин.

— Пойми, Жентос, разовыми акциями не продержишься! Нужен комплексный подход, который предполагает долгоиграющую пластинку, то есть фи-нан-си-ро-ва-ние!

— А ты к братве по понятиям обратись, — зевнул Аверин. — Они быстро тебя профинансируют… по самые гланды!

— Напрасно иронизируешь. Твоё выступление под сводами альма-матер тоже не от святого духа.

Махно отставил ножку.

— Мне люди добрые помогли!

— Во-во! — Терентьев достал пачку сигарет и добавил. — Срубили бабки, а тебе — шиш, за исключением, конечно, славы.

Аверин недовольно встал и прошёлся по комнате.

— А ты, Серёжа, другой, что ли? Гуманист? — Махно щёлкнул пальцами. — Или как там… менеджер? Мне кажется, не тебе решать судьбу рок-н-ролла. Ты не пророк, но и не бухгалтер! И вот ещё что… — Аверин приблизился вплотную к Терентьеву и положил ему руку на плечо. — Ты, Серёжа, журналист, медиа-художник. Зачем тебе эта крысиная война?

— Как хочешь, Жентос! Мы ведь разумные люди?.. Подумай ещё раз!

Дверь скрипнула и в комнату впорхнула рыжеволосая Лида, подруга Аверина. Она легонько подбежала к нему и прильнула к щеке. Он нежно её приобнял, поцеловал в распушившиеся волосы и шепнул на ушко:

— Му-ур!

Она шмыгнула носиком:

— Мяу!

Терентьев вздохнул и направился к выходу. Махно отстранил от себя Лиду.

— Да, совсем забыл! — остановил он в дверях Терентьева. — Пусть появится на горизонте этот… как его?..

— Данил Уткин, — напомнил Терентьев.

— Ну, да. Уткин… Поговорим.

— Хорошо, — буркнул Терентьев, хотел что-то ещё добавить, но передумал и вышел.

Зал шумел. По рядам то и дело мелькали бутылки пива и портвейна. В проходах и на ступеньках торчали растаманы в шапочках а-ля Боб Марли. Не заметить их просто невозможно — красный, зелёный и жёлтый цвета эфиопского флага, предвестника светофора — знакомы не только водителям, но и пешеходам. Наиболее последовательные ученики Маркуса Гарви пришли с дредами, этакими африканскими косичками,

за которые, бог Джа на страшном суде обещал их вытащить на небеса. Свободные сандалии на ногах, делающие тело чувствительным к земным вибрациям, отсутствовали, поскольку уральский климат никак не предполагал раздолбайского быта Ямайки. Короче, мир, любовь и братство, и никакой лжи, причём обманывать нельзя ни своих, ни чужих. А вместо марихуаны — конопля на очке убогого сортира пединститута! Растаманы ласково поглядывали на окружающих, перемигивались друг с другом и отпускали шуточки, ведомые узкому кругу посвящённых.

По-иному вели себя «панкующие», которых оказалось гораздо меньше, и, вообще, непонятно было — зачем они здесь и насколько они «панкующие»? Цепи, булавки в одежде, шипованые напульсники и яркий окрас волос — одно, но если вся эта «закваска» удобрена ещё и философией, про которую написано множество книг, — это другое. Кто-то панков с удовольствием причисляет к садомазохистам, забывая, однако, что порой просмотр ТВ или чтение центральных газет — более глубокое извращение. Впрочем, если вам плевать на то, что случится с вами через минуту, неделю или год, то смело причисляйте себя к панкам — не ошибётесь! Наверное, это лучше, нежели быть «готом» с его трагическим взором, нагуталиненными волосами и вампирской эстетикой. Чего ожидать от панка? Да ничего, ты на Урале — сиди и наслаждайся концертом. А вопросы задавать не принято — тут каждый со своей верой, взглядами и феней.

«Панкующие» сидели на галёрке, вытянув ноги в мощных кожаных ботинках, схаркивали на пол, зевали и, как говорится, — «ложили на весь мир большой с прибором». Девчонки с филфака сидели кучками и перешёптывались, украдкой поглядывая на «панкующих». Но вот погас свет, и сцена вспыхнула красно-жёлтыми огнями. Перешагивая через многочисленные провода, к стойке микрофона подошёл ведущий — Эдик Умецкий, весь прилизанный и цветущий. Он сладко улыбнулся, несколько раз поклонился и хорошо поставленным голосом объявил:

— Добрый-й вечер… добрым людям!

Выдержал паузу, ожидая услышать аплодисменты, прислушался и продолжил. — Сегодня знаменательное событие… К нам едет ревизор!

— Чё, фуфло гонишь! — выкатилось из зала. — Обкурился, цивил?

Эдик пропустил реплику.

— В качестве ревизора выступит Жентос Аверин, а его помощниками станут друзья-музыканты, которые проведут концерт в лучших традициях джазово-пролетарской культуры, но с кельтско-африканским уклоном!.. Итак, — Эдик вытянул в сторону зала правую руку и торжественно закончил: — Нынешний день объявляется Днём Братской любви!

В зале послышались смешки, затем — жидкие аплодисменты.

Эдик поморщился и поплёлся за кулисы.

— Чёрт толстый, давай Аверина! — гаркнул вдогон ему кто-то с галёрки.

— Недососы, — буркнул себе под нос Эдик.

— Не комплексуй, старик, — выходя из-за кулис, подмигнул ему Махно. — Всё будет рулес!

Жентос уверенно двигался по сцене — небольшого роста, жилистый, с длинными волосами, собранными хвостом, в белой рубахе и грубых солдатских ботинках. Без папахи он чем-то напоминал уже не Махно, а Робин Гуда, поменявшего лук на гитару. Зал, увидев кумира, взревел.

Аверин наклонился и подцепил джек к гитаре.

— Жентос, давай «Время пива»…

— Авер, «Жеребёнка»…

— Женечка!.. Женька! — визжала худенькая девчонка в кожаной куртке и рваных джинсах.

— Авер, регги…

— Аф-фрику!.. Аф-фрику!..

— «Блюз Длинноволосых»…

Аверин снисходительно улыбнулся, подошёл к микрофону и поклонился:

— Я рад приветствовать вас. Особую благодарность хочется выразить администрации пединститута за предоставленный зал!

Он легонько взял аккорд, и по залу прокатилась волна одобрения.

— Я начну концерт с песенки, которая пришлась по душе корефанам Литейного.

— На фиг нам питерские! — выкатилось опять с галёрки.

У «панкующих» заканчивалось спиртное. Они стали разговаривать громче, кто-то пытался затянуться шмалью.

— Я прошу моих братьев по разуму… с последних рядов… быть более терпимыми к другим. Научитесь уважать себя, и мир в ваших глазах изменится!

Несколько мощных ребят (по всей видимости, добровольная охрана) встали и уверенно направились к задним рядам. Аверин заиграл. Техника исполнения оказалась хорошей — звуки плотно ложились в зал, безукоризненно вырисовывая музыкальную картинку.

…королева тростника — камень и змея в руках,
успокой своих детей, усыпи своих собак.
На замках своих дверей ты оставишь тайный знак,
Королева тростника, королева праздника,
Госпожа моя…

Как только песня закончилась, на сцену выпорхнули две девушки с букетами цветов. Жентос артистично принял на грудь сдвоенный букет, чмокнул в щёчку одну из них, затем помахал букетом залу, который обратным дыханием вернул ему приветствие.

— «Время пива-а-а»…

— «Айседору-у-у»…

— «Джанки-и-и»…

Поправив микрофон, Аверин улыбнулся:

— Поддержим наших африканских братьев! — и взял первые аккорды песни.

— У-у-у… — ответил зал. — Аф-фрика-а-а…

The bad songs and the sky is so clear and sweet
I can't say exactly that we never meet
I am so stupid and I can suggest:
You don't like Africa
And I don't like West…

— Неплохо. — Шепнул Тим Михе.
— Возможно.
Миха обдал его перегаром, Тим поморщился и принялся слушать дальше.

Блеск кавалеров, чопорность дам.
Действие снова идёт по ролям.
На каждый вопрос поэта
Она расставляла капкан.
— Как ваше имя, сударыня?
— Айседора Дункан…

На сцене появился Эдик с наполненной пивной кружкой и поклонился залу:
— А теперь предлагаю тост во имя Дня Братской любви и благоденствия!
Аверин принял из его рук кружку и отпил несколько глотков:
— Отличный напиток, братки! — И как бы смущённо укорил: — Вот только рыбки не хватает.
— А это мы запросто! — Эдик тут же выудил из внутреннего кармана куртки вяленую воблу. — Прошу, маэстро!
Зал выдохнул:
— «Время пива-а»… давай-ай-й…
— Спасибо… Спасибо вам, друзья, — привычно потеплел Аверин и довольным голосом провозгласил: — Итак, по многочисленным заявкам трудящихся — «Время пива»!
— У-у-у…

…Наступило время пива, и летит пивное время,
и моя альтернатива — пить по вечерам коньяк.
И усталая богиня, очарованная мною,
улыбается лукаво, если мы идём в пивняк.

Я сжигаю мебель дома, но просторнее не стало:
и иллюзия богемы, и напрасные труды, —
поэтичная натура с драматическим началом.
Пусть останутся в запрете все запретные плоды…

Наступило время пива-а-а…

И зал вторил ему:
— Наступило время пива-а-а…

Ментовский «Уазик», торчащий во дворе пединститута «для охраны правопорядка», сиротливо поблёскивал фарами. Стёкла запотели. Сержант приоткрыл форточку и повертел на свету бутылку водки.
— Ну что, Михалыч, будешь? — спросил он водителя.
— А то!
— Ну, кум, даёшь! На службе ведь.
— Сам предложил, — нахмурился тот.
— Ладно. Не заводись. Я так… к разговору.
— Все разговоры — там, — кивнул Михалыч в сторону концерта и достал из-за пазухи сало, бережно завёрнутое в газету.
— Другое дело, — оживился сержант.
— Грёбанный наряд сегодня, Сёма. Лучше бы — к Памятнику.
— А ты не промах, — разлил водку сержант и протянул водителю повеселевший на несколько бульков стакан. — За твою героическую печень!
Они хладнокровно чокнулись.
— Не понимаю, Сёма, я этих пидоров. Что им надо?.. Размалёванные ходят, нафуфлыженные, поют хрень какую-то. Куда катимся?
— М-да… пидоры погубят идею и баб, — чавкая салом, заметил сержант: — Я детей своих вот так держу, — он сжал кулак до хруста в пальцах. — У меня только попробуй. Сразу кол в жопу загоню. Боятся, значит, уважают, а раз уважают — толк будет. Всё для них делаю… А эти, рокеры, что? Пахан их… как его?
— Аверин, — подсказал Михалыч.
— Во-во… Волосня длинная, морда узкая, ну, вылитый Махно, бренчит на гитаре, как овца башкирская. Ни музыки, ни слов душевных. Снять бы ремень да всыпать ему по первое число!
— Свобода наступила!
— Б…дство пришло! — Семён сплюнул в форточку и махнул рукой.
Из зала докатилась волна:
— Наступило время пива-а-а-а…
— Слышишь, Михалыч?! Время у них…
Сержант закрыл форточку и швырнул пустую бутылку водки на заднее сиденье.

Антракт оказался непродолжительным, но, как и полагается, насыщенным: кто хотел напиться — преспокойно это сделал; кто — обкуриться — обкурился; кто пообщаться — наобщался до второго пришествия Гребня.
— Ну, что скажешь? — спросил Берег Бориса.
Борис нахмурился и сплюнул на пол:
— Слишком много апломба. Игра ради игры.
— Так ведь это язычество! Русский рок, удобренный митьковщиной-махновщиной и нравами Невского проспекта… Театр любят и зрители, и актёры.
Борис усмехнулся и в знак несогласия покачал головой:
— Что вы всем миром заладили: рок, философия, тенденции там, митьковщина… Добавь ещё «Евангелие от Митьков»… Жизнь гораздо проще — либо играть в неё, либо не играть, и никакой ботвы!
— Завидуешь Аверину?
Бориса передёрнуло. Берег, прищурившись, посмотрел на него:
— А мне кажется, что талант…
— Здравствуйте, мальчики! — оборвал размышления Берега женский голос.
Они повернулись. За ними стояла Люська, чуть склонив на бок голову и прижимая рукой к бедру сумочку.
— Привет, Люси! — откликнулся Берег. — Розового ищешь?
— Ну-у… типа того.
— Он, наверное, к Хеку ушёл, — вмешался Борис. — Бэк-вокал, блин.
Люська усмехнулась.
— А вы когда залы собирать начнёте?
— Мы, Люси, больше комнаты любим, — по-своему отреагировал Борис.
— Оно и видно, мальчики. Ладно, чао! Пойду.
— Удачи тебе, — посторонился Берег, окрашивая недвусмысленным намёком дежурную фразу.

Она вскинула высоко голову, так что волосы упали на плечи, помахала на прощанье ручкой и поплыла к дверям с надписью «Служебное помещение».

— Классная задница! — в сердцах бросил Борис.

— У-у-у! — передразнивая гул зала, подтвердил Берег, провожая долгим взглядом Люськины ноги.

Коридор опустел. Начиналось второе отделение. Тим с Уткиным ещё где-то шатались, а Миха сидел в кресле и одиноко дремал — рядом, в ногах лежала пустая бутылка «Агдамыча»…

Дэн Невера смотрел в зал. Софиты били в глаза, вернее, в чёрные круги его очков. Он смахнул рукой длинную чёлку, быстрым взглядом прошёлся по серебристым клёпкам, застёжкам, шипам своей кожаной куртки «Biker jacket» и посмотрел назад — группа подсоединяла инструменты. Зал шумел, ворот куртки нежно щекотал шею, а пальцы рук немного увлажнились. «Всё — как обычно, — подумал Невера, основатель группы «Белый СтягЪ», — что уже неплохо».

Он ещё раз оглянулся и увидел за кулисами маленькую фигурку Нелли Дуровой. Она стояла, скрестив на груди руки, и печально озирала сцену. Дэн тут же отвернулся, ухмыляясь про себя: десять минут назад, в подсобном помещении, она была другой — жадной, доступной и горячей, как раскалённое железо; а её стремительное дыхание обжигало Дениса сильнее общежитского душа. Невера подмигнул девушке. Нелли посмотрела сквозь него и не ответила. «Заводная… порою!», — подумал он, доставая из кармана фирменный медиатор.

Рядом вырос незаменимый Эдик Умецкий, взял в руки микрофон, прислушался к залу, и громко объявил:

— А теперь выступает тяжёлая артиллерия андеграунда, — тут Эдик приостановился, отвёл в сторону правую руку и торжественно закончил. — Дэн Невера с группой «Белый СтягЪ». Прошу приветствовать зубров рок-н-ролла!

Зал отозвался волной ликования — в основном, «панкующих».

— Давай «Адреналин»…

— Дэн, «Богатырскую-ю-ю»…

— Вставимся под «Субботу», чувак…

— Растаманы — говно!..

— Лайф не в кайф…

Невера нажал на педаль и высек первый аккорд. «Панкующие» заулюлюкали.

— Братья и сёстры, — Денис постучал медиатором по микрофону. — Приветствую вас и Жентоса Аверина! — он посмотрел в бок и поклонился Махно, который расслабленно восседал на коробке из-под динамика и покуривал трубку. — Добра вам и блага. Истина — в музыке… Любви и понимания.

— Дэн, мы чё на проповеди? — прорезалось из зала.

— Заткнись! — вмешался кто-то.

— Это чё, мне сказали?

На галёрке затрещали сиденья.

— Тебе.

— Сам рот закрой, падла растаманская!

— Не прикалывает!

— Бегемот, я не врубаюсь! Вон тот ботаник, в мегаскаме… он что, на траблы просится? Заболти ему зад!

Незаменимые крепкие парни из добровольной охраны грозно привстали. Невера хмыкнул и нажал ногой на фут-свич — контроллер моргнул красной лампочкой. «Звукач» переключил пару тумблеров на микшере, Невера одобрительно покачал головой и провозгласил:

— Итак, поехали… Двинем тушками!

Жёсткий музыкальный ритм, агрессивные басы Макса-Блина и заводные «запилы» соло-гитары рванули по залу, превращая амплитуду звучания в треск динамиков, — пчёлы вырвались на волю. «Белый СтягЪ» — опытный пчеловод. Сезон сбора цветочного нектара открыт!.. Толстый барабанщик Веня-Магарыч затряс лысиной и потной майкой, он не жалел ударную установку, как и своих рук. Дэн сделал несколько музыкальных «фишек», подхлестнув тем самым толпу, и с хрипотцой запел:

Я живу, как только я захочу, а ты живёшь совсем по-другому.
Твой папаша на выстрел меня не подпускает к твоему дому.
Днём и ночью, и в холод, и в зной он сидит с берданкой на крыше,
И он заряд залепит в меня, как только я подойду поближе.
Как дурак, как фонарный столб, я торчу в кустах совсем рядом.
И на окна глазею твои истосковавшимся взглядом.
Мои мысли, мои скакуны, всё равно что-нибудь мне подскажут.
До тебя я ползком доберусь, если только твой батя промажет.
Что за мать твою ети, в самом деле?
Я тоскую о твоём жарком теле-е-е…

В проходах и между рядами танцевали. Одна девица заголилась, приподняв малиновую кофточку до подбородка, и пьяно повизгивала: «…о моём, о моём жарком теле!». Её друг, худой и прыщавый очкарик, нервно поглядывал по сторонам, вылавливая циничные и довольные взгляды «панкующих», то и дело сжимая кулаки — в такт умопомрачительным грудям своей подруги, вырвавшимся на свободу из темницы тесного чёрного лифчика. У сцены пританцовывали несколько человек в длинных, нарочито подобранных не по размеру пиджаках, вытянутых свитерах, затасканных джинсах и холщовых сумках через плечо. Они жонглировали чётками и маракасами, что-то выкрикивали, кружились и помахивали краями широкой одежды. По центру зала тянуло «травкой» и портвейном, рыжий парень вскочил на сиденье и заорал: «Пункеры, всё в кайф!». Девушки с филологического факультета с интересом наблюдали за движением зала, они не знали, как реагировать на всё происходящее, и, тем не менее, «панкующие» начинали им нравится; в их поведении было что-то мужицкое, дьявольски-притягивающее, перечёркивающее напрочь добродетельную мораль декана Вадим Палыча Кирша. А «Белый СтягЪ», выплёскивая энергию в зал своими гитарами-ковшами, набирал обороты. Дэн Невера хрипел в микрофон:

Сегодня на крышу к нам ангел упал,
Пил пиво и водку, а я наливал.
Всю ночь нам втирал о том, что святой,
А нам безразлично, у нас выходной.
Ой-ёй-ёй-ёй-ей…
Сегодня суббота и день выходной.
Ой-ёй-ёй-ёй-ей…

Борис ткнул в бок Берега и поморщился:
— Всё. Хватит. Пора до ветру.
— Драйв давит на пузырь? — усмехнулся Артём.
— Да пофигу, куда он давит, — обозлился Борис.
— Не кипятись. Сейчас свалим.
Борис привстал и пошатнулся. Затем, морща нос, посмотрел на Миху, который преспокойно спал, склонив набок голову и мирно скрестив на груди руки. Борис легонько пнул его по ноге:
— Вставай, аристократ! Загребут тебя менты, как спящую красавицу…
Подумал и уточнил:
— Или — красавца…
Миха приоткрыл глаза, упёрся туманным взглядом в щетину на подбородке Бориса и тяжело выдавил:
— М-м-э… где красавица?
— Ушла к красавцу! — сказал Берег, всматриваясь в зал.
— А-а… — глубокомысленно протянул Миха. — правильный выбор!
Через пять минут в зале пединститута стало меньше на троих…
Берег, перешагивая через порог, ещё раз обернулся и увидел, как Дэн Невера, стоя на коленях, выводил забойный гитарный рифф и холодной насмешливой улыбкой шлифовал зал, который в унисон музыке растягивал:

…И если суждено упасть, а может даже и не жить,
в рай всё равно нам не попасть,
так почему бы и не пить?

— «Жаль», — подумал Берег и покинул зал.

— Э, командир! Курить есь?
Берег оглянулся. Перед ним стоял плюгавенький мужичок и улыбался. Замызганная кепчёнка была заломлена на затылок так, что морщины на лбу разгладились и кожа вот-вот должна была треснуть. Мужичок продолжал лыбиться. «Очередной наезд?»
— Курить есь? — повторил мужичок. — Али нет?
— Нет, — уставился на него Берег.
Мужичок потоптался, как-то неуклюже развернулся и засеменил к парку. Берег посмотрел ему в след. Усмехнулся: «Мнительным становлюсь». До остановки оставалась пара воробьиных шагов. Берег поднял воротник и поёжился.
— Артём, — услышал он знакомый голос. — А я вот троллейбус жду… Третий пропустила.
— Нина?
Белый пушистый беретик спал на чёлку. Маленькая сумочка, перекинутая через плечо, сверкнула серебристой пряжкой — это козырёк фонаря зацепился за ветку тополя, под которым стояла Нина. Она поправила ремешок сумки и шагнула к Берегу.
— Замёрзла?
— Да нет. Неуютно здесь как-то.
— Ещё бы… Район дореволюционный, как мой пиджак… — Берег осёкся, понимая, что сморозил глупость. — А хочешь, я тебя провожу до дома! — И, не дожидаясь ответа, взял её под локоть. Она благодарно кивнула.
Они шли по затихшему городу. Шли и молчали. И молчание это, пожалуй, было сильнее слов. Тёмное небо, размытое тучами, нависало над домами, задевало брюхом чугунные столбы электролиний. В тусклой и блёклой подсветке прожекторов здание Оперного театра казалось неудачной декорацией сцены. «Какой безликий пейзаж», — подумал Берег и сжал локоток Нины, словно боялся, что она тоже заметит это. Нина глянула на него и улыбнулась. Они миновали трамвайные пути. Весенняя жижа чавкала под ногами, у Берега промок правый ботинок, но ему не было до этого дела. Вдоль Покровской улицы туда и сюда в поисках пьяных клиентов гоняли на «копейках» бомбилы. Там и сям у обочин стояли девушки в разноцветных «лосинах» и джинсовых куртках с блёстками. Они нахохлено, будто нехотя, курили и посматривали на пролетающие автомобили. Визг трамвайных колёс перекликался с визгом и лаем собак. Берег помог Нине перепрыгнуть через битое стекло под вывеской «Пирожковая». Они завернули в сквер на центральную аллею, где одинокие стенды помахивали клочками объявлений и афиш. Лепёшки льда, запрессованные в облупленную чашу фонтана, мерцали холодным светом. Но Берегу было спокойно. Нина шла рядом. Ему казалось, что он знал её вечно, что Нины не было в его жизни всего лишь несколько минут. Какой близкой она была сейчас! Вроде бы и ничего не сказала, а он всё понял. И пусть катится к чертям этот Дмитрий Витольдович. Как он мог только подумать о Нине такое! И вдруг Берег с особенной чёткостью увидел свой рок-н-ролл, без прикрас и иллюзий — свирепое и вертлявое чудище, которое выбрасывает щупальца в поисках новой жертвы и мнёт кости любому, как заправский повар хрустящие соломки спагетти. И Берега поразила эта мысль: ему надо было защитить себя и Нину. Как всё просто! Он остановился и жадно обнял её. Она не сопротивлялась, она всё уже сказала. Молчанием. Их молчание, оказалось сильнее музыки. Они стояли посреди пустой аллеи.
— Замёрзла?
— Ещё бы…

Глава 7

С лимоном Тим перестарался — от чая сводило скулы, даже мелкая дрожь пробежала по телу. И всё равно — пить было приятно; с каждым глотком мысли приобретали ясность и твёрдость, не бились хаотично, будто мошкара об оконное стекло. Теперь и соседи за стенкой, так упорно слушающие Витю Цоя, уже не раздражали Тима.

…там, за окном
сказка с несчастливым концом,
странная сказка…

Слабый дымок сигареты крутил колечки, кончик её мерно потрескивал, и было в этом что-то спокойное и размеренное. «Пустота, летите, в звёзды врезываясь…» — подумал Тим, отпив глоток чая. Он сидел в комнате Люськи, среди груды косметики, мятых журналов, посуды и плакатов, служащих, когда скатертью, когда обоями, а когда и просто предметом вожделений Люськи по загадочным и далёким парням с гитарами из ленинградского рок-клуба. Москву Люська не любила, между словом «москвич» и «жлоб» ставила знак равенства. И вообще Люська Калинина на всё имела свою точку зрения, более того, всегда бунтовала — и в детском саду, и в школе, и дома. Её угнетала бытовуха: отчим-шахтёр, мать в ежедневных заботах, дырочки на колготках сестры, маленькая квартирка в шахтёрском посёлке, где, до недавнего времени, высшей точкой счастья считалась поездка в Крым на собственном автомобиле, приобретённом «по очереди». С однокурсницами Люська общалась редко, они знали, чем она зарабатывает, и всячески в своём кругу перемалывали ей кости. Люська догадывалась об этом. Раньше её злил и раздражал такой расклад — быть белой вороной с клеймом «девочки по вызову». Однако со временем она не то что бы смирилась или плюнула на него, но посмотрела на себя и на те перспективы, которые светят ей в будущем с высоты своего «беловороньего» полёта, и поняла — жить так и мыслить, как её однокурсницы, нельзя. Люська решила добиться лучшего! Она должна «закадрить» какого-нибудь стареющего и глупого бюргера, приехавшего сюда на строительство нефтяной станции. Показать ему, как может любить русская девушка (лишь бы инсульт не скосил этого старпёра!), и свалить с ним в Германию. Там подтвердить свой диплом и развестись. А потом… потом забрать к себе Розового. И пусть он пока грезит своим рок-н-роллом, пусть тусуется, пусть перебесится — Люська подождёт, она любит его, и всё у них наладиться, всё будет хорошо, и обязательно родится сын с улыбкой Розового, а пока — чем Бог одарил, тем и пользуйся…

Когда Люськи не было, ключ демократично лежал в отверстии вентиляционного стояка, слева от дверей, поэтому её комната служила некой штаб-квартирой для узкого круга людей.

Тим сделал ещё глоток и затянулся. Скрипнула дверь. «Должно быть, Уткин», — механически подумал Тим.

— Привет, мученикам рок-н-ролла!

— Привет, — не обернулся Тим. Словно тяжёлый занавес опустился между ними. Тим достал из пачки ещё одну сигарету и прошёлся по комнате:

— Какие мысли по поводу предложения?

— Да никаких… Вариант приличный, — быстро, нарочито небрежно начал Данил. — Почему бы нам ни засветиться? Надо двигаться, брать новые высоты, саморазвиваться… Не знаю, чего ты резину тянешь? — Данил развёл руками и осторожно посмотрел на Тима. — Понятие гениальности — это слишком расплывчато. Кто направит его в нужную сторону, тот и выиграл. Что толку сидеть в тени, побрякивая философскими погремушками, и считать себя самым-самым, а, попросту говоря, загнать в угол себя и тех людей, которые верят тебе? А?..

Уткин отвернулся к окну и нервно поправил очки, сползшие на кончик носа. Он был раздосадован — и разговор начался не с того, и не так всё преподнесено, как хотелось бы, да и интонация выбрана не та; он чувствовал, что поспешил.

— Я не вижу тут ничего постыдного, — продолжил он, но как-то не уверено. — Наш город небольшой. Кто-нибудь да когда-нибудь перехлёстывается по делам, интересам, ну и так далее… Нормальная ситуация для провинции. Так почему бы, не поиграть с одним музыкантом, с другим? Творческий процесс, полёт фантазии…

Тим пожал плечами.

— Да ты, старик, пойми, — приблизился к нему Данил. — Это ведь шанс! А шансов много не бывает.

— Не шанс это, всего-то глупые амбиции.

— А хотя бы и так… Тебе хуже станет? Ты — универсальный музыкант! Тебе и первая скрипка!

— А тебе, значит, вторая?!

— Слушай, старик. — Данил с досадой отвернулся и тут же продолжил: — Миха играет посредственно, тем более, начал пить. Береговой всё равно когда-нибудь, да отдаст предпочтение живописи… Ну-у… Борис остаётся с нами. Короче, Хек нашёл парочку классных музыкантов, а Жентос Аверин, прослушав запись, остался доволен нашей музыкой, да и разговор с ним, если помнишь, был в кайф. Он, кстати, собирается замутить новый проект, в котором нас тоже видит… Терентьев поможет информационно. Да и связи нам не помеха… Тема, старик?!

— И когда это пришло в твою умную голову?

— Времена меняются… Либо становимся профессионалами, либо наступает полная жопа!

— А-а… Цитируем Хека… в подлиннике. Замечательно!

— Не в этом дело, а в самосознании. Пойми: или всё, или ничего!.. Зёрна надо отделять от плевел.

— А ты, Данил, оказывается, сволочь, — тихо, но твёрдо произнёс Тим.

— Я ожидал такое… Значит, теперь недосказанности нет.

Тим молча курил. Уткин осторожно поставил на стол пустую кружку, снял очки и принялся вытирать стёкла носовым платком. Музыка за стеной утихла, только чьи-то голоса доносились из коридора, да стук пустой стеклотары слабо аукал в пустоте пятого блока медицинского общежития. Тим притушил сигарету.

— Мне пора.

Данил напялил очки и улыбнулся.

— Пойдём.

— Мне в другую сторону.

— И мне туда же.

Тим холодно посмотрел на него, но ничего не ответил.

— Тим, — мягко начал Данил. — Не воспринимай всё так серьёзно. Жизнь ведь она… она всякой бывает… Да и, вообще, считай, что я просто шутил. Как говориться: «И на старуху бывает проруха!». Неудачный стёб, — и Данил приятельски

хлопнул его по плечу, отметив про себя: «Ничего. Скоро созреет. Главное — не торопить».

Таракан полз медленно. Его вытянутое рыжее тельце сливалось с цветом половых досок, и в лучах заходящего солнца, пробивавшихся сквозь короткие занавески художественной мастерской, он казался ещё меньше, чем был. Он полз прямо к ботинку Берега. Артём приподнял ногу и резко опустил ступню в квадратик света: раздался слабый хруст — таракана больше не было.

— А он понял тебя, — покачиваясь на стуле, заметил Борис.

— Это почему?

— Потому что теперь его уже нет.

Берег вывалил в шипящее масло сковороды ломтики картошки и почесал подбородок:

— Как будто раньше таракан мог знать, что он существует!

— Вот именно, не знал! И в тот момент, когда твоя нога опустилась на него, он понял, что был.

— Нарезал бы ты лучше хлеба, — перебил Бориса Берег.

— Запросто! — Борис взял нож. — Вот, к примеру, когда менты отторцевали тебя, твоё мироощущение обострилось: краски стали ярче, а воздух зорче. Мозги заработали с новой силой, и вся твоя сущность превратилась в сплошной протест. А протест, брат ты мой, — двигатель прогресса.

Берег посолил картошку, вдохнул душистый пар — аж зажмурился! — и посмотрел на Бориса, который небрежно пластал хлеб, оставляя надрезы на разделочной доске, словно лесник зарубки на стволах деревьев.

— Ты — циник.

— В какой-то мере, да, — подтвердил Борис. — Но заметь: в рамках науки, так сказать, не перешагивая барьеры дозволенного. Я понимаю, что тебе неприятны воспоминания о том вечере, и, тем не менее, я бы взглянул на этот эпизод философски… А вдруг Господь Бог подаёт тебе знак какой? А? — поднял вверх указательный палец Борис, пережёвывая солёный огурец.

— Знак он уже сделал.

— А точнее?

Берег вытер руки полотенцем и прошёлся по комнате. Он посмотрел на пятно, оставшееся от таракана и развёл руками.

— Я не войду в сессию!

Борис воткнул лезвие в разделочную доску и рассмеялся:

— Ну, потешил ты меня, Берег. Я думал, что услышу нечто эдакое драматичное, а ты… Да каждый первый студент делает это регулярно!

— Ты не совсем понял, о чём я говорю. Боря, я больше не буду учиться в меде. Заберу документы!

— Не понял!

Берег ещё раз подошёл к шипящей сковородке и глухо произнёс:

— Пусть это выглядит смешным, пусть это окажется глупым, но выбор сделан.

Он посмотрел на Бориса и по-детски улыбнулся.

— Не моё это — лечить людей или выписывать им рецепты… Писать картины — ближе. Плевать, что многим они не по вкусу, а до кисти мастера, как говорит Витольдович, не одну целку ещё попортишь… ха-ха… Вместо анатомии — мордой в краску, и всё равно буду заниматься тем, чем хочу. Деньги найдутся… заработаю их, в конце концов… что-нибудь придумаю в этом плане.

— То есть всё коту под хвост? — нахмурился Борис. — А музыка?.. С ней-то как?

— По музыке вопрос не стоит. Репетиции и всё такое… концерты, сейшены, — тут Берег остановился, искоса поглядывая на Бориса. — М-да… Данил какой-то не такой стал. Тебе не кажется?

— Ну, о Даниле потом, а вот тебе стоит хорошенько подумать…

Сковородка ухнула с новой силой и душистый пар повалил к потолку.

— Стол накрыт! — торжественно объявил Борис и утвердил на столешнице «Русскую».

Берег молча сел, помешивая жареную картошку. В дверь громко постучали.

— Нет, скажи, — возмутился Борис, — так всегда! Только сядешь за стол, поставишь бутылку, приготовишься к светской беседе и на тебе… «Кто там?», — начал он, подражая старушечьему голосу.

— «А это мы, гости дорогие, пришли… говорящую собачку посмотреть…» — раздражённо щёлкая дверным замком, влился в игру Борис.

Басовитый голос из открывающейся двери заставил Бориса поморщиться.

— А-а… Герман. Проходи.

— Привет нарождающемуся классу капиталистов! Где Му-му? — помахал вошедшему рукой Берег.

Герман скосил глаза в коридор и деловито сказал:

— Идёт… Кстати, мы со своим, так что не морщи нос, приятель, — и он вручил две бутылки коньяка Борису.

— Другое дело — «Белый аист»! Приземляйся.

— Привет, коллегам! — просипело из-за спины Германа. Миха легонько толкнул плечом Германа и протянул руку Борису.

— Задвинул на учёбу, Мих?

— Еф-фстественно!

Борис усмехнулся, поглядывая на Берега:

— Да вы просто близнецы!

Миха, чуть пошатываясь, подошёл к столу:

— Господа, а я стишок нынче накропал.

— Валяй, — пробасил Герман, забивая рот горячей картошкой.

— Оранжевый апельсин орошает землю
оранжевым соком рыжего сада.
Жизнь безбрежна, только зачем же
чернеют вороны, как кляксы в тетради?

— Фуфло! — рявкнул Герман, опрокидывая в рот стакан с водкой.

— Это почему же? — насупился Миха.

Герман сладко выдохнул, подцепил вилкой картошку и туманно поглядел на него.

— А потому, что жизни тут нету. Всё какая-то рыжесть да безбрежность!

— А ты, значит, хотел смертности да чёрности? — огрызнулся Миха.

— Ничего я не хотел… Мне ближе реализм! — поковырял спичкой в зубах Герман. — Этот ваш

джаз… словом, я читал, что он берёт начало в Африке… Короче, хоронили под эту музыку негров. Вот так-то… А я жизнь люблю!

— Просто и незатейливо, — с иронией в голосе заметил Берег.

Герман, видимо, не ощутил иронии и продолжил:

— Ты прав. Жизнь не терпит заморочек. Надо, пацы, зарабатывать. Сейчас время такое! Я Берегу об этом уже говорил… Из воздуха делают состояния… Я понимаю, что вам нравится музыка, что в ней есть какая-то… э-э, тайна, что ваши кассеты начинают ходить среди тусовки. Но это не то, что надо!

— А что, по-твоему, надо?

Герман хмыкнул и почесал себе грудь, толстыми и холёными пальцами.

— Ты чё тупишь? — посмотрел он пьянеющим взглядом на Бориса. — Если делать музыку, то делать такую, за которую башлять будут!.. Я могу вас свести с одним челом, не пожалеете. Вы — делаете музыку, мы с ним преподносим её, пипл платит, и мы вместе зарабатываем! — Герман подмигнул Берегу.

— Мудила ты, Грин! — сплюнул Миха.

Герман плеснул в стакан водки, со всеми чокнулся и выпил. Затем аккуратно поставил, взял другой — с коньяком налитым до краёв, и запил. Вытерев губы рукавом нового свитера, сладковатым и победительным взглядом окинул всех:

— Я, пацы, скажу так, — тут он почесал себе пах. — Жить надо умеючи и не плавать в иллюзиях… Вы — молодые. А молодым следует радоваться жизни, видеть в ней только хорошее… Все эти ваши рок-н-роллы — замечательно, да только не стоит верить в них серьёзно. Аверин с Неверой и Сизарём грузят толпу, туманят ей мозги своей философией, а случись что, сразу же дёрнут в сторону, в спокойное и тёплое местечко… Как ваш сраный Гребень… Деньги мэтры любят, да-да… и, кстати, очень даже любят… — он посмотрел на Миху и ткнул ему пальцем в грудь — Вот ты! Тебе даже последняя шлюха без копейки не даст, потому что бабы, поэт ты наш, тоже любят деньги. И я их люблю. И деньги, и баб. Эти голые, виляющие задницы, вертлявые сиськи и громкие вздохи. Так бы и трахал, трахал… до самой смерти! А вы, господа?

Герман заржал.

— Да пошёл ты, маздай, — сквозь зубы процедил Миха.

Герман заржал ещё сильнее. Миха с размаху ударил ему в ухо, но кулак прошёлся скользом, и Миха подался вперёд. Герман легонько дал ему под дых. Миха рухнул под стол.

Борис бросился к ним:

— Офигел, Грин?

Тот чуть отпрянул, выставив перед собой обе ладони:

— Тихо, пацы, тихо… Он сам. Я не хотел его торцевать.

— Тебе лучше уйти и здесь больше не появляться, — твёрдо сказал Берег, поднимаясь из-за стола. Герман презрительно усмехнулся:

— Как хотите.

Он накинул куртку, осторожно перешагнул через Миху и в дверях процедил:

— Не проспите своего поезда! Если надумаете, позвоните… Мы люди не гордые, сработаемся!

Дверь хлопнула. Берег помог подняться Михе.

— Сходи, умойся, — посоветовал Борис. — Легче станет.

Сплюнув в угол, Миха вышел в мрачный и обшарпанный коридор художественных мастерских. Ему показалось, что стены покачиваются — настолько они были хлипкими и старыми. Миха миновал информационный стенд. На нём одиноко ютилась бумага с фамилиями художников, задолжавших за свет, газ и воду, вернее, за тонкую струйку воды из одного рожка умывальника, тусклый светильник в коридоре и безобразно клокочущий унитаз.

Миха опустил голову под струйку воды и зажмурил глаза — приятный холодок прошёлся по телу. На улице вечерело, сквозь белую краску на оконном стекле он увидел слабые огоньки фонарей, так похожие на звёзды, пробивающиеся из-за облаков в хмурую погоду. Весна расправляла крылья, и с каждым их взмахом грязные капли воды сильнее и сильнее ударяли по городу, по его каменным рёбрам и деревянным сухожилиям, размазывались и стекали по дорогам, кюветам и тропинкам, и звук ломающихся сосулек напоминал Михе хруст новых банковских купюр в руках Германа-Грина. И не было боли, не было стыда, не было никого рядом. Миха вытряхнулся в коридор, постоял немного и побрёл, а вслед ему, из-за приоткрытых дверей комнаты портретистки Ветровой, в усмешку ли, просто так ли, доносилась музыка. Пел Бутусов:

Посмотри, как блестят бриллиантовые дороги.
Послушай, как хрустят бриллиантовые дороги.
Смотри, какие следы оставляют на них боги…
Горят над нами, горят, помрачая рассудок,
Бриллиантовые дороги в тёмное время суток…

Глава 8

Отшумел день пограничника, щедро устилая асфальт зелёными фуражками и битой стеклотарой. Зализали раны кавказские парни с центрального колхозного рынка, подсчитав свои убытки и отправив в мусорные баки мятые помидоры, сливы и виноград. Отплясала предсессионная институтская круговерть, размахивая во все стороны студенческими зачётками и нервами. Листва жадно, словно по ошибке, вдохнула первый летний воздух — сладкий, волнующий — за городом, и безвкусный, непомерно горячий — в городе, особенно в районе Разгуляй-Высоток, где Молвинский завод выплёвывал из прокопчённых труб остатки дыма, а река, будто верная фабричная подруга, застенчиво переливалась у заброшенных пристаней и ржавых заборов.

Артём Береговой слово сдержал — документы лежали в старом бабкином шкафу. Главный корпус мединститута протяжно ухнул парадной дверью за его спиной и растворился в шелесте листвы. Данил сессию вытянул и несколько отдалился от Бориса, несмотря на успех последнего высту-

пления «Музыки Народов Нагорья» в пединституте и полного аншлага на «Студенческой весне». Данил даже успел отыграть несколько репетиций с ребятами Аверина и Сизаря, пропустив свою балалайку через электронные примочки — реверс, дисторшн и овердрайв. В результате получилось что-то безумно непонятное, и, тем не менее, заводное, с неповторимым саундом, плясками и скоморошничеством Хека. Тим погрузился в создание «Агасфера» — музыкальной композиции из нескольких частей, навеянных романом Стефана Гейма и покуриванием «травки». Он просто достал Миху своим погружение в книгу и музыку, довёл его до того, что они не общались неделю, поэтому на крыше своего дома Михе пришлось зависать одному, мрачно взирая на тёплые и близкие звёзды июня, словно нарисованные, совсем не похожие на февральские. Рядом с ним лежала бутылка водки, наполовину пустая и тёплая. Нельзя сказать, что он постоянно был пьян. Вовсе нет. Просто Миха не знал, куда ему двигаться и за что браться. Он пытался анализировать свои поступки, что-то записывал в блокноте, выводил стрелки и геометрические фигурки напротив своих записей. Он всё чаще приходил к выводу, что мир следует воспринимать через образ и ощущение. Однако мысль эта была хрупкой и прозрачной. Она постоянно уплывала от него, оставляя кучу вопросов в глубине души. И, тем не менее, он неумолимо следовал фразе Гребня: «Единственный способ — это саморазрушение!» Он пытался сочинять стихи, как говорится, «под пьяную лавочку», но в трезвом состоянии они казались ему мелкими и глупыми. Два последних концерта «Музыки» взбодрили его, придали силы и духа, даже опять сблизили с остальными музыкантами группы. И всё равно Миха ощущал надвигающийся разлад, хотя открыто никто об этом не говорил. Так случается перед сильным ливнем — все чего-то ждут, напряжённо поглядывая в небо, и с облегчением вздыхают только с первыми залпами грома или дождя. Ещё Миху мучило безденежье, самое отвратительное изобретение человека. Он постоянно перезанимал, придумывал идеи по материализации денег, которые опять-таки заканчивались неудачными стихами и тёплой, наполовину опустошённой бутылкой водки. А тут ещё лето нагрянуло — пора застоя, отдыха и лени, чему очень радовалась Люська. Она познакомилась с кем-то «в летах», и величала его не иначе как «мой нацистский папик», и этот самый «папик» обещал ей поездку в Баварию и месяц безмятежного кайфа, на что Розовый только пожимал плечами и, наливая очередной стакан портвейна, философски приговаривал: «За трахи-охи и мы не лохи». Люська усмехалась, хотя в глубине души ждала несколько иного. И только Борис оставался собой, — его спокойствие доходило до безразличия ко всему, будь то пропуск важного экзамена или последние разговоры студентов о падении в резервуар с формалином старшего преподавателя кафедры физиологии.

Словом, рок-н-ролл отправился на каникулы, предупредив об этом всех необычайно тёплым началом июня, поэтому…

…поэтому массивное, несколько монументальное крыльцо «морфушки» пустовало, и только одинокие студенты, завалившие сессию, да стайка голубей разбавляли закостеневший вид центрального входа Морфологического корпуса. Ближе к тени, отбрасываемой навесом крыльца, невзирая на жару и отсутствие задолженностей по предметам, на каменных отливах ступеней сидели два человека и негромко беседовали.

— Ну и дальше? — мусолил в зубах спичку Хек.

— Да чуть не въехал мне по морде.

Лицо Данила выражало недоумение.

Хек широко зевнул и, оглядываясь по сторонам, закруглился:

— Вот проблема! Парню подарили презервативы, чтобы оградить подругу от нежелательной беременности, а он психует… руки распускает… Мудно получается с Тимом! Да и подруга у него, слышал я, малость завёрнутая… Лабает дрянь всякую на «стратакастере», лезет на репетиции к вам. И вообще тусуется фиг знает с кем!

— Я о том же… Воспитание, блин!

— Хотя, Даня, оно и к лучшему. Есть повод узаконить новую группу со старой концепцией «Музыки Народов Нагорья».

— Угу… Раскатал губищу, — Данил сплюнул на ступени. — Большая часть музыки написана Тимом, а тексты — Михины.

Хек надкусил спичку.

— Не проблема, чувак.

— Да нет уж… проблема. И не только авторского плана, но и… — Данил остановился и посмотрел в упор, — но и морально-этического!

— Чего-чего? — выплёвывая размякшую спичку, переспросил Хек. — Ты о чём, приятель?.. Запомни, твоя балалайка и есть фишка «Музыки Нагорья» и первооснова всего… Тем более, с электрическими наворотами, с изменением саунда… А такого, чувак, не было. Вот и прикидывай: фолк замешанный на электронщине и психоделии! «Пинк Флойд» отдыхает, а Мэрлин Мэнсон к тебе на подпевки ещё попроситься. Врубаешься, дурилка картонная?.. А музыкантов, если желаешь, я найду и посерьёзнее… профессионалов, твою мать!

Данил нервно усмехнулся:

— На хрен они мне нужны… профессионалы?! Тут дух, понимаешь. Команда — и…

— И совесть, хочешь сказать?

На лице Хека играла издёвка.

— Да хоть бы и так!

— Ну-ну. Смотри, клювом не прощёлкай действительности.

Данил тоскливо посмотрел на него и как-то жалостливо спросил:

— А что делать, Хек?

— Ага, извечный русский вопрос. Но отвечу я просто. Первое, Даня, — это определиться, второе — деньги, а третье — самореализация. Без денег, Даня, самореализации не будет, а без постановки задачи — ни того, ни другого. И запомни, что тусовка готова к любому извращению, которое ты навяжешь ей. Она — как пьяная и глупая девка: её можно иметь, и она не будет против. Главное доказать, что дерьмо — это деликатес, а белое — это чёрное и наоборот… А добавь сюда ещё идею рока,

путей развития его, все эти иллюзии андеграунда и духовных вождей. Вот тут-то и бери готовеньким любого цивила… Короче, Даня, я убеждаю тебя в том, в чём ты себя давно уже убедил, только требуешь подтверждения своим мыслям.

Данил молчал. Он долго смотрел на девушку, голосующую на обочине дороги. Хек не торопил его с выводами.

— Именно об этом я говорил Тиму, — нарушил молчание Данил и горько усмехнулся.

— Понимаю его реакцию.

— Не понимаешь… Он выше… этого.

— А кто спорит, Даня?.. Но выбор-то за тобой.

— Ты прав. За мной.

— Ну — и?

Данил посмотрел в небо и рубанул по воздуху рукой, словно отрезал нить, соединяющую его с прошлым.

— К Аверину!

Хек, довольный собой и решением Данила, услужливо склонил голову в поклоне и промурлыкал:

— Прошу вас, маэстро!..

Перекрёсток «Карбашева-Коммунистической» был перекопан. Уже месяц в теле асфальта зияла огромная дыра, вся в рёбрах арматуры и битого кирпича. Бригада мужиков в жилетах цвета апельсина лениво восседала на куче бетонных блоков и плит, сваленных на деревянные лаги у бровки траншеи. Рядом, воткнув ковш в отвал грунта, словно затупившийся штык, стоял экскаватор. Мужики курили. Со стороны они смахивали на уставших римских легионеров, которые вместо туник и сандалий напялили несуразные жилеты и сапоги. Данил шёл молча, Хек, наоборот, пытался говорить обо всём.

— Во, козёл! — стряхивая в ладонь пепел от папиросы, прохрипел один из рабочих, разглядывая одеяние Хека, — его чёрные кожаные штаны, прошитые белыми нитками, с булавочками и клёпками в области ягодиц. Но более всего рабочего возмутила шёлковая рубашка с изображением на груди скелета рыбы и небрежной подписью «Это Х…К». Он шумно сплюнул и рыкнул:

— На север бы тебя… гомика. Дали волю, блин, козлам всяким!

Хек слышал всё, но отвечать не захотел. Время поджимало. Он только бросил в сторону бригады:

— Калдыри!

— Чё? Чё он сказал? — зашевелился мужик. — Не понял, чё сказал этот… гомик?!

— Кузьмич! Пора… Вон тачка «главного» едет.

— Вставай, пехота-а!

— Чукин, бери лопату!

— В зад тебе кайлом, Кузьмич!

— Чё-ё?

— Хер на плечо…

Данил с Хеком свернули во двор, чтобы срезать расстояние, миновали полуразрушенную арку, возвышающуюся над грудами кирпича бывшего забора, всю в надписях, и столкнулись нос к носу с Берегом и Борисом.

— Ба! Какие люди в Голливуде! — расплылся Хек.

— Привет, — отозвался Берег.

Данил помахал рукой и улыбнулся, однако улыбка получилась кислой. Борис снисходительно посмотрел на Хека, в его глазах неожиданно запрыгал огонёк, и он вместо приветствия пропел строчку из «Аквариума»: «Какая рыба в океане плавает быстрее всех?!..»

— Оч-чень остроумно, — хмыкнул Хек.

— Душа поёт.

— Вы куда? — вмешался Берег.

— Да так… — начал неопределённо Данил, — встретились… поговорили немного…

— Пацаны! — перебил его Хек победоносно. — Мы — к Аверину! Так что извиняйте, некогда нам!

Берег присвистнул:

— Оба-на!.. Интересно.

— «Они говорят, им нельзя рисковать», — запел цоевской интонацией Борис, показывая указательным пальцем на Данила. Хек похлопал его по плечу:

— Отличный бэк-вокал! Но, увы, нам некогда!

— Привет папе, маме! — махнул им вслед Борис и смачно выругался. Берег перевёл его выплеск в другое русло:

— Ладно. Фиг с ними. Планы меняются. Идём к Люське!

— Тема! — привычно откликнулся Борис.

Берег натянуто улыбнулся: две фигуры удалялись в сторону проспекта, — такие близкие ещё вчера, и удивительно далёкие сейчас. «Вот так примерно Млечный путь и делит небо пополам», — мелькнуло у него в голове. Берег нахмурился и твёрдо решил выпить. Он пошарил рукой в кармане, нашёл пару мятых бумажек с медяками, достал и протянул их Борису, который хладнокровно развил тему: «Не хлебом единым жив человек». Они ускорили шаг…

В коридоре общаги Мединститута оказалось на удивление тихо и прохладно. Берег с удовольствием вышагивал по этому обшарпанному коридору. Эхо шагов разлеталось по всем закуткам, ударялось в двери и возвращалось обратно. Темнота коридоров, отсутствие студентов, а равно и прошлого, связанного с ненужными теперь Артёму учебниками анатомии, физиологии и прочей заумью, навевали меланхоличное настроение. Берег шёл. И было тихо. Никого. Только Берег и Борис. Уцелевшие лампы мерно вздрагивали, будто хотели испугать тени идущих, размазать их по мраморной крошке пола. Нос щекотал знакомый запах — запах студенческого общежития. О, дух квашеной капусты и борща, сготовленного на скорую руку, пущенных «по кругу» сигарет, папирос и чибонов, пота и сумасшедшей любви, зачёток и пролитого портвейна…

Вот и нужная дверь. Берег пошарил в вентиляционном отверстии — ключа отсутствовал. Он легонько толкнул дверь — та со скрипом отворилась, и Берега обдало волной сладковато-спёртого воздуха. В комнате был бардак, словно кто-то опаздывал куда, попеременно хватая одну вещь, вторую, третью, отбрасывая их в сторону и не находя нужной. Берег поморщился.

— Чёрт возьми, сколько мух!

— Мухи — ерунда, но запашок, скажу, исключительный!
— Да-а…
Берег протиснулся между захламлённым столом и распахнутым настежь шкафом, откуда свисало бельё. Закрыл одну из створок и увидел на кровати возле окна Розового. Он лежал к нему спиной, тонкий луч солнца из-за занавесок пересекал по диагонали кровать и спящего.
— Опять нажрался, — покачал головой Берег. — Хоть бы окно открыл.
Борис усмехнулся:
— Ему некогда распыляться по мелочам.
— Это уж точно, — согласился Берег, покручивая в руках пустую бутылку водки.
Борис достал сигарету и прикурил. Он выпустил кольцо дыма в потолок, наблюдая, как оно расползётся, и поискал глазами пепельницу или что-то её напоминающее.
— Козлы! — вырвалось у Берега.
— Ты о чём?
— А то не понимаешь?
— Ну, да… Тогда не козлы, а морепродукты… Как там в подлиннике? Хеку — хеково, а кесарю?..
— …кесарево, — спокойно закончил Берег.
— Во-во. А посему, развивая мысль дальше, добавлю: утке — уткино… Со всеми вытекающими отсюда последствиями.
Берег притушил сигарету, внимательно разглядывая завитки дыма, растворяющиеся в воздухе. Со стороны могло показаться, что главное сейчас для него — исчезающие завитки.
— С меня хватит! Не могу дышать гадостью.
— Чувственность — не порок.
— Не смешно, Боря!
Берег поставил бутылку на тумбу и решительно пошёл к окну. Он раздвинул занавески, щёлкнул старым шпингалетом и с усилием открыл раму. В комнату ворвался гул города. Стекло завибрировало, отбрасывая куски света на стену, и в какой-то момент на поверхности стекла отразился Розовый, вернее, его руки, безвольно свисающие на пол. Берег вздрогнул и резко повернулся назад.
— Ёлы-палы! — вскрикнул он, увидев стеклянные глаза Розового.
По спине пробежал неприятный холодок. Берег от неожиданности ударился лопаткой в угол рамы, но боли не почувствовал. Сердце бешено колотилось. На полу валялись маленькие таблетки и пустая пачка сигарет. Как нелепо свисала рука Розового! «Неужели? Неужели?.. Вот и сходили за «не хлебом единым!..» «Где твои семнадцать лёт? На Большом каретном!..» Блин, о чём это я?.. Ёлы-палы!» Он почему-то потрогал себя за шею, будто поправляя галстук. Затем посмотрел на Розового и беспомощно втянул воздух. Простонал, тупо глядя на Бориса, словно ждал от него пояснений.
— Суицид! — глухо выдавил из себя Борис, рассматривая жёлто-синее лицо Витьки Розова. Он склонился над ним, потрогал сонную артерию, больше автоматически, чем чтобы удостовериться в очевидном, и твёрдо произнёс:
— Вызывай ментов.
— Что-о?!
Борис зло, как затравленный волк, глянул на него, но, видя растерянный и слишком подавленный вид Берега, повторил ещё раз:
— Ментов — говорю, — вызывай!
— А-а… — протянул Берег и оттолкнулся рукой от подоконника.
Он шагнул вглубь комнаты, достал из пакета бутылку портвейна и принялся нервно откупоривать. Пробка никак не поддавалась, тогда Берег рванул её зубами и, проливая на скатерть вино, выплюнул ошмётки пластмассы в угол. Борис провёл ладонью по глазам Розового, прикрывая ему веки, обернулся и увидел Берега со стаканом портвейна.
— Ты чего делаешь? — холодным, как из склепа, голосом спросил он.
— Что?.. Я?.. Сейчас ментов вызовем, — словно очнулся Берег и отодвинул стакан. — Мы их быстро вызовем… этих ментов. «Где твои семнадцать лёт? На Большом Каретном!..» Сейчас, сейчас… Потерпи Розовый, потерпи…
Внимание Бориса приковал лист бумаги, покоящийся на пустом стуле, аккуратно сложенный и придавленный монеткой. Он развернул его. Крупным и рваным почерком, прыгающими строчками, срывающимися концами вверх, было написано:
«Никого не виню. Ложил я на всех. Рок-н-ролл мёртв. Так нам и надо. А Люську я любил. Она выше вас и добрее. Никого не имею в виду лично. Таблетки классные. Мне пора, чуваки!
Витя Розов».
— Что там?
Борис молча протянул Берегу записку.

Глава 9

— Привет, гений!
Данил улыбнулся. И скорее, даже не улыбнулся, а скривил губы, пытаясь улыбнуться. Вышло глупо и неуместно. Однако Данил умел исправлять ситуацию. Он простодушно пожал плечами, — мол, такой вот я не совсем складный, — так же простодушно посмотрел в глаза всесильному Олегу Весёлкину и протянул ему руку со словами:
— Добрый день.
Хек открыл дверь подержанной белой «Тойоты», впихнул туда Данила, сам же плюхнулся на место водителя.
— Едем, — бросил он через плечо и повернул ключ в замке зажигания.
Справа от Хека на переднем кресле расположился Весёлкин, на заднем ряду — Аверин и Данил. Утренний ветерок прошёлся по салону, смешиваясь с мерным урчанием двигателя. Данил немного поёжился — какое-то новое чувство гордости или собственной значимости накатило на него. Жентос Аверин и тот отодвинулся на второй план, о раздолбае-Хеке и вопроса не возникало, ибо Олег Весёлкин, как выразились бы «пушкиноведы» об Александре Сергеевиче — это «наше всё». Ведь Олег Весёлкин — мэтр, гуру, душеприказчик этого города и человек, делающий из ничего «что-то», и это «что-то» впоследствии должно начинаться только с заглавной, приподнятой, как его имя, буквы: О!
Аверин расслабленно перебирал чётки в одной руке, другой — поглаживал волосы. На указа-

тельном пальце Данил увидел небольшой перстень. Жентос закинул ногу на ногу и отвернулся, словно ему в голову залетела идея новой песни или музыки. Данил несколько расслабился, откидываясь спиной на мягкий велюр сидения.

— Сейчас едем ко мне. В студию-центр, — не поворачивая головы, прервал молчание Весёлкин. — Там я покажу аппаратуру, какая тебе и не снилась. Всё чистокровное. Познакомишься с музыкантами, выпьем по чашечке кофе, ну и, естественно, обсудим все детали.

Данил только кивнул. Хек включил магнитолу, пытаясь поймать радиостанцию, и наткнулся на блок новостей. Он принялся настраивать дальше, но Весёлкин остановил его:

— Ну-ка, оставь. Дай послушать, чем живёт наша провинция.

Хек добавил громкости.

— А теперь — криминальные новости, — играл модуляциями приятный женский голос.

Весёлкин поморщился.

— Вчера, — продолжил всё тот же голос, — в седьмом общежитии медицинского института на улице Большевиков покончил с собой один из студентов второго курса. По предварительной версии и словам очевидцев…

— Выключай, — зевнул Весёлкин.

Данил чуть напрягся и хрустнул костяшками пальцев. Очки поползли на кончик носа. Он вернул их обратно и поёжился. Ему интересно было знать, кто этот студент, поскольку более половины обитателей общаги ему известны. Аверин заметил беспокойство Данила и незаметно, словно боясь, что Жентоса уличат в чём-то неприличном, на него посмотрел. Тот сосредоточенно изучал спинку переднего сиденья «Тойоты». Аверин легонько хлопнул его по плечу и отрешённо, точно убеждая себя, срезонировал:

— Не напрягайся, братишка! Короче, все там будем! От передозы пацан кинулся или…

Вышло глупо. Аверин нахмурился и отвернулся от Данила.

— Или — твой клиент, — хмыкнул Весёлкин.

— С чего ты взял вдруг? — не меняя позы, спросил Аверин.

— А с того и взял… Туманишь народ своей философией, ту-ма-нишь! Проще надо быть.

— Я ведь, Лега, и обидеться могу!

Аверин перекинул чётки в другую руку и поправил волосы, сбитые ветром на лоб.

— Успокойся, Жентос! Уж и сказать тебе поперёк нельзя.

— Да ладно… Я не переживаю.

Весёлкин удовлетворённо покачал головой.

— Хек, — вдруг воодушевился он. — Ну-ка поставь вот это… — и достал из кармана пиджака кассету.

— А что там? — сощурился Аверин. — Новый студенческий опус? Или твой шедевр?

Весёлкин пропустил язвительный тон Аверина, повертел кассету на солнце, легонько дунул на неё, будто увидел пыль, и подчёркнуто равнодушно пояснил:

— Короче, новый альбом Славяна Бутусова. Вчера добрые люди из Свердловска притащили. Из первых рук, получается. С пылу-жару.

— А чего ж молчал? — не удержался и присвистнул Аверин.

Весёлкин поднял палец и загадочным голосом произнёс:

— Всему своё время, господа!.. Хек, отмотай на шестую!.. Вникайте, мальчики!

Хек добавил громкости. Машину тут же наполнили плотные басы и заводной ритм.

— Ништяк! — оценил Хек и сплюнул в открытое окно.

Знакомый голос запел:

Буги-вуги такой жестокий танец.
Буги-вуги такой нерусский танец…
Буги шепчет в уши, буги лезет в душу мне.

Буги-вуги — это образ жизни.
Буги-вуги — это образ мыслей…
Буги слепит глаза, но не видно ни зги.

И с какой же стати я должен всё это терпеть?
Я хочу жить, как все, и хочу, как все, умереть.
Но дэнс… Буги-вуги дэнс… Ещё…

Глава 10

…смазанные лица. Глянец бумаги весь в трещинках и сколах. Чёрный конверт валяется рядом. Несколько мятых листов двенадцатикопеечной тетради, негативы, открытки. Фотографии разбросаны. В комнате бардак. И много фотографий…

Миха отложил пачку на диван и подумал: «Матовая бумага лучше. Она ближе к действительности. И вообще блеск портит то, что не должно блестеть». Часы показывали двадцать два нольноль. Нагретый за день воздух плавными волнами переливался через подоконник. Если бы не смородина под окном да заросли крыжовника, было бы совсем душно. Стопка учебников задвинута под стол. Экзамены позади. Второй курс с горем пополам прожит, а летняя практика не лезет в голову. Она постоянно на втором плане, хоть тресни. Вопросов много, ответов — ни одного. И сколь не терзай себя, знак равенства не поставишь. Книги не помогают, только смеются. Да и читать лень. Лучше смотреть на мёртвые их корешки в старом шкафу, чем перелистывать страницы. Недосказанность хуже вопроса. Миха достал наугад со столешницы пластинку. На конверте — надпись «Кони привередливые» и профиль Высоцкого, ворот рубахи по-домашнему расстёгнут. Володя — фотогеничен и нелеп. Тринадцать песен на пластинке, пять-шесть аккордов знакомы каждому пацану. «Высоцкий. Высота. Выстрел, — сказал Миха, словно обращаясь к нему. — Ни человек, ни памятник… А поёшь хорошо!». В соседней комнате звякнула оконная створка, и лёгкий ветерок пробежался по дому. Миха вспомнил вагон электрички, полупустой, с ободранной обшивкой и деревянными скамейками. Туристы сидели у входа на рюкзаках и спальных мешках. Кто-то играл на гитаре, кто-то спал, но большая часть внимательно слушала. Загорелые шеи, обожжённые костром улыбки, щетина во всё лицо — единое, чумазое и весёлое. Вагон поскрипывал на поворотах, перекатывая под сидениями закопчённые вёдра. Тим курил в тамбуре, а Миха смотрел в окно. Он краем

уха слушал их песни, которые вовсе не трогали его, а были неким приложением к железнодорожной теме, фоном, что ли. Миха смотрел на пролетающие дома, покосившиеся заборы, мокрые от дождя копны сена… И было спокойно и радостно. Ему казалось, что он мчался куда-то далеко, хотя электричка шла в город, и оставалось минут двадцать до скупой фразы: «Конечная станция». И тихая радость вперемешку с тоской наполняла его, отгораживала от туристов и Тима. Порою дрожь пробегала по телу, словно кто-то тихонько шептал ему: «Всё нормально, старик». И так же легко гулял ветерок по вагону, как сейчас, в соседней комнате, где звякнула оконная створка…

«В тамбуре накурено и в тоже время как-то светло…» — мелькнуло в голове. Миха высунулся в окно. Мать поливала грядки с клубникой. Одна бочка уже опустела. «Надо бы воды наносить». Миха нахмурился и присел к столу. Он ещё раз осмотрелся вокруг — никаких зацепок или светлых мыслей в голову не приходило. «Так и начнём: никаких светлых мыслей! А утром, как обычно, забежал Тим…» — подумал он и смахнул локтем хлам со стола. Затем вынул из ящика серый блокнот, бережно раскрыл и пробежался глазами по старым записям. Отыскав чистый лист, с красной строки начал:

«Утром, как обычно, забежал Тим Он был в несколько приподнятом настроении и долго втирал мне про судьбу…»

Миха постучал шариковой ручкой по столу и недовольно выругался:

— При чём тут судьба?.. Надо проще писать, — зачеркнул он слово «судьба», подумал и снова вывел его. — Пусть останется так. — И, покусывая кончик ручки, продолжил:

«А что мы знаем о судьбе? Ничего толкового. Всё, что я читал или слышал, близко не стоит с этими шестью буквами. Тим говорит, что рок-н-ролл изначально пропитан мистикой, внутренним разладом. Цепочка смертей — та же спортивная эстафета. Кому передашь палочку, тот и бежит. Красиво выходит! А кто управляет эстафетой? Зритель, ясное дело, найдётся. Тренер — не проблема. За аренду стадиона заплатят. А кто отмерит тебе дистанцию? Твою дистанцию? Кто?.. Вопрос из вопросов. Неужели мы такие безродные и глупые? Тут судьба ни причём! Я думаю так: взявший гитару в руки — плохо кончит, ибо музыка — самолюбивая баба. Она требует тебя всего. На первых порах её можно обвести вокруг пальца. Она позволит, она даст покрасоваться собственной глупостью. Ты будешь верить в свою силу и неповторимость, и чем дальше зайдут отношения, тем изысканней окажется плата за любовь. Тщеславие подобно красивому и прочному ошейнику. Мало кто переживёт собственное раздвоение… Что думают по этому поводу Тим и Берег, можно только догадываться. У каждого своя истина. Жаль, что никто никогда не ответит на вопрос: что такое рок-н-ролл? Выгоднее пользоваться словечками «судьба», «мистика», «трагедия». Кто ощутит лезвие под ногами, тот не порежется. А Розовый порезался… Чёрт! Философ из меня хреновый. Надо помочь матери. Бочки уже пустые».

Миха захлопнул блокнот и кинул его в верхний ящик стола. Настроение упало. Вечерняя духота понемногу отпускала. Солнце покатилось за край многоэтажек, и на небе проявилась луна, в крохотных прожилках и яминах. Миха вышел на крыльцо. Старая яблоня одиноко прижалась к навесу крыльца, тихонько постукивая по старым деревяшкам недозревшими яблоками. Миха рассеяно огляделся, пытаясь увидеть коромысло — тугое, отполированное ладонями, литые крючки которого поблёскивали даже в пасмурный день. Он спрыгнул на землю и прошёлся по двору. С крыши дровяника саданул в траву кот Пуховик. Миха ещё раз окинул взглядом двор и увидел над крыльцом серый, в зелёных разводах шифер двускатной крыши дома. На коньке, как высушенная языческая богиня, торчала телевизионная антенна. Миха заворожено уставился на неё. Его вдруг захлестнуло какое-то сладостное чувство. Он вспомнил звёздное небо, даже ощутил запах весеннего вечера и понял, чего ему не хватало сейчас; что именно он хотел написать о рок-н-ролле. Миха забежал в дом, достал свой блокнот и чётким торжественным почерком начал:

«Только в феврале небо бывает таким — бесконечно чёрным и чистым, в ярких звёздах, до боли далёких и в тоже время близких. Только в феврале дышится особенно хорошо, всеми лёгкими, прожигает грудь влажным воздухом до самого сердца, и чернота открывшегося неба вдруг переиначивает законы гравитации — пьянеющее тело как бы отрывается от земли, и кажется, что всё задуманное тобой непременно случится, всё будет разгаданным и, может быть, даже завершённым…»

Словарь бывалого тусовщика, или как оказаться в теме

Автостоп бесплатный способ перемещения в пространстве и времени на попутном транспорте, независимо от того, как этот транспорт выглядит и движется… Самое главное — ехать. Куда — неважно.

Аск, аскать (от англ. — ask) попрашайничать, клянчить деньги у цивилов (см. ниже). «Аскают» обычно в пределах 50 копеек, но, вообще — сие зависит о степени нахальства индивида. Удобнее всего этим заниматься на вокзалах, рынках, в переходах, переговорных пунктах и т.д.

Буги-вуги джазовый стиль, который оказался весьма доступным для широкой слушательской аудитории. Прежде всего — фортепианный стиль, но инструментальные пьесы в этом стиле иногда успешно исполнялись и оркестрами. Эта музыка появилась ещё до того, как ей было дано такое необычное название. А танец «буги-вуги» представляет собой разновидность свинга или танца, имитирующего рок-н-рольные телодвижения населения 50-х годов прошлого века… Короче, без бутылки не разобраться, да и ни к чему.

Бабло деньги. Чем больше их, тем приятнее.

Висеть (зависать) «находиться где-либо» (со всеми возможными вариантами и последствиями).

Бакинский рубль доллар, баксы, зелень. В общем, валюта с американскими корнями.
Геморрой неприятность. Впрочем, это — лучше, чем попасть впросак.
Гонять лысого заниматься онанизмом, мастурбировать, дрочить.
Гопники, гопота «непродвинутая» часть молодёжи, порою бритая, в наколках и спортивноштанная, злобно относящаяся к любым проявлением «непохожести». Лютые враги «неформалов». Кстати, могут запросто избить и отобрать деньги, в том числе Бакинские рубли.
Готы близкая панкам субкультура, возникшая в начале 1980-х годов. Готы, как правило, отличаются пессимистичным мировоззрением и не интересуются социально-критическими темами. Они предпочитают минорный рок, чёрный цвет и мрачную (зачастую вампирскую) эстетику.
Джа (Jah) одно из имён ветхозаветного Господа Бога (Иегова, Яхве). В английском переводе Библии, известном как «Библия Джеймса I», сказано: «Пойте Богу нашему, пойте имени Его, превозносите Шествующего на небесах; имя Ему: Джа, и радуйтесь пред лицем Его». (Псалтырь, глава 67, стих 5). Короче, зачем суетиться в слезах и тоске? Jah Даст Нам Всё!
Дринч (бухло и т. д.) спиртное. Пример: дринчить, значит пить спиртное.
Дуплиться пристально разглядывать кого-либо или что-либо, обычно с тупым выражением лица.
Зажигать проводить свободное время с разрушительными последствиями для собственного организма. А кто из нас не пробовал? В принципе, ничего!
Завёрнутый фанатик чего-либо.
Калдырь алкоголик.
Кинуться умереть.
Комок (чипок) коммерческий киоск, палатка.
Крезануться сойти с ума
Маздай (от англ. must die — должен умереть) выражение отрицательного отношения к чему-либо. Пример: менты, гопы — маздай!
Ментовка (обезьянник, упаковка…) отделение милиции или патрульная машина. Попасть в ментовку — малоприятно, однако не трагично. Выбраться из неё можно…
Мегаскам стильная, подоночья одежда. А подонки (в рамках темы) — весьма неплохие люди; как правило, низы общества, или же стоящие в оппозиции к нему.
Ништяк выражение одобрения. Например: «Ништяк бухло» (о водке).
Пипл (народы) типичное обращение, принятое у представителей того самого «прогрессивного человечества», которое так не любят и бьют на каждом углу гопники.
Поставить на лыжи заняться сексом.
Попса попса она и в Африке попса. Попсово — не есть хорошо.
Продумок молодой человек, который не только что-то делает, но ещё и предварительно думает. Например — Антон Борисов, веб-дизайнер сайта «Дикороссы».
Проходка пригласительный билет.
Прогрессивное человечество люди, врубающиеся в тему: хиппи, панки, барды, поэты, художники, спасатели, вольные путешественники, туристы, музыканты и т.п.
Рингушник записная книжка с адресами и телефонами друзей, подруг, да и просто хороших людей из разных городов.
Рулес хорошо, замечательно, великолепно.
Сэйшенить (стритовать) играть на музыкальных инструментах, не всегда умея делать это. Цель одна — заработать немного бабла на улицах и в подземных переходах.
Сэйшн (от англ. — session) рок-концерт в любом помещении, в плоть до квартиры или кухни; реже — мероприятие, сборище.
Стебать поставить в неловкое положение, в смысле морально.
Сиги сигареты, папиросы.
Стопудово всенепременно, обязательно.
Стрелка место встречи. Не путать с бандитской разборкой.
Торцевать (торцеваться) бить кого-либо, драться с кем-то. Пример: «Торцевать! Жопу в клочья!»
Траблы неприятности.
Фенечка украшение из бисера, кожи, дерева и т.п. Носится на запястье, щиколотке, шее… Иногда служит отличием «своего» от «чужого».
Фрилавщик (от англ. — free love) приверженец свободной любви.
Хайр (хаер, хайры, хайра, от англ. hair) волосяной покров головы человека, не обязательно (но чаще всего) длинный.
Цивил (цы́вил) обычный человек, далёкий от всяческих «неформальных течений». Часть населения, которую хиппи частенько стебают, но, тем не менее, живут… за её счёт. Отнюдь не потерянные для тусовки люди. Как говорится: «Блаженны цивилы — ибо быть им со временем среди нас».
Чойс (бич-пакет) быстрорастворимая китайская лапша, вредная для здоровья.
Шлак (ботва) выражение неодобрения.
Шмудовина (из митьковского слэнга) нечто заграничного производства.
Шузы обувь. Кстати, шузы вполне могут являться шмудовиной.

г. Пермь

Светлана и Николай Пономарёвы

Фото на развалинах

В серой дымке октябрьской мороси наш город выглядит просто отвратительно. Местами он тяжеловато-грязный, вросший окнами в землю, местами казённо-серый, по-военному выстроившийся в ряд панельными пятиэтажками, ещё часть города дымит заводскими трубами. То там, то тут по залитым утренним дождём дорогам тяжело проползают серо-жёлтые автобусы. Даже новые дома, из красно-белого кирпича, город не украшают. В октябре их незаметно среди мрачных зданий. Город вообще недостоин того, чтобы его рисовали красками. Если рисовать — то углём на сероватом ватмане, если снимать, то ставить фотоаппарат на «чёрно-белый». Я — не рисую город, я фотографирую его. Сейчас — с верхнего этажа давно заброшенной тэц. Пройти сюда просто так нельзя, но у меня есть особый дар — проникать во всякие развалины, подвалы, дома под снос. Иногда мне кажется, что недоступных мест для меня не существует. Я бывал и на охраняемых сторожами территориях, и в таких завалах, куда, на первый взгляд, кроме кошки никто не протиснется. Эта тэц по сравнению с другими местами была относительно легкодоступна. Мне и пришлось всего-то подлезть под бетонную плиту забора, земляную насыпь у которой размыло многолетними дождями и таянием снега, пробежать, прыгая через лужи и кучи мусора по территории, да отодвинуть ржавую входную дверь. Если сторож тут и был, то плохо исполнял свои обязанности — меня во всяком случае никто и не подумал остановить…

Безусловно, пробираясь в такие места, я рисковал. Меня могло придавить, я мог упасть, расшибиться, попасться наркоманам, маньяку, сторожу, милиции. В общем — много что теоретически могло со мной произойти. Я знал это, но ни за что бы не отказался от своего увлечения. Это было как наркотик… Найти в городе то, что раньше что-то значило, а теперь не значит ничего. Найти и сфотографировать.

В прошлом году я занимался в фотокружке. Там нас учили делать снимки допотопным фотоаппаратом, проявлять, печатать плёнки. Сначала это было интересно, а потом надоело — зачем так мучиться, когда можно купить хороший цифровик и щёлкать что угодно и сколько угодно. Неудачные снимки я удаляю, остальные скидываю на компьютер. Самые удачные отдаю в распечатку и развешиваю у себя в комнате. Для этого я выделил целую стену. Целая стена ржавых железок, труб, крыш, поросших мхом, разбитых ступенек, покосившихся калиток, пустых оконных проёмов… Мать приходит в ужас, когда это видит. Ей, конечно, больше хочется, чтобы я снимал цветочки и белочек в зоопарке. Впрочем, она редко заходит в мою комнату…

Поднявшись по нескольким железным лестницам на самый верх тэц, и отсняв её внутренности, я высунулся в проём давно разбитого окна. Тут уже и рамы не было, и не было досок, которым окно заколачивали много лет назад — жители частных домов всё утащили на растопку. Поэтому можно было облокотиться на тёмный от времени кирпич и смотреть на город через объектив.

Я навёл объектив на автобусную остановку прямо под оградой тэц. На остановке ёжились несколько человек под чёрными зонтиками. Как будто специально они были одеты в серое, черноё, коричневое. И как будто специально крыша остановочной будки была ржавая и провисшая внутрь. Я щёлкнул эту картинку. Люди были под стать пейзажу, под стать городу: такие же безликие, словно их нарисовали под копирку. Наверняка и внутренне они одинаково серые и пустые. Не надо даже особо напрягаться, чтобы представить их жизнь — утром они заталкивают себя в грязные автобусы и едут на работу, вечером — едут домой. В промежутке между автобусами сидят в какой-нибудь конторе и зарабатывают пропуск в вечность. Хотя туда, конечно, не попадут — зачем вечности серость? Вечером эти бесцветные люди смотрят тупые сериалы, а ночью делают таких же тупых детей. Дети вырастают, надевают тёмные куртки, берут зонтики и с трудом заталкивают себя в те же автобусы, в каких ездили их родители…

К мусорному бачку на остановке подошла облезлая дворняга. Она подёргивала носом, вынюхивая съестное. Но в этом бачке ничего подходящего не оказалось. Дворняга потыкалась в бачок и разочарованно села на землю. Я щёлкнул дворнягу.

Осталось пройтись по территории и снять само здание с разных сторон. Но я не торопился. Мне было хорошо. Я сел в проёме, упёршись ногами, и смотрел вверх. Внизу — порядочная высота, вверху — пепельно-серое небо, вокруг — мёртвый камень. Если бы меня сейчас увидел кто-нибудь из знакомых, то глазам бы своим не поверил. Сказать честно, так меня бы и не узнали. Собираясь на вылазки, я надевал самое старое, что у меня было, и обязательно — тёмные очки. И снимал эти очки, только оказавшись далеко от своего района. Сейчас я выглядел как беспризорник или наркоман, словом, совсем не так, как обычно выгляжу. И это мне тоже нравилось — побыть не собой. Это давало некую свободу. Хотя и очень ненадолго.

Вдоволь насидевшись в окне и надышавшись промозглым воздухом, я, наконец, решился идти

домой. Но напоследок обошёл, как и планировал, постройку вокруг и добыл ещё немало кадров в стиле футуристической готики.

По дороге мне повезло ещё раз — из окна автобуса, остановившегося перед светофором, я увидел сломанный фонарь. Фонарный столб выглядел так, словно его силой согнули почти пополам. Я достал фотик и щёлкнул это прямо через закапанное окно. Посмотрим, что получится.

По моим подсчётам, домой уже можно было. Сегодня отец улетал в очередную командировку. И сейчас он как раз едет в аэропорт. Значит, никто не прикопается к тому, что я грязный, мокрый и вообще непонятно где шарился полдня. Не то, чтобы я вообще не хотел видеть отца, но уж очень фальшивой получалась его забота обо мне в последние годы. Большую часть времени он меня не замечал, зато, вдруг неожиданно вспомнив, что я у него есть, начинал задавать сотни глупых вопросов и требовать, чтобы я поделился с ним всем, что я думаю и чем живу. Пытался за несколько минут стать моим лучшим другом. Раньше, когда я был младше и наивней, я принимал эти его приступы родительства за чистую монету и радостно бросался общаться. Но он меня не дослушивал. Не успевал, не хотел… Или и то и другое вместе. Так мы и пришли к полной взаимности: он спрашивает как дела, я говорю, что хорошо. Ещё он выдаёт карманные деньги и периодически интересуется оценками. Всё. Лишние разговоры в эту схему никак не вписываются. Поэтому пусть их вовсе не будет…

Однако я просчитался. Дома было шумно, свет во всех комнатах включён, и два человека носились по квартире так, что создавалось впечатление, что их тут штук десять. Всё ясно, отец опаздывал. Это происходило с ним чрезвычайно редко, и только из-за чего-то непредвиденного. Непредвиденное отец очень не любил, поэтому стоило такому случиться, начинал паниковать, психовать, терять паспорт и билеты, и от этого опаздывал ещё больше, чем мог бы, если бы сохранял спокойствие.

Я разулся и попытался незаметно просочиться в свою комнату, но не тут то было. Мать заметила меня и картинно всплеснула руками:

— Лесь, где ты ходишь по дождю? Почему ты такой грязный? Ты упал? Тебя побили? Что случилось?

— В футбол играл на грязном поле, — быстро сочинил я.

Отец, уже с сумкой в руках, скривился:

— Футболист. Завтра же свалишься с ангиной. Тебе в любую грязь, лишь бы не дома, да?

В принципе он был не так уж и не прав, но выяснять это я не собирался.

— Пойду переоденусь.

Мать с отцом тут же забыли обо мне. В последний раз проверив, всё ли на месте, отец вылетел из квартиры. Дверь за ним захлопнулась.

Я подошёл к окну и выглянул во двор. Увидел машину из отцовской фирмы, но ждать, пока она отъедет, не стал, полез в шкаф за сухими носками. Потом включил компьютер и стал скидывать с фотика кадры, отснятые сегодня.

В квартире было теперь тихо-тихо, как будто я тут был один. Мать не заходила ко мне, она знала наверняка, что я сижу за компьютером, так же как и я знал наверняка, что вот сейчас она в спальне достанет из какого-нибудь укромного местечка бутылку ликёра, и будет пить его одна, прямо из горлышка. Пить с облегчением, что муж уехал. Потом, когда ликёр кончится, она будет смотреть телевизор и заснёт, не выключив его. А может быть, выпьет лишь немного, после чего соберётся и поедет к какой-нибудь из своих подруг, а оттуда, уже с подругой — в ночной клуб. Моей матери, актрисе и пианистке, разумеется, противно всё то, что показывают в ночных клубах, но она приезжает туда уже в таком состоянии, что покажи ей хоть корриду с разбрызгиванием крови тореадора по рядам зрителей, она не обратит на это никакого внимания. Пьяной, ей нравятся такие вещи, от которых трезвая она бы пришла в ужас…

А отец сейчас сядет в самолёт и полетит, радуясь, что целую неделю он не увидит нас, и сможет развлекаться, не объясняя, почему он не пришёл домой ночевать.

Вот такая вот у нас семейная идиллия…

Многие люди хоть раз да побывали новенькими в классе. Мне удалось попасть в более забавную ситуацию — новеньким был весь класс. То есть, конечно, многие были знакомы и раньше, но тем не менее… Нашу школу открыли только в этом году, выстроив новое школьное здание на пустыре между старым панельным районом и микрорайоном новостроек. Часть учеников живут в новостройках, часть перешли в нашу школу из старой, находившейся в центре панельного района. На здании висит табличка «школа №97 с углублённым изучением отдельных предметов». Каких — для читающего табличку остаётся загадкой. Хотя десятые классы сделали профильными — физико-математический, химико-биологический и наш, гуманитарный.

Из моего окна школу видно лишь частично — она выглядывает из-за второго корпуса нашего дома. Зато этот второй корпус видно хорошо. Во втором корпусе живёт моя одноклассница Наташа Титова. От нас можно увидеть окно Наташиной комнаты. Можно увидеть открыта или закрыта у неё форточка, задёрнуты или нет занавески, горит или не горит свет…

Наташа — вторая тема моих фотографий. С начала учебного года я фотографирую её и тайно и открыто на улице и в школе, и держу отпечатанные фотки в ящике стола… Фотки Наташи, в отличие от пейзажных, всегда цветные. И на всех она улыбается. Конечно, не мне, а просто так, но всё равно приятно. Глаза у неё красивые — большие, золотисто-карие. И черты лица правильные. И волосы густые, волнистые, падают на плечи не хуже чем у любой модели из рекламного ролика. А самое главное, она ещё и умная. Это, между прочим, редко — чтобы девчонка и выглядит хорошо и не дура. Мне такие раньше не попадались…

Беда только в том, что Наташа не обращает на меня никакого внимания… Ни первого сентября, ни сейчас, в октябре, я для неё ничем от других одноклассников не отличался и не отличаюсь…

В это дождливое утро я еле продрал глаза — поспать удалось только пару часов. Конечно, сам виноват, заигрался в компьютерную игру и лёг очень поздно. Настроение при пробуждении у меня, естественно, было — хуже не придумаешь. К тому же в горле першило, и голова побаливала. Хотелось послать школу ко всем чертям и забраться обратно под одеяло. За прогул мне дома всё равно не попадёт, мать с похмелья не склонна заботиться о моём посещении школы. Но как раз то, что мать вчера напилась, было плохо. Проснувшись после такого вечера, она обычно начинала изводиться от чувства вины, лезть ко мне с разговорами и поцелуями, а мне это глубоко противно. Поэтому, как ни крути, надо пойти в школу, а потом гулять. И не появляться дома чем дольше, тем лучше.

Я умылся ледяной водой, налил себе кофе настолько крепкий, что от горечи сводило челюсти, а от головы проглотил таблетку цитрамона, и только после этого почувствовал, что хоть немного соображаю…

Выскочив из подъезда и, ощущая, что опаздываю, я развил такую скорость, что чуть не влетел с разбега в Титову, идущую по дорожке от своего дома. Она, несмотря на дождь, шла не торопясь, держа над собой разноцветный зонт. У меня зонта не было, капли стекали с кепки за шиворот.

— Привет, — сказала она.

Это ничего не значило, она со всеми всегда здоровается. Я кивнул и пошёл впереди.

Давно заметил, что влюблённые мало того, что выглядят дурацки, они ещё очень незащищены. Объект любви, зная, что его любят, может вести себя весьма гадко, причиняя влюблённому страдания. А может и вовсе послать. Поэтому с того дня, когда я понял, что неразумно влюбился в Титову, я постоянно напоминал себе, что в любом случае никто о моих чувствах знать не должен. То, что я смотрю на неё в школе — так сижу прямо за ней, куда мне ещё смотреть? А то, что щёлкаю фотиком, так я всегда с ним хожу, щёлкаю всё подряд, к этому класс уже тоже привык. А вот признаться ей или ещё кому-то проболтаться о том, что думаю о Наташе — этому не бывать никогда. С самоконтролем у меня всё в порядке. И жить разумом, а не эмоциями я умею!

У расписания мы оказались одновременно — только я уже переобувшись, а Наташа — только с улицы.

— Смотри-ка, — сказала она мне, — история будет, надо же!

Историчка, которая вела в нашем классе, тяжело заболела ещё в начале сентября и теперь историю у нас вела то историчка из маткласса, то студенты-практиканты. А чаще всего уроки просто заменяли другим предметом.

Просыпаться и тащиться на первый урок ради того, чтобы слушать какую-нибудь студентку, которая волнуется, заикается, и чаще всего в истории понимает гораздо меньше меня самого, было глупо. И, с окончательно испорченным настроением, я забрался за свою последнюю парту…

Вместо знакомой исторички или практикантки в класс вошёл высокий худой дядька в белом свитере и в очках. Он положил на учительский стол стопку книг, классный журнал и радостно сказал:

— Здравствуйте, садитесь. Я ваш новый преподаватель истории. Зовут меня Виктор Валентинович Карбони.

И, видимо для большей убедительности, он написал своё имя мелом на доске.

— Итальянец что ли? — спросил я негромко, и не ожидая ответа.

Однако уши у нового преподавателя были что надо. Он повернулся и, всё ещё улыбаясь, пояснил:

— Дед был итальянским коммунистом, а я внук — уже русский.

Карбони оказался странным типом. Выглядел он слишком счастливым для учителя. Кроме того, он не стал вести урок по какой-нибудь определённой теме. Он стал с нами знакомиться. Попросил каждого написать на бумажке что-нибудь о себе. Что угодно. Это было забавно. Я подумал и написал: «Фёдоров Елисей Александрович. Гений».

Сидящие впереди меня Наташа и Алиска Зеленина, хихикая, гадали, сколько же историку лет и надолго ли он к нам. Я не особо силён в определении возраста, поэтому их версии, что ему от двадцати семи до тридцати двух, поверил. Несомненно, историк будет пользоваться у женской части класса популярностью. Ещё бы, молодой, весёлый, симпатичный. Я на всякий случай посмотрел на его правую руку — кольца не было. Ну вот, ещё и не женатый.

Виктор Валентинович собрал бумажки и стал их читать. То есть автор записки вставал, представлялся, а потом историк задавал по его записке пару-тройку вопросов. Было весело. Почти все девчонки написали, что они любят историю. Ну да, как же!

Когда пришла моя очередь, я встал. Карбони внимательно прочёл мою фразу и спросил:

— А в какой области ты гений, Елисей?

— Во всех, — сказал я.

Глаза у него были голубые. И это тоже показалось мне лишним поводом для девчачьих страстей. Главное, чтобы Наташа в него не влюбилась. Вот это будет засада!

— Универсальный гений, это редкость, — улыбнулся он, — а всё-таки, какой предмет тебе больше всего по душе?

— Никакой, — сказал я. — Я универсальный гений и в этом моя карма.

Класс захохотал.

— Хорошо, садись, — Виктор Валентинович выглядел всё так же благодушно, — а теперь выясним, что для кого значит история…

— Классно ты ему, — заключил Денис, мой сосед по парте.

— Мало я ему, — пробурчал я. И подумал, что историк — дерьмо. Слюнявый добрячок, только и умеющий нравится девочкам. Есть такой тип учителей. Ну уж нет, господин Карбони, моей любимой девушке ты не понравишься. Я поставлю тебя в идиотское положение, вот увидишь!

Весь оставшийся урок задания Виктора Валентиновича я не выполнял, а рисовал в тетрадке комиксы. Сначала — зловещую чёрную машину с жутким злодеем, увешанным топорами. У злодея

были голубые глаза и очки. Потом сцену, в которой злодей прикидывается учителем, а сам зарубает всех моих одноклассников. Кроме Наташи, которую он похищает. И напоследок — сцену спасения дамы, и себя, зарубающего маньяка его же оружием. Рисовал я всегда неплохо, так что получилось как надо — жутко и кроваво… Отрубленная голова Дениса, например, выглядела очень живописно в окружении гроздьев винограда… Или спасённая Наташа, которой я вручал вырезанное сердце маньяка…

На переменке только и разговоров было о новом историке. К тому же он обещал факультатив по философии. Обычно если речь шла о факультативе, девчонки это дело игнорировали, но на эти занятия записались почти все. В том числе и Наташа. Пришлось записываться и мне. Тем более за последние два года я, в основном с помощью Интернета, начитался столько философской мути, что было даже любопытно, в состоянии ли Карбони меня удивить. Интересно только, как Наташа собралась вмонтировать факультатив в своё и без того нагруженное расписание. Кроме школы она ходила на дополнительный английский и на танцы. Мне было проще — все кружки и секции, куда я был записан в прежней школе, я бросил под предлогом переезда, хотя на самом деле мне просто надоело и захотелось пожить для себя, распоряжаться своим временем самостоятельно. Да и смысл было продолжать туда ходить? Знаменитым борцом, пловцом или фотографом я всё равно не стану, зато набить кому-нибудь морду, переплыть нашу речку и качественно сделать снимок уже и так могу. Так зачем убивать время?

— Елисей!

Я обернулся — внук итальянского коммуниста стоял рядом со мной.

— Елисей, я бы хотел с тобой поговорить. Это не долго.

Мы отошли с ним в уголок к окну. Народ на нас удивлённо косился.

— Я хотел сказать о карме, — он улыбнулся, — знаешь, бывает, люди выучат несколько научных слов вроде кармы или либидо и начинают выдавать на каждом шагу. При этом содержание слов не понимают, для них это только штампы. Ты же умный парень. Поэтому я хотел тебя попросить — употребляй подобные слова в научном контексте. Хорошо?

— Что это Вас так задело, — удивился я, — подумаешь «карма», слово как слово.

— Ты слушаешь поп-музыку? — вдруг спросил он.

— Нет.

— А хотел бы её слушать?

— Нет.

— Слова — та же музыка. Можно слушать Грига в исполнении оркестра, а можно слушать, как её напевает сосед, начисто лишённый слуха…

Он ещё раз улыбнулся и ушёл.

Я стоял у окна несколько растерянный. Претензии историка мне были непонятны и неприятны. Кто он вообще такой, чтобы советовать, какими словами мне выражаться, а какими нет???

Я повернулся в сторону толпы девчонок. По их лицам было видно — обсуждают нового педагога. Дуры…

Домой я возвращался вместе с Наташей и Алиской Зелениной. Что тоже ничего не значило — просто нам было по пути. А Алиска шла к Наташе домой. Их дружба меня всегда удивляла — мне казалось, что между красавицей Наташей, серьёзной и рассудительной, и Алиской Зелениной ничего общего быть не может. Алиска была маленького роста, худая и угловатая, одетая в какие-то секонд-хендовские тряпки, и с характером, простым как три копейки.

Сейчас Алиска меня раздражала, она прыгала через лужи как младшеклассница, размахивала сложенным зонтиком, норовя заехать мне в глаз, и постоянно шмыгала своим прыщавым носом.

— Как тебе новый историк? — поинтересовалась Наташа.

— Не понравился, — ответил я. — Очарованный ветхостью болван. Историчка и то была лучше.

— А мне понравился, — влезла Алиска.

— Зеленина, твой выбор — Троцкий, Геббельс и Карбони, — сказал ей я. — Радостные обезьянки мне не нравятся.

— Не надо историка обзывать, — надулась Алиска.

— Ладно, Алиса, не обижайся, — заступилась за подругу Наташа, — просто Елисей — тайный поклонник Геббельса. Это он Виктора Валентиновича похвалил.

— А тебе он понравился? — удивился я.

— Вполне.

Я пожал плечами и замолчал. Кажется, начинало сбывать то, чего я и боялся. Парня у Наташи не было и ничто не мешало ей втрескаться в этого итальянского придурка.

Во дворе я помахал девчонкам рукой и подумал, что идут они к Наташе специально — пить чай и во время этого разводить типично девчачьи охи-вздохи. На этот раз об историке. Сейчас будут разбирать на части каждый его жест и движение и сплетничать…

Матери дома не было. Я заглянул в холодильник — пусто. Достал из шкафчика пакет растворимой картошки, врубил чайник. Подумал, что скоро заработаю себе язву — мать готовила всё реже и реже. Отцу было легче — он обедал и ужинал то в кафе, то у своих любовниц. У меня не было любовниц и не было возможности таскаться по кафе. Такой вот пролёт по всем статьям.

Я заварил пюре кипятком и взял с подоконника книжку. Привычка читать за едой осталась даже после того, как я разочаровался в книгах. Нет, правда, в книгах нет ничего стоящего. Всё что там пишут — выдумки, к тому же выдуманные не эти конкретно автором, а кем-то другим за чёртову кучу лет до рождения этого автора. Писателям только кажется, что они нашли что-то новое. Это не так. Всё — ложь и повторение. Тысячу раз переписанный «Колобок» для трёхлеток, семилеток, взрослых и пенсионеров. Кстати, то же с музыкой.

Вообще всё, что есть в мире — довольно банально и циклично. К примеру, погода. За жизнь человек проживает множество повторений осени,

зимы, весны и лета. С маленькими вариациями для трёхлеток, семилеток, взрослых и пенсионеров. Каждое утро — утро, каждый вечер — вечер. Во время каждого дождя в окно врезаются капли. Тысячи раз, миллионы раз. Они разбиваются, катятся вниз, сливаются с другими такими же каплями. То же — с людьми.

Всё в жизни предусмотрено законами физики, законами психики, ещё какими-то законами, о которых я даже не знаю. Везде — своё расписание. Всё заранее установлено, все втиснуты в рамки, как в гробы. Только у кого-то гроб дубовый, а у кого-то из дсп. То же самое про смерть…

Огромное количество людей. Зачем столько? Что они делают на земле? Выпадают как осадки, растекаются, сливаются и исчезают… Я тоже когда-нибудь исчезну. И, честно говоря, последнее время я стал думать, что рано — лучше, чем поздно. Слишком скучно здесь, на свете…

Кстати, какое там расписание для девочек, влюбившихся в своего учителя? Наверняка, тоже довольно жёсткое. А для мальчиков, которые ревнуют этих девочек? Я зло хохотнул.

Ну уж нет, там где дело касается меня, буду решать я, а не дурацкие схемы! Может, быть я и родился затем, чтобы переломать одну из многовековых традиций и повернуть всё по-своему?

Идея мне понравилась.

Мать вернулась около 11 вечера. Её состояние я всегда отслеживаю по тому, открыла ли она ключом, или позвонила. Если открыла — ещё соображает, позвонила — дело плохо, скорее всего её привезли более трезвые подруги.

В этот раз раздался звонок. Я обречённо выбрался из-за компа. Сыновний долг, выражающийся в том, чтобы помочь матери стащить плащ, сапоги и довести до кровати, меня жутко раздражал. Но и не делать этого я не мог. В силу дури, которую ещё называют воспитанием. И потом, я ведь когда-то любил маму… Если вдуматься, то не так уж и давно.

К моему удивлению мать явилась вполне адекватная. Спиртным от неё, конечно, попахивало, но совсем чуть-чуть. А звонок объяснился тем, что руки у матери были заняты пакетами.

— Лесик, ты голодный? — она улыбалась, — Возьми. Там пицца, поставь в микроволновку. А остальные продукты — в холодильник. А что ты такой грустный?

— Всё нормально, спать уже собирался.

— Так ты идёшь спать? — голос матери стал куда менее радостным. — А я думала, мы чай с тобой попьём, поговорим.

— Мам, пиццу в 11 вечера есть вредно, — сообщил я.

Она рассмеялась:

— Вредно тем, кто толстеет. А нам с тобой полезно!

Да, тут спорить было не с чем. Ни она, ни я упитанностью никогда не отличались. Вообще я очень похож на мать. Лицо — почти точная копия её лица в молодости. Говорят, если сын похож на мать, то быть ему счастливым. Естественно, это враньё. Допустим, мне никакого дополнительного счастья такая похожесть не принесла. Разве только то, что, как и мать, я был объектом повышенного внимания противоположного пола. По крайней мере, в прежней школе. Но по молодости лет никаких выгод из девчачьего внимания не получал, а получал только дурацкие записки, всякий мусор за шиворот и прочее, что обычно сопровождает девчачью влюблённость в средних классах. Вспомнить страшно, короче говоря. Теперь я бы с радостью поменял всех тех девчонок на одну только Наташу. Но, к сожалению, человечество ещё не изобрело обменников, где много внимания ненужных тебе людей можно было бы сдать, получив взамен внимание нужного…

Я сунул пиццу в микроволновку и пошёл в общую комнату, которую предки гордо называли гостиной. Мать смотрелась в зеркало, поправляла волосы, как будто пришла в гости или в ресторан, а не к себе домой. Потом обернулась ко мне.

— Лесик, хочешь, я тебе поиграю?

Отказывать было нельзя. Это был главный материн бзик. Если я отказывался слушать, как она играет, у неё начиналась настоящая истерика. Хотя, честно говоря, играла она очень хорошо, мне нравилось.

Мать села за пианино, я — в кресло рядом.

Когда-то давно она закончила институт культуры, актёрский факультет, потом играла в местном театре, потом — вела театральный кружок в доме творчества. Но ей это не особо нравилось. Она всю жизнь хотела быть знаменитой пианисткой. Неудачный перелом руки сделал это невозможным, из училища по классу фортепиано ей пришлось уйти. Меня отдали в музыкалку уже в пять лет. Но, когда я в четвёртом классе сломал руку (не левую, как мать, а правую, но всё равно это считалось мистическим совпадением), ходить туда дальше я наотрез отказался. Мать очень переживала из-за этого. Теперь ей только и оставалось — играть мне, или просить меня поиграть ей, но, так как я, бросив музыкалку, и дома перестал заниматься, второе потеряло смысл. Я мог сыграть только что-нибудь совсем лёгкое, а это было неинтересно.

Сейчас мать играла что-то, название чего я не помнил, не очень быструю музыку, и не грустную — светлую, приятную. Я смотрел на её руки и думал о Наташе. Вспоминал её взгляд, улыбку, движение, которым она поправляет волосы, движение, которым закидывает сумку на плечо. Потом — шарф, соскальзывающий с её плеча. Я ясно представил Наташу рядом с собой. Как мы стоим с ней рядом на территории тэц. Идёт снег, я показываю ей окно, в котором сидел давно-давно, а она смотрит туда и улыбается. И говорит мне: молодец.

Потом мысли мои перескочили на Виктора Валентиновича. Принесла же его нелёгкая в нашу школу… Наверняка, он был большим неудачником. Иначе бы не пошёл в учителя. Учителями работают либо те, кто выбрал эту профессию давным-давно, когда педагогом быть считалось круто, либо те, кто больше никому нигде не нужен. Очевидно, историк относился к второму сорту…

Микроволновка уже щёлкнула и выключилась, в животе у меня бурчало, а голова побаливала…

— Лесик!

Музыка прекратилась.

— Лесь, ты меня не слушаешь совсем. Мог бы сразу сказать, что тебе не до меня.

— Я слушал, — устало сказал я, — но уже очень поздно, я вчера всё-таки простыл и теперь мне фигово. Давай пить чай и спать. Пойдём.

Мать раздражённо хлопнула крышкой пианино. Но потом взяла себя в руки и снова улыбнулась:

— Тогда расскажи мне что-нибудь, пока будем ужинать.

— Что?

— О школе, о девочках, о том, что читаешь. Неужели тебе нечего рассказать?

— В школу я хожу, — сказал я, — книжки читаю. А девочками не интересуюсь, маленький ещё.

На кухне откусил кусок пиццы побольше, чтобы ясно было видно — говорить я сейчас не могу.

— Сына, почему ты такой злой? — мать закурила, и дым от ментоловой сигареты заполнил пространство между нами, создал ещё одну стену, кроме той, которую я постоянно ощущал и без дыма… Курила мать торопясь, причмокивая и очень некрасиво. Как будто девчонка, которая не успевает с переменки на урок.

Я сосредоточенно жевал.

— Почему вы все злые, почему??? — выпалила мать. — Разве я не заслужила хоть чуточку внимания? Вот ты, Лесь, когда я прихожу вечером, ты хотя бы раз поинтересовался, как мои дела? Ты даже из комнаты не выходишь, если не надо дверь открыть. Тебе противно быть со мной?

Лицо матери стало похожим на античную маску злого героя, сделанную из старой, жёлтой бумаги. Только глаза оживляли её, да одинокая слеза, проползающая по щеке.

— Лесь, скажи, я тебе противна? Я задаю тебе простой вопрос, но ты его игнорируешь. Понимаешь, Лесь, ты единственный для меня родной человек, но даже ты не хочешь со мной говорить! Ты ненавидишь меня, да?

— Пересказать тебе последнюю книжку?

— Почему, почему мне нужно это терпеть??? Почему меня спасли, когда я тонула в детстве? Господи, как мне было бы уже хорошо! Если бы вернуться назад, никого, слышишь, никого из вас не было бы в моей жизни. Я бы родила девочку, она бы научилась играть на пианино, она бы не стыдилась говорить со своей матерью.

— Последнее, что я читал, была муть о великом Граале. Толстенная такая книженция, но ничего особенного, — продолжил я спокойно.

— Почему, почему я не такая как все, — мать яростно, нервными движениями смяла сигарету в пепельнице, так что не выкуренный табак из неё полетел во все стороны. — Неужели я нужна, только для того, чтобы уколоть меня побольнее. За что, за что!!!

После этого она вскочила и бросилась в спальню.

— О том, что можно найти Грааль и будет полное счастье, — закончил я себе под нос.

Дверь спальни громко хлопнула.

Мама не станет искать Грааль. Она снова достанет бутылку. Если разобраться, Грааль ей не нужен. Как не нужен и я. А нужен — повод, чтобы расстроиться и выпить. Я много читал про такие психологические штучки. Иногда я думаю, что вообще непозволительно много для своего возраста прочёл. Как говорится, меньше знаешь — крепче спишь.

С этой мыслью я выключил на кухне свет и отправился в комнату. Перед тем как лечь, глянул на второй корпус. Наташино окно не светилось.

Я хожу в школу только тогда, когда мне это надо самому. Когда уроки интересные, или когда из дома надо смотаться. Словом, когда есть причины идти. И когда эти причины есть, мне ничто не помешает. За ночь мой организм окончательно сдался и к утру я температурил и не мог дышать носом. То есть имел вполне официальный повод остаться дома и полдня валяться в постели. Но, обдумав вчерашнюю ситуацию, я решил, что идти на уроки надо. Чтобы нанести удар по престижу историка. Как это сделать, я ещё не знал, но сделать это было необходимо. Превентивно, так сказать. Опустить его в глазах Наташи как можно ниже и потом уже жить спокойно…

Идти я решил ко второму уроку, потому что первым была физкультура — не ключевой для моего возможного будущего предмет. Вместо тупого бегания за мячом я остался в тишине комнаты и, включив компьютер, рассматривал снимки Наташи. На нескольких она позировала мне, как бы ради прикола. Я пролистал на компьютере эти снимки. Была в них, как это говорят, энергетика. Не вообще энергетика, фиг знает что, а именно активизация для меня. Посмотришь на кадры, где Наташа улыбается, и вот уже болезнь затихла.

Наверное, если бы Наташа стала моей девушкой, я вообще бы ничем не болел. И никогда не расстраивался. Не было бы ни досад, ни обид, ничего… Только радость.

Я попытался представить, как это — постоянно радоваться. Но — не получилось. Что-то жало и мешало в груди. Естественно, сейчас оснований быть счастливым у меня не так уж много. Ну ничего, разберусь с неожиданно нарисовавшимся соперником и всё будет гораздо лучше…

Пришёл я в школу немного более бодрым, чем проснулся. Вторым уроком была литература, которую вела учительница, пышная телом, носатая, чуть картавая, которую вдобавок звали Анна Ивановна. В общем — ожившая гравюра императрицы Анны Иоановны. От смеха можно лопнуть. Учительница что-то вдохновенно вещала, а я размышлял о том как бы подгадить историку. Ну и рисовал, конечно. Сначала — расстрел итальянских патриотов-гарибальдийцев. Главный патриот — Виктор Валентинович уже лежал в луже крови, сражённый пулей реакционера меня. Сходство было весьма отдалённое, но я не успокоился. Дальше я нарисовал пленение итальянских солдат под Сталинградом, хотел было нарисовать Карбони, со слезами на глазах вымаливающего у меня, советского солдата, прощение, но тут на меня обратила внимание Анна Ивановна. Задала мне вопрос и втянула в длинную бессмысленную дискуссию.

Следующим уроком была история, ради которой я вообще пришёл в школу. Пока мы брели

с первого этажа на третий, Наташа трепалась с Алиской о Викторе Валентиновиче. Не то что бы я специально подслушивал, но они так громко об этом говорили, что не услышать было невозможно.

— Вите нравится сиреневый цвет, — сообщала Алиска. — Я в журнальчике читала. Оказывается, мужчины в тридцать лет предпочитают сиреневый и тёмно-зелёный цвета. Потому что… — Алиска задумалась. — Ну в общем им нравится. Там так написано было.

— Давай спросим, — предложила Наташа, поправляя джинсовый пиджачок. Пиджачок был тёмно-бордовый, и нравиться историку, по версии Зелениной, не мог.

— Давайте я спрошу, — предложил я ехидно.

— Фёдоров, — Наташа остановилась и тормознула меня, ухватив за рюкзак. — Только скажи Вите какую-нибудь гадость, и я тебя покалечу.

— Ты что, Титова, влюбилась? — уточнил я.

— Тебя это должно волновать? — сказала Наташа. — Правильно, не должно. Я предупредила!

Я промолчал и Наташа, резко повернувшись, пошла в класс, а вместе с ней и Алиска, бросившая мне через плечо:

— И чего ты на него окрысился?

Да, нужно было действовать… Только как — я всё ещё не знал. К тому же вдруг почувствовал себя довольно мерзко — температура снова начала подниматься. Что ж, это в моём стиле, — чуть промочу ноги, замёрзну, так жди соплей, а то и ангины. Никакого иммунитета. Хилое городское дитя…

Я порылся в рюкзаке, достал носовой платок и затолкал в рукав свитера.

Улыбка на лице Виктора Валентиновича сегодня была ещё шире, чем вчера. Как будто он смертельно по нас соскучился, и наконец-то, вот радость, увидел! Сегодня мне предстояло лицезреть его аж два урока подряд — три часа истории у нашего класса скомпонованы в два дня. Плюс седьмым уроком — философия. Первый час обещанного факультатива. Оставалось надеяться, что я не захлебнусь за это время соплями, и что меня не стошнит от радостного вида Карбони. Второго, пожалуй, избежать будет гораздо сложней…

Историк мелькал у доски в своём белоснежном свитере, улыбался и писал мелом нужные даты. Надо было задать вопрос по теме, неожиданный и сложный, чтобы он не смог ответить. Это я умею. За это меня ненавидели учителя старой школы и уже начинают недолюбливать здесь. Но как назло в голову ничего умного не лезло, а стоял там непрерывно нарастающий болезненный гул.

Я положил локти на парту, а голову — на них, и почти задремал.

— Вопросы у класса есть?

Слово «вопросы» вырвало меня из дрёмы, и я поднял руку. По привычке и потому, что я как раз и собирался его о чём-то спросить. Но о чём???

— Елисей?

Ну да, конечно, я поднял руку один. Всем остальным всё было понятно.

Я встал и увидел, что Наташа, повернувшись ко мне, презрительно сощурила глаза. Она ведь просила не лезть к историку, а я нарушаю её просьбу. Но что спросить-то? Я его речь-то толком не слышал.

— У тебя вопрос? — уточнил Виктор Валентинович, направляясь ко мне по проходу между парт.

— Да, — сказал я, — почему вы ушли с прежнего места работы? Почему вы пошли в школу? Нормальный человек не будет работать за такую зарплату.

Класс затих.

— Елисей, — медленно начал Карбони, — я по образованию историк и мне хотелось получить педагогическую практику. Я не вижу ничего постыдного в работе в школе. Напротив, это дело вполне благое. Предыдущая моя работа была связана с раскопками. Летом я к ней вернусь.

— Вы грабите могилы? — вырвалось у меня. Не специально, правда. Наташа покраснела.

А историк вдруг расхохотался. Да так, что слёзы выступили. И, смеясь, махнул рукой, мол, садись:

— О нравственно-этических аспектах археологии поговорим либо индивидуально, либо на факультативе, если это заинтересует ещё кого-то, кроме тебя.

Я сел, осознавая свой провал. Надо же было сморозить такую глупость. И всё из-за дурацкой головной боли. Хотел подгадить Вите, а получилось — наклал себе же в карман.

Последние пять минут урока тянулись ужасно долго, я едва смог дождаться звонка. Даже спина Наташи, казалось, источает раздражение.

Вместе со звонком я встал и выскочил из класса.

Это была самая противная болезнь в моей жизни. Так сказать, обильно приправленная осознанием своей дурости.

Раньше болеть было даже прикольно — лежишь дома, ничего делать не должен, глотай таблетки, полощи горло и читай книги. Родители опять же тебя жалеют и проявляют внимание. В этот раз всё было не так. Мать обиделась и вообще ко мне не заходила. Наташа обиделась и как будто говорила со всех своих фотографий: Фёдоров, я тебя покалечу за то, что ты Вите сказал! Весь мир от меня отвернулся. Даже читать я не мог — вместо строчек из книги в голове постоянно возникали собственные невесёлые мысли. Выздоравливать и идти в школу не хотелось.

В воскресенье вечером позвонила Зеленина. Соврала, что классная просила узнать, как дела. На самом деле классной было на меня глубоко наплевать, ей чем меньше народу за партами, тем спокойней. Алиска сделала это исключительно для себя, потому что я ей нравлюсь. После стандартного вопроса о самочувствии она поинтересовалась, буду ли я к следующему воскресенью в состоянии прийти к ней на день рождения.

— Не знаю, — честно сказал я. Так как мать меня игнорировала, я занимался самолечением. И довольно безуспешно — температура упорно держалась, и горло болело.

— Жаль. Кого ни позову, никто не может. Только Наташа и Оля Морозова согласились.

Наташа, это интересно — подумал я. Это шанс загладить свою тупость, оправдаться и помириться.

— И ещё мы хотели Виктора Валентиновича пригласить. Только он отказался. В общем, получается — одни девчонки, — Алиска печально вздохнула.

— Ладно, приду. Что тебе подарить-то?

— Прояви смекалку, — захихикала она.

Проявлять что-то мне было лень, я размышлял, чья это идея — пригласить Карбони к Зелениной. Алискина, или всё-таки Наташина. И я сказал:

— У меня книжка есть ненужная. «История пыток называется». Подарить?

— Подари, — сказала Алиска, — буду знать, как тебя пытать. В общем, в воскресенье в четыре. Только Елисей, вы с Наташей не ссорьтесь у меня, ладно? Она на тебя здорово злится с того раза. Считает, что ты класс перед педагогом опозорил.

О да… Все остальные — просто радость школы, один я позор. Кто бы мог подумать…

— Ну если она не полезет меня калечить, то буду корректен.

— Кстати, Виктор Валентинович просил тебе передать, чтобы ты поправлялся. Он на тебя не сердится. Ты же от температуры ерунду говорил.

Захотелось дать Алиске в лоб, но, к её счастью, это было невозможно.

— Ему тоже…не кашлять, — мрачно сказал я, — ладно, Зеленина, я пошёл горло полоскать. Ради тебя, а то к воскресенью не вылечусь.

И положил трубку.

Всё было ещё хуже, чем казалось сначала. Я вёл себя как идиот, а Виктор Валентинович — как великий гуманист. Не обиделся на меня, передал, чтоб выздоравливал. Да лучше бы он психанул. А так, естественно, понравится Наташе ещё больше!

Надо что-то делать, — в который уже раз подумал я.

Потом включил комп и написал «*План*». План по оттеснению от Наташи опасного историка Карбони. И план по приближению Наташи к себе.

В дверь постучали. Ни раньше, ни позже. Когда я тут валяюсь с температурой и хочу, чтобы мать пришла, она занимается своими делами. А как у меня появляется дело — так она тут как тут. Стук я проигнорировал. А если я не открывал, то мать ко мне и не входила. Так она демонстрировала своё доверие и демократию в семье…

Что же я буду делать для приближения Наташи? Нужна была ревность. Из книг я уяснил, что во многих случаях женская любовь начинается с ревности. Ещё психологи говорили, что ревность разрушает организм. И ещё такое: ревность замыкает человека на одной проблеме, поэтому он становится неспособен увидеть более широкую проблему. К примеру, если какая-нибудь из Наташиных подружек будет ей непрерывно трещать о том, какой я замечательный, она непременно позавидует, потом приревнует, потом её на мне замкнёт. А за подружкой и ходить далеко не надо — вот она, Алиска Зеленина. Легкодоступная, уже и так слегка влюблённая в меня дурочка. Она и стала в плане номером 1.

Под номером 2 я написал: В. В. Даже влюбив в себя Наташу, выжить Виктора Карбони из школы было важным и справедливым. Он мне мешал и должен был уйти. Но Виктор Валентинович был куда более сложной проблемой, чем Алиска.

Я представил себя танком. Неумолимо двигаясь вперёд, я выискивал историка в прицел и стрелял, стрелял, стрелял…

Выписали меня в пятницу, выдав справку, что в школу я должен идти в понедельник. Я поклялся себе впредь держать себя в руках и прежде чем что-то сказать, как следует подумать. Противник был взрослый и умный, промахов больше быть не должно.

Пока я болел, изрядно похолодало, утром лужи промерзали и покрывались хрустящей корочкой. Я шёл из поликлиники по этому тонкому ледку, ломая его и наслаждаясь звуком. Потом подумал, что треснувший лёд — тоже хороший символ разрушения и непостоянства. Я присел у лужи напротив своего дома. Кто-то уже наступил на корочку, но, вероятно, это был ребёнок — потому что лёд не проломился, а только покрылся концентрическими трещинками. Я достал фотоаппарат из внутреннего кармана куртки и сфотографировал круги. Они напоминали паутину. Потом я продавил лёд ботинком и сфотографировал его изломы и выступившую из-под корки тёмную воду.

Заталкивая фотик обратно в карман, я услышал знакомое:

— Привет. Вылечился, клоун?

Я обернулся. Наташа шла со стороны школы. В такую рань это могло означать только то, что она решила прогулять какой-нибудь урок.

— Вылечился, — сказал я.

— И что, к Зелениной на день рождения идёшь?

— Иду.

Наташа помолчала, глядя на меня, потом улыбнулась:

— Не советую. Там будут одни девчонки.

— Хм, — я ехидно прищурился, — одни девчонки — это опасно. Изнасилуете ещё.

— Фёдоров, — Наташа подошла ко мне вплотную, всё ещё продолжая улыбаться, дотянулась губами до моего уха и тихо-тихо сказала: — вот я смотрю на тебя и думаю — вроде парень как парень, а откуда в тебе столько говна?

— Кормят дома хорошо, — так же тихо и ласково ответил я ей. — А тебе так не хочется, чтобы я шёл к Алиске? Думаешь, историк придёт? Так не думай даже. Ему не положено. Он — педагог. А вы кто? Малявки.

Наташа отстранилась. Улыбка с её лица исчезла:

— Ну, Елисей, смотри. Я с тобой по-хорошему.

— И я тебя тоже люблю, — засмеялся я и пошёл к своему дому.

Честно говоря, я был не уверен, что Виктор Валентинович не придёт к Алиске, поэтому решил, что я туда пойду точно. Тем более предстояло начало реализации плана, то есть захват сердца Зелениной.

В воскресение я не поленился взять книгу «История пыток» и сходить в соседний магазин, где подарки упаковывали в идиотские коробочки

с розовыми бантиками. Мать, трезвая и хмурая, делала дома уборку — сегодня прилетал из командировки отец. Когда я сказал, что ухожу на день рождения и могу вернуться поздно, она даже не спросила к кому, кивнула и продолжила ходить с тряпкой по квартире.

Ровно в четыре я, как приличный человек, в парадной одежде, с подарочной коробкой в руках и кретинской улыбкой на полморды стоял у двери Зелениных.

Дверь мне открыла Алискина мамаша — сухонькая тётка предпенсионного возраста. Я видел её пару раз в школе и тогда ещё решил, что Алиска — дитя санатория. Ну это когда гражданки едут отдыхать в какой-нибудь ухрюпинский санаторий, делают себе там ребёночка и всю жизнь парят ему мозги сказочкой, что папа был космонавтом или подводником…

Улыбаться Алискиной маме было сложно. Ежу понятно, что я ей не понравлюсь. Не потому, что именно я, Елисей из 10 «в» класса — гад и отморозок, а потому, что ей не нравится вообще сама мысль, что у Алиски может быть парень. Тем не менее, я вежливо поздоровался и улыбнулся. Тут же в прихожую прискакала сама Алиска, выхватила у меня подарок и уметнулась в комнату, пригласив проходить. Выглядела Зеленина сегодня просто верхом шизофренической абстракции — волосы закручены и собраны в некое подобие башни на голове, на лице не меньше килограмма косметики с блёстками, ярко-розовая кофточка с кружавчиками и воланчиками и красная юбка тоже с каким-то кружевом по подолу. Под это Зеленина умудрилась напялить обычные коричневые колготки, а на ногах её были тапочки с медвежьими рожицами. Увидев тапочки, я чуть не подавился от смеха.

— Лесь, проходи, садись, я щас, — Алиска поскакала на кухню.

Квартира у Зелениных была однокомнатная, стол поставили впритык к дивану, на диване уже сидели Наташа и Оля Морозова. Я кивнул им, огляделся и сел не рядом, а подальше — к письменному столу. Оттуда было всё отлично видно. Оля и Наташа о чём-то трепались, но, увидев меня, перешли на шёпот. На столе рядом со мной стоял магнитофон, рядом — ворох кассет. От нечего делать я принялся в них копаться. Думал, найду приличную музыку и поставлю. Куда там. Слушала Алиса сплошь попсовую чушь, из которой нормальные люди вырастают в шестом-седьмом классе. Над столом даже висело несколько постеров со смазливыми голубоватыми мальчиками из популярных групп. Боже мой, и эту идиотку мне надо очаровывать…

Тем временем Алиска вернулась — теперь уже не в тапках, а в туфлях на каблуке и радостно сообщила:

— Мама ушла к соседке на пару часов, так что мы одни.

— Ну тогда что, — сказал я громко, — начнём веселиться? Пить водку, или что там у нас сегодня есть?

Я подошёл к столу, взял бутылку и вслух прочитал:

— Советское шампанское. Девочки, не боитесь опьянеть? А то мало ли что… Разнузданные пляски на столе и всё такое…

— Пошляк, — засмеялась Оля.

Наташа отреагировала иначе. Она встала, подошла, вырвала у меня бутылку, и спокойно сказала:

— Елисей. Ты теряешь квалификацию. Шутка, а в ней ни могил, ни изнасилований. Незачёт!

— Вот интересно, Наталья Валерьевна, ты мне эти гробницы всю мою жизнь будешь припоминать? — осведомился я.

— И посмертно тоже. Если ты не отмочишь что-нибудь более душераздирающее.

— Наташ, ну ты же добрая, ты б меня простила, а? — сказал я как можно мягче. — Ну вот я такой, возьму и ляпну что-нибудь левое. Не со зла, кстати.

Наташа поставила бутылку на стол и посмотрела мне в глаза:

— Елисей, перестань. Ты сейчас извинишься, а через полчаса снова что-нибудь вытворишь или сморозишь.

Алиска чуть в стороне рассеянно хлопала накрашенными ресницами.

— Окей, — я пожал плечами, — я могу вообще молчать и работать открывалкой.

— Ну не ссорьтесь вы, — жалобно сказала Алиска, — Лесь, разливай.

Открывая шампанское, я мысленно прицелился Наташе в лоб, уж очень она была не права, наезжая на меня, но потом передумал. Она не виновата в том, что не любит меня, просто я ничего ещё не успел сделать, чтобы полюбила. Но сделаю. И уже скоро.

Алиска села рядом со мной, девчонки — напротив. Сначала я встал с бокалом и произнёс умопомрачительную по степени фальшивости речь о том, что Алиса это просто супердевчонка. Зеленина слушала меня, открыв рот. Не жалея красок я расписал её отсутствующий ум и несуществующую красоту. Потом мы чокнулись, выпили и принялись поедать салаты. Хотя сама виновница торжества больше смотрела на меня, чем в тарелку. Естественно ей было непонятно, с чего это я сподобился на такой тост. Она не верила ни глазам своим, ни ушам. Ей хотелось думать, что она мне нравится, но даже думать об этом было страшно. Ей, поди, казалось, что она спит и видит какой-то жутко гламурный сон.

— Ещё шампанского? — спросил я.

— Лесь, — тихо сказала Алиска, — может, ты крепче чего хочешь?

— Водки, что ли? — усмехнулся я.

— Нет, но у нас есть коньяк. Мама его в кофе добавляет. Будем коньяк?

— Будем, — кивнул я решительно.

Вообще-то я не пью. Потому что не такой слабый, как мать, и не нуждаюсь в веществах, изменяющих сознание. Но сейчас выпить хотелось. Потому, что всё было не так, как я себе представлял и потому, что хвалить Зеленину на трезвую голову было трудно.

Алиска закрыла входную дверь на цепочку и принесла с кухни бутылку коньяка. Я плеснул себе и ей помаленьку в бокалы из-под шампан-

ского. Наташа с Олей отказались. Коньяк оказался горьким. Но всё равно мне хотелось ещё. Но уже было нельзя — мать Алиски заметила бы пропажу. Тогда я решил, что ничего плохого не будет, если я сбегаю до киоска и куплю маленькую бутылку коньяка сам. Тем более деньги с собой были. Не обращая внимания на мрачное ворчание Наташи о том, что неизвестно кто сейчас напьётся, и будет танцевать на столе, я накинул куртку и пошёл на улицу. Киоск у дома Зелениной оказался закрыт. Рядом было ещё два больших магазина, но в них свято соблюдали закон и спиртное несовершеннолетним не продавали. Оставался магазинчик через квартал с другой стороны школы. Туда я и припустил почти бегом, потому что рассчитывал дойти только до киоска и не надел шапку, а новую ангину заработать вовсе не хотелось.

Влетев в магазин, я глянул на полки со спиртным — коньяк в бутылочках по 250 граммов был. Я встал в очередь за ветхим дедком, который тыкался носом в витрину, пытаясь рассмотреть цены на кефир. Перед дедком стояли мужчина и девушка. Продавщица подала им колбасу и печенье. Мужчина обернулся, и я узнал в нём Виктора Валентиновича. Вот так сюрприз! Он положил покупки в пакет, протянутый девушкой, подхватил её под руку и пошёл мимо меня. Наши взгляды встретились.

— Здрасьте, — сказал я ему, разглядывая тем временем его спутницу. Ничего так. И на вид не старая, лет двадцати. Хотя тут я мог и ошибаться, но то, что она не школьница вроде Наташи — это точно. Взрослая симпатичная девушка.

— Привет, Елисей. Ты почему без шапки, ты же болеешь? — вторую часть фразы историк сказал вполголоса. Типа не делаю тебе замечания на весь магазин, мальчик, а так, проявляю заботу.

— Да я уже выписался. А сюда вообще на минуту выскочил. Со дня рождения Зелениной.

— А, — Карбони выдал свою фирменную широкую улыбку, — ну передавай ей привет и поздравления. И всё-таки уже не сезон ходить с голыми ушами, даже если это на минуту.

Тем временем дедок уже отоварился своим кефиром и подошла моя очередь.

— Коньяк за 170, — сказал я, отвернувшись от историка.

Продавщица молча подала мне бутылку и стала пересчитывать деньги. Виктор Валентинович хмыкнул:

— Девушка, почему спиртное несовершеннолетнему продаёте? Разве не видно, что ему нет восемнадцати?

Продавщица бросила на прилавок сдачу, буркнув:

— Докажи.

Я затолкал бутылку в карман куртки и радостно сказал историку:

— А пойдёмте в милицию, я заявление напишу, что тут мне спиртное продали, а ваша девушка будет свидетельницей. А то в самом деле — ничего святого, они и детсадовцу водку продадут.

Продавщица злобно на нас посмотрела, а я подмигнул Виктору Валентиновичу и выскочил из магазина. Назад я летел как на крыльях. Ура, у Карбони есть дама сердца. То есть и без того маленькие Наташины шансы стремятся к нулю. Она для историка — лишь девчонка из 10-го «в». И никогда не станет ничем большим! Надо скорее ей открыть глаза на правду.

На бегу я думал, как бы лучше сообщить Наташе о том, что я видел. Потом решил, что лучше я к ней лично обращаться не буду, а скажу всё, как ни в чём не бывало. Ну, увидел учителя и увидел. Мне вот допустим всё равно, с кем он встречается. Отдышавшись в подъезде, я придал лицу максимально равнодушное выражение и позвонил.

— Мы тебя уже потеряли, — брякнула Алиска, открывая.

Хотя по виду Наташи с Олей этого было нельзя сказать.

— А я с Виктором Валентиновичем встретился, вот и задержался маленько.

Я поставил коньяк на стол и внимательно посмотрел на Наташу:

— Виктор Валентинович передавал Алисе поздравления. А прийти он и, правда, не смог бы. Потому что у него свидание. Он гуляет с девушкой. Кстати, девушка мне очень понравилась.

Наташа грохнула чашкой об стол и вдруг заорала на меня так, что уши заложило:

— Фёдоров, ты, подонок, ты это только что по дороге придумал, дегенерат! Ненавижу тебя!

После этого она вскочила и побежала в коридор одеваться, а Оля — за ней, пытаясь остановить. Но Наташа не остановилась. Она кое-как накинула пальто, влезла в сапоги и крикнула мне напоследок:

— Чтоб ты сдох, сволочь!

Оля тоже оделась и побежала за Наташей.

А я остался в коридоре наедине с Алиской и в полном недоумении. Реакция Наташи была слишком бурная и неожиданная. Выходило, что она влюблена в Карбони по уши. Или ещё сильней. Ведь я, допустим, люблю её сильно, но, зная, что она любит другого, истерик не закатываю и ни на кого не ору…

— Лесь, ты тоже уйдёшь? — спросила Алиска дрожащим голосом.

— Если хочешь, — ответил я. — Чёрт, первый раз Титову такую злую вижу.

— Я хочу, чтобы ты остался. Ещё есть торт, давай чай попьём.

— Коньяк будем пить. С тортом, — сказал я, — Слушай, а она что, всерьёз в Карбони втрескалась?

— Ну да, — Алиска дёрнула плечом. — Она в Карбони. А ты… в неё?

Удивление во мне зашкалило за все возможные пределы. Никто не знал, что я люблю Наташу. Тем более тупая Зеленина. Я изо всех сил выдавил из себя ироничную улыбку:

— Ты что? Мне Титова вообще никуда не упала. Мне нравится другая девушка.

— Какая? — спросила Алиска с неподдельным интересом.

— Ты.

— Ты врёшь, — неуверенно сказала она.

— А зачем мне врать?

— Не знаю.

Я налил себе коньяка, залпом проглотил его и посмотрел на Алиску:

— Если ты хорошо подумаешь, ты поймёшь, что врать у меня нет причин. Значит, я говорю правду.

Алиска помолчала немного, потом прижалась к моему боку и прошептала:

— А я тебя, между прочим, с первого сентября люблю.

— Видишь, как всё взаимно, — пробормотал я. — Будешь моей девушкой?

— Конечно да!

Потом всё в моей голове смешалось. Я пил, заедал тортом, обнимал Алиску, потом мы попытались потанцевать, но меня затошнило и я сел на диван, а Зеленина гладила меня по голове липкими ладошками, и от этого тошнило меня ещё больше. Ещё Алиска целовала меня в щёки. Так глупо и по детсадовски, что было смешно. Но поцеловать её как надо я не мог — от её помады меня бы точно вырвало.

Наконец, пришла её мать. Что избавило меня от дальнейших мучений — я спрятал в куртку бутылку с остатками коньяка и стал собираться, стараясь казаться трезвым. Естественно, мамаша Зелениной мне не поверила, и смотрела очень осуждающе.

Уходя, я услышал вслед Алискино:

— Это был лучший день рождения в моей жизни. Не смотря ни на что!

И худший чужой день рождения в моей, по правде говоря. Но этого я не сказал, а помахал на прощание и, спотыкаясь и держась за перила, пошёл вниз. На улице я кое-как добрался до карусели на детской площадке, присел на её край и вытащил из кармана бутылку. Надо было её или допить или выбросить. Я взболтал коричневую жидкость. Даже мысль о том, чтобы выпить ещё хоть каплю, была отвратительна. Я поставил бутылку на карусель. Бутылка была целая, но всё равно похожа на символ разрушения. Я вспомнил про фотик во внутреннем кармане и сказал себе вслух: идиот!

Надо было сфотать историка в магазине, и тогда Наташа бы мне поверила!

Раздосадованный, я врезал кулаком по бутылке. Та свалилась с карусели, а я поднялся и отправился домой.

Никогда не мог подумать, что живу так далеко от Алиски. Что можно идти, идти, идти, а дом почти не приближается. Я остановился у старого тополя и выругался. Во всём были виноваты Наташа и Карбони. Вели бы себя нормально, я бы ни за что не напился. Я подумал, выругался ещё громче и, собрав все силы, двинулся дальше.

Домой я дошёл, наверное, через полчаса. Хотя по моим ощущениям, тащиться по промёрзшей улице мне пришлось как минимум вечность. Шатало просто ужасно. И единственной мечтой было — отключиться у себя в комнате и проспать несколько дней.

В подъезде я запнулся и упал. Алкоголь ведь не сразу впитывается в кровь по пути до желудка. Он просто туда заливается, а потом начинается самое интересное: испарение. Алкоголь в желудке начинает испаряться, и пары уже впитываются. Кажется так. Во всяком случае, я про этот механизм читал. Полчаса пути мне хватило, чтобы окончательно впитать тот коньяк и разогнать его по крови. Словом, я был пьян и несколько минут даже лежал, закрыв глаза, и мечта моя отключиться почти исполнилась. Но оказалось, что лежать пьяным тоже неприятно. Это только кажется, что пьяным быть приятно, даже если напиваешься назло всем. Я ощутил, как моё сознание начало вращаться, словно его засунули в центрифугу стиральной машины. Сознание ускорялось, ускорялось, пока, наконец, тошнотой не подступило к самому горлу, рискуя вырваться наружу. Этого было нельзя допустить, наблевать под себя было бы не лучшим вариантом проведения досуга, поэтому я открыл глаза и попробовал подняться. Тошнота немного отступила, но встать на ноги с первого раза не получилось. Организм вдруг ослаб и не хотел подчиняться моим приказам. Не то чтобы я вообще не мог подняться. Наверное, мог, но это требовало значительных усилий. Сначала я делал это лицом к стене, но оказалось, что вставать удобнее, опираясь спиной о стену. За время моих мучений мимо проходили какие-то люди, медленно поднимались по лестнице, поминутно оборачиваясь посмотреть на мою рассеянную улыбку. Хорошо всё-таки жить в многоэтажке. Всем на тебя плевать, хоть ты сдохни, а тебе так же плевать на них. Приучает выживать самостоятельно.

Я, цепляясь за перила, начал карабкаться на свой четвёртый этаж. В первый раз пьяный. А как часто это делала моя мать!!! Сейчас я понял, как же ей было сложно… Её тоже, наверное, мутило. Хотя, если часто пить, то потом не тошнит…

Когда передо мной оказалась площадка с цифрой три, я так обрадовался этому факту, что вскинул руки, и чуть было не полетел кубарем вниз. Сломать шею от ненависти к какому-то итальянскому придурку, было, пожалуй, перебором. Ах, если бы шею сломал Виктор Валентинович… «Нет, ломать себе шею не буду, — поклялся себе я. — Буду жить долго и счастливо. Пусть Наташа и сказала мне: чтоб ты сдох…»

Дальше я шёл очень аккуратно. Если мой поход наверх вообще можно хоть как-то назвать аккуратным. Да, меня заносило то вправо, то влево, но в итоге я всё-таки оказался у двери. Оставалось открыть её, но и это оказалось непросто. Ключ прыгал в руках и не хотел попадать в скважину. В этом было что-то мистическое. Как будто нечто мешает мне вернуться. Скорее всего, оно хотело, чтобы я сейчас вышел на улицу, лёг где-нибудь и замёрз. Может быть, это Виктор Валентинович рисует в эту минуту комикс, в котором я замерзаю? Он меня ненавидит, это ясно. Большая часть человечества, куда входят и мои родители, равнодушна ко мне. А вот другая часть людей меня ненавидят. И только Алиска, чёрт бы её драл, меня любит. Такая карма. Наверное, я ещё не родился, а про меня у высших сил уже был план, чтобы меня никто не любил, кроме дур типа Алиски.

— Вот козлы, — выругался я на высшие силы.

Тотчас же ключ попал в скважину и, спустя два его поворота, я был уже в прихожей. Кое-как

разувшись и скинув куртку на пол, я поковылял на кухню попить. Там горел свет, а за столом с чашкой чая и бутербродом сидел отец.

— Напился? — как-то по-будничному поинтересовался он. Словно я только и делаю, что напиваюсь ежедневно, и это уже никого не удивляет.

Я молча добрался до кувшина и начал глотать воду, захлёбываясь и обливаясь. Жажда была дикая. Наверное, я мог бы выпить сейчас ведро.

— Тошнит? — спросил отец.

— Да, папа. Ещё не всё потеряно, — ответил я отдышавшись. — Я — не алкоголик.

— Нет, но если начинать в этом возрасте, то всё поправимо. Станешь.

Я в ответ глупо улыбнулся.

— Иди спать, — сказал отец, поставив чашку на стол. — Проводить в комнату?

— Сейчас, — тут меня затошнило как-то особенно сильно, — сейчас, — повторил я и как можно быстрее пошёл в туалет.

Не закрывая за собой дверь, я наклонился над унитазом, и тут же меня вырвало. Сначала водой, потом всем остальным, что я ел и пил у Алиски, потом и желудочным соком. Среди прочего, наверняка, вышли из меня и Алискины поцелуи…

«И я проклял тот день, когда родился». Сколько раз я читал эту фразу в книгах. Но что она значит на самом деле, понял, как следует, лишь в этот вечер. Рвало меня порциями, рвало, даже когда рвать уже стало нечем, а позывы переходили в кашель, раздирающий горло.

Отец сидел рядом на табурете и участливо наблюдал за мной.

— Может скорую вызвать? — наконец спросил он.

— Не надо, мне уже лучше, — прошептал я.

Никаких врачей я не хотел. Ничего не хотел. Только упасть и спать. Но не тут то было. Два раза я пытался заснуть, но приходилось возвращаться к туалету, и оба раза меня сопровождал туда отец. Мать так устала убирать квартиру и держаться трезвой к его приезду, что уже смотрела десятый сон. Наверное, отец был не рад, что вернулся. Проводить дни на работе, а вечера с симпатичными дамочками, несомненно, куда приятней, чем таскать по квартире пьяного меня.

Единственное, что принесло бы мне облегчение кроме сна, так это новость, что Виктор Валентинович попал под трамвай, или навернулся из окна девятиэтажки. Всешкольная скорбь, похороны через три дня… Но на эту новость рассчитывать было глупо.

— Ты уверен, что тебе лучше? — наконец, уточнил отец. Чтобы наверняка знать и перестать за меня волноваться.

— Да, — сказал я, хотя был в этом не совсем уверен, — кажется, уже всё вышло.

— Пойдём, — он встал и пошёл впереди меня, уже не поддерживая, как в прошлый раз.

До своей постели я добрался одним только усилием воли. После чего плюхнулся лицом в подушку и подумал, что больше всего напоминаю сейчас дохлую, выброшенную на берег каракатицу.

Отец не уходил. Стоял у двери и рассматривал меня.

— Что, смешно? — спросил я.

— Что тут смешного? Раньше у меня пила только жена. А теперь и единственный сын приходит домой чуть живой… Ты находишь тут повод для веселья?

— Это у тебя такая… — я хотел сказать «карма», но тут ни с того ни с сего вспомнил слова Карбони о словах и музыке и осёкся.

— Она самая, — задумчиво подтвердил отец.

— Пап, — сказал я в подушку. — Ты не волнуйся. Я в тебя пойду. Трезвость — норма жизни.

— Да? — усмехнулся отец. — А так на мать похож… Ладно, спи. Завтра поговорим.

Он вышел, а я, устраиваясь поудобнее, представил недалёкое будущее: я загоняю историка, подавляю его своей хитростью и интеллектом, максимум через месяц он уходит, испуганный и разочарованный жизнью. Он — встрял и встрял в дурную ситуацию.

Сквозь сон я представил, как Карбони трусливо крадётся через двор к своему дому. Это существо, уже снящееся мне, почти не походило на настоящего Виктора Валентиновича. Оно лишь отчаянно хотело спастись от чего-то. Его пугал шелест листьев и поскрипывание старого тополя, пугали шорохи в дальних дворах и биение собственного сердца. «Что тебе нужно здесь?» — настиг его глас Божий. «Мне ничего не нужно», — прошептал бледный историк, зажмурившись. Он очень хотел жить. «Не всё так просто, — глас Божий стал нестерпим и Карбони схватился за уши, спасая барабанные перепонки, — ты натворил много бездумных поступков. Теперь тебе придётся держать ответ! Святой пророк Илья, разберись с ним!»

Пророк Илья оказался молодым человеком, моего роста, лицом, напоминающим меня, только с длинными волосами, повязанными красной лентой. До пояса Илья был голый и, к ужасу историка, поигрывал кубиками пресса на животе. Трусы, кроссовки и боксёрские перчатки были чистого белого цвета.

— Витя, Витя, с кем ты связался? — ухмыльнулся пророк Илья. — Сейчас я тебя проучу! Выходи на смертный бой.

— Прости меня Господи, прости меня Илья пророк! — взмолился Карбони.

— Нет тебе прощения! — громогласно сообщил Илья и нанёс первый удар снизу в челюсть.

Карбони отлетел на добрый десяток шагов. Затем последовали боковой слева, два хука справа и прямой удар, точно в лоб. Глаза у Карбони закатились, и он упал на землю.

— Так будет с каждым, кто не с нами! — возвестил громовым голосом пророк Илья. Со всех сторон засверкали вспышки фотокамер и одобрительные крики: «Чемпион!»

Илья, словно на ринге, поднял руки и в следующий момент получил предательский удар по затылку. Это трусливый Карбони поднял обломок строительной арматуры, и нечестно напал. Мир стал расплываться, темнеть. Илья дрогнул, зашатался и в следующий момент начал оседать на землю, ощущая лишь сильную головную боль.

Я проснулся. За окном ещё только начинало светать, с неба валилась смесь снега с дождём. Затылок нестерпимо ломило. Вспомнив глупый сон с поединком, я усмехнулся. Жаль, что то,

чего мы хотим, легче всего достигается только во сне.

Во втором сне, увиденном мной в эту ночь, я всё бегал и бегал за Наташей, пытаясь доказать ей, что я не вру и действительно у историка есть девушка. Но Наташа, как в компьютерной игре, переносилась на другой уровень, стоило мне приблизиться. Проснувшись утром, я уже знал, что мне надо сделать: привести Титовой веские доказательства своей правоты. Допустим фотокарточки. Сделать это мне ничего не стоило: выследить Виктора Валентиновича и отснять. Дел на несколько дней, зато Наташа прозреет, поймёт, что ей ничего не светит, и всё станет по-прежнему, а может, даже лучше.

Первая половина дня протекала у меня ужасно. В основном, из-за головной боли, которая не прошла, даже когда я проглотил две таблетки. Второй неприятностью оказалась мать, которая вылавливала меня, стоило мне показаться из комнаты, и пыталась объяснить мне, что напиваться в пятнадцать лет — это очень нехорошо, и я не должен так пугать их с отцом. Мне всё время хотелось сказать, чтобы отстала от соринки в моём глазу и выкорчевала бревно у себя. Но ссориться с матерью мне было элементарно лень — надо было беречь силы на вторую половину дня. Я пропустил школу из-за головной боли, а у историка сегодня есть уроки в «Б» классе. Я планировал выследить его после уроков и ходить за ним в надежде, что мне будет, что сфотографировать.

К концу школьного дня я вооружился фотоаппаратом, сменой батареек и отправился на наблюдательный пункт — притаился под козырьком здания напротив школьного крыльца. Мокрый снег так и падал, люди мимо ходили с унылыми физиономиями. Ничуть не веселее были те, кто выходил из школы. Я встал так, чтобы не бросаться в глаза и натянул капюшон куртки чуть ли не на нос. В частности, чтобы не узнали одноклассники — очень не хотелось сейчас расспросов, чего это я не явился на учёбу, а торчу тут. Мне даже удалось увидеть Титову с Зелениной — они вышли, шушукаясь, и пошли вместе. После этого прошло минут пятнадцать, в здание толпами входила мелкота со второй смены, а историка всё не было и не было. Я уже собрался зайти в школу и уточнить, не перепутал ли я расписание. Может, нет у бэшников никакой истории? Но тут Карбони, наконец, появился. У него, как и у меня, не было зонта. Он поднял воротник у куртки и, зажав под мышкой чёрную кожаную папочку, припустил по грязево-снежной смеси. Передвигался историк довольно быстро. На всякий случай я сфоткал его появление на крыльце и ещё пару раз — со спины. Плохо было то, что вспышкой пользоваться было нельзя, и я опасался, что по такой погоде фотки получатся не качественные. Но решил, что если увижу добычу — то есть Карбони с девушкой, то плюну на маскировку и сниму их со вспышкой. На войне все средства хороши. Но Карбони о войне и не подозревал — он шёл домой спокойно. Купил по дороге продукты, потоптался у газетного киоска. Два раза у него звонил мобильный и он на ходу говорил. Звонки меня ободрили — наверное, это звонила как раз девушка. Чтобы назначить встречу. Но на этом моя добыча информации и закончилась — Виктор Валентинович вошёл в подъезд. Я посмотрел на панельную пятиэтажку и чертыхнулся. И чего теперь ждать? Возможно, Карбони и не выйдет больше. Может он сейчас подготовится к завтрашним урокам, поест, посмотрит что-нибудь по телику и ляжет спать. А может, девушка уже у него дома? Они живут вместе, вот и всё. Как я раньше это не предусмотрел?

Я бросил последний тоскливый взгляд на подъезд и тут…Тут из него со скоростью пули вылетел сам Карбони. Уже без пакета, но с газетками и папочкой. Прикидываться шлангом было поздно, историк меня увидел.

— Здравствуйте, — ответил я первое, что пришло мне в голову.

— Елисей? Ты что здесь делаешь?

— Фотографирую окрестности, — сказал я и продемонстрировал фотоаппарат.

— Как интересно… А как твоё здоровье после вчерашнего? — поинтересовался Карбони.

— Нормально, — ответил я и добавил, — А у вас?

— Ну, я коньяк среди недели не распиваю, — сказал историк, — и тебе не рекомендую.

— Это я не для себя покупал, — ответил я. — Я вообще не пью.

— Правильно, — поверил он. — Однако я тороплюсь, если хочешь ещё побеседовать, то только на ходу. Это если ты не набрёл на уникальный кадр.

Слежка провалилась, и торчать здесь не имело больше смысла, зато в разговоре Виктор Валентинович вполне мог проболтаться о своей подруге дней суровых, к которой наверняка и ходил.

— А вы от своей девушки? — спросил я.

— Не слишком ли пристальное внимание к моей персоне? — историк слегка приподнял брови. — Впрочем, здесь живёт моя бабушка. Она уже старенькая и я принёс ей продуктов.

Карбони оказался мастером оправданий, но я не поверил ему. Как-то неправдоподобно звучало. Какой нормальный человек после работы стремглав понесётся к престарелой бабке, чтобы попотчевать её корочкой хлеба. Да ещё и по такой погоде. Хотя, признаться честно, Карбони на нормального и не тянул.

— А я тут ищу места для фотосъёмки, — сказал я, когда мы двинулись по направлению, указанному историком. — Знаете, что в нашем городе самое живописное?

— Что же?

— Развалины, — признался я. — Очень люблю здания разрушенные, грязь.

— Мда, — он явственно хмыкнул. — А что, тоже выбор. Тоже, так сказать, культура, особый стиль.

— Смеётесь, — сказал я, — а, между прочим, сами разве имеете дело не с развалинами?

— Нет, я не смеюсь. В детстве я тоже этим увлекался. У нас недалеко от дома были развалины церкви, огороженные, конечно, но я находил лазейку, пролазил туда и изучал. Очень интересно было, даже фрески старые сохранились. Чуть-чуть…

— И что, церковь эту снесли?
— Нет, отреставрировали. Сейчас действует. А может, я люблю исторические науки, потому что мои предки — это живая история.
— Тогда мне нужно разорваться между экономикой и искусством, — вставил я.
Карбони улыбнулся:
— Фотографией займись. Наверное, хорошо получается?
— Много фотографией заработаешь, — ответил я. — Я металлолом буду продавать.
— Правда?
— А что, вы ходили на развалины, и теперь ищете всякое на раскопках, а я буду искать всякое на закрытых заводах, фабриках и прочих заброшенных объектах народного хозяйства.
— Как выразился-то, — Карбони усмехнулся. Я его почему-то веселил. — Иди лучше в историки, бизнесмен.
— Нет, история — это не наука. Вот умрёт какой-нибудь великий человек, а историки тут как тут. И ну его память во все стороны тянуть. Если покойник, допустим, нравится, то его хвалят, а если нет, то ругают. В этом и смысл истории — одних отругать, а других наоборот похвалить. Этот — прогрессивный, а этот — поганый буржуй, или фашист или ещё кто-нибудь. Дурацкая, одним словом, наука. У кого, что в душе, тот так о прошлом и говорит. Уж лучше металлоломом торговать.
— Ну а как же память о предках?
— Меньше знаешь — крепче спишь, — выдал я любимую в последнее время фразу. — Ну вот была битва при Креси и что? Мне от этого никак. А сколько битв и событий вообще неизвестно? А мы живём, и ничего страшного не случилось. Вот если бы никто не знал про битву на Куликовом поле, что бы изменилось? Битва была, а мы о ней не знаем. А сколько всяких царей-королей забыто. Забыли и забыли, был человек, и нет. Зачем это знать?
— Ну, ты-то это знаешь? Тебе зачем-то нужно?
— Это я раньше читал много книг по истории. Я тогда думал, что это нужная наука. Пока не разочаровался. Вот, допустим, у меня предки поругались, и что, события Смутного времени помогут мне понять ситуацию в своей семье? Или походы Юлия Цезаря объяснят, почему отец так часто ездит в командировки? Вот и со всей историей так. Не нужна она человеку. Ну, может, то, что было позавчера и нужно помнить, а так вот столетиями — нет.
— Тоже мнение, — ответил историк. — С удовольствием бы с тобой, Елисей, ещё побеседовал. Ты действительно интересный человек. Рад буду продолжить наш разговор в любое другое время.
— Только не сейчас?
— Увы, — Карбони остановился перед крайним подъездом очередной пятиэтажки. — Я занят сейчас. Подходи в школе, на факультативе. Поспорим о важности истории. Всего хорошего.
Карбони зашёл в подъезд. Хлопнула дверь.
Что ж, по крайней мере, теперь я знал, где он живёт. И знал, что сейчас его там ждут. Имело смысл подождать, когда они с дамой выдут, но, во-первых я мог и не дождаться, а во-вторых кто знает, куда у Виктора Валентиновича выходят окна. Не стоило выдавать свой интерес к нему.
Я щёлкнул пятиэтажку, хотя ничем особым среди других таких же она не выделялась, и пошёл домой.
Когда я включил компьютер, зазвонил телефон. Звонила Зеленина, узнать, почему я не явился в школу. Зеленина теперь была человеком нужным и я очень мило с ней поговорил, пожаловался на головную боль, выслушал не интересующие меня школьные новости и, наконец, сказал:
— Алис, давай с тобой завтра после школы встретимся. Погуляем.
Несколько секунд в трубке была абсолютная тишина. А потом Алискин севший от волнения голос уточнил:
— Ты мне свидание назначаешь?
— Да, конечно, — очередной раз проклял я про себя Зеленинскую тупость, — завтра в пять у школы. Куда-нибудь сходим. Окей?
— Конечно, я согласна.
Я повесил трубку и подумал, что всё складывается отлично — завтра в школе Алиса уже успеет рассказать Наташе, что я пригласил её на свидание. А уж при встрече я постараюсь очаровать Алиску так, что она будет рекламировать меня подругам, не закрывая рта.
Таким образом, я двигался по обоим пунктам своего плана — завоёвывал Наташину подругу и узнавал побольше о Карбони, чтобы потом нанести ему точный удар. С точки зрения стратегии я вёл себя безупречно!

На свидание я опоздал. Совсем немного — на пятнадцать минут. Однако судя по виду Зелениной, та пришла не вовремя, а гораздо раньше. Сейчас она уже абсолютно замёрзла, перетаптывалась с ноги на ногу, дула на ладошки, и в глазах её стояли слёзы. Наверное, если бы я не явился ещё минут пять, она бы разрыдалась. Оделась Алиска не по погоде — в тонкую куртку, ботиночки на каблуке и капроновые колготки. Юбка еле-еле высовывалась из-под края куртки. Наверное, ради того, чтобы мне понравиться, она была готова замёрзнуть до полусмерти. Только кому мог понравиться синюшный воробышек…
— Ты специально опоздал? — обиженно спросила она.
— Нет конечно. У меня часы остановились, а я не заметил, — соврал я.
На самом деле я монтировал в фотошопе кадры с тэц — хотел собрать их в подобие плаката, и на часы посмотрел поздно.
— Мама дежурит до семи, приедет в восемь, — сообщила Алиска, — в восемь мне надо быть дома. Так мало времени осталось…
Я так не думал, я полагал, что два с половиной часа с Зелениной наедине это вполне внушительный срок. Но чтобы она поверила, что я тоже сожалею, я тяжело вздохнул. Потом приобнял Алиску за плечи и сказал:
— Тогда пойдём в кафешку. Ты совсем замёрзла. Погреемся там, а потом погуляем.

— Хорошо! — Алиска мигом ожила и повеселела.

До неё, ещё в девятом классе, я встречался с двумя девчонками. С одной — месяц, с другой — ещё меньше. Девчонки были не такие тупые и страшненькие, как Алиска, но всё равно быстро мне надоели. Потому что каждое свидание повторялось одно и то же — побродили по городу, поболтали, поцеловались. Назавтра — то же самое. На более близкие отношения девчонок надо было раскручивать, а я не умел, да и не хотел. Две секции, фотокружок, уроки, книжки — когда мне было найти время ещё и на любовь? Это сейчас я относительно свободен и могу даже гулять с Алиской, которая мне нафиг не нужна… Я искоса глянул на свою спутницу и подумал, что с ней целоваться будет сложно. Потому что желание поцеловать её не появлялось, как ни старайся. Ну да может всё обойдётся. Может, Зелениной мама целоваться с мальчиками не позволяет. Я мерзко хихикнул про себя.

Кафе неподалёку от школы было полно замёрзшими парочками — в основном, студентами из близлежащего колледжа, но я разглядел и коекого из нашей параллели. К счастью, обошлось без одноклассничков. Не думаю, что мой приход в обнимку с Зелениной остался бы незамеченным и не осмеянным.

Мы взяли кофе, пирожные и сели в уголке. Алиска начала согреваться и всё больше оживлялась. Она вертела головой, болтала ногами под столом и беспрерывно мне улыбалась. Я дул на горячий кофе.

— Лесь, а скажи правду, а?

«Бесполезно, Алиса, — подумал я, — правду в последнее время я говорю только себе и то по большим праздникам». А вслух сказал:

— На какую тему?

— Я тебе правда нравлюсь?

— Ты странная девушка, — я улыбнулся, — если бы ты мне не нравилась, я бы что, пошёл гулять с тобой? Я бы лучше дома в комп пялился.

— А Наташа говорила, что ты на свидание не придёшь. Что ты или поржать хотел, что меня позвал или забудешь.

— Ну и дура твоя Наташа, — пробурчал я.

Алиска хихикнула и принялась ковыряться в пирожном. Ложечек в этом кафе не было, только салфетки, и Зеленина поступала с пирожным просто зверски — она разделила его на слои, выпачкав пальцы шоколадной глазурью, а потом начала их облизывать. И только после этого — поглощать детали разобранной сладости. Я внутренне взвыл. Даже захотелось послать *план* ко всем чертям и немедленно уйти. Но через секунду я вспомнил, что по-другому мне своей цели не достичь. И никогда уже не стать счастливым. И не перевернуть прописанные заранее сценарии. Нет. Я буду с Алиской, потому что так надо.

Зеленина завершила издевательство над пирожным и задала следующий вопрос:

— А тебе что в девушках нравится?

— Глаза, — сказал я, представляя Наташин взгляд, — походка, фигура. Ну что нормальным парням нравится, то и мне. Я банален.

— Нет, ты не такой как все, абсолютно не такой, — Алиска покачала головой. — У тебя, наверное, много девушек было?

Я промолчал, но она восприняла это как согласие и снова спросила:

— Ты их всех бросал?

— Ну почему сразу бросал? Погуляли, надоело, разошлись. Совсем не обязательно бросать кого-то. Можно мирно расстаться.

— Мирно — если не любишь, если любишь — просто так не расстанешься, — с претензией на мудрость произнесла Алиска и добавила: — Ты меня не бросай, Лесь, ладно?

Я кивнул, допил кофе и поднялся:

— Пошли в парк?

Разговор на опасную тему прервался. На улице уже темнело. Серебряно-жёлтые листья, осыпавшиеся с белых тополей, шуршали под ногами. В парке мы остановились возле скамейки, с двух сторон сжатой кустами сирени. Рядом росла рябина с красно-коричневой блестящей корой и обильными гроздьями красных ягод, и крушина с чёрно-синими жиденькими гроздьями. Алиска нарвала несколько ягод рябины и сунула их в рот, но сразу выплюнула.

— Фу, гадость, — сказала она, усаживаясь на спинку лавочки, ставя ноги на затоптанное сидение. — Садись, Елисей.

Я сел рядом.

— Расскажи что-нибудь, — попросила Алиска. — Только не анекдоты.

Спасибо, разрешила. Мне сейчас было вовсе не до анекдотов. Только о чём можно было рассказать? О последней прочитанной книге? О том, как я ненавижу осень? О том, что я люблю развалины, и хотел бы быть танком, расстреливающим персонально В. В. Карбони?

Я усмехнулся и сказал:

— Вчера я снова видел Виктора Валентиновича. Он рассказал, как в детстве лазил по разрушенной церкви и что сейчас ходит помогать своей бабушке. А потом он улизнул от меня к своей даме, в существование которой не верит Титова.

Алиска поморщилась:

— Вот только не надо о Наташе плохое говорить, она всё-таки моя подруга.

— А я плохое сказал? Я сказал, что она слепа и не видит очевидного. Не её вина, все влюблённые слепы. Но мы как друзья можем ей помочь.

— Как? — спросила Алиска. В голосе её слышался искренний интерес.

— Всего лишь привести доказательства своей правоты. Потому что не стоит влюбляться в учителей, это ничем хорошим не кончается. Вот ты, Алиса, нормальная девушка, правильно? Вот тебе и нравятся ровесники, а не всякие там великовозрастные придурки типа Карбони.

Алиска сунула в рот пальцы и принялась грызть ногти.

— Спасать надо твою подругу, — подвёл итог я.

— Да, знаешь, я тоже за неё волнуюсь, — наконец сказала Зеленина, — хотя Витя и мне понравился. Он красивый.

— Красивей меня? — я ехидно прищурился.

— Конечно нет, — горячо заверила меня Алиска, — просто симпатичный. Ну хорошо же когда учитель симпатичный, а не какая-нибудь старая дура. Да?

— Да, — сдался я. — Но Наташе мы всё-таки должны помочь. Вместе, хорошо?

— Хорошо, — кивнула она, — только сам придумай как.

Придумал я уже, придумал. Только надо мои мысли вывернуть так, чтобы подходили для Алиски. Я задумался. А она спрыгнула со скамейки и посмотрела на меня снизу вверх:

— Давай сменим тему? А то гуляешь со мной, а болтаешь о Наташе.

— Давай сменим.

— Я вчера такое кино классное видела, про солдат в Афганистане, так ревела, весь фильм ревела!

Под её пересказ фильма я погрузился в анализ ситуации. Алиска на моей стороне. Надо этим пользоваться. Кроме воплей, какой я хороший, можно с помощью Зелениной внушать Наташе кое-какие мысли об историке. И замечательно, что эта информация будет попадать к Наташе не от меня. Я не буду вызывать у неё отвращения, а Карбони в её глазах всё-таки упадёт. Надо только добыть фотки. Так сказать, компромат. И неплохо бы присочинить про него какую-нибудь гадость.

— Хочешь, диск дам? — услышал я, наконец.

— Хочу.

Темы для разговора иссякли. Я посмотрел на часы и с облегчением увидел, что уже можно идти провожать Алиску. Мы шли медленно, молча, изредка произнося две-три фразы. Алиска явно наслаждалась последними моментами нашей прогулки, я наслаждался тем, что долг исполнен, и я могу спокойно пойти домой и заняться своими делами.

— Лесь, — сказала Алиска у самого дома, — ты без фотика пришёл?

— Что? А, да, — я хлопнул по внутреннему карману куртки, — я без него никуда не хожу.

— Тогда сфоткай меня, а?

— Хорошо.

Я достал аппарат. Конечно, сфотаю. А потом сотру эти кадры. Потому что они мне не нужны.

Алиска прислонилась к тополю. Я щёлкнул её, не переводя режим: в чёрно-белом, как развалину.

Потом открыл перед ней подъездную дверь и поцеловал в щёку:

— Пока, Алис. Было здорово с тобой погулять. Надеюсь, что ещё встретимся.

— Конечно, встретимся!!!

Алиска скрылась в подъезде, а я мысленно поставил себе за свидание «пять». Всё-таки я молодец. Великий актёр, чёрт возьми! На секунду мне стало жалко Алиску, всё таки я её обманывал. Но потом я утешил себя тем, что она сама виновата — не надо быть такой дурой и верить всему подряд. А я не виноват, я просто добываю себе Наташину любовь. Ничего не поделаешь, мир такой. Чтобы что-то получить, надо толкаться локтями и топать по головам. Не я его таким сделал!

Всю ночь мне снилась какая-то гадость. Что-то гонялось за мной, стучало, звенело, орало. Я убегал, падал, просыпался, снова засыпал, но и в новом сне продолжалось то же самое. В семь утра я окончательно проснулся — разбитый и с головной болью. Наверное, это погода так на меня действовала — пасмурная, холодная, ветреная. Ветер выл за окном так тоскливо, что хотелось немедленно исчезнуть, чтобы только не слышать этот звук. Я выбрался из-под одеяла и услышал голоса в гостиной. Родители ругались. Я поёжился — по полу явно сквозило, завернулся в покрывало и вышел из комнаты. В такую рань мать обычно спит. Что же могло случиться, что ей приспичило именно сейчас выяснять отношения?

Я толкнул прикрытую дверь в гостиную. Мать сидела у пианино и плакала, а отец стоял у порога, одетый, как будто только что пришёл. Хотя, скорее всего, так оно и было. Вчера, когда я засыпал, его ещё не было дома. Всё ясно, ночевал у любовницы, а под утро явился домой.

— Елисей… — сказал отец растерянно. Естественно, он не ожидал меня увидеть. Дети должны спать до звонка будильника.

— Угу, — согласился я с тем, что я Елисей, — ну, чего не поделили?

Мать схватила с крышки пианино сигареты и нервно закурила.

— Тебя не поделили, — ответил отец, — хорошо, что ты проснулся.

— Меня? — я хмыкнул. — Вообще-то я не тушка бройлера.

— Лесь, понимаешь, — отец помолчал, подыскивая слова, — я ухожу.

— Ну пока, — я пожал плечами.

— Я от твоей матери ухожу, — уточнил отец, — вообще. Понимаешь? И тебя хочу забрать с собой. Конечно, если ты не против, да и не сразу, а когда разменяем квартиру.

Теперь родители оба смотрели на меня во все глаза. Ждали реакции. Чтобы я тут же решил все их проблемы и сказал, с кем буду жить. Или чтобы попросил остаться вместе? Было нечестно с их стороны требовать от меня решения. Я только проснулся. У меня болела голова, и я мёрз, стоя босиком на холодном полу.

И я сказал:

— Понятно.

— Что тебе понятно? — устало спросил отец, — Лесь, ты деревянный? Тебе всё равно???

— Понятно, что ты уходишь, а потом я смогу решить, с кем мне жить.

— И что?

Я снова пожал плечами:

— Знаете… я бы лучше вообще жил один. Чтобы никого из вас больше ни разу не увидеть. Или я бы умер, чтобы вам некого было делить.

В гробовой тишине я вышел в коридор.

— Что ты делаешь, Саша? — запричитала мать, очевидно, продолжая прерванный мной разговор, — У него самый трудный возраст, ему будет плохо без кого-то из нас!

— Мне пора, — сказал отец, — успокоишься, поговорим. По телефону.

Я закрылся в своей комнате и услышал, как хлопнула входная дверь и мать разрыдалась. Я

лёг на диван и подумал «мне всё равно». Потом для верности повторил мысль вслух. Потом ещё раз. Потом взял подушку и кинул её в дверь. Мне всё равно, делайте что хотите. Мне плевать на вас так же, как вам на меня!

Несколько минут я лежал, ощущая неприятное жжение в груди, потом встал, быстро надел свои старые вещи, переложил фотоаппарат из хорошей куртки и выскочил из дома. Мне надо было уехать куда-нибудь подальше от своего района. Забиться в какие-нибудь руины. Прямо сейчас!

В городе был старый, давно закрытый мост. Дороги вокруг него разобрали и загородили, центральную часть моста над рекой разобрали, а вдоль берега стоял проволочный забор. Но, так как сам мост никому не нужен, я подозревал, что и охранять хорошо его никто не будет. А если будут — что ж, попадусь сторожу, судьба значит моя такая. Раньше я не бывал у моста, только видел с расстояния. Вот и появился шанс побывать.

Оказалось, что проволочное ограждение содержится в полном порядке, но тянется до лесоперевалочной базы у порта, а база обнесена только дощатой изгородью, перемахнуть через которую не составило ни малейшего труда. Пробравшись вдоль завалов брёвен, я очутился у забора, разделявшего территорию базы и территорию моста. Этот забор был повыше предыдущего, и сверху на нём были набиты гвозди. Я огляделся, никого не заметил и успокоился — такие гвозди на заборах можно было забить любым камнем или обломком кирпича, которых полно повсюду. Камень действительно нашёлся. Я запрыгнул на рейку, скреплявшую доски и заколотил несколько гвоздей — как раз столько, сколько было нужно, чтобы лечь на забор животом. Подтягиваясь, я неудачно зацепился рукавом за крайний гвоздь. Рукав затрещал, а руку обожгло, после чего я шлёпнулся с забора в грязный снег. Ранения на развалинах случались со мной не часто, но бывало. А вот плюхнуться как свинтус — такого пока не было. Я зло расхохотался. Всё в этот день шло один к одному.

Кусок моста возвышался передо мной, а все подступы к нему были завалены кучами песка, мусора, бетонными балками, чуть присыпанными снегом. Я достал фотоаппарат и снял мост. Потом аккуратно отогнул рукав и посмотрел на царапину — она была длинная и глубокая, жутко саднила и в нескольких местах кровоточила. Я слизнул кровь и снова раскатал рукав. Гвоздь был грязный, значит, у меня есть прекрасные шансы получить заражение крови и избавиться от мук выбора, с кем же мне жить.

На самом деле мои родители уже так давно существовали как будто порознь, что я думал, что если они и разойдутся, то я и не замечу этого. А оказалось, всё не так… Что-то в этом было такое… дикое и неприятное. Я мотнул головой. Не буду думать о них. Не буду. У меня своя жизнь и в ней довольно много своих проблем. Алиска, Наташа, историк тот же. Свои дела и буду делать.

Я подошёл к мосту поближе — чтобы подняться наверх, надо было пройти мимо будки сторожа. Будка была выкрашена в защитный цвет, и я сразу подумал, что там запросто может быть вооружённая охрана. И собаки типа овчарок. Я сфотографировал эту будку и пошёл к ней. Этого делать было нельзя, но мне было всё равно. Пусть меня поймают. Подумаешь…

Вооружённой охраны не было. Был всего лишь один бодрый пенсионер. И одна овчарка на цепи. Дед, видимо, только что проснулся, потому что вышел на крылечко, ёжась от утреннего холода, как может ёжиться человек, выбравшийся из-под тёплого одеяла. Увидев меня, он даже не разозлился — то ли тут такие как я лазили часто, то ли дед был флегматичным. Он просто махнул рукой и сказал:

— Давай-ка отсюда, нечего тут делать.

— А можно на мост подняться?

— Зачем? Свалиться и шею сломать? — осведомился дед.

— Вариант, — вздохнул я.

— Нельзя. Сказал: иди отсюда, значит иди.

— Ну пожалуйста.

— Нечего там делать.

— А если я вам сто рублей дам? — уже без надежды спросил я.

— Ты? — старик усмехнулся.

Я вспомнил, как я выгляжу и сказал, закатывая рукав:

— А у вас бинта нет? Я руку порезал.

— Бинт есть, — сказал дед, — а на мост всё равно нельзя.

— Тогда не надо, — я отвернулся, — я, может быть, историю города изучаю… Что Вам, жалко, что ли?

Дед промолчал, и я медленно пошёл обратно к ограждению. Так всегда — мои слова разбиваются о людей и ничего для них не значат. Ни для матери, ни для Наташи, ни для вот этого сонного сторожа.

Я перевалился через забор и, грязный и расстроенный, побрёл домой. В автобус в таком виде лезть было глупо. Я шёл медленно, пиная попадающиеся под ноги пластиковые бутылки и прочий мусор, какого на улицах полно, и думал, что всё наладится. И я стану счастливым. После всех неприятностей должно было случиться что-то доброе. И тогда Наташа меня полюбит.

Так плохо у нас дома не было ещё никогда. Мать пила и, пьяная, терзала пианино. Из-под её пальцев неслась «Лунная соната», от ошибок звучащая ещё надрывней, чем всегда. Потом она бросала инструмент и шла ко мне, чтобы разреветься и сказать, что я вот-вот уйду от неё к отцу, и она останется одна. А тогда уже непременно умрёт. Потом она злилась и кричала, что лучше бы я не рождался. Я каменно молчал. Мне тоже было тяжело, и от этой тяжести в душе я не мог решить, что говорить. Я знал, что она права — если я уеду к отцу, она сопьётся и умрёт. А если я останусь с ней? Всё равно сопьётся, только я буду это наблюдать. Куда ушёл отец? Жить один? Никогда не поверю. Жить с другой женщиной? Зачем тогда ему я? Я не хочу идти к чужой тётке! Будет он мне звонить, если я останусь? А деньги он нам будет давать? Или другая женщина родит ему другого сына, и отец окончательно обо мне забудет?

Мыслей было много…слишком много, чтобы обдумать все и что-то для себя решить. В четверг

я снова прогулял школу. Не было сил идти туда и улыбаться Алиске, разговаривать с ней, видеть Наташу. Я лежал в комнате и смотрел на стену с фотографиями жутковатых, пустых зданий. А может это и есть высшее счастье — быть разрушенным дотла, чтобы с тобой уже никто и ничего не мог сделать…

В обед мать выбралась из своей комнаты и отправилась к пианино. Я заткнул уши руками и вдруг разревелся. Было что-то ужасно обидное во всём, что произошло. Обидное и неправильное. И было что-то гадкое в этом доме.

Я встал и решил, что пойду на факультатив. Там сяду в уголок и отмолчусь. А когда вернусь, мать уже устанет играть, напьётся и уснёт. Может быть. Я умылся, с некоторым любопытством глядя в зеркало на свою заплаканную физиономию. Давненько мне не случалось реветь. Но, вроде, не заметно.

На занятие я пришёл на семь минут позже его начала, и застал в классе неожиданную картину — на двух сдвинутых партах стоял торт, пакетики с конфетами и печеньем, газвода в полторашках, а вокруг суетились девчонки. Алиски среди них не было. Наташа первая меня увидела и ехидно сказала:

— О, Фёдоров, поесть на халяву пришёл. Еду он нюхом чует.

— Вообще-то я учиться пришёл, как моим предкам великий Ленин завещал, — огрызнулся я, — а вы что, класс со столовкой перепутали?

— Фёдоров, не хами, — миролюбиво сказала Ольга, — мы областной танцевальный конкурс выиграли. У Наташи первое место, у меня — второе. Решили вот отпраздновать.

И тут в класс вошёл историк с упаковкой пластиковых стаканчиков в руках. Значит, эта тусовка была им одобрена. Значит, в школе всё идёт своим чередом. Всем весело, у всех есть дело. Один я как дурак валяюсь дома и страдаю от того, что моя жизнь так дурацки повернулась.

— О, Елисей, — неподдельно обрадовался Карбони, — хорошо, что ты пришёл, разбавишь девичий коллектив.

— Коллектив бы и обошёлся, — нарочно громко сказала Наташа.

— Да и пошли вы, — ответил я, — я ваше печенье есть и не собираюсь.

После этого я пробрался за последнюю парту, сдвинул за ней два стула и, подложив рюкзак под голову, улёгся. Карбони что-то говорил Наташе насчёт меня, наверное, призывал мириться, но мне было всё равно. Я представил, что я в этом кабинете один. Закрылся и лёг поспать. И мне очень даже тепло и удобно. А шумят где-то далеко отсюда…

Боковым зрением я заметил, как ко мне через парту наклонился кто-то из девчонок. Не приглядываясь, кто это, я показал средний палец. Любопытная тут же смылась. Лежать на стульях было жёстко и непривычно, но я постарался себе доказать, что это место сейчас — лучшее из возможных. Обычно я не могу долго лежать тихо — я даже если дома на диване лежу, то кручусь, и ночью переворачиваюсь так часто, что простынь к утру может оказаться сбита в комок в районе подушки. Отец говорит, что это нервы. Странно, что нервы у меня только ночью, а днём я относительно спокойный. Впрочем, теперь всё возможно. Вот уже днём реветь начал… Но сейчас мне надо было быть незаметным…

Я осторожно повернулся на спину и сложил руки на груди «а-ля труп». В голове играла «Лунная соната». Куда делась Зеленина? Простудилась на нашем свидании? Наверное, она мне звонила, а я телефон отключил и не знаю об этом…

Я изо всех сил надеялся, что Виктор Валентинович быстро закончит посиделки. Ему же надо ходить к бабушке, носить ей еду. Хорошо, что мои бабки-дедки в другом городе и вижу я их раз в пять лет. Так что никакого хлебца таскать не должен. Я и к родителям ходить не буду, как вырасту. Не уверен, что и по телефону позвоню… Я найду себе хорошую жену вроде Наташи, и будем мы с ней вдвоём, и никто нам не будет нужен. Я представил себя взрослым и Наташу взрослой. И то, как мы миримся, и она говорит, что её детская любовь к историку ничего не значит…

Шум в классе стал потихоньку стихать. Я выглянул из-за края парты: девчонки убирали со столов. Значит, сейчас разойдутся, тогда я выползу и пойду домой. Я прислушался. Так и есть, собираются. А Наташа с Олей приглашают Карбони на концерт, где будут танцевать. Тот обещал обязательно прийти…

Пролежать в своём укрытии мне пришлось ещё минут пятнадцать, пока девчонки не отстали, наконец, от историка. Они бы, конечно, грузили его и дальше, но он сказал, что кабинет надо освободить — сейчас будет урок у второй смены.

— Фёдорова оставим пятиклашкам изучать, — сказала весело Наташа, — за питекантропа он вполне сойдёт.

Я сел. Наташа с Олей вышли из кабинета последними. Остался только Карбони. Который, как ни в чём не бывало, сказал:

— Елисей, помоги, пожалуйста, парты на место поставить.

Я хотел отказаться, а потом подумал, что смысла нет. Подумаешь, парты. Буду великодушен, помогу врагу своему.

После этого мы вместе вышли в коридор.

— Ты сейчас домой? — спросил Карбони.

— Я? Нет, пожалуй, я всё-таки в магазин за верёвкой.

— Елисей, ты на Наташу обиделся? — он улыбнулся. Как будто дал понять, что обида моя ничего не стоит. Что всё это глупости и детский сад. Такая снисходительная взрослая улыбочка получилась…

— Не знаю. Но домой не пойду.

— Хорошо, тогда пойдём ко мне, договорим незаконченные разговоры про могилы, важность истории и прочее.

Он забежал в учительскую, и мы пошли. Шли молча. Изредка он посматривал на меня. Наверное, ждал, что я заговорю. Но говорить я не мог. Всё равно это было бесполезно. Говори — не говори, ничего не изменится.

Так, в молчании, мы и дошли до его дома.

Жил он на третьем этаже, в обычной однокомнатной квартире. Комната казалась тесной

из-за огромного количества книг. Самодельные книжные полки заполняли все промежутки между мебелью.

— Ты осваивайся, я пойду чайник поставлю, ты же, наверное, голодный.

Я кивнул и пошёл вдоль полок. Кроме книг по истории и археологии у Карбони было много классики, фантастики, словарей и справочников. Наверняка, многие книги он и не читал. Времени бы не хватило. Скорее всего, книги остались ему от предков.

Следов присутствия в квартире девушки я не обнаружил. Значит, она не жила тут, а только приходила.

Электрочайник на кухне нагрелся и щёлкнул. Я пошёл туда. Карбони достал из холодильника батон, масло, колбасу в нарезке, с полки — заварочные пакетики. Как будто ничего особенного не происходило, и мы с ним постоянно вместе пили чай.

— Дома одному сидеть не хочется? — осведомился он, разливая кипяток по чашкам.

— Нет, — сказал я.

— А что тогда? У тебя вид такой, как будто ты навсегда оттуда сбежал. Поругался с родителями?

Я дул на чай и молчал. Потом решил, что скрывать нет смысла:

— Просто не хочу наблюдать, как пьяная мать устраивает истерику.

Он вздохнул. В его очках отражалась чашка. Это было забавно, когда вместо глаз — блестящая чашка. А может, это его мозги отражались в очках? Фарфоровые мозги, как у романтичной девицы…

— Вы вдвоём живёте?

— Теперь вдвоём. Отец нас бросил.

— А-а, понятно…

— Да ничего Вам не понятно, — сказал я, — если Вы сами не были в такой ситуации.

— Не был, — вздохнул Карбони, — но понять, что тебе тяжело, я могу.

— Да, мне тяжело, — признался я, — предки делят меня, тянут каждый к себе, а я не могу видеть ни того, ни другого. Хоть в самом деле вешайся.

— Елисей, — задумчиво сказал он, — ты сейчас не совсем правду говоришь. Готов поспорить, родителей ты всё-таки любишь…

— Я их не-на-ви-жу, — уточнил я с нажимом. — Отец повёл себя как последний эгоист, мать — безвольно спивается. Теперь отец перестанет давать ей деньги на коньяк, она начнёт пить всякую дрянь и, скорее всего, траванётся. После чего мне останется только на кладбище ходить. Видите, какое у меня замечательное будущее.

— Елисей, прекрати! — Карбони уставился на меня с негодованием, — Ты сидишь и планируешь всякие ужасы. Вместо того чтобы помочь родителям. Если ты не можешь их помирить, то хотя бы маме ты, наверняка, мог бы помочь.

— Я не нарколог, — огрызнулся я, подумав, что насчёт фарфорового мозга немножко погорячился. Мозг был обычный — фаянсовый.

— Поговори с ней, убеди обратиться к наркологу. Ты же умеешь складно говорить. Если ничего не делать, ничего и не изменится, понимаешь?

— А если я начну творить добро, то мир станет лучше?

— Конечно.

Всё понятно. О такой чепухе как добро и справедливость, мудрствуют обычно неудачники. Наверняка, Карбони таким и был. Думая о добре, ему легче переживать свою ущербность…

Мне вдруг стало противно тут находиться, захотелось убежать далеко-далеко. Историк казался огромным пауком в сети, намазанной вареньем. Паук говорил людям, что всё прекрасно и мир белый и ясный, а стоило приблизиться к нему — человек оказывается в грязной липкой паутине. Меня передёрнуло. И я второй раз за день почувствовал, что сейчас разревусь. Или меня вывернет только что надкушенным бутербродом.

— Я пойду, — выдавил я, отворачиваясь. — До свидания.

— Елисей…

В коридоре я торопливо влез в ботинки и, прихватив куртку, крикнул историку:

— Отстаньте от меня, а? К Титовой приставайте, она спасибо скажет.

После этого я побежал по лестнице с такой скоростью, что историк бы при всём желании бы не догнал. Меня душили слёзы, тошнило. Самое обидное, что я сказал этому типу то, что на самом деле думаю. А это со мной бывает очень редко — как правило, я или вру или говорю то, что от меня хотят услышать, или то, что выгодно. А тут вдруг минутная слабость, высказался. А он мне даже не поверил! Начал объяснять мои чувства, давать советы. Что он вообще понимает в жизни? Наверное, он всегда был любимым ребёнком, с которого сдували пылинки, и который по вечерам рассказывал маме-папе-бабушке, как он провёл день. А мама-папа-бабушка в свою очередь рассказывали своему Витеньке всякие правдивые истории о революции и прочих незапамятных временах. Нет, у меня тоже такое было… Давно, когда я ещё ходил в сад, а отец не занимался бизнесом. Тогда мне тоже рассказывали сказочки, таскали по зоопаркам и вообще всячески заботились. Потом родителям стало не до меня. Они работали, а я сидел дома один. Сколько ни вспоминай — всё время один. Приходил из школы — дома никого, возвращался с секции — никого. И так до позднего вечера. Даже когда мать перестала работать, ничего дома не поменялось — теперь она моталась по подругам, или мы сидели каждый в своей комнате. И Карбони предлагает мне ей помочь? Чем и как? С такой частотой общения я и имя её мог уже забыть, ничего бы удивительного не было!

Я решил никогда и ни за что не разговаривать больше с историком.

Первого ноября в город неожиданно явилась зима. Серость и грязь завалило толстым слоем пушистого снега. К тому же начались каникулы, и мне стало и легче — не надо было натыкаться в школе на Карбони, и сложнее — некуда было деваться из дома. Утром позвонил отец и пригласил зайти к нему на работу. Как в гости — попить чай, побеседовать и получить карманные деньги. Я обещал подумать и зайти если получится. Потому что уже позвал девушку на свидание. Отец согла-

сился, что причина важная и девушек обманывать не годится. В голосе его, впрочем, слышалось разочарование. Он ожидал, что я прибегу по первому зову. Ну уж нет, папа. Мне даже доставит удовольствие тебя помучить. Подожди меня, как я тебя ждал раньше. А потом я, вероятно, и не приду.

Хотя на свидание мне тоже не хотелось. План почти не двигался в своей реализации. Зеленина влюбилась в меня по самые уши, но на Наташе это никоим образом не отражалось. Пора было с Алиской завязывать. Послать подальше. Но как назло не получалось. Когда я видел её влюблённые глаза, у меня откуда-то появлялся гуманизм и язык не поворачивался сказать ей правду. Тем более, Алиска мне не так уж и мешала — слушала всё, что я несу, развесив уши и шла со мной куда и когда я хочу.

Сегодня я хотел на замороженную стройку. И Алиске пришлось лезть со мной через забор с надписями «За забором сторожевые собаки». Конечно, никаких собак там не было, это я проверил заранее. Но Зеленина повизгивала от страха, когда я её подсаживал наверх. Внутри Алиска взобралась на сложенные друг на друга бетонные плиты и села на краю. А я стал катать снежный ком. Потому что говорить было не о чем. Липкий снег очень хорошо превращался в нижний кругляк для снеговика. Я решил сделать снеговика большим и сфоткать.

— А мне Наташка сказала, что ты меня в самом деле не любишь, — наконец, нарушила молчание Алиска. — Крыса, правда?

— Алиса, Титова дура, а я тебя… люблю, — сказал я так, словно зачитывал смертный приговор.

— Лесь, скажи по нормальному.

— А что я не нормально сказал? — уточнил я, — Между прочим, норма и патология очень связаны, их специалисты путают иногда. И вообще, нормы каждый год уточняются, сегодня я сказал, что люблю тебя ненормальным голосом, а через сто лет каждый парень будет признаваться девушке в любви именно так. Это называется прогресс.

— Ты издеваешься.

— Спорим нет? Вот к примеру в прошлом веке если бы ты пришла на свидание с голым пупком, это бы значило, что ты ненормальная и тебя пора изолировать, а сейчас вы все так можете ходить. И ничего.

— Ты всё-таки любишь Наташку? — спросила Алиска в лоб.

План никуда не годился, потому что Зеленина дура. Или сильно умная, что, в общем-то, одно и то же.

— Говорю же, нет, — сказал я. — Я тебя люблю. Хочешь, на заборе напишу.

— Ну напиши, — Алиска тяжело вздохнула.

— Кровью? — спросил я, чтобы её развеселить.

Кажется, она не поняла, что я спросил. Потому что кивнула. Я пожал плечами. У забора валялась разбитая бутылка — тёмно-зелёные осколки, наполовину засыпанные снегом. Я взял в руку стекляшку.

— Вот, смотри, — сказал я торжественно, — сейчас я порежу руки и кровью напишу на заборе, что тебя люблю. Тогда ты мне, наконец, поверишь?

В Алискиных глазах появился страх:

— Ты с ума сошёл? Не вздумай!

— Сама просила.

Я поднёс стекляшку к руке. Конечно, ни за что на свете я бы не стал резать себе вены из-за Алиски. Просто валял дурака.

Алиска подскочила и, как и следовало ожидать, вырвала осколок бутылки у меня из руки и со всего размаха отбросила его. Испуганно мяукнула пробегавшая мимо кошка, а Алиска схватила меня за руку, да так что мне стало больно.

— Перестань, придурошный! Верю я тебе, верю!

«Ну и зря» — подумал я, вынимая свою ладонь из её ладошки.

Алиска вдруг расплакалась. А потом бросилась меня целовать. Целовала и бормотала сквозь слёзы:

— Обещай, что никогда с собой ничего не сделаешь!

Выглядело это как в дешёвом кино. Можно было догадаться, что Алиска психическая, но не настолько же…

— Ну, скажи, скажи… — Алиска всё ещё умоляла меня, хотя лучше было бы плюнуть на меня и уйти. И больше никогда не общаться со мной. Вместо этого она смотрела на меня преданными покрасневшими глазами, и ждала, что я скажу совершенно очевидный факт: «Никогда из-за тебя, дура, я не то что вены не порежу, а и палец не проткну!»

— Обещаю, — сказал я, наконец.

— Дурак, дурак, дурак, — Алиска, продолжая плакать, присела на корточки и отвернулась…

Я отошёл чуть назад, отвёл руки назад и опёрся руками о забор, хотя сейчас нужно было уйти и оставить Алиску рыдать одну. Прийти домой и уничтожить файл с планом. Навсегда.

Но это означало сдаться. Это означало признаться, что Наташа никогда не будет моей, а я несостоявшийся человек, даже более ничтожный, чем мать. Не подчинять себе мир, а вовеки ему подчиняться… На что же мне тогда разум, на что же мне тогда мысли, если всё что я задумываю, опрокидывается случайно и нелепо…

Нет. Чтобы быть танком нужно двигаться вперёд, ломать преграды и не бояться. Вся борьба ещё впереди!

Тут руки мои скользнули по забору, и в ладонь вонзилась заноза. Я машинально нашарил хвост занозы и выдёрнул её. Если бы ещё так легко занозы вынимались из души…

Плюнув на все эти размышления, я вернулся к снеговику. Докатал нижний ком, потом средний. Потом взял фотик и щёлкнул зарёванную Алиску на фоне дома.

— Дурак, — снова сказала она.

— Пойдём долепим вместе, — я засмеялся, — сделали себе бабка с дедкой Снегурку, гы-гы…

Алиска улыбнулась:

— Ну до чего же ты меня напугал, просто ужас…

И принялась катать следующий ком вместе со мной. Потом мы нашли две синие крышки от полторашек и сделали снеговику глаза, а вместо морковки воткнули короткую толстую палочку.

А потом хохотали и фотографировали друг друга с этим снежным произведением. Хотя мне было совсем не весело…

Когда я проводил Алиску до её дома, она сказала:

— А мне вчера Наташа предложила выбрать — ты или она. И я выбрала. Тебя.

Алиска ушла, а я остался. В голове проскользнула дурацкая мысль «мы в ответе за того, кого приручили». Мысль была неправильная и лишённая всяких оснований. Если я в ответе за Зеленину, то Наташа должна быть в ответе за меня.

Я дошёл до Наташиного подъезда и встал около. Зачем — я и сам не понимал. Даже если бы Наташа прошла мимо — что с того? Я для неё лишь раздражающий объект. И никем другим могу и не стать. Что-то было изначально неверное в плане, из-за чего он и развалился. Но что???

В почтовом ящике что-то белело. Я вытащил бумажку — это был не конверт, а свёрнутый в несколько раз листок, на котором печатными буквами было написано «Елисею».

Я развернул листок. Внутри знакомым Наташиным почерком было написано:

«Елисей, пойдём завтра погуляем. Если согласен, позвони. Наташа».

Сердце у меня подпрыгнуло. Может ещё не всё потеряно? Она зовёт меня! Может, план всё-таки действует?

Естественно, к отцу я не пошёл.

С минуты, когда я получил эту записку, я был не совсем вменяем. Сначала, разумеется, закрались подозрения, не приведёт ли Наташа на свидание пару-тройку парней, чтобы набить мне морду. Но потом я решил, что такого не заработал, да и удрать всегда успею. И такая удача, что с Алиской я уже погулял, день можно и пропустить. Хотя на каникулах Зеленина старалась получить как можно больше внимания. Но в любом случае, свидание с Наташей — верх удачи. Проворонить этот шанс было никак нельзя. Я позвонил, и мы договорились, что встретимся в 11 утра у школы.

Ночью я извертелся. Сна не было ни в одном глазу. Несколько раз я вылезал из-под одеяла, садился на подоконник и смотрел на Наташин корпус. Как назло, время тянулось медленно и вязко. В пять утра я плюнул на попытки уснуть и включил компьютер.

В десять я уже собрался, и мне стоило большого труда не выйти из дома сразу, а ждать хотя бы половины одиннадцатого. В половину вдруг зазвонил телефон. Я испугался, что это Наташа отменит свидание или скажет, что пошутила вчера. Но это была Зеленина. Каким-то грустным голосом она спросила, не смогу ли я прийти к ней в гости сейчас. Я сказал, что хотел бы, но занят. Алиска совсем упала духом, но мне было не до неё. Без двадцати я вышел из дома и пошёл к школе. Наташа опоздала всего на несколько минут. Я издалека увидел её золотисто-бежевую куртку и подумал, что она прикольная — зачем было назначать встречу у школы, если я мог просто подойти к её подъезду. Девчонки же всё всегда усложняют.

— Привет, — сказала она мне.

— Привет.

Она молчала, и я предложил:

— Пойдём куда-нибудь?

— Нет, что-то не хочется, — Наташа оглянулась и кивнула на школьную теплицу, рядом с которой стояли скамейки, — давай здесь посидим. Я устала вчера на занятиях, ноги болят.

— Ну давай тут.

Наташа села на спинку скамейки, как всегда садилась и Алиска, уткнулась носом в пушистый чёрно-жёлтый шарф, и молча смотрела на меня. Глаза у неё были красивые. И волосы красиво выбивались из-под шапочки. Красивая девчонка среди заснеженной улицы. А я от волнения даже фотик забыл.

— Елисей, обещай, что честно ответишь на вопрос.

— Обещаю.

— Почему ты ненавидишь Виктора Валентиновича?

— Честно?

— Ты обещал.

Я подумал. Честным был бы ответ «потому что он тебе нравится». Но я сказал:

— Не знаю. Не нравится и всё. Немотивированная подростковая агрессия.

— А, вон как, — протянула Наташа, — что ж, предельно честный ответ. Впрочем, я подозревала, что серьёзно с тобой не поговоришь.

— Почему? Говори, — я сел рядом, — Ты же за этим меня позвала?

— А не знаю зачем, — Наташа посмотрела куда-то мимо меня, — немотивированное подростковое желание погулять с мальчиком.

После этого она подвинулась ко мне и положила голову мне на плечо. Молча. Я перестал шевелиться и дышать. Всё это было очень странно. Но приятно. Зачем она всё-таки меня позвала? Правда приревновала к Алиске, как и надо по плану?

— Наташ, если ты хочешь, я не буду на него наезжать, — сказал я искренне. — Пусть живёт.

— Хочу, — сказала она.

— А тебе он сильно-сильно нравится? Только честно.

— Не сильно, — Наташа выпрямилась и посмотрела мне в глаза. Потом хитро улыбнулась, — во всяком случае, ты, Лесь, куда красивей.

После этих слов она сняла перчатки, обхватила меня руками и поцеловала в губы. Меня как током ударило. Сознание поплыло, и всё закружилось вокруг. Всё это было неправдой. Или я видел чудовищный по степени правдоподобности сон или… Должно быть какое-то объяснение тому, что происходит. Наташа меня ненавидит, недавно ещё ненавидела. Зачем ей меня целовать? Мысль эта дёргалась где-то в голове и мешала расслабиться окончательно.

Когда мы оторвались друг от друга, Наташа снова посмотрела мимо меня. В её взгляде было что-то нехорошее… Я быстро обернулся.

У школы, не очень удачно спрятавшись за тополем, стояла Алиска Зеленина.

Я почувствовал, что внутри у меня всё обрывается и падает-падает-падает…

Наташа предала меня. Она соврала Алиске, что мы встречаемся, сказала время свидания. Всё под-

строила специально. А может, это она Алиску предала. Потому что та меня выбрала, а не её в друзья. Она сделала это, хотя, по моему мнению, не могла. Я — могу сделать гадость. Потому что я — это я. Я, в общем-то, плохой человек. Эгоист, которому наплевать на всех, кроме себя. И даже не скрываю это. Но это же Наташа!!!

Когда я увидел Алиску и всё понял, то во мне как будто всё в пыль рассыпалось. Что-то было и вдруг разлетелось на кусочки. Это, оказывается, здорово больно. Зеленина разрыдалась и побежала домой, а я всё стоял напротив Наташи и разваливался внутри… Было желание даже ударить её. Но я не смог. Стоял, молчал.

— Фёдоров, — наконец, сказала Наташа, — тебе надо носить с собой нашатырь, раз такой впечатлительный.

Она усмехнулась, натянула перчатки и пошла прочь. А я всё стоял. Надо было пойти за Алиской и всё объяснить. Или пойти домой. Или догнать Наташу и потребовать объяснений. Или открыть глаза и проснуться… Убедиться, что всё это — болезненный сон.

Я не проснулся. Я просто пошёл куда глаза глядят. Куда-то в гущу панельных домов.

Зачем она это сделала? Зачем? Отомстила за несколько безобидных наездов на историка? Но ведь сам Карбони на меня не обиделся. Ему ничем не повредили мои выходки. Я был для него комаром, пытающимся прокусить слоновью шкуру. Он и не заметил моей ненависти. Или Наташа захотела защитить его на всякий случай? Как я на всякий случай нападал… Но для того, чтобы поступить со мной так, она должна была быть уверена, что я приду на свидание. Что я буду с ней целоваться… Неужели моя тайна вообще не тайна? Алиска сто раз говорила, что мне нравится Наташа. Если это поняла даже Алиска, естественно, Наташа тоже догадалась! Получается, она давно всё знает??? Замаскировался, называется… Проклятая любовь, почему тебя так трудно спрятать? Чудовищное чувство, которое только всё портит…

Сам не знаю, как я оказался у дома Карбони. Железная дверь в подъезд была открыта, и на ней дёргался на ветру листок «Просьба не закрывать. Ждём врача».

Мне бы тоже пригодился врач. У которого в чемоданчике есть ампулы с ядом. Доктор, поставьте мне смертельный укол. Прямо сейчас. Потому что я больше не хочу жить. Почему это так трудно — умереть по собственному желанию? Почему невозможно приказать своему сердцу не биться?

Я зашёл в тёмный подъезд. Пахло сыростью.

Поднявшись на нужный этаж, я сел у стенки. Это Карбони виноват, что всё так плохо. Только он. Не было бы его — не заварилось бы всей этой чудовищной каши. Я бы просто сидел на последней парте и смотрел на Наташу. И фотографировал на переменах. И ничего бы не случилось…

Я встал и осторожно провёл пальцем по кнопке звонка. В голове всплыл ряд картинок: историк открывает, я захожу, стреляю в него из пистолета, потом — себе в голову. И всё. Назавтра мы во всех газетах.

Осталась мелочь — найти пистолет…

Я посмотрел на кнопку. И нажал её. Только зачем?

Никто не ответил, никто не открыл. Я стоял и тупо смотрел на дверь грязно-коричневого цвета. Карбони спрятался от меня, как тогда во сне. Это он был виноват во всей истории и, когда она подошла к концу, трусливо улизнул. Я ещё немного постоял, потом смачно плюнул на дверь и начал спускаться. Трусливый историк! Как мне хотелось больно ударить его! Так чтобы Карбони ничего не успел сказать, а кулак бы уже пришёлся точно в нос. Я остановился и ударил кулаком по стене. Потом ещё. Было не больно, но я с удивлением отметил, что кожа с костяшек сбита и выступила кровь. Вытерев кулак о брюки, я сел на ступеньку, опустил голову и задумался.

Любовь — определённо гадкое состояние, лишённое смысла. Вот взять жизнь: ты её любишь, холишь, лелеешь, а она покидает тебя. Бросает и всё. То же, как я понял, и с другим человеком. Ты его любишь, а он тебя бросает. Любовь и нужна то лишь для того, чтобы ощутить зло. Я любил Наташу, чтобы ещё раз понять, что мир недобрый, он криво сделан и криво существует. Алиска любила меня за тем же. Я тоже её предал. Она думает что сегодня, но на самом деле — заранее, ещё до наших встреч. Это Алиске мир показал, что любовь — штука подлая и неприятная. Я в этом даже не виноват. Мир выбрал меня инструментом. И Наташа тоже не виновата? Я тряхнул головой. Да какая разница! Может, в мире вообще никто ни в чём не виноват, просто так задумано с самого начала…

Рука заболела. Я поднёс её к губам, слизнул кровь. Я не был прав в том, что нельзя показывать Наташе свои чувства. На самом деле надо было вытравить их, как только они появились. Никакой любви в моей жизни больше не будет. Хватит.

Не помню, сколько я сидел на лестнице. Наверное, долго. Мимо прошли какие-то парни, посмотрели на меня и вызывающе громко рассмеялись. Затем сверху послышались шаркающие шаги, а затем послышался сердобольный старушечий голос:

— Мальчик, тебе плохо? — голос обращался явно ко мне.

Я кивнул.

— А где ты живёшь? — старушка в детстве переиграла в юных следопытов. Второй вопрос оказался настолько неуместным, что я рассмеялся.

Старушка обошла меня и, внимательно посмотрев мне в лицо, видимо, поняла что-то своим старушечьим мозгом, озабоченно покивала головой и начала спускаться дальше, бурча себе под нос что-то вроде: «Вот молодёжь пошла, такие молодые, а уже напиваются».

Вот такая, ё-моё, человеческая любовь и понимание. Если бы я выглядел как сердечник или язвенник, то старушка прошаркала бы назад в свою квартиру и вызвала бы скорую, а если выглядишь как пьяный, то изволь подыхать на месте, потому что пить тебе рано. Я даже улыбнулся от такого поворота дел. Кстати, раз уж я выглядел пьяным, то нужно ж было этому соответствовать. Поэтому дальше мне пришла мысль, и вполне

здравая. По крайней мере, меня в будущем ожидала тошнота, головокружение, зато это могло отвлечь от сегодняшнего позора.

Я дождался, пока хлопнет подъездная дверь. Потом поднялся с твёрдым намерением напиться сегодня и отправился вниз по ступенькам. Думая о выпивке и уже представляя её внутри и то, как кружится моя голова после, я столкнулся на лестнице с Виктором Валентиновичем. Я его встретил там, где наверняка не мог встретить! Потому что историк мог быть где угодно: трусливо прятаться от меня в своей квартире, целоваться с Наташей в подъезде, удрать к своей бабушке или подруге, в космос неожиданно улететь на космическом корабле, но что он вот так попадётся мне на лестнице, я не мог и предположить. Историк тоже был удивлён встречей: он стоял, дурацки открыв рот, и смотрел на меня так, будто я не отбрасываю тени или уже мёртвый, а из головы моей торчит монтировка.

— Елисей? — спросил он осторожно. — Что с тобой?

В этом вопросе было так много бабкиного «Мальчик тебе плохо?», что я засмеялся.

— Со мной всё в порядке, я живой, стою у Вас в подъезде и собираюсь уйти, — отчитался я, когда смех иссяк, а затем собирался проскочить мимо, но историк задержал меня.

— Ты ко мне приходил?

— Нет, — ответил я, — с крыши спускаюсь.

— Глупая шутка! — строго сказал историк. — Что случилось?

Со своими: «Что с тобой?» и «Что случилось?» Карбони напоминал заезженную кассету, каких в детстве у меня были сотни, пока я их не выкинул.

— Ничего, — отчеканил я.

— Так, — он схватил меня за рукав. — Елисей, ты очень плохо выглядишь. Причина этого мне непонятна, но сейчас я отпустить тебя не могу. У меня предчувствие, что это может плохо кончится. Пойдём ко мне.

— Всё уже и так плохо кончилось, — грустно ответил я, однако вместо того чтобы вырваться и уйти, покорно пошёл вместе с историком к его квартире.

Не заметив подсохшего уже плевка, Карбони отпер дверь и жестом пригласил меня входить. Я снова оказался в логове своего заклятого врага.

— Разувайся, — приказал мне историк, проследил за тем, чтобы я сделал это, а затем ушёл на кухню. Мне, в общем-то, было уже всё равно: стоять ли в прихожей, удрать ли, напасть на Карбони и сбить с ног… Я остался стоять. План рухнул окончательно, и вернуть его не было никакой возможности. Алиска никогда не станет расхваливать меня, историк не покинет школу, я не буду вместе с Наташей. Всё что мне останется — стереть её из памяти и выкинуть её изображения или… Второго варианта я не придумал. Просто любовь оказалась не для меня, я попробовал — не получилось.

— Елисей, — позвал из кухни Карбони. — Иди сюда.

Я отправился на кухню. Историк осмотрел меня, остановил взгляд на кулаке, а потом сказал:

— Рассказывай.

— У Вас есть любимая девушка? — спросил я в лоб.

— Да, — ответил Карбони. — А что?

— Да так, — я подвинул к себе табурет и сел.

— Елисей, ты будешь рассказывать, что случилось, или нет?

— Не знаю, — ответил я. Мне пришёл в голову другой вопрос: — А как Вы думаете, Грааль существует?

— Думаю, нет, — сказал Карбони, — но хватит загадок. Я устал от них. Ты злишься на меня, не разговариваешь со мной, потом вдруг оказываешься у меня в подъезде.

— Хорошо, — согласился я, — сейчас я Вам всё расскажу. Напоследок.

— Напоследок?

Конечно да. Это было очевидно. Если я ему всё расскажу, мне надо прийти домой и покончить с собой. Или бросить школу. Или убить его. Вариантов, в общем, не так и много.

— Вас любит Наташа Титова.

— Ну у меня были такие подозрения. И что? — Карбони смотрел на меня, как будто сам был подростком-дебилом и мои слова для него ничего не значили.

— Что же Вы так тупите, — психанул я, — Она любит Вас, я — её. Что тут непонятного?

Он, наконец, тоже взял табурет и сел, теперь мне не надо было задирать голову и смотреть на него снизу вверх.

— И что же произошло сегодня? Она тебя бросила из-за меня?

— Нет. Я же не был её парнем. Как можно бросить того, кто тебе никто?

— Значит, — он задумался, — ты спокойно любил Наташу Титову, но вы не встречались… Потом появился я, и любить её, просто сидя на задней парте, стало проблематично.

Его странная логика завела меня в тупик. Я молчал.

— Елисей, — сказал историк, — девушки часто влюбляются в учителей, мальчики — в учительниц. Тут ничего необычного нет. Эти влюблённости быстро проходят, пойми. Если ты любишь Наташу, мог бы ей это показать. Наверняка, она бы обратила на тебя внимание. И влюблённость в меня у неё бы прошла сама собой.

Я пожал плечами.

— Ну а Грааль-то тебе зачем?

— Так, чтобы был. Знаете же эту легенду, будто бы он счастье приносит. Чем плохо?

— Ну да, Грааль, лампа Аладдина ещё, — сказал историк, вздыхая. — Ты так хочешь волшебства?

— Не помешало бы. Чтобы всё и сразу иметь, легче жить и всё в мире объяснить, — ответил я.

— В принципе я тебя понимаю. Волшебство вроде бы вещь хорошая. Только оно уменьшает человеческие усилия. Всё по мановению волшебной палочки, по чудотворному заклятию и так далее. Делать ничего не надо, сиди на попе и маши этой самой палочкой.

— Я не сидел!

— Сидел, сидел, пока не пришёл я и, фигурально выражаясь, тебя не клюнул. И даже тогда ты не начал прилагать усилия, а занервничал и впал в

депрессию. А если ничего не делать, то ничего и не будет. Я тебе это уже, кажется, говорил.

— Врёте Вы всё, — ответил я. И меня понесло: — Это только Ваша теория, а в жизни — оно по-разному. Понимаете? У Вас — так, у меня — по-другому. Вы вот думаете, что есть любовь? А её, оказывается, нет! У меня нет. Мама не любит папу, папа не любит маму. Оба они не любят меня, я не люблю их обоих и каждого по отдельности. Я не люблю Алиску, Вас тоже не люблю и весь класс и всех учителей не люблю. И они меня не любят. Кроме Алиски, но она дура и всё выдумала, что любит меня, меньше дурацких фильмов смотреть надо. И Вы, например, меня не любите, я просто свалился вам на голову. И Наташа меня не любит. Она меня сегодня так подставила, я до сих пор не верю!!! Так что, любовь — это нечто невозможное для меня, а может, и для всех людей. Нереальное. Может, оно когда-то существовало, только я по рождению уже не застал его. Только намёки, дескать, когда-то с кем-то было, а родители любили друг друга и прочая туфта. А теперь всё это — прах, история. Как разрушенные заводы, сносимые здания, ржавые гаражи и ненужные уже пожарные вышки. Вот и всё что мне осталось: смотреть на эту рухлядь, представлять, как это было когда-то где-то и с кем-то…

— Нет же, нет! — историк воспользовался тем, что я замолчал, чтобы отдышаться, вскочил и замахал руками. — Любовь это не выдумка. Иначе ничего того, что ты сейчас видишь, не было бы. Без любви ничего не создаётся.

— Тогда кто любил человека, когда создавал его?

— Природа, Бог, как хочешь, но человек был создан, и поверь, создан с любовью, бережно.

Я рассмеялся:

— А тараканов они тоже с любовью сотворили?

— Елисей, мы сейчас говорим о людях. Понимаешь? Мне всё равно — есть ли любовь у тараканов, просто я хочу сказать, что она есть у людей. У всех. И у тебя.

— У меня любви нет, — повторил я почти по буквам. — Мне казалось, что есть, но теперь я уверен, что её нет точно.

— Елисей, ты сейчас создал себе миф и ему веришь, — сказал Карбони, — просто ты встал на позицию обиженного человека: ах вот вы как, тогда я вам отомщу. Тебе, как я понял, сегодня сделали больно. Ты не хочешь рассказать как, но это очевидно. И ты готов делать больно. Пусть так. Но раньше ты никому не делал больно? Вспомни?

— И что?

— Просто не делай никому больно и любовь придёт.

— Как просто…

Историк был безмозглым дураком. Я злился на него, злился на себя за то, что вообще пришёл сюда и ещё на что-то злился непонятное мне. В кухне повисла тишина. Как бы то ни было, точки над «и» были расставлены. Историк живёт в своём мире, я — в своём. Не пересекаясь. Адьё.

— Ладно, не буду грузить Вас своими проблемами. Тем более Вам всё равно…

— Мне не всё равно. Елисей, хочу сказать тебе, что ты слишком зациклился на разрушении. А разрушением ничего не кончается, на месте рухнувшего появляется новое. И это новое нужно увидеть и принять. Жизнь не кончается тогда, когда тебя обидели.

— Освенцим разрушили и сделали музеем. А могли бы детской площадкой. Впрочем, Вам виднее, Вы историк, — последнее я сказал с особым нажимом и мстительностью.

Ему было нечего возразить. Я встал и прошёл в коридор.

— Елисей. Я не прошу тебя соглашаться с моими словами немедленно. Просто — подумай. Подумай над тем, что надо изменить в себе, чтобы найти добро вокруг себя. Мне кажется, тебе это нужно.

Я кивнул, чтобы он отстал, оделся и ушёл.

Я, наконец, принял твёрдое решение уничтожить все Наташины изображения на компьютере, удалить план и стереть из памяти всё, что с ней связано. Последнее было сложнее всего. Стереть из компьютера легко, можно, в конце концов, его развинтить, а попробуй развинтить свои мозги. Как ни старайся, не удастся. Если конечно с крыши вниз головой не сигануть. Но это — слабость. И Виктор Валентинович сможет сказать над моей могилой, что я снова ничего не попытался сделать, а просто малодушно сбежал. Ну уж нет.

К тому же Карбони был не прав, я действовал, ещё как! Просто он не знал про план. А знал бы — его бы хватил инфаркт. Ему с его мировоззрением надо было бы быть миссионером или священником. Жизнь в монастыре ему бы подошла…

Стоп! Я остановился возле своего дома. Из распахнутого окна моей квартиры доносились звуки пианино. Мать играла третий концерт Рахманинова. Она очень любила этого композитора и, пожалуй, лучше всего исполняла. Раньше. До пристрастия к выпивке. В последнее время Рахманинов давался её заплетавшимся пальцам всё хуже и хуже.

Однако сейчас играла она безошибочно и довольно долго. Неужели трезвая? Или её посетило какое-то необычное вдохновение. В любом случае это меня устраивало больше чем её слёзы и истерики. Я бегом поднялся по лестнице. Однако, открывая дверь ключом, музыку я уже не услышал. В квартире была абсолютная тишина. Словно там, внизу, мне всё показалось. Или мать почувствовала, что я приду, и назло мне перестала играть.

— Мам? — позвал я.

Ответом мне было молчание. Я заглянул в гостиную — никого. Только около пианино лежала опрокинутая бутылка коньяка. Из бутылки натекла лужа.

— Мам? — сказал я ещё раз. И посмотрел в сторону окна, от которого тянуло уличным холодом. Шторы и тюль были отодвинуты, цветочные горшки стояли на полу рядом. Как будто тут кто-то готовил площадку для того, чтобы покончить с собой. Я шагнул назад. Смотреть туда, вниз, совсем не хотелось. Я быстро вышел из комнаты, забежал на кухню, потом в спальню родителей, распахнул двери в туалет и в ванную — пусто.

Тогда я вернулся в гостиную и сел на вертящийся стульчик у пианино, чувствуя, как тревожно стучит сердце. Надо было собраться с духом и выглянуть в окно. Всё равно от того, что я сижу тут и жду, ничего уже не изменится. И почему там, внизу, так тихо? Никто не кричит, никакого шума. Человек выпрыгнул в окно (в этом я уже почти не сомневался), а никто не заметил? Не набежала толпа соседей? Невероятно!

Я всё-таки встал и выглянул. Внизу никого и ничего не было.

— Ма, ты где? — заорал я, сбрасывая куртку на пианино.

Не улетела же она! На лестнице мы не столкнулись… Что за бред?

Я пошёл в свою комнату. Мне было страшно. На самом деле. Так страшно, как давно уже не было.

Мать, против всяких правил, оказалась именно там. Она сидела на моей постели и смотрела перед собой. На меня она не взглянула, но спросила у пространства:

— Ты кто?

Я застыл на пороге, не зная, что отвечать. Что угодно я мог ждать, любого вопроса, кроме этого. Такого простого. И я сразу понял: мать сошла с ума. Временно или навсегда, но рехнулась. И меня не узнаёт. Или я сошёл с ума сам? Второе показалось мне тоже весьма вероятным. Так легко было объяснить всё, произошедшее сегодня: Наташино предательство, материн вопрос…

— Я — Лесь.

В этом я был пока уверен.

— А, Лесь, — безучастно сказала мать. — Уходи. Иди к отцу. Ты слышал, как я играла? У меня никогда так не получалось, никогда. А теперь — получилось. Потому что никого не было. Я должна быть одна. А ты — уходи!

— Ты что, меня выгоняешь? — уточнил я. Теперь уже было ясней ясного, что один из нас не в своём уме. Или нет, всё правильно — просто мать, наконец-то сказала правду. Я ей не нужен. И Наташе не нужен. И никому.

— Лесь, ты меня никогда не любил, — сказала мать, — я любила своих родителей. А ты меня — нет. Даже если я выброшусь из окна, в твоей жизни ничего не изменится. Я думала над этим, думала. И поняла — ты не мой сын.

— Я на тебя похож, — напомнил ей я.

— Ну и что? — мать глупо хихикнула и всё так же смотрела в сторону, — даже собаки с хозяевами со временем становятся похожи. Ты не мой сын. Ты меня не любишь.

— Это ты меня не любишь, — заорал я, — тебе всегда на меня было наплевать. Ты знать не знаешь, что со мной происходит! Я сегодня всё потерял. Понимаешь? Всё! Я не знаю, как мне дальше жить. Но ты мне ни за что не поможешь. Потому что всю жизнь мечтала о девочке, которая бы играла на пианино. Потому что ты пьёшь и у тебя несёт крышу. И даже если я выброшусь из окна, ты тоже не заметишь!

Орал я громко. Мать даже повернулась ко мне и часто-часто заморгала, как всегда делала перед тем, как разреветься. А потом, когда я выдохся, вдруг спросила:

— Тебе понравилось, как я играла?

— Я не слышал, — крикнул я, — не слышал! Поняла?

Она разревелась и выскочила из комнаты. И хорошо. Пусть бежит в гостиную, пусть бросается в окно, пусть всё это хоть чем-то кончится! Пусть всё кончится. Я так больше не могу! Я упал на постель и закрыл уши руками — сквозь стену снова послышались звуки третьего концерта. На этот раз почти все ноты были фальшивы, мать просто барабанила по клавишам как попало. Я встал, закрыл дверь в комнату, вытащил ящик из стола и принялся рвать Наташины фотографии. Разрывая, я кидал их вверх и они падали на пол, на диван, мне на плечи. Потом зазвонил телефон. Мать в гостиной не подошла, музыка не замолкала. Телефон звонил и звонил. Наконец, мне показалось, что ещё один звонок просто распилит мне мозг. Я вскочил и сорвал с аппарата в своей комнате трубку.

— Елисей, это ты? — послышался Алискин голос.

— Да!

— Елисей, помоги мне, — заревела Алиска, — я таблеток наглоталась, мамы нет, скорую хотела вызвать, а мне говорят — чтобы взрослый позвонил. Мне страшно!

— Дура, — проорал я, — дура, дура, идиотка! Быстро иди в туалет и сунь два пальца в рот. Или иди к соседям. Быстро!!! Ты меня слышишь? Бегом!!!

Алиска что-то вякнула и положила трубку.

Я остался стоять с пикающим телефоном, среди обрывков фотографий любимой до сегодняшнего дня девушки. Меня окружал фальшивый Рахманинов и пустота. Со всех сторон. И в этой пустоте непонятно откуда появился голос историка. Голос говорил про разрушение и про то, что на обломках возникает новое. Я мог разрушиться сейчас, я это чувствовал. Даже если не прыгать в окно, даже если ничего не делать, от меня могло ничего не остаться. Потому что природа создавала человека слишком давно, и тогда она сделала это с любовью, но вся любовь износилась со временем. Превратилась в дешёвые пиратские копии… И моя копия истёрлась до дыр. Но я мог и выжить, если сделаю что-то. Что-то, чего бы раньше не сделал. Что-то хорошее. Тогда замкнутый круг, в котором я нахожусь, рухнет. Пустота исчезнет. И потом всё как-нибудь наладится. Голос историка был словно мостик через ничто. Потому что историк хорошо ко мне относился. Он действительно хотел мне помочь. Он хотел, чтобы у меня всё было хорошо. И я хочу, чтобы всё было хорошо. Я хочу жить. Я не хочу свихнуться из-за того, что любимая девушка оказалась жестокой… Я сам таким был. Был жесток к человеку, который меня любит… К единственному человеку, которому я на самом деле очень-очень нужен. Я был бесконечно виноват перед Алиской. А если она умрёт???

Я быстро набрал Алискин номер. Она взяла трубку сразу.

— Открой входную дверь на всякий случай, — сказал я, — и пытайся вызвать рвоту. Я бегу к тебе. Ты слышишь?

Так было правильно. Алиске было плохо из-за меня. Когда я писал план, я просчитался, я не

подумал что глупая Зеленина — живой человек. И он может думать, чувствовать и даже умереть. Из-за меня.

Через пять минут я уже бежал по скользкой улице спасать девчонку, которая раньше мне была совсем не нужна.

Как-то всё, что было до этого, вылетело из головы. Весь сегодняшний день, событий которого хватило бы и на полгода, и историк, и мать, и Наташа. Я очень быстро добежал до Алискиного подъезда, взлетел на ступеньки, поскользнулся, грохнулся коленом и, прихрамывая и чертыхаясь, понёсся по лестнице. Дверь я ударил плечом и она, как и ожидалось, распахнулась, громко стукнувшись об стену в коридоре.

— Алиска! — громко крикнул я и, не дожидаясь ответа, пошёл в ванную. На полу за мной оставались грязно-снежные следы.

Алиска обнаружилась именно там, она сидела на корточках, лицо у неё было бледное и зарёванное. Увидев меня, она снова разрыдалась:

— Лесь…

— Ёлки палки, что же вы все такие мокроглазые? — я присел рядом. — Сделала, что я сказал?

Алиска энергично закивала головой.

— Вышли таблетки?

Алиска ещё раз покивала.

— Воду после этого пила?

— Нет, — выдавила из себя Алиска.

— Пойдём на кухню, желудок надо промывать хорошо, а то мало ли.

Я протянул руку, подхватил Алиску и силой поставил её на ноги. Затем так же силой потянул на кухню, включил кран и набрал воды в первую попавшуюся чашку. Алиска замотала головой, но я поднёс чашку к её губам и заставил пить.

— Ну ты и дура, — говорил я, пока она глотала. — А если бы я не пришёл? Если бы я тебя послал нафиг? В гроб скорее захотелось? Ладно, я — сволочь, а вдруг бы тебе попался потом хороший парень?

— Я тебя люблю, — простонала Алиска, отстраняясь от чашки. — А ты любишь Наташу.

— Я никого не люблю, — пояснил я. — Совсем никого.

— Ты целовался с Наташей, — говорила Алиска, а я уже тащил её обратно в ванную. — Значит, ты её любишь, а я тебе совсем не нужна.

Против этого возразить было сложно. И я сказал:

— Думай что хочешь, только потом, а сейчас снова два пальца в рот. Я в коридоре подожду.

Прикрыв дверь ванной комнаты, я, наконец, стянул куртку, разулся и, кинув обувь к порогу, пошёл на кухню. На кухне налил чайник и поставил на плиту. Затем отправился к неудавшейся самоубийце. Эмоций уже не было, была только прямая задача — помочь этой дурочке. Эту задачу я и выполнял, как мог.

— Не получается, — сообщила Алиска.

— Плохо стараешься, или мало воды выпила. Ещё чашку?

— Не надо, пожалуйста, — жалобно попросила Алиска. — Мне уже лучше.

— У тебя вон лицо бело-серое, — не сдавался я. — Где ж тебе лучше?

— Правда, лучше, — глаза у Алиски снова были на мокром месте. — Ты пришёл. Прости меня, я не хотела тебя звать. Тем более я тебе не нужна.

— Не прибедняйся, — сказал я, — видишь, прибежал, значит нужна. Я к тебе, наверное, привык.

После этих слов я испугался. Мне не хотелось этого говорить. Привык или не привык, мне и самому было ещё не понятно. Я сам не знал, почему я здесь. Из-за привычки, из-за слов Виктора о добре, просто из-за чего-то человеческого, что, наверняка, во мне есть, не полный же я подонок… А слово «привык» могло Алиску обнадёжить. Она могла броситься мне на шею, начать нести глупости.

Но Алиска не бросилась, только сказала:

— Спасибо.

— Не за что, — ответил я, — давай, попробуй ещё. Вырвет чистой водой — значит, всё в порядке. Обошлось.

Я сел на кухне, глядя на начинающий шуметь чайник, взял со стола ложку и начал тупо вертеть её в руках. Всё будет хорошо. Хорошо, что Алиска струсила и мне позвонила. А могла бы не позвонить и умереть. Или её бы спасли и положили в психушку. А Наташа бы всем рассказала, что это я виноват во всём. Я стукнул ложкой по столу, потом швырнул её в угол. Не надо думать о Наташе. Её больше не существует. Буду считать, что это она отравилась и исчезла. Забуду это всё и начну жить сначала.

Через десять минут Алиска, держась за стеночку, приковыляла в кухню и сообщила:

— Всё. Вода вышла.

— Значит, будешь жить. Долго и счастливо, — я нашёл заварочный чайник и налил себе и Алиске крепкого чая.

— Счастливо, угу, — вздохнула Алиска.

— А куда ты нафиг денешься? — усмехнулся я. — Ты же меня любишь? Да. Я тебя спас? Да. Не можешь же ты забить на все мои усилия и траваннуться снова.

— Не могу, — согласилась она почти нормальным голосом, — это очень-очень страшно. Я как подумала, что по правде умру…

— Пей чай, — сказал я. — Но сначала дай слово, что ничего с собой никогда не сделаешь. Я тебе дал, помнишь? И ты мне дай.

— Честное слово. Лесь… А может всё не так, как я подумала? Может это шутка… Может вы не всерьёз целовались? Скажи правду, а?

Пора было сказать правду. Терять уже было нечего. Всё, что могло, уже случилось, и план был только разрушенным прошлым. Историей…

— Мне нравилась Наташа. Теперь — нет. Позвала на свидание меня она, теперь я понимаю, что тебе назло. Или мне назло, чтобы и ты меня бросила. И специально полезла целоваться. Хотя я сам этого хотел. Теперь — не хочу. У меня были её фотки, так вот я их порвал.

Алиска снова вздохнула, так глубоко, что я кожей ощутил её тоску.

— А мне ты всё время врал что любишь?

Я молча смотрел в чашку.

— Ты сволочь, Лесь, — сказала Алиска, — но я тебя всё равно люблю.

— Ты только одна меня и любишь, — я выдавил кривую улыбку, — хотя это и странно. Зачем любить сволочь? Я бы на твоём месте не стал.

Столько правды подряд сказать — это был перебор. К тому же я вспомнил, что дома осталась мать, которая говорила сегодня полную ерунду. Может за то время, что я буду здесь, она успокоится, проспится и всё станет на свои места. А вдруг нет?

— Значит, мы больше никогда не встретимся? — спросила Алиска.

— Почему?

— Кроме школы. Ты же больше не пойдёшь со мной гулять.

— А ты ещё хочешь со мной гулять? — удивился я. Алискина логика была мне непонятна. Наташа меня предала, и я даже видеть её не хочу. Я предал Алиску, но она жалеет, что мы больше не пойдём гулять… Бред…

— Хочу.

— Ну раз хочешь, можем и гулять. Почему нет?

— Правда? — она улыбнулась. И стала уже почти обычной Алиской. Чуть бледноватой и с припухшими глазами, но похожей уже на себя, а не на привидение, которое я увидел, когда вошёл. Кажется, моя миссия спасителя была выполнена.

— Правда — правда, — сказал я. — Врать, что я влюблён в тебя по уши, я не буду, но просто погулять, как друзья мы вполне сможем. Я не против.

Алиска окончательно успокоилась и спросила:

— А можно я Наташе расскажу, что было? И что мы с тобой всё-таки друзья?

— Как хочешь. Кстати, когда твоя мать придёт?

— Через час-полтора.

— Тогда давай я пойду домой, а ты пол вытри, чтобы не видно было что кто-то приходил, и ложись отдохни, а то глаза красные. Упаковка от таблеток где?

Алиска вытащила коробочку из кармана. Я взял её и сунул в карман к себе:

— Выкину по дороге. В общем, всё поняла? Давай без фокусов, я тебе позвоню вечером. А завтра пойдём гулять.

Когда я вышел в подъезд, то понял, что всё сделал правильно. И что пообещал гулять — тоже правильно. Теперь Алиска ни за что свой опыт не повторит, будет ждать свидания. А от меня, пожалуй, ничего не отвалится, если я её несколько раз выгуляю. Будем считать, что это мне месть за план. Хотя, если честно, я не был против ещё встретится с Зелениной. Может от отупения после всех событий сегодня, а может, и правда, привык.

Однако день ещё не кончился, как бы мне этого ни хотелось… Хорошо бы, если бы уже наступила ночь, все легли спать, и всё забылось. Но так бывает только в сказках. В реальности день чем хуже, тем дольше он длится. И, если он совсем отвратителен, то может откусить и часть ночи… Я подозревал, что сегодняшний день будет именно таким. Если вообще когда-нибудь прекратится.

Около своего дома я остановился и посмотрел на окно — мать его так и не закрыла. Наверное, в квартире было уже очень холодно. По крайней мере в гостиной. Значит, мать не там. Скорее всего, в спальне с бутылкой. Я подошёл к скамейке у подъезда и сел. Идти в дом не хотелось. Я устал. Может пойти к отцу? Но куда? Чтобы узнать, где он, ему надо позвонить, чтобы позвонить, надо подняться в квартиру. Я впервые пожалел, что у меня нет мобильника. То есть он был, но я его потерял. И новый не просил. Всё равно мне было некому звонить, друзей у меня нет. Сейчас бы звякнул, узнал где отец и пошёл к нему. Хотя… Всё равно пришлось бы вернуться. Так какая разница — сейчас или через пару часов.

Я собрался с духом, встал и пошёл домой с одной только мечтой — чтобы мать уже спала. Тогда, пожалуй, и я бы сразу уснул. Рухнул среди обрывков фотографий и отрубился. Дня на два… или на три. Выспался бы как следует, и потом решил, как мне жить дальше.

Пусть она спит. Я поднял глаза к потолку подъезда и попросил Бога, в которого не верю, чтобы мне дали передышку…

Бог не пошёл мне навстречу. Либо по той причине, что его всё-таки не существует, либо по той, что для него не существую я. Когда я открыл ключом дверь и толкнул её, оказалось, что дверь не открывается. Я сначала не осознал это и толкнул дверь снова. Но там, с той стороны, её что-то держало. Я налёг на дверь изо всех сил — бесполезно.

В подъезде никого не было, соседей я практически не знал. Я растерялся. Надо было открыть дверь обязательно, во что бы то ни стало, но у меня не хватало сил. Мне должен был кто-то помочь. Но кто? Никто не захотел бы мне помогать. Я был никому не нужен. Эгоистичные люди вокруг заботились только о себе. Кроме людей уж совсем больных на голову, типа историка Карбони.

Историка?

Я побежал вниз по ступенькам, уговаривая про себя несуществующего Бога, чтобы тот сделал самую простую вещь. Пусть историк будет дома, пусть не уйдёт к девушке. Пусть согласится мне помочь!

За сегодняшний день я, очевидно, достал Виктора Валентиновича больше, чем за всё время знакомства. Утром он шёл домой, хотел расслабиться, а тут я. Сейчас, наверное, отдыхает, а тут снова я. Но другого выхода не было. Перед тем, как позвонить, я вспомнил, что плюнул на дверь. И протёр её спиной примерно там, куда попал. А то неудобно как-то обращаться за помощью после этого. Вот ведь правильная примета: не оставляй ничего после себя, а то вернёшься. Заодно и отдышался. От всей сегодняшней беготни я вспотел, свитер у меня прилипал к спине, и в шапке было жарко. Я стащил её, сунул в карман и, наконец, позвонил.

Историк, в тапочках и с газеткой под мышкой, что-то дожёвывал и так удивился моему приходу, что жевать перестал.

— Здравствуйте, это опять я.

— Так, — он кивнул.

— Я за помощью…

— Заходи, — предложил Карбони.

— Можно мне от вас позвонить? — спросил я. — Больше неоткуда. Это срочно!

— Позвони.

Карбони пропустил меня в квартиру, показал на телефон в коридоре.

Я взял трубку, припомнил номер мобильного телефона отца и набрал его. Гудки, гудки — никто не отвечает. Я чертыхнулся и набрал номер снова.

— Что-то серьёзное? — спросил стоявший рядом историк.

Я покивал. Из трубки неслись только гудки, и с каждым следующим моя надежда на помощь отца стремилась к нулю. Либо он не отзывается, потому что незнакомый номер, либо, что вероятнее, телефон просто выложил. Или есть ещё какие-то причины. Я нажал рычажок сброса и посмотрел на историка.

— Может с мобильного надо позвонить? — предложил тот. — Дать?

— Не поможет, — сказал я. — У меня мать забаррикадировалась в квартире. Моих сил, чтобы открыть дверь, не хватает. Мало ли что с ней может случиться. А отец, наверное, не ответит на незнакомый номер.

Тут я остановился и больше ничего говорить не стал.

— Вот что, — сказал Карбони. — Пойдём к тебе. Я возьму телефон и сориентируемся на месте. Если что вызовем отряд мчс, они всё открыть могут. Чем у вас там можно заблокировать дверь?

Он начал одеваться, а я задумался. Тяжёлую мебель мать сдвинуть не могла. Разве что комод из коридора. Если напряглась, то подтащила. А потом, возможно, накидала на него что-нибудь типа книг, стулья опять же могла принести. Одному мне это не отодвинуть, с Карбони — скорее всего, справимся и без мчс. Я почти успокоился.

Историк запер квартиру и посмотрел на меня:

— Идём? Ты опять с голыми ушами?

— А? Нет, — я вытащил из кармана шапку. Следом вывалилась упаковка от таблеток, которую я взял у Зелениной.

Карбони успел нагнуться первым. Взял коробочку, повертел в руках и уставился на меня подозрительно.

— Это не моё, — махнул рукой я. — Ну мы идём?

— Ага, не твоё, — хмыкнул историк, — и коньяк ты тогда не себе покупал и это не твоё.

— А Вы что, думаете, что я сожрал пачку таблеток и бегаю туда-сюда как заяц?

— Я думаю, что у тебя в жизни происходит какая-то запутанная история. Ну хорошо, пойдём, потом всё выясним.

Коробочку он сунул к себе в карман. Я пожал плечами, надел шапку и мы пошли. Очень быстро пошли, и я опять весь вспотел. Наверное, сегодня я поставил личный рекорд по беготне. Чем ближе мы подходили к дому, тем больше мне становилось всё равно, чем это всё кончится. Энергия, с которой я спасал Алиску и ощущение, что всё правильно, окончательно испарились. Я шёл к дому на автопилоте и вёл туда историка. Чтобы открыть или не открыть дверь. Лично для меня разница между двумя исходами с каждым шагом терялась. Карбони, наоборот, был сосредоточенный и целеустремлённый. Он спросил у меня номер отца, забил его в свой мобильник и продолжал на ходу дозваниваться. Отец так и не отвечал.

У дома я показал на открытое окно:

— Мать утром открыла, так и открыто. Я думал, она в него кинулась. Потом она сказала, что меня не знает, и чтобы я уходил.

— И ты ушёл? — серьёзно спросил историк.

— Ушёл.

— Почему?

— К Алиске пошёл.

— Мда… Елисей…

Я понял, что он сейчас скажет: что я должен был остаться, помочь маме, а я как эгоист взял и ушёл. Я не дал ему открыть рот и показал на его карман:

— Алиска наглоталась вот этих таблеток. И мне позвонила, я к ней побежал. Желудок промывать.

— Ох…

— Да всё нормально, её вырвало всеми этими таблетками и все дела. Хотя дура, конечно.

Мы поднялись по лестнице к нашей квартире. Я попробовал открыть, но ничего не изменилось — дверь была подпёрта с той стороны.

— Ну, давай вместе, — сказал Карбони, и мы изо всех сил налегли на дверь. Со скрипом и невероятно медленно дверь, тем не менее, поддалась.

— Откроем, — понял я.

— Конечно. Постараемся и откроем.

Мы старались ещё десяток минут. После чего образовалась щель, достаточная, чтобы туда пролез я. Что я и сделал. С той стороны действительно стоял комод, на нём — перевёрнутый стул от пианино, книги, вещи. Ящики комода были вставлены неровно и я понял, как матери удалось его сюда подтащить — она сначала вытащила из него все ящики, а потом, когда он встал, как ей было надо, снова вставила. И продолжала таскать сюда вещи, чтобы баррикада стала надёжней. Я поступил, как она — вытащил ящики и перенёс их к стене. После этого мы с историком окончательно открыли дверь, и он вошёл в квартиру. Было тихо. Как будто мы отпирали пустое помещение. Похоже, матери стало всё равно — откроют её или нет, как и мне в последнее время было это всё равно.

— Вместе пойдём или ты сам? — спросил историк.

— Вместе.

Одному ходить по комнатам искать мать не хотелось. Я уже делал это сегодня. Я показал в сторону спальни:

— Её комната.

Историк подошёл к прикрытой двери, постучал, потом открыл. Я стоял позади него и посмотрел в комнату вторым. Потому что надо было, наверное, посмотреть. В конце концов, мы у меня дома, а не у него. Мать не спала, сидела на их с отцом кровати точно так же как утром на моей. Только утром она заметила, что я вошёл. А сейчас — нет. Как будто нас совсем не было. Карбони снова постучал по двери — нарочно громко. Никакой реакции.

— Надо скорую вызвать, — сказал он с сожалением.

— Угу.

— Телефон где?

— Там, — я махнул рукой в сторону своей комнаты.

Историк пошёл звонить. А я — закрывать окно в гостиной. Успел только притворить створки, как Карбони меня позвал. Стал спрашивать имя-отчество-адрес, я отвечал и смотрел, как он стоит на обрывках Наташиных фоток. Это было смешно. Она его так любит, а он стоит на её лице и хоть бы хны. Я засмеялся. Наташа была никому не нужна. Виктор Валентинович от моего смеха вздрогнул и переступил ногами. Теперь он стоял на обрывке Наташиной руки с сумочкой. Я расхохотался ещё громче. Меня просто трясло от смеха. Вот и всё. Она никому не нужна! Её больше нет. А Алиска есть. Чёрно-белая, не распечатанная, лежащая в папке «мои рисунки» на компьютере, но есть! А Наташи — нет. Может, когда я её снова увижу, то не узнаю?

Историк, наконец, договорил со «скорой» и, повесив трубку, обхватил меня за плечи и поволок на кухню. Потому что я продолжал хохотать и не мог остановиться. Нет, правда, разве это не до слёз смешно? Я что-то выдумывал, строил планы, хотел зла Виктору, хотел любви от Наташи, манипулировал Алиской. И что вышло? Всё рухнуло. Наташа меня предала, Виктор мне помогает, а к Алиске я привык. Я был круглым дураком со своим планом. Если бы я просто жил и ничего не придумывал, было бы куда лучше.

Я увидел у себя перед носом стакан воды. Историк пытался насильно напоить меня, точно так же как сегодня я поил Алиску. И это тоже было смешно.

— Я не могу! — заорал я сквозь смех. — Не могу! Это бред какой-то!!!

— Лесь, тихо. Ну, успокойся, — сказал он, — успокойся, всё нормально.

Он неправильно меня назвал. Не по школьному, а так, как называли знакомые. Я замолчал. Карбони снова придвинул ко мне стакан:

— Попей воды.

Я послушно глотнул. И понял, что сейчас всё-таки выключусь. Предохранители перегорели, мозг не вмещал больше ничего. Ни одного звука и ни одной картинки. Я хотел спать. Чудовищно, нечеловечески хотел спать.

Он довёл меня до дивана и последнее, что я запомнил — как мой бывший враг Виктор Карбони сидит рядом и смотрит на стену, увешанную фотографиями разрухи…

Я проснулся. Было тихо и прохладно. В открытую форточку сквозило. Я встал, чтобы её закрыть. За окном медленно падал снег. Крупными пушистыми снежинками… Земля уже была застелена ровным белым ковром. И от этого на улице было светлее, чем положено в это время суток. Я стоял и смотрел на белый-белый город. Это было красиво. Где фотоаппарат? Я обернулся. В комнате был жуткий беспорядок — листочки, листочки на полу, на стуле как попало валялась моя одежда. А в кресле у стены сидя спал историк. Я поёжился. Всё, что вчера произошло, начало вспоминаться. Я снова поёжился, взял со стула свитер, надел его. Часть вечера не припоминалась. Последнее что я помнил — как лежу на диване одетый. И «скорая» ещё не приехала. Если я потом проснулся, снял одежду, лёг под одеяло, то я этого не помню. И если я видел, как приехала «скорая», то тоже этого не помню. Я пожал плечами. Ну не помню и ладно. Надо пойти на кухню, взять мусорный мешок и собрать клочки фотографий. Они больше не нужны. Я на цыпочках вышел из комнаты. Будить историка не хотелось. Можно было и так догадаться, почему он тут — телефон отца так и не ответил. Я вернулся с мешком и начал сгребать туда обрывки. Мне уже было всё равно, что это части Наташиных изображений, просто неприятно было, что в комнате беспорядок. Я собрал клочки до последнего, унёс мешок в кухню. Историк не проснулся, наверное, его тоже крепко умотала вчерашняя ситуация.

Я прошёл в гостиную. Взял трубку с телефонного аппарата. Снова позвонил отцу, уже не надеясь, что тот ответит. Но неожиданно гудки прервались.

— Да?

— Ты где был вчера весь вечер? — спросил я.

Отец хмыкнул:

— Раньше такие вопросы задавала твоя мать.

— Больше не задаст, не волнуйся.

Я спокойно изложил всё, что произошло.

— Я сейчас приеду, — сказал отец.

— Можешь не торопиться.

Я нажал на рычажок. И стал набирать следующий номер. Алискин. Алиска ещё спала и, когда взяла трубку, никак не могла сообразить, что это я и чего мне надо.

— Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, — Алиска помолчала, — а ты?

— Не знаю. Пойдём вечером гулять?

— Пойдём.

— Я ещё позвоню.

Стул от пианино так и валялся в прихожей. Это тоже был непорядок. Я поднял его и поставил на место. Потом сел за инструмент, открыл крышку. Мне очень хотелось сыграть. Впервые за много лет. Но я знал, что не смогу. Поэтому просто смотрел на клавиши. Сидел я долго. Сидел, смотрел, и только в моей голове плыла музыка. Обрывки Лунной сонаты, третьего концерта Рахманинова, музыка Грига.

Вскоре я почувствовал, что на меня смотрят, и повернулся. В дверях стоял заспанный историк.

— Доброе утро, — сказал я сразу. Мне не хотелось, чтобы он подумал, что я сошёл с ума. Сижу, смотрю на пианино, молчу.

— Доброе, — согласился он. — Ты как?

— Выспался.

— Я тоже.

— Сейчас отец приедет, — вспомнил я, — наконец-то я дозвонился. И Алиске позвонил — у неё всё хорошо.

Историк прошёл к дивану и сел.

— Виктор Валентинович, — сказал я, — Вы меня простите, что всё так вышло. Что Вам пришлось тут ночевать из-за меня.

— Лесь, — он покачал головой, — какая ерунда…

— Всем друг на друга наплевать. А Вы мне помогли. Хотя не были обязаны это делать. Даже логичней было бы, если бы Вы не пошли со мной, потому что я Вас ненавидел. И был неправ.

В этом было нетрудно признаться.

— Во многом был неправ. Теперь понял. Хотя знаете… Грааль бы не помешал мне. В этом я был прав, а не Вы. Волшебство — это прекрасно.

— Лесь, да каждый сам себе волшебник, пойми.

— Как это?

— Просто, — Карбони снова стал отчаянно жестикулировать, как делал всегда, когда говорил то, в чём железно уверен, — вот ты переживаешь, что все к тебе плохо относятся. Так?

— А если так?

— Надо определиться, чего ты хочешь.

— Чтобы всё было хорошо.

— Это расплывчато. Давай точнее. Выбери какие-нибудь конкретные желания. Можешь? К примеру: хочу дружить с Наташей.

— Ну уж нет, — сказал я. — Может я не прав, но не хочу.

— Тогда сам думай, чего ты хочешь.

Я подумал. Хотя мысли давались с трудом. От чего бы мне было хорошо? Ну хотя бы, если бы было всё как раньше. Пусть у меня нет друзей, я привык быть один. Школа, дом, иногда с Алиской погулять, иногда полазить по развалинам, иногда поговорить с Карбони… Как ни странно, мне понравилось с ним общаться. Может, потому, что это был редкий человек, который меня не прогонял? Но из всей этой цепочки реальны была только Алиска, развалины и школа. Дом? Что теперь дома будет, я даже думать не хочу, да и историк, возможно, не будет больше со мной беседовать. Вдруг я его переутомил.

— Ну, подумал?

— Не знаю, — сказал я, — буду с Алиской гулять. Я с ней ужасно поступил, потом всё понял. Она меня любит. А так… не знаю, что я хочу. Хочу, чтобы всё было хорошо и всё. Чтобы как раньше. Хотя бы… Ну и мама с папой чтобы были.

— Лесь, маму забрали в больницу, но это ещё не конец, верно? Если ты будешь к ней ходить, она обязательно вылечится и вернётся. Ты же этого хочешь?

Я кивнул.

— И Наташу лучше простить, — сообщил Карбони, — Даже не ради неё, а ради себя. Чтобы не думать о плохом, не держать зла.

Я пожал плечами. Сейчас я не был зол на Наташу. Мне было всё равно.

— Просто не думай о плохом, договорились?

Я снова кивнул. Сейчас соглашаться было легче лёгкого… Думать вообще ни о чём не хотелось.

— Снег сегодня красивый, — сказал я, наконец, встал и пошёл искать фотик.

Через полчаса приехал отец. Они разговаривали с историком на кухне, а я сидел у себя и рисовал. Алиску, похожую на Наташу, потом руки матери над клавишами, потом — распахнутое окно. Я сильно жал на карандаши и вскоре все они сломались. Точить было лень. Я собрал рисунки и бросил на постель.

В коридоре послышались шаги. Карбони заглянул ко мне и сказал:

— Лесь, я ухожу. Пока. Увидимся после каникул. Но если что — ты позвони. Дать номер?

Я взял верхний из своих рисунков — руки над клавишами, ручку и протянул ему:

— Напишите здесь.

Он написал цифры, перевернул листок:

— Ты красиво рисуешь.

— Знаю. Хотя комиксы с трупами у меня получаются лучше, чем просто картинки.

— И фотографии делаешь оригинальные, — продолжил он, не обратив внимания на мои слова. — Ты просто упёрся в идею, что мир плох. Но ты можешь из неё выбраться. Просто постарайся. Я не повторяюсь?

— Повторяетесь, — я улыбнулся. — Но может быть Вы в чём-то и правы…

Дверь за ним закрылась. Я сел на подоконник и подождал, когда он выйдет из подъезда. Он вышел в снегопад, поднял воротник и пошёл к себе. Он был счастливым человеком, этот стукнутый историк. Он верил в хорошее. И не только верил, но и делал. Я вдруг почувствовал, что историк мне нравится. Даже пусть он неадекватный. В нём что-то было. Какая-то сила.

— Лесь, — отец прошёл в комнату, — ты зачем на подоконник сел?

— Прыгнуть хочу, — пошутил я. Но тут же понял, что шутка неудачная. — Извини. Смотрел, какой там снегопад.

— Да, красиво.

— Ты теперь не уйдёшь? Будешь жить здесь?

— По-твоему я могу тебя бросить?

— Один раз бросил, — напомнил ему я, по-прежнему глядя в окно.

— Лесь, понимаешь, это очень сложно объяснить, я не мог оставаться с твоей мамой. Мы расстались, но это не значит, что я тебя бросил.

— Ты что, приведёшь сюда другую женщину? — перебил я его.

— Нет, ты что, конечно нет.

Я ему поверил. И слез с окна:

— Тогда больше ничего не говори.

— Хорошо. Ты меня прости, ладно? Я и подумать не мог, что всё так получится. Я думал, что мы ссоримся, скандалим, а когда я уйду, вам будет спокойней жить.

По версии историка отца тоже надо было простить. Даже просто ради себя.

— Простил, — сказал я.

— А этот твой Виктор Валентинович — хороший мужик, — улыбнулся отец. — А я вчера оставил мобильник в офисе. Сегодня приехал туда пораньше.

— Да, он хороший.

Отец помолчал, отыскивая тему для разговора, но так и не нашёл и спросил:

— Ты голодный? Приготовить что-нибудь?

— Готовь, — согласился я. — А чуть позже я пойду с одноклассницей погуляю. Можно?

Как будто он мог сказать «нет». Всё равно я бы пошёл.

— Конечно можно. Такая хорошая погода.

Отец ушёл на кухню, начал искать продукты в холодильнике и шкафчиках, а я сел рядом с теле-

фоном. Вдруг захотелось позвонить Наташе. И сказать, что ничего у неё не получилось. Что мы с Алиской будем дружить. Потом захотелось сказать, что я её раньше любил. Но всё это я высказал про себя телефону. А набирать номер не стал. Всё это не имело значения. Про любовь Наташа и так знала, а я знал, что остальное ей не интересно. Наташа была похожа на меня, как оказалось. Ей понравился Виктор Валентинович, а я мешал. И она взяла меня как котёнка за шиворот и отбросила. Тем способом, который первый пришёл в голову. Я усмехнулся. Не рой другому яму, как говорится. А я вырыл и грохнулся в неё. Теперь, по идее, я мог бы начать мстить. Найти способ, как сделать Наташе плохо. Только я не собирался этого делать. Как ни крути, это тоже схема. А я не буду жить по ней, не буду таким, как все… Может, так я и найду своё счастье? Карбони же нашёл…

Надо было что-то делать, чем-то занять себя до прогулки с Алиской. И я всё-таки поточил карандаши. И сел рисовать. На большом листе я рисовал историка, уходящего в снегопад мимо Наташиного дома…

В середине декабря случилась редкая для наших мест оттепель — температура поднялась выше нуля. Мы с отцом собирались в больницу. Я ехал туда впервые. Раньше меня просто не пускали. Отец возился на кухне, собирая передачу, я зашёл в комнату положить школьный рюкзак, потому что только что вернулся с факультатива. С тех пор, как я перестал злиться на историка, и стал слушать его на занятиях, оказалось, что он отлично знает свой предмет и очень интересно преподаёт. Я даже начал подумывать о том, что история — не такая уж ерунда и глупость. И определённо несёт какой-то смысл. Тем более что Виктор Валентинович стал давать мне книжки, которых я никогда не читал и даже не знал, что такие бывают. И интерес к чтению тоже стал ко мне возвращаться. Когда я находил в книгах идеи, которые не встречал до этого, я очень радовался…

— Лесь, ты там уснул? Едем?

Отец был неисправим. Я усмехнулся. Мне казалось, что я так сильно поменялся с того злополучного дня. Стараюсь думать не только о себе, стараюсь делать что-то хорошее. Даже вместо зловещих комиксов всё чаще и чаще рисую картинки — природу, виды города… Изо всех сил стараюсь найти что-то хорошее в мире. Но отец этого не замечает. Он не стал со мной больше общаться. Просто живёт в той же квартире, что и я, просто готовит еду вместо матери и чуть раньше возвращается с работы, потому что так ему рекомендовал врач, лечащий мать. Мол, мальчик перенёс психотравму и надо уделять ему внимание. Отец начал приходить пораньше и смотреть телевизор. Наверное, он не знал, о чём со мной говорить, кроме как о школе. И я махнул на это рукой. Неисправим, так неисправим. Я сам найду себе занятие. А если мне приспичит с кем-то поговорить, поговорю с Виктором Валентиновичем. Он не прогонит. Хотя этими разговорами я тоже не злоупотреблял. Что-то и во мне было неисправимое. В моей привычке к одиночеству и скрытности.

— Едем, — сказал я, — уже иду.

Машина брызгала во все стороны тающим снегом, а я смотрел в окно. Город снова был серый. Такой же, как в октябре. Ничего в нём не поменялось. Для города несколько месяцев — вовсе не срок. Только человек может измениться за это время.

Больница была когда-то белая, но сейчас штукатурка облупилась и покрыла стены причудливыми сероватыми узорами. Как на географической карте были на ней материки и океаны, реки и проливы… Я достал фотоаппарат. Подержал в руке и убрал. Было что-то неправильное в том, чтобы фотографировать сумасшедший дом. По крайней мере, мне так показалось. Внутри, в вестибюле, краска на стенах была голубая, а на полу — коричневая плитка. Я сел на стул в уголке и сосредоточился на цветах. Плафоны на потолке — молочные, кое-где за ними висит паутина. Ручки на дверях, ведущих из вестибюля — чёрные.

Отец пошёл к справочному, где за стеклом две тётки в белых халатах что-то хлебали из стаканов в старых железных подстаканниках…

Я отвернулся и уставился в окно. Мир за ним был разделён на квадратики ржавой решёткой. Больничный парк и высокий забор. Больше — ничего. На этом мир заканчивался.

— Лесик…

Я оглянулся. Передо мной стояли родители. Папа обнимал маму. Маме абсолютно не шёл больничный халат — дома она не носила халатов. Тем более таких — обвисших и с оторванными карманами. А вообще она выглядела как и раньше. Абсолютно нормально. И я сказал:

— Привет, мам.

— Я по тебе очень соскучилась.

Мать подошла ко мне и обняла. От неё очень сильно пахло лекарствами.

— Я тоже соскучился.

Это было правдой. Первые дни, когда мы с отцом жили вдвоём, я чувствовал, что даже воздух в доме стал легче. Никто не пьёт, не рыдает ночами и не обвиняет меня в том, что я родился. Но потом… Потом я начал думать, что если бы мать вернулась другая, не такая, как была, то это было бы здорово. Может, мы бы начали общаться, и вернулось бы то отношение, что осталось в моём детстве…

Мать усадила меня на стул и села на соседний, придвинув его к моему. Мы сидели, обнявшись.

— Как дела? Как учишься? На пианино играешь?

Я с удивлением посмотрел на отца, стоящего напротив, тот сделал мне какой-то знак рукой.

— Д-да, — соврал я нерешительно. — Иногда.

— Лесик, я тебя так люблю… Лесик, прости меня, простишь?

— Да.

— Ты у меня самый лучший, — сказала мать.

— Ты тоже… Давай уже выписывайся скорей, — я улыбнулся. — Хватит тут сидеть. Ну и ты меня тоже прости. За всё.

— Уже скоро маму выпишут, — вмешался отец, — осталось две недели…

Когда время посещения закончилось, и мы вышли на крыльцо, я спросил:

— Что это было? С пианино… Я думал у неё лучше с головой.
— Лесь, это я ей сказал. Уже давно. Сказал, что ты снова играешь… Я думал, она забудет… Извини.
— Понятно.
Я пошёл к машине. Играю. Смешно… Но, если честно, я готов был начать снова. Научиться играть так, как этого хотела мать. Лишь бы всё было хорошо. И никто из нас не чувствовал бы себя одиноким.
— Кстати, па…
Отец посмотрел на меня внимательно.
— Разводиться после выписки будете?
— Не будем, — он вздохнул, — всё будет нормально, не переживай.
— Ты обещал, — я уставился на дорогу.
Обещал — пусть делает. Все сделают понемногу и жить дома станет куда как легче.
Вечером я сидел за компьютером, открыв пустую страницу «ворда». Забавно, но больше всего мне хотелось написать слово «План». И несколько пунктов. Вроде: Алиска (с ней надо было дружить и дальше), В. В. (с ним тоже надо было дружить), родители (с ними надо восстанавливать отношения). Но я не стал ничего писать. Вдруг всё повернётся не так, как я придумаю. Не хотелось бы…
Я выглянул в окно — у Наташи было темно. Это меня уже не волновало, но по привычке я то и дело смотрел на второй корпус. И в школе, натыкаясь на Наташу, не отворачивался. Она стала простой девчонкой, такой же одноклассницей, как двадцать других. Её это сначала удивляло и даже злило. Наверное, хотелось со мной побороться. А я взял и отступил… И ни капли об этом не жалел.
Ночью мне приснился сон… Так похожий на тот, в котором Виктор Валентинович убегал от меня и дрался с пророком. Только по улице убегала Наташа. А мы с пророком Ильёй сидели на крыше дома. Ярко светило солнце, я держался за ограждение крыши и смотрел вниз. Потом сказал: «Жалко, что я не могу летать». «Можешь», — сказал Илья голосом историка Карбони, — Человек всё может. А тем более ты. Ты же гений». «Нифига я не гений, — признался я. — Гении живут счастливо, а у меня ничего не получается!». «Ты просто не попробовал, — уточнил Илья, — сделай!». Я отвернулся от него и сделал шаг с крыши. Я знал, что упаду и разобьюсь насмерть. И было жалко Алиску, которой я обещал ничего с собой не делать. И жалко маму, которая только вернётся из больницы, а я умер. Но о том, что можно не шагнуть, я даже не подумал. И шагнул. И…не упал. Я просто шёл и шёл. От своей крыши до крыши Наташи. Потом — дальше, между крыш панельных домов. Я был абсолютно счастлив. Шёл и улыбался. И надо мной улыбалось солнце.
Звонок будильника вырвал меня из сна. Я сел на постели, продолжая улыбаться. Мне было хорошо.

За четыре дня до Нового года я повёл Алиску на развалины тэц. Она сама попросила показать, откуда я снимал кадры, сейчас висящие у меня на стене. Мы здорово посмеялись, протискиваясь на территорию под забором. Потом поднялись к тому самому окну, в котором я сидел осенью. Алиска поставила локти на кирпичи и глянула вниз:
— Ужас как высоко.
— Я не боюсь высоты, — сказал я. — А во сне даже хожу между крышами.
Сегодня я решил нарисовать то, что вижу отсюда, и принёс с собой бумагу и карандаши.
Я сел в проёме и принялся за дело. А Алиска прыгала рядом то на одной то на другой ноге. Даже не потому, что ей было холодно. Просто это была одна из её привычек — никогда не стоять спокойно. Я уже притерпелся к ней. Последнее время Алиска была постоянно рядом со мной и даже знала о моей жизни больше, чем все остальные, и даже всё меньше раздражала. Такая вот забавная сложилась ситуация.
— Хочешь, что-то скажу? — вдруг спросила она.
Я кивнул.
— Титова разлюбила историка. Точно знаю. И парня у неё нет.
— Ты все сплетни знаешь, — усмехнулся я и продолжал рисовать.
— И что, не попытаешься ей понравиться?
— Не-а.
Я не врал. На бумаге одно за другим появлялись серые здания. Алиска мелькала рядом, выковыривая пластик жвачки из упаковки.
— Жаль, что мама не разрешит нам вместе встретить Новый Год, — вздохнула Алиска. — Было бы здорово.
— Я бы всё равно не смог, — сказал я, не отрываясь от бумаги, — мать выписывают завтра. Так что мне надо быть дома. Попробуем встретить год как положено, всей семьёй.
— А…
— А с тобой можем первого куда-нибудь сходить.
Алиска снова вздохнула.
Новый Год обещал быть для меня не таким, какой был прежний. Я точно знал — всё будет хорошо!
— Ты классно рисуешь!
Алиска мне говорила это, наверное, раз сотый. Но это её ни капли не смущало.
— А ещё говорят, что Витя женится. Ну, девчонки говорят.
— Да знаю я. Вот это точно не новость.
— А ты к нему в гости снова ходил, что ли?
— Ходил, книжки брал почитать. И девушку его снова видел. Извини, фотоотчёта не будет, — я засмеялся.
— Везёт тебе, вперёд всех всё узнаёшь. И не рассказываешь.
— Ну я-то в него не влюблён, чего сразу на всю школу орать, что он женится?
— Вредный ты, — подытожила Алиска тоже в сотый раз.
— Ты сволочь, Лесь, но я тебя люблю, — передразнил я её и закрыл руками голову, потому что она тут же в шутку замахнулась.
— А вот мне кажется, что Виктор Валентинович от нас уйдёт, — уяснив, что дать по затылку мне не удастся, сказала Алиска, — спорим, в 11 классе его уже не будет.

— И правильно сделает. Я бы на его месте обязательно ушёл.
— Нет, жалко. Классный дядька.
— Жалко, — согласился я.

Мне не хотелось бы, чтобы Карбони ушёл. С одной стороны я привык к нему, и уже е представлял школу без его уроков. Но с другой стороны, если бы он к нам в школу не устроился, не было бы всей этой истории. А с третьей стороны, могла бы быть иная история. И кто даст гарантию, что не хуже? Как линии на моём рисунке, пересекаясь и смешиваясь, образовывали дома и улицы, так и возможные вероятности смешивались у меня в голове. Я пытался представить что было бы, если… И получалось много разных случаев, ни один из которых со мной не произошёл. А что случилось, то случилось.

Может быть, Виктор специально попал в нашу школу, чтобы я разобрался в своей любви к Наташе. Ха-ха. Или я специально ему попался, чтобы он смог осуществить свою миссионерскую функцию и принести мне, дикому папуасу, мысль о братской любви между человеками? Интересно, вон та группа в тёмных шубах и пуховиках, что топчется на остановке, испытывает друг к другу светлые чувства? Я прищурился, присматриваясь. Ну да уж, куда там. Сейчас подойдёт набитый автобус, и они будут пихать друг друга в надежде туда втиснуться. И даже если кто-то из них, в общем-то, не злой человек, всё равно будет пихаться. Потому что даже доброму надо куда-то ехать.

Теория Виктора Карбони почти не действовала во внешнем мире. Разве что в душе. Думай о хорошем, делай хорошо и будет легче. Минимум — морально. А то вокруг плохо, внутри плохо, ведёшь себя как сволочь… Мрак какой-то. Наконец-то я кое-как вмонтировал мысли историка в свой образ жизни… И, даже можно сказать, сломал одну из схем. Схема пессимизма треснула от того, как я пытался увидеть вокруг добро.

Алиска громко щёлкнула пузырём от жвачки и подёргала меня за локоть:

— Слушай, ну ты уже основное всё нарисовал, дома доделаешь, мне уже, между прочим, холодно.

— Одеваться надо теплее, между прочим, — проворчал я, скатывая лист в рулончик, — на, держи, произведение гения-универсала. Потом в интервью расскажешь, что брала в руки шедевр. Ну, когда я прославлюсь.

Алиска засмеялась и начала спускаться вниз. А я ещё на полминутки задержался. Сидел в оконном проёме, закинув голову, и смотрел в серое пасмурное небо. Хорошее бы получилось фото, если бы меня щёлкнули оттуда, с облака. Серый город и серый мальчик в разваленном здании. Может, Бог специально делает наш мир таким, чтобы вдоволь пофотографировать и развесить фото по стенам? А когда устаёт от серости и разрушения, то устраивает весну и лето. И тогда его снимки получаются яркие и цветные…

Это была очень правдоподобная мысль. Я улыбнулся и слез с окна. Тогда — всё хорошо. Потому что за осенью и зимой всегда наступает цветная весна. И ничто не кончается разрушением.

г. Омск

Ольга Кузьмичёва-Дробышевская

Птицы и город

В последнее время
я часто вижу коршунов,
величаво парящих над нашим двором.
говорят,они охотятся
        на котят…

Однажды,
проезжая мимо городской свалки
я увидела огромную птичью стаю,
взмывшую в небо.
думала — это вороны,
оказалось — чайки…

Раньше
синицы прилетали в город
только с зимними холодами.
теперь и летом
они частенько у нас гостят.
Неужели и летом
в лесу нечем поживиться?..

А воробьи?
Они уже не ждут,
когда им подбросят хлебушка.
Они смело атакуют
летние столики «Макдоналдса»,
воруя у горожан картофель-фри…

Что это — сближение с природой?
        Нет!
Это — её выживание.

г. Набережные Челны

Любовь Скорик

Артель

Памяти моего отчима — Михаила Ефимовича Козина — организатора и многолетнего председателя артели инвалидов в городе Минусинске Красноярского края.

— Вон уж по-онеслись твои скакунки в конюшни, — говорила поутру мама, раздёргивая оконные занавески. — Ишь, как нажимают — и тебе рысью, и галопом, прям, удержу нет. А конюх-то ихний посиживает себе, хоть бы хны!

При этих словах дядя Митя, обжигаясь, выплёскивал остатки чая из кружки в рот, срывался из-за стола и, роняя табуретку, выскакивал за дверь.

— Всё, завихрился, — вздыхала вслед ему мама, — теперь до ноченьки не угомонится. Ну и придумал же себе работёнку — чисто наказание!

«Работёнку» себе дядя Митя придумал сам — это точно. Выписавшись в сорок третьем из госпиталя с безнадёжно мёртвой правой рукой, собрал вокруг таких же искромсанных войной да и сколотил артель инвалидов. На него же взвалили сгрудившиеся калеки тяжкое председательское бремя.

Увечные, по большей части хромые и вовсе безногие, подпирающие себя всяк на свой манер костылями, как правило, самодельными, на всевозможных немыслимых протезах и даже просто на колёсиках — они, когда двигались по улице, являли зрелище впечатляющее. Каждый перемещает себя на собственный манер: подволакивая, переваливая, перекатывая.

Поутру спешат они на самую городскую окраину, в длинные приземистые конюшни, доставшиеся нашему старинному сибирскому городку ещё «с дореволюции», от щедрот местных купцов. Говорят, построили их тороватые отцы города рядом с бойкой ярмаркой, чтобы привлечь побольше заезжих гостей.

Кому только не давали приюта конюшни за долгие годы уже в послекупеческой своей биографии! Последней их хозяйкой была в канун войны расквартированная в нашем городке воинская часть. Со дня её отправки на фронт конюшни пустовали. Пока вот не обосновалась в них артель с завлекающее-обнадёживающим именем — «Возрождение».

Отнюдь не многообещающее это название заманивало сюда калек. Изнахраченные, обкромсанные, они жались к себе подобным. Искорёженные, обглоданные войной, табунились, чтоб попытаться оставшееся в наличии руки-ноги хоть в какое-то дело приспособить. Чтобы самостоятельно на пропитание себе зарабатывать. Да ещё — чтобы миру всему, а главное — себе самому доказать, что и такой вот — усечённый, общипанный — он есть не огрызок, а какой-никакой человек.

Мало-помалу потянулись назад те, что добывали горькое своё пропитание в опрокинутые фронтовые фуражки по дальним поездам да чужим вокзалам. Возвращались и, обретая в артели кровавые мозоли, глядя на них, улыбались. Новорожденная артель странным образом преображала городок, породивший её.

Я частенько бывала в артели. Когда из-за очередного аврала дядя Митя сутками не мог вырваться со своей «работёнки», носила ему скудные передачи от мамы, чтобы он там «навовсе с голодухи не окочурился». В дни дяди-Митиной болезни беспеременно бегала в артель с его записками и возвращалась оттуда с последними артельскими новостями.

Иногда выполняла кое-какие мамины поручения. То в столярке пошукать досочку, чтоб хлеб на ней резать или чугунок ставить. То опилок кулёк насобирать, чтобы между рам на зиму насыпать. То в сапожке попросить отломившийся каблук приколотить. Нередко случалось и ещё одно её поручение — тайное, всегда шёпотом:

— Сбегай-ка, доча, подправь малость ему плечо. Ведь всю как есть ноченьку глаз не сомкнул из-за него, проклятого. Все жилочки наизнанку повывернуло, все косточки поискорёжило, ох, прости господи! Как он там до вечера додюжит-то? Ты постарайся, хоть малость ему пособи. Может, чуток и полегчает.

Это мамино поручение — что нож в сердце. На раненое дяди-Митино плечо мне и глянуть-то больно. Когда я первый раз увидела его, чуть не заорала. То ли тяпкой его окучивали, то ли собаки рвали.

Выбрав момент, когда в тёмном отгороженном углу конюшни, громко именуемом «кабинетом», дядя Митя один, захожу к нему со спины, для смелости до крови прикусываю губу и начинаю, насколько хватает моих силёнок, через рубашку разглаживать место, где должно быть плечо. Сквозь ткань ощущаю крошево размолотых косточек, рваньё мышц и спутанные в клубок обрывки то ли жилочек, то ли толстых ниток штопки. Ему очень больно. Я понимаю это по мертвенной белизне ушей и шеи, по враз окаменевшей спине и по незнакомому сиплому голосу:

— Ты не бойся, не бойся. Ничего. Вот так, вот так…

Вообще-то, за исключением таких вот дней, если честно, я так и искала заделье, чтоб лишний раз сбегать в артель. А, забежав по минутному делу, сразу повернуть назад не умела. Забывала там про всегдашнюю свою спешку, про вечно недоделанные дела.

— Да что тебя манит-то туда? — ругалась мама. — Прилакомил там кто или уж приколдовал, что ли?

Господи, да кто там и чем мог прилакомить?! А вот насчёт «приколдовал» — не знаю, возможно.

Ведь, действительно, с чего-то же меня тянуло туда неодолимо. Ну да, конечно, любопытно видеть, как рождаются на свет разные надобные для жизни вещи. Однако это был магнит не главный.

Как я понимаю теперь, меня влекли к себе эти особенные, во многом странные люди. Небрежно, наспех сработанные каким-то нерадивым мастером, кособоко выкроенные, собранные с пропуском очень нужных и важных деталей. Такие разные, они удивительным образом были схожи меж собой. А все вместе — разительно отличны от других людей — тех, кто там, за стенами конюшни. Отличны не только своим необычным видом, но чем-то ещё, гораздо более важным. Я не могла объяснить себе, чем именно. И оттого сердилась на себя ужасно. Они были загадочны, притягательны и чуть страшили.

В столярку хорошо входить с закрытыми глазами. Сразу густо опахнёт сырым бором — свежей ядрёной хвоёй, бодрым ворсистым мхом, новорождёнными влажными грибами. Чуть сумеречное зыбкое пространство заполнено всегдашним лесным гулом, сотканным из разноголосого шелеста, таинственных шорохов, неясного скрежета, лёгкого перезвона, загадочного перестука, негромкого посвиста.

Попривыкнув к полумраку, не сразу осознаёшь, что это щедро дышат на тебя штабеля досок, вороха кудрявых стружек, горы аппетитных опилок. И вовсе не ветер это рвёт струнами раскинутые ветки, а поют разноголосо пилы, жужжат рубанки, позванивают лезвия ножей, вонзаясь в непокорную древесину. Усердный перестук дятлов оказывается просто тюканьем молотков, а птичье свиристение — привычкой Тимохи Назарова, работая, негромко насвистывать.

Бригадир столяров — рассудительный осмотрительный Матвей Ильич (попросту — Матвеич) всё ворчит, что сроду тут у них порядочных заработков не будет, потому как зловредный Тимоха всю деньгу из цеха напрочь высвистывает. Ворчать-то Матвеич ворчит, а строго на свистуна никогда не прикрикнет. Тимоха — лучший в столярке работник. К тому же он — здешняя примечательность: первый артельщик. Вместе с председателем сюда оформлялся. Вдвоём они тогда и первую артельскую продукцию выдали — сколотили гроб.

Работают в столярке мужики дюжие, малопорушенные. Ну разве что одной ноги недочёт, не больше. Иначе тут нельзя: попробуй-ка потаскай, попили эти досочки, выгладь их как следует да срежь с них всю лишку, чтоб вещь-то какая-нибудь вышла. Покрутись-ка вокруг того же гроба, пока его сколотишь-то.

Самый дюжий у них — дядя Коля. Дядей его зовут потому, что по виду остальные ему — ребятки. Это надо же было таким громадиной уродиться! И силищей его наградил Бог несусветной. И руки-ноги у него все в наличии, целёхонек с фронта пришёл. А калека — больше их всех. Уходил на войну мужик-мужиком, а вернулся — дитё неразумное. Говорят, будто собственный расстрел пережил дядя Коля, но Бог пулю отвёл. Да вот беда: тело-то дяди-Колино живо осталось, а вот разум у него убитый. Три года, как он заново родился. Вот как раз на этот возраст и ум у него.

В столярке дядя Коля — за грузчика. Штабеля сырых досок играючи перетаскивает. Тут только следи: то ли да туда ли носит. И ещё — вовремя останови.

Пальцы у дяди Коли особенные — зрячие. Он ими видит любую вещь, замурованную в древесину. Сядет к куче обрубков и начнёт их по одному ощупывать-оглаживать. Отбрасывает, отшвыривает — всё не нравятся. И вдруг вроде такой же чурбачок обрадует его безмерно. К себе прижмёт, иногда и поцелует даже. Сразу хватает нож — и резать! Старается, торопится. Тут уж ни оттащить его, ни отвлечь ничем, пока не закончит. Глядь — срезал всё лишнее, и из полена неказистого выпростал то собаку, то птицу, то цветок. Да так у него выходит всё ловко, так натурально, что птицу хочется на волю выпустить, а цветок — понюхать.

Изделия свои дядя Коля, как и положено, отдаёт бригадиру, а тот приходует их как цеховую продукцию. Можно бы, конечно, понаделать разных таких игрушек да продавать в артельском ларьке — прибыльное было бы дело. Но дяде Коле ведь не прикажешь, сроду не угадать, что и когда ему вздумается. Другой раз как начнёт шарики вырезать, так и остановиться не может.

— Эх ты, голова садовая! — сокрушается Матвеич. — Погляди, сколь дерева-то зазря перевёл!

Однако же дядю Колю не ругает. Для Матвеича тот — дитя. А к детишкам у бригадира — слабость. И дяде Коле бригадир не мешает. Пусть себе потешится. А тот старается, всё ищет чего-то. Каждую чурбиночку ощупает. Но за нож хватается не часто. И сроду не угадать, что там у него на волю выйдет. Да он и сам-то, пожалуй, не знает. Это уж — что пальцы его зрячие внутри отыщут.

На работу дядю Колю приводит его мать — робкая сухонькая старушка. Ни за что не верится, что могла она произвести на свет этакого громадину. Её он слушается беспрекословно и, кажется, любит. Но любовь эта — уже новая, из второй его жизни. Из первой же он не помнит ничего. Даже её — свою мать.

Изредка откуда-то приезжают поглядеть на дядю Колю его жена с дочкой. Они приходят в столярку, встают перед ним и ждут. Он смотрит на них с любопытством. Осторожно трогает яркие цветы на платке жены. Смеётся, глядя на пушистый красный бант в косичке дочери. Радуется привезённым гостинцам. Жена давно уж уехала с дочкой в другой город, к своим родителям. Но, кажется, крохотную надежду всё же таит: а, может, врут врачи, а вдруг да всё-таки воскреснет убитый разум, пробудится смятая память. Да, видать, врачи всё же правы.

Свидания эти обычно добром не кончаются. Не сдюжив тягостной молчанки, в очередной раз не сумев смириться, жена вцепляется в дядю Колю и принимается его трясти:

— Николаша! Коленька! Да ты что — не узнаёшь?! Это же я — твоя Валя, Валюха. Ну давай вспомни, родной! Ва-лю-ша, Люшенька.. Ну, ну!!! Да вот же, вот!

Она хватает его ручищу и кладёт себе на шею, на выпуклую, неровную, похожую на снежинку родинку.

— Да вот же она, вот! Самая твоя любимая…

Дядя Коля замирает, напрягается. Чуткие его пальцы, пробежав, как по клавишам, по плечу и затылку жены, о родинку спотыкаются. Будто обжегшись, он отдёргивает их. Чуть повременив, опускает снова. Коснувшись родинки, они начинают вибрировать. Сначала редко, потом — всё чаще. Будто малая эта точечка — оголённый электрический провод. Лавина мощного тока хлещет оттуда, обжигая, сотрясая, корёжа. Дрожь — вначале мелконькая, будто понарошку — становится резче, учащается, перекидывается всё выше: на левую жилку у кадыка, на щёку, висок… В глазах дяди Коли откуда-то из самой глубины, пробив прочную корку постоянного бессмысленного ликования, вдруг всплескивает тяжёлый сгусток боли. Боли не физической, животной — такая-то случается каждый день, когда палец молотком отшибёт или же на гвоздь напорется — нет, совсем другой — потаённой, нутряной и почти осмысленной. Боль эта остриём своим вспарывает какую-то главную преграду, за которой и есть прежний, настоящий дядя Коля. Глаза его начинают полниться мыслью. Вот оно, вот! Сию секунду. Сейчас он наконец-то вспомнит. Да, вот сейчас…

Но всякий раз что-то в организме дяди Коли не выдерживало накала. Перегорал какой-то предохранитель. И дядя Коля гас. Мгновенно отключившись, он всей своей громадой рушился наземь. Обычно его не успевали подхватить и он сильно зашибался.

— Валентина, Христом-богом тебя прошу: да не приезжай ты больше! — каждый раз тщетно заклинала дяди-Колина мать. — Не терзай ты ребёнка!

И было непонятно, кого она имела в виду: маленькую свою внучку, кулачком запирающую криком рвущийся наружу ужас, или же сына своего громадину-младенца.

Продукцию столярка выдаёт самую немудрящую — простую, обиходную, надобную. То, без чего людям в любые времена не обойтись. Даже в самые лихие — военные. Идут из столярки городу столы, табуретки да гробы.

Столы тут мастерят двух фасонов: «семейные» и «коммунальные». Стол семейный — вольготный, просторный, с загадом на грядущую мирную жизнь. На отдельную, не «уплотнённую» квартиру. На тех, кто вернётся с фронта, и на их будущих детей. На когда-нибудь уйму желанных гостей и раздольные изобильные застолья — когда станет чем угощать и чему радоваться. Такие столы любовно оглядывают, ласково оглаживают, про себя примеряют к собственному дому, одобрительно причмокивают. Но — почти не берут. Пока ещё — не их времена.

Зато неослабным спросом пользуется стол коммунальный — причудливый гибрид четвертушки нормального кухонного, тумбочки и полки. Его задача — вмещать максимум, при этом места занимая минимум. Изобретение военной поры — времени эвакуаций, уплотнений, подселений, обильных квартирантов. Женщина, заполучившая это чудо-юдо, — уже не просто одна из восьми или десяти жалких «жиличек» коммунальной кухни. Она хозяйка, нет — единоличная владычица своего собственного, только ей принадлежащего клочка кухонного пространства. И пусть пространство это с трудом вмещает лишь помятое ведёрко с запасом воды, примус, кастрюлю с парой чашек да жалконькую фанерку, которая разом и подставка, и разделочная доска, и поднос. Не беда! Главное — и богатства эти, и территория, ими занимаемая, — всё это только твоё и ничьё больше!

Об отделке «коммунального» можно не заботиться. Красота ему вовсе ни к чему. Даже напротив — чем он неказистее, тем вроде даже и притягательнее для покупающего. Как добрая примета. Выходит, вещь эта — очень временная, «на пока», век ей загадан совсем короткий. И ей самой, а, значит, и тому лихолетью, когда она стала в надобность.

Но главная продукция столярки — табуретки. Колотят их здесь неустанно, во множестве. А спрос на них всё не истощается. Покупают их, не только чтоб на них сидеть. Появились у табуреточки теперь и другие обязанности. Нередко в коммуналке заменяет она кухонный столик. А пара их — одна к другой — с успехом служат разом и столиком, и полкой. Табуретки, придвинутые сбоку к кровати, сразу раздвигают её, порой давая на ночь приют всему семейству. Так-то и простыней да одеял надо меньше. Да ведь и теплее, когда кучно. А несколько их, сдвинутых вместе, и вовсе от вечера до утра — ещё одна кровать.

Словом, в нынешней тесноте да мебельной скудости табуреточка — вещь прямо-таки бесценная. Исполненные собственной важности, табуретки военной поры стали солиднее, основательнее, прочнее довоенных. К тому же — чуток приземистее, как раз вровень с кроватью. Чтоб для спанья были сподручней.

Гробы в столярке колотят все строго на один манер. Только размеров разных. Когда, случается, для важного начальника велят изготовить пошикарней, какой-нибудь «этакий» и деньги за то обещают нескудные, Матвеич — всегда сговорчивый и мирный — здесь сильно серчает:

— Ишь ты, и там, значит, всех переплюнуть норовит! Поудобней да покрасивше хочет устроиться. Нет уж, милок, туда все одинаковые приходют. И деньгой твои прихвостни пущай зазря не шуршат — ничо не выгорит. Вот так!

И как бригадир он категорически запрещает своим столярам какие бы то ни было отступления от стандарта.

С размерами тоже решено всё «по уму». Каждый столяр сколотил гроб под себя. Матвеич заставил всех и полежать там, хорошенько примериться. Самолично проверил да указал, где подлиньше пустить, где — пошире. Так теперь и гонит каждый свой размер. Ставят их в дальний угол про запас, «чтоб опосля горячку не пороть». Когда приходит очередной заказчик, Матвеич тщательно примеривает к запасным гробам принесённую верёвочку с узелками-размерами. И всегда почти оказывается, что «тулупчик»-то такой уже имеется. Сразу его и забирать можно, незамедлительно обряжать покойничка. Долгом

своим Матвеич считал вести учёт — чей размер нынче в ходу. Одобрительно возвещал: «Ну вот, Тимоха, наконец и твой гроб в дело пошёл. Вот и слава богу!» Прямо-таки радовался: «Ишь ты, опять, значит, мой надобен!» И даже вроде слегка завидовал: «Вона, ты скажи, как сговорились: уж третий подряд Петькин уходит. Самый модный ты среди покойничков!»

На дяди-Колин размер гроб тоже сколотили. На всякий случай. Только случая такого всё никак не выпадает. Таких больше не находится — ни среди живых, ни у мёртвых. Чтоб вещь не пропадала зазря, дядя Коля постелил туда стружек да сам и отдыхает там иногда.

Только детских гробиков здесь в запасе не держат. Суеверный Матвеич делать их впрок запрещает. «Не должны детки помирать! — говорит убеждённо. — Нельзя им. Мы-то уж ладно, пожили своё. А они — нет, они жить обязаны!» Говорят, у него самого-то трое малых сгинули. Вроде как поезд с ними под бомбёжку попал. Когда всё же детский гроб заказывают, Матвеич всегда делает его самолично. Уж выширкивает его рубанком-то, выглаживает. Ещё на крышку каких-нибудь цветочков да пташек дяди-Колиных приладит. А вечером обязательно напьётся. Это уж — как закон…

Надумал было бригадир новую продукцию выпускать: детские кроватки и этажерки. Да неходовой оказался это товар. Деток нынче рождается совсем негусто. И на тех не шибко охотно родители тратятся. Ведь куда угодно дитё укладывают, а на кроватку же — боже избавь разориться. А хлипкие тонконогие фасонистые этажерки — тоже не ко времени товар. «Больно уж антеллигентная штуковина! — заключил Матвеич. — Сплошная в ей красота.» А до красоты ли сегодня?!

Так что по-прежнему гонит столярка для города продукцию самую простую, обиходную и надобную. Без чего в любые времена не обойтись: столы, табуретки да гробы.

А хорошо тому живётся,
У кого одна нога:
И штанина не порвётся,
И не нужно сапога. Эх-ма!

Сапожный цех обычно встречал меня этой песней. Пел её Костя Тупиков. Пел весело, почти ликующе, щедро радуясь за одноногого счастливца. Я только не могла понять — за кого именно: в «сапожке» такие сидели сплошь. Сам же Костя был счастливчиком вдвойне: ему и вовсе что штанины, что сапоги — вообще без надобности.

Восседал Костя на оригинальном троне, специально изготовленном для него в столярке. Был трон нерушимой, очень тесной клеткой без крышки. Со всех сторон пленённый, высунувшись в это верхнее пространство, Костя орудовал там, в этой свободе, нехитрым сапожным инструментом, не боясь из своей клетки вывалиться. Впрочем, если бы такое даже ненароком и стряслось, — не страшно: трон его — без ножек, и сидит Костя по сути на полу.

«Мебель» у Кости слажена тоже под него: приземистый столик с ящичками для инструмента и гвоздей да сапожная лапа на укороченной ножке.

Рядом припарковано Костино личное «авто» — надёжная толстая досочка на четырёх колёсиках. Костя — водитель со стажем и лихач отменный. Лётает на своём драндулете по цеху почём зря — скоро, вёртко, ловко. Он и на работу самолично добирается. Для улицы у него только ещё дополнение — две палки-толкашки. Он острыми-то их концами о землю толк-толк — и покатил! А уж по снегу раскатывает на зимнем драндулете: вместо колёс — полозья от санок. Но этот — только для улицы. А уж по цеху в любую пору — всё в том же своём «авто».

Костя очень самостоятельный, везде всё — только сам. Да так это ловко у него выходит, так запросто, будто ни сил, ни умения на то никакого не надобно. Вот он подкатил к своему трону. Неспешно рассупонился — порасстегнул все ремни, поразвязал все верёвки, которыми приторочен к коляске. На мгновение замер, напруживаясь. Откинул перекладину с одной стороны своей клетки. Цепко ухватился за две другие, подтянулся на них, как на турнике, примерился и р-раз! — перебросил себя с коляски на трон. Поёрзал там, умащиваясь половчее. Закинул на место перекладину — запер себя в клетке. Отдышался малость, стряхнул пот, набежавший на брови, и застучал себе дробно молоточком. А вскоре уж и слышно:

А хорошо тому живётся,
У кого одна нога…

— Балабон! — оборачивается в сторону Кости дядя Ваня Кулик. — Только бы зубы скалить!

В тоне дяди Вани нет осуждения. Есть тщательно скрываемая зависть. Он тоже, как и Костя, укорочен войной почти вполовину. Сидит на таком же, как и тот, троне, заперт в такой же точно клетке. У обоих одинаковые «авто». Но у дяди Вани как-то всё иначе. Нет Костиной сноровки обходиться без ног. Нет кроткой незлобивой покорности выпавшей судьбе. Нет этой всегдашней, такой удобной защитной усмешечки.

И ещё. Недавний деревенский житель, умевший усмирить самого норовистого коня, а на фронте водивший самоходку, дядя Ваня никак не может обуздать свою нынешнюю «конягу» о четырёх колёсиках. Уж такая-то она оказалась брыкастая! Так и норовит из-под седока выскользнуть. «Сбруя» у дяди Вани мудрёней и обширней Костиной. По цеху дядя Ваня едет неторопко, бдительно объезжая подальше даже и несерьёзную преграду. И приходит в панику, когда возникает на пути преграда живая, движущаяся. Дикая, плохо объезженная его драндулетина под ним разом шалеет и прёт опрометью прямо под ноги встречному. Так и норовит того свалить — и не всегда безуспешно.

На работу дядю Ваню доставляет Куличок — сын Вовка. Летом — на телеге, прежде сняв с неё бочку, в которой возит воду с реки на огород. А зимой — на санках. Чтоб ненароком не потерять отца на каком-нибудь ухабе, Вовка привязывает его толстой лохматой верёвкой, оставшейся в стайке ещё от некогда обитавшей там коровы.

Вовке — двенадцать. Он не успел ещё набрать ни росту, ни весу, ни сил. Чего в нём, кажется, явный избыток, — так это костей. Лишние торчат ершисто, норовя проткнуть прозрачную голубенькую кожицу. Когда Вовка, надсадно накренясь вперёд, везёт отца, телега жалобно постанывает.

Дядя Ваня — мужик могучий, а за долгую госпитальную неподвижность и основательно огрузневший — видит, как сыну он не по силёнкам. И когда он истуканом торчит на телеге, которую надрывно тащит его Куличок, боится даже глубоко вдохнуть. А на подъёмах вытягивает шею, будто пытаясь приподнять себя над тележкой.

Самое непосильное — переселение на драндулет и восхождение на трон. Отвязывает отца Вовка медленно — отдыхает, набирается сил. Ещё и верёвку аккуратно смотает да колёса у тележки проверит. Чинно, неспешно обойдёт её со всех сторон, примериваясь. Отцову повозку поближе подгонит, полешко под колёсики подложит, чтоб не двинулась.

— Ладно, давай! — наконец командует отцу. — Держись крепче.

И подставляет свою шею. Отец покорно обхватывает тонюсенький стебелёк, на котором держится лобастая толстогубая Вовкина голова. От страха, что стебелёк этот сейчас под его тяжестью переломится, зажмуривает глаза. Вовка же, напротив, их вытаращивает. Широко разевает рот, захватывая побольше воздуха. Весь подбирается, съёживается и р-раз! — разжавшейся пружиной выхватывает отца с телеги и перебрасывает на драндулет. В центр досочки попадает не всегда точно. И тогда ещё подтягивает его, умащивая на место. Потом долго, обстоятельно ладит сбрую. И снова явно не торопится — силы подкапливает.

Теперь — последнее: на трон. Отец всё пытается ухватиться за края своей клетки, по примеру Кости самостоятельно переселиться в неё.

— Всё, сынок, всё! Теперь уж я сам, — бормочет неуверенно.

Но Вовка хорошо знает, что из этого выйдет — не раз уж проверено. А потому воли отцу не даёт и строго прикрикивает:

— Ладно уж тебе! Сам он, видишь ты. Держись-ка крепче, горе моё луковое! Сам он, сам…

И снова отец неуклюжей гирей повисает на жиденьком веретёнце сыновнего туловища. А оно, вдруг резко переломившись, наподобие колодезного журавля, бережно, словно переполненное ведро, подхватывает и переносит отца внутрь клетки.

Потом Вовка, тряпицей повиснув на боковине, долго хватает ртом воздух и надсадно кашляет. Малость переведя дух, натужно разгибает спину и заканчивает отцово переселение. Задвигает на место отброшенную перекладину, загораживая отца окончательно. Из кармана выкладывает на столик завёрнутый в тряпку отцов обед. Проверяет, подручно ли будет отцу брать инструмент и гвозди. С улицы приносит мятое ржавое ведро, чтоб отцу никого не просить возить его в уборную.

И только после этого Куличок убегает в школу. Он очень спешит, но всё же часто опаздывает. Впрочем, это не так уж и важно: учился Вовка всегда плохо.

Костя и дядя Ваня на своих тронах восседают в центре цеха. Им оборона — их клетки. Остальные же по всей длине конюшни жмутся к стене. Она им — и опора, и защита, и помощница. И уверенности придаст, и поддержит, и встать подсобит. Стеночка же — и тайная подружка, которая много чего лишнего знает да никому не выдаст. Когда совсем уж вздурится давно отрезанная нога, когда жжёт огнём и рвёт на части каждый её пальчик, каждую жилочку, стеночка и сорвавшиеся проклятия скоренько в себе схоронит, и безропотно стерпит неожиданный сокрушительный удар кулачищем. Расшибленная в кровь рука отвлекает на себя хоть чуток нестерпимой боли из бывшей ноги. А коль станет совсем уж невмоготу, можно, всей тяжестью прислонясь к надёжной опоре, потихоньку от всех отстегнуть проклятую деревяшку да и посидеть чуток, баюкая и уговаривая в кровушку натёртую ею культю.

Деревяшки эти — фасону одного, но высоты разной. И каждая пристёгивается на свой манер. Это — смотря докуда нога оттяпана. Тут главное: ниже колена или же — выше. Из-за этого даже инвалидность разную дают, а значит, и пенсию — тоже. Если ниже колена, — вроде как ерунда: и неродную ногу приладить нетрудно, и научиться ходить на ней — дело плёвое. А чем выше — тем трудней.

Бывает, что и вовсе не получается. Вот, к примеру, у Семёна Ханкина или у Гоши-грузина. У них, почитай, и культей-то нет, подчистую ноги отчекрыжены. Ну и как, спрашивается, пристегнёшь тут неродную-то ногу? И как потом ею шагать? Ясно дело — не выйдет, пустой номер. Дак Гоша с Семёном даже и не пытаются. Два костыля под мышки и на одной, своей, родненькой — скок-поскок, и всё. Тут ведь всякому дураку понятно: ничего уж не поделаешь!

Всякому дураку понятно — это точно. Только не Веньке-рыжему, хоть вообще-то он парень вовсе не глупый. Ну вот никак этого простого факта в толк не возьмёт. Не хочет ни за что смириться, не желает — и точка. Всё чего-то там пыжится, прям из кожи вылазит, вот же чудила шальной! Говорят, они все, рыжие-то, такие настырные.

Вообще-то Венька никакой вовсе и не рыжий, а совсем даже наоборот — «жгучий брюнет», как определила его сеструха Нинка, сама такая же «жгучая». Оба они будто и не дети своим родителям — сереньким и неприметным. А эти-то удались, ты скажи, на удивление — обличьем дюже цыганистые. Больно уж волос у них обильно и бровей переизбыток, да таких смоляных, что поначалу чего-то другого и разглядеть трудно.

¬– Ух ты! — ахнул Костя, когда Венька впервой появился в цехе. — Вот это да! Какой же ты, друг… рыжий-то! — И, довольный своей шуткой, весело захохотал. Следом засмеялись и все другие — поглянулась Костина потешка. Так и стал Венька Рыжим. Попервости серчал. Даже как-то сгоряча волосы под корешок состриг. Да что проку? А глазища да брови куда денешь? Из них же так и брызжет его «жгучесть». И остался

Венька Рыжим. Потихоньку и злиться перестал, смирился с прозвищем.

А вот с пустой штаниной смириться нипочём не желает. С одной ногой оставаться ни за что не соглашается. Подавай ему другую — и всё тут! Такой уж оказался Венька настырный. Одно слово — Рыжий. Да оно и понятно: Веньке ведь только двадцать. Сразу из школы — на фронт. Ему же ещё побегать надобно, пофасонить, с девчонками похороводиться. Да ещё, как на грех, был он в школе лучший танцор. Вот теперь и изводится.

И не так чтобы втихаря, про себя попереживал бы — и ладно. Дак ведь нет — прям вусмерть бьётся, будто без ноги этой ему и свету белого нету. Никак не отступается, бесперечь что-нибудь да удумывает. И каких только деревяшек себе не прилаживал! Чего только не учинял! Ему в столярке даже деревянную ступню вырезали. Да так аккуратненько, так ловко, что и штиблет на неё обувать можно. Чтобы, значит, не торчала, как у всех, из брючины голая палка да не стучала бы об пол, словно молотком по темечку: «тюк» да «тюк». Ступню-то ему кое-как приладили. Да оттого сама поддельная нога, и без того рвущая тело в кровь, сделалась вовсе неподъёмной и слушаться напрочь перестала.

Поехал неуёмный Венька на протезный завод, далеко куда-то. Деньжищ проездил — страсть! Аккордеон свой любимый спустил (одна только и была у него вещь к сердцу) и костюм бостоновый — ещё к выпускному ему справили, да носить его не пришлось, так что, почитай, новенький был. Сделали Веньке на заводе новую ногу — не деревянную, а какую-то другую. Всё-то у неё, как в настоящей. Даже башмак на ней есть. И как цеплять её к Веньке, придумали. Да, видать, прицепить-то — ещё не фокус. А вот научить её ходить…

На Веньку другой раз просто поглядеть — и то больно. Эта неродная-то нога, видать, огнём его палит, дёром дерёт. Ему бы отстегнуть её, отдых себе дать. А он — вот рыжун меднолобый! — закусит губу и пошёл, пошёл вдоль всей конюшни, туда-сюда, туда-сюда. Даже Костя шуточки свои отставляет и песню любимую петь забывает.

Нинка по секрету проболталась, что по вечерам мать с Венькиных штанов кровь состирывает. Стирает и плачет, Христом-богом просит сына бросить издеваться над собой. А он — одно: нет и всё тут! Мол, ещё увидите: я не то что ходить — танцевать буду! Что с него, меднолобого, возьмёшь? Одно слово — Рыжий…

Самое смешное, что Венька-то ведь обещание своё исполнил. Уже на следующее лето в городской парк на танцульки бегал. Ну, конечно, не так, как раньше, а всё же не последним танцором слыл. И не только фокстроты да танго за милу душу отчебучивал, но ведь и вальсы кружил, правда, в одну только сторону.

Там, на танцплощадке, и жену себе сыскал — Вальку рыжую. Да не по прозвищу рыжую-то — по-настоящему, прямо вот огнём горит. Для всех она рыжая, а для Веньки — золотая. Двух деток ему родила: пацана и девку. Оба — в отца, «жгучие» да бровастые, что цыганята. «Ишь ты, и эти рыжие!» — подвёл итог неугомонный Костя.

Дальний от входа угол в сапожном был для меня самым нелюбимым. Точнее сказать, жуткий был угол, всякий раз пугающий. Там заходилось надсадным свирепым воем чудище, какого не удумала самая страшная сказка. Помесь железной машины (как я теперь понимаю — просто швейной, только очень большой, сапожной) и людских обрубков — не сразу даже и сообразишь, скольких именно. Мало вразумляло на этот счёт и то ли имя этого чуда-юда, то ли его заводская марка — «Полтора Ивана».

С одной стороны к машине была приторочена нижняя половина человека. Рабочими у неё были ноги. Они неустанно нажимали на педали, вращая железное колесо, которое приводило в действие весь хитрый механизм — тарахтящий, лязгающий. Торчащая над машинкой безрукая верхняя половина туловища для дела была не нужной, а значит, в этой человеко-машинной комбинации деталью абсолютно лишней. Её с успехом замещала верхняя половина другого человека — безногого, зато со сноровистыми руками. Руки эти неспешно, но очень ловко, без лишних движений подхватив заготовку, подводили её под стрекочущую иглу, уверенно направляли куда надо, затем отбрасывали в стоящий рядом ящик и подхватывали новую.

Как договаривались между собой и понимали друг друга эти чужеродные руки и ноги, чтобы совпадать в беспрерывной, непростой и небезопасной работе? Безустанно стрекочущая стальная игла была неумолима и неразборчива — ей было абсолютно всё равно, что пронзать: кирзу, хром или же человеческие пальцы. Имеющиеся в наличии две головы служить посредниками вряд ли могли: самые быстрые слова за юркой иглой никак не поспели бы. Быть может, Полтора Ивана уже тогда использовали мудрёные биотоки, которые человечество начинает открывать лишь сейчас, полвека спустя? Не знаю. Не ведаю, и сколько зарплат получали Полтора Ивана — одну или две? Скорее всего — полторы.

Я бы ни за что не ходила мимо этого пугающего угла, да не было другой дороги в соседний цех, куда меня тянуло неудержимо. Что меня влекло туда? Должно быть, царящая там красота, по которой за войну моя детская душонка истосковалась.

Здесь тоже, как в столярке, пахнет лесом. Но не так остро, совсем иначе. Там — бором и Новым годом, здесь же — прибрежной рощицей и пасхальной вербой. А ещё — недавним наводнением. Да и явные следы его — вот же они, пожалуйста. Видать, шалая река, вздурившись, пёрла напролом, продираясь сквозь дремучий кустарник, крушила его, выворачивала, волокла за собой. Теперь вот опомнилась — присмирела, отхлынула, схоронилась где-то тишком. А разбой за собою оставила. Всюду — вороха веток. Голые, гладкие, прилежно выполосканные прутья клокасто топорщатся, норовя зацепить, уколоть.

А среди этого раззора застигнутыми врасплох нахохленными птицами копошатся люди. Трудятся. Что-то усердно плетут. Похоже — заново свои разорённые гнёзда. Пальцы их юрко шныряют в окружающем буреломе, выискивая подхо-

дящие хворостинки, и ловко пристраивают друг к дружке. Одну — к другой, другую — за первую, третью — через вторую, потом три вместе — к первой… И является на свет узор, каждый раз — новый, неожиданный. Рождается красота.

В движениях проворных человеческих пальцев, её сотворяющих, есть нечто избыточное. Словно помимо вот этой — видимой, явной — работы вершат они ещё что-то — тайное, сокрытое от других. Лежащую рядом ветку подхватывают не вдруг, а исподволь подкрадываются к ней, будто боясь вспугнуть. Первые прикосновения неуверенны, робки. Легко-легко пробежали вдоль — вроде обнюхали или тихонько нашептали что-то, уговаривая. Порой, не сговорившись, отбрасывают прочь. Немедля подкрадываются к другой, и эту оглаживают, уговаривают.

Лица людей по-птичьи закинуты вверх. Кажется, что они готовятся заливисто засвистеть, защебетать, игриво зачирикать. И не начинают только потому, что обязательное для птичьего пения небо скрыто от них чёрными трухлявыми досками потолка.

Глаза людей их рукам в работе — не подмога. Потому что глаза эти — мертвы. Все слепые похожи. И сквозь неуёмный юный румянец, и сквозь плотную вуаль морщин, через равнодушие, радость или же горе на лицах незрячих неизменно проступает постоянная настороженность. Словно всегдашняя готовность к удару. И ещё — упорное стремление что-то понять до конца.

Главной среди них — Анна Николаевна, неунывающая, неугомонная, вездесущая. С лицом типично хохлацким — круглым, сдобным, ярким. С толстой чёрной косой вокруг головы и упругим грудным голосом. Большие, широко расставленные глаза её изнутри плотно задёрнуты серым непроницаемым. Беспросветно зашторены они с ранней юности от какой-то болезни. Её товарищи по несчастью — вчерашние фронтовики, погруженные во тьму совсем недавно, не без лёгкой зависти говорят, что ослепла Аннушка очень удачно. Она же и свет успела подробно разглядеть, а теперь вот всю жизнь помнит его. И за долгие годы в потёмках уже совсем освоилась, вполне обвыклась, будто и родилась тёмной. Так что, конечно же, повезло ей — удачно ослепла…

Анна Николаевна, и правда, хранила в памяти мир солнечным, красочным, понимала, что такое красота. И ещё — она хорошо знала, что сама красива. За долгое время потёмок не утратила женской страсти к нарядам и даже некоторой склонности к кокетству. По давней — из прежней, ещё зрячей жизни — привычке, укладывая свои косы венком на голове, не забывала выпустить на висках по игривому локончику. А зря: как раз они были предательски белыми. Но этого она знать уже не могла.

Должно быть, Анна Николаевна хорошо помнила красивые свои просторные глаза и потому не усвоила обычную привычку незрячих при разговоре прятать их, слегка отворачиваясь. И жутко было видеть на её красивом, таком подвижном, выразительном лице непроницаемо-безучастные, будто в ледяной корке, глаза. В них не всплескивало даже отблеска жизни. Слава богу, сама она этих своих глаз не видела ни разу.

Двигалась Анна Николаевна не спеша, но свободно, уверенно. Всюду по артели ходила без палки. Впрочем, посоха как такового у неё и вовсе не имелось. Выходя из дому, она обычно прихватывала с собою старый чёрный зонт с длинной фасонистой ручкой. На ходу, будто слегка тяготясь им, небрежно вскидывала его перед собой. Размашисто, шутя-играючи отмахнув им с пути что-то невидимое, ступала за ним следом. А его снова легко вскидывала и вроде нехотя ставила перед собой, слегка на него опиралась. Посмотреть со стороны — он у неё просто для форсу или же на случай дождя. Однако мы-то отлично знали, что зонт этот давно и безнадёжно сломан.

В своём цехе Анна Николаевна была воистину вездесуща. Будто кто ей на ухо про всё и про всех нашёптывал. Ни разу не прозевала, когда приспела пора новую партию прутьев заказывать. Всегда чётко знала, кто чего и сколько изготовил. И словно кожей чуяла, когда в цехе что-то не так.

— Ты чего это, Марусь? Не можется, что ли? Ну вот, снова — за своё! Да ты что, своего Ванюшку не знаешь, что ли? Подумаешь — месяц! Прошлый-то раз, вспомни, сколько не было, а? Вернётся — я его, паршивца, самолично вот этим прутом выпорю, чтобы знал, как положено матери-то писать! И не думай ты глупости всякие, выкинь из головы! Пошли-ка давай со мной, поможешь вязанку распустить.

— Э-эй, соколики! — строго возвышался её голос в другом конце цеха. — Чего это там затеяли? А ну — закрыть лавочку! Ишь ты, опять удумали! Никуда ваша бутылочка не убежит, до вечера дотерпит. Чтоб у меня на работе ни-ни! А то, учтите, не поздоровится! Уж вы-то меня знаете!

И хоть, как это «не поздоровится», никому было неведомо, застуканные мужики конфузливо спешно откладывали затеянное мероприятие.

— Ну ты, Николавна, ведьма, однако. Прям подумать нельзя — ты уж тут как тут!

А она — уже совсем в другом месте.

— Нет, товарищ капитан, мы так не договаривались! — выговаривала тихо, только одному. — Чего опять раскис? А ну, отставить! У всех попервости не выходит — эка невидаль. Давай-ка вместе поработаем. Мне как раз делать нечего, всё веселее будет. Бери давай прут. Вот так. Теперь — другой. Ага, начинаем. Да не спеши ты! Торопячка — она тебе ни к чему. Скорость уж после сама собой придёт. Ну, с богом! Пошли потихонечку!

Она кладёт свои маленькие проворные руки на огромные неуклюжие ручищи капитана и начинает сгибать и разгибать его пожженные пальцы, приучая к непривычному делу. Терпеливо, старательно и ласково. Как, должно быть, учила бы свою дочь вышивать. Если бы умела вышивать сама. И если бы эта дочь у неё была.

Капитан появился здесь недавно, и мороки с ним — не приведи господи. Дело даже не в том, что руки его оказались к новому ремеслу напрочь неспособны. Главное — в другом. Из света он — совсем недавно и всё никак к потёмкам приспособиться не может. Ну ни в какую — и всё тут! Окру-

жающий мир отпечатался в его памяти каким-то перекособоченным, ломаным. Вырванный из прежнего привычного мира, Капитан никак не мог обвыкнуться в своём новом состоянии, до конца погрузиться в него. И потому барахтался на зыбкой грани. На том стыке, где мир искажён, деформирован, все масштабы и пропорции смещены. Как ломаной видится нам ложка на грани воды и воздуха в стакане, заполненном наполовину.

Он вечно на всё, что надо обойти, натыкался. Мимо всего, куда надо попасть, промахивался. Везде терял ориентир и координацию. Даже поесть аккуратно у него не получалось — расстояние между чашкой на столе и собственным ртом ему представлялось совсем иным.

Что касается работы, то она у него категорически не шла. Он ненавидел себя нынешнего — неуклюжего и неумелого — изводился, психовал. Иногда принимался остервенело грызть свои глупые корявые пальцы и каждый день собирался из артели уйти. И ушёл бы наверняка. Если бы не Анна Николаевна.

— Ты мне, Капитан, дисциплину тут не разлагай! — сурово шипела она ему в ухо. — Ишь ты, красна девица нашлась! Уговаривай, понимаешь, его! Бросить-то всяк дурак может. А потом-то вот что? По вагонам с шапкой пойдёшь, что ли? Дома сиднем сидеть станешь? Сразу сопьёшься — это я тебе точно говорю. Да и пенсия твоя велика ли? Жене на шею усядешься? Давай, давай! То-то от людей и от детей твоих уважение будет! Ты дурака-то не валяй, учись-ка вот, старайся. Главное тебе — не завитушки из прутиков научиться мастерить, а пальцы свои вышколить. Чтоб слушались да заместо глаз служить начали. А уж потом — да хоть куда. С твоим-то образованием, с силищей этакой ты знаешь, какую работу сыщешь! Только тебе ни за что нельзя тут сейчас скиснуть. Слышишь — ни за что! А корзин этих ты, Капитан, не стыдись. И людям они — вещь нужная, и пальцам твоим — школа первейшая. Так что дурака тут не валяй, а работай и работай. Давай-ка ещё вместе попробуем. Бери прут. Та-ак. Теперь — другой, хорошо. Ну, поехали!..

Капитан горел в танке. Каждый раз, когда я глядела на него, то вспоминала только что ободранного суслика в руках старика-сторожа на бахчах. Старик был ветхий, подслеповатый, дрожащий. Уберегая шкурку от порезов, он безбожно искромсал ничтожное тельце, исковырял своим безжалостным тупоносым ножом. Весь жалконький щупленький зверёк был рвано изрыт, будто неумело вспахан. А вдоль распоротого брюшка болтались лохмотья бледной плоти в нечастых бисеринках тёмно-бордовой крови.

Если бы тот суслик ожил и встал столбиком рядом с Капитаном, то не только я, но и все вокруг увидели бы, как они похожи.

Когда они были рядом — Капитан и Анна Николаевна — она казалась особенно красивой. Но — странное дело — он от этого соседства вовсе не становился страшнее. Напротив, её красота как-то сглаживала, затушёвывала самые его пугающие шрамы.

Должно быть, красота была сутью Анны Николаевны — и смыслом её жизни, и главным мерилом в оценке всего и всех вокруг. Она часто произносила это слово. Иногда — в сочетаниях самых неожиданных. Вроде: «Ох и красивый сегодня дождь!» Или: «Посидели мы с ней, повспоминали. Кра-асиво поплакали».

Когда я впервые пришла в их цех и нас с ней познакомили, Анна Николаевна после первых, обязательных вопросов про имя, возраст, учёбу — вдруг спросила (наверное, для неё было важно): «Ты ведь красивая, правда?» К тому времени я уже всё про себя уразумела и ответила ей честно. Кажется, она огорчилась и не захотела поверить: «Обманываешь, да? Я вот сейчас проверю». И её пальцы тепло и невесомо заструились по моему лицу. Поворошили жиденькие волосёнки. Нервно дрогнули на давнем длинном шраме через левый висок. Пробежались по реденьким, еле приметным моим бровкам. Скользнули по острым, норовящим прорвать кожу скулам. Тронули по-лягушачьи большой рот, наткнулись на плотную коросту вокруг (проклятущая неотвязная малярия!) и виновато замерли.

По прикосновениям этим — чутким, ласковым — я поняла, что Анна Николаевна — человек добрый. И потому приготовилась услышать утешительную неправду. Но она длинно вздохнула и соврала совсем не так, как я ожидала:

— Такие вот, как ты, расцветают поздно. Не горюй! К тебе красота потом придёт. Обязательно! Тебе ещё все твои подружки завидовать станут. Это я тебе точно говорю. Вот потом ты меня будешь вспоминать.

Это правда — я её вспоминала. Часто вспоминала. И, как она велела, не горевала. На чужую красоту не зарилась, к себе её не примеряла. Даже не завидовала ей. Я всё своей, обещанной, дожидалась… Да, хорошо соврала Анна Николаевна. Красиво!

В той же конюшне, как раз посередине, между гробами и корзинами, зимой и летом неукротимо полыхала сказочная клумба. На ней были собраны цветы, наверное, всех видов и сортов, известных людям. Впрочем, и не обязательно известных. Для здешних цветоводов законы природы были не указ. На одном стебле спокойно уживались ромашка, колокольчик и ещё какая-то неведомая миру диковина умопомрачительной формы и раскраски.

По буйству красок с этой сибирской клумбой вряд ли мог потягаться самый изысканный цветник, обласканный благодатным тропическим солнцем. На ней слепяще полыхали все мыслимые и немыслимые цвета. Причём — первозданные, на полутона и оттенки не разменянные. Полутонов тут не признавали.

Казалось бы, меня, девчонку, эта яростная красота должна была влечь к себе неудержимо. Ан, нет. Я пробегала мимо клумбы неохотно, спешно, да и то — прикрыв глаза и заперев дыхание. Имелась на то причина. Яркие пышные цветы на клумбе были неувядаемы. Но немеркнущая эта красота, должно быть, дарована им взамен на аромат — были те цветы абсолютно непахучи.

Для меня, от природы наказанной пронзительным собачьим чутьём, этот вроде бы пустяковый недочёт был болезненно-неестественным. Никакая самая неуёмная яркость не могла мне возместить отсутствие самого слабого аромата. Это явное несоответствие угадывалось чуткой детской натурой как неполноценность, несовершенство и даже как противоестественность. А это уже не могло не пугать и не отталкивать.

Бывала я здесь реже, чем в других закутках конюшни. Ни с кем из цветочниц знакомства не водила, близко не сошлась. Помню их довольно смутно. Разве только — что работали там исключительно лишь женщины и все сплошь — слепые. Я совсем не любила смотреть, как из ворохов крашеных стружек возникают слепящие и ошарашивающие диковины: невиданная помесь розы и чертополоха, гвоздики и одуванчика.

Сработанная эта красота растекалась отсюда в двух направлениях: в столярку, на украшение гробов — в дар покойным и в артельный ларёк — на утеху живым. У нас дома, на комоде, в пустых флаконах из-под одеколона «Красный мак», несколько лет неугасимо полыхали два радужных диковинных букета неведомых природе цветов.

В каждом из этих букетов присутствовало по одному и вовсе озадачивающему экземпляру. Их игривые кудрявые лепестки были… ярко-зелены, а аккуратные продолговатые резные листочки — ослепительно-красны. Я помню, какой переполох подняла эта диковина, однажды вдруг невзначай явившаяся миру под сводами той конюшни. А чудо то свершилось просто. Кто-то там, видно, второпях перепутал «право» — «лево» да и поставил в цехе коробки с красными и зелёными стружками наоборот. И несколько часов цветочницы упорно нарушали вековые законы природы. Пока не зашёл в цех кто-то из зрячих и не прекратил это кощунство.

Всю ту «противоестественную» партию цветов категорически забраковали, не пустив ни на продажу, ни на украшение гробов. Поначалу сгоряча даже сжечь хотели. Но потом раздали своим артельщикам, кто, конечно, не побрезговал взять. Вот и нам парочка досталась. Я спросила у дяди Мити, за что наказали те цветы. Ведь красиво же. Их продать можно было или же гробы ими украсить.

— Но так же не бывает! — терпеливо разъяснял он мне. — Понимаешь, обман получается. Деньги за обман брать стыдно. А уж мёртвых обмануть — и совсем бессовестно!

— Дак у вас же всё время делают цветы, каких не бывает! — гнула я своё.

— Ну, это совсем другое дело, — не соглашался он. — Там — творческая фантазия, а тут — явный обман! — твёрдо подвёл он черту под нашим спором.

Вот так. Значит, немыслимый гибрид ромашки с чертополохом — творческая фантазия. А вот зелёный цветок с красными листьями — просто обман, что абсолютно недопустимо.

Мне было немножко жаль этих опальных уродцев. Наверное, только из сострадания я и терпела их у нас на комоде. Впрочем, ещё, может, потому, что во флаконах, куда я их воткнула, они быстренько излечились от главного своего уродства. Теперь все они — и с нормальными зелёными листьями, и с крамольно-красными — все они благоухали одеколоном «Красный мак».

Так, вместе с флаконами, я и подхватила их с комода в тот день, когда наконец объявили Победу. Я вздымала эту красоту над ликующей — смеющейся, вопящей, плачущей — людской рекой, которая подхватила и понесла меня на главную нашу площадь. Туда весенними бурлящими ручьями стекался весь город. Артельщики из своей неблизкой конюшни добирались дольше других. Они разобрали по цветочку и несли с собой всю сказочную клумбу. Ну, конечно же, их колонна была самой нарядной.

г. Кемерово

Александр Щербаков

Перьев изгрыз я немало

По муравке, по травке зелёной
Уходил я в поля и леса,
Деревенский парнишка, влюблённый
В этот мир и его чудеса.

В каждый бор, полный гама и шума
От снующих зверушек и птах,
В каждый лог, где под солнцем бушуют
Сенокосы в нарядных цветах.

В каждый облак, плывущий, как парус,
В каждый тёплый порыв ветерка…
Что ж, грустя, вспоминаю под старость
Очарованного паренька?

Я не меньше люблю этот свет
И на склоне отпущенных лет,
Но всё меньше в нём вижу чудес
В ожидании… зова с небес.

Родному селу

Самым дивным, что видано мною
От рожденья до нынешних лет,
Было звёздное небо ночное
Да встающего солнышка свет.

Да ещё деревенька родная
В стороне подсаянской лесной,
Где впервые любовь потайная
Жгла мне сердце к девчонке одной.

Там познал я и радость, и горе,
Жаркий труд сенокосов и жатв,
Скорбный путь на погостную гору,
Где родные в могилках лежат.

И меня в том сельце небогатом,
В две шеренги бревенчатых изб,
До сих пор принимают, как брата,
Безо всяких прописок и виз.

Может, тем и храним от напастей,
Что мне с родиной так повезло
И навек было вписано в паспорт
Наше лучшее в мире село.

Всё тоскую о нём… Знать, оно
По названью не зря — Таскино.

Вы меня не жалейте, пожалуйста,
Вашим вздохам я вовсе не рад,
Потому как нет истины в жалости,
А лишь некий её суррогат.

И другие нам чувства как главные
Заповеданы между людьми:
Полюбите меня, православные,
Ибо истина только в любви.

И не верьте навету облыжному,
Что гордец я и старый ворчун,
За одно братолюбие ближнему
Я любовью сторицей плачу.

Святые старухи

Среди нищеты и разрухи,
Дурниной заросших полей,
Живут по деревням старухи,
Душою послушниц светлей.

Спокойные, ясные лица
Не ожесточились в трудах.
Таких не бывает в столицах
И прочих шальных городах.

А как их тяжёлые руки
Нежны, и теплы, и добры,
Доподлинно ведают внуки,
Льняные ребячьи вихры.

Телята, ягнята и гуси,
Наверно, бы тоже могли
Поведать о том, как бабуси
Их чутко пасли. И спасли.

Да что там телячий с гусиным
И всех братьев меньших роды —
Те бабушки нашу Россию
Спасали не раз от беды!

И ныне на них уповаю,
Когда сквозь деревни пешком
Бреду по сибирскому краю
Седым стариком с посошком.

…Начнёт вам какой-то зануда
Охаивать «прошлую жись»,
Спросите его: «А откуда
Святые старухи взялись?»

Странник

Вот возьму и пойду по Руси
С батожком — отмерять километры.
Пусть рубаха моя парусит
И топорщится ёршик от ветра.

Не заменит мне больше мотор
Серафим пламенеющим углём,
Потянуло на русский простор,
Как индуса на старости — к джунглям.

Коли годы зашли за года,
Сыплют соль на виски, что на раны,
Так по-русски — уйти в никуда
И навек погрузиться в нирвану…

Не примите за форс и кураж
Эту тягу к путям запредельным.
Не случайно ведь в русский пейзаж
Странник с посохом вписан издревле.

~

Что говорить, стал тихим я.
Уж не гоню во все лопатки.
Шальная молодость моя
Вдаль ускакала без оглядки.

Давно ли, словно заводной,
Я гарцевал на диво дивам…
А ныне чуб мой смоляной
Глядится белым негативом.

Пришла пора белым бела,
Чистым чиста,
да, жаль, прохладна…
И конь не гложет удила,
И сам не ловишь взгляды жадно.

Метелью белой замело
Весь белый свет под облаками.
И я об этом — набело
Пишу, простясь с черновиками.

Ставка Руси

От роду с сельской общиной
Связанный всем существом,
Там я не видел мужчины,
Чтоб не владел мастерством.

Всяк, исходя из потребы,
Гнул, и точил, и тесал.
Сам я умельцем пусть не был,
Но мастаков описал.

Перьев изгрыз я немало
С думой о нашем селе,
Что не на торге стояло —
На вековом ремесле.

Ладил — и знал себе цену
Каждый Иван и Пахом,
А барыши да проценты
Тяжким считались грехом.

Русь процветала, пока
Ставила на мастака.
Русь презирала века
Чудище — ростовщика.

У зеркала

Этот хрыч неужто я?
Лысый и нелепый,
Старше старого старья,
Семидесятилетний…

Обезьяна сивая,
Кожа — на скелете,
Неужели это я,
Семидесятилетний?

Что газетная статья,
Сух, и туп, и бледен,
Неужели это я,
Семидесятилетний?

И морщины в три ручья,
Как следы от плети…
Неужели ж это я,
Семидесятилетний?

Век презрение тая
К зеркалам и сплетням,
Им ужель поверю я
Семидесятилетний?

~

Запуржит, заметелит, завьюжит,
Все дороги утонут во мгле —
И опять ретивое затужит
Об оставленной отчей земле.

Как живут там родимые наши,
Потерявшие лад и уют?
Говорят, что не сеют, не пашут,
Только с горечка горькую пьют.

Я не верю подобным наветам,
Не такие мои земляки…
Ну, а всё же на сердце при этом
Давит камень вины и тоски.

Никогда не простит мне, конечно,
Избяная моя сторона,
Что подумал однажды беспечно:
Без меня обойдётся она…

Потому и болит ретивое
О покинутой отчей земле,
Как пурга заметёт, да завоет,
И дороги утопит во мгле.

г. Красноярск

Дмитрий Кадочников

Улетевшему птенцу

~

я тебе расскажу про движение незримой волны
мне поведал о том человек с головой в серебре
свет лишь пена её
мысль лишь брызги её
этот мир есть движение огромной незримой волны

кто-то вспомнит о боге плывущем в стеклянной воде
кто-то вспомнит трилистник растущий в ладонях его
но они не при чём
есть сигнал есть приём
важно только настроить себя на движение незримой волны

твоё тело услышит движение незримой волны
твоё сердце подхватит биение пульса её
и разбудит ладонь
в медных струнах огонь
твои пальцы вплетутся в движение незримой волны

~

Кто встретит меня?
Только ветер.
Он привычно проверит
На прочность заплатанный плащ.

Кто окликнет по имени?
Эхо.
Птица в розовом сне
Не удержит проглоченный жалобный плач.

Кто наскальный рисунок
ладони прочтёт?
Рассвет,
Постаревший на двадцать печальных часов.

Кто услышит удары
Под кожей виска?
Трава.
Если сможет подняться поверх уходящих в астрал голосов.

Кто научит любить,
не заботясь о смысле и форме,
не теряя себя в тщетных поисках
первопричин?

Кто научит пить воду из луж?
Кто увидит цвет глаз,
В них своё отражение не спутав со мной?

Бог один.

~

Белый волк на синем щите.
След от плети на левой щеке.
Ледяные глаза да немые уста.
Чертят в воздухе крест
Три перста.

Красная роза, белый корсет.
Кроткому сердцу спасения нет.
Смех за спиной, как удары хлыста.
Чертят в воздухе крест
Три перста.

Чёрный тур на красном снегу.
Спасительный замок на том берегу
Не откроет ворот, не опустит моста.
Чертят в воздухе крест
Три перста.

Жёлтый тюльпан, васильковое поле.
Сталь холодна и не чувствует боли.
Ярость слепа. Молитва чиста.
Чертят в воздухе крест
Три перста.

Белый волк на синем щите.
Слагающий песни живёт в нищете.
Забытые руны хранит береста.
Чертят в воздухе крест
Три перста.

~

Пролетая на гнездом,
Оброни перо хотя бы.
Помаши крылом хотя бы,
Пролетая на гнездом…

~

ты просишь верить тебе
ты словно боишься того
что обозначившаяся
многозначность твоего бытия
станет заметной не только тебе

я верю тебе
никто не верит тебе
как я
верю каждому слову
сказанному или написанному

я верю тебе
делам твоим
мыслям и чувствам
а так же тому
чего ты сама о себе не знаешь

я верю тебе
всем твоим путешествиям
полётам фантазиям
метафорам и метаморфозам
и всему что стоит за ними

я верю тебе
даже когда ты не здесь
даже когда не со мной
даже когда ты не знаешь
верить себе или нет

я верю тебе
даже когда под взглядом твоим
превращаюсь в стекло
даже когда появившись не вовремя
чувствую что совершил преступление

я верю тебе
и эта причина
невидимых слёз моих
и боли необъяснимой
и редкой радости

я верю тебе
я верю
ты лгать не умеешь
ты лгать не способна
не дал бог такого таланта

я верю тебе
но веру мою
разрушают
частые просьбы твои
верить

я верю тебе
но веру мою
иссушают
сомнения твои в том
что я верить умею

я верю тебе
даже себе
верю я меньше
я верю тебе
другого мне не осталось

Синие линии — тени на стенах.
Белые линии — лилия тела.
Лунные блики легли оперением сов.
Поздняя, слишком поздняя встреча.
Ветреный вечер, свечи и вечность
В чётках стучащих часов.

Губы твои свежи по-прежнему.
Я задыхаюсь от приступа нежности,
Сжигая в ладонях остатки одежд и стыда.
В воздух подмешано сладкое бешенство.
Мы с тобой беженцы, мы с тобой беженцы.
Ты — от себя, я — от себя.

Смяты и слёжаны простыни снежные.
Внутренне строже и утрене сдержаны,
Только под кожею дрожь всё никак не унять.
Стальные на место вставлены стержни,
Как же мы бережны к тем, кто размежил
Меня от тебя, тебя — от меня.

1.
Иглою солнечной исколот крепкий наст,
Настойчиво стучит вслед за капелью сердце,
Гортанный вскрик хозяина скворечни
Азарт любви вдруг пробуждает в нас.

2.
Годы считать лучше всё-таки вёснами.
А кому нужны они, зимы да осени?
Лучистый подснежник под пологом сосенным
Ясен и чист как младенец на простынях.

3.
Светлеет раньше на востоке
Вселяя скромную надежду
Ещё раз в шкаф убрать одежду,
Тяжёлую, как в марте снег.
— Лимонногрудые синицы
— Агенты армии весенней
Наших домов откроют окна
Армадам перелётных птиц.

г. Зеленогорск

Наталья Антоненко

Я жду

Мои стихи —
Это желание
Быть
В одиночестве
Делать то,
Что мне хочется
И не думать
О прочих
Бедах, заботах
Горестях
Пакостях, мерзостях
Пошлостях

Открыв в доме
Дверь
Глазами как
Зверь
Провожаю
Разных
Нервных,
Прекрасных
И безобразных
Людей
На тебя
Совсем
Не похожих
Я вижу
Тебя
В нескончаемом сне
И в каждом
Прошедшем
Прохожем

Я в сотый раз
Устала ждать
Какого чёрта
Ты опять
Всё бродишь
Где-то под дождём
Я жду
Собака ждёт.
И дом.

Босиком,
На холодном полу,
Вместе с пылью
Из дряблой листвы
Танцевала она
На балу.
Я хотела быть ею.
Увы!

Торопилась она
Не успеть
Трепет листьев
Ладонью накрыть.
И хотелось ей
Плакать и петь
В тот момент,
Когда кончилось
Быть.

Я хотела быть
непостоянной,
искренней,
Вечной,
беспечной
и странной,
Хотела быть
Ко всем добра.
Хотела ею быть…
Вчера.

Вертикальными шагами
Мы гуляли над холмами,
Виртуальными руками
Собирали оригами.
Отпечатались на стенах
Наши жизни, мысли, тени.
Наши локти и колени
Так переплелись в растение,
Что уже нам не расстаться —
Слишком сложно расплетаться.

Остановка

В металлических
Коробках
На колёсах
С фонарями
Пролетают
Чьи-то жизни
Исчезают
За холмами.
Я стою на остановке
Мёрзну
Злюсь
И ожидаю.
Я от злости
Просто таю
Мне на пятки
Наступают
Я почти что
Засыпаю
Я стою
И жду трамвая
Он повезёт меня
Бесплатно
Домой —
Обратно.

Мне не жарко,
Не холодно,
Не стыдно,
Не лестно, —
Я люблю! —
Это так… бесполезно!

Тебе это не нужно,
Мне, видимо, — тоже,
Но люблю,
И чувствую это кожей…

Ещё вчера
Была жива.
Забыла сегодня
Себя новогоднюю.
А мне позавчерашней
Было очень страшно —
Прошлогодним ветрам
В сквере
Я сказала,
Что не верю
Ни себе, и ни ему,
Ни тебе, и никому…

г. Красноярск

Расуль Ягудин

У пустого места

~

На парсеке вдоль Веги всё тише, тише
и всё время тот кто-то вблизи прямой.
Что-то солнце вот снова немножко выше
на подломленном слева пути домой.

Кто же глянет мне с неба в моё окошко
из прохода по бездне ни к нам, ни к ним?
Вот до края парсека ещё немножко,
где на вахте всё тот же Великий Рим.

Тени звонки от слёз.
И всё время рано.
Оглянитесь хоть кто-нибудь с блика сна.
Я танцую под песню с Альдебарана,
оттирая закаты от галуна.

А за стенами тихо всегда при плаче
и всё кружатся рядом исподтишка.
На парсеке всё так же, а не иначе
у последнего слева материка.

А за дюзами ветер и тот же холод.
Вот и ночь, вот и всё,
как с тобой одной.
На парсеке всё так же хоть кто-то молод,
как как-будто когда-то за Ильиной.

~

Мне свет обдул лицо прохладой,
крошась, как лицами, дождём.
Здесь никого за колоннадой,
такой тяжёлой на подъём.

Немножко щебня на щебёнке -
я запылился до колен,
и здесь, как прежде, так же звонки
не наша ночь и прах, и тлен.

Вот поскользнулся я в фанфары
на переходе вверх из дня -
они, наверно, очень стары,
так долго ждавшие меня.

И в ночь, как чёрную портьеру,
я заворачивался вниз
и, в розы срыгивая серу,
вставал к тебе из этих лиц…

Но вот закончилось всё это:
прохлада лета, шум и гам.
Ты говорила мне из света:
«Я никогда тебе не дам».

И мостовые через бары
нас всё вели, маня… маня…
под очень старые фанфары,
давно забывшие меня.

~

Ну, вот и всё, что было —
две тетради
на входе в двор, где сломана скамья,
где по дорожкам,
вытоптанным сзади,
ну, вот опять к нам возвращаюсь я.

Пылит природа сушью и цветами.
Здесь, как обычно, всё
всё время зря.
И вот опять на двор, как на татами,
я вышел, ничего не говоря.

Всё та же
та узорная ограда,
мне фуги подбиравшая на слух,
и мне от вас ну ничего не надо,
как и когда я был так лопоух.

Открыты дверью скриплые ворота
среди чужих всё тех же лопухов,
здесь, как всегда, тот мимолётный кто-то
опять не спит до третьих петухов.

И я опять один на той скамейке,
где так же душно, Господи, уже.
Эй, кто-нибудь,
под стансы канарейки
спляшите вальс в безлунном гараже!

А день молчит
так ржав в щелях, где доски.
И никого, где вечно были мы.
И только я в заржавленной матроске
всё подхожу к себе из кутерьмы.

И мёртвый,
в ожидании ответа,
не расплескавший свет из-под бровей,
смотрю в себя из брошенного лета,
где нас всегда оплакивал сабвей…

И вновь один на ломаном морозе,
и вновь смотря в себя на темноте,
здесь
возле солнца в скорчившейся позе,
я всё не говорю о нас «вон те».

Всем моим бывшим, которых уже нет

Не надо песен, если мы уходим.
Пора, пора
через осколки слёз,
где на прошедшем ноль-ноль пятом годе
я их опять тебе не преподнёс.

Уже склонились к нам через дорогу
все те, кто ждали нас издалека.
Вот снова так —
всё так же понемногу
по темноте мы входим в облака.

Там ждёт нас двор,
состарившись, незрячий,
на перекосе радуги в закат,
там так же ходят те же наши клячи,
нам поклонясь обратно наугад.

Жёлт горизонт на всходе и на взмахе,
и в небо,
тихо,
как из жёлтых рук,
я выхожу в распахнутой рубахе,
переходя по северу на юг.

И наконец-то,
вон!..
вон там открыто,
вот-вот и снова — только ты и я.
Дрожа щекой,
что сиза и небрита,
я всё иду к тебе из пустыря.
ты.

Сайт знакомств

Потревоженная программа
всё плюётся на руки мне.
Ты всё так же пьяна с полграмма
старым баннером на «окне».

Никого, если стало поздно.
И на файле, как пальце, слизь.
Может, будет к утру беззвёздно,
раз мы всё-таки разошлись.

Отвернись от меня обратно,
так рыдавшая в монитор,
недоступна, не неприятна,
не забытая до сих пор.

Что ж ты ходишь всё дальше, дальше,
обнажённая в стиле «ню»?
С этим ником экс-генеральши
я вас больше не сохраню.

Бездна трескается ломтями.
Очень холодно возле дна.
В мониторе, как в чёрной яме,
ты всё так же совсем одна.

И, тебя всё скребя с экрана,
я всё так же хожу сюда,
где всё время с пол-грамма спьяна
ты писала-писала «да».

Вот и ветер поник.
Вот и утро.
Рано.
Как же долго я ждал тебя у крыльца.
Как же долго до нашего —
вечно спьяна —
уж совсем окончательного конца.

Вот захлопала дверь на пустом подъезде.
Вылетайте же, что ли, из всех окон!
Пусть в тумане, как в белой,
как смерть, одежде,
мы, опять, как и прежде, выходим вон.

Накреняется ветер к крылу под кромку.
Вот и смёрзла с подглазья в ветру слеза.
Пусть меня,
поднимая под окаёмку
горизонта,
оплакивает гроза.

А под грудью всё туже от ноя сердца
и ну вот, наконец-то, о, Боже, здесь
на пол-радуге с дрожью в пол-сотню герца
мы опять возвещаем, что мы здесь есть.

А туман обнимает у поворота,
наконец наконец-то дождавшись нас.
И любя, и любя до седьмого пота,
я с тебя не спускаю закрытых глаз.

И мне ветер всё дует в лицо с норд-веста.
И под ночь всё теплее у темноты.
И вот снова опять у пустого места,
здесь на блике, как бритве, лишь я и ты.

Осень кончилась ровно в вьюгу.
Я забыл о тебе с испугу,
по морозам через уклон
устранясь из-под жизни вон.

Всё прохладнее непогоды.
У озимых под снегом роды.
И по комьям, замёрзшим в лёд,
я считаю: назад… вперёд…

Темнота на краю парома.
Вот я снова почти у дома,
где ты вечно ждала меня,
отмолившаяся кляня.

Ты у синего первопутка
уж дождись меня, проститутка.
Ты дождёшься меня,
всегда
возвращавшегося сюда.

Вот и близко — полкилометра.
Что там дальше по ходу ветра?
Что ж так долго идти… идти…?
Что ж так холодно на пути?

Последний день угас под эстакадой.
Ну, наконец, мы чище и одни.
Уже идут сентябрьской прохладой
на переходе скомканные дни.

Раскрылся ветер,
словно крылья, белый.
Давай вперёд, где небом пахнет лес.
Вы мне казались тёплой и дебелой,
когда я вас оплакал наотрез.

Метнулась тень от туч, как от калитки.
Вот шевельнулось сбоку, словно смерть.
И по ладам последних вальсов Шнитке
я выхожу на свет и круговерть.

А то — всё ближе.
Дай мне, что ли, руку.
Уже открыто прямо и вперёд.
Уже тебя, как брошенную суку,
я отпеваю с плачем наотлёт.

А день цветёт всё медленней и туже.
Как ломки звёзды снизу возле ног.
Как мне остыть на холоде снаружи,
где я тебя опять не превозмог?

Но снова — вот и зной у Акапульки,
замшелы стены, словно бархат рук,
и к чёрной фотке с надписью «Расульке»
меня ведёт ненаш и многорук.

И нет тебя,
оплаканной на крене
чужого ветра,
скошенного в вой,
где я ласкал раскрытые колени
на затемнённой слева мостовой.

Не остыли глаза под осень.
Сколько лет тебе?
Вот и мне.
Мы опять ничего не просим,
искажённые на волне.

Пена снегом заносит тропы
меж барханов у края скал.
Помнишь? запахом эскалопы
нас манило через причал.

Галька бликами колет кожу.
Шаг левее —
вот здесь, где тень,
я тебя,
так на ту похожу,
обнимал на исходе в день.

И ревут буруны у края
там,
где снова уже не мы.
Ты сказала, не исчезая,
что исчезнешь у Костромы.

От прохлады ключицам жарко.
Вот и кончилось, словно ночь.
Абрис губ, как в листе помарка,
шевельнулся при шаге прочь.

И я шёл, обнимая это —
так холодное впереди.
Это больше уже не лето…
Подожди же.
Ну, подожди.

Непроходимо на пороге
и лопухами пахнет вход.
Меня простите, недотроги,
что всё опять наоборот.

След за спиной неясно ярок.
«Прощай — всему, что было там!»
И, дописав не без помарок,
я затесался в шум и гам.

Пылают инеями клумбы.
Всё время очень жарко мне.
Здесь институтами Лумумбы
мы проходили на броне.

И вот — всё чаще бьют литавры,
давно заждавшиеся нас.
Мы в колпаках, как бакалавры,
и мы опять заводим пляс.

На мостовых так ломки тени
под нашей поступью вперёд.
В штормящих лужах, как тюлени,
мы продвигаемся сквозь лёд.

И нас встречает на дороге
чуть запотевшая броня.
Меня простите, недотроги,
что не дождётесь вы меня.

Лирическая

На хрена на свете змейки,
кстати говоря?
Я, надев две телогрейки,
сел у пустыря.

Слёзы капали на щёки.
Было грустно мне.
Ах, как горы одиноки
в левой стороне!

Эта ночь, как знак вопроса,
со звездой во лбе.
Плачьте дымом, папироса,
по моей судьбе.

И метель по всей отроге
льётся за края.
Не дождёшься на пороге
ты меня, змея.

г. Уфа

Сергей Ермолаев

Винтики, колёсики, пружинки

Мой парикмахер

Мой парикмахер живёт на другом конце города, мне добираться туда полдня. У него почти пустая комната в какой-то сильно заставленной вещами коммунальной квартире. Он настоящий мастер и живёт только тем, что стрижёт клиентов у себя на дому и делает это классно. Я уважаю людей, которые делают что-то классно, и поэтому я уважаю своего парикмахера. Мне не нужно ему объяснять, как меня постричь. Я всегда стригусь одинаково, он сам предложил стрижку, которая мне так понравилась.

Мой парикмахер моет мне голову, поворачивает кресло так, что зеркало остаётся у меня за спиной, повязывает накидку вокруг шеи и начинает стричь. В его чистой комнате всегда свежий воздух, здесь всегда открыто окно. За окном вплотную — листва. А зимой -голые ветки. В этой комнате ничего не меняется, сколько я его знаю. Во всю стену нарисованы снежные горные вершины, так, как будто рисовал ребёнок. На полу скатан в рулон тонкий матрас, на котором он спит. В старом паркете не хватает несколько плашек. Кресло, сделанное из большого картонного ящика, аквариум, стопки журналов о фотографии, несколько штативов. И зеркало позади меня. Сегодня впервые за много лет здесь кое-какие перемены. У него появилась собачонка, размером с не самую крупную кошку. Говорит, нашёл в подъезде, кто-то подкинул. Кличку пока не придумал. Собачонка очень смешная, я даже не думал, что бывают такие маленькие. Она присматривается ко мне, обходит то справа, то слева, цокая коготками по паркету.

Он легонько щёлкает ножницами. Он поразительно ненавязчив, мой парикмахер. Мы можем поговорить о чем-то, потом помолчать, опять поговорить, снова помолчать. Молчание возникает также естественно, как и прекращается. Пока я неподвижно сижу в кресле и мой парикмахер легонько щёлкает ножницами у левого уха, я делаю для себя небольшое открытие. Здесь не меняется ничего, кроме меня. Я уже смотрел на эти заснеженные вершины в прошлый и позапрошлый раз, я сидел в этом кресле, мы также свободно молчали, и сегодня, как в прошлый и позапрошлый раз здесь не изменилось ничего, кроме меня. Собачонка не в счёт. Таких мест, где не меняется ничего, не так уж и мало, но не в каждое приходишь с такой регулярностью, с какой отрастают волосы, и сидишь почти неподвижно столько, сколько продолжается стрижка. Совершенно равноправной мне теперь кажется версия, что я не прихожу сюда откуда-то, чтобы постричься, а наоборот, я регулярно ухожу отсюда куда-то, а как отрастут волосы -возвращаюсь назад, изменившись когда больше, а когда меньше. Пока я неподвижно сижу в кресле и мой парикмахер легонько щёлкает ножницами у правого уха, я принимаю эту версию как основную.

Готово. Мой парикмахер стряхивает щёточкой волосы, снимает накидку и поворачивает меня лицом к зеркалу. Как всегда получилось здорово. Он улыбается. Мы довольны друг другом, моему парикмахеру нужны такие постоянные клиенты, как я, мне нужна такая хорошая стрижка. Я тоже улыбаюсь. Я знаю, что вернусь сюда.

Лицо и мысли

Ответить на все звонки. Отправить все письма. Закрыть все книги. Попить чай. Принять горячий и холодный душ. Почистить зубы. Лечь в постель. Лежать на спине. Лежать на спине и ждать сна. Мысли произвольно возникают и обрываются в голове. Не вмешиваться в это. Не развивать их и не пытаться их изгнать. Расслабиться и ждать, пока они уйдут сами. Спокойно и неглубоко дышать. Постепенно они закончатся. Порадоваться установившейся в голове пустоте. Почувствовать собственное тело. Движение крови по основным артериям. Сильные потоки крови, уходящие в голову, руки и ноги. Мелкие токи в пальцах, на висках, в глазах. Поверхностные течения снаружи черепа и мощные приливы внутри. Пульс на кончике носа. Неожиданно почувствовать, как напряжено лицо, и удивиться этому. Поразиться этому. Ждать, пока уляжется вихрь мыслей, вызванных этим. (О маске, о маске, о маске, о масках, о масках, о масках…) Ждать. Исследовать это ощущение. Мышцы лица напряжены, и гораздо сильнее, чем сразу показалось. Словно они закостенели в таком положении. Возможно, не мышцы, а только лишь отдельные маленькие участки мышц. От уголков рта в стороны и чуть выше. Между бровями, там, где лоб переходит в нос. Самое большое напряжение — вокруг глаз. Усиленно пытаться расслабить все эти мелкие мышцы. Но ведь расслабить что-либо с помощью усилий — всё равно, что думать о том, чтобы ни о чем не думать. Верная мысль. Но пусть она уходит. Расслабить лицо. Каждая область напряжения имеет свою причину. Рот — от постоянного сдерживания улыбки и готовности что-то сказать. Область между бровями — от сомнений. Глаза — от постоянного высматривания важного и опускания остального. Верные мысли, но пусть они уходят. Расслабить лицо. Спокойно и неглубоко дышать. С удовольствием почувствовать, что естественное положение рта -беспричинная, бесконтрольная, наверняка дурацкая, если смотреть со стороны, улыбка. Естественное состояние того места, где лоб переходит в нос — ровное, без вертикальных морщин. Естественное

состояние глаз — быть наполовину открытыми, наполовину закрытыми. Естественное состояние мыслей — отсутствие.

С этой мыслью уснуть.

Скобки

В детстве я думал, что жизнь (сначала она казалась мне бесконечной (такой же бесконечной, как вопросы (на самом деле это был один-единственный вопрос (ответ на него (такой простой ответ (вот он: жизнь — волшебная сказка, где возможно всё!), как я не догадался сразу!) я нашёл только сейчас), который я никак не мог сформулировать), возникающие один за другим), года в три я понял, но до конца не поверил, не верю и сейчас, что когда-нибудь она закончится) — волшебная сказка, где возможно всё.

Два жилища

Моё жилище расположено высоко в горах. По узким неровным тропинкам, где в любой момент из-под ноги может выскочить камень, нужно добираться в моё жилище. Несколько тесных ущелий придётся переходить по шатким мосткам на головокружительной высоте, множество бурных речек пройти вброд в ледяной воде по скользким камням, на которых и стоять то трудно, не то что перепрыгивать с одного на другой. Не редкость здесь — зимой лавины, летом камнепады. От ближайшего селения несколько недель пути в моё жилище. В дороге можно заживо замёрзнуть — такие тут холодные ночи, а хвороста не соберёшь даже на самый слабый костерок, — или стать добычей голодного зверья, что бродит вокруг там и сям, да и просто заблудиться в этом диком краю. Ни одна одежда не убережёт от колючек, всё равно в кровь исцарапаешь и руки, и колени. Но, даже преодолев всё это — что наверняка невозможно, — и уже увидев снизу вход в моё жилище, пробраться к самому входу уж точно не выйдет, для этого нужно ползти вверх по почти отвесной скале, цепляясь за мельчайшие, не больше пальца шириной, выступы, сдирая ногти, рискуя сорваться вниз на острые камни, пока не окажешься на площадке перед входом; двери, в которую можно было бы постучать, у меня нет — зачем мне здесь дверь.

Так почему же при всём этом я слышу вежливое покашливание человека, не решающегося войти без приглашения? Почему за его спиной я вижу ещё одного, который, кряхтя, упирается обеими руками в край площадки и уже готовится поставить на неё ногу, побелевшие пальцы и шляпу третьего, что подтягивается из последних сил, посмотрев вниз, я вижу ещё нескольких, ящерицами карабкающихся по скале, а тропинка, что ведёт к моему жилищу, до самого горизонта — а мне отсюда видать очень далеко — вся заполнена людьми?

Это тем более удивительно при том, что у меня ведь есть и другое жилище, на равнине, это обычный городской дом, стоит в приличном месте, прямо на главной площади, куда приводят все улицы, где каждый день бывает много людей — может быть, тех же самых людей, лица я запоминаю плохо, — а я сам в лучшем своём костюме с утра до позднего вечера, иногда даже ночью, с фонариком, всегда около открытой двери своего дома, всегда с улыбкой, готовый в любую минуту ответить на любой вопрос, делаю руками приглашающие жесты, ставлю рядом, на самой дороге столик и два стульчика -на тот случай, если хоть один из них соизволил бы присесть ко мне — а они молча проходят мимо, так близко, что я, если бы захотел, мог дотронуться рукой до их пыльных одежд…

Закрыть глаза

Для того, чтобы как следует рассмотреть что-то, мне надо закрыть глаза.

Винтики, колёсики, пружинки

Бывает, увлечёшься какой-нибудь мелкой, требующей внимания работой, связанной со многими винтиками, зубчатыми колёсиками, пружинками, такими маленькими, что приходится тщательно, с большим усилием для глаз всматриваться в них, чтобы разобраться, какая из пружинок приводит в движение то или иное колёсико, какой из винтиков крепит ту или иную пружинку, почему именно в такой последовательности колёсики нанизаны на оси, какое из двух цепляющих друг друга зубчиками колёсиков является ведомым, какое — ведущим, и забудешь, что всего этого нет, что стоит только поднять голову и несколько раз сильно зажмурить глаза, несколько раз подряд моргнуть — и снова увидишь пустой стол.

Стекло

Доктор, я со всех сторон окружён стеклом, я словно внутри стеклянной банки. Когда я один, к примеру, дома или на прогулке по лесу, это мне почти не мешает, но стоит мне оказаться среди людей, как тут же начинаются трудности. Во-первых, я остро чувствую нехватку воздуха, ведь всё, что я выдыхаю, остаётся здесь же, внутри стекла, а свежий воздух снаружи не поступает, я стараюсь дышать экономнее, не делать тех движений, без которых можно обойтись, но, всё равно, воздух довольно быстро кончается. В этом, пожалуй, заключается самое значительное неудобство этого стекла, но не единственное. Во-вторых, стекло такое толстое, что почти не пропускает звук. Когда люди снаружи говорят мне что-то, я обычно ничего не слышу. Я только вижу, как они открывают рот, потом вижу, что они недовольны, терпение их заканчивается, догадываюсь, что они громко кричат, а до меня в лучшем случае доносятся только приглушённые звуки мужских или женских голосов. Понятно, мне необходимо как-то общаться, чтобы существовать, и я постепенно научился читать по губам, и довольно сносно, но, доктор, вы, конечно, и сами понимаете, что это совсем, совсем не то…

Когда мне нужно что-то им сказать, происходит то же самое, они меня не слышат. Звук не может вырваться за стекло. Бывает, я так ору, что у меня начинает сильно болеть голова, я думаю, это связано с давлением. Проверьте у меня давление на всякий случай, доктор. Чем сильнее я ору, тем труднее мне самому это выдержать внутри стекла. Но мне приходится орать, иначе они совсем меня

не услышат. Я, правда, не уверен, что они слышат меня, даже когда я так ору, но какие-то их жесты, какие-то перемены в их лицах, дают мне надежду, что если они не слышат слова, которые я выкрикиваю, то хотя бы какие-то звуки они слышат, а для меня уже и это, представьте, имеет большое значение. А иногда стекло так отсвечивает — дело, видимо, в разной яркости света внутри и снаружи, -что ни их жестов, ни их лиц не видно, со всех сторон, куда бы я ни повернулся, я вижу только своё искажённое кривизной стекла лицо.

Это не всё. Я не могу никого по-настоящему коснуться. Даже если я решусь пожать кому-то руку, всё равно, я чувствую, что между нашими ладонями находится тонкий слой холодного стекла. Последние несколько лет, как появилось это стекло, я с трудом справляюсь с самыми обычными делами. Например, я теперь не могу ездить в трамвае, или стоять в очереди. Последний раз, когда я ездил в трамвае — в каком же городе это было? — помню, была такая давка, со всех сторон люди так близко стояли ко мне, и так напирали, что стекло сильно прогнулось вовнутрь, оно плотно стиснуло и грудь, и спину, и находилось в нескольких сантиметрах, или даже миллиметрах, от моего лица, оно в любую секунду готово было треснуть, от напряжения я зажмуривал глаза так, что было больно щекам, я боялся, что стекло вот-вот треснет и поранит не только меня, но и людей вокруг! Когда последний раз я стоял в очереди — зачем же я тогда встал в эту очередь? -вообще-то я очень не люблю очереди, точнее, я их ненавижу… Хотя, зачем я всё это рассказываю, ведь вы, доктор, скорее всего, не слышите меня…

Дырочка в груди

У меня в самом центре груди, вот здесь, есть маленькая дырочка, всего миллиметра три в диаметре. Казалось бы, такая дырочка должна была давно зажить, либо оттуда должна литься кровь. Но не то, не другое. Она совсем не похожа на рану, у неё ровные края, это идеально круглое отверстие, как будто туда вставлена невидимая втулка. Эта маленькая дырочка пережимает примерно пополам преогромный шар, поверхность этого шара — прозрачная невесомая ткань, а внутри него содержится весь мир, но, поскольку он пережат дырочкой в моей груди, то получается, что половина мира находится внутри меня, а половина снаружи.

Я не знаю точно, как это происходит с технической точки зрения, но эту невесомую ткань вместе со всем содержимым я могу протягивать через дырочку и в ту, и в другую сторону. Вернее, я сам для этого ничего особенно не делаю, я только не препятствую, я удобно сижу в кресле, запрокинув вверх голову, движение мира туда и обратно происходит само собой, а я лишь замечаю его благодаря характерному приятному ощущению в груди.

«Иногда я чувствую себя…»

Иногда я чувствую себя частицей красящего вещества, брошенной в воду. Я так же окрашиваю всё вокруг себя тем цветом, из которого я сделан, и так же постепенно при этом растворяюсь.

«Их литература…»

Их литература развивалась очень самобытно. Единственным жанром, который со временем вытеснил все остальные, было название. Сочинители, а ими были почти все жители Империи, выдумывали названия для уже существующих текстов, в каковых не было недостатка — они были записаны на песке, на растрескавшейся глине, на речной воде, на траве, на коре деревьев, на панцирях черепах, на шкурах зверей, на чешуе рыб, на перьях птиц, на лицах детей.

Молчание

Мы молчим. Я не знаю, что сказать. Украдкой смотрю на него — похудел, лицо и без того узкое, сейчас стало острым. Он не похож на себя. Я не знаю, что он сейчас чувствует, чувствует ли вообще. Он стал, каким-то маленьким, незаметным, пустым. Я и вправду не знаю, что сказать. Что бы я ни сказал ему, всё было бы чрезвычайно глупо и не о том. Я мог бы сказать, не расстраивайся (как отвратительно это звучит, хорошо, что я этого не сказал), не отчаивайся, не убивайся, не горюй, не плачь. Живи. Я мог бы сказать, что жизнь продолжается, что в жизни случается всякое, но она продолжается. Но ведь я и сам не уверен в этом. Я мог бы сказать, что он может всегда на меня рассчитывать. Всё это очень глупо, всё, что я мог бы сказать, поэтому я молчу.

В моей машине есть чейнджер на шесть дисков. Я редко меняю диски, может потому, что я очень консервативный, или очень ленивый. Один диск, четвёртый, не меняю никогда, на нём — дудук, волшебная дудочка Дживана Гаспаряна. Иногда, как сейчас, кроме этой музыки не хочется ничего слышать. У неё нет начала и конца, только верх. Кто-то говорил мне, что это грустная музыка. Возможно.

Дорога пустая. Идёт снег. Далеко впереди едет медленно маленький автобус, мы следуем за ним. Обычно я так медленно не езжу, может быть поэтому, я не замечал раньше, как красиво падает снег. Я не люблю снег, и всё, что связано с зимой. Снежинки летят навстречу нам, большие, мягкие.

Люди в автобусе (там их двое, водитель и агент), наверное, курят, говорят о чём-то, хотят поскорее попасть домой, в конце концов, это всего лишь их работа.

За автобусом остаётся чёрный след, я стараюсь ехать по этому следу. Мне очень тяжело, кажется, что справа от меня находится пустота, чёрная пустота. Сейчас от него ничего не осталось, кроме этой пустоты. Чтобы увидеть это, мне не нужно смотреть на него, я чувствую. Это не человек, это его маленькая, скукоженная, слабая оболочка, всё, что было внутри — вырвано. Что тут можно сказать? Поэтому я молчу. Ведь как жалко, как жалко, как жалко. Хочется плакать. Не надо плакать. Моё лицо само скорчивается, я не могу с ним ничего сделать.

Мы все — автобус, снег, дорога, наша машина, жёлтые и белые фонари, — плывём под эту волшебную дудочку. Это так медленно. Я забываю о том, что хотел ему что-то сказать.

Когда я получал груз в аэропорту, в пакете с сопроводительными документами был её заграничный паспорт, заскорузлый, смятый, жуткий. Цвета высохшей крови.

Мне кажется, что я сам — эта чёрная пустота, что меня нет, как нет и той, что едет в автобусе. Всё, что происходит, похоже на сон, очень плохой сон, который снится и мне, и ему, и её матери, всем остальным, кто вот уже больше недели собирается в их ставшей пустой квартире. Сон, где я, он, плывём сквозь звуки волшебной дудочки, сквозь снежинки, по чёрному следу автобуса, который везёт гроб. Мы молчим.

«Как рыба …»

Я — как рыба, попавшая в социальные сети.

Тоска

Тоска, которую не прогонишь, тоска, от которой не избавиться, тоска, которая всегда рядом, тоска, которая с тобой и в солнечные, и в пасмурные дни, тоска, которая заботится о тебе, тоска, которая гладит тебя по голове, тоска, которая не оставляет тебя без присмотра, тоска, которая всегда готова составить тебе компанию и предложить свои услуги, тоска, которая приходит на любое место раньше тебя, тоска, которую нельзя ни в чем упрекнуть и ни в чем уличить, тоска, которая не имеет никакого намерения, никакой цели, тоска, которая никогда первой не начнёт разговор, тоска, которая никуда не спешит, тоска, которая закрывает будущее грязной тканью, тоска, которая рассказывает о прошлом сладкие сказки, тоска, которая не знает ответов и не задаёт вопросов, тоска, которая наполняет воздух твоей комнаты, тоска, которая ездит в твоей машине, обедает и ужинает вместе с тобой, тоска, которая идёт на полшага позади тебя и на полшага впереди тебя, тоска, которая ищет твоего внимания, тоска, которая предлагает уделить ей время и отложить все дела, тоска, которая никого к тебе не подпускает, тоска, которая всё понимает, тоска, голос которой тих и невнятен, тоска, которая успокаивает и утешает тебя, тоска, которая жалеет, успокаивает и утешает тебя, — она питается твоими мёртвыми мечтами.

Три пути

Когда попадаешь в такую местность, где почти все люди говорят на языке, который тебе незнаком и не нравится, у тебя, по большому счёту, есть два пути — принять язык этих людей или сторониться их и жить самому по себе.

Правда, есть ещё третий путь, но он не сразу приходит тебе в голову — сделать так, чтобы эти люди выучили твой язык. И это, конечно, всё в корне меняет, даже если тебе, всё равно, прежде предстоит пройти первый путь, а второй путь ты к этому времени уже прошёл.

«Можно отправиться…»

Можно отправиться в любой город, отыскать в нём книжный магазин, взять с любой полки любую книгу, открыть наугад на любой странице и там прочитать мои мысли.

Мысли

Зайти в комнату, закрыть дверь, сесть и отдаться мыслям. Отпустить их на волю. Их бесконечно много. Они как ветки и веточки бесконечно ветвящегося дерева. Они не вмещаются в тебе. Сначала они заполняют комнату, затем выталкивают дверь и выливаются наружу. Они ни о чём, они обо всём, они — это ты. Они несутся по улицам города, и дальше, и дальше…

И вот, когда они все вышли и гуляют по свету, тебе становится легче, ты снова готов жить, ты встаёшь, выходишь из комнаты и снова идёшь туда, где ты был должен и тебе были должны.

Пришёл командир

Мы от души бегали по бескрайнему плацу и играли во множество разных игр, пока не пришёл командир, весь заспанный, и не велел нам построиться по росту в две шеренги, в одну — вопросы, в другую — ответы, друг напротив друга. Среди этой суматохи, когда сначала все забегали, потом стали громко спорить и препираться, кто кого выше, я стоял на том же самом месте, где меня застиг приказ командира, и никак не мог определиться, в какую шеренгу мне вставать. Во мне заключены одновременно и сам вопрос, и ответ на него, причём всё так увязано, что нельзя с уверенностью сказать, что вот это пока ещё вопрос, а вот это уже ответ.

г. Москва

Анна Дашко

Записки о несбывшемся путешествии…

1.

До пронзительного звонка будильника оставалось не больше трёх часов. Я кидаю халат на спинку стула, торопливо снимаю тапочки, ложусь на кровать, и, укрывшись одеялом, пытаюсь как можно быстрей уснуть. Но — как на зло — глаза не закрываются, а веки вместо того, чтобы стать тяжёлыми и неподъёмными, легки и невесомы, как пёрышко. В каком-то порыве отчаянья я накрываюсь с головой одеялом. Чувствую, как становится жарко, воздух застывает и превращается в тягучее сгущённое молоко, глаза ничего не различают в наступившей темноте и начинают закрываться. Мысли прекращают толпами носиться в моей голове и торопливо покидают её, последняя мысль вышла и тихонько закрыла за собой форточку. Моя рука, до этого крепко сжимавшая край одеяла, наконец- то выпустила его и плавно упала на подушку. «Кажется, засыпаю», — тихо прошептала я. Ещё немного, и сон захватил меня, надёжно укрепив свои позиции. И вот тут-то и началась суета…

Я прыгала по комнате, судорожно пытаясь одновременно залезть ногой в штанину и сделать на голове хвостик (хотя бы один, так как два в этой ситуации только фантастика). Вокруг меня было разбросано множество вещей, начиная от ручек и карандашей, заканчивая одеждой и обувью. Ну, вот… наконец-то надела штаны, теперь можно было всерьёз заняться причёской. На это нехитрое дело я потратила не больше 5 минут, и то в моём положении это была непозволительная роскошь. Ещё надо собрать вещи и упаковать сумку. Ай, какое там упаковать?! Я просто начала скидывать в свой рюкзак всё, что попадалось под руку, не особо задумываясь о предназначении «упакованных» мной вещей.

С трудом застегнув рюкзак, я поняла, что сборы окончены. «Пора двигать. На этот раз должна успеть!». Я схватила сумку и пулей вылетела за дверь, не отвлекаясь даже на поворачивание ключа в замке. Да и зачем? Кому придёт в голову обворовывать квартиру в моём собственном сне…

Вот так вот я рассуждала, быстро спускаясь по лестнице. Вылетев во двор, сразу же свернула направо и побежала вверх по улице. Обгоняя редких прохожих, я неслась сначала по ярко неоновым центральным улицам, потом свет сменился темнотой. Потянулись бесконечно жуткие окраины. Какой-то облезлый кот орал возле помойки, жалуясь всему миру на свою неудавшеюся жизнь. Мрачные, невыспавшиеся вороны что-то недовольно каркали мне вслед. Я не поленилась подобрать камень и запустить в чёрных птиц. Ещё не хватало, чтоб накаркали чего плохого. До пробуждения оставалось где-то полтора часа. «Не факт, что успею добраться до города N в этот раз». — думала я, выбегая за пределы города.

Дальше потянулись леса, потом их сменили горы, снова леса… Я не особо утруждала себя придумыванием пейзажа, хотя и без него никуда. Я просто хотела как можно быстрей добраться до этого треклятого города. Наконец леса сменились равниной. Оставалось совсем немного, силы были уже на исходе. Бег по пересечённой местности не лучший способ релаксации. В запасе оставалось полчаса, потом… О том, что будет потом думать не хотелось. Мне казалось, что ещё немного, и кроссовки задымятся от невероятного напряжения и бешеной скорости. «Интересно, зачем я каждый раз беру с собой рюкзак? Только лишний груз таскать», — мелькнула у меня в голове здравая мысль. На горизонте появились первые дома. Я рванула из последних сил, скидывая на ходу бесполезный груз — любимый рюкзак. Таким образом, до центра города я добралась быстрее, чем обычно. Не тратила время на сидение на скамейке с высунутым языком и стояние у стены. Оказавшись на главной улице, я на мгновение приостановилась, задумавшись над дальнейшим маршрутом. Решила срезать, пробежав через дворы, но запуталась в хитросплетениях улиц и потеряла драгоценное время. До звонка будильника осталось 5–7 минут.

Вывернув из очередного переулка, я просто уткнулась в стену знакомого до боли дома. Ну, вот он, наконец-то! Я вихрем ворвалась в подъезд, не останавливаясь на проходной. К чёрту вежливость и формальности! Это мой сон!

Я с трудом заставила свои ноги бежать по ступенькам, а не к вечно не работающему лифту. Я была так увлечена размышлениями о том, какую ногу за какой нужно ставить, что чуть не проскочила нужный этаж. Длинный, знакомый коридор с множеством дверей. Номер его комнаты вылетел из головы из-за сумасшедшего бега. Хоть бы повезло… Толкаю пятую дверь слева… Ошибка… Одиннадцатая справа… Промах… Первая с конца… Мимо… Восьмая от ванной комнаты… Наконец- то! Пинаю ногой деревянную, плохо выкрашенную дверь, не до приличий. Осталось всего 2 минуты. Я ещё никогда не была так близко к цели.

Вбежала в комнату и, споткнувшись о коврик, чуть не растянулась на полу. Вот и его кровать. Он лежит, укрывшись одеялом, одной рукой обнимает подушку, а другая свешивается с кровати. Куда-то пропала вся энергия и пыл. Я еле-еле подошла к кровати, села на самый краешек и стала просто смотреть на него. У меня не было сил даже на то, чтобы поправить ему одеяло, не говоря уж о том, чтобы разбудить. Видимо, от моего пристального взгляда он заворочался, что-то забормотал, его веки дрогнули. Ну же, ну же, просыпайся!

Протянул руку, чтобы поправить одеяло, наткнулся на моё плечо, вздрогнул и…

Три раза прокричал будильник. Я небрежным движением руки впечатала аппарат смерти в стену. И только после этого окончательно проснулась. Мысли были коротенькие и обиженные: «нова не успела ему присниться. А он так просил. Слишком мало сплю. На час бы побольше. Тогда точно успела бы. Хотя бы на час. Успела бы.» Я тяжело вздохнула и пошла умываться, надев один тапочек, так как за вторым, под кровать, было лень лезть. Я прекрасно понимала, что и завтра ночью не лягу раньше, и у меня не будет этого лишнего часа сна. Не будет… «Придётся ещё быстрее паковать вещи», — усмехнулась я своему растерянному отражению в зелёной пижаме, — «Тогда следующей ночью я точно ему приснюсь».

2.

Две таблетки валерьянки для успокоения и одна таблетка снотворного для того, чтобы быстрей уснуть. Я положила таблетки на язык и залпом выпила стакан воды. Потом какое-то время постояла, прислушиваясь к своим ощущениям, покрутила в руках стакан, поставила его на стол. Развернулась и вышла из кухни, секунды через две вернулась, цапнула со стола конфетку, довольно хрюкнула и пошла укладываться спать. Сегодня я решила лечь пораньше, то есть в три часа ночи, но для такого подвига пришлось обратиться за помощью к медицине. Удобно устроившись в кровати, я стала ждать, когда подействует лекарство. «Сегодня точно должна успеть. Так рано ложусь всё-таки. Хотя если не успею, то можно попробовать лечь ещё по раньше плюс 4 таблетки валерьянки, 2 таблетки снотворного и две, нет, лучше три конфетки… Всё-таки должна успеть, а то вообще как-то не это… того… которого… так вот…да…». Мысли стали путаться, налетать друг на друга, голова стала неподъёмной, и казалось, что даже башенный кран не справится с таким грузом. В глазах запрыгали зелёные и красные огоньки, и кто-то, улыбнувшись с потолка, посоветовал почитать Дюма «Граф Монте Кристо». Последняя мысль, мелькнувшая у меня в голове, перед тем как глаза закрылись, была предельно ясной: «А это вообще точно были валерьянка и снотворное?»

Вместо привычной комнаты с разбросанными вещами и открытым рюкзаком посередине, я оказалась… сложно сказать, где я оказалась. Меня окружал плотный, как стена, туман. Я даже пожалела, что под рукой нет тарана или на худой конец топора. И куда же мне идти? И главное, что делать с этим подозрительным оранжевым туманом? Возникшее решение проблемы меня даже не удивило. Я просто деловито достала из камуфляжных штанов столовую ложку и приступила к поеданию оранжевого месива. Меня абсолютно не шокировал тот факт, что я стою в камуфляже и стандартной алюминиевой ложкой ем туман, как мамин кисель из кружки. К тому же вкус у тумана был бананово-сливовый, что, несомненно, прибавляло мне энтузиазма. Вообщем первые 30 метров прошли на ура, дальше темп мой стал сбавляться. Ещё меня терзала мыль о том, что до города N тысячи километров, а у меня за спиной метра 32 от силы. Вот если бы мне помогли зайцы. Какие зайцы и почему они мне должны помогать поедать оранжевую субстанцию? Этот вопрос не был актуален в тот момент. Должны и всё тут. Но не одна ушастая скотина не спешила присоединяться, более того, ни одного зайца я пока ещё не видела. Ещё через 10 метров я всерьёз обиделась на пушистых зверьков. Раздражённо воткнула ложку в туман и демонстративно повернулась к ней спиной. Значение таких слов как: быстрей, город N и будильник — вылетели из моей головы. «Злые вы, уйду я от вас!», — обиженно прошептала я и пошла на пролом сквозь оранжевый туман. Поход мой длился недолго. Споткнувшись о табурет, я растянулась на паркете и эффектно проскользила по нему пару метров. Отряхивая камуфляж, совсем новый, между прочим, я грозно повернулась к табуретке. Та лишь кокетливо подмигнула и упрыгала куда-то в туман. Кажется, мои глаза стали круглыми, а нижняя челюсть со стуком упала на паркет.

— Позвольте пригласить вас на танец? — послышался скрипучий голос у меня за спиной.

Мгновение, и я стояла, развернувшись на 90 градусов в левосторонней боксёрской стойке. «Подозрительный какой-то сон, надо быть начеку» Небольшой кухонный стол стоял перед такой воинственной мной и смущённо переступал с ножки на ножку. Мне показалось, что он даже покраснел.

— Так вы не откажетесь со мной потанцевать? — повторил мебельный кавалер свою просьбу.

— Угу, — только и смогла выдавить я из себя.

Зазвучала музыка, кажется, чей-то концерт какого-то там номера. Точно не вспомню. Но скажу одно: столы прекрасно ведут в танго и отлично танцуют вальс. После самбы я выдохлась. Стол учтиво поклонился, благодаря за танец и чудесно проведённое время, и вежливо напомнил, что, если я всё ещё хочу присниться некому человеку в далёком городе N, то мне надо идти на северо-запад и чем быстрее, тем лучше. Я сделала изящный реверанс и, помахав на прощанье ручкой, побежала в указанном направлении. Но то ли я слишком устала от танцев, то ли переела оранжево-туманной сладости, бег стал замедляться, а вскоре и вовсе перешёл в шаг. Что было дальше, я вспоминаю с трудом.

Помню только, как забрела на какую-то полянку, на которой стоя маленький домик. Там, кажется, у меня подкосились ноги и, упав на траву, я отключилась. Дальше темнота; видимо, организм не выдержал нагрузки и устроил себе передышку. В общем, я заболела. Оказалось, что в маленьком доме живёт смешной, лысый гномик, который ходил в красном колпачке, снимая его только, чтобы вытереть пот своим синим платочком. Именно этот забавный человечек и ухаживал за мной во время болезни, менял компресс на голове, поил бульоном и давал сладкую микстуру. Пару раз меня навещал стол с той подлой табуреткой, о которую я в своё время споткнулась. Они приносили цветы и фрукты. Болела я недолго, во всяком случае, мне так показалось. Через 10 дней, а может, минут через 6, пока хозяин домика куда-то отлучился, я тихонько улизнула из столь гостеприимного местечка, даже не сказав спасибо. Но у меня было оправдание, мне было не до того, надо было торопиться в город N. «Успеть. Обязательно успеть ему присниться», — думала я, беря курс на недосягаемый город. Стояла страшная жара. Непривычная к таким погодным условиям, я с трудом

проползла метра два, когда раздался странный звук похожий на вой сирены. Голова от него просто раскалывалась, и закладывало уши.

— Прекратите это немедленно! — закричала я, — Хватит!

Я открыла глаза и резко села на кровати. Будильник продолжал заливаться. Вот гадёныш! Я привычным движением руки впечатала этого садиста в стену. «Получи и распишись!» — мстительно подумала я. Но из-за столь резкого движения у меня закружилась голова. Пришлось срочно лечь, оставив расправу на потом. Только сейчас я заметила, что с меня градом льётся пот, и трясутся руки. Все фишки налицо, теперь мне можно спать дальше, так как со стопроцентной уверенностью могу сказать, что заболела. Видимо, лысый гномик меня не долечил. Теперь ещё не скоро удастся нормально поспать. «Значит в ближайшую неделю я ему, однозначно, не приснюсь», — с грустью подумалось мне.

«А, интересно, из чего сейчас делают конфеты?» — мелькнула в голове мысль, когда я вспомнила, что же мне снилось.

3.

Я на правах гостя сидела в кресле, и смотрела, как моя подруга носится, накрывая стол. Решение сходить в гости, с ночевой, пришло в виде вечернего телефонного звонка. Я сразу же согласилась. Посидеть попить вина, поболтать на тысячи разных тем, посмотреть какой-нибудь фильм — это отличный способ провести время. К тому же моя подруга рано ложится спать, да и я, устав от этих посиделок, пораньше лягу. А это такой шанс провести во сне побольше времени и успеть присниться одному человеку.

Наш девичник проходил по стандартной схеме. Сначала вино и куча сладостей, потом долгие разговоры за чаем и уже на закуску диск с фильмом, который ещё даже не вышел на экраны кинотеатров. Но в этот раз программа посиделок затянулась, и после просмотра опять пошли разговоры. В общем, закончилась эта развлекательная программа намного позже, чем я ожидала. Аж в 5 утра. У меня даже возникла мысль: «Стоит ли вообще ложиться спать, когда уже через 2 часа будильник «порадует» нас своим трезвоном». Пока я так размышляла, моя подруга уже улеглась и, завернувшись в одеяло, благополучно отключилась. «Мне бы такую скорость», — восхищённо подумала я. Но восхищение в данной ситуации было излишним, потому что как только моя голова коснулась подушки, реальный мир перестал для меня существовать.

Как всегда разбросанные вещи и не собранный рюкзак. Я стояла посреди комнаты в своей любимой зелёной пижаме и сосредоточенно думала, что надеть в этот раз. «А оно мне надо? — подумала я, — Уж в своём сне могу ходить, в чем угодно. Да и рюкзак по сути дела мне не нужен». Вот так решив свои проблемы, я покинула комнату. Выйдя из подъезда, привычно повернула направо и пошла вверх по улице. Когда я проходила мимо очередного магазина, мне в голову зашла погостить гениальная идея: «Зачем каждый раз добираться до города N пешком? Как ни крути, а это всё же сон». Нда, иногда ко мне приходят потрясающие мысли. Я остановилась посреди улицы, закрыла глаза и представила, что стою в знакомом коридоре со множеством дверей. Протянула руку и взялась за дверную ручку, повернула её и только после этого открыла глаза. Я без всякого удивления поняла, что стою на пороге нужной мне комнаты. Сделала шаг вперёд, дверь за мной со скрипом закрылась в лучших традициях американских триллеров. Обошла стороной печально знакомый коврик и подошла к кровати. Но, вопреки моим ожиданиям, в постели никого не было. Растерянно уставилась на подушку и скомканное одеяло.

— Ничего не понимаю, — прошептала я.

И тут кто-то, подкравшись сзади, закрыл мне глаза. Я не испугалась и даже не вздрогнула, потому что точно знала, кто стоит за моей спиной. Улыбнувшись, я погладила руки, закрывавшие мне глаза. Стоявший у меня за спиной человек наклонился и слегка чмокнул меня в ушко. Потом развернул меня к себе, и я с радостью увидела знакомое лицо, улыбающееся мне в ответ.

— Почему ты мне не снилась? — спросил он.

— Так получилось. Слишком мало сплю и просто не успеваю до тебя дойти.

— А сегодня успела? — снова улыбнулся он, и, плюхнувшись на кровать, похлопал по ней ладонью, мол, садись рядом. Я удобно устроилась около него, обняв подушку. И только после этого ответила на его вопрос.

— Просто сегодня я нашла кратчайшую дорогу до тебя.

— Я рад… — просто ответил он.

— Я тоже.

Потом мы сидели молча, не потому что нечего было сказать, а потому что знали, что всё равно кто-то из нас скоро проснётся, и разговор прервётся на самом интересном месте. Время шло.

— А если в следующий раз ты не сможешь воспользоваться своим кратчайшим путём и снова мне не приснишься, — спросило моё сновидение, уставившись куда-то вдаль. Я задумалась, закусив губу. Покрутила подушку.

— Ты прав, в следующий раз не получится по тому же пути… Но ты меня выдумай, — ответила я через некоторое время. Он удивлённо посмотрел на меня. Я только решительно тряхнула головой и продолжила.

— Я же тебя выдумала, и ты мне снишься.

Мой голос всё ещё звучал в комнате, хотя я уже молчала. На какое-то мгновение его лицо стало печальным, но потом улыбнулся и, крепко обняв меня, сказал.

— Так я и сделаю.

Мы ещё немного посидели в обнимку.

— Вот и молодец, — вздохнув, я встала с кровати, — Пора мне, наверное. Кажется, уже будильник звенит.

И тут я поняла, что говорю с пустотой, рядом со мной никого не было. А будильник и в правду звонил.

Я открыла глаза, пытаясь понять, что происходит. Будильник, стоявший на комоде, молчал. Зато, не переставая, пиликал мой сотовый. Я вскочила с кровати и отключила звук, чтобы не разбудить подругу. И только после того, как убедилась, что она продолжает мирно спать, посапывая в подушку, я открыла пришедшее мне электронное послание. Улыбаясь от непонятной радости, села в кресло. На дисплее светилась надпись: «*Ты мне сегодня снилась!*»

г. Красноярск

Наталья Попова

По улицам

По улицам
неопознанным объектом среди прохожих,
ненужной родинкой на общественной коже
я шатаюсь до воды из носа. А потом
домой, где ужин — излюбленный суп с котом.
Тепло. На кухне два неприкаянных зверя,
(А кот всё царапался в двери,
пока меня не было) сидим, поедаем
остатки супа. А завтра тоска гнедая
опять погонит прочь, до воды из носа,
и, может, совсем не известно, что будет после,
поэтому будет потом. И кот, что, наверное, так же,
как я, многое знает, но никому ничего не скажет.
И некому.

Стеклянный человек

В высоком цилиндре за ржавой оградой
сидит на скамье опустевшего сада
забытая старость. Бесцветные жилы
на память о прошлом. Да, в прочем, а жил ли
седой незнакомец? Ведь выдуто сердце
как ёлочный шарик. И старые дверцы
садовой калитки запрятали в осень
стеклянные тайны — никто и не спросит…
Стекляшки в глазницах не поняли лета,
и мысли его уже дышат Тем светом.
Хрустальные кисти сложил на коленях,
прозрачный настолько, что даже и тени
уже не отбросит. Он высосан веком.
А то, что когда-то он был человеком,
не важно уже ни скамье, ни ограде,
ни смерти, что входит в заброшенный садик.
Но жизнь забрать она хочет без толку —
он, так и не встав, распадётся в осколки.

Пернатое братство

Голуби купались в луже. Улетели
обрывком свободы. И день недели
второй с конца приготовил время
к расстрелу. Возложил на меня бремя
убийцы. Мы шли по осколкам лета —
палач и жертва… Дошли так до этой
лужи. Обители голубиной тайны.
Переглянулись, забыли цель. Случайно
прибыли на обряд посвящённых
сизых, коричневых, белых, чёрных
пернатых братьев. И мне туда надо бы…
Но время решило, что надо быть
маленькой и пернатой непременно снаружи.
А такое моё «внутри» им не нужно.

Легко

Вылупиться… Новой свободой рвёт
из затхлости зимних стен. Сполна
подарить себя свежести, что живёт
только в первых минутах весны окна,
открытого нараспашку. Легко…
Накопленную холодами тяжесть снять,
Без шапки выйти в тепло на улицу.
Учиться по-новому ощущать. Опять
распуститься! Опять солнцу жмуриться!
Искать новую жизнь.
Сесть в другой троллейбус на восток:
С другими людьми, по-другому путь.
Впустить случайных предчувствий ток.
Глазами встретиться. В себя вдохнуть.
Услышать: «Следующая — остановка — сердца»…

Искусственная жизнь

По асфальту побережья я шагаю всё дальше в ночь.
И следы от моих ботинок выдают направление «прочь».
А рядом шумит тихонько ночное дорожное море,
И музыка его волн — шум колёс, что не знает горя.
Я иду к тому самому месту, где совсем далеко «когда-то»
Я впервые увидел солнце, что навек лишено заката.
К солнцу в стеклянной клетке, и ему суждено гореть
Лишь чернильной глубокой ночью. И конечно, совсем не греть
собой тело земли, нестерпимо. От того оно часто сгорает.
Но фонарщики меняют лампы. И бедняга вечно страдает.
Я сижу у стеклянной клетки, на рёбрах немой скамьи
в гармонии с жизнью города, я, наверно, член семьи,
то есть этого мира, созданного одним странным маленьким богом
по имени ХомоСапиенс. И мне нужно совсем немного
для исправной службы ему. Я смотрю на свои ладони,
на смешные металлопальцы. Я сегодня кое-что понял…
Я совсем не имею права на роль любимого сына,
Ведь по венам течёт масло. Жидкость искусственной жизни.
Я — машина…

Прогулка

Эта ночь, наверное, снится
мне. Она нарисована
живыми красками: лица,
мост, эта набережная… Скована
душа. Не хватает места в теле.
Ей бы вылиться без остатка
На размытую гладь акварели,
раствориться в городе. Сладко.
Так сладко пахнет шоколадом
тёмно-горькой искрящейся ночи.
У меня свидание — город рядом.
И размытое одиночество.

Драма

Тепла совсем не доставало…
Забитое в тугую раму,
Окно показывало драму
пустому зрительскому залу.
Сюжет простой — о новых смыслах,
о поиске живого света,
гонимого с востока ветром.
И облака, как разум в мыслях,
запутались в ветвях деревьев,
которые чертёжно хмуро
разбили небо на фигуры.
И всем хотелось поскорее
закончить фильм, закончить зиму,
сменить облупленную раму…
Окно показывало драму,
а зал молчал невыносимо.

Круговой маршрут

Трамвай несёт меня, стуча по рельсам,
до остановки с вывеской «Весна».
Погоду не понять — шаманит Цельсий,
а я сижу всё также у окна.
Тоска по лицам едущих шныряет,
по радио опять про что-то врут.
Муниципальный транспорт повторяет
из года в год свой круговой маршрут.
Трамвай в который раз проходит мимо
апреля по дуге железных миль,
и мир застрял в нелепой пантомиме,
копя веками на ресницах пыль.

~

Я пережиток эпохи предков.
Я снимком старым в мансарде лет
зачем-то воткнут в сухие ветки
на подоконнике. Вечный свет
живого солнца стирает чёткость
запечатлевших во мне себя
под грифом «Прожитое» отчётов.
Протяжной музыкой теребя
больную душу, играет скрипка,
и в чёрный фрак здесь скрипач одет,
а на лице его нет улыбки,
да и лица уже вовсе нет.
Здесь без пощады слепое время
стирает медленно всё в песок.
И только небо пустое бремя
хранит в архиве на вечный срок,
не опускает эпоху в ящик,
зачем-то тянет к ней вечный свет
и нас, потерянных в настоящем,
ведёт обратно в мансарду лет.

г. Красноярск

ДиН память

Василий Фёдоров

Белая роза

Со всеми ждала,
Сторожила тепло,
Потом зацвела,
Когда все зацвело.

Белели купины,
Как взлет лебединый:
Терновники,
Яблони,
Вишни,
Рябины.
Раскрыла бутон,
Красоты не тая,
И белая-белая
Роза моя.

Пчелы отпели.
Шмели отгудели,
С веселых деревьев
Цветы облетели.
Уже и плодам
Наступил свой черед,
А белая роза
Цветет и цветет.

Росла,
Наливаясь,
Зеленая завязь,
Округлились вишни,
На зорях румянясь,
А роза моя
В первозданной чести
Еще продолжала
Цвести и цвести.

Над нею,
Некрасной,
И время не властно,
Цвела она пышно,
Цвела она праздно,
Цвела все отчаянней
День ото дня,
Любимая
Белая роза моя.

К плодам,
Будь лишь влага,
У яблони тяга.
Старался, работал
Мой сад, работяга,
Скрипел и вздыхал
От тяжелых плодов
И ей не прощал
Ее белых цветов.

Бутоны,
Бутоны
Стриги, как купоны.
Она презирала
Природы законы.
Она оставалась
Такой, как была,
Она красовалась,
Пышна и бела.

И сад мой
С досадой
Желтел от надсады.
Смеялась она
Над усталостью сада.
И я разлюбил,
И уже не люблю
Беспечную
Белую розу мою.

Жанна Сартр

Знаю, прощаю…

Ангелы

Ангелы — излучающие свет, дарящие свет, мифические или мифологические персонажи сказок, живущие в диковинных дворцах и храмах наших душ, заклеивающие цветным скотчем (sorry за краденную цитату) наши раны, снимающие оковы повседневности.

Вокруг — это волшебное слово «любовь»… И ангелы, которых мы представляем так, как будто они сошли с цветных иллюстраций наших любимых детских книг или открыток, которыми полнится пространство в преддверии дня Святого Валентина.

Так, будто бы они умеют летать, так, как будто бы они (= мы) из бумаги и фарфора… снова — красивая легенда и просто начинаешь в это верить, в существование Себя — такой, в существование Других — верных, искренних.

Что-то фарфорово-карамельное в этих словах, в этих интенциях о Любви, полёте, чистоте.

Ангелы — мы, живущие на земле. Ангелы на железнодорожных путях, ангелы автостопа, когда едешь без денег до самого Крыма, водители грузовиков, везущие тебя к морю — так я могу понять существо добра.

Ангелы, пьющие бальзам на лавочках в маргинальных парках… Ангелы, которым давно любимые и любящие обрезали крылья, чтоб не улетели надолго от дома, ангелы ночных перекрёстков и альтернативных клубов, отдающие свою душу, слёзы, нервы и любовь за фрагмент внимания и ласки, за часть понимания, которого так мало вокруг. Для меня это ангелы. Пусть не с большой буквы, пусть не с белыми крыльями, а с тёмно-серым налётом придорожной пыли ("…скільки відтінків має попіл? Здається, близько сорока…"). Такими я вижу ангелов современности.

Там, где открытки с признаниями втоптаны в грязь, там, где на переездах растёт оранжевая трава, там, где звук ночи — свист электрички, а не пение птиц, там, где на руинах зданий играют брошенные всеми дети, смерть подходит так близко к нашим кроватям и ситуативным лежбищам, что мы забываем о её присутствии ровно настолько, сколько времени нам осталось до нашего предпоследнего рассвета в тиши мира.

Там, где в путешествиях от одного временного дома к другому, забываем запах своей кухни и, включая свет, пугаемся собственной тени.

Кто-то скажет, что ангелы бессмертны, — чушь. Так же точно режут вены битым стеклом, запивая сезонные депрессии мятным чаем, ложатся под рельсы поезда в никуда (вспомнив «Жёлтую стрелу», уже ничему не приходится удивляться).

Кто-то может сказать, что это анти-ангелы, противоположные ангелам сущности — возможно, не буду спорить. Только ведь именно они умеют так любить, что "десь тремтять високовольтні лінії", и дыхание останавливается на половине вздоха — так, что чувствуешь ветер в кронах деревьев, так, что теряешь сознание от этой самой любви, уходишь в другой мир, а потом, пытаясь чувствовать это вновь и вновь, забываешь выключить на кухне газ.

Это любовь, пусть она и не с большой буквы, и не привяжешь к ней ни духовность, ни даже правила игры — лишь эта любовь настоящая, верная, искренняя. Когда боль пронизывает насквозь, когда можешь идти полдня, когда не чувствуя холода и ветра, когда не можешь сказать, а только кричать о любви посреди мегаполиса, посреди ночных улиц и сияющих площадей, всем тем, которым просто «наплевать на счастье, которое есть у тебя». Такой ангел, упавший с неба или просто павший, способен обжечь, но только он и способен любить, без всяких «но», без правил, без сна и покаяний. И только в этом я вижу истинный смысл. Остальное пусть остаётся на десерт ангелам с гламурных розовых открыток…

Истина внутри нас

Когда-то ты была совсем другой…

Я… живу. Существую. Так же, как этот город. Просыпаюсь с рассветом. Прости… Ты? Порядок, мнение. Кто у кого должен просить прощения? Линии, нужны чёткие линии-графики. Должно быть всё по порядку. Рассвет близится. В поисках истины — зачем?

Слова… Все в поисках слов, в поисках правды. Видимо, ты забыл, что я и есть — твоя правда. Правда — истина в действии. Я — слишком жива, слишком современна. Если не сумеешь понять — просто прими. Такой, как есть. Как там было — «я не прошу твоей любви, она теперь в надёжном месте…». Нужно быть честными с собой и принимать мир таким, каков он есть, а не таким, как нам хотелось бы.

Слишком сильно — как сейчас. Слишком искренне.

Через понимание — доискиваемся истины. Словно ранние философы — интерпретация Слова, Завета. В нескончаемых потоках фраз теряем Слово. Реформация, революция начинается с нас самих. Разность понимания скрыта в нас, наши истоки ошибок. Нет. Ты? Поймёшь… И наконец-то не мне — в меня — поверишь.

Что же не так? Просьбы здесь уже неуместны. Знаю. Прощаю.

Кто не понял — останется в прошлом. История, повествование, манифестация. Всего лишь название словом. Почему же за это судят? Ангелы, демоны. Диалоги и обречённость. Пыль дорог и металл поездов.

Две любви, две истины, две правды. «Одна — та, которая здесь и сейчас, и другая, которая есть всегда». Которую из них выберешь ты? Знаю, прощаю. Я же знаю, где здесь истина. Рассвет.

Неуместно всё остальное. Учимся прощать. История — человеческая память. Далее начнётся теория.

г. Харьков

Людмила Бондаренко

Слишком крупные бабочки

1.

Я оторвала пуговицу — она давно уже еле держалась, — от своего пальто, и, со словами:

— На вечную память! — отдала тебе.

— Почему? — спросил ты.

— Потому, что с тобой я просто теряю время…

Хорошо, что мороз 30 градусов, и слёзы замерзают в глазах. Хорошо, что гул самолётов перекрывает мои вопли. Хорошо, что, рванув с места, я поскользнулась и хорошенько вмазалась — физическая боль уменьшила душевную…

Ты из тех мужчин, которые, проведя ночь с женщиной, на утро не перезванивают, а, встретившись случайно, отводят глаза — разве это повод для знакомства? Я расставляла ловушки, капканы, копала ямы на тропах твоего водопоя, я изучила все твои повадки, привычки, запросы и потребности. Помнишь, я подошла к твоему столу в кабинете и попросила чей-то телефонный номер. Ты сделал неопределённый жест — типа, мол, и ручка не пишет, да и не на чем… Твоя репутация талантливого, на грани гениальности, молодого учёного, предполагала некую рассеянность. Через полчаса я притащила тебе пачку бумаги, набор ручек, перекидной календарь. Ты удивлённо таращил глаза, потому как был немного не выспавшись, и восторженно произнёс:

— Ты волшебница… Я вчера потратил целый день, чтобы у этих придурков выпросить…и т. д. с нецензурной бранью.

Я снабжала тебя нужными книгами, информацией, я всегда давала тебе повод почувствовать твоё превосходство, я сама предложила сделать стенд, на котором постоянно появлялись свежие анекдоты про блондинок. Я поднимала твою значимость в собственных глазах и в мнении окружающих. Я выражала восхищение тобой при любом подходящем случае, часами выслушивала, сочувствуя и негодуя, твои разглагольствования по поводу несовершенства окружающего мира. Почему я всё это делала?

С первой доли секунды нашего знакомства в отделе кадров, когда нас представили друг другу, что-то изменилось в пространстве, я почувствовала это физически. Я перестала есть, спать, интересоваться чем-либо, кроме того, что могло быть полезным для тебя; меня, буквально, плющило и колбасило, короче, адреналиновая интоксикация.

Любовь — случайность, случай, луч,
Пронзающий насквозь…

После первого приступа любовной лихорадки я заставила себя уехать на выходные дни на лыжную базу нашего нии. Вернуть контроль, способность соображать, не думая о тебе ежесекундно! Даже если мне удавалось пять секунд думать о комнибудь или о чём-нибудь другом, я себя искренне поздравляла и награждала чем-нибудь приятным, например, кусочком шоколада.

Итак, разберёмся: с одной стороны — совершенно новый опыт.

С другой стороны — всё совершенно безнадёжно: живёшь с мамой, которая тебя никогда не отпустит, где хочешь, гуляешь, с кем хочешь, спишь. Твоё дьявольское обаяние действует, как мне кажется, на всех женщин без исключения. С весьма банальным джентльменским набором комплиментов, твоё главное оружие — трогательное сочетание сильного мужского начала, которое улавливается бессознательно: фигура, рост, неторопливая уверенность, здоровое чувство юмора и — очаровательная детская непосредственность, мягкость, беззащитность. Так и хочется на руки взять и грудь дать… Многие на этом и обломались.

Защититься невозможно, разве что паранджу надеть без прорезей для глаз или в шкаф залезть. По информации, полученной в курилке, на твоей совести разрушенные семьи, брошенные матерями дети, разбитые судьбы и даже несколько несостоявшихся суицидов.

«Подчиниться тому, что не от тебя зависит, и улучшать в себе то, что зависит только от тебя», — эти слова древнего мудреца стали моим девизом. В самом деле, что-то происходит помимо моей воли, так случилось! Сошлись два луча, произошло короткое замыкание, закоротило, сгорели предохранители.

Ничего, всё пройдёт! Нет, от этой мысли ещё хуже. Пусть всё остаётся, как есть! А мне не помешает заняться собой — бассейн, спортзал, парикмахерская. Опять же польза — себе и другим, — не ною и не раздражаю окружающих своим унылым видом. А ещё — дневник: записывать все свои переживания, предчувствия, сны. Сброс информации на бумагу рукой, ручкой — весьма полезное занятие, особенно для женщин.

2.

У женщин кельтского типа, блондинок, тонкая кожа с близкорасположенными кровеносными сосудами, и только им присущая способность краснеть до корне волос по поводу и без такового. Возможно, поэтому их принято считать глупыми, конечно же из зависти, ведь белокожих женщин, истинных блондинок, на планете всего 5%, и, несмотря ни на что, джентльмены продолжают их предпочитать. Все остальные 95%

получают огромное удовольствие, вгоняя блондинок в краску. Каждой эпохе свойственны свои развлечения — лилась кровь на гладиаторских боях пятьсот с лишним лет. Триста лет после того, как замучили Христа, жгли христиан — распинали и жгли! Потом жгли ведьм, потом рубили головы то аристократам, то бунтарям. Чужие страдания людям доставляют удовольствие. Отсюда — страх толпы, стадности, не быть, как все, не ходить строем.

Да, зависимость от мнения окружающих. Мы так воспитаны. Сначала думаешь о том, что скажут соседи, родственники, коллеги, подруги, знакомые, и, в последнюю очередь, что я хочу сама. Прочно сформированное понятие *мы*, которое, ограничивая мою личную свободу, заставляет-таки подчиняться каким-то традициям и общественным нормам.

Страх попасть в неловкую ситуацию, «потерять лицо», как говорят на востоке, начинает доминировать, становится навязчивым и превращается в кошмарный ужас всей жизни. Мужчинам это особенно нравится. А что это она покраснела? Наверно, я вызываю у неё интерес? А почему — нет? Далее всё как всегда. С ранней юности у меня существовал критерий в отношениях с противоположным полом — хотела бы я остаться с этим человеком на острове вдвоём и надолго? Ничего оригинального, но это тот самый грубый фильтр первой очистки. Увы, пока такого желания ещё не возникало ни разу. Мой родной город отнюдь не Иваново — город невест. Город тяжёлой промышленности, где преобладает мужское население, это замечается сразу — в транспорте, в магазинах, на улицах. Поэтому день, если никто не подошёл познакомиться, не сказал комплимент и не назначил свидание, был прожит зря. Хотя, случалось и такое.

Твой взгляд останавливался на мне всё чаще и продолжительнее.

В какой-то момент ты, возможно, подумал: «А не такая уж она дура, и вполне может быть полезной, а то, что она замужем, даже совсем неплохо».

Да, к этому времени я была 7 лет замужем. Говорят, это критический возраст для молодой семьи. С мужем мы учились в одном институте, долго дружили и, как-то очень логично подошли к свадьбе. Подруги говорили:«Уж как тебя муж любит, так это весь институт знает». Его родители приняли меня дружелюбно, со свекровью ладили вполне терпимо, благо — редко виделись. Прекрасная интеллигентная семья. Свою внучку, нашу доченьку, родители мужа обожали до безумия.

О том, что со мной что-то происходит, никто не догадывался. Все заняты своими делами. Я чувствовала, что скоро совсем свихнусь, если кому-нибудь не расскажу. Подругам? Скажешь одной — будут знать все. К психиатру пойти — клеймо на всю жизнь. Оставалось одно — сказать всё тебе, а там — будь что будет.

Пока я обдумывала, с какой стороны подойти, тут и случай подвернулся. Ты заболел, и мне пришлось идти к тебе домой подписывать квартальный отчёт, причём я долго отказывалась, мол, неудобно и прочее…Но мне было сказано, что именно меня ты просил принести документы, как-никак — мой непосредственный начальник. Созвонившись с тобой, я спросила адрес. Твой ответ поверг меня в состояние лёгкого шока — в миллионном городе ты умудрился проживать в том доме, где жили мои папа с мамой, когда я родилась. Это огромный сталинский дом-колодец с фонтаном посередине двора. Более того, ты жил ровно напротив той самой квартиры, где прошло моё раннее детство. Мы чуть-чуть разминулись во времени. Чего только в жизни не бывает!

Войдя в знакомый подъезд и поднимаясь на 4 этаж, я думала о своих родителях. Мама была инструктором крайкома комсомола, она и получила эту квартиру, вернее, 2 комнаты из 4 — тогда это была коммуналка. С папой они встретились в партшколе. Папа вернулся с войны — красавец, грудь в орденах, ну как не влюбиться в такого? Папа в то время работал в крайкоме партии, потом его направили в журналистику и перевели на работу в другой город. А ещё у меня был старший брат, которым я особенно гордилась — мой защитник. Все эти размышления помогли мне обрести спокойствие духа, меня тоже, мол, не на помойке нашли!

В твоей квартире, ясное дело, это уже не коммуналка, (мама твоя отличник советской торговли — не иначе), я испытала ещё одно потрясение. В просторной, хорошо освещённой прихожей, на стене висел *мой* портрет.

3.

Приглядевшись, я разобралась, что фотография довольно старая и никак не может быть моим изображением. Но портретное сходство!..

Я, конечно, читала и слышала на семинарах по психологии, что, по мнению дедушки Фрейда, самая первая и значительная любовь любого мужчины — его мать, и в каждой женщине он ищет и находит её черты. После очередного разочарования, которое неизбежно, т.к. кумир недостижим по определению, он бросается на новые поиски, пока не встретит женщину, которая окажется сильнее его матери и сумеет отнять его от материнской груди. Функция жены в системе выживания вида Homo Sapiens — оторвать мужчину от матери.

«Прилепится человек к жене своей и будут двое — одна плоть», — сказано в Библии.

Мать принимает решение о рождении ребёнка, мать даёт жизнь. Если мать может дать жизнь, значит, она может и отнять её.

Я очень добросовестно отнеслась в своё время к курсовой работе по психологии суицида. Страх ребёнка перед матерью, страх оказаться плохим ребёнком, страх вызвать *её* недовольство и гнев, равносилен страху смерти.

«Ребёнок, в детстве безгранично любимый матерью, на всю жизнь сохраняет ту веру в успех, которая действительно стимулирует успех». З.Фрейд.

Прежде всего, мать даёт *жизнь*, затем мать даёт *любовь*, потом мать должна дать *свободу*. Последнее — самое трудное.

Лишиться материнской любви очень страшно.

Страх матери, страх женщины, страх женской агрессии, страх смерти — суть одно. Поэтому,

гораздо безопаснее оставаться ребёнком: инфантильность, задержка развития, а раз нет развития, неизбежно наступает деградация.

Хочет ли мать расстаться со своим чадом? Она ведь его в муках рожала, растила, поила, кормила, учила, во всём себе отказывая, для себя, а не для кого-то старалась, думала хоть на старости лет отдохнуть от непосильных трудов.

Зачастую воспитывает мать своего ребёнка одна, потому что муж от постоянного её контроля, давления и недовольства давно либо сбежал, либо спился. Даже, если брак выдерживает все испытания, мать умело манипулирует, сохраняя своё превосходство.

Страх одинокой старости, немощности оказывается сильнее здравого смысла. Любая избранница сына — соперница, всё в ней не так, всё раздражает, всё время хочется её учить и контролировать, чтобы не дай Бог не увела. Но, как хорошо известно, «ночная кукушка дневную перекукует». Сын рано или поздно начинает понимать реальную угрозу своей жизни, но часто он оказывается сломленным и слишком слабым, чтобы бежать из психологической тюрьмы. Повиновение — вина. Глубокое чувство вины, часто неосознаваемое, воспринимается как глухое чёрное отчаяние, заводит в серьёзную, настоящую депрессию, часто с трагическим исходом. Печальная статистика — количество самоубийств многократно превышает количество убийств, причём именно мужчины доводят добровольный уход из жизни (в том числе с помощью алкоголя, наркотиков и занятий, связанных с повышенным риском) до конца, а не просто истерически пугают.

Всё это пронеслось в моей голове мгновенно, и только после внимательного изучения портрета, я посмотрела на тебя. Это вызвало не меньшее изумление. Ты был одет в огромную растянутую старую женскую кофту неопределённого, скорее, булыжного, цвета. Более того, ты был закутан с головой серой шалью, концы шали крест — накрест перехватывали твоё тело и завязывались на спине, как у ребёнка, которого в сильный мороз вытащили из дома. Ты пояснил, что, даже сидя дома, мёрзнешь и простываешь, поэтому вынужден беречься. Глядя на это зрелище, я на секунду представила, что этому пугалу я готова была вот-вот начать объясняться в любви, на меня напал дикий безумный приступ хохота. У меня лились слёзы, я вытирала нос, размазывая по всему лицу косметику. Не в силах прекратить истерику, я ушла в ванную. Расположение комнат — зеркальное отражение квартиры моего детства, поэтому найти самой было не трудно. Окончательно придя в себя, я умылась и в этот момент услышала звонок в дверь…

4.

— Не очень-то вовремя, — подумала я, — кто бы это ни был: твоя мать, одна из твоих подружек или соседок.

Я немного подождала — совсем не хотелось появляться в таком отмытом белобрысом варианте перед чужим человеком. Но действительность превзошла мои ожидания.

На пороге квартиры стоял мой муж.

Ты к этому моменту, видя мою реакцию на твой внешний вид, успел переодеться. Теперь на тебе был довольно приличный махровый халат, а тут я из ванной… Я увидела лицо моего мужа и поняла — мир рухнул.

Что же произошло? Муж позвонил на работу и попросил меня к телефону — обычное дело. Моя лучшая подруга объяснила, где я, и дала адресок, при этом не забыла сообщить подробную характеристику посещаемого субъекта. По указанному адресу муж заехал, вроде бы, и без каких-то нехороших подозрений — так, на всякий случай, мимо ехал… Но, увидев мужчину в халате и, задав вопрос, где, мол, моя жена, получил ответ:

— В ванной…

Всё истинная правда, только я не знаю, какое было у тебя выражение лица, когда ты произносил эти слова, я могу только догадываться.

Я хорошо усвоила в своей жизни несколько уроков. Любовь к садовому инвентарю вбивается этими самыми граблями, на которые постоянно наступаешь, намертво.

Вся история человечества — это отношения мужчин и женщин, называется ли это работа, или семья, или соседи, или друзья. Sex в переводе с греческого — пол, половина. Мужчина всегда *должен* чувствовать своё превосходство, такова физиология. Если женщину нельзя обольстить, значит, её нужно унизить. Но то и другое довольно хлопотно и чревато — нарваться можно… Мужская хитрая хитрость заключается в следующем: *создать видимость* того, чего нет! А люди, в силу их собственной гнусности, додумают всё остальное. Умная женщина представляет собой угрозу самооценке сразу нескольких, а то и довольно многих мужчин, поэтому существует понятие мужская солидарность.

Классический пример — Мария Магдалина, любимая ученица, любимая женщина Христа, которая, *единственная* из всех учеников, была с ним рядом до самого конца, поддерживая его. Я полагаю, своей женской любовью она способствовала тому, что Он вернулся к ней, именно к ней, чтобы сказать наедине какие-то слова. Мужчинам, когда они опомнились, стало очень обидно, что Иисус предпочёл им женщину, а женщина оказалась сильнее и преданнее их всех, вместе взятых. Они, посовещавшись, кое о чём договорились, и, вместо звания *апостол*, она была наречена *блудницей*. Существует ли Евангелие от Марии — вопрос, конечно, спорный. Но то, что было совершено грандиозное предательство в отношении мудрой и достойной любви самого Христа женщины, достаточно грустно, но поучительно.

Итак, едва ты увидел на пороге своей квартиры моего мужа, как у тебя сработал рефлекс собаки Павлова: раз это моя территория, я её метил, я за неё сражался, значит, здесь *всё* моё.

Это и прочитал мой муж на твоём лице.

Когда я вернулась домой, мне было предложено собрать свои вещи немедленно и не надеяться, что я увижу дочь. Ей *такая* мать не нужна. *Сопротивление бесполезно.* Мать мужа — известный в городе адвокат, отец — судья. Предки мужа с Кавказа.

А муж? Он меня, конечно же, любил, почти так же сильно, как свою машину, пока я соот-

ветствовала его представлениям и отвечала его требованиям.

Первый раз в жизни я отчаянно пожалела, что живу не в Москве или Питере. Там есть метро. Спустился под землю, несколько секунд — и всё кончилось, а здесь — идти на вокзал, ждать поезда… Нет, это невозможно. Другие виды ухода из жизни мне в тот момент как-то не приходили в голову. Вероятно, образ Анны Карениной, хорошо усвоенный на уроках литературы, затмил собою все остальные.

Я бродила по улицам, пялилась в витрины, пила кофейную бурду в дешёвых забегаловках. Мудрая природа, заботясь о нас, в минуты сильнейших потрясений отключает чувства. Человек как бы отстраняется: этого не может быть, это не со мной, это сон, я проснусь, и этот кошмар кончится, он не может продолжаться бесконечно! Необходимо структурировать время и хотя бы попытаться решить вопрос с ночлегом — не на улице же оставаться!.. Родители мои жили уже в другом городе. Ехать к тётке — значит, отвечать на какие-то вопросы, что в принципе невозможно.

Ни-ко-го! Все предали…

Каждый сам воспитывает своего предателя…

Оставалось одно — переночевать в институте; благо, имелся допуск круглосуточного эксперимента, поэтому — никаких объяснений на вахте. Единственная доступная мне кушетка находилась в подвале, в виварии, рядом с клеткой с подопытными крысами. Ничего страшного, мы давно привыкли друг к другу: очень милые, а, главное, порядочные существа.

Без особой необходимости, ради развлечения или из зависти, своих собратьев не пожирают. Вспомнила случайную реплику в институтской столовке той самой моей подруги: «С твоей внешностью я бы питалась только в ресторанах». Чем там сегодня крыс кормят? О! Даже кусочки яблока и морковки! Замечательно! Поделитесь?

Сегодняшний день мне показался чрезмерно длинным, я очень устала, поэтому отключилась практически мгновенно, едва коснулась подушки моя голова. Бродя по городу, в витрине книжного магазина я заметила репродукцию одной из картин моего обожаемого Сальвадора Дали «Бабочки» и долго — долго любовалась ею. Во сне я видела стаи восхитительных разноцветных бабочек, я сама стала бабочкой и совершала с ними многокилометровый перелёт над морем. Я просыпалась и засыпала снова, а сон всё продолжался, бабочки увеличивались в размерах, а может, это я уменьшалась, превращаясь в личинку?

Утром я почувствовала, что ко мне возвращаются силы жить дальше, несмотря ни на что. Поднявшись из подземелья в свой отдел, по напряжённому молчанию я поняла, что все уже всё знают, благодаря, вероятнее всего, моей подруге. Так и оказалось. Накануне она позвонила моему мужу и всё выяснила — кто, где, когда… Она была счастлива! Как это я забыла: она же училась с моим мужем в одной школе, в параллельном классе, и никто не знает, что было, что могло быть…

«Благословляйте гонителей ваших, — сказано в Библии, — благословляйте, а не проклинайте», так как «мы не знаем своего конечного блага». «И не спрашивай — почему? — всё откроется…»

Я боялась взглянуть на тебя, боялась обнаружить то же, что и у всех — злорадство, то есть радость по поводу совершённого зла. Когда наши взгляды встретились, я увидела искреннее неподдельное сочувствие, вся твоя фигура, вдруг ссутулившаяся, с опустившимися плечами, свидетельствовала о причастности к моей беде.

С этого дня ты стал моей тенью, моим спасателем и преследователем одновременно. Ты ждал меня после работы, ты занимал мне место в столовой; я как бы случайно постоянно натыкалась на тебя. Я получала знаки внимания в виде небольших подарков и мелких услуг. *Но!* При взгляде на тебя меня пронзала острая боль по всему позвоночнику, это было невыносимо, и я бежала прочь от тебя: я же не мазахистка — снова и снова расчёсывать свежую рану и посыпать её солью…

5.

Меня приютила, к моему безграничному удивлению, заведующая нашим отделом, профессор; разумеется, совершенно бесплатно. Просто, когда я понесла на подпись заявление на увольнение, она сказала:

— Не спеши, всё образуется. Два месяца тебе всё равно придётся отрабатывать, а пока поживи у меня.

Выбора не было. Впервые в жизни я столкнулась с тем, что для меня кто-то что-то делает просто так, то есть даром. Хороший урок, оказывается, и такое бывает!

С каждым днём росло моё уважение, переходящее в восхищение, перемешанное с благодарностью, к моей хозяйке. Она рассказывала о себе, о других людях, которые встречались ей в жизни — на войне, в тяжёлое послевоенное время, и я вновь и вновь удивлялась, через какие испытания проходит человек и как много он может вынести. Её сын с семьёй жил в Прибалтике, дочь училась в Москве, рядом постоянно находились друзья, ученики… Все были счастливы. В беседах с ними мне открывался неведомый мир.

— Ты озлобилась, значит, ты своей злостью подпитываешь мировое зло и закрыта для добра. Тебе послано испытание, как урок смирения. Что ты можешь изменить в этой ситуации — только себя и своё отношение к происходящему. Сама подумай: всеми любимое слово «*проблема*», в переводе с греческого, — задача, задание. Чьё задание? Кто задал эту задачу?

Вот представь: сидит ученик за партой и решает задачу. Из трубы «А» вливается, в трубу «Б» выливается… Какой *смысл* в этой задаче?

Да никакого! Смысл в том, чтобы научиться решать такие задачи, сдать экзамен и перейти на следующую, более высокую ступень обучения и развития. Задания усложняются по мере продвижения. Если это тебя не убьёт, ты станешь сильнее…

Жизнь всё расставляет по своим местам, и каждый получает то, что заслуживает. Можешь что-то сделать — сделай, можешь что-то дать — дай и не

жди благодарности, всё равно не дождёшься. За неблагодарных Бог благодарит.

В доме обитал дух свободы, царила атмосфера радости и доброжелательности. Подруги профессора — в основном, солидные дамы, весьма успешные, состоявшиеся и в семье, и в карьере, у которых было чему поучиться, охотно приняли меня в свой круг, и я с жадностью впитывала в себя каждое слово, каждую мысль, радуясь возможности приобщиться к чужому, полезному для меня, опыту. Я обратила внимание на одну особенность интерьера огромной профессорской квартиры: бабочки, во всём своём разнообразии и великолепии, присутствовали повсеместно — на тканях портьер, на рисунках обоев, на чашках и вышитых салфетках… Некий символ, визитная карточка. Пришлось порыться в книгах, чтобы узнать, чем же вызвана такая приверженность именно этому представителю окружающей нас живой природы.

Шутки ради, получив мощный творческий импульс от моих новых друзей, я попыталась обобщить и систематизировать полученные знания.

Вот что из этого вышло:

Наби (кор.) — *бабочка*;

Набизм — система взглядов с высоты полёта бабочки.

Набист — приверженец системы взглядов с высоты полёта бабочки.

Всемирная Организация Набистов — негосударственная, неполитическая, некоммерческая структура, объединяет *набистов* всей планеты. Сокращённо — *ВОН*.

Любители бабочек имеют реальную возможность с этой минуты стать настоящими *набистами*. *Набистов* не следует путать с *нудистами*, которые ходят по пляжу и нудят: «Кто украл мою одежду?», а так же не путать с *нацистами* разных цветов: красных, белых, коричневых, оранжевых, а так же голубыми и розовыми *нарциссами*. Выбор одного цвета, отсутствие всего спектра, неизбежно влечёт ограничение свободы, подчинение личности жёстким устойчивым рамкам, узость интересов и кругозора.

Набизм, наряду с другими великими учениями, такими, как буддизм, даосизм, кришнаизм, иудаизм, а так же коммунизм, социализм и т. д., имеет свою научно-фантастическую базу данных.

Итак: Бабочка, в отличие от общепринятого мнения, мол, только «крылышками бяк-бяк, а сама, типа, дура — дурой», отличается *умом и сообразительностью*. За миллионы лет эволюции бабочка *развила* в себе *способность* прикидываться легкомысленной дурочкой. Ну, и где те динозавры с их упёртой слоновьей неповоротливостью? Не вызывая агрессии, бабочка легко и непринуждённо порхает по жизни, наслаждается нектаром, все цветы мира у её ног, т. е. лапок. Самыми прекрасными разнообразнейшими красками от лучших дизайнеров, можно смело сказать — от самого господа Бога! — пестреют её наряды.

Бабочка *не тревожится* по пустякам, *не ноет, не жалуется, не выражает недовольства* по поводу приближающейся осени, *не раздражает* окружающих своим унылым видом, *не даёт советов*, когда не просят, поэтому бабочек любят все, или почти все, просто многие этого ещё не осознают. А самое главное — бабочка *любит* каждый подаренный ей день, зная о том, что следующий может и не наступить вовсе!

Бабочка знает, что, являясь малой частью мировой гармонии, её жизнь подчиняется тем же законам, которые движут планетами и электронами.

В зоне собственного контроля находится только *выбор сегодняшнего дня*. Цель и смысл жизни бабочки — *радоваться* и *радовать*. *Целеустремлённость* — вот основное качество бабочки, ведь ей пришлось пройти через множество испытаний! В самом начале жизненного пути она была прожорливой отвратительной гусеницей, пожираемой огнём невыносимого голода. Ей пришлось справиться с пищевой зависимостью и, даже, на какое-то время окуклиться, чтобы спокойно поразмышлять над своим *образом жизни*, а всё ли я делаю правильно? Может, в жизни есть ещё какие-то радости, кроме еды? Вот таким *образом*, через внутреннее осознавание, терпение и смирение, научившись любить себя и весь окружающий мир, бабочка приходит к чуду своего возрождения.

Бабочка обладает ценнейшим качеством — *волей*. Движимые мощным инстинктом заботы о потомстве, бабочки, сбившись в стаи, совершают многокилометровый перелёт над морем. Тут уж не опустишь крылышки!

И, что интересно, не было ни одного наблюдения за всю историю, чтобы бабочки *упрекали* за это своих детей, ставили себя в пример, и требовали за свой подвиг особых почестей. Только взаимное уважение. Всё оправдано с точки зрения целесообразности, т.е. цель, соответствующая образу.

Настоящим набистом считается тот, кто хоть раз в жизни видел бабочку и в *настоящий* момент времени читает этот документ. Ловля бабочек в раннем детстве сачком, коллекционирование с применением морилки и сушилки, а так же хранение под стеклом с накалыванием на булавку *не является препятствием* желанию стать *настоящим набистом*.

Продвинутым набистом считается тот, кто продвигает идеи набизма путём ношения символики в виде бабочек, плаванием стилем баттерфляй, посещением оперных театров с прослушиванием оперы «Чио-Чио-Сан», поеданием шоколадных конфет с вышеуказанным названием или воспоминаниями о поедании конфет в прошлом… Майки, халаты, пижамы, полотенца, нижнее и постельное бельё, а также посуда и предметы домашнего обихода, украшенные бабочками, будут ежесекундно напоминать Вам и окружающим об основных принципах набизма: живи и радуйся! Легче, проще, веселей! Живи и дай жить другим! Всё — происходит! Сущее Оно только — одно: это — *ты*! Истинная свобода в любви!

Зная о том, что *радостное восприятие настоящего момента времени* гармонизирует циркадные ритмы организма, повышает уровень селенозависимой глутатионпероксидазы, что ведёт к активизации антиоксидантных систем и повышению активности актин — миозинового комплекса лимфоцитов, что способствует увеличению фагоцитарной активности иммунной системы бабочки, продвинутый набист не печалится о том, чего нет, а радуется тому, что есть.

Сдвинутым набистом считается тот, кто, завернувшись в одеяло, окуклившись с вечера, к утру надеется превратиться в бабочку. В этом случае следует при-

нимать меры предосторожности и закрывать окна, чтобы не вылетел.

Быть *набистом* не только просто, приятно, дёшево, удобно и доступно любому желающему, но и очень выгодно:

Женщина бальзаковского возраста, с ужасом ожидающая приближения этого страшного дня, когда Вас, молодую, стройную, ухоженную, назовут отвратительным, не имеющим никакого к Вам отношения, словом — *бабушка!* — навсегда избавьтесь от этого кошмара. Есть только *бабочка!* Ведь если на Вас надеты брючки с бабочками, блузочка с бабочками, в руках у вас сумочка с бабочками, а в душе летают тоже, соответственно, бабочки, никому и в голову не придёт это определение очень хорошего дела, ведь дети Ваших детей — это прекрасно! Они за Вас и отомстят, а Вам следует заняться исключительно собственной жизнью, и, наплевав-таки, наконец, на мнение соседей, делать то, что Вы всегда хотели и не позволяли себе в прошлой жизни. Вы реально экономите свои деньги, так как Вам не нужно тратить их на бесполезные и очень дорогие лекарства. Вы реально экономите свои нервы, так как не тревожитесь по пустякам, и отношения в семье реально улучшаются.

Вступая в ряды *набистов*, Вы навсегда избавляетесь от мучившего Вас *страха старости*, ведь Вы остаётесь молодой душой и телом. Настоящий набист заботится о своём теле, зная о том, что если Вы сами не заботитесь о своём теле, это будут делать другие — мерить давление, делать уколы, ставить клизму, катать на каталке, брать анализы, потом снимут мерку…

Настоящий набист ежедневно от 1.5 минут до 18 часов в сутки посвящает физической активности, в зависимости от потребностей организма;

Ежедневно принимает витамины, водные процедуры, массаж.

Вы когда-нибудь видели курящую бабочку? Поэтому, набисты не курят!

Настоящий набист хорошо знает о том, что *самый страшный диагноз* — смертельно серьёзен, а цель эволюции — чувство юмора.

Набисты всех стран — объединяйтесь!

А, впрочем, как хотите, оставайтесь *набистами* — индивидуалами…

Лишь бы Вам и Вашим близким было хорошо!

Листочки с текстом неожиданно для меня зажили своей жизнью и разлетелись по институту в виде перепечаток и даже переписанные от руки. Эта милая невинная шутка привела к тому, что мною заинтересовался 1-й отдел института, и меня чуть не обвинили в попытке создания тайной организации и только вмешательство высоких покровителей спасло меня от позорного изгнания. Однако же это маленькое приключение придало мне сил, увеличило мою скандальную популярность, и, следовательно, значимость. Увы, превосходство — это заявка на выход или уход. Так было всегда, ещё со времён Сократа, а может и раньше.

6.

Я научилась ценить время, используя каждую минуту своей жизни, чтобы узнать что-то новое для себя или сделать что-нибудь полезное для других, ведь время — это жизнь! Тратя понапрасну время, мы пренебрегаем жизнью. Я посещала семинары по психологии, всевозможные тренинги, слушала лекции, проводила уйму времени в библиотеке, но по мере моего продвижения и развития вопросов возникало всё больше. Ну, например, почему сильный пол на самом-то деле такой слабый? Я пыталась найти ответ, перерыв горы литературы по психоанализу, я перечитывала том за томом от корки до корки Чехова, Толстого, Мопассана, Моэма… Затем я увлеклась древней мифологией, философией и историей религий.

«Вначале было слово…». *Логос*, информация, информационные белки в организме, регулирующие процесс метаболизма, информационное поле Земли… Всё взаимосвязано. Re-ligare, религия, обратная связь.

«Логос, — по Аристотелю, — не только внешняя определяющая форма, но и производящая причина, и конечная цель. Весь мир — закономерное целое, проникнутое творческой мыслью».

Развитие языковой культуры и развитие религии подчинено одной идее — совершенствованию брачных отношений для выживания вида. Один человек неполноценен для того, чтобы родить и воспитать потомство, то есть продолжить жизнь. Мужское и женское начала служат связующим звеном и движущей силой любого проявления человеческой деятельности. Самый мощный источник энергии. Конец света — это не глобальные катастрофы; *конец света — это когда мужчины перестанут испытывать интерес к женщинам…*

«Выбирая богов, мы выбираем свою судьбу», — сказал Вергилий.

До Рождества Христова многие тысячелетия праматерью всего живого почиталась богиня Гея, то есть Бог — женщина! Всё, что создано, сотворено, рождено, всё живое и не живое могла родить только женщина! В различных мифах и религиях древности богиня Гея отождествлялась с другими богинями, таковыми являлись — Рея, Чатал-Гююка, Кубаба, Инанна, Иштар, *Кибела*. Так было всегда, и только каких-то 2 тысячи лет назад мужчины прибрали власть к рукам.

Многовековой культ богини Кибелы, распространённый по всему миру и возведённый во многих странах в ранг государственной религии, оказал огромное воздействие на бессознательную сферу современного человека. Как известно, в ядре каждой клетки в геномах памяти хранится вся информация обо всей жизни на Земле, так как цепочка «мать — дитя» не прерывалась никогда!!! Каждому гену — единице наследственной информации, соответствует мем — единица интеллектуальной информации, связь с информационным полем Земли.

Так что же помнит организм современного человека о праматери Кибеле? Страх, огромный, вселенский ужас, который дедушка Фрейд назвал «страх кастрации». В многочисленных храмах богини Кибелы служили жрецы — галлы. Культ женщины требовал от мужчин для выполнения сакральных функций — воздержания. Но для нормального мужчины добровольное воздержание невозможно! В результате, мужчины не видели

другого способа достичь целомудрия, как при помощи ножа. Всё или ничего.

«Мерзость Кибелы звучит голосами кастратов…» (Ювенал, IV в. до р. х.)

Видимо, культ женщины стал реально тормозить развитие человечества.

Христианство узаконило и освятило мужское начало, предложив свой вариант сотворения мира без участия женщины и водрузив на крышу храма фаллический символ.

«Христианство с первых лет своего существования отождествляло женщину со злом» Е. Блаватская.

Христиане перерезали галлов, но… страх остался. «Люди будут издыхать от страха», — сказано в Библии.

Во всех исторических документах именуется Кибела из Фригии, возможно, это даёт право предположить, что богиня была плодовита, но, увы, фригидна? Может быть, этим объясняется её жестокость, бесчувствие к страданиям?

…И всё-таки, почему — *бабочки?* Понятно, что бабочка — некий символ развития.

«Истина не пришла в мир обнажённой, она пришла в образах и символах…», — утверждал Иешуа.

«Бабочка — символ Психеи, порхающая над лазурным заливом, напоминает путнику…», — это, кажется, я читала у Владимира Соловьёва.

«Немецкое слово Seele, душа, состоит в близком родстве с греческим, что значит подвижный, переливчатый, нечто вроде бабочки, перелетающей с цветка на цветок, живущей мёдом и любовью». К. Г. Юнг.

Психея — душа! Психея, в греческой мифологии, смертная женщина, влюбившаяся в бога любви Эрота. В стремлении воссоединиться с возлюбленным, Она преодолевает всевозможные трудности и получает не только мужа, но и кубок с нектаром бессмертия из рук самого верховного бога Зевса! Психея возведена на Олимпе в ранг богини. А всё почему? Потому что богиня любви Афродита — мать Эрота, никак не желала расставаться со своим любимым сыночком, вот и устраивала испытания для невестки. Невестка — невесть кто! По ходу сюжета, Психея вынуждена была искать и находить выход из порой невыносимых ситуаций, нередко оказываясь на краю гибели, при этом, она многому научилась. Но сама же Афродита посылала ей помощников, этакий, играющий тренер. Таким образом, Психею двигала вперёд любовь к Эроту, а сзади подталкивал страх смерти. В результате — на Олимпе отпраздновали развесёлую свадьбу. У Психеи и Эрота в положенный срок родилась дочь Гедона — наслаждение. Афродита была счастлива.

7.

Моя боль постепенно притуплялась, и, как всякая болезнь, пройдя цикл своего развития, если не приводила к летальному исходу, неизбежно излечивалась. Я играла в баскетбол за сборную института — тренировки, соревнования… Моя злость и обида выходили слезами и потом.

Мечта о море жила со мной с 14 лет, когда родители отправили меня после 8 класса в Артек. Бездонное южное ночное небо, чем больше вглядываешься, тем необъятнее; запах разогретого на солнце самшита, звуки морского прибоя…

Я продолжала бегать от тебя уже по привычке. Ты был терпелив. Сколько бы времени это ещё продолжалось, трудно сказать. Но как мало мы знаем даже себя, не говоря о том, чтобы понимать других!

Однажды я заметила, что ты подстригся. Ну, и что, казалось бы, в этом особенного? Я застыла в оцепенении, уставившись на твою свежепостриженую голову, и представила, что какая-то женщина прикасалась к тебе, ты ей улыбался, потом вы, возможно, вместе пили кофе и разговаривали… Я задохнулась от подступившей к горлу пульсирующей крови и, развернувшись, бросилась вниз по лестнице в виварий, плотно захлопнув за собой массивную дверь. Я буквально рухнула на пол и завыла в голос. Крысы внимательно смотрели на меня, даже есть перестали. Они всё понимали. Во всём животном царстве ревность, борьба за первенство, соперничество является самой мощной страстью. Никогда раньше, живя с мужем, я не знала, что такое ревность — может, потому что не так сильно любила, может, повода не было. В какой-то момент мне показалось, что я могу понять своего мужа, он просто превысил меру необходимой самообороны.

Выплакав своё горе и успокоившись, я вышла на улицу, и, как ни в чём ни бывало, как будто так и надо, подошла к ожидающей, как обычно, меня, твоей машине. Мне было совершено безразлично, что обо мне подумают окружающие.

— Ну что, поехали домой? — спросил ты.

Я уже знала, что вы с мамой разменяли свою 4-комнатную на две двухкомнатные, причём мамина квартира была в Москве.

Мама, наконец-то, устроила свою личную жизнь.

…Мне снился сон: мы с Сальвадором Дали обедаем с четой Цвейгов в Париже. Ясное дело, я — Гала. Цвейги убеждают нас приехать погостить к ним в Бразилию, особенно расхваливая и красочно расписывая огромных бабочек. Я, превратившись в бабочку, летаю вокруг обедающих и слышу, как Сальвадор, который не выносил всякую мелкую живность, отвечает: «По мне, так бабочки всегда и везде слишком крупные». Я понимаю, что лучше убраться…

Давняя привычка вести дневники, записывать сны, мысли (всё-таки, я дочь журналиста!), хоть и сыграла в моей судьбе роковую роль, — муж рылся в моих записях и использовал мои бредовые фантазии, как доказательство моей, якобы, «вины», — давала возможность разобраться и проанализировать ситуацию, как бы возвращаясь уже из будущего — в прошлое. Ничего нет случайного. Сны дают подсказки, что-то надо понять, только что? Гала оставила дочь своему первому мужу и пошла на зов любви, излечив возлюбленного от безумия. Своей поддержкой, снисхождением к слабостям и терпением она явила миру гения. Вполне оправданная жертва с её стороны. Имеет ли значение для любви вопрос: — *кто* достоин, а кто — нет?.. Цвейги, как известно, даже живя среди самых прекрасных в мире бабочек, покон-

чили жизнь двойным самоубийством, предварительно обменявшись письмами, т.е. несчастный случай исключается. Совсем запуталась. В конце концов — самый трудный вопрос: если Бог есть любовь, почему Вожделение — грех? *Вожделение — острая нехватка, потребность, необходимость, жажда любви!* Жизнь — желание и поиск любви. Так за что же наказывать? Мы — поколение голодных недолюбленных детей…

Время остановилось, этакий «день сурка». Пушкинская старуха из сказки о Золотой рыбке, вечно недовольная, живущая в каждой из нас, никак не хочет смириться с отсутствием динамики. А дальше — что?

«Человечество обречено колебаться между нуждой и скукой», — сказал Шопенгауэр.

У нашего Лермонтова не хуже: «И к свисту пуль можно привыкнуть».

Нужны новые впечатления, новые стимулы для развития, оставаться на месте, постоянно соприкасаясь с болью прошлого, становилось всё трудней. Кроме того, однажды разбуженный дракон ревности пожирал меня изнутри, хотя ты не давал никакого повода, я сама его находила.

Я решила уехать. В самом деле — родители давно зовут меня в отчий дом, да хоть куда, лишь бы отсюда подальше.

Я попросила тебя отвезти меня в аэропорт, ничего необычного в моей просьбе не было: я частенько навещала родителей.

…На какое-то мгновение я, вероятно, потеряла сознание.

Ты стоял рядом и, нагнувшись, своей тёплой рукой — у тебя всегда тёплые руки, даже в сильный мороз, — легонько похлопывал меня по щеке.

— Эй, ты чего, ну-ка, вставай без разговоров.

И совсем уже строго:

— Садись в машину.

И уже мягче:

— Отгадай загадку: Зачем женщин в цирке распиливают?

Отгадка: Чтобы узнать, сколько им лет! Здорово?

Зная мои лёгкие переходы от слёз к смеху, ты, как всегда, попал в точку. Именно сегодня ты собирался со мной серьёзно поговорить. Тебе тоже надоели мои истерики. Недавно стало известно, что институту родственного профиля требуются два специалиста нашего уровня для участия в международном проекте совместно с институтом мозга Н. Бехтеревой. Достойная зарплата, служебное жильё — небольшой коттедж в Имеретинской бухте на берегу моря для нас вполне подойдёт на первое время, а вместо крыс, работать будем с обезьянами, к ним и будешь ревновать.

Ты знаешь, бабочки там летают круглый год, даже зимой…

Впрочем, если хочешь, можешь отправляться в свой Моршанск. У тебя есть выбор…

P. S. Время работает на нас. Моя дочка подросла, и ей уже не нужно спрашивать разрешения, где и с кем жить, она прекрасно поладила с нашими двумя мальчишками.

Ты не помнишь, она переехала к нам до того, как мы получили премию имени Лайнуса Полинга?

«Мужчина — это Дух. Дьявол и Бог борются из-за мужчины посредством женщины. Дьяволу и Богу дело только до мужчин». М.Цветаева, дневники.

г. Сочи

Роман Парфёнов

Первая любовь

глава из романа «Лучшие из людей»

I.

Я узнал, что буду отцом.

Меня всегда поражало, что то, что кажется чем-то очень далёким и несбыточным, может раз — и прийти в твою жизнь.

Несмотря на моё с Алей отношение к детям, всерьёз я исключительно редко рисовал в воображении, что у нас появится малыш. Во-первых, как бы мы друг друга ни любили, нашей связи не доставало стабильности, многое у нас зависело от настроения, мы были юны и незрелы. Во-вторых, условия, в которых мы жили. У нас была не совсем уютная и, в общем, тесноватая квартира. К тому же у нас постоянно возникали материальные проблемы — следствие того, что мы хотели жить весело и «красиво». И ещё один момент: когда я наблюдал грязь на улицах, курящих неприглядных людей, эти нескончаемые потоки шумных машин, ощущая, каким воздухом мы дышим, не обнаруживал достаточного количества зелёных уголков, — то отказывался представлять, как в такой обстановке сможет жить хрупкий беззащитный человечек (хотя, конечно, и осознавал, что большинство в подобных условиях, а порой и намного худших, появляются на свет и как-то существуют).

Что касается непосредственно Али, то время от времени она вслух грезила, какой у нас мог бы быть «замечательный карапуз», как она купает его в ванночке, ласково прижимает к себе, кормит грудью; как я ревную его к ней, и как она его ко мне ревнует. И вот мы уже были в магазине детских вещей; неторопливо прогуливались вдоль полок, рассматривали, прицениваются, клали что-то в тележку — вели себя так, словно у нас и,правда, намечалось пополнение «в семействе». Главное, как бы порой весело в эти моменты нам ни было, мы не играли — действительно верили, что мы — родители. Затем Аля нагибалась к моему уху и с волнением шептала: «А давай?.. Давай?..» Неважно, что я отвечал (а отвечал я всегда положительно — сам был уже готов спросить подобное), — вскоре или мы ссорились, или просто появлялись другие «ужасно» интересные планы.

В общем, многое препятствовало рождению ребёнка. Но как только я узнал, что он появится, все обстоятельства волшебным образом тут же под это подстроились.

Если говорить лично обо мне, то с детьми мне всегда было несравнимо более уютно, легко и солнечно, чем со взрослыми.

Я невольно и тянулся к людям, которые, невзирая на возраст и искушённость, внутри себя оставались детьми. Такое простодушие, непоседливость, беззащитность, чистота в восприятии всего окружающего, была порой присуща и Але.

К тому моменту я с Алей не виделся уже несколько недель, — мы поссорились. Вероятно, как обычно это бывало, она перебралась к своим родителям или к одному из многочисленных приятелей, даже вещи забрала. И хотя такая ситуация возникала довольно часто, но тогда мне действительно показалось, что это всё.

Раздался телефонный звонок. Я взял трубку. Услышал Алин счастливый-счастливый голос, она плакала: «Ты… Ты станешь папой…»

Аля вернулась ко мне. Я её не узнал. Она стала какой-то взрослой и будто светилась изнутри.

Чем меньше времени оставалось до родов, тем больше мы привязывались друг к другу; наши отношения делались всё более крепкими и ровными, наполнялись всё большим трепетом и любовью. Я окружил Алю заботой, вниманием. Аля всё сильнее вживалась в роль будущей мамы.

Оказалось, что беременная женщина выглядит очень красиво, особенно когда знаешь, что там — в животе — твой ребёнок.

В тот период я находился в странном состоянии: всё не верил, что это со мной происходит, что на моих глазах совершается рождение нового человека, что скоро я буду держать на руках свою дочку. Если Але, в общем, было всё равно, какого пола будет ребёнок, то я хотел девочку. Имя мы не выбирали. Я всегда знал, что назову её Даяной.

Те часы были самыми тяжёлыми и волнительными в моей жизни. Было до тошноты нестерпимо понимать, что ты сейчас бесполезен, помочь ничем не можешь.

Роды прошли благополучно. Аля затем рассказывала: «Я лежала, вся растерзанная и беспомощная, мою грудь жадно кусал маленький беззубый ротик, пил моё молоко, и я ощущала себя богиней из богинь…»

Когда я увидел Даяну… сложно описать ту гамму эмоций, которую я испытал. Я сразу понял, что эта малышка — самое дорогое и близкое мне существо, и, не считая Али, именно я и имею право на её любовь.

В нашей семье (хотя это была не семья, а просто живущие вместе три человека, которые очень важны друг другу) не было того, что обычно свойственно семьям, в которых только что появился ребёнок. Я ни на секунду не был обижен, что Аля вся поглощена дочкой. Сам был уже равнодушен к кому бы то ни было, — главным для меня было как можно больше времени находиться с Даяной. Иногда, глядя, как Аля кормит её, ловил себя на

мысли, что хочу, чтобы моё дитё если от кого и зависело, то только от меня…

Она довольно крупная. Большие выразительные серо-голубые глаза, аккуратненький носик, пухленькие щёчки, губки, очаровательные пальчики. Спокойно лежать не нравилось, постоянно вертела головой. Улыбчивая; ангел.

Первые полгода для всех нас прошли замечательно. Аля стала совершенно похожа на маму. Я очень любил смотреть, как она обращается с дочкой. Я ежедневно купал Даяну в тёплой ванночке, обожал делать это, обожал вытирать её маленькие ручки, ножки, заворачивать её в полотенце, осторожно прижимать к себе, шептать что-то на ушко.

Было так необычно наблюдать, как Дая постепенно взрослеет: вот она уже, гукая, реагирует на моё появление широкой улыбкой, поворачивает голову, когда я произношу её имя. Запомнилось, как она совершил свой первый шажок, — у меня дыхание перехватило от неверия и счастья.

Но, конечно, Аля была бы не Алей (о чём я уже забыл), если бы в какой-то момент всё это не стало ей надоедать. Она искренне радовалась, видя, как я отношусь к Дае, понимая, что я сам отлично позабочусь о дочке. Когда Дая перестала зависеть от её груди, Аля начала всё больше времени проводить вне дома; с кем, как, — я не спрашивал, меня это не интересовало, я даже не всегда замечал её отсутствие.

Под конец случилось то, что и должно было произойти. Алю я уже не видел довольно долго, практически привык к этому. Вдруг услышал, как открылась входная дверь. В комнату вбежала Аля, одетая в очаровательное платье, — была в тот момент, как солнышко, счастливая. Она торопливо поцеловала меня, Даяну, сказала, что от нас без ума и что на эти летние месяцы уезжает на море с одним, как она выразилась, «поклонником», что уже опаздывает на поезд. В принципе, я был за неё очень рад. И почему-то казалось, что по-настоящему в нашу жизнь она не вернётся.

Так и осуществилось моё желание: я остался с Даей один на один…

В какой-то момент я вдруг осознал, что для меня истинная любовь не подразделяется на материнскую, отцовскую и так далее, она просто любовь. Наверное, Дая тоже это как-то ощущала, потому что впоследствии исключительно редко называла меня папой, в основном по имени. (А через какое-то время я понял, что Дая не только моя любовь, но ещё и мой смысл).

День у нас протекал так:

Утром я выходил в магазин за продуктами; возвращался, готовил завтрак. Обычно за этим меня Дая и заставала. Она появлялась на кухне — вся такая заспанная, нежная, с распущенными волосами, одетая в не по росту длинную ночную рубашку. Глянув на меня, расплывалась в счастливой улыбке. Подходила, я садился на корточки, крепко обнимала меня. (Каждый раз, когда я видел Даю, думал о ней, то понимал, насколько я всё же богатый человек, как никто на этом свете; порой переставал верить, что это чудо — моё, что в моей жизни такая сказка). Мы несколько минут в таком положении пребывали, безмолвствовали, целовались немножко. Я отводил Даю в ванную. Невзирая на всю свою самостоятельность, она привыкла, ей очень нравилось, мне самому безумно нравилось заботиться о ней. Я брал её за подмышки, ставил на табуретку. Она опускалась на колени, умывалась. Внимательно рассматривала своё отражение в зеркале, недовольно хмурилась (она и любила себя очень: «Я невозможно-невозможно прекрасная», но, с другой стороны, относилась крайне критично: «Сегодня я как потухшая звезда, как цветочек без листьев…»), переводила взгляд на меня, отчего-то начинала смущаться, закрывала лицо ладошками, но всё равно подсматривала в щёлочку между пальчиками, фыркала; я не выдерживал, обнимал её за плечи; мы уже глядели друг на друга; и вот Дая шептала, повторяя, как молитву, сильно зажмурившись: «Мы так с тобой смотримся… так смотримся… Как самые любимые…»

После завтрака я приступал к своей работе. Дая знала, что мне мешать нельзя, но быть одной ей совсем не хотелось. Разложив неподалёку от моего места на полу большие листы бумаги, Дая, сидя или лёжа прямо на них, высунув язык, с огромным увлечением что-то рисовала. К тому, что у неё получалось, относилась со смешным самолюбием.

Она с самых ранних лет проявляла необычный даже для детей жадный интерес ко всему окружающему. Ей всё нужно было знать, она забрасывала меня вопросами. Помимо рисования (это было её любимым занятием), писала рассказы, тоже оформляла их рисунками. Я купил глины, — лепила из неё всё подряд, но особенно нравилось изображать себя и меня. В нашей квартире везде можно было обнаружить её поделки.

После обеда я укладывал Даю спать; она не противилась, наоборот, даже ждала этого, — потому что наконец-то наступало время, когда тихо, спокойно и уютно, я рядом, глажу её по волосам, осторожно целую, любуюсь.

Вскоре после того, как она просыпалась, мы шли на прогулку. И Дая (это зависело от её настроения, которое было очень изменчивым) могла внезапно крепко-крепко схватиться за меня; начинала как-то потерянно озираться, на глазах у неё блестели слёзы; я опускался на корточки; она, обвив мне руками шею, плакала уже открыто, говорила на ухо, что ей всё страшно, что боится этих высоких домов, огромного неба, что хочет поскорее домой (вскоре этот страх прошёл); но чаще была всё же совсем другой: безостановочно о чем-то рассказывала, расспрашивала, смеялась, льнула ко мне, ласкалась, вдруг толкала, — вся такая искрящаяся, жизнью наполненная. Порой мы с Даей выезжали на целый день за город. Она особенно любила такие прогулки. Обнимала деревья, что-то рассказывала им, гладила травинки, листочки, целовала их. Говорила мне, что в лесу очень свободно, что ей легко на душе; расстраивалась, что не родилась в нём. (Она одинаково сильно тянулась и к дождю и к солнышку. Подставляла им своё лицо, ладошки, приветствовала их звонким голоском). Как-то, гуляя, мы увидели на дороге котёнка. Он пугливо озирался. Дая вся замерла от восторга; затем осторожно подошла. Котёнок,

будто чувствуя теплоту и нежность, которую она источала, сам бросился к ней. Она прижимала его к груди, бережно гладила, он жмурился, она вся светилась. «Ребёнок любит ребёнка», — думал я, глядя на них, таких забавных, чудесных.

Помню, мы торопились домой. Моя доченька бежала за мной, огорчалась, что не может держать меня за руку (были заняты пакетами), и спрашивала: «Серёжа, Серёженька, ну когда мы придём?..» «Скоро, милая, скоро». «Нет, Серёженька, ну когда же мы всё-таки придём?..»

В какой-то момент из-за больших денежных сложностей мне пришлось взвалить на себя непомерное количество дел. Взвесив все за и против, скрепя сердце, я решил, что на какое-то время, пока всё не уладится, отдам Даю в детский сад. Оказалось, что это не так просто. Для начала необходимо было встать на очередь. Я обошёл несколько садиков в нашем районе. В одном из них неожиданно встретил работающую там мамину знакомую. Сказала, что в силах помочь.

На следующий день я привёл туда Даю. Она была очень грустной, начинала плакать, просилась на руки, хотя, вроде, когда я объяснил ситуацию, всё поняла. И я в который уже раз убедился, какая между моей дочкой и остальными детьми пропасть. Уже сказал себе, что, нет, Дая здесь не задержится ни на секунду, но тут вспомнил о нашем незавидном материальном положении…

Дома мне было нестерпимо пусто, неуютно и сиротливо. Работа не ладилась совершенно, я постоянно отвлекался, думал о своём ненаглядном чаде. Вдруг понял, что выносить это уже не могу.

Даю я увидел издалека. Все остальные ребята копались в песочнице, играли друг с другом, а моя доченька в очаровательной курточке с одетым на голову капюшоном, из-под которого выбивались солнечные волосы, стояла, взявшись пальчиками за решётку ограждения двора, прижавшись к ней лицом. Выглядела такой одинокой, что сердце у меня мучительно заныло. Потом эта картина меня ещё долго-долго преследовала… По дороге домой Дая беспрерывно повторяла, что ей было безумно скучно и больно, что она впервые узнала, кто такие дети, и знать их больше не хочет.

Как-то шли мы с ней по улице, о чём-то, смеясь, переговаривались. Вдруг Дая резко замолчала, остановилась. Я тоже остановился, посмотрел туда, куда она глядела, — моему взору явилось неприятное зрелище: недалеко от нас, прямо на асфальте, прислонившись к стене дома, вытянув ноги, сидел пьяница с припухшим окровавленным лицом, в грязной драной одежде. Я не произнёс ни слова, крепко сжал Даину руку и повёл её от этого места. Она не могла уразуметь, почему я так быстро иду, ей было очень неудобно, начала хныкать. Затем спрашивала, глотая слёзы: «Серёженька, дорогой… ну как же… Как же люди… ну почему никто не останавливается?.. Я не понимаю… Правда, я совсем не понимаю!..»

«Как это существо, — спрашивал я себя, — будет жить в мире, который не терпит подобную чувствительность и ранимость?..»

Но с другой стороны, я видел, что Дая может вести себя совсем не по-детски — быть холодной, жёсткой даже. И это тоже меня пугало и тревожило.

Помню, зашёл к ней вечером в комнату. Было темно. Дая как-то тихо-тихо стояла у окна и смотрела на улицу… Я подошёл, бережно обнял её. А она вдруг вся напряглась, сняла мои руки и произнесла несколько отрешённым голосом, хотя и как бы извиняясь, — что желает побыть в одиночестве. Когда же я невольно усмехнулся (ребёнок! и в одиночестве), Дая неприязненно повела плечиками, и я прямо ощутил, как она сердито нахмурилась.

Иногда меня поражала, убивала её зрелость. Что стоят хотя бы её слова: «Ах, как коротка жизнь!.. Как же она всё-таки коротка…»

Как-то я спросил, кем она в будущем хочет быть. Дая задумалась и ответила: «Я не хочу… не хочу быть… хочу просто любить и быть любимой», «как сейчас» — негромко добавила она и, уже вся в смущении, счастливая, кинулась в мои объятья.

Что касается Али, то я был в курсе, что она вышла замуж «по огромной любви», затем развелась, потом с кем-то уехала в Англию, там и живёт. Был уверен, что и это не на очень долгое время. Порой что-то на неё находило, мы получали несколько открыток подряд, в которых вкратце рассказывала о себе, горячо просила что-нибудь написать «о Даечке». Я ей посылал большие письма, в которых всё было о дочке, но ответа никакого не было.

Как-то у меня с Даей состоялся разговор о её маме. Дая очень внимательно, с интересом, но безо всякого трепета слушала; покраснела, опустила голову, когда я сказал, что они иногда «до невыносимости» похожи; задавала разные вопросы, но слово «мама» не произносила. Аля для неё была неким сказочным персонажем, который обитает где-то в облаках…

Дая обожала посещать магазины одежды (вся в Алю), в которые из-за денежных сложностей мы ходили редко. Вся замирала от предвкушения, когда я сообщал, что мы направляемся что-нибудь ей прикупить. Она будто попадала в свой второй дом. Прижимала к груди эти разноцветные платьица, рубашечки, штанишки, кофточки, млела от восторга и чуть не плакала, что мы не можем «всё-всё» взять. Глядя на неё в эти моменты, осознавая, что эти вещи уже её, ей принадлежат, я от бессилия сам готов был заплакать. Продавщицы поражались Дае, умилённо улыбались, им очень нравилось за ней наблюдать, говорили: «Какая она у вас…» Мне было ужасно приятно слышать это, я был очень горд. Дая любила заходить в отделы для взрослых. Объясняла, что когда вырастет, «непременно» будет носить все эти босоножки, туфельки.

Я называл её моей маленькой королевой. Она начинала смущаться: «Ну… какая же я королева…» Тогда я спрашивал: «А кто же?..» Секунду-другую думала, и с вызовом отвечала: «Я женщина!», и, вспыхнув, закрыв лицо ладошками, звонко, как ангелочек, смеялась.

Она любила поиздеваться надо мной. Иногда начинала очень артистично хмурить брови, кусать губы, — и всё это с преувеличенно страдальческим видом. Я улыбался, говорил, что, когда работаю, не

так себя веду. Дая фыркала и уверенным голоском отвечала: «Нет, я всё правильно показываю!»

Я никак не мог привыкнуть к тому, насколько всё же она чувствует, что происходит у меня внутри. К примеру: я сидел за рабочим столом, уставший, нервничал, всё никак не получалось настроиться на нужный лад. Вдруг подходила. Тихонько ставила позади меня стул, залезала на него, обвивала руками мне шею, крепко прижималась, я весь замирал… Через минуту-другую, всё так же, не проронив ни слова, уходила. И после этого мне настолько легко, настолько вдохновенно было на душе…

Помню тот редкий момент, когда я повысил на Даю голос. Мне надо было куда-то бежать. Я в спешке собирался. Дая, до этого расположившаяся в кресле, наблюдавшая за мной, вдруг вскочила, подбежала, потянула за рукав: «Серёжа, Серёженька…» «Потом, потом, милая, — ответил я, — опаздываю, извини». «Нет, сейчас». «Ну, что?.. — с лёгким оттенком раздражения спросил я, глядя на Даю». Она смущённо потупилась и прошептала: «Я тебя очень… очень люблю». «Хорошо, замечательно», — успокоившись, проговорил я и продолжил собираться». Дая негодующе толкнула меня, я даже пошатнулся: «Послушай! Послушай… я тебя очень люблю». Внезапно что-то во мне будто обнажилось… Я уже обнимал её, целовал, слёзы непроизвольно текли у меня, извинялся и извинялся.

Я вёл дневник, где отмечал многочисленные Даины высказывания; фотографировал её. Мы стали писать друг другу письма. Дая обожала это делать, рассказывала в них главным образом о том, как ко мне относится. С нетерпением и трепетом ждала их от меня. Как сияли её глазки, когда она держала в руках конверт, на котором было аккуратно выведено — «Дае»! Чтобы придать всему этому сказочное настроение, я сделал два деревянных почтовых ящика: для меня и для неё; разукрасил их.

Приведу несколько отрывков из Даиных писем: «…Ты сейчас сидишь в своей комнате и работаешь. А у меня внутри — солнце, огромное-огромное, и небо — голубое, и чистое, и без дна. И ещё солнышко (но другое уже — из окошка) светит прямо мне в лицо — нежно, по-доброму светит. У меня сердце и тело разрываются, когда я думаю, как тебя люблю…», или: «…Сейчас я называю Вас на Вы, потому что Вы — глубже и больше всего, что есть в мире, глубже и больше всей меня. Я Вас желаю. Я люблю Вас, как собака, хожу за Вами постоянно. Если Вы меня прогоните, я всё равно приду к Вам. Если Вы умрёте, я лягу с Вами и тоже умру…», или: «…Я иногда не верю, что есть этот дом, эти комнаты, что есть я и ты, что мы любим друг друга. Серёженька, ты такой прекрасный! Я смотрю на тебя и восхищаюсь тобой, горжусь. У меня внутри колокольный звон по тебе. Ты всех принимаешь в своё сердце, помогаешь всем…»

Дая тоже начала вести дневник. Давала мне его почитать.

Мне всё время хотелось не просто быть с ней рядом, а чувствовать дыхание её души…

Я не представлял себе других отношений. Очень тяжело, порой невозможно было думать, соглашаться с тем, что Дая когда-нибудь вырастет…

II.

Завтра Дае исполнялось тринадцать.

В последние несколько лет её дни рождения, Новый Год превратились для меня в подлинную муку; я каждый раз с волнением, надеждой и страхом ожидал эти праздники, — они были тем редким поводом, когда, как мне казалось, я мог выразить своё отношение к Дае. Но ни один из этих праздников мы толком и не справили: то у Даи было плохое настроение, то она их отмечала не дома, то отыскивались ещё какие-то причины.

Я уже не помнил, когда Дая шептала, что любит меня, с обожанием меня рассматривала, когда я её обнимал, ощущая, что она нуждается в моей заботе, поддержке, тепле, когда льнула ко мне всей душой, не помнил, когда мы вместе гуляли. Я не помнил, когда мне было солнечно на сердце.

Я сжимал в бессилии кулаки, осознавая, что мне Дая уже не принадлежит, представляя, что в присутствии кого-то (но не меня) смеётся, рассказывает кому-то (но не мне) о своей жизни; не воображал, что с кем-то будет целоваться…

Порой я понимал, что всё это для меня — настоящая трагедия, чувствовал, что внутри у меня — пустыня, кладбище. Я нередко плакал…

Я, вроде, и начинал осознавать, что, наверное, мне следует найти другой смысл… но подобные мысли я ненавидел; я продолжал верить, что моя маленькая смешная ранимая нежная, любящая меня, девочка никуда не исчезла; ждал, надеялся, что вновь увижу её, что всё будет, как прежде.

То, какой Дая была, какие у нас были отношения, каким было моё восприятие окружающего мира, начинало мне вдруг представляться сладким волшебным сном…

Если говорить о её внешности, то Дая вытянулась, стала стройненькой, гибкой. Пропала очаровывающая полнота её щёчек. Волосы потемнели, но Дае всё так же нравилось носить их длинными. На лицо была крайне милой; её большие глаза, казалось, сделались ещё выразительней.

По манере держать себя, подавать эстетике мысли, выглядела минимум лет на восемнадцать.

Узнал, что встречается с Алей.

Я услышал, как открылась входная дверь, — дочка пришла домой. По доносящимся звукам понимал, что она сняла обувь; уже в ванной; моет руки; уже у себя. Ко мне, как всегда, не заглянула…

Через некоторое время, чувствуя, что как бы уже есть основания, я встал и, тяжело вздохнув, подошёл к двери её комнаты. Секунду-другую помялся, наконец, несколько раз осторожно постучал.

— Да? — раздался негромкий голос.

От его будничного тона сердце у меня заныло. Я вошёл. Дая уже переоделась. Была в голубых джинсах, аккуратной белой футболочке. Сидела на диване, поджав под себя ноги, с книжкой в руках; наблюдала за мной; выражение её лица будто говорило: «Ну да, вот я… и — что?..» — каза-

лось, она сдерживается, чтобы не сказать что-нибудь нехорошее.

У меня иногда возникало ощущение, что она не просто прекрасно осознаёт, но ей и очень неприятно, как я к ней отношусь; и это тоже делало меня слабым.

Не знаю почему, но я вдруг на какие-то доли секунды за всем этим опять увидел ту её — истинную. Я уже готов был броситься к Дае, прижать её к себе, и чтобы все эти никому не нужные маски растаяли в моих и её горячих слезах, но вновь… вновь подумалось, что она не поймёт, что она на самом деле, как бы это ни противоречило всем законам жизни, стала иной.

— Как ты?.. — наконец спросил я. Дая нахмурилась, словно я осведомился о чем-то непозволительном.

— В смысле? — своим взглядом дочка держала меня на расстоянии. Я не мог уразуметь, что она сейчас чувствует, о чём размышляет. И вдруг спросил себя, а впрямь, в каком смысле… и зачем я вообще развожу этот цирк с непонятными пустыми вопросами? почему не выражаю своё подлинное отношение? Внезапно осознал, что все эти два-три года я невольно подчинялся, принимал, как данность, Даино поведение. Эта мысль так поразила меня своей простотой и логичностью, тем, что ещё ни разу мне не пришла, что я недоверчиво усмехнулся… Но нет, я всё же понял, что не могу ни с того ни с сего открыть свою душу; и боялся.

— Мне хочется… хочется знать, как ты поживаешь, как чувствуешь себя… что

сейчас читаешь, и…

— Папа, — раздражённо прервала меня Дая, — пожалуйста… У меня всё в порядке, правда… Читаю Цвейга, если это, конечно, действительно тебе интересно… Чувствую себя нормально… Можно я одна побуду? Устала что-то… Пожалуйста.

Я вдруг ощутил себя совсем одиноким…

Закрывая за собой дверь, спросил, скорее машинально: Ты есть будешь?..

— Да, да, — спасибо, но я сама всё сделаю… — ответила Дая, уже уткнувшись в книжку.

Я вернулся в свою комнату; прилёг на диван; закрыл глаза. Начал себя корить, какое я имею право требовать от Даи искренности, если сам её не проявляю. Постепенно переключился на то, какой Дая была в детстве… У меня навернулись слёзы. Я выругался, поднялся и, насилуя всё внутри, усадил своё тело за рабочий стол.

Вспомнил, что Дая должна пообедать. Не желая понимать, что она хотела сама о себе позаботиться, прошёл на кухню.

Разлил суп по тарелкам, крикнул, что всё готово. Дая появилась через некоторое время. Недовольно глянула на меня. Уселась напротив. Взяла кусок хлеба, нехотя откусила. Зачерпнула ложкой немного супа. Внимательно наблюдая, медленно вылила его обратно. И так несколько раз. Вдруг отложила ложку в сторону, с силой сжала кулаки, — даже костяшки побелели. Гневно посмотрела на меня, её губы дрожали.

— Да ешьте Вы сами свой суп!..

Это была одна из самых страшных вещей — когда она обращалась ко мне на «Вы». Я весь почернел. И неожиданно такая волна злости во мне поднялась. Я с трудом сдержался, чтобы не встать и не ударить дочку. Дая вдруг махнула рукой: тарелка полетела на пол, разбилась. Дая со страхом смотрела на меня, — я же отчего-то вмиг успокоился, — её глаза были полны слёз; затем вскочила и бросилась из кухни.

За окном была ночь, в комнате темно. Я лежал в постели; никак не мог взять в толк, чем я всё это заслужил, что плохого сделал Дае…

Утро выдалось солнечным. С улицы доносилось весёлое щебетание пташек. Я грустно вздохнул…

Посмотрел на часы, — Дая уже должна была уйти в школу. Заглянул на кухню. Подарки, которые я ночью выложил на стол, так и остались не распакованы.

Наконец настал тот момент, когда Дая вернулась домой. Пришла она непривычно намного раньше обычного. Не знаю почему, но я сильно заволновался. Дверь в мою комнату открылась. Я обернулся. На пороге стояла моя дочка. Именно — моя, а не посторонний человек. Она радостно и несколько смущённо, будто в чём-то виновата, смотрела на меня, улыбалась. Я не понимал совершенно, что случилось, что происходит…

— Пап, привет… как… как твои дела?..

От её светлого голоска сердце у меня заныло. Я начал непроизвольно беззащитно улыбаться.

— В общем… в общем, неплохо… — я с трудом сдерживал дрожь в голосе. —

— Кстати, с праздником… Дая на мгновение замерла, рассмеялась, — Боже, ну и дурочка я! Совсем забыла. Только в школе… А там, на кухне, подарки, да? Ой, как здорово! Я пойду, можно, можно?!..

Я опустился на диван. Я не знал, что думать. Внутри меня разливалось блаженное пьянящее тепло…

Дая вернулась с двумя коробками, положила их на диван. Крепко поцеловала меня в щёку, обвила шею руками, прошептала: «Скучала по тебе очень, даже окончания уроков не могла дождаться… Извини, пожалуйста… извини…» Мы немного так посидели. Дочка была такая нежная, тёплая — настоящая… Я осторожно гладил её по волосам; еле сдерживал слёзы.

— Давай, моя хорошая, смотри, — наконец сказал я.

Я наблюдал, как Дая, признательно поглядывая на меня, нетерпеливо развязывала верёвочки; достала первый подарок.

— Ой! Так неожиданно!.. Это фотоаппарат? мне?.. И большой такой… не глупый, да?.. Спасибо, гигантское спасибо… — Дая кинулась в мои объятья.

Я поцеловал её в щёки, глаза, прижал к себе.

— Я когда сказала об этом, точнее, вслух подумала… я просто… я просто сказала! Ты так заботишься… Я обожаю… Знаешь, я когда хожу по городу, то прямо чувствую кадры. Что надо, например, стать сюда, сделать шаг влево, капельку нагнуться… И так иногда хочется людей некоторых фотографировать!., и чтобы снимки

были чёрно-белыми — чтобы цвет не отвлекал… Спасибо, спасибо… А это что?.. — Дая уже распаковывала другой подарок.

В коробке лежала стопка тетрадей, конвертов, листочков. Дая открыла лежавшую сверху тетрадку.

— О!.. — с тихим восторгом выговорила она и, ещё не до конца веря, спросила: -Это… да?., да?..

Я еле заметно кивнул.

Как-то раз, перебирая вещи, я обнаружил наши с Даей дневники, письма, её рассказы и т.д. Решил, что именно дневники и письма преподнесу таким образом.

Дая закрыла тетрадку, прижала её к груди и с серьёзным видом произнесла:

— Знаешь, это… это как святыня… Я сейчас… мне надо… Я пойду почитаю… ладно?..

Она ушла.

У меня было такое состояние, словно я попал в сказку, словно только что вновь стал отцом. Я вытирал дрожащей рукой лоб, нервно ходил из угла в угол, зачем-то брал со стола чашку, осматривал её, садился на диван, недоверчиво качал головой, как-то глупо улыбался, что-то говорил, спрашивал у себя; вдруг понимал, что плачу.

Дая всё не возвращалась и не возвращалась. Я и знал, что она сейчас погружена в воспоминания, много чего переживает, и ей не нужно мешать, но внезапно начинал думать, всё сильнее уверял себя, что она опять забыла обо мне и себе-настоящей, или что всё это просто чья-то злая шутка.

Наконец послышались её лёгкие торопливые шаги. Я вздрогнул, чувствовал себя в те секунды будто в суде перед вынесением приговора. Дая вбежала в комнату вся в слезах, бросилась мне на грудь.

— Серёжа, Серёженька… я такая дурочка… Ничего не видела, себя не видела, тебя не замечала… Мне так стыдно… Прости, пожалуйста, прости меня…

Я целовал её пахнущие весной, распущенные волосы, вытирал свои, её глаза; уже верил, что всё это происходит на самом деле…

Мы говорили сразу и обо всём, то перебивая друг друга, то с трепетной внимательностью слушая. Дая ещё раз поблагодарила за фотоаппарат; объяснила, что ей часто кажется, что она художник, не в смысле — писать картины, а вообще; что много рисует в воображении, прямо ощущая, как создаёт что-то тонкое, изящное, с богатым содержанием. Поведала (чем меня и расстроила, и повеселила), что вдруг обнаружила следующее: она, десятилетняя девочка, живёт с кем-то, кто зовётся «папой», кто так её — она видела это -любит, но кто ей совсем не близок. Но внезапно сама в глубине-глубине души чувствовала невозможную любовь ко мне, рыдала тогда и отчего-то безумно боялась, что я замечу её слёзы (я ни разу за эти годы не видел Даю плачущей). В общем, ей было «очень странно и неуютно». Никак не получалось всё это осмыслить, и не с кем было посоветоваться. Но вчера, когда разбила тарелку, когда затем сидела в своей комнате, а ночью долго не могла уснуть, осознала всё — осознала, какой гадкой, некрасивой, «неправильной» была в эти несколько лет, — точно повзрослела, хотя ещё не до конца доверяла себе. И сегодня в школе только обо мне и думала, домой бежала, очень нервничала, волновалась; и когда увидела меня, мой взгляд, в котором «всё написано», а особенно когда почитала дневники. — последние сомнения отпали сами собой.

Рассказала об учёбе, что мало с кем общается, — скучные и глупые. Я узнал, что учителя, «конечно», очень ценят её за ум, не раз предлагали перейти на особый режим — чтобы она за год осваивала двухлетнюю или даже трёхлетнюю программу. Дая сказала, что, может быть, решится на это, а может, и нет.

Дочка уже рассказывала об Але:

— Я как-то не задумывалась, есть ли у меня мама. Но в какой-то момент начала размышлять: у всех есть мама, следовательно, и у меня есть; интересно, кто она, какая она. Но всё равно, всё равно! Я сейчас отлично понимаю, что эти четыре буквы «м», «а», «м», «а» не значат для меня то, что для остальных значат. И не вижу в этом ничего плохого, — никому ведь не плохо от этого… Ну вот, может быть, помнишь, я о ней как-то спрашивала? Нет?.. Ты тогда сказал, что её зовут Аля, потом, через паузу, рассеянно добавил, что она «замечательная». У меня в голове и крутилось: «Замечательная Аля, замечательная Аля». А затем она неожиданно позвонила. Кажется, тебя не было дома. Я подняла трубку. Говорю: «Алло?..» А мне — знакомым-знакомым голосом: «Привет!». Я опешила прямо! И уже радостно, недоверчиво и как-то глупо улыбаясь: «Привет!» Она: «Знаешь, кто я?» Я рассмеялась, ответила что догадываюсь… Она такая молодая и так хорошо выглядит!.. Мы с ней целый день провели — разговаривали и разговаривали обо всяких глупостях и неглупостях. И она меня дочкой не называла, а я её не называла мамой. Только Алей или Алечкой. Она мне как сестра! Я тебе, вот, рассказывала, о своих знакомых, но Аля это что-то совершенно другое — намного более глубокое и настоящее, это другой мир. С ней очень легко и весело. Хотя, конечно, она взрослее. Но всё равно мы так похожи! Но ростом я её немного выше. Мы за руки держались. Целовались чуточку. Она иногда смешная очень. А обо мне сказала, что я «не по годам рассудительна», вся в тебя. Но тогда ты был… тебя почти не было для меня… И с Алей о тебе как-то совсем не разговаривалось… Я действительно как дурочка себя вела!.. Извини, пожалуйста. Ну, пожалуйста, извини… — произнесла Дая умоляющим голосом, и, тяжело вздохнув, прильнула ко мне. Через минуту продолжила: «Потом Аля куда-то уехала. Она постоянно в разъездах. Вернулась, мы тут же встретились. На самом деле нечасто видимся. Она такая чудесная, и чуткая очень, и чувственная… У неё лицо как бы сделанное, но в то же время и нежное-нежное. И волосы шелковистые. Она очень красивая и светлая. А как-то я всё же назвала её мамой. Это когда мы в кафе были. Она задумалась, подпёрла щёку рукой, волосы у неё спадали… Я сижу и любуюсь ею. И у меня само тихо вырвалось: «Мама, ты -божественная». Она не сразу услышала. Через мгновение: «Кто, что?..», по сторонам глянула, — такая забавная, — рассмеялась с облегчением. Я повторила, с жаром

сказала: «Ты божественно смотришься!» Она такой счастливой стала; и мне, — умилённо, растроганно, потрепав по щеке: «У, ты моё солнышко, девочка моя любимая, ненаглядная». Я тогда и правда всем сердцем почувствовала, что она мне мама… Хорошая она очень… А сейчас её опять нет в городе — где-то с кем-то, но скоро приедет. Говорила: «Даечка, ты когда будешь с мальчиками общаться, ты со всеми общайся: и с красивыми, но, может быть, глуповатыми, и простыми внешне, но богатыми душой. Жизнь коротка. Нет никакого смысла быть направленной на что-то одно» и так далее. Нет, она не советовала… точнее, советовала, но не как старшая, не поучала, то есть она, конечно, старше меня, мудрее, опытней, но… В общем… Ну, неважно это…

Когда Дая заговорила о мальчиках, у меня всё заныло внутри. Я понял, как всё же ревную её, и что глубина моей ревности такова, что убью любого, кто хотя бы… не то чтобы взглянет, просто подумает о Дае. И вместе с тем явственно чувствовал, насколько это противоречит моему желанию, чтобы у дочки всё было так, как она сама того хочет.

Дая, словно увидев мои мысли, замолчала. И через мгновение я услышал её голос — детский тихий дрожащий: «Но мне никто… мне никто больше не нужен, лишь ты один… Меня уже, как раньше, тянет — но только… только осмысленней как бы… Тянет к тебе до невозможности».

Эти слова разрушили всю остававшуюся между нами недосказанность… Мы ещё очень долго общались. Я показал её рисунки, рассказы, поделки из глины; Дая с восторгом, смеясь, умиляясь, разглядывала себя на старых фотографиях.

Мы поняли, что хотим поесть. Обнявшись, прошли на кухню.

— Давай, Даечка, садись, и я буду за тобой ухаживать, — ласково, посмеиваясь,

произнёс я. Дая с готовностью уселась за стол; на её лице играла ожидающая улыбка.

— Так, сейчас разогрею суп и второе. Суп, кстати, вчерашний. Только не надо им пол кормить, договорились?

Дая с притворным смущением потупила голову, не выдержала, рассмеялась, глянула мне в глаза: «Договорились»!

Я накрывал на стол. Дая, до этого наблюдавшая за мной, вдруг вскочила. Крепко обняла меня сбоку, положила голову на плечо; мы постояли так немножко, молчали…

Мы уже обедали.

Внезапно я фыркнул и с притворным огорчением воскликнул: «Я совсем забыл, что у тебя день рождения! Давай… Нам обязательно надо куда-нибудь сходить, сделать что-нибудь… — Давай, давай!.. — Дая даже в ладоши захлопала от предвкушения.

Я на некоторое время погрузился в раздумье.

— Так… В общем, план следующий: после обеда мы чуточку отдыхаем и едем на пару часов в лес; затем возвращаемся, гуляем по городу, заходим в какое-нибудь кафе… Н-да, наверное, всё это получается как-то просто, но… — Не просто, не просто! — даже сердито оборвала меня Дая. — Как же может быть просто, если говорим о тебе и мне?..

Мы условились, что, как и прежде, будем часто совершать прогулки, ходить куда-нибудь, — уже решили, что на неделе обязательно посетим кино.

После обеда мы прошли в мою комнату. Я уселся на диван. Дая легла на спину, положив голову мне на колени; закрыла глаза. Я гладил её по волосам, любуясь ею. Она, точно ребёнок, морщилась, смеялась, объясняла, что ей щекотно…

Мне стало грустно от внезапно пришедшей мысли, что всё в нашем мире имеет свойство взрослеть, стареть… Да, дочка не была уже тем комочком, воплощением нежности и обнажённой искренности, я не мог уже постоянно тискать её, целовать, она уже не сообщала каждую секунду, что обожает меня, что не сможет без меня жить. Но всё это было уже не так важно: меня, наоборот, будоражило, что передо мной — в каком-то смысле неизведанный мне человек, которого я буду заново открывать для себя.

Мы неторопливо шли по лесу, держась за руки, вдыхали этот чистый тёплый весенний воздух, подставляли лица ласковому солнышку.

Внезапно Дая сорвалась с места, начала бегать, кричать, хохотать, лукаво поглядывала на меня, показывала язык, опять брала за руку, благодарно льнула…

Я ощущал себя то любящим внимательным отцом, то вдруг сверстником своей дочки…

В город мы вернулись к вечеру.

Мы неспешно прогуливались вдоль канала, мне было очень легко на душе, покойно и волшебно. Я тихо усмехался, наслаждался этой атмосферой; посматривал на Даю, которая, казалось, пребывала в похожем состоянии, задумчиво улыбалась.

Я сообщил, что перед кафе мы зайдём в магазин, чтобы она что-нибудь себе выбрала из одежды. Даины глазки радостно вспыхнули; она крепко обняла меня, поцеловала.

В этом торговом центре мы пробыли до самого его закрытия. Дая перемерила массу одежды. Объясняла, что ей безумно нравится так проводить время, даже если и не приобретает ничего. В конце концов, остановила свой выбор на летнем платье. Смотрелась в нём крайне изящно и пленительно.

Вернулись домой мы уже ближе к ночи. Перед тем, как пойти спать, посидели в темноте, обнявшись; Дая сказала, что это день — самый счастливый для неё.

Со следующего утра началась новая жизнь. Да, в ней много чего присутствовало от тех наших отношений, когда Дая была ребёнком, но, тем не менее, это была совершенно новая жизнь.

Вставал я рано; готовил нам с Даей завтрак. Будил её. Она открывала глаза, улыбалась; и будто шептала: «Спасибо, огромное спасибо, что ты существуешь!..» Я почти всегда провожал её до школы. Эти прогулки нам особенно нравились. Улицы, дома, люди, воздух ещё не совсем проснулись; мы неторопливо и как-то тихо шли, держась за руки… Уверен, со стороны было непонятно, кто мы — друг к другу. Я возвращался домой, садился за работу, которая ладилась, как никогда;

вдруг ощущал, насколько скучаю по Дае, как её не хватает. Она приходила, кричала ещё с порога, что торопилась, чтобы поскорей меня увидеть. Говорила, что на уроках настолько погружается в мысли обо мне, в мечты, что мы будем делать, — что не слышит, как её вызывают к доске. Мы обедали. Затем я наблюдал, как Дая готовит уроки, с тихим трепетом любовался ею; помогал, — она, как и раньше, была чрезвычайно отзывчива на мою ласку и заботу. Потом обычно мы гуляли. Если у меня хватало времени, выбирались в центр — в то же кино, например; или просто наслаждались ритмом жизни нашего города, его очарованием и красотой. Нередко по вечерам, когда Дая уже лежала в постели, я сидел рядом и при включённой настольной лампе читал. Её любимого Цвейга, например. Но больше всего Дае нравилось, чтобы я молча перебирал её длинные волосы, гладил, и нас окружала полная темнота.

Не могу сказать, что дочка на самом деле увлеклась фотографией. Многое у неё зависело от настроения. Иногда казалось, что лучшего для неё занятия не существует, а иногда, что Дае вообще не надо ничего делать — просто жить. Я обнаружил, что она очень мечтательна, — осознавал, что она и впрямь, несмотря ни на что, ещё подросток.

В город вернулась Аля. Дая довольно часто виделась с ней; всегда, когда приходила после встречи, источала вдохновенную радость; рассказывала, что да как.

Я вдруг замечал, что называю Алю и дочку про себя «мои девочки», недоверчиво посмеивался, но уже спрашивал себя: «Может, и правда нам вместе?..»; но что-то всё же противилось, мешало мне сделать шаг навстречу.

Вдруг я стал ревновать Даю к её маме. Порой, когда они были вдвоём, я места себе не мог найти. Ходил нервно, хмурый, по квартире; внезапно представлял, как они держатся за руки, улыбаются друг другу, целуются, — моё лицо передёргивалось в болезненной гримасе. Я хватал первый попавшийся предмет и, что есть силы, запускал его стену. Затем плакал: что не в состоянии ничего сделать, что так не уверен в себе, что так люблю.

Вдруг я ловил себя на мысли, насколько это глупо, даже стыдно и нелепо ревновать, особенно такую, как Дая, особенно к такой, как Аля. Но затем раз — и вновь думал, что, вот, дочка взрослеет, у неё не могут не появиться мальчики… Всерьёз желал запереть Даю в клетку.

Но постепенно я успокоился. Хотя иногда ревность всё же проступала внутри меня.

Этот год был одним из самых счастливых в моей жизни. Летом мы с Даей съездили на море. Там нас принимали за возлюбленных, — нас это безумно веселило. Через некоторое время после возвращения домой Дая ненадолго уехала с мамой в Швецию (выбор страны был, естественно, спонтанным). Затем я с дочкой опять укатил на юг. И это несмотря на то, что как раз начинались занятия в школе. Великолепно отметили мой день рождения. Лежали в темноте на пустынном пляже, внимая гулкое дыхание моря, глядя на таинственное звёздное небо. Осень прошла как-то незаметно. Зимой, которую мы обожали, ездили загород кататься на лыжах; замечательно отпраздновали Новый Год.

Порой я смотрел на себя и Даю со стороны и понимал, насколько всё же нестандартна наша связь, насколько сама Дая действительно нестандартный человек…

С наступлением весны я начал ощущать, что с Даей что-то происходит. Она становилась всё более задумчивой, загадочной какой-то. Можно было наблюдать, как она сидит за столом, подперев щеку рукой, вдруг, как бы не веря, пожимает плечиками и беззащитно улыбается. Уже не сразу после школы направлялась домой. Как-то я проснулся ночью; и когда проходил мимо Даиной комнаты, мне почудилось, что она с кем-то говорит по телефону. Замер, прислушался: да нет, вроде тихо.

Гулять мы прекратили. У Даи постоянно были какие-то дела, она где-то пропадала и будто машинально сторонилась меня.

Мне было очень сиротливо на душе и грустно. Начинал чувствовать себя безнадёжно старым для этого мира. Но вдруг Дая подходила ко мне, обнимала, что-то шептала ласковое, и я снова, устало усмехаясь, уверял себя, что мне всё пригрезилось — ничего не происходит…

Хорошо помню, как это было. Зазвонил телефон. Я взял трубку. Это оказалась Дая. Говорила торопясь, сбивчиво, не давая мне и слова вставить, что сейчас у кого-то, чтобы не волновался, не ждал, что останется на ночь.

Я сидел на кухне в полной темноте. Было невыносимо тихо и покойно. Я вдруг осознал, что самое страшное — это жить и умереть в одиночестве. Заснуть я так и не смог…

Даю я увидел на следующий день, к обеду. Вбежала в мою комнату, уселась на диван; осторожно бросала на меня тихие лучистые взгляды. Я не выдержал, подсел к ней, обнял.

— Дая, Даечка, милая… Пожалуйста, скажи… что, что с тобой?.. — голос у меня дрожал, я плакал; я уже всё понимал…

Она вся заискрилась радостью и признательностью; прильнула ко мне всем телом, тоже уже была вся в слезах.

— Представляешь, я встретила… встретила одного… Сколько эмоций, сколько всего нового… Я такая счастливая! как никогда… Представляешь, у меня… у меня первая любовь!

Иван Зорин

Глаза

«Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу;»
1 Кор. 13:12

Соглядатай

Лаврентий Бурлак, прозванный Остроглазом за то, что увидел мир ещё из материнского чрева, появился на свет, когда короновали Александра Первого. Его мать была скотницей у князя Ртищева, а отец — кучером. В тот день отец пил в городе здравие государя и, возвращаясь в деревню, правил одной рукой. Он натягивал вожжи в такт ухабам и кочкам, чтобы не расплескать вина, которое подносила ему другая рука. Перешагнув порог, он спутал жену с кобылой и, стегая кнутом, вытолкал её в холодные, тёмные сени. Из экономии там не жгли лучину, и женщина, присев на корточки, родила прямо на грязный, дощатый пол. На утро её нашли мёртвой — прислонившись спиной к двери, она держала на коленях голого, тщедушного младенца, которому зубами перекусила пуповину. За стеной храпел отец, а в углу скреблись мыши, которых ребёнок не слышал — он родился глухим.

Из щелей в брёвнах несло сыростью, ребёнок покрылся лиловыми пятнами, став похожим на лягушку, но не плакал. Всю ночь он провёл, вперившись в темноту, его глаза расширились от ужаса и с тех пор не мигали. Через неделю веки от бездействия засочились гноем, и деревенский лекарь, смочив водкой, подрезал их ножницами. У него дрожали руки, и кожа повисла неровно, как зацепившаяся за раму занавеска.

Кормилиц пугали эти искромсанные, кровоточащие глаза, зрачки которых, как лужа, затопили хрусталик, и они отказывались от Лаврентия. Первое время отец подносил его к козьему вымени, пока не столковался с гулящей девицей, у которой после выкидыша ещё не пропало молоко. Она кормила уродца сморщенной грудью, поливая лицо пьяными, бессмысленными слезами, и не знала, что его лишённые ресниц глаза видят её до корней волос. Стиснутые мягкой плотью, они не слезились, оставаясь сухими, глядели по-взрослому напряжённо и враждебно, колючие, как репей.

На похоронах отец напился больше обычного. Три года после этого он оставался бобылём, деля тишину с немым, как чурбан, сыном, а на четвёртом замёрз, сбившись с дороги. Его нашли только весной, когда сошли сугробы, он лежал под осиной, лицо ему выели волки, но его опознали по дырявому тулупу и длинному кнуту, который гнил на шее. На поминках, неловко переминаясь, крепостные, досыта вкусившие горькой соли земли, пустили по кругу шапку и, собрав денег, которых едва хватало на месяц, откупились от иждивенца, безразлично смотревшего на них из тёмного угла.

Он видел их насквозь, ещё до того, как стал понимать причины их поступков.

Отец Евлампий, окончив в столице семинарию, ехал в глубинку, как в гости. В кармане у него лежал похвальный аттестат и назначение на место дьяка. Скрипели сани, воображая себе провинциальное захолустье, о. Евлампий гладил пушок на губах и улыбался. Он рассчитывал прослужить до весны. А провёл в глуши долгих тридцать лет. Первое время о. Евлампий всё ждал перевода, пожирая глазами почтовые кареты, но, получив в Домокеевке приход, смирился. Он всё чаще садился за оградой сельского кладбища, представляя свою могилку, и его вид излучал тихое довольство. Лицо у него было строгим, а сердце добрым, поэтому попадья делила с ним горести, а радости — с другими. В гробу она лежала сосредоточенная, словно созерцая будущее, с губами, поджатыми от накопленных обид.

Она оставила мужа бездетным, и он сжалился над сиротой, определив Лаврентия в церковные служки.

Шли годы. Священник научил ребёнка читать по губам — Лаврентий видел при этом, как бьётся о нёбо розовый язык, — и поведал о той механической, скрипучей речи, которой изъясняются глухие. Но звук оставался для Лаврентия непостижимым таинством, он видел, как возле рта в воздухе появляется уплотнение, которое, расходясь кругами, касается ушей, заставляя вибрировать перепонку. И в ответ кривились, округлялись, вытягивались губы, посылая по воздушной почте слова. А когда звонили к вечерне, колокол расцветал огромными, распускавшимися шарами, которые, поглощая пространство, один за другим исчезали за горизонт. Взобравшись ночью на колокольню, Лаврентий благоговейно трогал верёвку, продетую в медный язык. Он ощупал холодное, как в ноздрях у лошади, кольцо, коснулся бронзовых стенок. Подражая этим неживым вещам, он стал изо всех сил напрягать гортань, пуская в небо воздушные пузыри.

Он разбудил всю деревню, его сняли задыхавшегося от кашля, продрогшего на ветру.

Но Лаврентий был счастлив, он чувствовал себя равным богам, сотворив чудо, которое не мог оценить.

С тех пор мальчишки крутили ему вслед у виска, а взрослые, сторонились. Его считали деревенским дурачком, выходки которого приходиться терпеть из человеколюбия. Стали замечать и другие странности. Когда Лаврентия брали в лес за грибами, он собирал их с абсолютным равнодушием, но его

корзина была всегда полной. От него было невозможно спрятаться. Когда он «водил», прикрыв лицо ладонями, громко считая своим резавшим уши голосом, то ловил детей, будто зрячий слепых, вытаскивая из дупла, находя их на чердаке или за дровами. Когда у барыни закатилось обручальное кольцо, и дворня сбилась в поисках, переполошив всю деревню, Лаврентий молча вытащил его из щели в половице. Но, юродивый или блаженный, он рос изгоем. Его не любили. И он не любил. Даже о. Евлампия. Он не понимал, за что страдает, родившись калекой, не понимал, почему не похож на других, и отворачивался, когда ему начинали говорить об искуплении грехов.

Однажды вечером он исчез. Его искали, неся на палках фонари, чертыхаясь, что спалили по целому фитилю, вернулись в Домокеевку. А под утро появился и он, бледный, с потухшими глазами. Неделю они не сверкали обычным для них жадным блеском, точно насытившись неведомыми пейзажами и далёкими видами.

Мир видимого не содержал для Лаврентия тайн, он был ясным, как линии на ладони. С десяти шагов Бурлак мог сосчитать пятна у божьей коровки, отличал её правые ножки от левых, видел сквозь листву припавших к ветвям клещей, падавшего камнем сокола, различал капли в дожде и росинки в тумане. Он видел и за горизонтом, раздвигая пространство за счёт миражей, которые приближают предметы, как оазисы в раскалённом воздухе пустынь. По отражению в облаках он видел пожар Москвы, грабивших её французов, тёмные лики икон, которые они выносили подмышками, в сытые годы наблюдал, как желудки переваривают мясо и хлеб, а в голодные — видел мякину и жёлуди во вздутых животах. Ничто не ускользало от его всепроницающего взгляда. Им он раздевал донага деревенских баб, кутавшуюся в меха помещицу, снимал мундир с фельдъегеря, которого мельком увидел в санях, измерял углы в снежинках, читал за версту обрывок газеты, его беспощадные глаза снимали с мира покровы, и тот представал неприглядным, как вывернутый наизнанку пиджак. Лаврентий видел рытвины на гладкой коже красавиц, приходя на могилу к матери, наблюдал, как сохнут её кости, он видел, как мочатся, совокупляются и тужатся в нужниках. Для него не существовало преград, его немигающий взгляд проникал внутрь вещей, пронизывал, сверлил, сводил с ума. «Отвороти глаза», — чуя неладное, сердились мужики, проезжая мимо на телегах, вытягивали его вожжей. Корчась от боли, он морщил лоб и потом ещё долго провожал их взглядом, считая в облаках пыли гвозди лошадиных подков.

А жизнь шла своим чередом. О. Евлампий крестил, венчал, отпевал. В пост ели картофель, на масленицу — блины. Работу запивали брагой, а близнецы Трофим и Трифон, крепкие, как молот и наковальня, засучив рукава, гнули на спор подковы. В Рождественские морозы братья запирали кузню и, выйдя за околицу, задирали полушубки, показывая друг на друга пальцем, орали во всю глотку: «Посмотрите, какой урод…» Народ хохотал. Не смеялся только Лаврентий. Для него не существовало сходства, он видел лишь различия.

Лаврентий рос худым, долговязым, с бледными, впалыми щеками, постоянно сутулился, как колодезный журавль. В церковной лавке он отпускал свечи, масло для лампад, горбясь за конторкой, точно на глаз отмерял ладан, сливаясь в углу с собственной тенью. На него косились, как на диковинку, но его известность не шла дальше суеверного шёпота и сплетен на посиделках.

Подлинная история Лаврентия Остроглаза началась жарким июньским полуднем одна тысяча восемьсот семнадцатого года, когда у церковной ограды остановились верховые в охотничьих костюмах. «От Самсона не уйти», — уверенно заявил Ртищев, наводя подзорную трубу. Травили зайцев, борзые подняли огромного русака и теперь гнали его по лугу, петляя в густой траве. Было слишком далеко, Ртищев крутил окуляр, но ничего не видел. «Ставлю на Рыжего, — с показным равнодушием бросил соседский помещик, жуя травинку. У Ртищева мелькнуло недовольство. Но он не отступил. «Тысячу, — небрежно кивнул он, не отрываясь от трубы. — И Самсона в придачу»

Князь Артамон Ртищев седел изнутри быстрее, чем снаружи. У него сменилось три жены, но он так и остался холостяком, верным конюшне и псарне. Он умел подрубать уши легавым и принимать жеребят, а его скакуны и гончие славились на всю губернию. Любил он похвастаться и английским ружьём с верным боем, и расшитым бисером ягдташем. Но особой его гордостью была голландская труба, линзы которой, как он уверял, шлифовал сам Спиноза. Раз в месяц Ртищев приглашал окрестных помещиков на облаву, леса тогда наполнялись криками загонщиков и лаем собак, которые задирали хвосты перед чужаками. Они метались между деревьями быстрее своих теней, а хозяева, подбадривая любимцев, сравнивали их достоинства.

«Самсон лапу сломал», — заскрежетало рядом. На бревне сидело безресничное чудовище и, расставив, длинные, как у кузнечика, ноги, сплёвывало между колен. Ртищев обомлел, его усадьба насчитывала полторы тысячи душ, удержать которых в памяти мог лишь вороватый приказчик, но князь не терпел дерзости — вешая за рёбра, не спрашивал имён. «Тварь бессловесную грех наказывать, — говорил он с усмешкой, — тварь говорящую грех не наказать» Развернув коня, он уже вскинул плеть, когда заметил скакавшего загонщика. «Беда, барин, — издали закричал тот, ломая на ходу шапку, — Самсон в мышиную нору угодил…»

В гостиной у Ртищевых висела картина, изображавшая степную грозу. Она восхищала плавностью красок, тонким переходом от пепельной земли до тёмно синего, освещённого молнией, неба. Но живший в господском доме уже неделю Лаврентий видел грубые мазки, в нелепом хаосе громоздившиеся друг на друге. Он, как кошка, различал десятки оттенков серого цвета, разбирался в нюансах зелёного не хуже белки, а в блеклом колорите ночи не хуже совы. Для него не существовало основных тонов, а цвет в зеркале был

иным. Он видел размашистую подпись художника на обратной стороне холста, а под грунтом испорченный набросок, тщательно замалёванный. Он мог бы стать великим живописцем, но целое для Остроглаза распадалась на фрагменты, след от каждого волоска в кисти он видел отдельно, и выложенная на полу мозаика представлялась ему лишь грудой разноцветных камней.

Его навестил о. Евлампий, просил отпустить воспитанника, но Ртищев отказал. На другой день старик принёс накопления, встав на колени, со слезами молил о выкупе, и опять получил отказ. Вернувшись в сторожку, о. Евлампий слёг и больше не поднимался. Он лежал разбитый ударом и слышал, как прихожане, кормившие его с ложки, вздыхают за окном: «Ни жив, потому что безнадёжен, ни мёртв, потому что не даёт себя забыть».

И тихое довольство постепенно сползло с его лица.

У Артамона Ртищева был брат Парамон, погибший в итальянскую кампанию. Быть может, поэтому он любил всё пс̑арное: стены его кабинета украшала пара турецких пистолетов, в пролётку запрягал пару гнедых, и даже слова выстреливал по два. «Да, можно», «Нет, нельзя», «Пошёл вон!» С Кавказа он привёз двух горцев — Аслана и Бислана, — которые всюду сопровождали его, сверкая кинжалами в распахнутых бурках. Вспоминая родные аулы, они часто рассуждали о чести, но Лаврентий видел их карманы, набитые краденым табаком и мелочью, которую они забирали у горничных, изменявших с ними мужьям-лакеям. Видел он и как напрягается их кожаное копьё с обрезанной крайней плотью, когда из покоев выходила княгиня. Он видел всё, но молчал, не подозревая, что для других это может быть тайной.

А ночами, запершись в комнате при свечах, Ртищев испытывал его способности. Ловил в кулак муху и, оторвав лапку, спрашивал, сколько на ней волосков. А после проверял, зажимая пинцетом, совал в мелкоскоп. Или относил колоду на двадцать шагов и открывал карту. Лаврентий не ошибся ни разу. В насмешку Ртищев повернул туза рубашкой. Лаврентий угадал и тут. Князь был поражён. «Да ты, небось, и луну с оборотной стороны видишь…» — утирая пот со лба, пробормотал он. В последнее время дела шли не важно. А тут ещё это дурацкое пари. И мысль, родившись сама собой, захватила его, как ночь. «Только бы отыграться, — заглушая укоры совести, повторял Ртищев. — Только отыграться…»

Лил дождь, и гости съезжались к обеду с опозданием. Лаврентий, одетый в ливрею, прислуживал за столом. Переменяя блюда, он видел, как отвратительно, кусок за куском, падает в желудки еда, как бурлит пузырями кислое вино.

«Да ведь это тот глазастый, что давеча Самсона разглядел», — узнал его соседский помещик.

«Совпадение, — беспокойно отмахнулся Ртищев. — Один раз и палка стреляет…»

Все стали рассматривать Лаврентия, бесцеремонно, как лошадь на торгах.

«Однако физиономия к аппетиту не располагающая…» — подвёл черту отставной полковник с орденом в петлице.

«Сирота, — пояснил Ртищев, обрывая опасный разговор. — Чем христарадничать, пусть лучше в доме…». Он заметно нервничал.

«Что, ж, — понимающе согласился полковник. — С лица воду не пить, внешность это судьба-с…»

«А я, господа, в судьбу не верю, — сказал вдруг молоденький граф, приехавший в деревню на каникулы. — Всё в руках человека…»

«А разве не Божьих?» — переспросил Ртищев. Он широко улыбнулся, радуясь про себя, что сменил тему.

«Вы вот всё шутите, — ковыряя стерлядь, гнул своё граф, — а возьмите меня — мечтал стать юнкером и стал, хоть маменька и были против…»

Полковник подавил усмешку. «А, по-моему, мы лишь исполнители, — откинулся он на стуле. — Ну что нам отпущено? Детей наплодить, да убить себе подобного… — Он машинально протёр рукавом орден. — Роль-то у нас куцая, от сих до сих, дальше собственного носа не видим…»

«Ну не скажите, — горячился граф. — Свобода воли, предопределение…» И сбившись, покраснел. Ртищев поспешил, было, его выручить, но, открыв рот, осёкся, вспомнив предстоящее ему дело.

Стало слышно звяканье вилок. В комнате рядом пробили часы с кукушкой.

«А я вот как думаю, — вступил в беседу соседский помещик. — Все мы плывём на льдинах, изо всех сил карабкаемся на их бугры, надеемся горизонты раздвинуть, а что толку — одних в море выносит, других к берегу прибивает…»

Лаврентий читал по губам, но смысла не понимал. Никогда раньше он не слышал подобных речей. Зато он видел, как от них волнуется в жилах кровь. Он видел шишковатую голову полковника, перхоть под седой шевелюрой, косые шрамы от турецких ятаганов, и думал, что эти люди, которых он считал богами, мучаются так же, как он.

«А что, господа, — прерывая общее молчание, предложил Ртищев, — чем философствовать, не соорудить ли нам банчок?»

Играли всю ночь. Пошатываясь от бессонницы, последним на рассвете уезжал молоденький граф. «Вам повезло», — пробормотал он, бледный, как полотно, записывая долг на манжете. Ртищеву и впрямь отчаянно везло. Лаврентий был всё время рядом, стряхивал с костюмов мел, подавал рюмки и огонь для сигар. Он не слышал разочарованных вскриков, зато видел звук, который плыл вниз по парадной лестнице, сворачивая за угол. Князь так и не обратился к нему за помощью, но его присутствие вселяло уверенность.

«Летом в Петербург поедем, — угощая шампанским, зевнул он, разгребая гору ассигнаций. — А оттуда в Монте-Карло…»

«Не поедем», — подумал Лаврентий.

Он увидел опухоль в его мозгу.

Как ни скрывал Ртищев нового камердинера, шила в мешке не утаишь. «А где же Ваш линкей[1]?» — спрашивал губернский доктор, поставив князю пиявки. — Весь уезд говорит…» Ртищев смущался: «Ходят небылицы…» Но доктор не отставал. «А правда, что он пятак насквозь видит —

1 Герой греческой мифологии, отличавшийся острым зрением.

и решку, и орла?» Доктор сгорал от любопытства, его пенсне чуть не выпадало из глазниц. В ответ Ртищев разводил руками, приглашая к самовару. «Жизнь у нас скучная, — заговаривал он зубы, — вот и мерещится, чёрт знает что…». Доктор вежливо интересовался урожаем, обещал в другой раз осмотреть княгиню, страдавшую хроническим недомоганием, а под занавес вдруг пускался в объяснения. «Древние полагали, будто из глаз выходят тончайшие щупальца, которые облизывают предметы, как язык змеи, современная же медицина настаивает, что это свет проникает в глазные яблоки и, отражаясь на сетчатке, раздражает зрительные нервы. Немецкая школа вообще считает, что глаза это вынесенные наружу кусочки мозга… — Доктор промокал платком вспотевшую лысину, разливая кипяток в блюдце. — Конечно, медицина шагнула вперёд, но отчего тогда мы ловим спиной чужой взгляд? — И, сдувая чаинки, заключал — Его в Петербург надо…»

Ртищев демонстративно вставал. «Ну, полноте, полноте… — удерживал его доктор. — Это я так, теоретически…» «А слышали, — добавлял он, уже трогая шляпу, — мальчишка-граф застрелился, говорят, проиграл казённые…»

А Ртищеву становилось всё хуже. Не помогали ни песочные ванны, ни кровопускания, которые прописывал доктор. Он уже с трудом держался в седле, а во сне всё чаще скакал верхом без коня. И чем ближе была кончина, тем чаще он видел ребёнка посреди моря жёлтых одуванчиков. Ему около пяти, у него пухлое лицо, коленки в ссадинах. «Арта-а-мон», — сбиваясь на визг, зовёт гувернантка, но её крики делаются всё глуше. Ребёнку весело, оттого что обманул maman, сбежал на лужайку за дом, он совершенно один, вокруг гудят шмели, слепит солнце. И вдруг его пронзает ужасная мысль, что всё это, раскинувшееся вокруг, пребудет опять и опять, а он исчезнет с лица земли неведомо куда, и это случится непременно, и поделать с этим ничего нельзя. «А где же я буду, когда меня не будет, — думает ребёнок. — И где был?» От накатившего волной страха он не смеет шелохнуться, застыв с широко открытыми глазами. «Ах, вот Вы где, Артамон… — вышла из травы гувернантка, с красными пятнами на шее. — Маменька ругаются…»

А теперь Ртищеву не было страшно. Только ночами подступала невероятная грусть. Он чувствовал себя книгой, написанной мудрейшим автором, она томится на полке, ожидая благодарного читателя. Но тот проходит мимо, а её хватают не те. «А где было взять тех?» — эхом взрывалось в мозгу, и мысль убегала, уличённая в бесплодии. «Спешите любить…» — накрывшись простыней, неизвестно кого наставлял Ртищев, чувствуя, что забирает с собой целый воз нерастраченной любви. Из прошлого он видел и будущее, к которому шёл по разведённому мосту. «Видишь ли ты ад?» — плакал он, прильнув к Лаврентию. «Вижу», — крутил головой Остроглаз, косясь по сторонам. А иногда, вздрогнув от деревянного голоса, Ртищев отталкивал слугу. «Ты вот всё видишь, а нищий, — раздражённо язвил он. — А я, слепой, прикажу — и тебя высекут… Вот оно: видит око, да зуб не имет…»

А оставшись один, читал Евангелие, искал утешение, но не находил, вспоминал книги про неудачников, разнесчастных горемык, повсюду лишних. «Это не про меня, — думал он когда-то, читая их злоключения. Но прошло двадцать лет, и он встал в их ряды. Судьба всех манит путеводной звездой, а потом бросает на половине дороги.

Во сне Ртищев видел тысячи глаз, молча наблюдавших за ним, точно индийский божок, про которого ему рассказывали в Париже. Ему отчего-то делалось стыдно, он пытался оправдываться, но, ещё не проснувшись, понимал, что несёт детский лепет.

Умер Артамон Ртищев, прикованный к самому себе, сосредоточившись на своей особе, как почтальон на вверенной ему дорогой сумке, которую обязался доставить по назначению. Приподнявшись на локте, он дул воздух, силясь что-то произнести, но его последних слов не разобрали. И только Лаврентий прочитал по губам: «Иду к Парамону…»

После панихиды ели кутью, вспоминали заслуги покойного. «Послужил верой и правдой царю и отечеству…» — неслось то и дело с разных концов стола. «Про империи хорошо читать, — вставил вдруг отставной полковник, захмелев на глазах, — а жить лучше в маленькой стране, вроде Дании, — там народ делает всё, кроме истории…» «Что Дания? Тюрьма… — насмешливо возразил соседский помещик. — А Россия…» И через четверть часа имя мёртвого хозяина Домокеевки забылось, утонув в бесконечном русском споре.

Ртищев обещал Лаврентию волю, но слова не сдержал. В завещании об этом не было ни строчки. Зато князь пристроил своих любимых борзых, распределив их между соседями. Продав часть имущества, вдова уехала на воды за границу, а Лаврентий Бурлак вернулся в село. Приняли его в штыки. Теперь все догадывались, что от его взгляда, прожигавшего крыши, как бумагу, было некуда деться. Жёны отказывались ложиться с мужьями, стесняясь делить кровать на троих. Его невольное соглядатайство делалось невыносимым. И тогда Лаврентия стали на ночь привязывать к кровати рядом с о. Евлампием, отворотив голову на сторону, с которой не заходили, предоставив его всевидящему оку пустоту полей и дикость лесов. А с утра отряжали в пастухи. Лаврентий за версту выглядывал волков, уводя стадо, куда Макар телят не гонял. И ни днём, ни ночью для него не было покоя. Под слоями дневного света он различал тёмные лучи, а во тьме его совиные глаза рисовали ноктюрны, в которых, светляками, брызгали зарницы. Он искал спасенья от внешнего мира и не находил. Даже сон не мог надеть ему тёмные очки: Лаврентий буравил их, как прозрачное стекло. Теперь он с завистью видел сомкнутые веки и глаза, ограниченные в пространстве полем зрения.

Два раза приезжал доктор, но Лаврентий только мычал, а на все уговоры раскачивался на стуле, точно невменяемый. Цокая языком, доктор осматривал о. Евлампия, назначал травяную микстуру и, ничего не добившись, уезжал восвояси. По его навету из города приезжал и следователь. Два жандарма заполнили собой избу, пока он

вёл допрос. Однако, промучившись часа два, следователь плюнул на пол и, щёлкнув каблуками, откланялся.

На этом заканчивается история Лаврентия Бурлака, прослывшего уездным чудом. При иных обстоятельствах его талант мог дать дивные всходы, но ему суждено было провести жизнь среди посредственных людей, наблюдая мелочные страсти и скудные устремления. Перед его глазами проходила череда нелепых жизней и бессмысленных смертей, на которую он взирал со злым равнодушием.

На этом заканчивается официальная история Лаврентия Строглаза.

И начинается её сокровенная часть.

Поводырь

Биография героя, которая дошла до нас в обрывках легенд и преданий, берёт своё начало задолго до его рождения.

В том месте, где нет времени, двое всадников, различных, как день и ночь, держали между собой шапку, в которую по очереди бросали кости. Светловолосый скрестил ноги на конской шее, чернявый сидел задом наперёд, болтая сандалиями, будто шёл по дороге.

«Твой хозяин опять недоволен, — заметил он, прислушиваясь к нарастающему свисту. — Всё учит…»

«Надеюсь, твой хозяин когда-нибудь внемлет его доводам…» — отозвался светловолосый.

Чернявый почесал ногтем щеку.

«Тебе ли, мой друг, не знать, как лгут слова… — выдохнул он, не размыкая губ. — Любое заключение тонет в допущениях» Он поморщился, кивнув в сторону свиста раздвоенным, как копыто, подбородком. А свист превращался почти в оскорбление, точно кто-то проглотил дудку. Лошади захлопали крыльями по бокам, но тени на облаках не повторили их движений.

«Однако чем же нам скрасить ожидание… — не встречая возражений, продолжил чернявый, перебирая в ладонях игральные кубики. — Слышал, у тебя новый подопечный?»

Светловолосый неопределённо кивнул.

«Я знаю, души нельзя ставить на кон, так разыграем его тело… — ухмыльнулся чернявый, метнув пару шестёрок. — Ну вот, слух — мой… «Уж не услышит он слов правды и щебетанья птиц…» — пропел он издевательским фальцетом. — Однако этот свист — хоть уши затыкай…»

Светловолосый боролся с искушением, как стрелка с циферблатом.

«А я выбираю глаза, — виновато пробормотал он, когда брошенные его рукой кости повторили очки соперника. — И подарю ему орлиное зрение…»

«Не знаю, кто из нас сделает его более несчастным», — рассмеялся чернявый, лошадь под которым втаптывала в воздух собственную тень.

Чтобы многое видеть, заключает легенда, нужно быть ангелом. Ибо люди жестоки, от их алчного невежества приходится скрывать свой дар, словно увечья или деньги. Впрочем, всякая судьба трагична по-своему.

Как бы там ни было, мир не принял Лаврентия Строглаза. Мёд тёк у него по усам мимо рта, и он убеждался, что каждый человек, как цыган, носит за щекой бритву. Теперь он всё чаще вставал не с той ноги, замечая, что волос у него с утра больше, чем к вечеру, а в зеркале он выглядит лучше, чем в действительности. На его сетчатке копились сцены предательства, обмана, лицемерия, отпечатались картины лакейского подобострастия и барского гнева, в его глазах застыла злоба отца, презрение кормилицы, оживали последние дни Ртищева, его абреки, как запертые по чуланам крысы, блудившие с горничными после похорон, плоские лица помещиков, коптивших небо по разбросанным в округе усадьбам, он видел чужие грехи, как собственные страдания, и его зеницы, переполняясь увиденным, заливали белки. Он вспарывал ими избы, из которых не выносят сор, и видел, что люди, как побелённые надгробия, — снаружи украшены, а внутри полны мёртвых костей.

Мир не выдерживает пристального взгляда, он отворачивается. Мир — опытный преступник, он убивает свидетелей. И Лаврентия гнали со двора все, кому не лень — и милосердные прихожане, и добродушные кузнецы, и присланный на место о. Евлампия священник. Даже о. Евлампий тяготился его присутствием, больного смущал неотступный взгляд его бессильной сиделки. И каждый раз, собирая на заре стадо, Лаврентий отправлялся на поиски иного мира. Он шёл, куда глаза глядят, не разбирая дороги, и однажды набрёл на скит, темневший как остров, вокруг которого колыхались моря «куриной слепоты». Через дубовую дверь он разглядел старика, — смешно приседая, тот чесал спину об угол, а его борода, свесившись с печи, мела пол. «Я давно тебя слышу, — шевелил он губами. — Не стой на пороге…» А когда Лаврентий согнулся под низким потолком, добавил: «Все идут навстречу миру, да не ведают, где разминулись…» Отшельника звали Савва. Его веки были бесполезными, как приспущенные флаги, потому что Савва был от рождения слеп. Зато он мог по комариному писку отличить самца от самки, различал скрип сосны от потрескивания осины, знал, шумит ли ветер в шерсти волка или лисы, и хвалился, что за версту слышит, как трутся мысли о череп. «Ты силён оком внешним, а надо — внутренним», — учил он поселившегося у него Лаврентия. И тот стал замечать, что мир заселён лишь наполовину. В нём были следствия, но не было причин, были поступки, но не было мотивов. Этот мир был, как сломанная стрела, один наконечник без оперения, и поэтому он не мог лететь, а лишь бесцельно кувыркался, имитируя движение. «Мир это разорванная страница, — думал Лаврентий, — чтобы прочитать его тайнопись, нужно приставить утраченную часть» И стал всё чаще заглядывать в себя. А там отражались невиданные доселе картины: бывшее и не бывшее, настоящее, которое могло случиться, но не произошло, оживали духи страстей и пороков, бесы и ангелы, которые жгли плоть, ловкие демоны и неутешные серафимы.

Теперь, в этом целостном мире истина была неотделима ото лжи, а добро от зла. И над всем, как солнце над горами, высилось прощение.

«Зачем глаза, если видишь свет», — стал понимать Лаврентий слова Саввы.

Раз он наблюдал, как прилетевшие с небес вороны бросили вниз куски мяса, из которых восстал человек. «Я — Адам, — сказал он, пока птицы вновь расклёвывали его тело, — после грехопадения меня обрекли на вечную казнь, каждый раз, когда меня собирают, рождается человек, когда расклёвывают, — умирает…» «Он врёт, — скосив зрачок, каркнул ворон, обнажая красный зев, — он берёт на себя чужие грехи, а у него своих предостаточно… Это Пилат…»

«Человек умирает не от этого, — подтвердил Савва, помешивая желудёвую похлёбку. — На одну чашу кладут его радости, на другую — печали, он умирает, когда печали перевесят…»

О себе Савва ничего не рассказывал. Но был таким старым, что казалось, будто он жил всегда. «Мир висит на волоске, тот волосок на лысине, а лысина в цирюльне, — бубнил он, как ворожея, спускаясь по вылизанному ветром крыльцу. — Одни гордятся, что родились на Пасху, другие, — что не родились вовсе…»

А бывало, поучал, упёршись слепыми глазами на огонь, пожиравший поленья. «Постятся, крестятся, капища церковные посещают… Только заповеди — для людей…» «А что для Бога?» — затаив дыхание, спрашивал Лаврентий. «У каждого — своё, — ворошил кочергой угли Савва. — Бог не соска — каждому в рот не сунешь…» Лаврентий видел, как от жара краснеют его руки, как, раскаляясь, железо начинало сжигать с них мясо, обнажая жёлтые кости. «Каждый сам себе крест, — продолжал Савва. — Один царь проснулся раз в хорошем настроении. «Чью преступную голову мне сегодня сохранить?» — вызвал он первого министра. «Свою», — ответил тот, закалывая его кинжалом. Откуда царю было знать, что министр давно готовит заговор, он думал, что распоряжается чужими головами, а, оказалось, не волен над своей… — Савва на минуту умолк, и, выставив вперёд палец, едва не проткнул Лаврентия. — Ему и царство было дано, чтобы узреть через него собственное ничтожество, а он не понял…»

И тут Лаврентий очнулся от сна, который выучил уже наизусть. Была ночь, и луна, как узник, припадала к решётке. Он валялся привязанный сельчанами к кровати и выл от одиночества.

Однажды утром о. Евлампий обнаружил свои руки, которые ему вечером сложили под изголовье, у себя на груди. Это было чудом. Он стал горячо молиться, благодаря Господа за то, что Он избавил его от неподвижности. И в этот момент понял, что умер. Его глаза прикрывали медяки, он лежал посреди пустой церкви, в холодном, грубо струганном гробу, а в гнезде из его пальцев трепетала свеча.

После смерти о. Евлампия Лаврентий стал везде лишним. На него смотрели с состраданием и отвращением, как смотрят на раздавленную мышь. Пригоняя стадо, он возвращался туда, где у него никого не было, а в окрестных деревнях его считали умалишённым. Он слышал голоса и разговаривал сам с собой. Бродя с выпученными, как у лягушки, глазами, он стучал посохом, и его громкий, отрывистый лай далеко разносился в ночной тишине. Встреча с ним считалась дурной приметой, боялись сглаза, и тогда догадались повесить ему, как прокажённому, на шею колокольчик. «Савва, Савва, — присев на корточки посреди дороги, причитал он, обнимая колени. — Зачем ты оставил меня…»

Дни по-прежнему вили из времени верёвки, заставляя добывать хлеб в поте лица. Крестьяне хлебали щи, плели лапти и, зевая, крестили рты. На престоле уже сидел Николай, а в Домокеевку княгиня прислала нового приказчика. Герр Краузе, швабский немец, был скуп и немногословен. «Нужно много арбайтен», — вздыхал он, видя покосившиеся заборы и разорённые нивы. Его интересовали только налоги и подати, он был вдовцом, и мечтал, скопив денег, вернуться на родину. В России герр Краузе чувствовал себя, как подсолнух среди сорняков — и важничал, и боялся. А чужбину терпел ради маленькой дочери, которой, ох, как скоро, понадобится приданное. Герр Краузе разбирался в горном деле, и его таланты пригодились, когда в оврагах за Домокеевскими холмами нашли уголь. Стали рыть шахты, вместо вил и кос деревенским раздали кирки и лопаты, ибо приказчик твёрдо решил поправить хозяйство за счёт богатых копей. Немец расхаживал между вывороченных куч, красный, засучив рукава до локтей, покрикивал, грозя узловатыми кулаками. Он был кряжист, страдал отложением солей, и его суставы хрустели за версту.

Остроглаз узнал в нём человека, которого расклёвывали вороны.

А столкнулись они при таких обстоятельствах. Шёл покос, мужики от зари до зари пропадали в поле, сверкая коленями, вязали снопы согнувшиеся в три погибели бабы. Гремя колокольцами по медвяной росе, Лаврентий гнал мимо стадо и тут, как из гнезда, выпал из своего времени. Его беспокойный взгляд скальпелем резал небо, на котором ангел проигрывал в кости демону его слух. «Не знаю, кто из двоих делает тебя более несчастным, — прочитал он в усмешке чернявого всадника. — Чтобы справиться с ангельским зрением, нужно быть ангелом…» Лаврентий остолбенел. Он понял, что всё предопределено, что ему уготована судьба изгоя, которую нужно искупить. От его проницательности не укрылось, как криво подмигнул ему демон, как, поперхнувшись свистом, призвал его к смирению ангел-хранитель, перед ним промелькнул парад небожителей, сводивших жизнь к шахматной партии. Он видел, как трутся о землю их тени. Но лишь бессильно сжимал кулаки и сыпал проклятия. А деревенские видели нескладную, долговязую фигуру, кричавшую до хрипоты в бескрайнюю синеву. Лаврентий был страшен, он задрал голову, его глаза вылезали из орбит. В них скопились за годы косые взгляды, которые теперь он возвращал с безумной хулой. И вдруг налетела буря. Небо сделалось с овчинку, град побил урожай, выставил окна. Слыша громовые раскаты, крестьяне катались по земле, отчаянно крестились, вспоминая про огненную колесницу Ильи пророка. Мычащие коровы без пастыря раз-

бредались по округе. А на другой день поползли слухи, что беду накликал Лаврентий. У флигеля собралась толпа, выволокла Остроглаза на улицу и, обдавая запахом лука, потащила к приказчику. Лаврентий не понимал, за что его судят, — чем лучше человек, тем труднее ему понять окружающих. Немец вышел на крыльцо заспанным, всю ночь он подсчитывал убытки от урагана и теперь отдыхал. «Это он видел бесов, — закричали в толпе, выталкивая вперёд Остроглаза.

Герр Краузе не вникал в местные обычаи, которые презирал. «Чего изволите от меня хотеть…» — спросил он недовольно. Толпа молчала. Они не знали или не решались сказать. «Выколи ему глаза», — вдруг заорал кто-то и вся толпа, точно волчья стая, подхватила. — Выколи, выколи…» Герр Краузе отшатнулся. «Варварская страна», — по-немецки подумал он, жестом приглашая Лаврентия в дом. «Это правда, — усмехаясь, спросил он, когда дверь за ними закрылась, — ты видел беса?» «Я видел небеса», — ответил Остроглаз. «Он видел не беса, — громко объявил немец, переступив через порог. — Ступайте арбайтен…» Но толпа точно с цепи сорвалась. «Извелись с окаянным, — голосили бабы, — в огороде не присесть, до ветра не сбегаешь…» «Избави, кормилец…» — поддерживали их басом мужики. Немец опять прикрыл дверь. «Отчего здесь так не любить друг друга», — глухо пробормотал он. Не зная на что решиться, вылил на голову ушат студёной воды. «Однако чем ты им так досадил?» — обернулся он к Лаврентию. «Ви́дением», — вымолвил тот. Немец закашлялся. «Что есть виде́ние? — покачал он головой, наблюдая через окно толпу. А потом стиснул зубы, вышел, упрямо играя желваками. «Смотреть и видеть — разные вещи, — упёр он руки в боки. — Я не нахожу на нём вины…»

Деревенские расходились понурые. На заднем дворе клевал зёрна петух, в углу комода, сев на варенье, выпускала жало полосатая оса, а в дальних покоях, видел Лаврентий, возилась с куклой белокурая дочь герра Краузе.

«Вот оно счастье, — подумал Лаврентий, — близок локоток, да не укусишь…»

Прошёл год. Лаврентий как-то сразу постарел. Он осунулся, поблёк, а одежда висела на нём лохмотьями. В складках на поясе у него болтался нож. «С паршивой овцы хоть шерсти клок», — определил деревенский староста, пристроив его сторожить угольные разрезы, и он бродил ночами между печальных, безжизненных холмов, считал за тучами звёзды и выл на луну. Про него сразу забыли, отселив, точно вырезали из памяти, но при встрече улыбались, словно давнишнему знакомому, показывая, что не держат зла. Он был для них, словно хорёк, таскавший кур, а теперь затравленный в своей норе. Он ненавидел своих палачей, а между тем они заслуживали снисхождения. Ведь их «я» ещё не сцепилось, как у животных или детей.

Лаврентий жил в аду. Однако у каждого есть и свой рай. Это его прошлое. Уходя в него, мы переживаем события уже отстраненно, как боги, обнажая их голую суть. Перебирая картины прошлого, Лаврентий воскрешал о. Евлампия, которого теперь любил, перед ним представал властный Артамон Ртищев, вызывающий после смерти жалость, не видевшие ничего, кроме беспросветной нужды, уставшие от тягот родители, которых он больше не винил в своих злоключениях. И он понял, что в том царстве, куда попадут все, земная жизнь предстанет в ином свете, что её будут проживать вновь и вновь, обращая теперь внимание не на её тёмные стороны, а на чистые и светлые, мимо которых пронеслись с зашоренными глазами, подгоняемые вымышленным кнутом.

Копали без устали, вывозя в тачках комья бурого глинозёма, сбрасывали в карьер, торопились успеть к именинам государя.

На открытие шахты прибыл губернатор, и поглазеть на него высыпала вся деревня. Губернатор казался взволнованным, произнёс напыщенную речь, но Лаврентий видел, как медленно стучит его сердце, разгоняя по жилам вялую кровь. Он заметил в его нагрудном кармане письмо, отзывающее в столицу, и понял, что его мысли далеко. Из церкви вынесли иконы, священник брызгал водой, бормоча: «Во имя Отца, Сына и Св. Духа». Лезло из бутылок шампанское, вспоминали обеды покойного Артамона Ртищева, соседский помещик декламировал стихи. А растолстевший герр Краузе бойко распоряжался, подводя гостей к ивовой корзине, предлагал спуститься. Многие соглашались, точно речь шла о винном погребе. Рабочие зажигали смоляные факелы, вручали спускавшимся, которых одного за другим глотала яма. А снизу доносился смех, гуляли по коридорам между свай, освещая факелом тёмные своды, беспечно разбредались по разветвлённому лабиринту. Расправив плечи, немец расхаживал между группками, зажав в кулаках большие пальцы, гордый, как павлин, стараясь быть на виду у губернатора. В суматохе он не заметил, как спряталась в корзине его дочь. Хватились её, когда подняли последнего из спускавшихся. Но было поздно. В этот момент с гулким эхом рухнула одна из опор. Прокатившаяся по земле дрожь, как гром средь ясного неба, передалась гостям. Они остолбенели. От смерти их отделяли минуты, и, бледные, они представляли себя погребёнными в этом каменном мешке, в этих мрачных, зияющих чернотой пещерах.

«Господа люди, господа люди… — раненой птицей заметался герр Краузе, беспомощно хватая за рукава. — Ради всего святого…» Он стал жалким и растерянным. «Нельзя, барин, — выдавил старик, почерневший от угольной пыли, — рудничный газ…» Немец совсем обезумел. Расталкивая рабочих, он бросился к яме. Его еле оттащили. В отчаянии все сгрудились на краю колодца, страшного, как адская пасть. А где-то в его чреве был замурован ребёнок. Лаврентий ясно видел девочку в боковой штольне. Прислонившись к камням, она в ужасе закрыла лицо руками, не в силах даже заплакать, и Лаврентий узнал в ней себя, когда в грязных сенях лежал на коленях у мёртвой матери, вперившись в темноту. «Спускайте меня», — твёрдо произнёс он, шагнув к корзине. Какая-то неведомая сила исходила от него, и ей было невозможно противиться. Его огромные глаза горели огнём, словно впереди у него была тысяча жизней. Верёвка со скрипом опустила его под землю. Пахло могилой, он задыхался, смрад

ел глаза. Временами он двигался только на ощупь, как крот. Но девочка, по счастью, была недалеко. Разбирая завал, Лаврентий старался её успокоить, и его голос впервые звучал ласково и нежно. Она прижалась к нему в кромешной тьме, а он отворачивался, стараясь не оцарапать её небритой щекой. Но обратной дороги ей было не выдержать. Ядовитые пары продолжали скапливаться, проникая в лёгкие вместе с отравленным пылью воздухом. И тогда Лаврентий оторвал с рубахи лоскут, ударил себя ножом в предплечье. Смочив тряпку в крови, приложил к лицу девочки…

Кашель разрывал ему грудь, когда он нёс её на руках, дорогой длиной в судьбу, когда, положив в корзину, из последних сил дёрнул верёвку. Сам он потерял много крови и уже не смог перелезть через ивовые прутья. Он опрокинулся на спину, сцепив руки, застыл в наивной позе новорождённого.

Наверху бросились растирать ребёнку виски, целуя его, отец благодарил небо, которое равнодушно взирало на воздетые руки. Потрясённые чудесным спасением, плакали женщины, прижимая к юбкам босоногих детей, обомлевшие мужчины с благоговейным ужасом косились на иконы. Улучив момент, священник тряхнул космами, и над долиной, ломая тишину, торжественно и радостно полилась «Богородица».

А со дна бездны Лаврентий Бурлак в последний раз взглянул на солнце.

Но не увидел его.

Он умирал слепым.

г. Москва

ДиН память

Алексей Прасолов

За то, что ты не знал границ

«Но лишь божественный глагол…»
А. С. Пушкин

Лучи — растрёпанной метлой.
Проклятье здесь и там —
Булыжник лютый и литой —
Грохочет по пятам.

И что ни двери — крик чужих
Прямоугольным ртом,
И рамы окон огневых
Мерещатся крестом.

Как душит ветер в темноте!
Беги, беги, беги!
Здесь руки добрые — и те
Твои враги, враги…

Ногтями тычут в душу, в стих,
И вот уже насквозь
Пробито остриями их
Всё, что тобой звалось.

За то, что ты не знал границ,
Дал воле имя — Ложь,
Что не был рожей среди лиц
И ликом — среди рож.

Лучи метут, метут, метут
Растрёпанной метлой.
Заносит руку чей-то суд,
Когда же грянет — Твой?

Опять мучительно возник
Передо мною мой двойник.
Сперва живёт, как люди:
Окончив день, в преддверье сна
Листает книгу, но она
В нём прежнего не будит.

Уж всё разбужено давно
И, суетою стеснено,
Уснуло вновь — как насмерть.
Чего хотелось? Что сбылось?
Лежит двойник мой — руки врозь,
Бессильем как бы распят.

Но вот он медленно встаёт —
И тот как будто и не тот:
Во взгляде — чувство дали,
Когда сегодня одного,
Как обречённого, его
На исповедь позвали.

И сделав шаг в своём углу
К исповедальному столу,
Прикрыл он дверь покрепче,
И сам он думает едва ль,
Что вдруг услышат близь и даль
То, что сейчас он шепчет.

Синяя тетрадь

> Вот эта синяя тетрадь
> С моими детскими стихами.
> Ахматова

Дорогие читатели! Предлагаем вашему вниманию произведения финалистов Пятого Красноярского молодёжного регионального конкурса поэзии и прозы им. В.П. Астафьева «Чистая купель».

Екатерина Макарова 11 класс
с. Преображенка Ачинского р-на

Глотаю свет настольной лампы,
Хочу понять, где явь, где сон…
Глотаю свет настольной лампы —
И плачу с ветром в унисон.

Все кружева и все браслеты
Бросаю — мне поставлен мат.
Мои последние монеты
Сжирает жадно автомат.

Не пью сердечную микстуру.
Будь благодарен мне, герой!
Где б ты нашёл такую дуру,
Когда б не встретился со мной?

Закричали истошно, запрыгали.
Заплескали крылами. Сцепилися.
Били клювами друг друга, как мотыгами.
И с белесой крыши вон покатилися.

Но упали врозь. Разлетелись вверх.
Запеклась на перьях воронья кровь.
И звучал вдали лишь собачий смех,
Да задёргалась снежной тучи бровь.

Налегла пурга на узорный след
Малодушных птиц небольшой войны.
Не смогли они разделить свой хлеб,
Крохи, что на жизнь были им даны.

Облаков осенних вереницы
Улетают в дальние края,
А за ними улетают птицы,
Не дождавшись даже октября.

Первый лёд на лужах утром ранним,
Пожелтела поздняя трава.
И уже готовить надо сани,
А ещё так хочется тепла!

Небо стелет холодная тьма.
Лёгкий снег от дыхания тает.
У меня есть вот эта зима.
Есть зима, но тебя не хватает.

Сижу я на крыше,
И вижу — поля,
Дома и заборы —
Родная земля.

В небе скворец
Звенит чистой трелью.
Черёмуху вскоре
Разбудит капелью.

Ручьи по дороге
Бегут, семеня.
Всё тихо и мило.
И всё для меня.

Мне холодно. Я в комнате одна.
В руках — стихотворений старый том.
А за окном разлучница-луна
Льёт свет на стёкла, скованные льдом.
Замёрзли пальцы. Губы холодны.
Горящим взором в зеркало гляжу:
Наверное, мы оба так бледны,
Но про тебя я точно не скажу.
Всё тихо. Только ходики стучат.
И под рукой, мурлыча, дремлет кот.
И снова мысль «Кто же виноват?»
Вчитаться в эти строки не даёт.
И нам с тобою не дано понять,
Зачем меня ты полюбить сумел…
Нам лишь дано любить… дано страдать…
А думать — почему? — не наш удел.

Иван Луневский 12 лет
п. Бахта Туруханского района

Рыбалка

После школы вечерком,
Накопав червей побольше,
К Енисею прямиком,
Порыбачить чтоб подольше.

Мы картошки напечём
На углях костра ночного.
Разговоры поведём
В ожидании улова.

Шевелится поплавок,
Вот и он исчез из виду.
Значит, рыба на крючке.
Я уже удачу вижу.

Дёрнул резко, и сижок
Серебрится гладким боком!
Колька сердится, кричит:
У него сорвался окунь.

Вот конец пришёл рыбалке,
Всем уже пора домой.
Окуней несём на палке,
Прощай, мой берег дорогой!

Никита Шитц 12 лет
г. Лесосибирск

Цветистый луг
Прекрасный луг, усеянный цветами,
Так широко раскинулся в полях.
А вдалеке высокими холмами
Растут деревья, словно второпях.

На небе солнце светит очень ярко,
А рядом с солнцем облака плывут.
Вот тут цветы растут под зноем жарким,
И птицы радостно о солнышке поют.

Дарья Попова 6 класс
г. Назарово

Энергия жизни
Энергия бывает разная: электроэнергия, гидроэнергия, солнечная энергия и т. п. Но я знаю ещё один вид энергии — спорт. Эту энергию я предпочитаю. Красноярские Столбы, Ергаки, зимние лыжные походы — вот моя стихия!

Я хочу описать хотя бы один день похода по Ергакам. Мы пошли на «Птицу» вдвоём с мамой, а остальные остались в палатке. По дороге мы зашли на озеро набрать воды, но возле берега вода была мутной, пришлось выложить дорогу из камней, чтобы зайти поглубже. Перескакивая с камня на камень, мы добрались до чистой воды, наполнили фляжки и отправились со спокойной душой дальше.

Повсюду было так много троп, что мы едва в них разбирались. Наконец-то перед нами маленькая сыпучая скалка, выступившая из мелких камушков! Мы сделали привал, сориентировались и пошли дальше.

Мы шли горами, долины которых покрыты цветами, и лесами, полными неожиданностей. По пути меня очень заинтересовало толстое, ветвистое дерево. Ветви его были настолько густыми, что едва ли можно было сквозь них что-то разглядеть. Не дерево — а шалаш. Я его сфотографировала, облазила все его ветви, и мы пошли. Пройдя метров пять от него, очутились на лугах с красивыми цветами, распространяющими свой аромат повсюду. А лес будто сомкнулся за нами.

Мы ещё долго шли лугами и, конечно же, не могли поминутно не останавливаться, для того чтобы сфотографировать эту красоту. А какой там свежий воздух, горный, у нас такого нет! И вот вдали показались «Птица» и пик Звёздный, а между ними — «Чёртов палец»!

Когда мы поднялись, то увидели две слойчатые скалки и остановились полазить по ним. Я зашла на одну из них, как по ступенькам. Правда, они были очень малы для меня, я едва держалась ногами и руками. Какой открылся передо мной вид! Я с восхищением воскликнула: «Мама, я вижу Светлое озеро!» Но это было никак не оно, то озеро, которое я увидела, носило названье Медвежье.

И вот перед нами крутой подъём на «Птицу». Только мы начали подниматься, а оттуда бегут восходители и кричат: «Не ходите, там идёт штормовой фронт! Скоро туман будет сплошь и рядом! Вы друг друга в трёх метрах потеряете!» А мы им: «Ну, как же не достигнуть цели? Мы сюда шли четыре часа!» А все бегут, кричат, суетятся! Мы же — идём наверх, нам хоть бы что.

И вот мы на вершине, но густой туман быстро ползёт откуда-то издали! Вот он уже начал окружать нас и через считанные минуты поглотил всё вокруг…

Я в ужасе вскрикнула: «Мама, смотри!» И застыла на месте. Я неожиданно увидела, что стою на краю пропасти, глубиной метров 200, а то и больше. Но едва я это заметила, как густой туман преградил мне обзор!

До этого был день необычайно солнечный, и мы ничего тёплого не взяли, кроме курток от ветра и кусков полиэтилена, служивших нам накидками, поэтому, находясь так далеко от палатки, решили: «Переждём!» А я быстро освоилась рядом с пропастью, так как её пугающей глубины уже совсем не было видно. Мы нашли нишу в скале, уселись поудобнее и стали наблюдать за происходящим. Постепенно начал накрапывать всё сильнее и сильнее противный мелкий дождик. Скала стала протекать сквозь щели, ветер усилился, начинался тот самый ураган, от которого бежали люди. Но мы-то ещё здесь! На высоте 2000 метров! Срочно вниз!

Мы завернулись в полиэтиленовые накидки и начали спуск. Но кто-то из нас двоих шёл осторожно, а кто-то в это время осуществлял свою заветную мечту «научиться летать». Подскакивая по скользким от сырости камням, я будто «летела». Эти огромные каменные глыбы, сплошь покрывающие вершину, служили мне для осуществления мечты. Я прыгала с одного камня на другой в развевающейся накидке, словно летела. Ах, какие счастливые были эти минуты! Но вскоре они закончились. Дальше… равнина. Какое несчастье! Какая досада, что всё осталось позади.

Даже красивые цветы меня не радовали, да к тому же мы были мокрые насквозь. И вот мы у того толстого дерева с длинными, не пропускающими свет ветвями. И вовремя, потому что новый порыв ветра буквально валил нас с ног.

И снова вниз! Вниз! Мы уже близко к цели, но дождь всё лил и лил. Тут я увидела большой камень, стоявший прямо у тропинки. Вершина его была во мху, а сам он блестел от сырости. По нему бежали маленькие ручейки. И выглядел он так заманчиво, что меня потянуло к нему, я при-

жалась к этой громаде, а она — тёплая! «Мама! Камень тёплый!» Чудеса… Вот она — живительная энергия солнца!

…Когда мы добрались до палатки, у меня настолько окоченели руки, что я еле-еле сняла свою мокрую куртку. Как здесь было тепло и уютно! Но как ни мёрзни, как ни промокай на Ергаках, всё равно не заболеешь! Это загадка природы, сохраняющей энергию солнца и дарующей её человеку.

Анна Семирикова 5 класс

с.Тюльково Балахтинского района

Моя родина

Вот дорога.
Вот мой дом.
Вот рябина под окном.
Речки звон за огородом,
И берёзки — хороводом.
Ширь полей
И глушь лесная —
Вот она какая
Моя родина — смотри!
Бери краски и твори!

Бабочка

Я ступила на лужайку
осторожно ножкой,
Шаг, другой, а следом третий,
Подожду немножко…
Там, росою умываясь,
С солнышком играя,
Бабочка, расправив крылья,
Весело порхает.
Я не буду торопиться.
Дам водичкой ей умыться.
Постою — понаблюдаю,
С солнцем тоже поиграю.
А потом я вместе с нею
Полечу — я знаю.

Болтушки

На скамейке мы сидим
И болтаем ножками.
Поболтали бы, конечно,
О Толе, о Серёжке мы.
Но не хочется сейчас
На вести о них рассказ.
И, болтая ножками,
Скучаем под окошком мы.

Анастасия Андреева 6 класс

п. Шушенское

Насыпала в ладошку осень
Нам горстку золотых горошин.
Ещё нам осень посылает
Дождей цепочку золотых,
Но тут зима-красавица
Пришла с метелью, с вьюгой
И попрощалась с осенью,
Лучшею подругой…

Юлия Сергеева 10 класс

с. Субботино Шушенского района

В жёлтых подсолнухах
Сделаю фото
И заведу у себя бегемота.
Буду кормить его,
Холить, лелеять,
Буду гулять с ним
Зимой и весной.
И следующей осенью,
Скажем, в апреле,
Я познакомлю его
С тобой!!!

Светлана Сиднева 11 класс

д. Елизаветовка Нижне-Ингашского района.

Мир прекрасен, пока мы живём

Мы — лесные, степные, болотные,
Ваших сказок герои — животные.
Мы летаем, шагаем, плывём,
Вместе с вами в России живём.

Мы свободные, мы благородные,
Ваших песен герои — животные.
Мы рычим, и мычим, и поём.
Вместе с вами в России живём.

Мы смешные, на вид беззаботные,
Ваших цирков артисты — животные.
Вашим детям веселье несём.
Вместе с вами в России живём.

Книги Красные, книги почётные.
Исчезают с планеты животные.
От людей мы спасения ждём.
Мир прекрасен, пока мы живём!

Илья Буков 11 класс

п. Шушенское

По поводу музыки…

Что такое музыка? Вопрос этот не так прост, как могло бы показаться, и нельзя ответить на него однозначно. Можно дать ёмкий и, главное, точный ответ на вопрос, вроде «что такое стол (телевизор, собака домашняя, электромагнитная индукция)?». А вот с музыкой этого не получится по той простой причине, что её нельзя потрогать, увидеть, понюхать, можно лишь слушать. Но слушать не значит *слышать*. Это дано лишь немногим. Любой может взять и прочитать труды Ницше, но полностью поймут их только единицы, те, кто по своему духовному развитию намного превосходят толпу обывателей. Похожая ситуация и с пониманием музыки.

Современное серое и безликое общество низвело музыку до позорного положения развлекательного и ничего, по сути своей, не значащего фона, звучащего из мобильных телефонов и на дискотеках. Я смотрю на своих сверстников и просто не понимаю их: они искренне считают, что до Майкла Джексона и Мадонны музыки просто не существовало, а «Фактор-2» — это верх гениаль-

ности. Но самое страшное заключается в том, что средства массовой информации всячески убеждают их в этом, навязывают новых, искусственно выращенных кумиров.

Творчество превратилось в бизнес. Теперь, чтобы попасть на телевидение, не нужно хорошо петь, нужно, чтобы в тебя вложили большие деньги. Реклама превыше таланта, и с этим ничего не поделаешь. Но кому-то этого, по-видимому, было мало, и музыкой стали называть то, что ею совсем не является. Появились такие направления, как рэп, альтернатива — примитивные, убогие, ничтожные и в то же время наглые и крикливые, в общем, именно то, что нужно было умственно отсталой массе, отупевшей от MTV и «Дома-2». СМИ, не задумываясь, окрестили это «музыкой нового поколения», модной и молодёжной. Так родились новые кумиры, точнее, лжекумиры, о которых забывают уже через пару лет после их ухода со сцены.

Впрочем, я немного отошёл от темы. Так называемая «современная музыка» не стоит того, чтобы уделять ей столько внимания, хотя она и вызывает серьёзные опасения за духовное здоровье молодого поколения. Всё-таки пришло время отвечать на главный вопрос.

Итак, что же такое музыка? С этим вопросом я семь лет назад пришёл в музыкальную школу. Ответ получил, но легче от него мне не стало. Оказалось, что музыка — это сочетание интервалов и длительностей нот, набор созвучий, расположенных в нужном порядке, Любое, самое прекрасное, произведение можно разложить на составляющие его компоненты, и вся магия исчезнет. Как картины состоят из мазков, так музыка — из нот, но велик композитор, сумевший с их помощью передать нам, слушателям, свои мысли и чувства, настоящие, непритворные, которые легко можно отличить от фальши. А чтобы донести до людей свои эмоции, уровень восприятия и понимания творца должен намного превосходить обыденность. Вот, как мне кажется, наиболее близкий к истине ответ: настоящая музыка — это разговор разума одного человека с разумом другого, общение композитора и слушателя на духовном уровне. Это, в идеале, и есть главная цель любого вида искусства.

По-настоящему хорошая музыка не умерла в середине XX века: на смену классике пришла рок-музыка, превращённая стараниями The Beatles из развлечения в серьёзное искусство. Воистину, 60–70-е годы были временем расцвета настоящего искусства, когда бешеная ритмика джаза и рок-н-ролла, соединившись с мелодизмом симфонической музыки, породила на свет неслыханные доселе звуки, прекрасные и захватывающие дух. Эта эпоха дала нам таких гениальных творцов, как The Beatles, Pink Floyd, Genesis, Yes, Led Zeppelin, произведения которых наполнены такими эмоциями и новаторскими мыслями, что без восхищения слушать их просто нельзя. Музыка в те годы создавалась практически одной молодёжью, умной, интеллигентной, всей душой жаждущей перемен. Это было уникальное время, когда миллионы людей брали в руки гитары и верили, что этим они могут изменить мир к лучшему. Больше такого история не знала.

Но всякий всплеск ведёт за собой спад. После агонии 80-х рок-музыка, этот последний оплот хорошего вкуса, была убита, думаю, всем известной группой Nirvana в 1991-году. В тот роковой год падения социализма эти музыканты превратили искусство в бизнес, высоко подняв флаг так называемого «нового поколения». Пути назад не было, и ярким доказательством этого стало самоубийство лидера Nirvana Курта Кобейна, тут же возведённого в сан святых.

Печальный итог — в конце XX века наступил полный кризис искусства не только музыкального, но всего в целом, не возникло ни одной новой стоящей идеи. И вот уже на протяжении полутора десятков лет убогие представители поп-культуры и жалкие копии старых рок-команд успешно внушают массам, что по-другому и быть не может. Я-то знаю, что может.

Конечно, сейчас есть талантливые музыканты, как были они и во все времена, вот только занимаются они повторением старого, исчезла какая-то неуловимая искра, рождавшая в душах творцов новые звуки.

Быть может, музыкальное искусство исчерпало себя? Вряд ли, скорее всего, это люди зачерствели душой и во всём идут на поводу у общественного мнения. И это уже вопрос идеологический, а не культурный.

А что же делать тем, кто желает приобщиться к искусству в наши дни? Слушать старые записи и всей душой верить в то, что настанут более светлые времена. Не такие, конечно, какими были 60–70-е, ведь, согласно пословице, в одну реку дважды не войти, но другие, такие, о которых мы пока можем только мечтать. Мы ведь помним, что за упадком последует расцвет. Главное, чтобы Человек не деградировал.

Елизавета Гаврилюк 8 класс
п. Шушенское

Вот это было лето!

Или как привить педагогический иммунитет молодым вожатым.

Всем известно, что вместе с высшим педагогическим образованием в головах у молодых педагогов поселяется вредоносный вирус, который начисто стирает память об их собственном беззаботном детстве.

Чтобы восстановить вожатым память и привить педагогический иммунитет к «невинным» детским шалостям, нам (мне и моим товарищам по отряду) пришлось немало потрудиться…

Для начала мы решили проверить: умеет ли наш Николай Николаевич будить детей и отправлять их на зарядку.

Услышав команду «подъём», никто даже ухом не повёл.

Что тут началось! Вожатый отбирал у нас подушки, сбрасывал нас с кроватей, но мы стойко отстаивали свои позиции до последней капли сна. И когда победа была близка, Ник Ник применил запрещённый приём — «бульбулятор». Что это

такое? Принятие с утра холодного душа в собственной кровати. После этого у всех надолго пропало желание не вставать по утрам.

С честью выдержав первое испытание, наш вожатый приободрился и, вероятно, решил, что отныне трудностей в воспитании детей у него не возникнет. Но слегка присмиревшие детки смотрели на своего обожаемого вожатого невинными глазками, в которых где-то очень глубоко черти устроили шабаш.

Очередное испытание не заставило себя долго ждать.

Вечером в отряде появилось привидение. Соорудив конструкцию из нитки и картошки, мы прицепили её над окном вожатого. Заняв боевую позицию, дёргая за верёвку, мы не без интереса наблюдали, как наш испытуемый сначала с недоумением, потом с любопытством, а затем с угрозами выглядывает в окно. Заподозрив своих замечательных деток в очередной проделке, Николай Николаевич пошёл проверять комнаты. С хохотом, визгом и криком вся честная компания кинулась по кубрикам, чем с головой выдала себя.

На следующее утро наш вожатый имел довольно потрёпанный вид, но не стал читать нам нотации, чем вызвал у нас удивление.

День прошёл спокойно, а мы мучились догадкой о таинственном молчании Ник Ника.

Вечером в нас снова проснулось желание вывести наконец-то из себя нашего вожатого.

Один из самых отчаянных утащил у Николая Николаевича ключ от бытовой комнаты, а весь отряд с интересом наблюдал за развитием событий. Узнав о похищении ключа, Ник Ник со скоростью дикого мустанга, размахивая над головой скакалкой, как лассо, стал гоняться за нами, требуя вернуть ключи. Выловив нас в кубрике, вожатый отобрал-таки ключи. Главное, что он даже не стал кричать на нас, никому не сказал о случившемся, и этим он завоевал у нас огромное уважение.

Закончилась лагерная смена. Наш вожатый уезжал с привитым педагогическим иммунитетом, а мы — с умением быстро вставать по утрам, безропотно делать зарядку и с желанием опять вернуться в лагерь.

Мои любимцы

Знакомьтесь! Это мои замечательные животные: собачка — толстушка Ледька и грациозная, вечно сидящая на диете кошка Фрося.

Леди — забавное, милое существо, рыженькая, как солнышко. Её задорный хвостик — маячок радостно приветствует весь мир, а любопытный чёрный носик старается быть в курсе всех происходящих дел. Озорные карие глазки ищут новый объект для проказ.

Всем хороша Леди, но единственный её недостаток — очень любит поесть. В этом удовольствии она не откажет себе никогда. Есть может, пока не упадёт мордочкой в тарелку.

А Фрося совсем иная. Она лёгкая, почти невесомая, похожа на пушистое облачко. Её серебристая шёрстка сияет на солнышке.

Фрося очень самостоятельное животное. Она сама решает, что ей делать, и как истинная кошка всегда гуляет сама по себе.

Несмотря на то, что мои любимцы разные, они большие друзья.

Сегодня утром наши с виду примерные «дамы» устроили игру: «Кто разбудит хозяйку Лизу». Выиграла Леди. Она стащила с меня одеяло, мигом облизала лицо, при этом возмущалась, что я не встаю. Фрося же тем временем делала мне массаж своими острыми коготками.

Умываемся мы все вместе. Когда я чищу зубы, Леди подходит, забирается в ванну и просит, чтоб ей навели марафет. Фрося садится на полку, опускает вниз лапку и ждёт, пока вода польётся из крана. Намочив лапу, умывает ею себя.

После ванной мои злоключения продолжаются. Фрося скидывает пенал и загоняет его в угол, Ледька прячет кроссовку. Произведя тщательные раскопки, я кое-как собираюсь в школу.

Пока хозяйки нет дома, мои любимцы шалят.

— С чего начнём?

— О чём же пишут в газетах?

— Фрося, ты не могла бы мне подать одну?

— Конечно, держи!

— Так, что там пишут?

— Сейчас посмотрим…

Приходишь домой, а тебя подружки встречают. Хорошо-то как!

Глянешь вокруг и видишь — постарались твои любимцы на славу!

Газеты все «перечитаны», лежат разорванные и ждут, пока их уберут.

Примешься наконец-то за уроки, откроешь учебник с тетрадью — сразу к тебе помощники прибегут! Фрося угнездится на тетради, а Леди тем временем своими острыми зубками пытается изменить дизайн стула. Приходится преподать девочкам урок хороших манер.

Но они не очень огорчаются. Леди идёт на кухню, утешать себя кусочком конфетки, а Фрося — на «рыбалку» в аквариуме.

Завтра всё повторится сначала: утренняя побудка Лизы, умывание, выполнение домашних заданий, ожидание хозяйки и урок хороших манер.

Виктория Титова 5 класс
г. Назарово

Весенние наброски

Лопнуло терпение!
Пенье ручейков,
Первых листьев пение,
Пение без слов.
Птиц весенних пение.
Нет, нельзя терпеть!
Лопнуло терпение,
Сама хочу запеть!

Холодная и мокрая лягуха,
Широкий рот, прожорливое брюхо.
Она сидит постыдно, некрасиво
И квакает, надутая, смешливо.
Вы, лицемеры, ей во всём подобны.
Вы также холодны, заносчивы и злобны.
И рот у вас, как у неё, широк.
Вы отвергаете добро и славите порок.

Улангерек Шинавова 4 класс
г. Норильск

Весна

Встречает рассвет наступившей весны
Запах проснувшейся старой сосны.
Журчанье ручья под сугробами слышится.
Под солнцем тумана завеса колышется.
А капля на стебле замёрзшей травинки,
Словно упавшая с неба росинка!
И громко о чём-то о грустном своём
Плачет сосулька под нашим окном.

Лето

Прилетела сорока с вестью,
Соловей заструился песней.
Травка склонилась под ветерком,
Любуется шмель прекрасным цветком.
А за лентой тумана где-то
Пробежало и спряталось лето.
Кукушка на ветке кукует,
Она по лету тоскует,
А лето бежит без оглядки,
Потому что играет с ней в прятки.

Анастасия Переберина 7 класс
г. Красноярск

Я пойму твою боль…

~

Я наблюдаю твой дебют,
Меня невольно в дрожь бросает.
Теперь ты знаешь: когда бьют —
Больней, чем если убивают.

~

Тихо падает снег
Белый, белый…
— Откуда тебя занесло? —
Спросит тихо, несмело
Стекло.
Снег так чист.
Он — осколок неба.
Для стекла
Лучше нет награды.
Оно знает — есть места
Хуже ада.

~

…Я останусь на вечной заре
Одинокую ночь утешать.
Я скажу ей, что зимней поре
Глупо летнее сердце читать.

~

Кому — небо? Кому — земля?
Покупайте, пока ещё есть.
Тридцатое февраля,
На часах — двадцать пять сорок шесть.
Хоть слёзы из глаз грубой тропкой,
Смеёшься ты, наконец!
Как можно так тихо и робко!
Какой из него продавец?!
О! ты бы видела местных,
Идёшь по делам — тут как тут.
Хочешь — не хочешь, известно:
Какой-нибудь бред продадут!
Но ты меня больше не слушаешь,
Куда тебя сердце несёт!
«Конечно! Мне, знаете, нужно…
Покажите, пожалуйста, всё!»
«У меня двадцать шесть ноль одна.
Ой, а у вас отстают!
Вы из-за этого плачете, да?..
Всего ведь пятнадцать минут!»
Кому — небо, кому — только страх.
У кого-то — боль и вина.
Но теперь на её часах —
Двадцать шесть…
Двадцать шесть ноль одна.

Элла Лебедева 9 класс
ст. Тинская

Три свечи

Три свечи отражаются в зеркале.
Пламя ровно и ярко горит.
Три свечи отражаются в зеркале.
Только сердце моё не болит.
Три свечи отражаются в зеркале.
Плавясь, воск застывает слезой.
Три свечи отражаются в зеркале,
И я вижу в нём образ родной.
Три свечи отражаются в зеркале.
Удлиняются тени вокруг.
Три свечи отражаются в зеркале,
Больше ты не приходишь, мой друг.
Три свечи отражаются в зеркале.
За окном льёт осенний дождь.
Три свечи отражаются в зеркале.
Но надеюсь — вдруг ты придёшь.
Три свечи отражаются в зеркале.
Этой ночью мне не до сна.
Три свечи отражаются в зеркале.
Ты ушёл. Я осталась одна…

Содержание

Рукописи принимаются по адресу:
66 00 28, Красноярск, а/я 11 937,
редакция журнала «День и Ночь».

Желателен диск с набором, фотография, краткие биографические сведения.
e-mail: din_krsk@mail.ru

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «День и ночь» обязательна.

Для приобретения номера и размещения рекламы социальной направленности обращайтесь в отдел маркетинга и распространения журнала «День и Ночь»: т. 8 903 988 47 64
e-mail: kras_spr@mail.ru

Интернет-версия журнала www.krasdin.ru поддерживается ООО «КИТ»

ООО «Редакция литературного журнала «День и Ночь».

ИНН
246 304 27 49
Расчётный счёт
407 028 105 006 000 001 86
в Красноярском филиале «Банка Москвы»
в г. Красноярске.
БИК
040 407 967
Корреспондентский счёт
301 018 100 000 000 967

Адрес редакции:
ул. Ладо Кецховели, д. 75а,
офис «ДиН»
Телефон редакции:
(3912) 243 06 38

Компьютерная вёрстка:
Олег Наумов

Сдано в набор: 20.08.2008
Подписано к печати: 17.09.2008
Объём: 26.46
Тираж: 1500 экз.

Отпечатано с готового оригинала в типографии ООО ИПЦ «КАСС»
Адрес: 66 00 48, г. Красноярск, ул. Маерчака, д. 65, стр. 23

Литературные встречи в Сибирском федеральном университете

8 **Из новых рассказов…** Эдуард Русаков
20 **Сердце сияет** Эльдар Ахадов
21 **Где музыка жила…** Марина Саввиных

ДиН публицистика

24 **Мысль живёт внутрь себя** Владимир Монахов
41 **О повести-сказке «Мерзлотка»** Ульяна Лазаревская

ДиН роман

47 **За гранью риска** Владлен Грабузов

ДиН стихи

124 **Бостонский блюз** Александр Габриэль
126 **Чужая жизнь моя** Вадим Керамов
127 **Не спать, не скучать, улетать…** Мария Воногова
128 **А Россия была Америкой** Михаил Этельзон
130 **Я так и хотела…** Екатерина Шкабарова
131 **Как на ладони** Валентина Зикеева
194 **Птицы и город** Ольга Кузьмичёва-Дробышевская
204 **Перьев изгрыз я немало** Александр Щербаков
206 **Улетевшему птенцу** Дмитрий Кадочников
208 **Я жду** Наталья Антоненко
209 **У пустого места** Расуль Ягудин

ДиН проза

133 **Суки-буги-дэнс** Роман Мамонтов
162 **Фото на развалинах** Светлана и Николай Пономарёвы
195 **Артель** Любовь Скорик

ДиН дебют

212 **Винтики, колёсики, пружинки** Сергей Ермолаев
216 **Записки о несбывшемся путешествии…** Анна Дашко
219 **По улицам** Наталья Попова
221 **Знаю, прощаю…** Жанна Сартр

Библиотека современного рассказа

222 **Слишком крупные бабочки** Людмила Бондаренко
230 **Первая любовь** Роман Парфёнов
238 **Глаза** Иван Зорин

ДиН память

2 **Ода Красноярску** Роман Солнцев
3 **Надо мною ходит млечный путь…** Вениамин Зикунов
5 **Код безмерности** Владимир Нешумов
123 **Звенит печаль…** Павел Васильев
220 **Белая роза** Василий Фёдоров
245 **За то, что ты не знал границ…** Алексей Прасолов

ДиН дети

246 **Синяя тетрадь**